

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

7855302 5

*QCA
Moskvityanin

МОСКВИТЯНИНЪ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

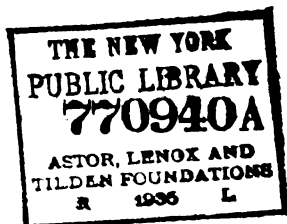
1854.

ТОМЪ II.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИЯХЪ: В. ГОТЬЕ И СТЕПАНОВОЙ.

1854.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Марта 1 дня, 1854 года.

Цензоръ *Дмитрій Рожевскій.*

NEW YORK
PUBLIC
LIBRARY

МОСКВИТЯНИНЪ.

1854.

№ 5.

МАРТЪ.

Кн. 1.

— 000 —

БЫЛЪ ВѢКЪ!...

Быль вѣкъ! Шелъ Западъ на Востокъ! —
Вѣкъ дивныхъ дѣлъ и громкой славы!
Съ крестомъ на персяхъ, кто лишь могъ
За гробъ святой шелъ въ путь кровавый.

Дворъ покидали короли,
Бароны — замокъ феодальной,
Забывъ турнировъ блескъ, текли
Всѣ рыцари на подвигъ дальней.

И думы не корысть влекла!
На смерть рвалися паладины!
Святая цѣль у всѣхъ была:
Освобожденъ Палестины.

Теперь пигмеевъ родъ! Иной
Продажный вѣкъ, — вѣкъ алчный злата!
И, пресмыкаясь предъ луной,
Христианивъ идетъ на брата!

Державный въ моръ Альбионъ,
Какъ палъ ты съ высоты глубоко!
Смѣнялъ ты совѣсть и законъ
На роль позорную Шиллока!

Не слышно клика Сень-День
Святаго Людовика въ станъ!
Торгуя вѣрой, въ наши дни
Французы стали музульмане!

PERL, JAN 21 1935

Что жь долго держить васъ Босфоръ?—
 Вамъ Черное открыто море!
 Туда, друзья! Рѣшимъ нашъ споръ!
 Нашъ споръ давнившій на просторъ!

Иль время бурь пугаетъ васъ?
 Иль страшно вамъ за пароходы?—
 Пожаръ Синопа не угасъ,
 Овъ освѣтитъ вамъ наши воды!

Не новъ въ бояхъ нашъ юный флотъ!
 Подъ Чесмой помнитъ исполина!
 И слава русская живетъ
 Въ разгромѣ грозномъ Наварина!

Что жь медлите?—Скорѣе въ путь!
 Казарскихъ встрѣтятъ ваши силы!
 Не сокрушите вамъ храбрыхъ грудь:
 Въ пучинахъ моря есть могилы!...

Съ надеждой въ Промысль, съ крестомъ
 На встрѣчу вамъ пойдемъ мы смѣло!
 Пусть много васъ,—въ бою сочтемъ!
 За насъ самъ Богъ и святость дѣла!

ОЗНОБЖЕНІЕ.

НѢКОЛЬКО СТИХОТВОРЕНІЙ ИЗЪ ЗЕЛЕНОЙ КНИГИ. (*)

Н Ъ С Н Я.

Гдѣ жь ты, жизнь?... Когда наставишь?...
 Торопись!... Смотри—я жду!...
 Ты сказала мнѣ: «приду!»
 Или ты меня обманеши?...

Загорится ль для меня
 Счастья жданиаго денница?...
 Или вѣкъ мнѣ небылицей
 Будетъ тайна бытія?...

(*) «Зеленая книга» была рукопись, подаренная авторомъ одной короткой приятельницѣ, содержавшая въ себѣ всѣ неизданныя мелкія стихотворенія, слишкомъ задушевныя для печати; послѣ десяти лѣтъ, по случаю смерти ея обладательницы, Зеленая книга теперь возвратилась опять въ руки автора.

Оглянусь, — другимъ раздолье!...
 Всѣ любили.... всѣ живутъ!...
 Мнѣ-ли только не дадутъ
 Въ общемъ счастья скромной доли?...
 Иль напрасно знать и жить
 Сердце просить, сердце рвется?
 Иль оно напрасно бьется,
 Или вѣкъ мнѣ не любить?...

ПРИМІИ КАМЕРНИЦА.

Дитя, — вопросами своими,
 Молю, мнѣ сердце не пытай!...
 Боюсь, что соблазвившись ими,
 Проговорюсь я невзначай....
 Боюсь, что для тебя нарушу
 Я тайну грустную свою, —
 Какъ въ-старину, — больную душу
 Передъ тобой въ слезахъ пролью....
 Нѣтъ! Нѣтъ! Я гордаго молчанья
 На вѣкъ дала благой обѣтъ...
 Не лучше-ль утаить страданья,
 Которымъ исцѣленья нѣтъ?...
 Не лучше-ль смѣло любопытныхъ
 И постороннихъ обмануть,
 Тоску и боль мученій скрытыхъ
 Запрятать въ ноющую грудь?...
 Не лучше-ли предстать на балѣ
 Съ улыбкой, въ полномъ торжествѣ,
 Чѣмъ жертвою прослыть печали,
 И на зубокъ попасть молвѣ?...
 Увидя раннее крушенье
 Своей надежды и мечты,
 Теперь, — умно искать забвенья
 Въ чаду и шумѣ суеты!...
 Для женщины съ умомъ и сердцемъ
 Онъ не опасенъ, свѣтъ большой!
 Она-ль откроетъ инновѣрцамъ
 Святилище души молодой?...

Она-ль найдеть въ толпѣ холодной
 Призыву страстному отвѣтъ?
 Или межъ молодёжью модной
 Для тайныхъ думъ своихъ предметъ?...
 Межъ старцевъ, въ обществѣ пристойномъ,
 Удастся-ль ей хоть пометать,
 И снамъ о счастья безпокойнымъ
 Пытливый умъ свой открывать?...
 Вънокъ душистый, балъ, уборы,
 О разныхъ вздорахъ болтовня,
 Да скучныхъ Чичизбеевъ взоры,—
 Знакъ ихъ нечистаго огня,—
 Всё это ей не искушенье!...
 Но вотъ что гибель для неё,—
 Въ дому пустомъ уединенье,—
 И безотрадное житье!...
 Вотъ что опасно ей:

 Да нескончаемая битва
 Съ мечтой и съ сердцемъ молодымъ....
 Да откровенное шептанье
 Съ подругой дѣтства, милой ей,
 О жизни робкое гаданье,
 И память дѣвичьихъ затѣй!...
 Такъ дай же, дай мнѣ позабыться,
 Въ замкнутомъ сердцѣ не читай!
 Хочу кружиться, веселиться,—
 О горь мнѣ не вспоминай!...
 Подъ хитрымъ словомъ у мушны
 Мысль часто въ рѣчи не видна,
 Чтобъ скрыть нѣмой тоски причины,
 Улыбка женщинъ дана!...

НАДЪВАНІЕ АЛБАНСКІЙ КОСТЮМЪ.

Нарядъ чужой, нарядъ восточный,
 Хоть ты бы счастье мнѣ принесть ...
 Меня отъ стужи полуночной
 Подъ солнцемъ юга перенесть!...

Подъ красной фескою Албани
 Когда-бъ забыть могла я вдругъ
 Балъ, свѣтскій шумъ, нѣвъ горожанки;
 Молву, и тѣсный жизни кругъ!...

Когда-бъ хоть на день, птичкой вольной,
 Свободной дочерью лѣсовъ,
 Могла-бы я дышать раздольно
 У Юнійскихъ береговъ!...

Разбивши цѣпь приличій скучныхъ,
 Поправъ у ногъ уставъ людей,—
 Пошла-бъ часовъ благополучныхъ
 Искать межъ гордыхъ дварей!...

Какъ знать?... Далѣко за горами
 Нашла-бъ я въ хижинѣ простой
 Друзей съ горячими сердцами,
 Привѣтъ радушный и родной?!

Нашла-бы счастья прамаго
 Удѣлъ, — незнаемый въ дворцахъ, —
 И Паллжара молодого
 Со страстью пламенной въ очахъ!...

НЕ ВѢРЮ ВАМЪ!...

И потому, что мнѣ они сказали:
 «Люблю тебя...»

И потому, что честию увѣрили,—
 Не вѣрю я!...

И потому, что расточали клятвы
 У ногъ моихъ, —

Я говорю: «Прочь, сатана.... Назадъ, вы,
 Сонмъ духовъ злыхъ!...»

Не вѣрю вамъ!... Вы намъ враги издавна!...

Насъ искушать,

Насъ обмануть и бросить, вамъ забавно;

Вы расточать

Умвѣте хвалу и лесть съ отравой;

Не вѣрю вамъ!...

Въ васъ сердца нѣтъ; вы хитры, вы лукавы,

Какъ демонъ самъ!...

Вы мстите намъ, съ досадою вспоминая,
 Что въ-старину
 Нашъ общій дѣлъ, Адамъ, лишился раи
 Черезъ жену....
 Что первый мужъ былъ первою женою
 Введенъ во грѣхъ....
 И любите вы страшною враждою
 Съ тѣхъ поръ насъ всѣхъ!...

Съ тѣхъ поръ война зажглася роковая
 Межъ насъ и васъ;
 И сладко вамъ губить, её лаская,
 Одну изъ насъ....
 Для васъ, мущинъ, отраденъ видъ страданья,
 Слезъ женскихъ видъ;
 Вамъ наша честь нужна на поруганье,—
 Вамъ милъ нашъ стыдъ!...

Я знаю васъ,—достаться вамъ въ игрушки
 Я не боюсь!...
 Напрасенъ трудъ,—въ коварныя ловушки
 Не попадусь!...
 И чистаго вамъ сердца для забавы
 Я не отдамъ!...
 Такъ ползете-жь и льстите и лгать!... Нѣтъ, право,
 Не вѣрю вамъ!...

НА ПРОЩАНЬЕ....

As we two parted....
 (Byron).

Вотъ видишь, мой другъ,—не напрасно
 Предчувствіямъ вѣрила я:
 Не даромъ такъ грустно, такъ страшно
 Душа тосковала моя!...
 Пришелъ онъ, день скучной разлуки....
 Обонхъ въ-распλοхъ насъ засталъ,
 Другъ другу холодныя руки
 Пожать намъ, прощанья, не далъ...

Нѣмая души сожалѣнья
 Глубоко въ груди затян,
 О скоромъ твоёмъ удаленьи
 Извѣстье прослушала я....
 И не было даже слезинки
 Въ моихъ опущенныхъ глазахъ....
 Я рвчь завела безъ записки
 О балахъ.... о всѣхъ пустыняхъ....
 А люди смотрѣли лукаво,
 Качали, смѣясь, головой;
 Завистливой, тайной отравы
 Былъ полонъ ихъ умыселъ злой.
 Пускай они радятъ и судятъ,
 Хотятъ насъ съ тобой разгадать!
 Не бойся! Меня не принудятъ
 Имъ сердце мое показать!....
 Я знаю, — они ужъ рѣшили
 Въ премудростьъ сужденнн своемъ,
 Что слишкомъ мы шлоко любили,
 И часто видались вдвоемъ....
 Я знаю, — они не поверятъ
 Сближенью двухъ чистыхъ сердецъ!...
 Вѣдь сами-жъ они лицемерятъ, —
 Имъ въ страсти однакъ лишь конецъ!
 И вотъ почему ихъ насмѣшки
 Позорятъ чужую любовь!
 Затѣмъ предъ нихъ грубой усмѣшкой
 Въ лице мнѣ бросается ирвь!...
 А мы-то, — мы помнимъ, мы знаемъ,
 Какъ чистъ былъ союзъ нашъ святой!...
 А мы о быломъ вспоминаемъ
 Безъ страха, — съ спокойной душой.
 Межъ нами такъ много созвучій!...
 Сочувствій насъ цѣпь обвила,
 И та-же мечта насъ въ мѣръ лучшей, —
 Въ мѣръ грѣзъ и чудесъ унесла.
 Въ поэзи, въ музыкѣ, оба
 Мы ищемъ отрады живой,

Душой близнецы мы.... Ахъ! что-бы
 Намъ встрѣтиться равнѣе съ тобой!...
 Но вѣтъ!... Никогда здѣсь на свѣтѣ
 Попарно сердцамъ не сойдтись!...
 Безумцы съ тобой мы.... мы дѣти,
 Что дружбой своей увлеклись!...
 Прощай!... Роковая разлука
 Настала.... О сердце мое!!...
 Поплатимся долгою мукой
 За краткое счастье свое!..

ГР. ИВНОМІЯ РОСТОПЧИНА.

НѢМЕЦКАЯ ПѢСНЯ 8-ГО СТОЛѢТІЯ

О ГИЛЬДЕБРАНТѢ И ГАДУБРАНТѢ.

Слышалъ я, какъ говорили,
 Что сошлись въ единоборствѣ,
 Межъ полями,
 Гильтибрагтъ и Гадгубрантъ, ⁽¹⁾
 Сынъ съ отцемъ. ⁽²⁾
 Изготовивши оружье,
 И убранства боевыя,
 И падѣвъ свои мечи,
 Къ бою вышли оба.
 Гильтибрагтъ заговорилъ, —
 Былъ онъ мужъ, душою смѣлый,
 Многоопытный и хитрый, —
 Такъ разспрашивать онъ сталъ:
 «Кто отецъ твой
 И откуда родомъ ты?
 Ты одно теперь мнѣ скажешь,
 Я подумаю другое!
 Ты еще ребенокъ малый
 Въ королевствѣ короля,
 А ужъ я на свѣтѣ пожилъ
 И народъ я знаю всякой!»
 Гадубрантъ ему на то,
 Гильтибрантовъ сынъ:
 «Вотъ что люди мнѣ сказали,

Люди умные, что были
 Въ-старину:
 Гильтибрантомъ назывался
 Мой отецъ, а я въ народъ
 Прозываюсь Гадубрантъ.
 На Востокъ онъ съ Теотригомъ ⁽³⁾
 И съ великою дружиной
 Убъжалъ, боясь Отахра, ⁽⁴⁾
 И жену въ дому оставилъ,
 И ребенка, —
 Мать и сына.
 Въ эту пору Деотригъ
 Гильтибранта потерялъ
 И безмѣрно сокрушался:
 Ибо всѣхъ иныхъ любезнѣй
 Былъ отецъ мой Деотрику:
 Передъ войскомъ
 Впереди всегда онъ шелъ
 И любилъ войну и бой,
 И въ народъ былъ прославленъ.
 Но теперь его ужъ нѣтъ!»
 Такъ сказалъ; и Гильтибрантъ:
 «Богъ порука, —
 Никогда не шелъ ты въ бой
 Съ человѣкомъ, столько близкимъ!»
 И съ руки своей онъ снялъ
 Перевитое плечье,
 Что изъ Кесаревыхъ денегъ
 Было сдѣлано искусно,
 И что далъ ему король,
 Гунновъ вождь:
 Вотъ возьми себѣ плечье,
 Съ радостью тебѣ даю!
 И сказалъ тутъ Гадубрантъ:
 «Въ лютой битвѣ мужъ отважный
 Пусть дарами овладѣетъ! —
 Супротивъ копы копы!»
 Вижу, старѣй,
 Что себѣ ты на умъ:

Подольщаешься рѣчами,
 Чтобъ копьемъ взривъ достать!
 Видно жидъ ты все обманомъ,
 Старый Гуть!

Люди мнѣ давно сказали
 Корабальныя, что ходятъ
 Черезъ море на Востокъ:
 Умеръ славный Гильтибрантъ,
 Герибрантовъ сынъ!»

И на это Гильтибрантъ:
 «По твоимъ доспѣхамъ свѣтлымъ
 Вижу я, что твой король
 Тароватый и хорошій,
 И что изгнанъ не былъ ты
 И чужой земли не знаешь!
 Горе, горе, Боже правый!
 На чужбинѣ,

Шестьдесятъ я выжилъ зимъ,
 И стрѣлкою меня повсюду
 Посылали напередъ.

Для чего досель смерти
 Я въ бою не повстрѣчалъ?
 Никъ сынъ меня родимый
 Топоромъ въ бою изрубить,
 Иль плашии мечемъ ударить,
 Или я ему на смерть!
 Никъ можешь ты легко,
 Если сердцемъ ты отважешь,
 Въ бой идти

Съ гордымъ мужемъ и добычу
 Отъ него себѣ достать.
 Кто-же былъ-бы столько робогъ
 Изъ Восточныхъ,

Кто-бы вызова не принялъ
 И на бой-бы не пошелъ,
 Если такъ его желаешь!

Испытаемъ!
 Кто-то будетъ
 Послѣ битвы
 Похваляться

И добычей
 Овладесть!»
 И пустились оба разомъ,
 Свѣсивъ кошы,
 Чтò торчали на щитахъ.—
 Щитъ о щитъ ударилъ тѣсно,
 Край о край!
 Крѣпко бились,
 Ажно древки
 Стали малы....

Н. ВЕРГЪ.

Примѣчанія:

1) Завсь Гильдебрантъ — Гильтибрагтъ, также точно, какъ Гадубрантъ измѣняется послѣ въ Гадубрагтъ. Тамъ въ подлинникѣ, по чтенію Лахмана, въ книгѣ *Altdeutsches Lesebuch*, von W. Wackernagel, Basel. MDCCCXXXIX. Странно, какъ могъ *m* (*n*) измѣниться въ *z* (*h*). Я оставилъ однако чтеніе Лахмана безъ перемѣн.

2) Замѣчательное слово въ подлинникѣ, составленное изъ двухъ — *Sunufatarungos*, Sohn—Vater.

3) Теотригъ, — дальше Деотрихъ — известный Теодорикъ.

4) Отахъ — Оттокаръ.

Прилагаемъ подлинникъ этой пѣсни, по его оригинальности и рѣдкости изданія Вакернагеля. *Ред.*

D A S L I E D
 von Hildebrand und Hadubrand.

Ik gihôrta dhat seggen.
 dhat sih urhëttun
 ænôn muotin
 Hiltibraht enti Hadhubrant
 Untar herjun tuêm.
 sunufatarungôs
 iro saro rihtun,
 garutun sê irò gûdhamun,
 gurtun sih irò suert ana,
 helidôs, ubar hringâ,
 dò siê tô derò hiltju ritun.
 Hiltibraht gimahalta:
 her uas herôso man,
 ferahes frôtôro;
 her frâgên gistuont

fòhèm uuortum
 huer sìn fater uuàri
 fireò in folche....
 «eddo huedihhes cnuosles du sis.
 ibu du mi ænan sagès,
 ik mi dè òdrè uuèt,
 chind in chunineriche:
 chüd ist mi al irmindeot.»
 Hadubraht gimahalta,
 Hiltibrantes sunu,
 «dat sagèton mi
 úserè liuti,
 altè anti sròtè,
 deà er hina uuàrun,
 dat Hiltibrant hætti mìn fater:
 ih heittu Hadubrant.
 forn her óstar giweit,
 flòh her Otachres nid,
 hina miti Theotrihhe,
 enti snerò deganò filu.
 her furlaet in lante
 luttila sitten
 prút in bùre,
 barn unuuahsan,
 arbeolaosa:
 her raet óstar hina.
 sùl Dètribhe
 darbá gistuontun
 fateres mines.
 dat uuas só friuntlaos mau:
 her uuas Otachre
 ummet tiuri,
 deganò dechisto,
 unti Deotrichhe
 darbá gistòntun.
 her uuas èo folches at ente:
 imo uuas èo fehta ti leop;
 chüd was her.
 chònnèm mannum.

in uuânju ih iu lib habbê.
 «uu: ttu irmingot
 obana ab hevane
 dat du nêo dana balt
 dinc ni gileitôs
 mit sus sippan man.
 uuant her dô ar arme
 uuuntanê bougâ,
 cheisuringû gitân,
 sô imo sê der chuaing gap,
 Hânêo truhtin:
 «dat ih dir it nu bi haldi gibû.»
 Hadubraht gimâlta,
 Hiltibrantes sunu,
 «mit gêrû scal man
 geba infâhan,
 ort widar orte.
 du bist dir, altêr Hân,
 ummet spâhêr:
 spenis mih.
 mit dinê m uuortub, uulik mih
 dinû sperû uuerpan...
 pist alsô gialtet man,
 sô du êuuit sinuit fôrta.
 dat sagêtun mi
 sêolidantê
 uuestar ubar uuentilsêo,
 dat man uuiê furnama:
 têt ist Hiltibrant,
 Heribrantes suno.»
 Hiltibraht gimahalta,
 Heribrantes suno,
 «uuela gisihu ih
 in dinê m hrustim
 dat du habês hême
 hêrron gôten,
 dat du noh bi desemo riche
 reccheo ni uuurti...
 «uuelaga nu, uualtant got!

uuëuurt skihit.
 ih uuallöta sumarò
 eati uuintrò sebstic,
 dar man mih èo scerita
 in folc sceotanterò,
 so man mir at burc sengeru
 banun ni gifasta:
 nu scal mih suásat chind
 suertù hauuuan,
 bretón mit sinù billjù,
 eddo ih imo ti banin uuerdan.
 doh maht du nu aodlikho,
 ibu dir dtn ellen taoc,
 in sus hèremo man
 hrustì giuuinann,
 rauba birahanen
 ibu du dár ènic reht habès....
 «der si doh nu argòsto
 óstarliutò,
 der dir nu uniges uuanè,
 nu dih es só uuel lustit.
 gúdea gimeintm
 niusè dè mótti,
 huerdar sih derò hregilò
 hiutù hruomen muotti,
 erdo deserò brunnòné
 bèderò uualtan.»
 dò lættun sè ærist
 asckim scritan,
 scarpèn scûrim,
 dat in dèm sciltim stónt.
 do stóptun tò samane
 staimbortchludun,
 hevuuz harmlicco
 húttè scilti,
 unti im irò lintùn
 lutlilò uuurtun
 giuugan vi ti uuambnum

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ (*).

ПЕРЕСЛАНІЕ.

Тѣсно стало моему дѣдушкѣ жить въ Симбирской губерніи, въ родовой отчинѣ своей, жалованной предкамъ его отъ Царей московскихъ; тѣсно стало ему, не потому чтобъ въ самомъ дѣлѣ было тѣсно, чтобъ не доставало лѣсу, пашни, луговъ и другихъ угодьевъ;—всего находилось въ излишествѣ; а потому, что отчина, вполнѣ еще прадѣду его принадлежавшая, сдѣлалась разнопомѣстною. Событіе совершилось очень просто: три поколѣнія сряду въ роду его было по одному сыну и по нѣскольку дочерей; нѣкоторыя изъ нихъ выходили за мужъ, и въ приданое имъ отдавали часть крестьянъ и часть земли. Части ихъ были небольшія, но уже четверо чужихъ хозяевъ имѣли право на общее владѣніе не размежеванною землею—и дѣдушкѣ моему, нетерпѣливому, вспыльчивому, прямому и ненавидящему домашнія кляузы, сдѣлалась такая жизнь несносною. Съ нѣкотораго времени сталъ онъ часто слышать объ Уѣмскомъ намѣстничествѣ, о неизмѣримомъ пространствѣ земель, угодьяхъ, привольяхъ, неписанномъ изобилии дичи и рыбы и всѣхъ плодовъ земныхъ,

(*) Первая половина статьи была напечатана въ 1846 году, въ Московскомъ литературномъ и учебномъ сборникѣ. Здѣсь помѣщается она для необходимой связи съ послѣдующими отрывками изъ Семейной Хроники. С. А.

о легкомъ способѣ пріобрѣтать цѣлыя области за самыя ничтожныя деньги: носились слухи, что стоило только позвать къ себѣ въ гости десятокъ *родичей отчинниковъ* Картобынской или Кармалинской тюбы (*), дать имъ два-три жирныхъ барана, которыхъ они по-своему зарѣжутъ и приготовить, поставить ведро вина, да нѣсколько ведеръ крѣпкаго ставленаго башкирскаго меду, да лагунъ корчажнаго крестьянскаго яива, такъ и дѣло въ шляпѣ: неоспоримое доказательство, что Башкирцы были не строгіе Магометане и въ-старину. Говорили правда, что такое угощеніе продолжалось иногда недѣлю и двѣ: да съ Башкирцами и нельзя вдругъ толковать о дѣлѣ и надо всякой день спрашивать: «*А что знакомъ, добрый человекъ, давай говорить объ мой дѣла*» (**). Если гости, вѣшніе и пившіе буквально день и ночь, еще не вполне довольны угощеніемъ, не вполне напѣлись своихъ монотонныхъ пѣсень, наигрались на чебызгахъ (***), наплясались, стоя и присѣдая на одномъ мѣстѣ въ самыхъ карикатурныхъ положеніяхъ, то старшій изъ родичей, цоцелкавши языкомъ, покачавъ головой и не смотря въ лице спрашивающему, съ важностію скажетъ въ отвѣтъ: «*Пора не пришелъ — еще бараны тащи.*» Барана, разумеется, цритащатъ, вина, меду нальютъ, и вновь пьяные Башкирцы поютъ, пляшутъ и спятъ, гдѣ ни вопало.... Но всему въ мірѣ есть конецъ; придетъ день, въ который родичъ скажетъ, уже прямо смотря въ глаза спрашивающему: «*Ай бачка, спасибо, больно спасибо! Ну что, какой твой нужда?*» Тутъ, какъ водится, съ природною русскому человеку ловкостію и плутовствомъ, покупатель начнетъ увѣрять Башкирца, что нужды у него никакой нѣтъ, а слышался онъ, что Баш-

(*) Тюба—волость.

(**) Русскіе обитатели Оренбургской губерніи до сихъ поръ, говоря съ Башкирцами, стараются точно также ломать русскую рѣчь, какъ и сами Башкирцы.

(***) Чебызга—дудка, которую Башкирецъ беретъ въ ротъ какъ кларнетъ, и перебирая лады пальцами, играетъ на ней двойными тонами, такъ что мы слышите въ одно и то же время какихъ-то два разныхъ инструмента. Мнѣ сказывали музыканты, что чебызга чудное явленіе въ мірѣ духовыхъ инструментовъ.

кирцы больно добрые люди, а потому и прѣѣхалъ въ Уфимское намѣстничество, и захотѣлъ съ ними дружбу завести и проч. и проч.; потомъ рѣчь дойдетъ нечаянно до необъятнаго количества башкирскихъ земель, до неблагонадежности припущенниковъ (*), которые годъ другой заплатятъ деньги, а тамъ и платитъ перестанутъ, да и останутся даромъ жить на ихъ земляхъ, какъ настоящіе хозяева; а тамъ и согнать ихъ не смѣешь и надо съ ними судиться; — за такими рѣчами (сбывшимися съ поразительной точностью) послѣдуетъ обязательное предложеніе избавить добрыхъ Башкирцевъ отъ нѣкоторой части обременяющихъ ихъ земель.... и за самую ничтожную сумму покупаются цѣлыя области и заключаютъ договоръ судебнымъ порядкомъ, въ которомъ, разумѣется, нѣтъ и быть не можетъ количества земли: ибо кто же ее ириль? Обыкновенно границы обозначаются урочищами, напр. вотъ такъ: «отъ устья рѣчки Конлы-елга до сухой березы на волчьей тропѣ, а отъ сухой березы прямо на общій сырть, а отъ общаго сырта до лисьихъ норъ, отъ лисьихъ норъ до Солтамраткиной борти и пр.» И въ такихъ точныхъ и неизмѣнныхъ межахъ и урочищахъ заключалось иногда десять, двадцать и тридцать тысячъ десятинъ земли! И за все это платилось какихъ-нибудь сто рублей (разумѣется цѣлковыми), да на сто рублей подарками, не считая частыхъ угощеній. — Полюбились дѣдушкѣ моему такіе рассказы, и хотя онъ былъ человекъ самой строгой справедливости, и ему не нравилось надуванье добродушныхъ Башкирцевъ; но онъ рассудилъ, что не дѣло дурно, а способъ его исполненія, и что поступя честно, можно купить

(*) Припущенниками называются тѣ, которые за известную ежегодную или единовременную плату, по заключенному договору на известное число лѣтъ, живутъ на башкирскихъ земляхъ. Почти ни одна деревня припущенниковъ, по окончаніи договорнаго срока, не оставила земель башкирскихъ; изъ этого завелась соція даль, которая обыкновенно оканчивается тѣмъ, что припущенники остаются на мѣстахъ своего жителства съ наръзкой имъ пятнадцатидесятиной пропорціи на каждую ревизскую душу по пятой ревизіи.... и вотъ какъ перешло огромное количество земель Оренбургской губерніи въ собственность Татаръ, Мещеряковъ, Чувашь, Мордвы и другихъ казенныхъ поселаявъ.

обширную землю за сходную плату; что можно перевести туда часть родовых своих крестьянъ и переѣхать самому съ семействомъ, то-есть достигнуть главной цѣли своего намѣренія: ибо съ нѣкотораго времени до того надѣли ему безпрестанныя ссоры съ мелкопомѣстными своими родственниками за общее владѣніе землей, что бросить свое родимое пепелище, гнѣздо своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, сдѣлалось любимою его мыслью, единственнымъ путемъ къ спокойной жизни, которую онъ, человекъ уже не молодой, предпочиталъ всему.

И такъ, накопивши нѣсколько тысячъ рублей, простившись съ своею супругою, которую звалъ Аришей, когда былъ веселъ, и Ариной, когда бывалъ сердитъ; поцѣловавъ и благословивъ четырехъ малолѣтнихъ дочерей и особенно новорожденного сына, единственную отрасль и надежду стариннаго дворянскаго своего дома, ибо дочерей считалъ онъ ни за что: *«что въ нихъ проку! въдь онъ глядятъ не въ домъ, а изъ дому. Сегодня Багровы, а завтра Шлыгины, Малыгины, Поповы, Колпаковы. Одна моя надежда—Тимовой....* сказалъ на прощанье мой дѣдушка и отправился за Волгу въ Уфимское намѣстничество.

Но не сказать ли вамъ напередъ, что за человекъ былъ мой дѣдушка.

Степанъ Михайловичъ, такъ звали его, былъ не только средняго, а даже небольшого роста; но высокая грудь, необыкновенно широкія плечи, жилистыя руки, каменное, мускулистое тѣло, обличали въ немъ силача. Въ разгульной юности, въ молодецкихъ потѣхахъ, кучу военныхъ товарищей, на него нацѣплявшихся, страхивалъ онъ, какъ брызги воды страхиваетъ съ себя коренастый дубъ послѣ дождя, когда его покачнеть вѣтеръ. Правильныя черты лица, прекрасныя большіе темноглубые глаза, легко загаравшіеся гнѣвомъ, но тихіе и кроткіе въ часы душевнаго спокойствія, густыя брови, пріятный ротъ, все это вмѣстѣ придавало самое открытое и честное выраженіе его лицу; волосы у него были русые. Не было человека, кто бы ему не вѣрилъ; его слово, его обѣщаніе было крѣпче и святѣ всякихъ духовныхъ и гражданскихъ актовъ. Природный умъ его былъ здравъ

и свѣтель. Разумѣется, при общемъ невѣжествѣ тогдашнихъ помѣщиковъ и онъ не получилъ никакого образованія, русскую грамоту зналъ плохо; но служба въ полку, еще до офицерскаго чина выучился онъ первымъ правиламъ ариѳметики и выкладки на счетахъ, о чемъ любилъ говорить даже въ старости. Вѣроятно онъ служилъ не очень долго, ибо вышелъ въ отставку какимъ-то полковымъ квартирмейстеромъ. Впрочемъ тогда дворяне долго служили въ солдатскомъ и унтер-офицерскомъ званіяхъ, если не проходили ихъ въ колыбели, и не падали всѣмъ на голову изъ сержантовъ гвардіи капитанами въ армейскіе полки. О служебномъ поприщѣ Степана Михайловича я мало знаю; слышалъ только, что онъ бывалъ часто употребляемъ для поимки волжскихъ разбойниковъ, и что всегда оказывалъ благоразумную распорядительность и безумную храбрость; что разбойники знали его въ лице и боялись какъ огня. Вышедъ въ отставку, нѣскольکو лѣтъ жилъ онъ въ своемъ наслѣдственномъ селѣ Троицкомъ, Багрово то жъ, и сдѣлался отличнымъ хозяиномъ. Онъ не торчалъ день и ночь при крестьянскихъ работахъ, не стоялъ часовымъ при ссыпкѣ и отпускѣ хлѣба; смотрѣлъ рѣдко да мѣтко, какъ говорятъ Русскіе люди, и ужь прошу не прогнѣваться, если замѣчалъ что дурное, особенно обманъ, то уже не спускалъ никому. Дѣдушка, сообразно духу своего времени, рассуждалъ по своему: наказать виноватаго мужика тѣмъ, что отнять у него собственные дни,—значить вредить его благосостоянію, наказать денежнымъ взысканіемъ—тоже; разлучить съ семействомъ, отослать въ другую отчину, употребить въ тяжелую работу—тоже, и еще хуже, ибо отлучка отъ семейства—вѣсомѣнная порча; прибѣгнуть къ полиціи.... Боже помилуй, да это казалось такимъ срамомъ и стыдомъ, что вся деревня принялась бы выть по виноватомъ какъ по мертвомъ, а наказанный счелъ бы себя опозореннымъ, погибшимъ. Да и надобно сказать, что дѣдушка мой былъ строгъ только въ пылу гнѣва: прошелъ гнѣвъ, прошла и вина. Этимъ пользовались: иногда виноватый успѣвалъ спрятаться, и гроза проходила мимо. Скоро крестьяне его пришли въ такое положеніе, что было не на кого и не за что разсердиться.

Приведа въ порядокъ свое хозяйство, дѣдушка мой женился на А. В. Неклюдовой, небогатой дѣвицѣ, также изъ стариннаго дворянскаго дома. При этомъ случаѣ встаетъ объяснить, что древность дворянскаго происхожденія была конькомъ моего дѣдушки, и хотя у него было 180 душъ крестьянъ, но проиавода свой родъ, Богъ знаетъ по какимъ документамъ, отъ какого-то варяжскаго князя, онъ ставилъ свое семисотъ-лѣтнее дворянство выше всякаго богатства и чиновъ. Онъ не женился на одной весьма богатой и прекрасной невѣстѣ, которая ему очень нравилась, единственно потому, что прадѣдушка ея, за сто лѣтъ предъ тѣмъ, былъ простой казакъ.

И такъ вотъ каковъ былъ Степанъ Михайловичъ; теперь возвратимся къ прерванному разсказу.

Переправившись черезъ Волгу подъ Симбирскомъ, дѣдушка перебилъ поперегъ степную ея сторону, называемую луговою, и перѣхалъ Черемшанъ, Кандурчу, чрезъ Красное поселеніе, слободу селившихся тогда отставныхъ солдатъ, прѣхалъ въ Сергіевскъ, стоящій на горѣ, при впаденіи рѣки Сургута въ *Большой Сохъ*. Сергіевскъ, нынѣ заштатный городъ, давній свое имя находящимся въ 12 верстахъ отъ него сѣрными источниками, извѣстнымъ подъ названіемъ *Сергіевскихъ сѣрныхъ водъ*. Чѣмъ дальше углублялся дѣдушка въ Уфимское намѣстничество, тѣмъ привольнѣе, изобильнѣе становились мѣста. Наконецъ въ Бугурусланскомъ уѣздѣ, около Обдуловскаго казеннаго виннаго завода, показались лѣса. Въ уѣздномъ городѣ Бугурусланѣ, расположенномъ по высокой горѣ, надъ рѣкою *Большой Кинель*, про которую долго пѣвалась пѣсня:

Кинель рѣка
Не быстра, глубока,
Только тиниста....

въ Бугурусланѣ остановился Степанъ Михайловичъ, чтобъ поразспросить и поразузнать поближе о продающихся земляхъ. Въ этомъ уѣздѣ уже мало оставалось земель, принадлежавшихъ Башкирцамъ: всѣ заселялись, или казенными крестьянами, которымъ правительство успѣло раздать земли, описанныя въ казну за

Мясевскій бунтъ, прежде всеобщаго прощенья и возвращенія земель отчинникамъ-Башкирцамъ; или были уже заселены ихъ собственными припущенниками; или куплены разными помѣщиками. Изъ Бугуруслана дѣдушка дѣлалъ поѣздки въ Бугульминской, Барской и Мензелинской уѣзды (изъ нѣкоторыхъ частей двухъ послѣднихъ составленъ нынѣ новый Белебеевской уѣздъ); побывалъ онъ на прекрасныхъ берегахъ Ика и Деми. Мѣста очаровательныя! И въ старости Степанъ Михайловичъ съ восторгомъ вспоминалъ о первомъ впечатлѣнн, произведенномъ на него изобильными, плодоносными окрестностями этихъ рѣкъ; но онъ не поддавался обольщенію, — и узнавъ покороче на мѣстѣ, что покупка башкирскихъ земель неминуемо поведетъ за собою безконечные споры и тяжбы: ибо хозяева сами хорошенько не знали правъ своихъ и числа настоящихъ отчинниковъ, — дѣдушка мой, неавидящій и боявшійся, какъ язвы, слова тяжба, рѣшился купить землю, прежде купленную другимъ владѣльцемъ, *справленную и отпущенную за него судебнымъ порядкомъ*, предполагая, что тутъ уже не можетъ быть никакого спора. Казалось, что сужденіе его было справедливо, но на дѣлѣ вышло совсѣмъ другое, и меньшой внукъ его, уже будучи 40 лѣтъ, покончилъ послѣдній споръ. Съ сожалѣніемъ воротился съ береговъ Ика и Деми, дѣдушка мой, въ Бугурусланъ, и въ 25 верстахъ отъ него купилъ землю у помѣщицы Грязевой по рѣкѣ *Большой Бугурусланъ*, быстрой, глубокой и многоводной. На сорокъ верстъ протяженія, отъ города Бугуруслана до казеннаго селенія *Красный Яръ*, оба берега его были не заселены; что за угодые, что за приволье было тогда на этихъ берегахъ! Вода такая чистая, что даже въ омутахъ, сажени въ двѣ глубиною, можно было видѣть на днѣ брошенную мѣдную денежку! Мѣстами росла густая урема (*) изъ березы, осины, рябины, калины, черемухи и черноталу, вся переплетенная зелеными гирляндами хмѣля, и обвѣшенная палевыми кистями его шишекъ; мѣстами одна тучная высокая трава съ безчисленнымъ множествомъ цвѣтовъ, надъ

(*) Уремой называется лѣсъ и кусты, растущіе около рѣкъ.

которыми возносили верхи свои душистая кашка, татарское мыло (боярская спѣсь), скорлазубецъ (царскіе кудри) и кошечья трава (валеріана). — Бугурусланъ течетъ по долинь; по обѣимъ сторонамъ его тянутся, то тѣснясь, то отступая, отлогія, а иногда и крутыя горы; по скатамъ и отрогамъ ихъ изобильно росъ всякой черной лѣсъ; поднимаешься на гору, — тамъ равнина — не початая степь, черноземъ въ аршинъ глубиною. По рѣкѣ и окружающимъ ее видѣ болотамъ, все породы утокъ и куликовъ, гуси, бекасы, дупели и курахтаны вили свои гнѣзда и разнообразнымъ крикомъ и пискомъ наполняли воздухъ; на горахъ же, сейчасъ превратившихся въ равнины, покрытыя тучною травою, воздухъ оглашался другими особенными свистами и головами; тамъ водилась во множествѣ вся степная птица; дрофы, журавли, стрепета, кроншнепы, куропатки и кречетки; по лѣсистымъ островамъ жила бездна тетеревовъ; рѣка кишѣла всеми породами рыбъ, которая могли сносить ея студеною воду: щуки, окуни, головли, язи, даже кутема и лохъ изобильно водились въ ней; всякаго звѣра и въ степяхъ и лѣсахъ было невѣроятное множество, словомъ сказать: это былъ — да и теперь есть — уголокъ обѣтованный. — Дѣдушка купилъ около пяти тысячъ десятинъ земли и заплатилъ такъ дорого, какъ никто тогда не плачивалъ, по полтинѣ за десятину. Двѣ тысячи пятьсотъ рублей въ то время была великая сумма. — Совершивъ купчую крѣпость и принявъ землю во владѣніе, то-есть справивъ и отказавъ ее за собою, весело воротился онъ въ Симбирскую губернію къ ожидавшему его семейству, и живо, горячо принялся за все приготовленія къ немедленному переселенію крестьянъ: дѣло очень хлопотливое и трудное, по довольно большому разстоянію; ибо отъ села Троицкаго до новокупленной земли было около четырехъ сотъ верстъ. Въ ту же осень двадцать тяголъ отправились въ Бугурусланской уѣздъ, взявъ съ собою сохи, бороны и сѣянной ржи; на любимыхъ мѣстахъ взодрали они дѣвственную почву, обработали двадцать десятинъ озимаго посѣву, то-есть переломали не пареный залогъ и посѣяли рожь подъ борону; потомъ подняли нови еще двадцать десятинъ для яроваго сѣва, поставили

нѣсколько избъ и воротились на зиму домой. Въ концѣ зимы другіе двадцать человекъ отравились туда же, и съ наступившею весною носили двадцать десятинъ ярового хлѣба, загородили плетнями дворы и хлѣвы, сбили глиняныя печи и опять воротились въ Сибирскую губернію; но это не были крестьяне, назначаемые къ переводу; тѣ оставались дома и готовились къ переходу на новыя мѣста: продавали лишній скотъ, хлѣбъ, дворы, избы, всякую лишнюю рухлядь. Наконецъ, въ половинѣ іюня, чтобы поспѣть къ Петрову дню, началу сѣнокоса, нагрузивъ телеги женами, дѣтьми, стариками и старухами, привязавъ ихъ согнутыми лубяными отъ дождя и солнца, нагромоздивъ необходимую домашнюю посуду, насажавъ дворовую птицу на верхи возовъ и привязавъ къ нимъ коровъ, потянулись въ путь бѣдные переселенцы, обливаясь горькими слезами, навсегда прощаясь съ старинною, съ церковью, въ которой крестились и вѣчались, и съ могилами дѣдовъ и отцовъ. Переселенію, тяжкое вездѣ, особенно противно русскому человеку; но переселяться тогда, въ неизвѣстную бусурманскую сторону, про которую, между хорошими, ходило много и недобрыхъ слуховъ, гдѣ по отдаленности церквей надо было и умирать безъ исповѣди и новорожденнымъ младенцамъ долго оставаться не крещенными, казалось дѣломъ страшнымъ!... За ними оторвался и дѣдушка. Новоселившуюся деревню назвалъ *Знаменскимъ*, давъ обѣтъ со временемъ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, построить церковь во имя *Знаменія Божіа Матери*, празднуемаго 27 ноября, что и было исполнено уже его сыномъ. Но крестьяне, а за ними и всѣ окружные сосѣди назвали новую деревеньку *Новымъ Багровымъ*, по прозванію своего барина и въ память *Старому Багрову*, изъ котораго были переведены; даже и теперь одно послѣднее имя известно всѣмъ, а первое остается только въ дѣловыхъ актахъ: богатаго села *Знаменскаго* съ прекрасною каменною церковью и высокими господскими домами не знаетъ никто. Неусыпно и неослабно смотрѣлъ дѣдушка за крестьянскими и за господскими работами: во время убранья съ сѣнокосомъ, во время скалъ яровое и ржаное, и во время свезъ въ гумно. Урожай былъ

неспыханный, баснословный. Крестьяне ободрились. Къ ноябрю мѣсяцу у всѣхъ были построены избы, и даже посѣлъ небольшой господскій флигель. Разумется, дѣло не обошлось безъ вспоможенія сосѣдей, которме, не смотря на дальнее разстоянiе, охотно прiѣзжали на помочи новому разумному и ласковому помещику, — попить, поѣсть и съ звонкими пѣснями дружно поработать. Зимой дѣдушка отправился въ сибирскую деревню и перевезъ свое семейство. На слѣдующій годъ уже не такъ трудно было перевезти еще сорокъ душъ и объявити ихъ хозяйствомъ. Первымъ дѣломъ дѣдушки было въ этотъ же годъ построить мельницу; ибо молоть хлѣбъ надо было ѣздить верстъ за 40. И такъ, выбравъ заранѣе мѣсто, гдѣ вода была не глубока, дно крѣпко, а берега высоки и также крѣпки, съ обѣихъ сторонъ рѣки подвели къ ней плотину изъ хвороста и земли, какъ двѣ руки, готовые схватиться, а для большей прочности оплели ее плетнемъ изъ гибкой ивы; оставалось удерживать быструю и сильную воду и заставить ее напомять назначенное ей водоемище. Съ одной стороны, гдѣ берегъ казался пониже, заранѣе устроены были мельничныя амбары на два мукомольные постава съ толчеей. Всѣ снасти были готовы и даже связаны; на огромныя водяныя колеса черезъ деревянныя трубы кауза (*) должна была броситься рѣка, когда, прегражденная въ своемъ природномъ руслѣ, она наполнитъ широкую прудъ и станетъ выше кауза. Когда все уже было готово, и четыре дивныя дубовыя сваи крѣпко вколочены въ твердое, глинистое дно Бугуруслана, дѣдушка сдѣлалъ помочъ на два дня; сосѣди были приглашены съ лошадьми, телѣгами, лопатами, вилами и топорами. Въ первый день огромныя кучи хвороста изъ нарубленнаго мелкаго лѣса и кустовъ, копны соломы, навозу и сѣнѣго дерна, были нагромождены по обѣимъ сторонамъ Бугуруслана, до сихъ поръ вольно, неприкосновенно стремившаго свои воды. На другой день, на

(*) Каузомъ называется деревянный ящикъ, по которому вода бѣжитъ и падаетъ на колеса; около Москвы зовутъ его дворцы, а въ иныхъ мѣстахъ, скрынни.

восходѣ солнца, около ста человекъ собралось занимать заимку, то-есть запрудить рѣку. На всѣхъ лицахъ было что-то заботливое и торжественное; всѣ къ чему-то готовились; вся деревня почти не спала эту ночь. Дружно въ одно и то же мгновение, съ громкимъ крикомъ сдвинули въ рѣку съ обѣихъ береговъ кучи хвороста, сначала связаннаго пучками; много унесло быстрое теченіе воды, но много его, задержаннаго сваями, легло поперегъ рѣчнаго дна; связанные копны соломы съ камнями полетѣли туда же, за ними слѣдовалъ навозъ, земля; опять настилка хвороста, и опять солома и навозъ, и сверху всего толстые слои дерна. Когда все это, кое-какъ затопленное, стало выше поверхности воды, человекъ двадцать крестьянъ, дюжихъ и ловкихъ, вскочили на верхъ зачруды и начали утаптывать и уминать ее ногами. Все это производилось съ такою быстротою, съ такимъ общимъ рвеніемъ, безпрерывнымъ воплемъ, что всякой бы испугался, услышавъ его, еслибъ не зналъ причины. Но пугаться было некому: одни дикія степи и темныя лѣса на далекое пространство оглашались неистовыми криками сотни работниковъ, къ которымъ присоединалось множество голосовъ женскихъ и еще больше ребячьихъ: ибо все принимало участіе въ такомъ важномъ событіи, все суеилось, бѣгадо и кричало. Не скоро сладили съ упрямою рѣкой; долго она рвала и уносила хворостъ, солому, навозъ и дернъ; но наконецъ люди одолѣли, вода не могла пробиться болѣе, остановилась, какъ бы задумалась, завертѣлась, пошла назадъ, наполнила берега своего русла, затопила, перешла ихъ, стала разливаться по лугамъ, и къ вечеру уже образовался прудъ, или лучше сказать, всплыло озеро безъ береговъ, безъ зелени, травъ и кустовъ, на нихъ всегда растущихъ; кое-гдѣ торчали верхи затопленныхъ погибшихъ деревьевъ. На другой день затолкла толчея, замолола мельница—и мелеть и толчетъ до сихъ поръ....

ОРЕНБУРГСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

Боже мой, какъ, я думаю, была хороша тогда эта дикая, дѣвственная, роскошная природа!—Нѣтъ, ты уже не та теперь, не та, какую даже и я зналъ тебя—свѣжею, цвѣтущею, неизмѣтою отъсюду набѣжавшимъ разнороднымъ народонаселеніемъ! Ты не та, но все еще прекрасна, также обширна, плодоносна и безконечно разнообразна Оренбургская губернія!... Дико звучать два эти послѣднія слова! Богъ знаетъ, какъ и откуда зашелъ тутъ *бургъ!*... Но я зналъ тебя, благословенный край, еще Уфимскимъ намѣстничествомъ!

Чудесный край, благословенный,
Хранилище земныхъ богатствъ,
Не вѣчно будешь ты забвенный,
Служить для настырей и пастей!
И люди набьгутъ толпами,
Твое приволье полюбя,
И не узнаешь ты себя
Подъ ихъ нечистыми руками!
Помнуть луга, порубать лѣсъ,
Взмутятъ въ водахъ лазурь небесъ!

И горы соляныхъ кристалловъ
По тузлукамъ твоимъ найдутъ,
И руды дорогихъ металловъ
Изъ вѣдръ глубокихъ извлекутъ!
И тукъ земли неистощенный
Всосутъ чужія сѣмена,
Чужія снимутъ племена
Ихъ плодъ сторицей возвращенный!
И въ глубь лѣсовъ и въ даль степей
Разгонять дорогихъ звѣрей!

Такъ говорилъ о тебѣ, лѣтъ 25 тому назадъ, одинъ изъ твоихъ уроженцевъ, и все это отчасти уже исполнилось или исполняется съ тобою; но все еще прекрасенъ ты, чудесный край!

Свѣтлы и прозрачны, какъ глубокиа, огромныя чаши, стоятъ озера твои—Кандры и Каротабынь. Многоводны и многообильны разнообразными породами рыбъ твои рѣки, то быстротекущія по долинамъ и ущельямъ между отраемими Уральскихъ горъ, то свѣтло и тихо незамѣтно-катящіяся по ковчылстымъ степямъ твоимъ, подобно яхонтамъ, нанизаннымъ на нитку. Чудны эти степныя рѣки, всѣ изъ безчисленныхъ, глубокихъ водоемовъ, соединяющихся узкими и мелкими протоками, въ которыхъ только и примѣтно теченіе воды. Въ твоихъ быстрыхъ родниковыхъ ручьяхъ, прозрачныхъ и холодныхъ какъ ледъ, даже въ жары знойнаго лѣта, бѣгущихъ подъ тѣнью деревъ и кустовъ—живутъ всѣ породы форелей, изящныхъ по вкусу и красивыхъ по наружности, скоро пропадающихъ, когда человѣкъ начнетъ прикасаться нечистыми руками своими къ дѣвственнымъ струямъ ихъ свѣтлыхъ, прохладныхъ жилищъ. Чудесной растительностью блистаютъ твои тучныя черноземныя, роскошныя луга и поля, то бѣлющія весной молочнымъ цвѣтомъ вишенника, клубничника и дикаго персика, то покрытыя лѣтомъ, какъ краснымъ сукномъ, ягодами ароматной полевой клубники и мелкою вишнею, зрѣющею поздне и темнѣющею къ осени. Обильною жатвою награждается лѣтний и невѣжественный трудъ пахаря, кое-какъ и кое-гдѣ сковырившаго жалкою сохою или неуклюжимъ сабаномъ твою плодородную почву! Свѣжи, зелены и могучи стоятъ твои разнородныя болѣею частью лѣса и рои дикихъ пчелъ шумно населяютъ веруководныя борти твои, заноси ихъ душистымъ липовымъ медомъ! И уфимская кунца, болѣе всѣхъ уважаемая, не перевелась еще въ лѣсистыхъ верховьяхъ рѣкъ Уфы и Белой! Мирны и тихи патриархальныя первобытныя обитатели и хозяева твои, кочевыя башкирскія племена! Много уменьшились, но еще велики, многочисленны, конскіе табуны и рогатыя и бараныя стада ихъ. Еще по прежнему, послѣ жестокой, бурной зимы, отошаме, исхудалые, какъ зичинія мухи, Башкирцы съ первымъ весеннимъ тепломъ, съ первымъ подножнымъ кормомъ, выгоняютъ на привольныя мѣста, въ половикъ передохшіе отъ голода табуны и стада свои, перетаскиваясь и сами за ними, съ женами и дѣтьми...

И вы никого не узнаете черезъ двѣ или три недѣли! Изъ лошадиныхъ остововъ явятся быстрые и неутомимые кони, и уже степной жеребецъ гордо и строго пасеть косякъ кобылицъ своихъ, не подпуская къ нему ни звѣря, ни человѣка!... Раздобрѣли тощія, зимнія стада коровъ, полны питательной влагой вымя и сосцы ихъ. Но что Башкирцу до ароматнаго коровьяго молока; уже воспѣлъ живительный кумысъ, закъвъ въ кобылихъ *турсукахъ* (*), и все, что можетъ быть, отъ груднаго младенца до драхлаго старика, пить до пьяна цѣлительный, благодатный богатырскій напитокъ, и дивно исчезаютъ всѣ недуги голодной зимы и даже старости: полнотою одѣваются осунувшіяся лица, румянцемъ здоровья покрываются блѣдныя, впалыя щеки. — Но страшный и грустный видъ представляютъ покинутыя селенія! Наскачетъ иногда на нихъ, ничего подобнаго не видавши, зазвѣй путешественникъ, и поразится видомъ опустѣлой, какъ будто вымершей деревни! Дико и печально смотреть на него окна разбросавшихъ вѣтъ съ бѣлыми трубами, лишенныя пузырчатккъ оконницъ, какъ человѣческія лица съ выткнутыми глазами.... Кое-гдѣ лаетъ на привязи сторожевой голодный песъ, котораго изрѣдка навѣщаетъ и кормитъ хозяинъ, кое-гдѣ мяучитъ одичавшая кошка, сама промышляющая себѣ пищу, и никого больше, ни одной души человѣческой!

Какъ живописны и разнообразны, каждая въ своемъ родѣ, лѣсная, степная и гористая твоя полоса, особенно послѣдняя, по скату Уральскаго хребта, всеми металлами богатая, золотоносная полоса! Какое пространство отъ границъ Вятской, Пермской губерній, гдѣ по зимамъ не въ рѣдкость замерзаніе ртуты, до Гурьева городка на границѣ Астраханской губерніи, гдѣ растетъ мелкій виноградъ на открытомъ воздухѣ, лимонныя котораго прохлаждаются въ лѣтніе жары и торгуютъ Уральскіе казаки! Что за чудесное рыболовство по

(*) Турсукъ — вышокъ изъ сырой кожи, свѣтый съ лошадиной ноги.

Уралу! Единственное, и по вкусу добываемой *красной рыбы* (*), и по своему исполненію. Багреньемъ называется это рыболовство, и ждать оно горячѣй и вѣрной кисти, чтобъ возбудить общее вниманіе.... Но виноватъ, заговорился я, говоря о моей прекрасной родинѣ. Посмотримъ лучше, какъ продолжаетъ жить и дѣйствовать мой неутомимый дѣдушка.

НОВЫЯ МѢСТА.

Ну, отдохнулъ Степанъ Михайловичъ, и не разъ отъ души перекрестился, когда перебрался на просторъ и приволье Богуруслана. Не только повеселѣлъ духомъ, но и поздоровѣлъ тѣломъ. Ни просьбъ, ни жалобъ, ни ссоръ, ни шума! Ни Воейковыхъ, ни Мошенскихъ, ни Сущевыхъ (**)! Ни лѣсныхъ порубокъ, ни хлѣбныхъ потрагъ, ни помятыхъ луговъ! Одинъ полный господнѣтъ, не только надъ своей землей, но и надъ чужой. Паси стада, коси траву, руби дрова — никто и слова не скажетъ. Крестьяне тоже, какъ разъ привыкли къ новому мѣсту, и полюбили его. Да и какъ не привыкнуть, какъ не полюбить! Изъ безводнаго и лѣснаго села Троицкаго, гдѣ было такъ мало луговъ, что съ трудомъ прокармливали цо коровѣ, да по лошади на тягло, гдѣ съ незапамятныхъ временъ пахали одни и тѣ же загоны, и, не смотря на превосходную почву, конечно, выпажали и постоцали землю, — переселились они на обширныя плодородныя поля и луга, никогда не тронутыя ни косой, ни сохой человека, на быстрюю, свѣжую и здоровую воду съ множествомъ родниковъ и ключей, на широкій проточный и рыбный прудъ, и на мельницу у самаго носа, тогда какъ прежде таскались они за 25 верстъ, чтобы смолотъ возъ хлѣба, да и то случалось нѣсколько

(*) *Красной рыбой* называются былуга, осетръ, севрюга, шинъ, блонрибаца и др.

(**) Помѣщики, жившіе съ дѣдушкой въ одномъ селѣ и владѣвшіе вмѣстѣ съ нимъ не размежеванною землей.

дней ждать очереди. Вы удивитесь, можетъ быть, что я называю Троицкое безводнымъ? Обвините стариковъ, зачѣмъ оны выбрали такое мѣсто? Но дѣло было не такъ въ-началѣ, и стариковъ винить не за что: Троицкое нѣкогда сидѣло на прекрасной рѣчкѣ *Майна*, вытекавшей версты за три отъ селенія изъ-подъ *Моховыхъ озеръ*; да сверхъ того, вдоль всего селенія тянулось, хотя не широкое, но длинное, свѣтлое и въ серединѣ глубокое озеро, дно котораго состояло изъ бѣлаго песка; изъ этого озера даже бѣжалъ ручей, называвшійся *Бѣлый ключъ*. Такъ было въ старину; давно, правда, очень давно. По преданію извѣстно, что Моховыя озера были нѣкогда глубокими, лѣсными, круглыми провалами съ прозрачною, холодною какъ ледъ водою и топкими берегами, что никто не смѣлъ близко подходить къ нимъ, ни въ какое время, кромѣ зимы; что будто бы берега опускались и поглощали дерзкаго нарушителя неприкосновеннаго царства водныхъ чертей. Но человѣкъ—заклятой и торжествующій измѣнитель лица природы! Старинному преданію, не подтверждаемому новыми событіями, перестали вѣрить, и Моховыя озера, мало по малу, отъ мочки коноплей у береговъ и отъ пригона стада на водопой, позасорились, отъ краевъ обмелѣли и даже обсохли отъ вырубки кругомъ лѣса; потомъ запыли толстою землянистою пеленой, которая поросла мохомъ и скрѣпилась жилообразными корнями болотныхъ травъ, покрылась кочками, кустами и даже сосновымъ лѣсомъ, уже довольно крупнымъ; одинъ провалъ затянуло совсѣмъ, а на другомъ остались два глубокія окна, къ которымъ и теперь страшно подходить съ непривычки, потому что земля, со всѣми болотными травами, кочками, кустами и мелкимъ лѣсомъ—опускается и поднимается подъ ногами, какъ зыбкая волна. Отъ уменьшенія, вѣроятно, Моховыхъ озеръ, рѣчка *Майна* поникла въ верху, и уже выходитъ изъ земли нѣсколько верстъ ниже селенія; а прозрачное, длинное и глубокое озеро превратилось въ грязную, вонючую лужу; песчаное дно на сажень и болѣе затянуло тиной и всякой дрянью съ крестьянскихъ дворовъ; Бѣлаго ключа давно и слѣдовъ нѣтъ, скоро не будетъ о немъ и памяти.

Переселясь на новыя мѣста, дѣдушка мой принялся, съ собственными ему неутомимостью и жаромъ, за хлѣбованство и скотоводство. Крестьяне, одушевленные его духомъ, такъ при- выкли работать настоящимъ образомъ, что скоро обстроились и обзавелись, какъ старожилы, и въ нѣсколько лѣтъ гумны «Новаго Багорова» занимали въ-трое больше мѣста, чѣмъ самая деревня; а табуны добрыхъ лошадей и стадо коровъ, овецъ и свиней, казались принадлежащими какому-нибудь богатому селенію.

Съ легкой руки Степана Михайловича переселеніе въ Уфимскій или Оренбургскій край начало умножаться съ каждымъ годомъ. Со всѣхъ сторонъ потянулись луговая Мордва, Черемисы, Чу- ваши, Татары и Мещеряки; русскихъ переселенцевъ—казенныхъ крестьянъ разныхъ вѣдомствъ и разнокалиберныхъ помѣщиковъ, также было не мало. Явились и сосѣди у дѣдушки: шурины его Иванъ Васильичъ *Неклюдовъ*, купилъ землю въ двадцати вер- стахъ отъ Степана Михайловича, перевелъ крестьянъ, построилъ деревянную церковь, назвалъ свое село Неклюдовымъ, и самъ переѣхалъ въ него съ семействомъ, чему дѣдушка совсѣмъ не обрадовался: до всѣхъ родственниковъ своей супруги, до всей *Неклюдовщины*,—какъ онъ называлъ ихъ,—Степанъ Михайловичъ былъ большой неохотникъ. Помѣщикъ Бахметевъ купилъ землю еще ближе, верстахъ въ десяти отъ Багорова, на верховьѣ рѣчки Совруши, текущей параллельно съ Бугурусланомъ, на Юго-западъ; онъ также перевелъ крестьянъ и назвалъ деревню *Бахметевкой*. Съ другой стороны, верстахъ въ 20-ти по рѣкѣ *Насягай* или *Мочагай*, какъ и до сихъ поръ называютъ ее туземцы, также завелось помѣщичье селеніе Полибино, впоследствии принадле- жавшее Сер. Алек. Плещееву, а теперь принадлежащее Карам- зинимъ. Насягай больше и лучше Бугуруслана: полноводнѣе, рыбнѣе, и птица на немъ водилась и водится гораздо изобильнѣе. По дорогѣ въ Полибино, прямо на Востокъ, верстахъ въ 8-ми отъ Багорова, заселилась на небольшомъ ручьѣ, большая Мор- довская деревня *Нойкино*; верстахъ въ 2-хъ отъ нея постро- илась мельница на рѣкѣ *Бокль*, текущей почти параллельно съ Бугурусланомъ на Югъ; недалеко отъ мельницы впадаетъ *Бокла*

въ *Насягай*, который діагональю съ Сѣвера-востока торопливо катитъ свои сильныя и быстрыя воды прямо на Юго-западъ. Верстахъ въ 17-ти *Новаго Багорова*, принимаетъ онъ въ себя нашъ Бугурусланъ, и усиленный его водами, не далеко отъ города Бугуруслана, соединяется съ большимъ *Кинелемъ*, теряя въ немъ знаменательное и звучное свое имя.

Наконецъ появился мордовскій выселокъ, подъ названіемъ *Кивацаго*, уже только въ 2-хъ верстахъ отъ дѣдушки, аwitz по Бугуруслану; это была, Мордва отдѣлившаяся отъ селенія *Мордовскій Бугурусланъ*, сидѣвшаго на рѣчкѣ *Малой Бугурусланчикъ*, верстахъ въ девяти отъ Багорова. Степанъ Михайловичъ сначала поморщился отъ близкаго соседства, напоминавшаго ему старое Троицкое; но тутъ вышло совсѣмъ другое дѣло. Это были добрые, смиренныя люди, уважавшіе дѣдушку, не менѣе, какъ своего волостнаго начальника. Въ нѣсколько лѣтъ; Степанъ Михайловичъ умѣлъ снискать общую любовь и глубокое уваженіе во всемъ околоткѣ. Онъ былъ истиннымъ благодѣтелемъ дальнихъ и близкихъ, старыхъ и новыхъ своихъ соседей, особенно послѣднихъ, по ихъ незнанію мѣстности, недостатку средствъ и по разнымъ надобностямъ, всегда сопровождающихъ переселенцевъ, которые не рѣдко пускаются на такое трудное дѣло, не принявъ предварительныхъ мѣръ, не заготовивъ хлѣбныхъ запасовъ, и даже иногда не имѣя, на что купить ихъ. Полные амбары дѣдушки были открыты всѣмъ — бери что угодно. «Сможешь — отдай, при первомъ урожаѣ; не сможешь — Богъ съ тобой»: съ такими словами раздавалъ дѣдушка щедрою рукою хлѣбныя запасы на сѣмена и ѣмьны. Къ этому надо прибавить, что онъ былъ такъ разуменъ; такъ снисходителенъ къ просящимъ и нуждамъ, такъ неизмѣнно вѣривъ каждому своему слову, что скоро сдѣлаема истиннымъ оракуломъ вновь заселяющагося уголка обширнаго Оренбургскаго края. Мало того, что онъ помогалъ, онъ воспитывалъ нравственно своихъ соседей! Только правдою можно было получить отъ него все. Кто разъ солгалъ, разъ обманулъ, тотъ и не ходи къ нему на господемій дворъ: не только ничего не получишь, да въ иной часъ дай Богъ и ноги унести.

Много семейныхъ ссоръ примирить онъ, много тяжбыныхъ дѣлъ потушилъ въ самомъ началѣ. Со всѣхъ сторонъ ѣхали и шли къ нему за совѣтомъ, судомъ и приговоромъ—и свято исполнялись оны! Я зналъ внуковъ, правнуковъ тогдашняго поколѣнія, благодарной памяти которыхъ въ изустныхъ разсказахъ переданъ былъ благотѣльный и строгій образъ Степана Михайловича, не забытаго еще и теперь. Много смыкала я простыхъ и вмѣстѣ глубокихъ воспоминаній, сопровождаемыхъ слезами и крестнымъ знаменіемъ объ упокоеніи души его. Неудивительно, что собственные крестьяне любили горячо такого барина; но также любили его и дворовые люди, при немъ служившіе, часто переносившіе страшныя бури его неукротимой вспыльчивости. Впослѣдствіи времени нѣкоторые изъ молодыхъ слугъ его доживали свой вѣкъ при мнѣ, уже стариками; часто разсказывали они о строгомъ, вспыльчивомъ, справедливомъ и добромъ своемъ старомъ баринѣ, и никогда безъ слезъ о немъ не воспоминали.

И этотъ добрый, благотѣльный и даже свисходительный человѣкъ омрачался иногда такими вспышками гнѣва, которыя искажали въ немъ образъ человѣческій и дѣлали его способнымъ на ту пору къ жестокимъ, отвратительнымъ поступкамъ. Я видѣлъ его такимъ въ моемъ дѣтствѣ, что случилось много лѣтъ позднѣе того времени, про которое я разсказываю, и впечатлѣніе страха до сихъ поръ живо въ моей памяти! Какъ теперь гляжу на него: онъ прогнѣвался на одну изъ дочерей своихъ, кажется за то, что она солгала и заперлась въ обмачѣ; двое людей водили его подъ руки; узнать было нельзя моего прежняго дѣдушку; онъ весь дрожалъ, лице дергали судороги, свирѣпый огонь лился изъ его глазъ, помутившихся, потемнѣвшихъ отъ ярости! «Подайте мнѣ ее сюда!» воилъ онъ задыхающимся голосомъ. (Все это я помню живо: остальное мнѣ часто разсказывали). Бабушка кинулась было ему въ ноги, прося помилованія, но въ одну минуту слетѣлъ съ нея платокъ и волосникъ, и Степанъ Михайловичъ таскалъ за волосы свою тучную, уже старую Арину Васильевну. Между тѣмъ, не только виноватая, но и всѣ другія сестры и даже братъ ихъ съ молодою женою и маленькимъ сы-

номъ убѣжали изъ дома и спрятались въ рошу, окружавшую домъ; даже тамъ ночевали; только молодая мать воротилась съ сыномъ, боясь простудить его, и провела ночь въ людской избѣ. Долго буживалъ дѣдушка на просторѣ, въ опустѣломъ домѣ. Наконецъ, уставши таскать за косы Аришу Васильевну, повалился въ изнеможеніи на постель и наконецъ впалъ въ глубокій сонъ, продолжавшійся до ранняго утра слѣдующаго дня. Свѣтель, ясенъ проснулся на зарѣ Степанъ Михайловичъ, весело кликнувъ свою Аришу, которая сейчасъ прибѣжала изъ соседственной комнаты съ самымъ радостнымъ лицомъ, какъ будто вчерашняго ничего не бывало. «Чая! гдѣ дѣти, Тимофѣй, невѣстушка? Подайте Серезу», говорилъ проснувшійся безумецъ, и всѣ явились, спокойные и веселые, кромѣ невѣстки съ сыномъ. Это была женщина сама съ сильнымъ характеромъ, и никакія просьбы не могли ее заставить такъ скоро броситься съ ласкою къ вчерашнему дикому звѣрю, да и маленькій сынъ безпрестанно говорилъ: «Боясь дѣдушки, не хочю къ нему». Чувствуя себя въ самомъ дѣлѣ не хорошо, она сказалась больною и не пустила сына. Всѣ пришли въ ужасъ, ждали новой грозы. Но въ вчерашнемъ дикомъ звѣрѣ сегодня уже проснулся человекъ. Послѣ чая и шутивыхъ разговоровъ, свекоръ самъ пришелъ къ невѣсткѣ, которая дѣйствительно была нездорова, похудѣла, перемѣнилась въ лицѣ и лежала въ постелѣ. Старикъ присѣлъ къ ней на кровать, обнялъ ее, поцѣловалъ, назвалъ красавицей—невѣстынькой, обласкалъ внука и наконецъ ушелъ, сказавши, что ему «безъ невѣстыньки будетъ скучно.» Черезъ пол-часа невѣстка, щегольски, по городскому разодѣтая, въ томъ самомъ платьѣ, про которое свекоръ говорилъ, что оно, особенно идетъ ей къ лицу, держа сына за руку, вошла къ дѣдушкѣ. Дѣдушка встрѣтилъ ее слезами и словами: «Вотъ и больная невѣстка себя не пожалѣла, встала, одѣлась и пришла развеселить старика.» Закусили губы и потупили глаза свекоръ и золовки, всѣ не любившія невѣстку.... Но я не стану болѣе говорить о темной сторонѣ моего дѣдушки; лучше опишу вамъ одинъ изъ его добрыхъ, свѣтлыхъ дней, о которыхъ я много слышалъ.

ДОБРЫЙ ДЕНЬ СТЕПАНА МИХАЙЛОВЪЧА.

Въ исходѣ юня стояли уже сильныя жары. Послѣ душной ночи, потянулъ на разсвѣтъ восточный, свѣжій вѣтерокъ, всегда упдающій, когда обогрѣетъ солнце. На восходѣ его проснулся дѣдушка. Жарко было ему спать въ небольшой горницѣ, хотя съ поднятѣмъ на всю подставку подъемомъ старинной оконной рамы съ мелкимъ переплетомъ, но за то въ цологу изъ домашней рѣдинки. Предосторожность необходимая: безъ полога зашли бы его злые комары и не дали уснуть. Роями носились и тыкались длинными жалами своими въ тонкую преграду крылатые музыканты, и всю ночь пѣли ему докучныя серенады. Смѣшно сказать, а грѣхъ утаить, что я люблю дишкантовый пискъ и даже кусанье комаровъ: въ нихъ слышно мнѣ знойное лѣто, роскошныя безсонныя ночи, берега Бугуруслана, обросшія зелеными кустами, изъ которыхъ со всѣхъ сторонъ неслись соловьиныя пѣсни; я помню замираніе молодаго сердца, и сладкую, безотчетную грусть, за которую отдалъ бы теперь весь остатокъ угасающей жизни.... Проснулся дѣдушка, обтеръ жаркою рукою горячій потъ съ крутаго, высокаго лба своего, высунулъ голову изъ-подъ полога и разсмѣялся. Ванька Мазанъ и Никаноръ Тавайченко храпѣли въ растяжку на полу, въ каррикатурно-живописныхъ положеніяхъ. «Экъ храпятъ собачьи дѣти!» сказалъ дѣдушка и опять улыбнулся. Степанъ Михайловичъ былъ загадочный человекъ: послѣ такого сильнаго словеснаго приступа, слѣдовало было ожидать толчка калиновымъ падожкомъ (всегда у постели его стоявшимъ) въ бокъ спящаго, или пинка ногой, даже привѣтствія стуломъ; но дѣдушка разсмѣялся, просыпаясь, и на весь день попалъ въ добрый стихъ, какъ говорится. Онъ всталъ безъ шума, разъ другой перекрестился, надѣлъ порыжелыя, кожаныя туфли на босыя ноги и въ одной рубахѣ изъ крестьянской оброчной холстины (ткацкаго полотна на рубашки бабушка ему не давала), вышелъ на крыльцо, гдѣ пріятно обхватила его утренняя, влажная свѣжесть. Я сейчасъ сказалъ, что ткацкаго холста на рубашки Арина Васильевна не давала Сте-

пану Михайловичу, и всякій читатель вправѣ замѣтить, что это не сообразно съ характерами обоихъ супруговъ. Но какъ же быть, пропущу не прогнѣваться, такъ было на дѣлѣ: женская натура торжествовала надъ мужскою, какъ и всегда! Не разъ битая за толстое бѣлье, бабушка продолжала подавать и наконецъ приучила къ нему старика. Дѣдушка употребилъ однажды самое дѣйствительное, послѣднее средство: онъ изрубилъ топоромъ на порогѣ своей комнаты все бѣлье, ешитое изъ оброчной холстины, не смотря на вопли моей бабушки, которая умоляла, чтобъ Степанъ Михайловичъ «билъ ее, да своего добра не рубилъ....» но и это средство не помогло: опять явилось толстое бѣлье — и старикъ покорился.... Виновать, опровергая мнимое замѣчаніе читателя, я прервалъ рассказъ про «добрый день моего дѣдушки.» Никого не беспокоя, онъ самъ досталъ войлочный потникъ, лежавшій всегда въ чуланѣ, подостлалъ его подъ себя, на верхней ступени крыльца, и сѣлъ встрѣчать солнышко по всегдашнему своему обычаю.—Передъ восходомъ солнца бываетъ весело ни сердцѣ у человѣка какъ-то безсознательно; а дѣдушкѣ сверхъ того весело было глядѣть на свой господскій дворъ, всеми нужными по хозяйству строеніями, тогда уже достаточно снабженный. Правда, дворъ былъ не обгороженъ, и выпущенная съ крестьянскихъ дворовъ скотина, собираясь въ общее мірское стадо, для выгона въ поле,—посѣщала его мимоходомъ, какъ это было и въ настоящее утро, и какъ всегда повторялось по вечерамъ. Нѣсколько запячканныхъ свиней потирались и почесывались о самое то крыльцо, на которомъ сидѣлъ дѣдушка, и хрюкая, лакомились раковыми скорлупами и всякими столовыми объѣдками, которые безъ церемоніи выкидывались у того же крыльца; заходили также и коровы и овцы; разумѣется, отъ ихъ посѣщай оставались неопрятные слѣды; но дѣдушка не находилъ въ этомъ ничего неприятнаго, а напротивъ любовался, глядя на здоровый скотъ, какъ на вѣрный признакъ довольства и благосостоянія своихъ крестьянъ. Скоро громкое хлопанье длиннаго пастушьаго кнута угнало посѣтителей. Начала просыпаться дворня. Дужій конюхъ Спиридонъ, котораго до глубокой старости звали

«Спирькой», выводилъ одного за другимъ, двухъ рыже-пѣвыхъ и третьяго бураго жеребца, привязывалъ ихъ къ столбу, чистилъ и проминалъ на длинной моновази, при чемъ дѣдушка любовался ихъ статуями и тою породою, которую надѣялся повести отъ нихъ, въ чемъ и успѣлъ совершенно. Проснулась и старая ключница, спавшая на погребницѣ, вышла изъ погреба, сходила на Бугурусланъ умыться, поздыхала по своей привычкѣ, помолилась Богу, обротась къ солнечному восходу, и принялась мыть, полоскать, чистить горшки и посуду. Весело кружились въ небѣ, щебетали и пѣли ласточки и касаточки, звонко били перепела въ поляхъ, надѣждавъ храпло кричали въ кустахъ дергуны; подсымывавые погонимшей, токованье и блѣванье дикаго барашка, неслись съ ближняго болота, варакушки въ запуски передразнивали соловьевъ, — выкатывалось изъ-за горы яркое солнце!... Задымились крестьянскія избы, точно вереница рѣчныхъ судовъ выкинула по вѣтру сызые флаги; потянулись мужички въ поле... захотѣлось дѣдункѣ умыться студеной водою, и потомъ напиться чаю. Разбудилъ онъ безобразно спавшихъ слугъ своихъ. Повскакали они, какъ полоумные, въ испугъ; но веселый голосъ Степана Михайловича скоро ободрилъ ихъ: «Мазанъ, умываться! Тавайченко, будить Аксютку и барыню, — чаю!» Невужно было повторить приказаній: неуклюжій Мазанъ уже летѣлъ со всѣхъ ногъ съ мѣднымъ, свѣтлымъ рукомойникомъ на родникъ за водою; а проворный Тавайченко разбудилъ Аксютку, которая, поправляя свалившійся на бокъ волосникъ, уже будила старую, дородную барыню Арифу Васильеву. Въ нѣсколько минутъ весь домъ былъ на ногахъ, и всѣ уже знали, что старшій баринъ проснулся веселъ. Черезъ четверть часа, стоялъ у крыльца столъ, накрытый бѣлою браною скатеркой, домашняго издѣлья, кипѣлъ самоваръ, въ видѣ огромнаго мѣднаго чайника; суетилась около него Аксютка и здоровалась старая барыня, Арифа Васильевна, съ Степаномъ Михайловичемъ, не охая и не стоная, что было нужно въ иное утро, а весело и громко спрашивала его о здоровьѣ: «какъ почивалъ, и что во снѣ видѣлъ?» Ласково поздоровался дѣдушка съ своей супругой и называлъ её Аришей. Онъ никогда

не цѣловаль ея руки, а свою даваль цѣловать въ знакъ милости. Арина Васильевна разцвѣла и помолодѣла: куда дѣвалась ея тучность и неуклюжесть! Сейчасъ принесла сканбечку и усѣлась возлѣ дѣдушки на крыльцѣ, чего никогда не смѣла дѣлать, если онъ не ласково встрѣчалъ еѣ. — «Нашьемся-ка вмѣстѣ чайку, Ариша!» заговорилъ Степанъ Михайловичъ: «покуда не жарко. Хотя спать было душно, а спать я крѣпко, такъ что и сны всѣ заспалъ. Ну, а ты?» Такой вопросъ былъ необыкновенная ласка, и бабушка поспѣшно отвѣчала, что, которую ночь Степанъ Михайловичъ хорошо поживаетъ, ту и она хорошо спитъ; но что Евъеша всю ночь металась.» Евъеша была меньшая дочь, и старикъ любилъ ее больше другихъ дочерей, какъ это часто случается; онъ обезпокоился такими словами и не приказалъ будить Евъешу до тѣхъ поръ, покуда сама проснется. Евгенью Степановну разбудили вмѣстѣ съ Александрой и Елизаветой Степановными, и она уже одѣлась; но объ этомъ сказать не осмѣлились. Евъеша проворно раздѣлась, легла въ постель, велѣла затворить ставни въ своей горницѣ, и хотя заснуть не могла, но пролежала въ потемкахъ часа два: дѣдушка остался доволенъ, что Евъеша хорошо выспалась. Единственного сына, которому было девять лѣтъ, никогда не будили рано. Старшія дочери явились немедленно; Степанъ Михайловичъ ласково далъ имъ поцѣловать руку и назвалъ одну Лизанькой, а другую — Лексаней. Обѣ были очень неглупы, Александра же соединяла съ хитрымъ умомъ отцовскую живость и вспыльчивость, но добрыхъ свойствъ его не имѣла. Бабушка была женщина самая простая и находилась въ полномъ распоряженіи у своихъ дочерей; если иногда она осмѣливалась хитрить съ Степаномъ Михайловичемъ, то единственно по ихъ наущенію, что, по неумѣнью, рѣдко проходило ей даромъ, и что старикъ зналъ наизусть; онъ зналъ и то, что дочери готовы обмануть его при всякомъ удобномъ случаѣ, и только от скуки или для сохраненія собственнаго покоя, разумѣется, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, позволялъ имъ думать, что онѣ надувають его; при первой же вспышкѣ, все это высказывалъ имъ, безъ пощады, въ самыхъ неперемонныхъ выраженіяхъ, а

никогда и бивалъ; но дочери, какъ настоящія Евины внучки, не унывали: проходилъ часъ гнѣва, прояснилось лицо отца, и онъ сейчасъ принимался за свои хитрые планы, и не рѣдко успѣвали.

Накушавшись чаю и поговоря о всякой всячинѣ съ своей семьей, дѣдушка собрался въ поле. Онъ уже давно сказалъ Мазану: «лошадь!» и старый бурый меренъ, запряженный въ длинныя крестьянскіе дроги или роспуски, чрезвычайно покойныя, перелетенныя частою веревочной рѣшеткою, съ длиннымъ лубкомъ по серединѣ, накрытымъ войлокомъ—уже стоялъ у крыльца. Конюхъ Спиридонъ сидѣлъ кучеромъ въ незатѣливомъ костюмѣ, то-есть просто въ одной рубахѣ, босикомъ, подпоясанный шерстянымъ, тесемочнымъ краснымъ поясомъ; на которомъ висѣлъ ключъ и мѣдный гребень. Въ предыдущій разъ Спиридонъ ѣздилъ въ такую же экспедицію даже безъ шляпы; но дѣдушка побранилъ его за то, и на этотъ разъ онъ приготовилъ себѣ что-то въ родѣ шапки, сшитенной изъ широкихъ лыкъ: дѣдушка посмѣялся надъ его шлыжкой, и надѣвъ полевой кафтанъ изъ небѣленого домашняго холста, да картузь, и подославъ подъ себя про запасъ отъ дождя армакъ, сѣлъ на дроги. Спиридонъ также подложилъ подъ себя, сложенный въ-трое, свой обыкновенный зипунъ, изъ крестьянскаго бѣлаго сукна, но окрашенный въ ярко-красный цвѣтъ марены, которой много родилось въ поляхъ. Этотъ красный цвѣтъ былъ въ такомъ употребленіи у стариковъ, что багровскихъ дворовыхъ сосѣди звали «мареняниками», что я самъ слышалъ—лѣтъ пятнадцать послѣ смерти дѣдушки. Въ полѣ Степанъ Михайловичъ былъ всѣмъ доволенъ. Онъ осмотрѣлъ оцвѣтавшую рожь, которая, въ челоуѣка вышиною, стояла какъ стѣна; дулъ легкій вѣтерокъ и синія волны ходили по ней, то свѣтлѣе, то темнѣе отражаясь на солнцѣ. Любо было глядѣть хозяйну на такое поле! Дѣдушка обѣхалъ молодые овсы, полбы и всѣ яровые хлѣба, потомъ отправился въ паровое поле, и приказалъ возить себя взадъ и впередъ, по вспареннымъ десятинамъ. Это былъ его обыкновенный способъ узнавать доброту пашни: всякая цѣлизна, всякое нетронутое сохою мѣстечко, сейчасъ встряхивало качкѣя дроги, и если дѣдушка бывалъ не въ дужѣ, то на такомъ

мѣстѣ втыкала палочку или прутикъ, посылалъ за старостой, если его не было съ нимъ, и расправа производилась немедленно. Въ этотъ разъ все шло благополучно; можетъ быть, и пощадились цѣлины, только Степанъ Михайловичъ ихъ не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣтить. Онъ заглянулъ также на мѣста степныхъ сѣнокосовъ и полюбовался густой высокой травой, которую черезъ нѣсколько дней начинали косить. Онъ побывалъ и на крестьянскихъ поляхъ, чтобы знать самому, у кого уродился хлѣбъ хорошо и у кого плохо, даже царь крестьянскій объѣхалъ и попробовалъ, все замѣтилъ и ничего не забылъ. Проѣзжая черезъ залежи и увидѣвъ посидѣвшую клубнику, дѣдушка остановился, и съ помощью Мазана, набралъ большую кисть крупныхъ чудныхъ ягодъ и повезъ домой своей Аришѣ. Не смотря на жаръ, онъ проѣзжалъ почти до пол-день. Только завидѣли спускающіяся съ горы дѣдушкины дроги — кушанье уже стояло на столѣ, и вся семья ожидала хозяина на крыльцѣ. «Ну, Ариша, весело сказалъ дѣдушка, какіе хлѣба даетъ намъ Богъ! Велика милость Господня! А вотъ тебѣ и клубничка.» Бабушка растаяла отъ радости; она половину поспѣла, продолжалъ онъ: съ завтрашняго дня посылать по ягоды.» Говоря эти слова, онъ входилъ въ переднюю; зашикъ горячихъ щей несся ему на встрѣчу изъ зады. «А, готово!» еще веселѣе сказалъ Степанъ Михайловичъ: «спасибо»; и не заходя въ свою комнату, прямо вошелъ въ залу и сѣлъ за столъ. Надобно сказать, что у дѣдушки былъ обычай: когда онъ возвращался съ поля, рано или поздно — чтобы кушанье стояло на столѣ, и Боже сохрани, если прозѣваютъ его возвращеніе и не успѣютъ подать обѣда. Бывали примѣры, что отъ этого происходили печальныя послѣдствія. Но въ этотъ блаженный день, все шло, какъ по маслу, все удавалось. Здоровенный дворовый парень Николка Рузанъ сталъ за дѣдушкой съ цѣлымъ сучкомъ березы, чтобы обмахивать его отъ мухъ. Горячія щи, отъ которыхъ русскій человекъ не откажется въ самые палящіе жары, дѣдушка хлѣбалъ деревянной ложкой, потому что серебряная обжигала ему губы; за ними слѣдовала ботвинья со льдомъ, съ прозрачнымъ балыкомъ, желтой какъ воскъ соленой осетриной и съ чищенными раками, и

тому подобныя легкія блюда. Все это запивалось домашней брагой и квасомъ, также со льдомъ. Обѣдъ былъ преселый. Всѣ говорили громко, шутили, смѣялись; но бывали обѣды, которые проходили въ страшной тишинѣ и безмолвномъ ожиданіи какой-нибудь вѣсточки. Всѣ дворовые мальчишки и дѣвчонки знали, что старшій баринъ весело кушаетъ, и всѣ набились въ залу за податками; дѣдушка щедро обдѣлалъ всѣхъ, потому что кушанья готовилось впятеро болѣе, чѣмъ было нужно. Послѣ обѣда, онъ сейчасъ легъ спать. Вышакли мухъ изъ полога, опустили его надъ дѣдушкой, подтыкали кругомъ края подъ перину; скоро сильный храпъ возвѣстилъ, что хозяинъ спитъ богатырскимъ сномъ. Всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ также отдыхать. Мазанъ и Танайченко, предварительно пообѣдавъ и наглотавшись обѣдковъ отъ барскаго стола, также растянулись на полу въ передней, у самой двери въ дѣдушкину горницу. Они спали и до обѣда, но и теперь не замедляли заснуть, только духота и уяка отъ солнца, ярко свѣтившаго въ окна, скоро ихъ разбудила. Отъ сна и отъ жара пересохло у нихъ въ горлѣ, захотѣлось имъ прохладить горячія гортани господской бражкой съ ледкомъ, и вотъ на какую штуку пустились дерзкіе лежебоки: въ непритворенную дверь достали они дѣдушкинъ халатъ и колпакъ, лежавшіе на стулѣ у самой двери, Танайченко надѣлъ на себя барское платье и сѣлъ на крыльце, а Мазанъ побѣжалъ со жбаномъ на погребъ, разбудилъ ключницу, которая, какъ и всѣ въ домѣ, спала мертвымъ сномъ; требовалъ поекорѣ проснушаго барину студеной браги, и когда ключница изъяснила сомнѣніе, проснулся ли баринъ, Мазанъ указалъ ей на фигуру Танайченка, сидящаго на крыльцѣ въ халатѣ и колпакѣ; нацѣдили браги, положили льду, проворно побѣжалъ Мазанъ съ добычей. Жбанъ выпили по-братски, положили халатъ и колпакъ на старое мѣсто, и цѣлый часъ еще дожидались, пока проснется дѣдушка. Еще веселѣе проснулся баринъ, и первое его слово было: «студеной бражки.» Перепугались лакеи, Танайченко побѣжалъ къ ключницѣ, которая сейчасъ догадалась, что первый жбанъ выпили они сами; она отпустила поила, но вслѣдъ за посланнымъ сама подошла къ

крыльцу, на котором сидѣлъ уже въ халатѣ настоящій дѣдушка. Съ первыхъ словъ обманъ открылся и дрожащія отъ страха Мазанъ и Тенайченко повалились барину въ ноги, и чтожь, вы думаете, сдѣлалъ дѣдушка?... Расхохотался, послалъ за Аришей и за дочерьми, и громко смѣясь, разсказалъ имъ всю продажу своихъ слугъ. Отдохнули бѣдняки отъ страху, и даже одинъ изъ нихъ улыбнулся. Степанъ Михайловичъ замѣтилъ и чуть-чуть не разсердился, брови его уже начали было морщиться, но въ его душѣ такъ много было тихаго спокойствія отъ цѣлаго веселаго дня, что лобъ его разгладился, и грозно взглянувъ, онъ сказалъ: «Ну, Богъ проститъ на этотъ разъ, но если въ другой....» договаривать было не нужно.

Нельзя не подивиться, что у такого до безумія горячаго и въ горячности жестокаго господина, люди могли рѣшиться на такую наглую шалость. Но много разъ я замѣчалъ въ продолженіе моей жизни, что у самыхъ строгихъ господъ прислуга пускалась на отчаянные проказы. Съ дѣдушкой же моямъ это былъ не единственный случай. Тотъ же самый Ванька Мазанъ, подметая однажды горницу Степана Михайловича и собираясь переслать постель, соблазнился мягкой пуховой перной и такими же подушками, вздумалъ понѣжиться, полежать на барской кровати, легъ да и заснулъ. Дѣдушка самъ нашелъ его, крѣпко спящаго въ этомъ положеніи, и—только разсмѣялся! Правда, онъ отвѣсилъ ему добрый разъ своимъ калиновымъ падожомъ; но это такъ, ради смѣха, чтобъ позабавиться сюрпризомъ Мазана. Впрочемъ съ Степаномъ Михайловичемъ и не то случилось: во время его отсутствія, выдали за мужъ четырнадцати-лѣтнюю дѣвочку, родную его племянницу, круглую сироту, но очень богатую, жившую у него въ домѣ, — за такого развратнаго и страшнаго человѣка, котораго онъ терпѣть не могъ. Конечно, это дѣло устроили близкіе родные Н. И. съ материнской стороны, но съ согласія бабушки и при содѣйствіи ея дочерей. Объ этомъ я разскажу послѣ, теперь же возвратимся къ доброму дню моего дѣдушки.

Онъ проснулся часу въ пятомъ по полудни и, послѣ студеной бражки, не смотря на палящій зной, скоро захотѣлъ накушаться

чаю, вѣруя, что горячее питье уменьшаетъ тягость жара. Онъ сходилъ только искупаться въ прохладномъ Бугурусманѣ, протекавшемъ подъ окнами дома, и воротясь, нашелъ всю свою семью, ожидающую его у того же чайнаго стола, поставленнаго въ тѣни, съ тѣмъ же кипящимъ чайникомъ, самоваромъ, и съ тою же Аксюткой. Накушавшись до сыта любимаго потогоннаго напитка, съ густыми сливками и толстыми подрумянившимися пѣнками, дѣдушка предложилъ всѣмъ ѣхать для прогулки на мельницу. Разумѣется, всѣ съ радостью согласились, и двѣ теткы мои, Александра и Евгенья Степановны, взяли съ собою удочки, потому что были охотницы до рыбной ловли. Въ одну минуту запрягли двое длинныхъ дрогъ: на однихъ сѣлъ дѣдушка съ бабушкой, посадивъ промезъ себя единственнаго своего наследника, драгоценную отрасль древнаго своего дворянскаго рода; на другихъ дрогахъ помѣстились три теткы и паренъ Николашка Рузанъ, взятый для того, чтобъ нарѣть въ плотинѣ червяковъ и насаживать ими удочки у барышень. На мельницѣ бабушкѣ принесли скамейку и она усѣлась въ тѣни мельничнаго амбара, не подалеку отъ кауза, около котораго удили ея меньшія дочери, а старшая Елизавета Степановна, сколько изъ угожденія къ отцу, столько и по собственному расположенію къ хозяйству, пошла съ Степаномъ Михайловичемъ осматривать мельницу и толчею. Малолѣтній сынокъ, то смотрѣлъ, какъ удать рыбу сестры, (самому ему удить на глубокихъ мѣстахъ еще не позволяли), то игралъ около матери, которая не спускала съ него глазъ, боясь, чтобъ ребенокъ не свалился какъ-нибудь въ воду. Оба камня мололи: однимъ обдирали пшеницу для господскаго стола, а на другомъ мололи завозную рожь; толчея толкла просо. Дѣдушка былъ знатокъ всякаго хозяйственнаго дѣла; онъ хорошо разумѣлъ мельничный уставъ и толковалъ своей умной и понятливой дочери всѣ тонкости этого дѣла. Онъ мигомъ увидѣлъ всѣ недостатки въ снастяхъ или ошлбкы въ уставѣ жернововъ: одинъ изъ нихъ приказалъ опустить на пол-зарубки, и мука пошла мельче, чѣмъ помолецъ былъ очень доволенъ; на другомъ поставѣ по слуху угадалъ, что одинъ палецъ въ шестернѣ началъ под-

тираться; онъ приказалъ запереть воду, мельникъ Болтуенюкъ соскочилъ внизъ, осмотрѣлъ и ощупалъ шестерню, и сказалъ: «Правда твоя, батюшка Степанъ Михайловичъ! одинъ палецъ маленько пообтерся.»—«Тото маленько», безъ всякаго неудовольствія возразилъ дѣдушка; кабы я не пришелъ, такъ шестерня-то бы ночью сломалась. — «Виновать, Степанъ Михайловичъ, не доглядѣлъ» — «Ну, Богъ проститъ; давай новую шестерню, а у старой подтертый палецъ перемѣнить, да чтобы новый былъ не толще не тоньше другихъ — въ этомъ вся штука.» Сейчасъ принесли новую шестерню, заранѣе прилаженную и пробованную, вставили на мѣсто прежней, смазали гдѣ надобно дегтемъ, пустили воду не вдругъ, а по немногу, (тоже по приказанію дѣдушки), и запѣлъ, замолоть жерновъ безъ перебора, безъ стука, а плавно и ровно. Потомъ пошелъ дѣдушка съ своей дочерью на толчею, захватилъ изъ ступицы горсть толченаго проса, обдулъ его на ладони и сказалъ помольщику, знакомому мордвину: «чего смотришь, сосѣд Васюха? Видишь, ни одного неотолченаго зернышка нѣтъ. Вѣдь перепустышь, такъ пшена-то будетъ меньше.» Васюха самъ попробовалъ и самъ увидѣлъ, что дѣдушка говоритъ правду; сказалъ спасибо, поклонился, то-есть кивнулъ головой, и побѣжалъ запереть воду. Оттуда проишелъ дѣдушка съ своей ученицей на птичный дворъ; тамъ все нашелъ въ отличномъ порядкѣ: гусей, утокъ, индѣекъ и куръ было великое множество, и за всѣмъ смотрѣла одна пожилая баба съ внучкой. Въ знакъ особенной милости дѣдушка далъ обѣимъ поцѣловать *ручку*, и приказалъ, сверхъ мѣсячины, выдавать птичницѣ ежемѣсячно по полупуду пшеничной муки на пироги. Весело воротился Степанъ Михайловичъ къ Армянъ Васиѣвнѣ; всѣмъ былъ онъ доволенъ: и дочь понятва, и мельница корошо мелеть, и птичница Татьяна *Горожана* (*) хорошо смотреть за птицею.

Жаръ давно свалилъ, прохлада отъ воды умножала прѣхладу отъ вступавшаго вечера, длинная туча пыли шла по дорогѣ и

(*) Прозванье «Горожанъ» она имѣла потому, что нѣсколько времени съ-молodu жила въ какомъ-то городѣ.

приближалась къ деревнѣ, слышалось въ ней блянье и мычанье стада, опускалось за Челябинскую гору потухающее солнце. Стоя на плотинѣ, любовался Степанъ Михайловичъ на широкій прудъ, какъ зеркало лежавшій въ отлогихъ берегахъ своихъ; рыба играла и плескалась безпрестанно. Но дѣдушка не былъ рыбакомъ. — «Пора, Ариша, домой, староста, чай, ждетъ меня», сказалъ онъ. Меньшія дочери, видя его въ веселомъ расположеніи, стали просить позволенія остаться поудить, говоря, что на солнечномъ закатѣ рыба клюетъ лучше, и что черезъ полчаса онѣ придутъ пыпкомъ. Дѣдушка согласился и уѣхалъ съ бабушкой домой, на своихъ дрогахъ, а Елизавета Степановна съ маленькимъ братомъ сѣла на другія дроги. Степанъ Михайловичъ не ошибся: у крыльца ожидалъ его староста, да и не одинъ, а съ нѣсколькими мужиками и бабами. Староста уже видѣлъ барина, зналъ, что онъ въ веселомъ духѣ, и разсказалъ о томъ кое-кому изъ крестьянъ; нѣкоторые, имѣвшіе до дѣдушки надобности или просьбы, выходящія изъ числа обыкновенныхъ, воспользовались благопріятнымъ случаемъ, и всѣ были удовлетворены: дѣдушка далъ хлѣба крестьянину, который не заплатилъ еще стараго долга, хотя и могъ это сдѣлать; другому позволилъ женить сына, не дожидаясь зимняго времени, и не на той дѣвкѣ, которую назначилъ самъ; позволилъ виноватой солдаткѣ, которую приказалъ было выгнать изъ деревни, жить по прежнему у отца, и проч. Этого мало: всѣмъ было поднесено по серебряной чаркѣ, вмѣщавшей въ себѣ болѣе кваснаго стакана, домашняго крѣпкаго вина. Коротко и ясно отдалъ дѣдушка хозяйственныя приказанія старостѣ и поспѣшилъ за ужинъ, нѣсколько времени его уже ожидавшій. Вечерній столъ мало отличался отъ обѣденнаго; и вѣроятно, кушали за нимъ поплотнѣе, потому что было не такъ жарко. Послѣ ужина Степанъ Михайловичъ имѣлъ обыкновеніе еще съ полчаса посидѣть въ одной рубахѣ и прохладиться на крыльцѣ, отпустить семью свою на покой. Въ этотъ разъ, нѣсколько долѣе обыкновеннаго онъ шутилъ и смѣялся съ своей прислугой; заставлялъ Мазана и Танайченка бороться и драться на кулачки, и такъ ихъ поддразнивалъ, что они, не шутя, колотили другъ друга и вцѣ-

пились даже въ волосы; но дѣдушка, до сыта насмѣявшись, повелительнымъ словомъ и голосомъ заставлялъ ихъ опомниться и разсѣйтись.

Лѣтняя, короткая, чудная ночь обнимала всю природу. Еще не угасъ свѣтъ вечерней зари и не угаснетъ до начала сосѣдней утренней зари! Часъ отъ часу ярче сверкали звѣзды, громче раздавались голоса и крики ночныхъ птицъ, какъ будто они приближались къ человеку! Ближе шумѣла мельница и толкла въ полночь сиромъ туманъ.... Всталъ мой дѣдушка съ своего крѣпечка, перекрестился разъ другой на звѣздное небо и легъ почитать, не смотря на духоту въ комнату, на жаркій пуховикъ, и приказалъ опустить на себя пологъ.

С. А.

1854 года.

Февраль.

О НАРОДНОМЪ ПРОДОВОЛЬСТВІИ

ВЪ ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

Древнѣйшій, простой до грубости бытъ народа обозначается тѣмъ, что чаша общественнаго бѣдствія тамъ всливается до дна. Въ политическомъ отношеніи, полная вѣкорность врагу и потеря земли, безъ всякаго смягченія уступокъ переговорами, или условіями; въ физическомъ, безпрепятственное дѣйствіе вѣтшной природы, — въ видѣ заразы, до истощенія миазма, — въ видѣ пожара, до уничтоженія послѣдняго бревна, — и въ видѣ голода, до истребленія всѣхъ, кого не сохранитъ случай до болѣе урожайнаго года. Исторія общественныхъ несчастій есть также свидѣтельство о степени, которую занимаетъ народъ въ образованіи, — есть также исторія образованія народа. — Что говорятъ наши лѣтописи о голодахъ, неурожаяхъ и мѣрахъ противъ этихъ бѣдствій, въ древней Россіи?

Первое лѣтописное извѣстіе о голодѣ въ Россіи встрѣчается подъ 1024 годомъ (1). Голодъ случился въ Суздальской области, по причинѣ неурожая. И въ послѣдствіи времени, извѣстія о голодахъ и неурожаяхъ относятся преимущественно къ свѣрнымъ областямъ Руси, такъ что, судя по словамъ лѣтописей, югъ нашъ страдалъ отъ голодовъ менѣе сѣвера. Но, по словамъ тѣхъ же лѣтописей, и

(1) Песторова Лѣтоп. по Лавр. списку 63, 64. Истор. Госуд. Росс. Прил. 26.

на сѣверѣ голода преимущественно господствовали въ областяхъ Пскова и Новагорода; на самомъ же дѣлѣ ни одна часть Руси не была счастливѣе другой въ этомъ отношеніи. По крайней мѣрѣ, ни въ климатѣ Руси, ни въ ея почвѣ, ни въ бытѣ Русскаго народа, ни въ дѣятельности его правительства нельзя открыть никакого основанія для того, чтобы предполагать самую возможность такого различія между областями Руси, находящимися на ея сѣверѣ, или югѣ, востокѣ, или западѣ. Безъ сомнѣнія, пространство Россіи постоянно мѣшало появленію въ ней голодовъ и неурожаевъ общихъ, или повсемѣстныхъ; но, судя по одинаковости условій, подъ которыми находится вся Русская земля, мы убѣждены, что явленія голодовъ, отмѣченныя для одного ея края, въ однихъ годахъ, повторялись въ другомъ крайѣ въ другіе годы, и по судьбѣ одной такой области, каковы Псковъ или Новгородъ, можно судить о судьбѣ остальной Россіи. По этому строгое изслѣдованіе предѣловъ каждой мѣстности, которая въ данное время терпѣла голодъ, мы не считаемъ необходимымъ для познанія состоянія Россіи въ этомъ отношеніи, и позволяемъ себѣ довольствоваться общимъ выраженіемъ лѣтописи о мѣстѣ дѣйствія голода, или неурожая, тѣмъ болѣе, что шесть или семь вѣковъ времени, въ которое мы разсматриваемъ вопросъ о голодахъ въ Россіи, могутъ достаточно уравнивать неточность нашихъ заключеній о пространствахъ (1).

Голодъ 1024 года произошелъ, по словамъ лѣтописца, отъ неурожая. Замѣчательно, что неурожаемъ до позднѣйшаго времени былъ единственною причиною голода въ Россіи. Мы не знали въ древности искусственной дороговизны, которая происходитъ не столько отъ недостатка въ хлѣбѣ, сколько отъ разныхъ сдѣлокъ торговаго класса. И, если что можно отнести къ искусственнымъ причинамъ дороговизны, или голода въ древней Россіи, такъ развѣ военныя событія,

(1) Любопытствующимъ мы отсылаемъ къ *Изслѣдованіямъ* и пр. М. П. Погодина, IV. 261, 293 и друг.

занятіе непріателемъ хлѣбородныхъ волостей, осаду города, или такое положеніе, въ которомъ городъ отрѣзывается отъ селъ и деревень и т. п.

1024 годъ, конечно, не есть первый годъ въ исторіи голодовъ Россіи. Голода бывали прежде; и до 1024 года голодовъ было много, даже на памяти людей, жившихъ до этого года. Это видно изъ разсказа лѣтописца о голодѣ 1024. Въ это время, говоритъ лѣтопись, жители Суздальской области отправились, по Волгѣ внизъ, и привезоша хлѣба изъ Болгаръ. Стало быть, имъ уже извѣстны были средства и пути на случай неурожаевъ. Съ другой стороны, выраженіе В. К. Ярослава, что голодъ есть Божіе наказаніе, и что *Богъ наводитъ, по грѣхомъ, на куюждо землю голодомъ или моромъ, ли ведромъ*, также свидѣтельствуетъ, что голодъ давно извѣстенъ въ Руси и весьма хорошо. Ярославъ именно говоритъ, что голодъ бываетъ отъ неурожая, а неурожай отъ вѣдра, или засухи. Это до такой степени вѣрно, что и въ послѣдующіе вѣки Россія страждетъ почти исключительно отъ засухи, отъ жаровъ, или морозовъ, вообще отъ вѣдра.

Дѣйствіе суздальскаго голода 1024 г. на жителей, на ихъ бытъ и самую жизнь было ужасно, и потому лѣтопись занесла это событіе на свои страницы, такъ точно, какъ и въ послѣдствіи лѣтопись повѣствуетъ преимущественно о голодахъ, имѣвшихъ подобныя ужасныя слѣдствія для народа. Обыкновенные случаи неурожаевъ, повторявшіеся часто, но не имѣвшіе особыхъ, общихъ, народныхъ послѣдствій, какъ явленія внѣшней природы, а не исторіи народа, только слегка отмѣчаются лѣтописцемъ, да и то въ вѣка болѣе поздніе и болѣе близкіе къ нашему времени. Голода у насъ составляютъ явленія исключительныя, эпохи болѣзненнаго состоянія Руси. Но, по великости болѣзней, перенесенныхъ организмомъ, можно судить о нормальномъ количествѣ его силъ, и потому исторія голодовъ такъ же должна входить въ исторію народа, какъ исторія его войнъ, болѣзней, бѣдности и т. д.

Въ 1024 году, по разсказу летописца, въ Суздальской области народъ умиралъ съ голоду, волновался и производилъ мятежи. И вотъ встають, говоритъ летопись, волхвы, или кудесники въ Суздаль, и раздувають пламя. Они ходятъ съ мѣста на мѣсто, и доказываютъ, что виною голода известные имъ люди, а именно: *старыя женщины и безполезная, старая прислуга, чадь, или челядь*. Нельзя не видѣть въ этомъ новаго доказательства, что голода случались и до 1024 года, и что противъ нихъ имѣла древняя языческая Россія свои средства, свою политику, свою политическую экономію. По правиламъ этой экономіи, все слабое, физически безполезное для общества, при недостаткѣ продовольствія, лишалось права дѣлать жизнь съ лицами физически-сильными и для общества полезными, и должно было уступить имъ свое мѣсто въ жизни. Такое исключительное право сильныхъ на жизнь встречаемъ мы и въ древнемъ Лаңіумѣ, гдѣ существовалъ общій законъ избіенія престарѣлыхъ людей для того, чтобъ остальные не нуждались въ продовольствіи, *ut reliquis cibaria sufficerent* (1).

У насъ только во время сильнаго голода народъ, обезумленный бѣдствіемъ, увлекаемый волхвами, убивалъ старыхъ женщинъ и рабовъ, говоря въ свое оправданіе, *яко си держатъ гобино*. Въ этихъ словахъ летописца—цѣлая картина ужасовъ, произведенныхъ страхомъ голодной смерти, такъ что, показавъ степень народнаго изступленія, летописецъ не имѣлъ нужды распространяться о физическихъ страданіяхъ народа, тѣмъ болѣе, что ему предстояла, въ этомъ мѣстѣ, другая задача—разсказать про борьбу, въ которую вступила съ этою языческою теоріею и языческою политикою теорія христіанская, политика челолюбія и здраваго смысла. Христіанство уже сдѣлало, къ этому времени, успѣхи въ Россіи, такъ что волхвы, закореѣные представители язычества, удаляются на лѣсистый сѣверъ, остаются вдали отъ

(1) Meueau Christophe, Du problème de la misère, I, 109.

свѣта и народа, и появляются только при случаяхъ такого общественнаго бѣдствія, каковъ голодъ, да и тутъ уже не успѣваютъ вполне привлечь народъ на свою сторону. Ярославъ скорѣе и вѣрнѣе нашелъ доступъ къ уму народа, говоря, что *Богъ наводитъ, по грѣхомъ, на куюждо землю гладомъ, или моромъ, ли ведромъ, ли иною казнію, а человекъ не вѣсть ничтоже*. И В. Князь успѣлъ, во-первыхъ, остановить разбой волхвовъ и покарать виновныхъ, заточеніемъ однихъ и смертію другихъ, и во-вторыхъ, напомнить народу про путь внизъ по Волгѣ, въ Болгарію, откуда жители Суздальской области дѣйствительно привезли себѣ хлѣба, и тако *ожиха*. Такимъ образомъ уже въ этомъ первомъ историческомъ случаѣ голода, хлѣбная торговля является и первымъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ неурожая. И замѣчательно, что Россія почти исключительно держится этого средства обезпеченія своего продовольствія до XVII в., или даже до Петра В., съ тѣмъ только различіемъ, что въ позднѣйшія времена въ Русь возятъ хлѣбъ, за которымъ теперь русскіе ѣдутъ сами, и что впоследствии внутренняя торговля хлѣбомъ обезпечиваетъ продовольствіе Россіи, тогда какъ въ 1024 году русскіе ищутъ его за предѣлами отечества. Впрочемъ походы за хлѣбомъ продолжаютъ долго и выражаются въ лѣтописи словами: *разыдеса градъ нашъ и волость наша*, т. е. искать продовольствія въ странахъ болѣе плодородныхъ.

Другой случай голода относится къ 1070 году (1), и принадлежитъ къ событіямъ Ростовской области, такъ же сѣверной, такъ же лѣсистой и такъ же допускавшей древнюю языческую политику, относительно неурожаевъ, доходившихъ до голодной смерти. Подъ этимъ годомъ лѣтописецъ рассказываетъ, что, «бывши, единою, скудости въ Ростовскѣй области, встаста два волхва отъ Ярославля, маголюше, яко въ свѣвъ, кто обилье держить, и поидоша по Волзь. Кдѣ придуть въ погость, ту же нарицаху лучшіе

(1) Нест. Лѣтоп. по Лавр сп. 75.

жены, глаголюще, яко си жито держать, а си медь, а си рыбы, а си скору. И привожаху къ нима сестры своя, матере и жены своя; она же въ мечть проръзавше за плечемъ, выпмаста либо жито, либо рыбу, и убивашета многы жены, имъне ихъ отымашета себъ». — Вникая въ этотъ рассказъ летописца, нельзя не примѣтить, что, при всемъ видимомъ сходствѣ событій 1024 и 1070 годовъ, между ними есть и большое различіе, и что событіе 1024 не осталось бесполезнымъ для явленій 1070 года. Тамъ и здѣсь народъ въ изступленіи; тамъ и здѣсь волхвы проводятъ древнюю языческую практику, увѣряя народъ, что женщины причиною недостатка, и что онѣ держатъ изобиліе. Но здѣсь уже встаютъ не *орлхвы*, а только два волхва изъ Ярославля; здѣсь народъ не тотчасъ, по первому слову, слѣдуетъ за ними, а требуетъ доказательствъ, и волхвы должны были прибѣгать къ обману чувствъ, *мечтъ*, должны были проръзывать, для виду, кожу на плечахъ несчастныхъ жертвъ суевѣрія, и дѣлать видъ, будто оттуда падаютъ то рожь, то рыба, то мѣха и т. д. Обманъ не легкой и не вездѣ могъ удаваться; и требовалъ многихъ пособниковъ, помощниковъ и участниковъ обмана. Можетъ быть, по этому и летописецъ иногда, вмѣсто двойственнаго, употребляетъ множественное число, говоря напримѣръ: «Кдѣ придуть, нарицаху лучшіе жены». Естественно, что приверженцы этихъ волхвовъ держались уже не однимъ суевѣріемъ, а подкупомъ и надеждой на добычу, и потому легче могли быть открыты. Здѣсь дѣло рѣшается не самимъ В. Княземъ Святославомъ, а его намѣстникомъ Яномъ, не смотря на то, что волхвы были княжескіе смерды, и, въ этомъ качествѣ, по статьѣ Рус. Правды (1), требовали себѣ суда В. Князя, и считали себя свободными отъ всякаго наказанія до его рѣшенія. Янъ успѣлъ однакожь своею властію остановить разбой волхвовъ, повелѣвъ Белоозерцамъ, къ которымъ волхвы пришли,

(1) ХCV, изданія Калачова. Здѣсь опредѣляется наказаніе за умученіе смерда безъ княжескаго слова, т. е. приказа.

схватить ихъ и выдать ему, для наказанія. Къ сему, вѣроятно, не мало содѣйствовало ученіе В. Князя Ярослава, повторенное Яномъ, о *Богѣ, который одинъ все совершаетъ, и о твари, которая сама по себѣ ничего не можетъ сдѣлать*. Но такъ же вѣроятно, что Янъ указалъ при этомъ на тотъ или другой край Россіи, откуда можно было получить продовольствіе, и тѣмъ окончательно убѣдилъ народъ, вмѣсто безполезнаго, жестокаго принесенія родныхъ въ жертву суевѣрію, пожертвовать трудомъ и кунами, для сохраненія въ живыхъ всего населенія.

Но во всякомъ случаѣ, очевидно, что вѣра въ волхвовъ, даже въ годину страшнаго голода, у насъ не выходила за предѣлы простаго народа, который умиралъ голодною смертію; и что правительство постоянно противодѣйствовало этой вѣрѣ, и притомъ успѣшно, даже въ такія злыя времена; да и самый народъ не слишкомъ довѣрялъ волхвамъ, даже въ первые годы введенія въ Русь христіанства, заставляя ихъ удаляться на глубокой сѣверъ, и выдавая ихъ для казни, по востребованію князя, или его намѣстника. Тогда какъ, на пр., во Франціи, въ концѣ VIII столѣтія, три вѣка спустя послѣ принятія христіанства, само правительство, самъ Карлъ V. вѣрилъ, что волхвованія и ворожба причиною неурожаевъ. И долго спустя, на западѣ Европы господствуетъ повѣрье, что неурожаи происходятъ отъ волхвовъ (1). Напротивъ у насъ 1070 годъ былъ послѣднимъ годомъ появленія волхвовъ такого рода. Дальнѣйшая исторія голодовъ въ Руси обходится безъ ихъ участія, даже въ XI вѣкѣ; лѣтописецъ, повѣствуя о голодахъ, отмѣчаетъ однѣ естественныя явленія, которыя были причиною неурожая въ той или другой области Руси.

(1) Roscher's 'Ueber Kornhandel', 1852, Stuttgart und Tübingen, 76: Karl der Grosse schrieb die Theuerung von 795 bösen Geistern zu, welche die Körner aus der Aehre verzehrt haben. Тамъ же объ Tempestarii u Hexenmeister, которыми народъ запада приписывалъ градобітіе и другія причины неурожаевъ. См. такъ же De la Mare, Traité de la Police, II, 336.

Такъ описанъ третій случай голода, бывшій въ Россіи въ 1092 году (1). Онъ имѣлъ мѣсто во многихъ областяхъ Руси, говорить летописецъ. Принимая слово: область, въ его техническомъ значеніи, по которому въ XI в. областей въ Руси было всего пять, шесть, а именно: Кіевская, Переяславская, Черниговская, Суздальская, Смоленская, Полоцкая и Новгородская, — во многихъ областяхъ означало бы, что голодъ былъ почти повсемѣстный. Но вѣроятно, что летопись, въ этомъ мѣстѣ, называетъ областями отдельные города, съ ихъ волостями, и что голодъ имѣлъ мѣсто въ значительной части тогдашней Россіи. Голодъ произошелъ, по словамъ летописца, отъ неурожая, который съ своей стороны произведенъ сильными необычайными жарами, такъ что поля засыхали, мѣса и болота сами воспламенялись. «Ведрѣ бяше, яко изгораше земля; и мнози борове загарахуся сами и болота». Голодъ былъ страшный, и сопровождался большою смертностію, или моромъ; такъ что въ одномъ Кіевѣ съ 14 ноября по 1-е февраля, следовательно въ теченіи 78 дней умерло до 7000 человекъ, и каждый день умирало ихъ по 90. Эта смертность прекратилась къ февралю; стало быть, къ февралю Кіевляне получили подвозъ хлѣба; стало быть, торговля хлѣбомъ и здѣсь оказала свое благотворное вліяніе.

Не успѣли жители юга оправиться отъ ужасовъ, произведенныхъ засухой 1092 года, какъ постигло ихъ новое несчастіе, въ 1094 (2), когда саранча тучами налетѣла на поля Русьской земли, вѣроятно Кіевской, частью Переяславской и Черниговской области. «Придоша пружи, 26 Августа, на Русьскую землю, и поядоша всяку траву и много жита». Не все жито подверглось уничтоженію потому, что, въ тѣхъ мѣстахъ, къ концу августа, почти весь хлѣбъ убираютъ съ поля, и особенныхъ слѣдствій для людей не могло имѣть появленіе саранчи въ эту пору. Летописецъ занесъ событіе въ свою хронику по его особенностямъ и необычайности.

(1) Нест. Лѣт. по Лавр. сп. 92. Карамз. Ист. примѣч. 195.

(2) Нест. Лѣт. по Лавр. сп. 96. Карамз. II, 105.

«И не бѣ сего слышно въ днѣхъ первыхъ», говоритъ онъ, какъ бы въ доказательство, что ему известны были все причины прежнихъ голодовъ и недостатка въ продовольствіи, и что саранча отнынѣ составитъ новую причину неурожая въ Руси.

И такъ въ XI вѣкѣ, на Руси, было четыре случая неурожая. Первые два имѣли мѣсто только на сѣверѣ, были частные, но сильныя до вѣры въ волхвованіе и до убійства челяди и женщинъ; третій извѣстенъ обширностію своего вліянія, и сильнымъ моромъ, но особенно тѣмъ, что не допустилъ вмѣшательства волхвовъ, и, кажется, уступилъ разумному средству—хлебной торговлѣ. Наконецъ четвертый случай былъ мѣстный, касался одного юга, мало дѣйствовалъ на продовольствіе народа, и замѣчательнъ только новостію причины, которая произвела, можетъ быть, недостатокъ въ кормѣ, да возвышеніе цѣнъ на продовольствіе. Все эти четыре случая имѣютъ то общаго между собою, и тѣмъ отличаются отъ послѣдующихъ, что измѣряются, въ лѣтописи, только степенію страданій народа, такъ сказать, субъективно. Можетъ быть, этому обстоятельству должно приписать и то, что лѣтопись отмѣтила въ цѣломъ XI столѣтіи только эти четыре случая. Безъ сомнѣнія, неурожай должны были имѣть мѣсто въ Россіи гораздо чаще въ XI вѣкѣ, точно такъ же, какъ и въ послѣдующія столѣтія. Но, имѣя задачею указать на случаи самаго чрезвычайнаго бѣдствія, лѣтопись опустила все другіе, въ которыхъ народъ страдалъ, но не такъ ужасно. Только съ XII вѣка лѣтопись дѣлается болѣе полною и отчетливою повѣстію о голодахъ и неурожаяхъ въ Россіи, и опредѣляетъ силу недостатка въ продовольствіи, посредствомъ возвышенія цѣнъ на хлебъ и другіе предметы потребленія.

Конечно, эта точность не вездѣ, не всегда, не вполне выдержана въ нашихъ лѣтописяхъ; но все-таки мы можемъ найти въ нихъ много основаній для сужденія о нашемъ предметѣ. Съ XII до XVII столѣтія, русскія лѣтописи указываютъ на разные случаи неурожая и голодовъ; отмѣчаютъ

причины ихъ и пространство дѣйствія, наконецъ опредѣляютъ высоту цѣнъ на хлѣбъ и ихъ вліяніе на бытъ народа. Слѣдовательно, сравнивая между собою различные случаи, имѣвшіе мѣсто въ одномъ и томъ же столѣтїи, и повѣряя различные выводы даннаго вѣка общими итогами другихъ, мы можемъ почти достоверно воспроизвести и понять картину этой стороны древней народной жизни. Правда, и съ XII вѣка лѣтопись преимущественно останавливается на событіяхъ исключительныхъ, и отмѣчаетъ цѣны на хлѣбъ самыя высокія; но, не говоря уже о томъ, что иногда лѣтопись отступаетъ отъ своего правила, и упоминаетъ даже о недорогихъ годахъ, познаніе цѣнъ самыхъ необыкновенныхъ, самыхъ чрезмѣрныхъ, можетъ вести къ заключеніямъ весьма любопытнымъ и важнымъ въ вопросъ объ экономическомъ бытѣ древней Россіи. Прибавимъ къ этому, что хотя переводъ на наши цифры древнихъ числовыхъ выраженій для хлѣбныхъ мѣръ и для цѣнъ на хлѣбъ весьма труденъ и до сихъ поръ не установленъ и не объясненъ; но этотъ переводъ, какъ намъ кажется, возможенъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ возможно поставленіе и рѣшеніе вопроса о цѣнахъ на хлѣбъ въ древней Россіи. Какъ мы воспользовались этою возможностью, пусть судятъ читатели.

Предоставляя себѣ излагать подробности, касающіяся древней системы мѣръ, вѣсовъ и денегъ, въ тѣхъ мѣстахъ статьи, гдѣ это изложеніе окажется и болѣе нужнымъ, и болѣе яснымъ, и болѣе доказательнымъ, мы ограничимся здѣсь установленіемъ общихъ и наименѣ спорныхъ положеній объ этой системѣ. Такъ о *вѣсь* замѣтимъ, что и въ древности высшая единица вѣса носила названіе пуда въ 40 фунтовъ, или большихъ гривенокъ; что гривенка вообще равнялась фунту, и содержала 96 золотниковъ, если дѣло шло о вѣсѣ громаднѣхъ и обыкновенныхъ товаровъ, меду, соли, хлѣба и т. п., и что гривенка *малая*, *кладовая* и *скаловая* составляла полфунта, 48 золотниковъ, если должна была служить мѣрою вѣса дорогихъ вещей, шелку и особенно золота и серебра, а съ тѣмъ вмѣстѣ и денегъ.

О хлѣбныхъ мѣрахъ знаемъ, что древнѣйшая и наибольшая изъ нихъ была *кадь* (*оковъ*), раздѣлявшаяся на 4 четверти и на 8 осьминожъ, или *малыхъ кадей*. Осьминка, съ своей стороны, дѣлилась на свои четверти, или *четверетки*, впоследствии — *четверики*, которые иногда также назывались *осьминками*, какъ $\frac{1}{8}$ часть четверти, и также *малыми кадками*.

Наконецъ о денежной системѣ скажемъ здѣсь, что она въ древней Россіи, до XIV и XV вѣковъ была *гривенная*, а съ этого времени дѣлается *рублевою*, т. е. до XIV и XV вѣковъ все покупалось и продавалось и цѣнилось гривнами, и ея частями, кунами, векшами и т. д., а потомъ до нашего времени рублями, полтинами, гривнами, деньгами. Въ древней системѣ гривны встрѣчаются трехъ родовъ, — *гривна золота*, *гривна серебра* и *гривна кунъ*. Гривны золота и серебра содержали въ себѣ полфунта металла, котораго имя носили. Гривна золота содержала въ себѣ 50 гривенъ кунъ, а гривна серебра только $7\frac{1}{2}$, такъ что золото относилось къ серебру какъ 50: $7\frac{1}{2}$, или почти какъ 7: 1. Съ своей стороны гривна кунъ равнялась 50 кунамъ, или рѣзанамъ, и 20 ногатамъ, такъ что ногата содержала въ себѣ $2\frac{1}{2}$ куны, или рѣзаны (1).

Полагая, въ наше время, 1 ф. сер. = 20 р. сер.

1 гривна серебра или $7\frac{1}{2}$ грив.

кунъ будутъ равны. = 10 р. сер.

1 грив. кунъ, или 50 рѣз. и

кунъ. = $1\frac{1}{3}$ р. с.

1 рѣзана, или куна. = $2\frac{2}{3}$ к. с.

1 ногата. = $6\frac{2}{3}$ к. с.

Система рублевая, повидимому, должна быть для насъ и яснѣе и точнѣе гривенной. Но, появившись съ начала XIV в., рубль измѣнялся въ цѣнѣ и величинѣ, такъ что въ одномъ

(1) Рус. Права, по Калач. изд., стл. XLII, -- XII и слѣд. Карамз. Ист. Гос. Рос., II, примѣч. 79.

случая онъ былъ кускомъ металла въ полуунта, въ другомъ менше четверти, представляя цѣну почти пяти рублей серебромъ нашего времени. Части рубля, молтины, гривны, алтыны, деньги увидимъ болѣе ясно при дальнѣйшемъ изложеніи дѣла.

Послѣ сказаннаго нами дѣлается понятнымъ разсказъ летописи подъ 1127 годомъ ⁽¹⁾, когда въ Новгородѣ на осень *уби морозъ вѣрши (рожь) всю и озимциъ; и бысть голодъ и черезъ зиму ржи осминка по полугривень, и когда въ томъ же Новгородѣ, въ 1128, ⁽²⁾ лють бѣше: осминка ржи по гривень бѣше, и ядоху люди листь липовъ, и т. д.* Отсюда слѣдуетъ, что 1128, въ Новгородѣ, платили за четверть ржи 2 гривны, или 100 кунъ, или почти 2 руб. 70 коп. с., а за кадъ 8 гривень, или болѣе гривны серебра, болѣе 10 руб. с. Но не забудемъ, что драгоценные металлы, въ то время, въ цѣлой Европѣ были рѣже теперешняго, и потому дороже; что Америка съ ея рудниками не была еще известна и открыта; и что серебряный нашъ рубль, въ то время, стоилъ бы въ 10 разъ болѣе теперешней своей цѣны. И такъ платить болѣе 2¹/₂ руб. за четверть значило, въ 1128 г., то же, что нынѣ заплатить болѣе 25 р., а платить 10 руб. сер. за кадъ значило заплатить 100. И понятно, что весьма многіе, можетъ быть, большая часть изъ жителей Новгородской области принуждены были отказаться отъ употребленія хлѣба, и «ядяху листь липовъ, кору березову, ивиі молицъ истолкше, мятуце съ пельми и съ соломою, ивиі ушь, мохъ, конину. И тако другимъ падъшимъ отъ глада, трупе по улицамъ и по тѣргу и по путямъ и всюду; наяша наемты возити мѣртвѣця изъ города; а смородымъ нелга выльзти. Туга, бѣда на всѣхъ! Отець и мати чадо свое въсажаше въ лодью даромъ гостымъ; ови ихъ изъмроша, а друзія розидошася по чюжимъ землямъ. И тако, по грѣхомъ нашимъ, погыбе земля наша». Такой ужасъ голода, общаго для всей Новгородской области, дѣлаетъ вѣроятною

(1) Новгород. Лѣт. I, 5. (2) Тамъ же

самую чрезмѣрную цѣну хлѣба. Ганой голодъ показывается, что хлѣба не было ни въ продажѣ, ни въ запасѣ. И лѣтописецъ именно говоритъ, что голодъ произошелъ отъ неурожая, а неурожай отъ мороза, побившаго 1127 г. озимъ и яровое, и отъ глубокихъ снѣговъ, лежавшихъ до 30 апрѣля 1128, такъ что земледѣльцы, выхавшіе на весеннія работы, увидали одну грязь на поляхъ своихъ ⁽¹⁾. Въ то же почти время, а именно 1129, на югъ Руси, вода была такъ велика, что *потопи люди и жито* ⁽²⁾; но лѣтописецъ не распространяется въ рассказѣ о слѣдствіяхъ такого событія.

1137, ⁽³⁾ опять дороговизна въ Новгородѣ, но уже по другой причинѣ, по недостатку подвоза, который былъ прерванъ, вслѣдствіе военныхъ событій. Въ это время за осминку ржи платили по 7 рѣзанъ. Здѣсь, очевидно, осминка означаетъ осьмую часть четверти, или нашъ четверикъ, такъ что четверть обходилась въ 56 рѣзанъ, или одну гривну и 6 рѣзанъ, а кадь въ 4 гривны и 24 рѣзаны, болѣе полу-гривны серебра, болѣе 5 руб. сер., или, на наши деньги, болѣе 50 руб. сер. за кадь, болѣе 12 за четверть. И выраженіе лѣтописи: *осмынка великая по 7 рѣзанъ* ⁽⁴⁾, должно читать: осмынка невеликая по 7 рѣзанъ. Иначе рассказъ лѣтописи будетъ расходиться какъ съ дѣломъ и обстоятельствомъ, такъ и съ намѣреніемъ лѣтописца.

1141, ⁽⁵⁾ по той же причинѣ, повторяются въ Новгородѣ тѣ же явленія; ибо *туда ни жито не идяше ни отколъже*; а 1144, ⁽⁶⁾ былъ недородъ, на югъ, вслѣдствіе большихъ снѣговъ, лежавшихъ до свѣтлаго праздника, *комеви по чрево*, по опредѣленію лѣтописи.

(1) Карамз. II, примѣч. 255 п стр. 167.

(2) Киев. Лѣт. по Ипат. сп. 12.

(3) Карамз. II, стр. 176. Новгород. I, 8.

(4) Предполагая здѣсь $\frac{1}{8}$ кади, на которую намекаетъ выраженіе: осмынка великая, сама кадь будетъ стоить 1 гр. и 6 рѣзанъ, что слишкомъ дешево, какъ увидимъ изъ всѣхъ будущихъ случаевъ.

(5) Киев. Лѣт. по Ипат. сп. 17. Карамз. II. 185.

(6) Киев. Лѣт. по Ипат. сп. 19.

Въ 1145, (1) въ Новгородѣ, неурожаи произошелъ впервые отъ дождей, мокроты и сырой погоды. «Стояша двѣ недѣли нѣльнѣ, яко искря жгуце, теплѣ велми, переже жатвы; потомъ найде дѣжгъ, яко не видѣхомъ ясна дни ни до зими; и много бѣ уимѣ житѣ, и сѣва не удѣлаша». 1154 годъ (2) ознаменованъ моромъ въ лошадяхъ, по случаю военныхъ походовъ; а 1158, (3) падежемъ, вѣроятно, по недостатку корма.

Но ни наводненія, ни падежи на скотъ не сдѣлали того зла, которое причиняетъ засуха 1161 (4), когда, «стоя все лѣто вѣдромъ, въ Новгородѣ, и пригорѣ все жито, и на осень уби всю ярь морозъ, — и купляхомъ кадку малую по 7 кунѣ». Тутъ засуха дѣлаетъ совершенно то же, что сдѣлала война, въ 1137 году. И тамъ и здѣсь хлѣбъ поднялся въ цѣнѣ на одинаковую высоту, до 7 кунѣ за четверикъ, до 1 гр. и 6 кунѣ за четверть, и до 4 гр. и 24 кунѣ за кадъ.

1164, (5) *бысть потопъ велика, въ Галичи, отъ разлитія Днѣстра, и бысть въ нихъ жатво дорого рамено*; а 1170 (6), *бысть дороговъ Новгородѣ, и купляху кадъ ржи по 4 гривнѣ, а хлѣбъ по 2 ногатѣ, а медъ по 10 кунѣ пудъ*. «Кадъ ржи въ четыре гривны даетъ для четверти 1 гривну, — для четверика $6\frac{1}{4}$ рѣзанъ. Полагая четверть равною 9 пудамъ муки, или 360 фунтамъ, мы получимъ, что эти 360 фунтовъ стоили 50 рѣзанъ, одинъ же фунтъ $\frac{1}{4}$ рѣзанъ, т. е. что на 1 рѣзану можно было купить 7 фунтовъ муки, а на 5 рѣзанъ, или на двѣ ногаты 36 фунтовъ. Зная, что изъ фунта муки выходитъ $1\frac{1}{2}$ ф. печенаго хлѣба, понятно, что за двѣ ногаты можно было купить печенаго хлѣба 54 фунта. Очевидно, что здѣсь должно или, вмѣсто 2 ногаты, читать: двѣ рѣзанъ, или предполагать, что торговый печеный хлѣбъ былъ и слишкомъ не полноувѣсенъ, и слишкомъ не чистъ; недаромъ лѣтописецъ заноситъ въ свою хронику отдѣльно цѣну печенаго хлѣба. Такъ какъ 5 рѣзанъ равняются $13\frac{1}{8}$ коп. сер.

(1) Новгород. Лѣт. I, 10. (2) Киев. Лѣт. по Ипат. сн. 74.

(3) Новгород. II, 125. 4) Новгород. I, 13. (5) Киев. Лѣт. по Ипат. сн. 91.

(6) Новгород. I, 15.

или 133 к. теперешней стоимости; то фунтъ печенаго хлѣба стоилъ въ 1164 году почти 3 к. сер. нашихъ денегъ, или около 10 коп. на ассигнаціи.

Около того же времени, а именно въ 1173 году ⁽¹⁾, упоминается морзъ въ конехъ, но по случаю осаднаго и военнаго состоянія; а въ 1188 г. упоминается послѣдній случай неурожая, имѣвшій мѣсто въ XII столѣтіи, когда, по новгородскому лѣтописцу, « на зиму бысть дороговъ, оже купляхуть по двѣ ногаты хлѣбъ, а кадь ржи по 6 гривенъ; нъ, Божіею милостию, не бысть пакости въ людехъ » ⁽²⁾. Здѣсь двѣ ногаты за хлѣбъ очень у мѣста, и даютъ для вѣса печенаго хлѣба обыкновенную цифру 36, или 37 ф.

При чтеніи этихъ извѣстій, нельзя не чувствовать различія, которое существуетъ между XI и XII столѣтіями. Въ XII вѣкѣ, хлѣбная торговля уже извѣстна, въ Россіи; частыя упоминанія о подвозѣ хлѣба, или его остановкѣ, равно какъ постоянныя отмѣтки цѣны на рожь и печеный хлѣбъ доказываютъ существованіе внутренней хлѣбной торговли: о вывозѣ хлѣба изъ Болгаръ, или вообще изъ-за границы нѣтъ ни слова; между тѣмъ уже не встрѣчается такихъ частыхъ ужасовъ голода, какіе видѣли мы въ XI вѣкѣ. За исключеніемъ неурожая въ году 1128, вѣкъ XII страдалъ отъ одной дороговизны, нъ Божіею милостию, пакости не бысть въ людехъ.

Стало быть, въ это время и земледѣліе находилось въ развитіи болѣе значительномъ. Доказательство тому очевидное встрѣтимъ мы въ первыхъ годахъ слѣдующаго столѣтія, когда вмѣстѣ съ рожью, до сихъ поръ исключительно упоминаемою въ лѣтописяхъ, мы найдемъ и пшеницу и пшено и разные овощи. Но и теперь, судя по развитію хлѣбной внутренней торговли и потому, что русскій народъ въ XII

(1) Кіев. Лѣт. по Ипат. сп. 105. Мѣсто этой Лѣтописи полъ 1185 г. на стр. 130 замѣчательно извѣстіемъ, что у Сверхныхъ Князей Руси кони тучны вельми; слѣд., на стверь, и лучшія пастбища для лошадей, и обильнѣйшій кормъ и тщательнѣйшій уходъ.

(2) Новгород. Лѣт. I, 19—20.

вѣкъ успѣваетъ обезпечить свое продовольствіе собственными средствами, нельзя уже сомнѣваться въ томъ, что сельская промышленность на Руси получаетъ размѣры значительные. Наконецъ вообще замѣчается возрастаніе народнаго богатства въ XII вѣкѣ. Платя въ началѣ столѣтія 8 гривенъ за кадь, народъ гибнетъ и страна пустѣетъ, напротивъ, платя въ концѣ этого же вѣка за ту же кадь 6 гривенъ, народъ не подвергается голодной смерти; и, Божіею милостію, пакости не бысть въ людяхъ.

Но извѣстно, что ни торговля, ни успѣхи земледѣлія не могутъ спасти народъ отъ неурожаевъ; и вѣкъ XIII-й, подобно двѣнадцатому, открывается извѣстіемъ о страшномъ неурожаѣ, который случился въ Новгородѣ, 1214 и 1215 годовъ, когда за кадь ржи платили по 10 гривенъ (1). «Тойже осени, говоритъ летопись про 1215 годъ, много зла ся сотвори; поби мразъ обилье по волости, а на Тържку все чѣло бысть. И зая Князь вършь на Тържку, не пусти въ городъ ни воза. Новгородъ зло бысть вельми: кадь ржи купляхуть по 10 гривенъ, а овса по три гривны, а рѣпъ возъ по 2 гривнѣ». И такъ неурожаѣ, съ оцѣпленіемъ города, произвелъ небывалую доселѣ дороговизну хлѣба; ибо 10 грив. кунъ, по нашему расчету, составитъ 1¼ гр. серебра, или 60 золотниковъ этого металла, или около 15-ти серебряныхъ рублей. При такой цѣнѣ кади, четверть стоила бы около 4 серебряныхъ рублей, а четверикъ 50 серебрян. копѣекъ. Карамзинъ, въ этомъ мѣстѣ, оцѣнилъ четверть въ 3 р. и 60 коп. на наши деньги. Но не въ копѣйкахъ состоятъ различіе между нашею оцѣнкою и оцѣнкою Карамзина. Онъ не принялъ въ расчетъ, что серебро въ XIX вѣкѣ не можетъ имѣть той цѣны, какую имѣло оно въ началѣ XIII; онъ опустилъ изъ виду, что недостатокъ въ хлѣбѣ, происшедшій отъ неурожаѣ, и поддержанный оцѣпленіемъ и строгими военными мѣрами противъ подвоза, не

(1) Новгород. II, 128, и I, 33. Карамз. III, 148, 149.

могъ остановиться на одной дороговизнѣ и на повышеніи цѣны на хлѣбъ до 3 руб. и 60 коп. сер. за четверть. Да и дальнѣйшій разсказъ лѣтописи о состояніи народа, города и волости Новгородской, при указанной цѣнѣ на хлѣбъ, уполномочиваетъ предполагать, что эта цѣна была недосыгаема для большинства, какъ цѣна въ 8 гривенъ 1128 году. Лѣтописецъ говоритъ: «лядаху люди сосновую кору, и листь липовъ и мохъ. О горе тогда, братье, бѣше! дѣти своѣ даяхуть одрень! И поставиша скудельницу, и наметаша поляну. О горе бѣше; по тѣргу трупиѣ, по улицямъ трупиѣ, по полю трупиѣ; не можаху пси изъѣдать челоувѣкъ; а Вожане—помроша, а останкъъ разыдеса. И тако, по грѣхомъ нашимъ, разыдеса власть наша и градъ нашъ.» Соображая двойную причину недостатка въ продовольствіи, равно какъ страшную картину голодной смерти, поражавшей народъ въ такомъ количествѣ, что, по лѣтописи, цѣлая область опустѣла, трупами наполнили цѣлую скудельницу, и все-таки множество ихъ оставалось и на площадяхъ, и по улицамъ, и пси не могли изъѣдать челоувѣкъ, мы не удивимся, если цѣна кади, на наши теперешніи деньги, выразится цифрою 150, четверть получить цѣну около 40, а четверикъ почти 5 нынѣшнихъ рублей. Этимъ доказывается только подлинность такихъ историческихъ явленій, какъ семилѣтній голодъ въ Египтѣ, и такихъ послѣдствій, которыя испыталъ Египетъ въ годы своего голода. Семилѣтній голодъ во Египтѣ перевелъ все золото и серебро въ казну Фараона; передалъ весь скотъ и всѣ орудія полевыя во власть царя; наконецъ передалъ всю землю и все населеніе страны въ его владычество. «Вотъ я купилъ васъ и землю вашу Фараону хлѣбами,» объявилъ наконецъ Іосифъ порабощенному цѣною насущнаго хлѣба населенію Египта. — Понятно, что и у насъ выставленныя лѣтописью страшныя цѣны на хлѣбъ, 1215 года, во время неурожая и соединеннаго съ нимъ опѣпленія города, не суть выраженія дороговизны, а свидѣтельство крайняго недостатка и близости ужасной голодной смерти.

Дороговизна, какъ, на примѣръ, отмѣченная въ лѣтописи

подъ 1228 годомъ (1), описывается иначе. Въ это время, по случаю военныхъ сборовъ и военныхъ обстоятельствъ, все вздорожало на рынкѣ Новагорода: «вздорожиша все на тѣргу, и хлѣбъ, и мяса, и рыбы; и оттолъ ста дороговъ,» уставилась дороговизна такъ, что хлѣбъ «покупали по 2 кунъ, кадь ржи по три гривны, пшеницы кадь по 5, а пшена по 7 гривенъ. И тако ста по три лѣта.» Если кадь ржи стоила 3 гривны кунъ, то на гривну серебра, или на 10 руб. сер. можно было купить $2\frac{1}{2}$ кади, или 10 четвертей; стало быть кадь въ 3 гривны кунъ стоила 4 руб., а четверть ея 1 рубль, или, по современной цѣнѣ, кадь—40, а четверть 10 цѣлковыхъ. Далѣе, если кадь стоила 3 грив., или 150 рѣзанъ, то четверть, или 360 ф. муки— $37\frac{1}{2}$ рѣзанъ, одинъ же фунтъ почти $\frac{1}{10}$ рѣзаны. Стало быть, на 2 рѣзаны можно было купить печеный хлѣбъ въ 24 ф. Сравнивая эту цѣну печенаго хлѣба, при стоимости кади въ 3 грив., въ 1228 году, съ цѣною того же хлѣба, при стоимости кади въ 6 грив., въ 1188 году, мы не можемъ не замѣтить постоянства и правильности въ цѣнѣ на хлѣбъ и на деньги. Въ 1188 платили за печеный хлѣбъ двѣ ногаты, или 5 рѣзанъ, тогда какъ 1228, при цѣнѣ вдвое меньшей, хлѣбъ печеный стоилъ вдвое дешевле, 2 рѣзаны. — Отсюда также вывожу, еще разъ, что въ 1164 году, когда за кадь платили 4 гривны, печеный хлѣбъ стоилъ не 2 ногаты, какъ написано въ лѣтописи, а двѣ рѣзаны.

Дороговизна 1228, которая продолжалась, по лѣтописцу, около трехъ лѣтъ, была ничто въ сравненіи съ событіями 1230 и 1231 годовъ (2), когда «изби мразъ на Вздвиженъе честыаго хреста обилье по волости нашей, и оттолъ горе уставися велико: почахомъ купити хлѣбъ по 8 кунъ, а ржи кадь по 20 гривнѣ, а въ дворѣхъ по полъ 30, а пшеницъ по 40 гривнѣ, а пшена по 50, а овса по 13 гривнѣ, и разыдеса градъ нашъ и волость наша, и полни быша чюжія грады и страны братьѣ нашей и сестрѣ, а

(1) Новгород. I. 43. (2) Новгород. I, 46.

останѣкъ почаша жерети. И кто не прослезится о семъ, видяще мѣртвѣца по улицамъ лежаща, и младенця отъ пѣсь изъѣдаемы? И въ ложи Богъ въ сердце благое сотворити архиепископу Спуридову, и постави скудельницу у Святыхъ Апостолъ, въ ямъ, на Прусской улицъ, и пристави мужа блага смѣренна, именемъ Станила, возити мѣртвѣца на кони, кдѣ обидуцѣ по городу; и тако безпрестани по вся дни влагаше, и наполни до върха, аже бысть въ неи 3000 и 30.» Поговоривъ о другихъ современныхъ событіяхъ, лѣтописецъ продолжаетъ: «мы же на преднее възвратимъ ся, на горкую и бѣдную память тоя весны. Что бо рещи, или что глаголати о бывшей на насъ отъ Бога казни? Яко инии простая чадь рѣзяху люди живыя и ядыху; а инии мѣртвая мяса и трупіе обрѣзаяоче ядыху, а друзіи конину, псину, кошки; нѣ тѣхъ осочивше, тако творяще, овѣихъ огнемъ изжгоша, а другихъ осѣкоша, иныхъ извѣшаша; инии же мѣхъ ядыху, ушь, сосну, кору липову, и листь ильмъ, кто что замысля; а инии паки змии челоувѣцы почаша добрыхъ людіи дома зажигати, кдѣ чююче рожъ, и тако разграбливахуть имѣніе ихъ.» Трупы несчастныхъ валяются повсюду. Поставили еще скудельницу, въ которую положено умершихъ безъ числа; открыли новую, и ту наполнили трупами *безъ числа*. Но, вмѣсто ожидаемаго исправленія, люди дѣлались хуже, говорить лѣтописецъ. Не было милосердія, не стало состраданія. Братъ не жалѣлъ брата, отецъ и мать дѣлались равнодушными къ судьбѣ своихъ дѣтей, и сосѣдъ сосѣду *не уломляше хлѣба*. И, какъ бы во свидѣтельство возрастанія гнѣва Божія съ такимъ умноженіемъ грѣховъ челоувѣческихъ, лѣтописецъ продолжаетъ далѣе: «и купляхомъ по гривнѣ хлѣбъ и по большю, а ржи $\frac{1}{4}$ часть кади купляхомъ по гривнѣ серебра. И даяху отцы и матери дѣти свое одѣренъ, изъ хлѣба, гостемъ. Сеже горе бысть не въ нашей земли во единой, но по всей области русьстѣй, кромѣ Кыева единого.» И только лѣтомъ 1231 «откры Богъ милосердіе свое на насъ грѣшныхъ, сотвори милость свою вскорѣ: прибѣгоша нѣмцы изъ-за моря съ житомъ и съ мукою, и створиша много добра, а уже бѣше при конци городъ сіи.»

Этотъ страшный голодъ составляетъ исключительное явленіе въ нашей исторіи, какъ по вліянію на народъ, такъ и по цѣнамъ на хлѣбъ, выше которыхъ хлѣбъ въ Россіи никогда не поднимался, и къ которымъ, скажу болѣе, цѣна его никогда не приближалась во весь послѣдующія столѣтія. Остановимся на извѣстнѣмъ, что четвертая часть кади, т. е. наша четверть стоила, въ это время, гривну серебра, или $7\frac{1}{2}$ гр. кунъ. Слѣд. кадь ржи должна была цѣниться въ 30 грив., или, какъ говоритъ лѣтопись: *во дворяхъ по полъ 30*,—въ $29\frac{1}{2}$ грив. Это значитъ, что сначала вывозили на рынокъ и продавали рожь на торгу, и, конечно, подешевле, напр. въ 20 грив.; но впоследствии на торгъ никто не везъ, и должно было искать хлѣба по дворамъ, гдѣ онъ продавался гораздо дороже. То же случилось и съ печенымъ хлѣбомъ, который въ началѣ продавали по 8 кунъ, а потомъ по цѣлой гривнѣ, т. е. по 50 кунъ ⁽¹⁾. Если четверть стоила гривну серебра, или 10 р. с. вывѣшняго чекана; то она имѣла цѣну страшную, невообразимо высокую на наши деньги—100 р. с. Необычайно высокая цѣна на хлѣбъ 1230 и 1231 годовъ выражается въ самой разности показаній лѣтописи. Въ одномъ спискѣ сказано вообще, что *такого голода никогда не бывало* ⁽²⁾; въ другомъ прибавлено, что за кадь ржи требовали 40 грив. Думаю, что на рынкахъ не могло быть цѣны ни въ 40, ни въ 30 грив. И 20 гривенъ даетъ на теперешнія деньги 150 р. с. для кади, и около 40, или точнѣе $37\frac{1}{2}$ для четверти. Значитъ, что намонѣцъ хлѣба вовсе не было въ продажѣ; никто не рѣшался везти его на торгъ, изъ опасенія грабежа и насилія; да и дома сохранить его много едва ли было можно. Купить хлѣба не было возможности ни на весь золотъ. Но во всякомъ случаѣ нельзя допустить, будто за кадь платили 40 гр.; тутъ или переписчикъ ошибся, или чтець былъ введенъ въ заблужденіе.

Отмѣтимъ здѣсь одинъ вариантъ ⁽³⁾, въ которомъ цѣны

(1) Новгород. II, 128, 129. (2) Псков. II, 10.

(3) Новгород. I, 47; вариантъ сс.

выставлены повидимому другія противъ главнаго текста, между тѣмъ доказываютъ цифру 30 грив. за кадь. Въ варіантѣ сказано: «и купляху по полугривнѣ хлѣбець, а кадь ржи четвертую часть по 7 гривенъ и поболши.» Что *хлѣбець* можно было купить за полгривны, когда полный хлѣбъ продавался по гривнѣ, объ этомъ говорить нечего; но 4-я часть кади должна сохранять одинаковую цѣну. Слѣд. 7 гр. кунъ и по болши, напр. съ половиною, должны равняться 1 гривнѣ серебра, какъ сказано въ текстѣ. Отсюда же выводимъ, что отношеніе между гривною кунъ и гривною серебра, установленное нами для XI и XII столѣтій, неизмѣнно продолжается и въ XIII-мъ вѣкѣ.

Причиною этого страшнаго голода полагаетъ лѣтописецъ ранній осенній морозъ 1230, избившій озимь, такъ что уже слѣдующею за тѣмъ зимою дороговизна сдѣлалась чувствительною, тѣмъ болѣе, что дороговизна установилась еще съ 1228 г. И понятно, что къ веснѣ 1231 года долженъ былъ наступить оустошительный голодъ. На бѣду, недостатокъ былъ всеобщій, и подвозу на пространствѣ всего сѣвера ожидать было неоткуда; за исключеніемъ одного Кіева, повсюду неурожай и голодъ. Въ Новгородѣ похоронено было 6530 труповъ, не считая тѣхъ, которые зарыты въ общей могилѣ, безъ числа; въ Смоленскѣ умерло до 32 тысячъ (1). Наконецъ голодъ довелъ иныхъ до изступленія, до звѣрства, до лютоści. Отдадимъ впрочемъ справедливость нашимъ предкамъ. Эти случаи звѣрства и лютоści, даже въ такое полное отчаянія время, не оставались безъ наказанія. Виновныхъ жгли, рубили, вѣшали, въ то же время, какъ тѣла падшихъ отъ голодной смерти съ подобающею честію предавали погребенію, хоть и въ общихъ могилахъ, въ скудельницахъ. И такъ живые имѣли право ожидать спасенія отъ Бога. И вотъ на лѣто, съ открывшеюся навигаціею, *прибѣгоша нѣмцы изъ моря*, привезли хлѣба и мукн, и русскіе *оживша*.

Въ заключеніе нельзя не обратить вниманія еще на одну

(1) Новгор. II, 129. Вотъ еще огромная цифра въ спискѣ II Новгор.

обстоятельство, опущенное летописью. Дороговизна, начавшаяся съ 1228, продолжавшаяся до тридцатыхъ годовъ, и возросшая въ ужасъ голодной смерти на всемъ пространствѣ Руси, не можетъ быть объяснена однимъ мѣстнымъ, случайнымъ событіемъ. Думаю, что нашествіе на Россію Татаръ, или Монголовъ, почти современное дороговизнѣ и раннимъ морозамъ, должно было играть здѣсь важную роль, такъ что всеобщность голода и необычайную высоту цѣнъ на хлѣбъ, безпримѣрныя въ прежнія и послѣдующія времена Русской исторіи, должно объяснять, хоть частію, сближеніемъ несчастныхъ явленій внѣшней природы съ горькимъ событіемъ политическимъ начала XIII-го вѣка.

Съ 1231 года Россія не знаетъ неурожаевъ, грозившихъ голодною смертію до 1279-го ⁽¹⁾, когда, по летописи, «го-лодь бысть въ Руси и въ Ляхохъ и въ Ятвязяхъ; и Ятвизи послаша къ Владимірови: не помори насъ; пошли къ намъ жито свое продавать, а мы купимъ, чего ли восхощешь, воску ли, бобровъ ли, черныхъ ли кунъ, бѣли ль, сребра ли—мы ради дамы. Владиміръ же изъ Берестія посла къ нимъ жито въ лодьяхъ по Бугу, и взыдоша на Наровъ, и поидоша по Нарви, и придоша подъ Полтовескъ, и сташа на ночь; и тамо избиты быша, жито поймавше, а лодьи потопиша.» Князь Владиміръ Васильковичъ долженъ былъ войною отомщать гибель людей своихъ и потерю жита. Нельзя выводить изъ этого разсказа, будто бы хлѣбная торговля того времени составляла исключительное право князя и была казенною монополіею: но нельзя же не согласиться, что летописецъ здѣсь ясно намекаетъ на право князя дозволять, или запрещать вывозъ хлѣба за границу. Хлѣбъ, отпущенный въ лодьяхъ къ Ятвигамъ, конечно, не весь принадлежалъ Волынскому князю; но просьба Ятвиговъ, обращенная къ князю, и посылка хлѣба отъ князя означаютъ, что, безъ княжескаго дозволенія, вывозъ хлѣба за рубежь не былъ во власти гражданъ. Изъ этого же разсказа должно заключить,

(1) Карам. IV, примѣч. 175; по Волынской летописи.

что хлѣбная торговля въ XIII вѣкѣ уже раздѣлялась на внутреннюю и вѣшнюю, и что послѣдняя подлежала правительственному опредѣленію и вліянію.

Къ концу XIII столѣтія еще упоминаются два-три случая неурожая на сѣверѣ Руси. Одинъ имѣлъ мѣсто въ 1291 году ⁽¹⁾, вслѣдствіе мороза, который побилъ обиліе по всей волости Новгородской, другой и третій въ 1297 и 1298 годах ⁽²⁾, вслѣдствіе падежа скота и засухи въ разныхъ странахъ Россіи. Но ни тамъ, ни здѣсь о голодной смерти лѣтописи не упоминаютъ. Только въ Новгородѣ, вѣроятно, по случаю дороговизны, произошелъ мятежъ и грабиши коромольницы торгъ; но, на другой же день послѣ этого провзшествія, Новгородцы сотворили вѣче, и свергоша два коромольника съ мосту.

Итакъ въ XIII в., изъ 8 случаевъ неурожая, только два были такъ страшны, что сопровождались цѣною, недоступною для большинства,—выходомъ значительнаго числа населенія изъ родной страны, и великою смертностію. Почти тоже, что и въ XII столѣтіи, въ которомъ также на 8 случаевъ приходится только одинъ такой голодный годъ, что Новгородцы сильно страдали отъ недорода, массами выходили изъ своей области, или умирали голодною смертію.

Переходя къ XIV вѣку, мы можемъ быть увѣрены, что встретимся съ явленіями знакомыми. Есть правильные законы въ природѣ; должны они быть и въ исторіи народа, который дѣйствуетъ разумно. Въ этомъ столѣтіи мы такъ же насчитываемъ до 7 случаевъ неурожая, происходившаго отъ многихъ причинъ, но преимущественно отъ засухи и вѣдра,—имѣвшаго разнообразныя вліянія на русскій народъ, но чаще всего дороговизну, и только разъ или два значительный голодъ.

Такъ 1303 г. ⁽³⁾, въ Новгородской области «бысть зима тепла, не бысть снѣга черезъ всю зиму, и не добыша люди

(1) Новгород. I, 65. (2) Карамз. IV, примѣч. 200. (3) Новгород. I, 68.

хлѣба, и бысть дороговъ велика, туга велика и печаль людемъ; но не отъчаемся мимости твоея; кажи, Господи, накажи, а смерти не предай.»—Ясно, что молитва была услышана, и жизнь народа пощажена.

1309 ⁽¹⁾ «бысть казнь отъ Бога: мышь поѣла рожь, и овесь, и пшеницу, и всякое жито, и того дѣля бысть дороговъ велика, и меженина зла, и гладь крѣпокъ по земли Русьской.» Но, ни о смертности въ людяхъ, ни о поразительно-высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ не говорить лѣтопись; стало быть, событіе не было слишкомъ значительно.

1314 ⁽²⁾, «тойже зимы хлѣбъ бѣше дорогъ въ Новгородъ.» А во Псковѣ ⁽³⁾, «изби мразъ всяко жито, и бысть драгость люта, по 5 грив. зобница; бѣше же та драгость на много время.» — «Почали бѣху, во Псковѣ ⁽⁴⁾, грабити недобріи люди села, и дворы въ городѣ, и клѣти на городѣ, и избиша ихъ Пльсковичи съ 50 человекъ, и потомъ бысть тихо.» По 4 гривны зобница, въ значеніи кади ⁽⁵⁾, — явленіе не новое, и, какъ прежде, такъ и теперь подобная цѣна не могла довести народъ до отчаянія и голодной смерти, или до полного забвенія закона собственности. Казнь смертная, произведенная надъ 50-ю возмутителями, произвела обычную тишину въ городѣ и волости.

1332 ⁽⁶⁾ «бысть меженина велика въ земль Русьской, дороговъ и гладь хлѣбный, и скудота всякаго жита; сію же дороговъ нѣщїи глаголють *роslую рожь*,» т. е., по объясненію Карамзина, дороговизна произошла отъ проросшей въ коннахъ ржи, вслѣдствіе мокроты и ненастья.

1371 ⁽⁷⁾ долговременная засуха, отъ которой «жито посохло, а лѣсове и борове, и дубравы и болота погораху;

(1) Карамз. IV, примѣч. 247.

(2) Новгород. I, 71. (3) Псков. II, 11. (4) Новгород. I, 71.

(5) Карамз. IV, примѣч. 247. относить событіе къ 1318 г., и полагаетъ зобницу равною осмишнѣ: но въ такомъ случаѣ, кады будетъ стоить невозможную цѣну—40 грив.

(6) Карамз. IV, примѣч. 322. Соф. лѣт. I, 220.

(7) Карамз. V, примѣч. 22.

идѣже и земля горяше», произвела дороговизну во многихъ мѣстахъ; а 1384 (1) та же, кажется, причина вызвала дороговизну хлѣба въ Новгородѣ.

Впрочемъ XIV вѣкъ знаменателенъ въ Русской исторіи особенно моровыми повѣтріями, къ числу которыхъ относится черная смерть, въ началѣ второй половины, и страшный моръ конца этого вѣка, а именно 1387 года, когда, напр. въ Смоленскѣ вымерло почти все населеніе, и только 5 человекъ остались отъ общей гибели, вышли изъ города и затворили за собою его ворота (2).

Здѣсь заключимъ мы перечень голодовъ въ Руси до XV вѣка, и остановимся на нѣсколько времени. Для уразумѣнія страданій народа отъ неурожаевъ до XV столѣтія, равно какъ для пониманія дальнѣйшей судьбы народа, въ этомъ отношеніи, намъ должно бросить общій взглядъ на пройденное пространство исторіи, тѣмъ болѣе, что съ XIV вѣкомъ прекращается господство гривенной денежной системы и начинается новая рублевая, и въ то же время измѣняется хлѣбная мѣра.

Соображая всѣ лѣтописныя извѣстія, мы убѣждаемся, что, въ древней Россіи до XV вѣка, всѣхъ случаевъ неурожая было 27, а именно:

Въ XI — 4.

Въ XII — 8.

Въ XIII — 8 и

Въ XIV — 7.

Мы прежде замѣтили, почему не признаемъ числа 4 полнымъ числомъ неурожаевъ для XI вѣка; теперь это замѣчаніе получаетъ новый вѣсъ изъ сравненія вѣка XI съ тремя послѣдующими. И мы думаемъ, что не погрѣшимъ противъ истины, если примемъ число 7 и даже болѣе, за среднее число неурожаевъ на каждое столѣтіе до XV вѣка. Также напередъ мы уже сдѣлали оговорку, почему не считаемъ

(1) Тамъ же, примѣч. 137.

(2) Новгород. II, 133. Въ другомъ мѣстѣ говорится о Ю.

важнымъ недостаткомъ въ нашихъ источникахъ обстоятельство, что извѣстія о голодахъ и неурожаяхъ касаются только сѣвера, и на сѣверѣ преимущественно Пскова и Новагорода. Читавшіе со вниманіемъ наше изложеніе согласятся, что между исторіею рассказанныхъ событій, во Псковъ, или Новгородъ, и тою же исторіею въ остальной Россіи, не могло быть существеннаго различія. Торговое населеніе Пскова и Новагорода, конечно, болѣе всякаго другаго, исключительно хлѣбopашеннаго, удаллось отъ земледѣлія, и чрезъ то подвергалось опасности дороговизны; но за то подобное населеніе скорѣе всякаго другаго могло ожидать отовсюду, даже изъ-за моря помощи. Чтò до остальной Россіи, то, съ одной стороны, существованіе дорогъ вообще, особенно водныхъ сообщеній и зимняго пути, — съ другой стороны — дѣйствіе хлѣбной торговли, которая видимо развивалась изъ вѣка въ вѣкъ, и уравнивала многія особенности, и безъ того незначительныя въ нашемъ отечествѣ, — все это уполномочиваетъ насъ по судьбѣ одной такой части Россіи, какою была Псковская или Новгородская область, судить о судьбѣ цѣлой Россіи, и 7, или даже 8 случаевъ неурожая на столѣтіе принимать за нормальное число неурожавъ на всемъ пространствѣ древней Россіи.

Не всѣ однакожъ случаи неурожая были равно гибельны для населенія. Большая часть изъ нихъ отличалась значительнымъ и чувствительнымъ возвышеніемъ цѣнъ, и только весьма немногіе отиѣчены моромъ отъ голода. Собственно говоря, неурожавъ, производившихъ смертельный голодъ, съ XI до XIV вѣка включительно, было только 6, — три въ XI, одинъ въ XII, и два въ XIII столѣтій. Отсюда вытекаетъ, что земледѣльческій бытъ, господствовавшій въ древней Россіи почти до исключительности, при всей замкнутости Русской земли, при всей слабости сношеній съ сосѣдями, не измѣнялъ надеждамъ народа, и, вообще говоря, содержалъ въ себѣ сильныя средства къ обезпеченію жизни и бытія народа.

Дороговизна и голода происходили повсюду въ Россіи отъ

одной причины, отъ климатическаго вліянія, преимущественно же отъ засухи; а средствомъ противъ дороговизны и ея послѣдствій служили, съ одной стороны, постепенное развитие сельскаго хозяйства, и особенно разнообразіе посѣвовъ и произведеній, а съ другой стороны торговля хлѣбомъ и всѣми этими произведеніями, отъ пшеницы и пшена до капусты и рѣпы. И, какъ мы видѣли, средства не были безсильны. Не принимая въ расчетъ XI вѣка, слишкомъ отдаленнаго, равно какъ голодовъ 1230 и 1231, слишкомъ исключительныхъ, исторія голодовъ въ древнѣйшей Россіи не представляетъ, по лѣтописямъ, ужасовъ чрезмѣрно частыхъ. Обращаясь при этомъ еще разъ къ началу XIII в., и къ голоду 1230—31 годовъ, мы можемъ теперь съ увѣренностію сказать, что появленіе Монголовъ значительно усилило естественное несчастье Руси въ эти годы, отнявъ увѣренность въ безопасности у поселянина на его полѣ, и у купца на его проѣзжей дорогѣ. Самая повсемѣстность голода, засвидѣтельствованная лѣтописью, находится въ очевидномъ противорѣчій со всѣмъ, что мы знаемъ о вѣкахъ XII, XIII и XIV.

Наконецъ, послѣдній вопросъ: какъ выразить на современномъ числовомъ языкѣ степень страданія древняго Русскаго народа во время неурожаявъ? Для этого мы выставимъ всѣ лѣтописныя цифры, до которыхъ возвышалась цѣна на хлѣбъ въ теченіе первыхъ четырехъ столѣтій нашей исторіи, и потомъ переведемъ ихъ на наши деньги. Эти цифры начинаются 3, переходятъ въ 4, 5, 6, 8, 10, и доходятъ до 20, 29 $\frac{1}{2}$, или 30 и наконецъ до 40 грив. за кадь. Но мы, въ своемъ мѣстѣ, уже сказали, что послѣдняя цифра, какъ невозможная, составляетъ или ошибку писца, или недоразумѣніе чтеца. Слѣд. самая высшая цѣна на хлѣбъ имѣла мѣсто въ 1230 и 1231 годахъ, когда на рынкѣ купить хлѣба было нельзя, а по дворамъ она доходила до 29 $\frac{1}{2}$, или 30 гривенъ кунъ за кадь, или до гривны серебра за четверть. Но это не была цѣна рыночная, — это не была цѣна продажнаго хлѣба, состоявшаяся въ торговлѣ. Эту цѣну диктовалъ смертельный голодъ, и она означала собою, что хлѣба купить

невозможно ни за какую цѣну. Рыночная же цѣна была въ 20 грив. кунъ, какъ означено въ той же лѣтописи; и дорогія цѣны на хлѣбъ стояли въ древней Россіи между 3 и 20 гривнами кунъ за кадь. При этой послѣдней цѣнѣ, самъ Новгородъ былъ при концѣ своего существованія, и только подвозомъ изъ-за моря спасенъ отъ крайней гибели. Этотъ случай былъ, какъ мы видѣли, исключительнымъ, по особенности самыхъ политическихъ обстоятельствъ.

Отсюда ясно, что обычное, нормальное колебаніе высокихъ цѣнъ, въ разные годы недорода, собственно совершалось между 3 и 10 гривнами кунъ. 3 гривны за кадь ржи считалось дорогою цѣною, а 3 гривны кадь даетъ $37\frac{1}{2}$ кунъ за четверть, или на серебр. копѣйки, 94 к., почти 1 рубль, а на теперешнія деньги почти 10 р. серебр. Цѣна весьма высока, между тѣмъ пакости не бысть въ людяхъ, такъ же точно, какъ при цѣнѣ въ 4, 5 и 6 грив. кунъ. Смертельный голодъ большинства населенія являлся тогда, когда кадь ржи платилась въ 8 и 10 гр. кунъ, и когда четверть ржи стоила 25, или 40 р. сер. Отсюда же выходитъ, что недорогою цѣною должно было считать ту цѣну хлѣба, когда онъ стоилъ одну, или $1\frac{1}{2}$ гр. кунъ, т. е. когда за четверть платили кунъ 12, или 18, а на серебро копѣекъ 30, или 40, а на наши деньги рубля 3, или 4 сер. — Другими словами, мы хотимъ сказать, что дороговизна и дешевизна хлѣба, въ глубокой древности, выражалась почти тѣми же цифрами, почти тѣми же цѣнами, или тѣмъ же отношеніемъ хлѣба къ серебру, какъ и въ наше время.

Такой выводъ подтверждается общимъ наблюденіемъ, что цѣны на хлѣбъ, въ данномъ мѣстѣ, во все времена, почти постоянны, по крайней мѣрѣ, сравнительно со всеми остальными предметами купли и продажи, и что для каждаго мѣста есть своя средняя цѣна на хлѣбъ, какъ и своя средняя температура. И естественно, потому что каждое данное населеніе данного мѣста употребляетъ все силы для обезпеченія своего существованія, и производитъ всякій разъ только необходимое. Съ возрастаніемъ ея силъ, т. е. народонаселе-

ніа, возрастають его нужды въ одинаковомъ размѣрѣ, и цѣнность хлѣба остается прежняя, для каждаго новаго поколѣнія. Различіе, замѣчаемое въ развитіи хлѣбной торговли, ни сколько не измѣняетъ положенія дѣла. Значительные успѣхи вышней хлѣбной торговли вызваны необходимостію, которой вовсе не знали предки; у насъ хлѣбная торговля содѣлалась правиломъ, тогда какъ въ древности она была исключеніемъ. Покупка хлѣба и торгъ хлѣбомъ, въ старину, имѣли мѣсто только при особыхъ обстоятельствахъ; обыкновенно же нужда и недостатокъ устранялись для каждаго, въ то время, собственнымъ производствомъ и запасомъ, которые были повсюдны. Наконецъ выводъ, сдѣланный нами относительно цѣнъ на хлѣбъ въ древней Россіи, доказывается цифрами, завесенными лѣтописью въ исторію Россіи.

Но, можетъ быть, мы ложно читаемъ эти цифры? Не стоимъ за строгую точность въ изслѣдованіи столько новомъ; не стоимъ за дробь и мелкія части кунъ и копѣекъ. Но безъ основанія думаемъ, что система чтенія, оказавшаяся въроподобною, при изложеніи цѣны на хлѣбъ по различнымъ лѣтописцамъ, въ теченіи трехъ столѣтій, почти во всѣхъ подробностяхъ, отъ цѣны кади и четверти до цѣны фунта и до установленія величины печенаго хлѣба, такая система не лишена всякой защиты. Впрочемъ, для большаго удостовѣренія, скажемъ здѣсь еще два-три слова о гривенной системѣ.

Не станемъ повторять давно доказаннаго и всѣми принятаго положенія, что гривна золота, или серебра составляла полфунта, или 48 золотниковъ металла, потому что гривна, въ обыкновенной жизни, равная фунту, въ всѣхъ драгоценныхъ металловъ, во всю древнюю русскую исторію до XVII вѣка, означала полфунта. Не будемъ говорить объ отношеніи золота къ серебру въ древней Русіи, потому что, какъ видѣли читатели, нашъ вопросъ рѣшается при познаніи одной серебряной монеты и ея отношенія къ ногатамъ и кунамъ. Что до послѣдняго, то упомянутый вариантъ извѣстія подъ 1231-мъ годомъ, гдѣ 7 и псболши, по нашему предположе-

нию, $7\frac{1}{2}$ гр. 'кунъ, приравняются одной гривнѣ серебра, ставить вѣдъ всякаго сомнѣнія это отношеніе, первоначально опредѣленное въ Русской Правдѣ, словами: «за гривну серебра полъ-осми гривнѣ» (1). Такъ же безспорно отношеніе ногаты къ кунамъ, которыхъ $2\frac{1}{2}$ считаемъ мы въ одной ногатѣ, какъ по Рус. Правдѣ (2), такъ по грамотѣ Ростислава Смоленскаго, отъ 1150 (3), въ которой говорится: «пять ногатъ за лисицу, — а за три лисицы 40 кунъ безъ ногаты,» — счетъ, вполне подтверждающій принятое нами отношеніе ногаты къ кунамъ: ибо три лисицы, по 5 ногатъ каждая, даетъ 15 ногатъ, которыя, умноженные на $2\frac{1}{2}$, дадутъ $37\frac{1}{2}$, или 40 безъ $2\frac{1}{2}$, безъ ногаты. А для доказательства, что гривна кунъ содержала въ себѣ 50 кунъ, и что куна то же, что рѣзана, мы имѣемъ опору и въ статьяхъ Р. Правды (4) и въ авторитетъ Карамзина (5) и частію въ подробностяхъ предшествовающаго изложенія. И единственное предположеніе, которое остается предположеніемъ, хотя необходимымъ, состоитъ въ томъ, что мы возвышаемъ цѣну серебра, въ древности, въ десять разъ болѣе теперешней его стоимости. Можетъ быть, оно было дороже въ 11 и 12 разъ, или только въ 9 и $9\frac{1}{2}$? Это останется пока предположеніемъ, даже гаданіемъ, но необходимымъ.

До сихъ поръ постоянное употребленіе одной и той же извѣстной намъ хлѣбной мѣры давало возможность опредѣлить значеніе и отношеніе частей гривны, по взаимному отношенію частей кади; въ слѣдующихъ вѣкахъ, хлѣбныя мѣры часто мѣняются, и, вмѣсто кади, упоминаются зобницы, коробы, четверетки, мѣры; но за то денежная единица остается та же, и она-то съ XV в. послужить опорой при раз-

(1) Калач. изданіи, ст. L. Отношеніе новое, открываемое въ договорѣ Мстислава 1228, гдѣ серебро къ кунамъ, какъ 4: 1, не повторяется нигдѣ болѣе.

(2) Рус. Прав. ст. XXV и слѣд.

(3) Дополненіе къ Акт. Историч. I, 8. Заимствую цитату изъ статьи Н. Д. Бялева: Били ли на Руси монету до XIV стол.?—

(4) Калач. изд., ст. XXII и слѣд., и стат. XLII.

(5) Ист. Гос. Рос. II. Примѣч. 79.

рѣшеніи нашихъ вопросовъ. Установимъ же наше понятіе объ этой единицѣ, о рубляхъ и ихъ частяхъ, въ древней Россіи.

Извѣстно, что рубли появляются въ Россіи съ начала XIV вѣка, и счетъ на рубли и новыя гривны встрѣчается уже въ концѣ XIV вѣка, вообще прежде 1409 года, напр. въ 1407. Но, если можно такъ выразиться, до 1409 все это происходило фактически, зависѣло отъ воли, было случайно; напротивъ рублевый счетъ, какъ система постоянная, законная, обязательная, появляется только съ 1409 года. Въ этомъ году, говоритъ летопись, во Псковѣ, *отложиша кунами торговати, и начаша торговати пенязи* ⁽¹⁾. Законодательное значеніе этого событія открывается еще яснѣе изъ словъ летописца о Новгородѣ, 1410 ⁽²⁾, когда Новгородцы «начаша торговати промежи себе лобци и гроши литовскими, и артуги нѣмецкими, а куны отложиша, при посадничествѣ Григорія Богдановича и при тысяцкомъ Василіѣ Есифовичѣ.» Чувствуется, что дѣло не обошлось безъ вѣча и общаго законодательнаго распоряженія. Но послѣдуемъ за извѣстіями летописи объ этомъ предметѣ. Въ 1420 ⁽³⁾, говоритъ она, Новгородцы начали торговать *серебряными деньгами, а артуги попродаша нѣмцамъ, торговавши ими девять лѣтъ*; а 1423 ⁽⁴⁾, во Псковѣ, *приставили мастеровъ деньги ковати въ чистомъ сребрѣ, и сковали деньги, и почаша по всей Русской земли торговати денгами* ⁽⁵⁾. Оставленіе кунъ, одновременно въ цѣломъ Псковѣ, или во всемъ Новгородѣ; установленіе, при участіи посадника и тысяцкаго, мастеровъ денежныхъ, съ обязанностію чеканить деньги въ чистомъ сребрѣ; общая распродажа нѣмецкихъ мѣдныхъ артугъ нѣмцамъ обратно; и введеніе денежной, или, что то же, рублевой системы во всей Россіи; — все это не могло обойтись безъ участія законодательной, правительственной власти. Итакъ деньги у насъ, съ 1409 году, существуютъ

(1) Псков. I, 200. (2) Новгород. I, 104.

(3) Новгород. I, 109. (4) Тамъ же 110. (5) Псков. II, 24.

по закону, тогда какъ прежде эти деньги могли ходить по одному употребленію.

И вотъ данныя для повиманія рублевой древней системы. Въ 1447 году, говоритъ лѣтопись ⁽¹⁾, «люди начали хулить серебряныя деньги, и вси Новгородцы, и были между ними голка и мятежь и нелюбовь. И посадникъ и тысяцкій и весь Новгородъ оставили 5 денежниковъ, и стали переливать старыя деньги, а ковать новыя, въ ту же мѣру, на 4 почки таковы же, а отъ дѣла отъ гривны по полуденьгѣ; и бысть крестьяномъ скорбь велика и убытокъ въ городѣ и по волостямъ.» Такъ какъ въ золотникъ считалось 25 почекъ ⁽²⁾, а въ деньгѣ—4; то ясно, что изъ золотника чеканили $6\frac{1}{4}$ денегъ; и такъ какъ, въ наше время, изъ золотника съ $5\frac{1}{4}$ долями чеканять 25 коп., то можно уравнивать почку копѣйкѣ, а означенную деньгу 4 копѣйкамъ сереб.

По книгѣ Вотской Пятины, за 1499—1500 годы ⁽³⁾, полагалось за коробью ржи — 10 денегъ;

овса — 5 —

ячменю — 7 —

а было всего въ означенномъ тамъ мѣстѣ: $18\frac{1}{2}$ коробей ржи, 37 овса и 9 ячменя. За этотъ весь хлѣбъ положено деньгами: 2 рубли съ деньгою. Такъ какъ за рожь приходится

$$18\frac{1}{2} \times 10 = 185 \text{ денегъ,}$$

за овесъ — — — — 185 —

и за ячмень — — — — 63 деньга; и

такъ какъ сумма 433 деньга должна составить 2 р. и 1 деньгу: то очевидно, что 2 р. = 432, а 1 р. = 216-ти деньгамъ.

Далѣе говорится, что оброкъ В. К., исчисленный съ одного мѣста въ 1 руб., 1 грив. и 6 денегъ, а съ другаго въ 2 р. и 1 деньгу, даетъ въ суммѣ 3 р. $1\frac{1}{2}$ гривны. Стало быть 1 гривна равнялась 14 деньгамъ ⁽⁴⁾. Наконецъ мы встрѣчаемъ

(1) Псков. I, 125 и 19.

(2) См. во Временникѣ Моск. Ист. Общ. Кн. 17. Свѣси стр. 48.

(3) Неволна о Пятинахъ, Прилож. I, стр. II. Бѣльева Географ. Свѣд. Россіи стр. 256.

(4) То же мѣсто у Неволна.

еще слѣдующую выкладку: *ключичи пошлины*, съ каждой изъ $23\frac{1}{2}$ обожь, вѣзмались такъ, что объ Рождествѣ Христовомъ платили:

1 деньгу Новгородскую,

Объ Великомъ днѣ 1 — Московскую, и

Объ Петровъ днѣ также 1 — Московскую, а

въ суммѣ получено съ $23\frac{1}{2}$ обожь 3 гривны и 5 денегъ.

Но $23\frac{1}{2}$, взятыя три раза, по числу платежныхъ сроковъ, должны дать $70\frac{1}{2}$ денегъ, а не 47, какъ здѣсь положено.

Очевидно, что деньги новгород. и моск. не были равны.

Вычтя изъ данной суммы 3 гривецъ и 5 денегъ, или изъ

47 денегъ, число новгородокъ— $23\frac{1}{2}$, остатокъ $23\frac{1}{2}$ Новгоро-

докъ будетъ составлять 47, или двойное число московокъ.

Отсюда выходитъ, что новгородская денѣга содержала въ себѣ двѣ московскія, или вообще низовыя денѣги, слѣд. и рубль новгородскій былъ вдвое больше московскаго, или низоваго (1).

Если въ рубль 216 денегъ, а въ гривнѣ ихъ 14; то въ рубль должно быть 15 грив. и 6 денегъ, а въ полтинѣ $7\frac{1}{2}$ грив. и 3 денѣги. Если въ рубль 216 денегъ, а въ денѣгъ 4 почки, то въ рубль было 864 почки или $34\frac{4}{16}$ золотинка. Рубль такого вѣсу и болѣе, до 46 золотн., былъ въ ходу въ Новгородѣ, Псковѣ, Твери. Рубли московскіе и низовые были вдвое и болѣе, чѣмъ вдвое, меньше новгородскихъ. Въ заключеніе сдѣлаемъ оговорку на счетъ цѣны металловъ. Съ XV в., естественно, ихъ становится болѣе въ Россіи, и цѣна ихъ упадаетъ, вслѣдствіе развитія нашихъ заграничныхъ сношеній. Недаромъ начали мы торговать серебряными денѣгами. Отъ сего времени считаемъ мы серебро только въ 7 разъ дороже теперешняго.

Завладѣвши такими основаніями для нашего дальнѣйшаго изслѣдованія, обратимся къ событіямъ и къ ихъ изложенію. 1407 г. (2), дороговизна произошла во Псковѣ, гдѣ платили за овсяную зобницу по гривнѣ, а ржи по три мѣръ за полтыну, а соль по гривнѣ, да по 8 мордокъ пудъ, а пол-

(1) Тамъ-же. (2) Псков. II, 90.

тына серебра по 15 грив. Здесь такъ сплѣно стѣпеніе старой системы мѣръ и монетъ съ новою, что, съ перваго разу, не возможно понять значеніе выставленныхъ цифръ. Одно тутъ обозначено однимъ способомъ, другое другимъ, иное двумя способами вмѣстѣ. Другое извѣстіе о томъ же годѣ имѣетъ тѣ же трудности: ⁽¹⁾ *овсяная зобница по гривнѣ, а сно дорого вельми, а вѣникъ по мордкѣ бѣше.* И должно замѣтить, что въ цѣломъ XV вѣкѣ, равно какъ и въ слѣдующемъ, извѣстія, касающіяся нашего вопроса, имѣютъ подобный характеръ. Въ это время, вмѣстѣ съ шереветного денежной системы, измѣняется и хлѣбная мѣра. Посему и мы должны измѣнить свой способъ изложенія событій, и, не останавливаясь на каждомъ отдѣльномъ извѣстіи, сперва представлять расказъ лѣтописей, въ хронологическомъ порядкѣ, за все столѣтіе, и потомъ уже добираться, сравненіемъ и сличеніемъ различныхъ цифръ, до значенія этихъ числовыхъ опредѣленій.

1409 г. ⁽²⁾, сказано, что *соли можно было купить полпята зобницы на полтыну, а ржи зобница на полтыну.*

1412 г. ⁽³⁾, въ Нижнемъ Новгородѣ, покупали *мѣру ржи по 40 алтынъ, старыми денгами.*

Подъ 1422 годомъ ⁽⁴⁾, лѣтопись рассказываетъ, что «*по три года, или впродолженіе трехъ лѣтъ, на всю Русскую землю бысть гладъ великъ, такъ что въ Москвѣ окошъ ржи платили 1 р. и 1¹/₂ руб., на Костромѣ 2, а въ Нижнемъ Новгородѣ 6 руб.; многіе умрели съ голоду, иныя ушли изъ Руси въ Литву, нѣкоторые померли на дорогѣ отъ холода, который, въ ту зиму, былъ жестокъ, а иныя принуждены были питаться всѣмъ, что ни попамо.*» «А въ Псковѣ тогда бѣше старыхъ лѣтъ клѣти всякаго обилія изнасыпаны на Крому. И поидоша ко Пскову Новгородци, Корела, Чюдь, Вожани, и Тверици, и Москвичи, и просто рещи со всей Русской земли, и бысть нахоженіе ихъ во Псковѣ много

(1) Псков. I, 198. (2) Псков. I, 200.

(3) Карамз. V, примѣч. 254. (4) Псков. II, 23, 24.

множество. И начаша, по волостемъ и по пригородомъ и во Псковѣ купяще рожь, возити за рубежъ, и въ Псковѣ тогда бнше зобница ржи по 70 ногать, а жита зобница по 50 ногать, а овса по 30 ногать, а на полтыну ржи полтретьи зобницы: и оттолъ Псковичи заповѣдаша не продавати за рубежъ ржи и никакого обилія.» Но уже было поздно: въ Псковѣ и его волости открылась ужасная смертность между пустотными, т. е. захожими бѣдняками, трупами которыхъ въ одномъ Псковѣ наполнили 4 скудельницы. И только въ 1425 году (1), «бысть во Псковѣ хлѣбъ подешевль, по 5 зобницъ на полтыну ржи.»

Но за то 1427 г. умножи Богъ всякого обилья хлѣба во Псковѣ, по 7 зобницъ ржи на полтыну, а говядъ 3 яловичи на полтыну (2). Въ 1434 случилось то же. Между тѣмъ какъ въ Нѣмецкой землѣ хлѣбъ былъ весьма дорогъ, во Псковѣ ржи на полтыну 13 зобницы (3). Въ другомъ спискѣ сказано: по 9 денегъ зобница (4), что впрочемъ почти одно и то же, ибо $13 \times 9 = 117$ денегъ, т. е. не много болѣе полтины.

1442 г., встрѣчается извѣстіе о десятилѣтней дороговизнѣ хлѣба въ Новгородѣ, въ которомъ платили за двѣ коробки по полтинѣ, овогдаже больше, а иногда менши, часто же негдѣ купити; бысть туга, и т. д. Причина въ томъ, что зима люта бысть злы (5). Принимая съ Карамзинымъ коробью за четверть, получимъ для четверти 54 д., для осьмины 27 (6). Но и по прошествіи 10 лѣтъ, въ 1453 г., мразъ много жита поби, а 1454, отъ дождей, или за дождями, хлѣба въ Новгородѣ вовсе не съяли (7).

1464, хлѣбъ былъ дешевле во Псковѣ, такъ что зобница ржи платилась по 17 денегъ, овса по 7, а пудъ соли по 3 деньги (8). 1467, также во Псковѣ, господствуетъ изобиліе: 18 денегъ зобница ржи, овса по 8, а соли пудъ по 3 деньги.

(1) Псков. II, 24. (2) Карамз. V, примѣч. 386. (3) Тамъ-же.

(4) Тамъ-же. (5) Тамъ-же, примѣч. 313, стр. 289.

(6) О мѣрѣ коробки Карамз. VI, 332—333. (7) Карамз. V, примѣч. 386.

(8) Карамз. VI, прим. 629. Псков. I, 231.

1471, о Новѣгородѣ сказано вообще, что всякаго блага было обильно, и хлѣбъ дешевъ. 1485, во Псковѣ умножилъ Богъ яроваго обилья, и купища четвертку ржи по 8 денегъ, а жита по 5, а овса зобничъ по 10 и 12 денегъ. Неурожай озимаго произошелъ, по словамъ лѣтописца, отъ того, что, съ осени, снѣгъ палъ на мокрую землю; за тѣмъ слѣдовали морозы; далѣе ржаной корень подопрѣлъ; а на весну померзъ такъ, что бысть черна земля ⁽¹⁾.

Равноумно 1498, хлѣбъ былъ дорогъ во Псковѣ: четвертка по 9 денегъ, овсяная по 4, а жита по 6, а пшееницы зобница по 50, а соли мѣхъ по полсорока денегъ ⁽²⁾.

Воспользуемся наблюдательностію лѣтописца, который здѣсь говоритъ не объ однихъ голодахъ, но вообще о цѣнахъ на хлѣбъ; разложимъ его цифры на группы—дешевыхъ и дорогихъ, и попытаемся, изъ сравненія однихъ съ другими, опредѣлить частныя подробности. 1425, говоритъ лѣтописецъ, хлѣбъ сталъ подешевле, и на полтину можно было купить 5 зобничъ. Такъ какъ въ полтинѣ 108 д., то зобница придется въ $21 \frac{5}{8}$ деньги.

1427, хлѣбъ былъ дешевъ потому, что на полтину покупали 7 зобничъ, и платили зобницу по 15 денегъ.

1434, дешевъ хлѣбъ; на полтину 13 зобничъ; одна зобница 8 денегъ, или, по другому списку, 9 денегъ.

Также дешевъ хлѣбъ въ 1464, когда зобница стояла 17 денегъ, и 1467, когда за нее платили 18 денегъ.

Итакъ самая низкая цѣна изъ дешевыхъ стояла на 8 деньгахъ, а самая высшая на $21 \frac{5}{8}$ денегъ за зобницу. Въ последнемъ случаѣ, цѣна только подешевле. Хлѣбъ былъ дорогъ 1422, когда $2 \frac{1}{2}$ зобницы стоили полтину, а одна зобница 42 деньги; хлѣбъ дорогъ, 1442 г., когда двѣ коробыи стоили полтину, слѣд. коробыя 54 деньги. Наконецъ дорогъ хлѣбъ 1485 и 1498, потому что тамъ четвертка обходилась въ 8, а здѣсь въ 9 денегъ.

(1) См. въ эти извѣстія у Карамз. VI, прим. 639.

(2) Карамз. Тамъ-же.

Итакъ хлѣбъ былъ дешевъ, въ XV в., если зобница его стоила 18—15, или менѣ денегъ; онъ становился дорогимъ, если за зобницу платили 20, или 21 деньгу, и очень дорогимъ, если зобница стоила болѣе этой цѣны. Что же такое зобница, мѣра, четверетка? Изъ извѣстій отъ 1485 и 1498, ясно, что четверетка была *частію* зобницы, и небольшою; 8 и даже 18 денегъ за зобницу считалось дешевою цѣною; стало быть, четверетка должна быть болѣе, чѣмъ вдвое, меньше зобницы, чтобы цѣна послѣдней поднялась за 20 денегъ, за предѣлъ дешевизны. Хлѣбныя мѣры обыкновенно дѣлятся на части двойныя, четвертныя, осьмая и т. д. И я думаю, что четверетка составляла $\frac{1}{4}$ зобницы, которая при цѣнѣ четверетки въ 8 и 9 денегъ, сама бы стоила 32, или 36 денегъ. Принять четверетку за $\frac{1}{8}$ зобницы такъ, чтобы въ 1485 г. зобница стоила 64 деньги, не возможно, потому что въ самый голодный годъ, 1422-й, который былъ несравненно неурожайнѣе 1485, когда пропала только озимь, а яровые хлѣба были хороши, и въ этотъ 1422-й зобница стоила только 42 деньги. Итакъ четверетка составляла $\frac{1}{4}$ зобницы; и легко повѣять, что это нашъ четверикъ, съ тѣмъ вмѣстѣ зобница есть осьмина.

1407, овсяная зобница стоила гривну, или 14 денегъ; за три мѣры ржи—полтину, и притомъ такую, которая состояла изъ 15 гривенъ, или 216 денегъ. Обыкновенно, во всѣхъ переписныхъ и окладныхъ книгахъ XV и XVI вѣка, овесъ цѣнился вдвое дешевле противъ ржи, слѣд., если зобница овса стоила 14 денегъ, то зобница ржи должна была стоить около 30. Три мѣры, въ 1407 году, стоили 216 денегъ; одна мѣра 72 деньги. Ясно, что мѣрою названа здѣсь не зобница, ибо кромѣ отношенія цѣны овса къ цѣнѣ ржи, которое при этомъ будетъ не возможно, самая цѣна ржи въ XV в., по зобницамъ, мѣшаетъ такому предположенію. Въ самый голодный 1422 г. зобница стоила только 42 деньги, а это почти вдвое. Мы думаемъ, что здѣсь мѣра означаетъ четверть кади, или окова. Въ такомъ случаѣ, осьмина будетъ стоить 36 денегъ, а четверть 72.

Сопоставляя эти цѣны осьмины въ годы 1407, 1485 и 1498 съ цѣнами зобницъ въ дорогіе годы, когда зобница стоила 42 и 22 деньги, равно какъ съ цѣнами зобницъ въ дешевые годы, когда зобница стоила 18, 17, 15 и 8 денегъ, мы убѣждаемся до очевидности, что зобница, въ XV в., означала осьмину, или полчетверти, за немногими исключеніями. Этихъ исключеній два: одно для зобницы, другое для мѣры. Въ 1409 году ржи зобница на полтину, стало быть, эта зобница стоила 108 денегъ. Очевидно, что здѣсь зобница не можетъ означать осьмину, а развѣ кадъ; ибо иначе 1 четверть стоила бы 1 р., а кадъ 4 руб., цѣлый фунтъ серебра, 20 сереб. руб. или 200 р. сер. на наши деньги. То же должно сказать о мѣрѣ, упоминаемой въ 1412 году. Лѣтописецъ говоритъ, что въ это время мѣра стоила 40 алтынъ, или 240 денегъ. Ясно, что здѣсь мѣра не осьмина, а развѣ кадъ, при чемъ четверть стоила бы 60 денегъ, а осьмина, или зобница 30.

За этими двумя исключеніями, наше понятіе о зобницѣ вездѣ подтверждается и вѣроятностью отношенія зобницы къ другимъ мѣрамъ (1), и особенно цѣнами хлѣба. До XV столѣтія хлѣбъ былъ дорогъ, если кадъ его стоила 3 гривны, четверть 37½ кунъ, или 94 коп. сереб., почти 1 рубль на серебро, или 10 руб. сереб. нашихъ денегъ; а дешевле былъ онъ тогда, если кадъ стоила 1, или 1½ гривны, а четверть отъ 12—18 кунъ, отъ 30—40 коп. сер. или отъ 3—4 р. с. Въ XV в., хлѣбъ становится дорогъ, если зобница или осьмина стóитъ 20, 30, 40 и болѣе денегъ, а четверть 40, 60, 80. Напротивъ хлѣбъ становится дешевле, если зобница стóитъ отъ 8 до 15 денегъ, а четверть отъ 16 до 30. Такъ какъ деньга XV в. равна четыремъ нынѣшнимъ копейкамъ, то зобница въ 8 денегъ, на нашъ счетъ, составитъ 32 коп., зобница въ 20 денегъ—80 к., а въ 40 денегъ—160. Возвышая это число въ 7 разъ, по предполагаемой высшей

(1) Карамз. IV, примѣч. 247, такъ-же принимаетъ зобницу за осьмину, но не въ томъ вѣкъ.

цѣнности металловъ въ XV в., получимъ для цѣны средне-дорогой за четверть 11 р. 20 к., а для цѣны въ средне-дешевое время, 2 руб. съ небольшимъ на нынѣшнія деньги. Такое соответствіе между цѣнами на хлѣбъ во всѣ разсмотрѣнныя доселѣ столѣтія не допускаетъ сомнѣнія въ понятіи, которое даемъ мы зобницѣ, въ XV вѣкѣ. Это понятіе зобницы, — мѣры, почти исключительно употребляемой, въ XV вѣкѣ, — доказывается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что, съ замѣною счетной монеты гривенной въ полфунта серебра, новою счетною монетою рублевою, меньшаго вѣса, должны были уменьшиться и самыя мѣры хлѣбныя, и должны были явиться осьмины кади, вмѣсто кади, и четверетки, или четвертыя части осьмины, четверини, которые, встрѣчаясь впервые въ 1485 и 1498, дѣлаются господствующею мѣрою въ слѣдующемъ столѣтіи.

Въ летописяхъ XV в. отмѣчено 8 случаевъ неурожая, дороговизны и частью голода; въ XVI имѣемъ мы свѣдѣніе также объ 8 подобныхъ случаяхъ, которые падаютъ на слѣдующіе годы.

Въ 1512 г., былъ общій неурожай, произведшій такую дороговизну, что бѣдные умирали съ голоду ⁽¹⁾. Въ 1515 г. Москва страдала отъ недостатка въ продовольствіи, такъ что нельзя было купить ни четверти ржи. Въ 1525 г., съѣстное продавалось въ Москвѣ вдесятеро дороже обыкновеннаго ⁽²⁾.

Въ 1535 г., четверетку покупали, въ Новгородѣ, по 2 новгор. деньги, а коробью ржи по 7 денегъ ⁽³⁾. Въ 1544 г., хлѣбъ былъ дорогъ, и за четверетку ржи платили по гривнѣ московской ⁽⁴⁾.

Въ 1557 году голодъ по всей Русской землѣ, но особенно по заволжью, гдѣ многіе умирали съ голоду ⁽⁵⁾.

Въ 1561 году, засуха сдѣлала то, что яровой хлѣбъ вовсе не родился, прісохъ отъ бездождья, и купиша отъ того сѣмья рожь по 16 денегъ, а овесъ по 12 денегъ, а жито по 20 денегъ, а пшеницу по 11 алтынь ⁽⁶⁾.

(1) Карамз. VII, 189. (2) Тамъ-же. (3) Карамз. VIII, прим. 71.

(4) Новгор. II, 150. (5) Карамз. VIII, прим. 587. (6) Карамз. IX, прим. 93.

Въ 1570 г., бысть гладъ во всю Русскую землю. Рожь покупали, въ Москвѣ, по 60 алтынъ, а на Вологдѣ по рублю, на Устюгъ по 18 алтынъ, а на Колмогорахъ по 20; овесъ по 12, а пшеницу по 30, и много людей померло (1).

1573 г. ознаменованъ падежемъ коней и скота, по договорамъ и деревнямъ; а въ 1590 г., морозъ былъ такъ великъ, что произвелъ неурожай и голодъ въ Новгородѣ, гдѣ четверетку покупали по 20 алтынъ, а по селамъ и купить было не достать (2).

Изъ этихъ 8 случаевъ три касались всей Россіи, три имѣли мѣсто въ Новгородской области, и два случая принадлежатъ собственно Москвѣ. Объ однихъ общихъ неурожаяхъ замѣчено, что голодъ сопровождался смертностію; прочіе отличались дороговизною. Какъ же она была высока въ XVI в.? Замѣчательно, что наши данныя для рѣшенія этого вопроса, въ XVI в., почти всѣ неопредѣленны, или очевидно невѣрны. Что значитъ, напр., когда въ Новгородѣ, въ году 1535, четверетка стоила 2, а коробья 7 денегъ?

Съ перваго взгляда видно, что здѣсь цифры выставлены невѣрно. Съ одной стороны тутъ не выдержано соответствія и отношенія между частями хлѣбной мѣры. Если четверетка — четверикъ, а коробья четверть, или 2 четверти (3), то, при цѣнѣ на четверетку въ 2 деньги, коробья должна стоить 16 или 32 деньги, осьмина 8 или 16. Сверхъ того цифры: 2 и 7 денегъ, невозможны и по чрезвычайной дешевизнѣ. Не читать ли: 2 алтына и 7 алтынъ? Въ такомъ случаѣ, четверетка будетъ стоить 12 денегъ, а коробья должна стоить, въ значеніи четверти, 96 денегъ, въ значеніи 2 четвертей, 192 деньги, слѣд., слишкомъ дорого.

(1) Карамз. IX, прим. 326. (2) Новгор. II, 172. Карамз. X, прим. 356, и Псков. I, 321.

(3) Н. Д. Бяляевъ, въ изданной имъ Переписной книгѣ Вотс. пятины, Москва, 1851, стр. 64: всего пашни паханной — 10 коробей, а четвертые пашни двадцать чети, — да перелогомъ 62 коробьи, съ полукоробью, да лѣсомъ поросло 40 коробей, и обоего перелогомъ и лѣсомъ поросло 102 коробьи съ полукоробью, а четвертые пашни 205 четвертей.

Или можетъ быть, здѣсь четвертка есть осьмина, $\frac{1}{4}$ коробы, или 2-хъ четвертей?

Въ 1544 г., четвертку платили по гривнѣ московской, слѣд., по полугривнѣ новгородской, или по 7 денегъ новгородокъ. Въ это время именно въ 1535 г., деньги подверглись перемѣнѣ. Тогда какъ до этого году изъ $\frac{1}{2}$ ф. серебра дѣлали 260 новгород. денегъ, слѣд. по $4\frac{2}{3}$ вочки въ деньгъ, и два рубля съ гривной московскихъ; въ 1535 повелѣно было изъ того же количества серебра чеканить 300 новгородокъ по 4 почки деньгу, и ровно три рубля московскихъ (1). Слѣд., въ первомъ случаѣ, московскій рубль имѣлъ въ себѣ 120 новгородокъ, а во второмъ только 100 такихъ денегъ. Четвертка, въ московскую гривну, должна была стоить 7 денегъ новгородскихъ новыхъ; осьмина около 28, а четверть 56 денегъ, или 2 р. 24 к. нашего чекана.

Въ 1561 г., рожь покупали 16 денегъ, овесъ по 12, жито по 20, а пшеницу по 11 алтынъ. О мѣрѣ не сказано, и думаю, что здѣсь разумѣется четвертка. Слѣд., рожь будетъ стоить $16 \times 8 = 128$ денегъ за четверть; овесъ $12 \times 8 = 96$; а пшеница 11 алтынъ, или $66 \text{ денегъ} \times 8 = 528$. Пшеница оцѣнена въ-четверо дороже, нежели рожь, какъ это случалось часто.

Въ 1570 г., также мѣра не обозначена, и также должно принять за единицу четвертку. Но не въ этомъ одномъ трудность. Въ Москвѣ, по лѣтописи, платили за рожь 60 алтынъ; а это составитъ 360 денегъ, до $1\frac{3}{4}$ рубля, цѣну слишкомъ большую для всякой мѣры, невѣроятную тѣмъ болѣе, что объ Вологдѣ и другихъ городахъ, гдѣ хлѣбъ долженъ былъ, при неурожаѣ, цѣниться дороже московскаго, сказано, что тамъ онъ стоилъ 1 рубль. Да и цѣна пшеницы означена вдвое дешевле ржи, въ 30 алтынъ. Думаю, что должно читать, для цѣны ржи въ Москвѣ, не 60 алтынъ, а 60 денегъ, или 10 алтынъ; на Устюгъ 18, въ Холмого-

(1) Соф. Врем. II, 355. И. Д. Бялевъ, въ статьѣ о древней денежной системѣ Руси, 1846.

рахъ 20 алтынъ, а на Вологодѣ и въ другихъ мѣстахъ рубль. Тогда 30 алтынъ за пшеницу, втрое дороже цѣны на рожь, будетъ понятно. Здѣсь разумѣются московскія деньги, — въ двѣ почки, или въ двѣ вынѣшнія копейки.

Въ 1590 г., четверетка стоила, въ Новгородѣ, 20 алтынъ, или 120 денегъ; больше рубля на московскія деньги. Поэтому думаю, что здѣсь должны стоять не алтыны, а деньги, которыхъ 20 давали за четвертку, и 160 за четверть, или, на наши копейки, 640.

Итакъ мы думаемъ, что четверетка XVI столѣтія есть четвертая часть осьмины или зобницы XV, — есть нашъ четверникъ, который уже встрѣчался намъ въ годахъ 1485 и 1498, и теперь господствуетъ въ Руси, по господству въ ней зобницы или осьмины. Осьмина была та высшая единица хлѣбной мѣры, въ XVI в., которая, составляя половину четверти, называлась въ XVII столѣтіи *старою четвертію*, вдвое меньшею противъ четверти XVII и послѣдующихъ вѣковъ, до нашего времени (!). Эта четверетка стоила въ XVI вѣкѣ, при самой меньшей дороговизнѣ, 7 новгородокъ, а при самой большей, 20 новгород. денегъ, такъ что высокія цѣны на хлѣбъ въ XVI в., какъ и въ предшествующихъ, поднимались отъ единицы до 3.

Обращаясь къ разсмотрѣнію цѣпъ въ ихъ числовыхъ выраженіяхъ, замѣтимъ, что въ XVI в. драгоценные металлы должны были и въ Россіи упасть въ своей стоимости, какъ они упали на западѣ Европы, вслѣдствіе открытія Америки. Конечно, ни степень развитія промышленности, ни масса народнаго богатства, ни быстрота сношеній съ западомъ, и никакой другой вопросъ экономіи Руси не можетъ, въ XVI в., стать на ряду съ современнымъ его состояніемъ; а посему и цѣна золота и серебра и деньги не могутъ быть вполне уравниваемы съ теперешними. Но различіе уже не такъ велико. Достаточно предположить, что металлы, въ XVI в., были вдвое дороже нашихъ. Итакъ какъ въ XVI в., изъ 48

(1) Карамз. XI, прим. 165.

золотниковъ дѣлали 3 рубля московскихъ и полтора новгородскихъ, а въ наше время $10\frac{1}{2}$; то рубль московскій, по вѣсу и содержанию, былъ почти въ $3\frac{1}{2}$ раза, а новгородскій въ 7 разъ дороже теперешняго, да по значенію драгоцѣнныхъ металловъ, тотъ и другой рубль были вдвое дороже нашего рубля. Посему, переводя мѣру XVI в. на нашу мѣру, а цѣну хлѣба на наши деньги, получимъ, что въ 1544 г., четверть, стоившая 56 денегъ новгород., платилась бы на наши деньги 7, 84 к., или около 8 р. с.

1561 г., четверть, оцѣненная во 128 денегъ новгород., стоила бы у насъ 17, 92, или около 18 р. с.

1570 г., четверть стоила 4, 80 московскими деньгами, а въ XIX в., 33, 60 коп.

1590 г., та же четверть платилась на новгор. деньги 160, а на наши 22, 40 (1).

Послѣ этого понятны цѣны, состоявшіяся на хлѣбъ, и въ знаменитый голодъ 1601 и 1602 годовъ, когда четверть малая, старая, по нашему, осьмина стоила 2 и 3, а настоящая 4 и 6 рублей московскихъ, или 28 и 42 р. сер. нынѣшней стоимости (2). Безъ сомнѣнія, страшно дорого; но за десять лѣтъ передъ тѣмъ четверть стоила 22 р. 40 к., и не далѣе, какъ за 30 лѣтъ, она обходилась въ 33 р. 60 к. Слѣдовательно событіе 1601 и 1602 не могло составить явленія неслыханнаго въ Московскомъ царствѣ. Отъ чего же 1601 и 1602, голодные годы одни получили такую страшную извѣстность? Думаю, потому, что ихъ событія совершались передъ глазами ввоземцевъ, весьма искусныхъ въ разсказъ, и особенно потому, что эти событія имѣли связь съ политическимъ состояніемъ Московскаго царства. Кажется, современники ловко воспользовались, каждый для своей политической цѣли, событіемъ вѣтшей природы. Царь Борисъ отворилъ царскія житницы,

(1) 1544 г., четверть—56 денегъ; $56 \times 2 = 112$; $112 \times 7 = 784$.—1570 г., четверть— $480 \times 2 = 960 \times 3\frac{1}{2} = 33, 60$.—1590 г., четверть—30 денегъ Новгор., четверть $160 \times 7 = 11, 20$; да $1120 \times 3 = 22$ руб. 40 коп. Вотъ мой способъ перевода.

(2) Карамз. XI, примѣч. 165.

въ Москвѣ и городахъ, для прокормленія голодныхъ бѣднѣ-ковъ; повелѣлъ духовенству и боярамъ вывозить хлѣбъ на продажу, и продавать его по дешевой цѣнѣ; открылъ самую казну царскую, для того, чтобъ каждому бѣдняку выдавать ежедневно по московской деньгѣ; скушилъ, гдѣ могъ, на свои государскія деньги наличный хлѣбъ, продавалъ и даромъ раздавалъ бѣднымъ; наконецъ предпринялъ общественныя постройки, для доставленія бѣднымъ работы и пропитанія. Но не дремали и враги Бориса; обвиняя его предъ тѣмъ же народомъ, который испытывалъ теплоту царскаго великодушія, то въ несправедливости, съ которою Борисъ, для прокормленія нищихъ, дѣлалъ нищими многихъ богатыхъ, а между тѣмъ, по гордости, не хотѣлъ покупать хлѣбъ у иноземцевъ; то въ насиліяхъ противъ богатыхъ, и даже въ участіи въ разбояхъ, при содѣйствіи своихъ холопей; то въ выдачѣ ржи, вмѣсто пшеницы, въ храмы Божіи, для принесенія безкровной жертвы, и притомъ ржи худой, гнилой. Такъ что самъ Карамзинъ, увлекаясь взглядомъ на это дѣло современника, Аврамія Палицына, въ одномъ мѣстѣ говоритъ: *но Борисъ не оболѣстилъ Россіянъ своими благодѣяніями!* И какъ же иначе истолковать слова летописца, который преимущественно служитъ источникомъ для исторіи этой эпохи? «Царь Борисъ, многу милостыню творяще, не помяну слово се: иже отъ лихомавія и отъ неправды творяй милостыню, подобится заръзавшему сына у отца, и кровь его приносѣ въ златой чашѣ, да ніетъ отъ нея ко здравію си (1).» При такомъ разладѣ намѣреній, мнѣній и цѣлей въ Русскомъ царствѣ, успѣхъ не могъ увѣнчать усилій великодушнаго царя, и голодъ дѣлалъ свое страшное дѣло. Не станемъ описывать событій, которыхъ картина вездѣ и всегда одинакова, но прибавимъ, что годы 1601 и 1602, не только не существенно разнятся отъ годовъ близкихъ къ нимъ XVI в., но и отъ весьма близкихъ послѣдующихъ, хотя летописецъ, при ихъ изложеніи, опять видимо измѣняетъ свой взглядъ на дѣло.

(1) Карамз. XI, прим. 180.

Были голода въ 1605 г., когда въ Москвѣ хлѣбъ вошелъ въ 9 р. тогдашнихъ за четверть ⁽¹⁾, и въ 1608 г., когда хлѣбъ въ Москвѣ, осажденной Литвою, стоилъ по 7 руб. четверть ⁽²⁾. Последний случай разсказанъ у Палицына слѣдующимъ образомъ: «купцы Московскіи, во единъ совѣтъ совокупишеся, и повсюду отъ имѣній своихъ дающе на закупъ, еже бы имъ и у прочихъ градовъ и селъ всяко жито иззакупити, и сія собирающе, не скоро продаваху, но ожидающе, дондеже отягчится цѣна, и сугубо десятирицею прикупъ хотяще воспріяти, и немощніи имѣніемъ всяко до конца оскудѣша, отвяже мечу яростну зѣльнѣ належащу, и всяко убо богатство къ житопродавцемъ преходитъ; убозѣи же отъ глада зѣлѣ мучимы скончавашуся. Сицеваа убо зря Царь Василій, стѣсняется болѣзненно сердцемъ, и повелѣваетъ житопродавцемъ во едину цѣну продавати и покупати, но никако о семъ небрегоша житопродавцы. Державный же не единою покуспя градскимъ закономъ смирити ихъ; сегоже ради елика убо въ прочихъ градѣхъ и селѣхъ закупленная ими сташа не движима, и къ царствующему граду непреходима. Царь же и отъ прочихъ градовъ имѣвъ искоренити сихъ умыслъ, но никакоже возможе, паче же на горшая обратишася. Созвану бывшу народу всякаго чина въ домъ Матере Слова Божія, и сихъ Святѣйшій Патріархъ Іермогенъ много поучая, дабы въ любовь и въ соединеніе тѣхъ привести, и на милосердіе превратити: потомъ же и Царь молитъ всѣхъ, отъ вельможи и до простыхъ людей, чтобы на куплищи всенародномъ продавали всякое жито въ едину цѣну и не возвышали бы цѣны, и сильныя имѣніемъ не закупали бы на много время, и не оскудѣвали бы маломощныхъ. Овиже въ храмину немилосердіа вскочше и двери жестоко-сердіа закрѣпльше увыніемъ лицемѣрнымъ, отвѣщашу: ни, Царю праведный; ни, Владыко Святый! Вен не имамы чрезъ потребу, но токмо на мало время.» Итакъ страданія народа обратила вниманіе царя Василія Ивановича на вопросъ о про-

(1) Псков. I, 322. (2) Карамз. XII, 146, и прим. 368.

довольствіи, и для этого онъ убѣждаетъ предполагаемыхъ владельцевъ хлѣба продавать его по дешевой цѣнѣ. При безуспѣшности увѣщанія, онъ не одинъ разъ старается дѣйствовать градскимъ закономъ, т. е., принужденіемъ; но хлѣба не везутъ въ Москву, потому что всѣ пути къ столицѣ заняты непріателемъ, а въ Москвѣ давно уже чувствуется въ немъ недостатокъ. Слѣдовательно царь Василій дѣйствуетъ, какъ и Царь Борисъ; но здѣсь лѣтописецъ взялъ сторону Василя Ивановича и находитъ виноватыми хлѣбныхъ торговцевъ, житопродавцевъ. Съ своей стороны, народъ, по данному уже примѣру, ждетъ спасенія отъ одного царя, и, обвинивъ въ своемъ страданіи Бориса, за его нечестіе, теперь винитъ Василя—за его несчастіе, говоря: «снѣ убо гладъ и мечъ, царева ради несчастія» (1), или крича: «хлѣба, хлѣба! Иначе, да здравствуетъ Тушинскій!» Но какъ неосновательны обвиненія народа противъ царя, такъ невѣрны обвиненія лѣтописца противъ житопродавцевъ. Доказательство тому въ нашихъ лѣтописяхъ за всѣ истекшія столѣтія, гдѣ постоянно обозначаются истинныя причины недостатка, и при всемъ расположеніи народа винитъ того, или другаго, въ подобныхъ случаяхъ, только одинъ разъ, въ году 1409 (2), встрѣчаемъ выраженіе, что народъ умиралъ съ голоду, а торговцы разбогатѣли. Доказательство тому въ послѣдующихъ событіяхъ XVII столѣтія, въ которомъ, за исключеніемъ мѣръ царя Василя Ивановича, правительство почти ничего не предпринимаетъ противъ житопродавцевъ, да и народъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, только по запросу правительства, только слегка упоминаетъ о скупщикахъ и кулатчикахъ.

Этимъ небольшимъ отступленіемъ кончаемъ мы наше историческое изслѣдованіе о голодахъ, бывшихъ въ древней Россіи. Намъ остается въ заключеніе выставить общіе выводы изъ явленій, которыя имѣли мѣсто въ Россіи съ XI до XVII в., начиная съ хлѣбныхъ мѣръ, особенно сильныхъ голодовъ,

(1) Карамз. XII, примч. 348.

(2) Никои. Лѣтоп. V, 96. Заимствую цитату изъ статьи С. М. Соловьева, о физич. бѣдств. Рос. въ моск. Вид. N 59,—г. 1853.

съ ихъ причинами, и окончивая показаніемъ средствъ, которыя были принимаемы противъ неурожаевъ, во все теченіе названныхъ столѣтій.

О мѣрахъ хлѣбныхъ должно сдѣлать замѣчаніе, что, изъ вѣка въ вѣкъ, онѣ постоянно уменьшаются, такъ что только въ древнѣйшія времена, напр., по Русской Правдѣ, и въ лѣтописяхъ XII и XIII вѣковъ, главною мѣрою для хлѣба была кадь, или оковъ, равная нашимъ четыремъ четвертямъ. Въ XV столѣтіи господствуетъ уже осьмина, или осьмая часть кади, и половина четверти, подъ названіемъ *зобницы*, а въ XVI *четверетка* или *четверикъ*, осьмая часть четверти и 32-я часть кади. Последняя мѣра, усвоенная Русскимъ народомъ съ XVII вѣка и до нашего времени, есть четверть. И замѣчательно, что эта мѣра принадлежитъ Москвѣ. Кадь была нѣкогда общемою мѣрою для всего сѣвера Россіи. Половина ея, подъ названіемъ *коробы*, преимущественно была въ ходу въ Новгородѣ; осьмая часть, *зобница*, во Псковѣ. И всѣ эти различныя мѣры уступили московской чети, или четверти, которая господствуетъ донныя.

Въ это же самое время понижалась цѣнность металловъ и денегъ, и цѣны на хлѣбъ должны были становиться выше и выше; но очевидно, только по видимому. Вотъ таблица этихъ цѣнъ, въ различные годы втеченіе 5 или 6 столѣтій.

1128 г.	четверть	стоила	25	нашихъ р.	ужасн. голодъ.
1137	—	болѣе	12	— —	дорого.
1161	—	болѣе	12	— —	дорого.
1164	—	болѣе	12	— —	дорого.
1188	—	около	20	— —	голодъ.
1215	—	до	37	— —	ужасн. голодъ.
1228	—	—	10	— —	дорого.
1231	—	до	70	— —	ужасн. голодъ.
1314	—	—	15	— —	очень дорого.
1422	—	—	23	— —	ужасн. голодъ.
1425	—	—	11	— —	дешевле противъ 1422 г.

1427 и 1434 г.	—	2 и меньше	—	дешево.
1442	—	15	—	оч. дорого.
1485	—	18	—	оч. дорого.
1498	—	20	—	голодь.
1544	—	8	—	дорого.
1561	—	18	—	оч. дорого.
1570	—	болѣе 33	—	страшн. голодь.
1590	—	почти 22	—	голодь.
1601	—	28	—	голодь.
1602	—	42	—	ужасн. голодь.

При постоянствѣ цѣны ржи, относительно денегъ, любопытно сравнить цѣну ржи съ цѣнами на другіе предметы. Въ 1228 году пшеница стоила 5, а рожь 3 гривны за кадь, значитъ пшеница цѣнилась почти вдвое дороже; пшено стоило тогда 7 гривенъ, стало быть, болѣе, чѣмъ вдвое, дороже ржи. На такомъ же основаніи заключаемъ, что въ 1230 г., цѣна пшеницы относилась къ цѣнѣ ржи, какъ 40: 20; цѣна пшена къ цѣнѣ ржи какъ 50: 20; а цѣна овса, какъ 13: 20.

Въ 1409 году рожь въ $4\frac{1}{2}$ раза дороже соли, ибо ржи зобница, полтина, а соли $4\frac{1}{2}$ зобницы на полтину.

1420: рожь 70, жито 50, овесъ 30.

1464: рожь и овесъ, какъ 17: 7.

1467: рожь и овесъ, какъ 18: 8.

1485: рожь стоила 8, жито 5, овесъ 3.

1498: ржи четвертка 9, пшеницы $12\frac{1}{2}$.

1561: рожь и овесъ, какъ 16: 12; рожь и жито, какъ 16: 20; рожь и пшеница, какъ 16: 60.

1570: рожь и овесъ, какъ 60: 12; рожь и пшеница, какъ 60: 180, или, какъ 6: 18, или 1: 3. Изъ такого колебанія цѣнъ на пшеницу, овесъ и жито, при вѣковомъ постоянствѣ цѣны на рожь, очевидно, что рожь была господствующимъ, преимущественнымъ предметомъ потребления въ Россіи.

Мы могли бы, для доказательства этой мысли, выставить еще цѣны на другіе предметы, отъ десятка яицъ и одного

сыра до яловицы, борова и коня, и отъ фунта огуречнаго сѣмени въ 20 алтынъ, или 180 денегъ ⁽¹⁾, до дести писчей бумаги и до одного листа, который стоилъ полденьги ⁽²⁾, тогда какъ дестъ 2 алтына ⁽³⁾; но насъ торопитъ дѣло.

Обращаясь къ неурожаемъ и голодамъ, мы укажемъ, словами летописи, на самые жестокіе по силѣ дѣйствія и пространству. Сюда принадлежатъ: голодъ 1024, который былъ частнымъ, но доходилъ до того, что рѣзали женщинъ и старую прислугу.

1070, также частный, но доходившій до убійства родныхъ.

1092, во многихъ областяхъ, общій, со всѣми ужасами голодной смерти.

1128, страшная голодная смерть повсюду.

1215, ужасная смертность въ Новгородѣ.

1230 и 1231, страшная голодная смерть повсюду.

1279, голодъ бысть во многихъ областяхъ.

1309, гладъ крѣпокъ по земли русьской.

1332, дорогость и гладъ хлѣбный и скудота всякаго жита.

1422, общій неурожай и голодъ.

1442, общій десятилѣтній неурожай и голодъ.

1512, общій неурожай; 1515 и 1525, недостатокъ продовольствія въ Москвѣ. 1553, люди помроша.

1557, бысть гладъ по всей землѣ и люди помроша.

1570, гладъ во всю рускую землю и много людей помроша.

1601 и 1602, ужасный голодъ и моръ.

Причины неурожаевъ и виды посѣвовъ, которые отъ нихъ пострадали, обозначены въ летописяхъ слѣдующимъ образомъ: голода 1024 и 1070 годовъ произошли отъ неурожая.

1092, отъ жаровъ, уничтожившихъ и озимъ и яровое.

1094, отъ саранчи, поѣвшей всякую траву, и много жита, собственно, яровое.

1128, отъ морозовъ, побившихъ озимъ и яровое.

1129, вода потопи жито.

1137, отъ недостатка подвоза.

(1) Нов. II, 158; 1555 г. (2) Нов. II, 158; 1555 г. (3) тамъ-же 151; 1545.

1145, отъ дождей.

1161, отъ жаровъ лѣтнихъ и послѣдовавшихъ за тѣмъ раннихъ морозовъ, уничтожившихъ яровое и озимь.

1215, отъ мороза, который уничтожилъ и озимь и яровое.

1228, отъ военныхъ событій.

1230 и 1231, отъ морозовъ не добыли ни ржи, ни яроваго.

1291, 1297 и 1298, морозъ и засуха, повредившіе озимь и яровое.

1303, дожди, повредившіе озимь.

1309, мышь, которая все поѣла.

1332, рослая рожь.

1371, засуха уничтожила и озимь и яровое.

1419, холодъ, 1468, дожди, 1485, снѣга, отъ которыхъ потерпѣла озимь.

1535, засуха, 1535 морозъ, зима студена и снѣги паче мѣры.

1561, засуха; 1589 и 1590 холода.

1601 и 1602, морозъ, уничтожившій озимь и яровое.

Выставимъ наконецъ общіе итоги голодовъ, по столѣтіямъ, не считая XI, какъ не полнаго. Въѣкъ XII имѣеть ихъ 8.

XIII — — 8.

XIV — — 7.

XV — — 8 и

XVI — — 8.

Слѣд., какъ и прежде замѣчено, неурожаевъ и голодовъ въ Россіи приходится почти по 8 случаевъ на столѣтіе, и повторяются они почти чрезъ каждые 13 лѣтъ. Вспомнимъ, что моровыхъ повѣтрій приходилось въ тѣ же вѣки по 6 случаевъ на 100, и что онѣ должны были повторяться чрезъ каждые 17 лѣтъ. Да пожары, встрѣчаясь по 7 разъ въ столѣтіе, повторялись чрезъ каждые 14 лѣтъ. Отсюда выйдетъ, что эти физическія несчастія, составляя сумму 20 слишкомъ событій на столѣтіе, должны были повторяться чрезъ каждые 5 лѣтъ, не то, такъ другое, не другое, такъ третье. Вотъ состояніе древнѣйшей Россіи. И при этомъ полное, ясное сознаніе, что всѣ несчастія посылаются Богомъ, и что всѣ онѣ происходятъ по неизмѣннымъ законамъ при-

роды, а потому дѣйствуютъ такъ правильно и такъ неотра-
зимо. Народъ переносилъ все это терпѣливо, но не стра-
дательно, и, въ самыя болѣзненные эпохи, сохранялъ энергію
и противодѣйствовалъ злу, сколько могъ. Вотъ его средства
противъ голодовъ.

Какъ въ годину болѣзней и пожаровъ, такъ и на случай
недорода, русскій человекъ прежде всего обращался къ
Богу съ молитвой; но здѣсь молился онъ не во время лишь
дѣйствія голода, или явленій, производившихъ недородъ, а
постоянно, всѣдневно, почти всечасно. Такое значеніе имѣло
для него прошеніе у Бога насущнаго хлѣба, при чтеніи Молитвы
Господней; такой смыслъ находилъ онъ въ испрошеніи у
Бога благорастворенія воздуха, умноженія плодовъ земныхъ,
и въ другихъ подобныхъ молитвахъ. И до половины XVII в.,
не встрѣчаемъ мы въ Россіи общихъ распоряженій о всена-
родномъ, единовременномъ молитвословіи, которое часто
устанавливается впоследствии, при неурожаѣ, или явленіяхъ,
грозящихъ голодомъ и моромъ.

Съ другой стороны, для предупрежденія голода, народъ
прибѣгалъ къ труду, усилялъ и соображеніямъ, которыхъ
требовало развитіе земледѣлія, и которыхъ имѣли цѣлю
умноженіе посѣвовъ и разнообразіе плодовъ земныхъ. Увеличи-
ваясь въ своемъ числѣ, и возрастая въ опытности и сред-
ствахъ, Русскій народъ все болѣе и болѣе завоевывалъ земли
у болотъ и лѣсовъ, и обращалъ ее въ луга, пашни, огороды.
Далѣе, желая обезопасить себя отъ вреднаго вліянія стихій, и,
такъ сказать, обмануть ихъ, онъ доверялъ землѣ съмена все бо-
лѣе и болѣе разнообразныя. Начавши разведеніемъ овса, для
добыванія толокна, онъ перешелъ къ разведенію ржи, по-
томъ ячменя, полбы; далѣе къ посѣву пшеницы въ поляхъ,
и разведенію разныхъ овощей въ огородахъ въ надеждѣ,
если не все спасти, то, по крайней мѣрѣ, не все потерять.

Третье средство обезпеченія своей жизни находилъ Русскій
народъ въ куплѣ и подвозѣ хлѣба, и вообще въ торговлѣ
хлѣбомъ. Кажется, что самое появленіе волхвовъ въ XI вѣкѣ,
съ выраженіемъ: *знаемъ, кто гобино держитъ*, намекаетъ на

хлебную торговлю. Что хлеба не родилось новаго, это знаетъ самъ народъ, безъ помощи кудесниковъ; но почему нѣтъ въ продажѣ стараго запаса, вотъ чего онъ доискивается. И волхвы только подсказываютъ нелѣпый отвѣтъ на разумный вопросъ народа. Но и положительное свидѣтельство о знакомствѣ древнѣйшей Руси съ хлебною торговлею встрѣчаемъ мы въ походѣ Суздальцевъ за хлебомъ въ Болгарію 1024, — въ стараніи Новгородцевъ сохранить свободное сообщеніе съ областями, не пораженными недородомъ, въ разные годы XII и XIII столѣтій, и особенно въ подвозѣ хлеба въ Новгородъ изъ-за моря Нѣмцами, 1231. Равномѣрно разскажъ лѣтописи объ отправленіи хлеба изъ Руси къ Ятвягамъ, 1279, и отмѣтка лѣтописца, что хлебные торговцы разбогатѣли, по случаю событій 1409 г., не оставляютъ мѣста сомнѣнію, что торговля хлебомъ была однимъ изъ общеизвѣстныхъ средствъ обезпеченія народнаго продовольствія въ древнѣйшей Россіи. Наконецъ наше положеніе доказывается извѣстіями о 1442 годѣ, когда на Псковъ сдѣлано было, по выраженію лѣтописца, *многое нахожденіе всей Россіи*, такъ что Псковитяне, для обезпеченія собственнаго продовольствія, должны были установить законъ, воспрепятствующій вывозъ пхъ хлеба за рубежъ. Не говоримъ о позднѣйшихъ явленіяхъ, какъ обще-извѣстныхъ.

Кромѣ этихъ средствъ обезпеченія своего продовольствія, Русскій народъ зналъ еще средство, и самое дѣйствительное и самое важное — запасы. Сначала, естественно, эти запасы на случай неурожая были частные, домашніе, которые внушаются собственнымъ благоразуміемъ каждаго отдѣльнаго хозяина. Но впоследствии, мало по малу, запасы становятся дѣломъ общественнымъ. Такими они дѣлаются въ анбарахъ торгующаго класса, который разсчитываетъ на общую нужду и общественную потребность. Такими являются запасы въ большихъ хозяйствахъ, напр. въ житницахъ монастырей, и особенно въ житницахъ богатыхъ общинъ, напр. городовъ. О величинѣ запасовъ монастырскихъ можно судить по извѣстію, сохраненному о томъ въ лѣтописи, подъ 1543 г. Здѣсь

сказано, что, по случаю пожара, въ одномъ новгородскомъ монастырѣ сгорѣло 2 житницы, и въ нихъ 300 коробей, или 600 четвертей хлѣба (1). Огромность монастырскихъ запасовъ доказывается также событіями. 1609 г., когда подвозъ хлѣба въ Москву изъ житницъ Сергіева монастыря заставилъ понизиться цѣну хлѣба отъ 7 до 2-хъ руб. (2). О городскихъ запасахъ можно имѣть понятіе по тому количеству хлѣба, которое отъ прежнихъ лѣтъ хранилось на Кромѣ въ Псковѣ, и котораго въ 1442 году достало на прокормленіе огромнаго количества лицъ, пришедшихъ въ Псковъ изъ разныхъ странъ Руси, искать пропитанія. Въ послѣдствіи времени въ помощь къ этимъ запасамъ частнымъ, къ этимъ житницамъ монастырей и городовъ, или общинъ, присоединяются въ древней Россіи житницы и запасы царскіе, объ огромности которыхъ можно судить по великости добра, оказаннаго ими въ 1601 и 1602 годахъ всѣмъ жителямъ всей Россіи.

И такъ молитвы къ Богу и собственная дѣятельность частныхъ лицъ, съ ихъ предусмотрительностію, содѣйствіе общины, и, при дальнѣйшей нуждѣ, помощь отъ казны, служили въ древнѣйшей Россіи главными средствами обезпеченія народнаго продовольствія. Съ половины XVII вѣка, вопросъ о сохраненіи народа отъ голода дѣлается вопросомъ государственнымъ, а средства обезпеченія продовольствія—установленіями правительственными. Однимъ этимъ переходомъ, который дѣлаетъ вопросъ о жизни народа изъ сферы частнаго благоразумія и общиннаго попеченія въ сферу государственной, законодательной дѣятельности, совершается въ этомъ вопросѣ важная, существенная перемѣна. Тѣ же средства обезпеченія продовольствія получаютъ новую силу отъ новой формы, да сверхъ того подкрѣпляются въ своемъ дѣйствіи особыми новыми мѣрами.

Съ половины XVII вѣка, духовныя власти, по случаю не-

(1) Новгород. II, 150.

(2) Ист. Гос. Рос. XII, примѣч. 360.

урожаевъ, узаконяють всенародныя, общественныя молитвы, всенародныя, общіе посты, и дни покаянія на всеѣхъ пространствахъ дѣйствія своей власти. Вся Россія одновременно узнаеть о тяжелой судьбинѣ, постигшей тотъ, или другой край ея: всѣ Русскіе призываются церковно къ состраданію и молитвѣ за своихъ страждущихъ братьевъ; и житопродавцы, и скупщики и кулатчики, которые рѣшались расчитывать на непомѣрные барыши съ цѣны хлѣба, должны были найти строгое осужденіе, какъ передъ своею совѣстью, такъ и передъ лицомъ церкви и народа. И такъ, не говоря уже вообще о религиозномъ значеніи молитвы, распоряженія нашихъ патріарховъ о всенародномъ покаяніи, постѣ и общественныхъ молитвахъ, должны были и въ вещественномъ отношеніи имѣть благотворное вліяніе на бытъ народа. Эти распоряженія производились въ формѣ окружныхъ грамотъ къ духовенству, подобныхъ грамотъ патріарха Іосифа, 21 авг. 1643 года, въ которой онъ предписываетъ совершать молебствія во всехъ церквяхъ Россіи, съ *испрошеніемъ у Бога милосердія къ людямъ, по случаю тому, что земля, въ подобное время, плода не подаде, занеже не бысть дождя* (1).

Что касается до свѣтскихъ мѣръ, которыя принимаются правительствомъ со второй половины XVII вѣка, на пользу народнаго продовольствія, то онѣ весьма разнообразны, и требуютъ, для своего изложенія, особаго порядка. Ибо однѣ изъ нихъ суть общіе законы, имѣвшіе цѣлю содѣйствовать развитію хлѣбопашества; устройенію звѣриныхъ и рыбныхъ промысловъ, для усиленія средствъ продовольствія, вообще законы, о которыхъ мы уже говорили въ статьѣ о древней сельской промышленности въ Россіи. Другія мѣры суть непосредственныя, прямыя узаконенія о нашемъ вопросѣ—о народномъ продовольствіи. Эти непосредственныя мѣры, съ своей стороны, распадаются сначала на мѣры обезпеченія продовольствія въ Россіи собственно и въ Сибири; русскія

(1) Акт. экспед. III, N 332. См. такъ же грамоты 1648, авг., Акт. экспед. IV, N 30, и 1650, нояб. 8, Акт. эксп. IV, N 47; и другія.

состоятъ въ средствахъ обезпеченія продовольствія для лицъ не-свободныхъ и въ средствахъ обезпеченія продовольствія классовъ свободныхъ; эти послѣднія раздѣляются также на два рода: 1, на средства обезпеченія продовольствія бѣдныхъ людей, и 2, на мѣры къ обезпеченію жизни, на случай голода, остальнаго народонаселенія въ Россіи. Вотъ порядокъ, котораго, естественно, мы должны держаться, при изложеніи нашего вопроса, по законамъ второй половины XVII в.

1. *Обезпеченіе продовольствія въ Россіи для лицъ несвободныхъ.* Вопросъ о продовольствіи несвободныхъ, холопей и рабовъ, уже возбужденъ, поставленъ и рѣшенъ въ Уложеніи, которое 41 и 42 статьями своей XX главы дѣлаетъ слѣдующія распоряженія: «если бояринъ стонитъ со двора своего холопа, не желая кормить его, въ дорогое и голодное время, то обязуется дать ему отпускную, въ противномъ же случаѣ, судъ, —Холопій Приказъ, уполномочивается, по жалобѣ холопа, дать ему свободу противъ воли хозяина. Жалобы холопей, въ этомъ случаѣ, по Уложенію, должны быть принимаемы со всѣмъ снисхожденіемъ, такъ что, если бы даже оказалось, что холопъ жалуется на боярина несправедливо, —Приказъ, возвращая его господину, наказываетъ, чтобы послѣдній «не мстилъ своему виновному холопу.» Эти распоряженія Уложенія подтверждены впоследствии отдѣльными указами, каковъ напр. указъ 1663, авг. 13, которымъ «Государь повелѣваетъ кликать биричамъ по рынкамъ и торгамъ, что, если бояре откажутся кормить своихъ холопей въ голодное время, то они лишатся холопей, которые получатъ свободу» (1).

2. *Обезпеченіе продовольствія для бѣдныхъ классовъ.* Образцомъ распоряженій на пользу этихъ классовъ можетъ послужить указъ 1662, апрѣля 8 (2), которымъ Государь повелѣваетъ: «для прокормленія служилыхъ и всякихъ скуд-

(1) Истор. Акт. II, N 44.

(2) Акт. Экспед. IV, N 133.

ныхъ людей, въ неурожайное время, а) чтобы митрополиты и власти, дворяне и всякихъ чиновъ люди вывозили на рынки для продажи свои хлѣбные запасы; б) чтобы мѣстные начальства собирали казною, т. е. на счетъ казны хлѣбъ въ житницы, продавали его по указной цѣнѣ, по разсмотрѣнію, т. е. истинно бѣднымъ; и в) кому и за тѣмъ купить хлѣба будетъ нѣчимъ, тѣмъ бы раздавали хлѣбъ въ долгъ, съ поруками, «чтобъ Божиимъ и нашимъ людямъ отъ хлѣбныхъ дороговизнъ голодомъ не помереть.»

3. *Обезпеченіе продовольствія для жителей Сибири.* Оно состояло въ заведеніи, на Верхотурь, особенныхъ житницъ, съ запаснымъ хлѣбомъ, который оттуда шель исключительно въ сибирскіе города; и формально воспрещалось покупать хлѣбъ на Верхотурь, какъ для отвоза въ Россію, такъ и вообще, большими статьями, для перепродажи, по указамъ 1645, окт. 23 (1), и 1682, дек. 13 (2).

4. *Общія мѣры обезпеченія продовольствія для всего народа.* До сихъ поръ правительство, принимая мѣры обезпеченія продовольствія, въ описанныхъ нами, частныхъ случаяхъ, дѣйствовало совершенно свободно, опираясь или на свое право верховнаго надзора за отношеніемъ холопей и господъ, или на свою святую обязанность пецися о судьбѣ нищихъ и бѣдныхъ, или на особенность положенія края, какимъ была Сибирь въ то время. Но, при вопросѣ о мѣрахъ обезпеченія продовольствія для всего народа, — о мѣрахъ, которыя могутъ или превышать средства самаго правительства, или приходятъ въ столкновеніе съ выгодами и правами цѣлыхъ классовъ населенія, при такомъ вопросѣ, правительство приступаетъ къ дѣлу со всевозможною осмотрительностію и осторожностію, тѣмъ болѣе, что исторія правительственнаго вмѣшательства въ дѣло народнаго продовольствія, при Годуновѣ и Шуйскомъ, въ началѣ XVII вѣка, не могла побудить къ подражанію правительство половины этого столѣтія, доказывая, что результаты вмѣшательства могли иногда вовсе не соответ-

(1) Истор. Актъ IV, N 4. (2) Тамъ же V, N 103.

ствовать цѣли. И Царь Алексѣй Михайловичъ, въ 1660 г., начинаеть съ того, что уясняетъ для себя вопросъ, повелѣвая боярамъ поговорить съ торговымъ классомъ народа о томъ: «отъ чего учинилась на Москвѣ и въ городѣхъ противъ прежняго, хлѣбу дорогая цѣна, — отъ чего всякое съѣстное и скотъ, противъ прежняго, многимъ учало быть дороже? Отъ того ли, что на Москвѣ и въ городѣхъ хлѣбу и всякому съѣстному и скоту многіе закупщики, или отъ того, что кружечные дворы потребляютъ много хлѣба на винокурение? И, если изволить Государь винную продажу отставить, отъ того хлѣбъ дешевле будетъ ли? Чтobъ Великому Государю торговые люди раднѣе свое показали, и сказали правду». И вотъ отвѣты, полученные правительствомъ, 1660, окт. 17, (1) и послужившіе основаніемъ системы обезпеченія народнаго продовольствія въ Россіи, до Петра В.

Первые отвѣчали гости и торговые люди гостинной и суконной сотни, говоря, что возвышеніе цѣны на хлѣбъ происходитъ отъ недородовъ, отъ многого виннаго куренія, и отъ многихъ закупщиковъ и кулащиковъ и влзщиковъ. И они полагаютъ, что хлѣбъ будетъ дешевле, 1) если В. Государь укажетъ свой Государевъ милостивый указъ учинить, и кружечные дворы отставить, а вино замѣнить пивомъ; 2) если Государь повелитъ выдавать по прежнему стрѣльцамъ ихъ хлѣбное жалованье хлѣбомъ, чтобы они и жены ихъ не увеличивали собою числа покупателей хлѣба; 3) если Государь запретитъ закупщикамъ и кулатчикамъ являться на рынки, гдѣ продается хлѣбъ и все съѣстное, раньше 6 часа дня, т. е. раньше полудня и того времени, когда хлѣбъ и харчи покупаются жителями города про домашній обиходъ; и 4) если крестьяне сами стануть возить хлѣбъ и съѣстное въ города, для продажи, безъ посредства закупщиковъ и барышниковъ.

Послѣ гостей, отвѣчали сотскіе и старшины черныхъ

(1) Пол. С. З. N 286.

сотенъ и слободъ, и торговые тяглые люди тѣхъ сотенъ и слободъ, лучшіе, середніе и молодшіе, говоря, «что причины дороговизны заключаются частію въ бывшихъ моровыхъ повѣтріяхъ и войнахъ, истребившихъ много народа; частію въ скупщикахъ и кулащикахъ. Чтò до винокуренія, они не знаютъ, будетъ ли хлѣбъ дешевле, если отставить винокуреніе, потому что *хлѣбъ въ Божіей волѣ*; и пусть будетъ, какъ *Великому Государю Богъ извѣститъ*». Происшедшее по этому вопросу преніе между гостями и черными торговыми людьми окончилось въ пользу мнѣнія гостей.

Чтò до скупщиковъ, Государь повелѣлъ тутъ же назвать ихъ; и обѣ стороны назвали *Якова Шустова* и *Михаила Бечевина*, прибавивъ, что о скупщикахъ *подлинно вѣдаеть Помѣрная Изба и Голова* этого присутственнаго мѣста. Послѣ сего черныхъ сотенъ и слободъ торговые люди били челомъ Великому Государю, чтобъ у скупщиковъ хлѣбъ окупить казною, поднять на Москву и продавать бѣднымъ, указною цѣною. Съ другой стороны, они же били челомъ Государю, чтобъ онъ не велѣлъ скупщикамъ закупать по городамъ *многил рыбы изъ насадовъ, за очи*, отъ чего рыба дѣлается безмѣрно дорогою. *А про иныя статьи, что гости сказали, и ихъ де тѣ же рѣчи.*

Изъ этихъ показаній видно, что народъ въ XVII в. не считалъ нужнымъ принимать особыя мѣры противъ неурожая, противъ дѣйствительнаго недостатка въ продовольствіи, или противъ естественной дороговизны хлѣба, вѣря, что хлѣбъ *въ Божіей волѣ*, и зависитъ въ своемъ количествѣ, частію отъ труда, частію отъ благоразумнаго употребленія запасовъ. И, при вопросѣ правительства о дороговизнѣ, народъ обращаетъ вниманіе исключительно на искусственную дороговизну, которал является на рынкахъ, по городамъ, и происходитъ отъ разнообразныхъ сдѣлокъ скупщиковъ и кулатчиковъ, вообще монополистовъ. Въ этомъ отношеніи, самое сильное и самое вѣрное средство обезпеченія продовольствія состоитъ въ *свободѣ хлѣбной торговли*, но свобода, принимаемой въ особенномъ значеніи. Понятно, что

чѣмъ болѣе торговцевъ и участниковъ въ продажѣ товара, тѣмъ менѣ цѣна товара можетъ быть произвольна; а это число продавцовъ можетъ быть и больше и меньше, по его отношенію къ числу покупателейъ. Но такъ какъ всѣ нуждаются въ хлѣбѣ, всѣ его потребляютъ, и, стало быть, всѣ бываютъ его покупателями въ этомъ смыслѣ: то и торговать имъ должны всѣ, и хлѣбная торговля должна быть для всѣхъ открыта, ни для кого не должна быть недоступна, или затруднена, и, въ этомъ обширномъ значеніи, должна быть свободна. Торговля хлѣбомъ есть торговля однимъ изъ первыхъ условій человѣческой жизни, и существенно отличается отъ торговли собственно товарной, юфтью, или шерстью. Русское законодательство издревле признаетъ различіе между торговлею хлѣбомъ и другими статьями, и, допуская свободу торговли вообще, издревле усваиваетъ хлѣбной торговлѣ особенную свободу, которая, съ Уложенія до Свода, опредѣляется слѣдующими одинаковыми чертами. По 17 ст. XIX главы Уложенія, узаконено: «чьи крестьяне учнутъ къ Москвѣ и въ города пріѣзжати, со всякими товарами, и имъ тѣ товары продавати по вольнымъ цѣнамъ». Здѣсь, естественно, подъ крестьянскими товарами разумѣются произведенія земли и плоды сельскаго хозяйства, слѣд., этою статьею дается крестьянамъ право продажи всего, что они производятъ, и хлѣба, и сѣна, и овощей и топлива. И по этимъ товарамъ крестьяне имѣютъ право участвовать въ торговлѣ и считать себя купцами. Понятно, что это право съ крестьянами раздѣляютъ владѣльцы ихъ и вотчинники, монастыри и церкви, митрополиты и власти. Сверхъ того не лишаются этого права посадскіе и мѣщане, черныхъ сотенъ торговые люди, а наконецъ и гости. Слѣд. торговля хлѣбомъ не есть принадлежность того или другаго класса, той или другой мѣстности, города или посада, а достояніе всего народа, во всемъ его составѣ. Такою хлѣбная торговля является у насъ съ древнѣйшихъ временъ; въ такомъ видѣ узаконяетъ ее Уложеніе; въ такомъ смыслѣ искони принимаетъ ее народъ Русскій; и въ такомъ значеніи

Сводъ Законовъ называется, въ наше время, хлѣбную торговлю свободною.

Отсюда выводимъ мы оправданіе тѣхъ желаній, которыя выражены въ челобитъѣ торговыхъ людей Москвы 1660, окт. 17, и законность тѣхъ мѣръ, которыя предположены въ это время, для противодѣйствія скопленію хлѣбной торговли въ однихъ рукахъ. Отсюда же вытекаетъ справедливость распоряженій, сдѣланныхъ правительствомъ съ 1660 года, относительно хлѣбной торговли. Оно предписало: 1) указомъ 1660, окт. 15, чтобы крестьяне сами возили хлѣбъ и все съѣстное къ Москвѣ и въ города, и чтобы купцы не закупами хлѣба по деревнямъ, для отвозу ⁽¹⁾; 2) указомъ того же года окт. 16, чтобы крестьяне весь запасъ свой, за исключеніемъ необходимаго, обмолачивали и вывозили на рынки, для продажи, подъ опасеніемъ уничтоженія хлѣба въ скирдахъ ⁽²⁾. 3) Правительство повелѣло, указомъ 1661, нояб. 4, изъ всѣхъ мѣстъ понизовыхъ и крайнихъ везти хлѣбъ и соль въ Москву, и продавать ихъ *мѣрною цѣною*, оставляя *немѣрные прибитки*, подъ страхомъ *опалы и торговой казни, безъ пощады* ⁽³⁾. Оно же воспретило указами 1681 и 1693, «московскимъ людямъ всякаго чина, и скупщикамъ и кулатчикамъ и складчикамъ у прѣзжихъ людей, сложась, скупать мяса и рыбы и сѣно и золу и дрова и хлѣбъ и всякіе товары большими статьями, для своихъ прибылей и прихотей, подъ страхомъ жестокаго наказанія и вѣчнаго раззоренія» ⁽⁴⁾. Наконецъ, съ этою же пѣлно, русскій законъ до сихъ поръ строго преслѣдуетъ вмѣпательство торгующаго класса, до извѣстнаго часа дня, въ рыночную продажу, и всѣ сдѣлки этого класса съ крестьянами до прѣзда ихъ на рынокъ.

Вотъ характеръ законовъ о продовольствіи въ Россіи до Императора Петра В. Здѣсь можно бы окончить наше изложеніе; но, для болѣе точной оцѣнки всего изложеннаго, мы

(1) П. С. З. N 284. (2) П. С. З. N 287. (3) Акт. Эксп. IV, N 126.
(4) П. С. З. NN 874 и 1480.

находимъ полезнымъ сравнить, хоть въ самыхъ крупныхъ чертахъ, данныя нашей древней исторіи съ данными новой. Уже съ первыхъ годовъ XVIII вѣка чувствуется перемѣна системы въ нашемъ вопросѣ. Съ начала XVIII вѣка, указы о продовольствіи издаются несравненно чаще прежняго, а съ 1740 годовъ, выходитъ ихъ по нѣскольку въ каждый годъ, непрерывно. Главное содержаніе и существенныя распоряженія этихъ указовъ довольно постоянны, съ Петра В. до 1765 года, когда вопросъ о запасахъ сельскихъ, повсюдныхъ, сохраненныхъ въ русскомъ хозяйствѣ съ древнѣйшихъ временъ, и замѣченныхъ этимъ указомъ, далъ новое направленіе дѣлу, и положилъ основу дѣйствующей системѣ народнаго продовольствія въ Россіи. До этого года руководительными началами законодательства въ дѣлѣ продовольствія служили три указа Императора Петра, одинъ отъ 1723 г. февр. 16, другой отъ 1723, февр. 27, — и третій отъ 1724, янв. 20. Скажемъ нѣсколько словъ о положеніяхъ этихъ указовъ.

Указъ 1723, февр. 16, ⁽¹⁾ гласитъ: «такъ какъ въ неурожайные годы многіе мрутъ отъ голоду, того ради надлежитъ нынѣ имѣть *менажъ*, дабы неимущихъ пропитать, и потому въ мѣстахъ, гдѣ окажется голодъ, описать у зажиточныхъ лишній хлѣбъ, и, вычисливъ, сколько нужно имъ самимъ, для домашняго обихода, остальной раздать неимущимъ, въ займы, съ росписками; и они бы отдали въ урожайные годы». На основаніи этого указа, по разнымъ мѣстамъ рассылаются чиновники, для описи наличнаго хлѣба у зажиточныхъ, для составленія списковъ неимущимъ, и для раздачи имъ описаннаго хлѣба. Эта система принята указомъ 1734 года, апрѣля 25, ⁽²⁾ подтверждена указомъ 1749, марта 17, ⁽³⁾ усилена указомъ 1750, февр. 9, ⁽⁴⁾ который грозитъ наказаніемъ за утайку наличнаго хлѣба, при его описи, и указомъ 1754, сент. 23, ⁽⁵⁾ написаннымъ въ томъ же духѣ.

(1) П. С. З. N 4168. (2) П. С. З. N 6569. (3) П. С. З. N 9590.
(4) П. С. З. N 9709. (5) П. С. З. N 10299.

По указу 1723, февр. 27, ⁽¹⁾ устанавливается, «при Конторъ Камеръ-Коллегіи, особый человекъ, который бы всегда мыслилъ и доносилъ Конторъ о магазинныхъ Государственныхъ и о прочихъ (дѣлахъ), какимъ образомъ народъ до-вольствоваться во время недорода. Помѣщики и прикащики наблюдать должны, чтобы крестьяне хлѣба съѣли болѣе», и т. д. По слѣдамъ этого указа въ 1723 году іюля 23, ⁽²⁾ и сент. 3 ⁽³⁾, предписано начальникамъ ближнихъ губерній еженедѣльно, а дальнихъ, ежемѣсячно, рапортовать въ Камеръ-Коллегію объ урожаѣ и о цѣнахъ на хлѣбъ, въ Россіи и на рынкахъ западной Европы. Указомъ 1724, янв. 20 ⁽⁴⁾, установленъ *Экономіи-Генеральный*, какъ средоточіе, куда стекаются всѣ извѣстія о состояніи средствъ для народнаго продовольствія; указомъ же 1737, апр. 30 ⁽⁵⁾, повелѣвается рапорты объ этомъ предметѣ, ежемѣсячно, доставлять въ Кабинетъ Министровъ. Указъ 1760, августа 24 ⁽⁶⁾, повелѣваетъ, рапорты по вопросамъ о продовольствіи представлять *Сенату*, а указъ 1763, ноябр. 14 ⁽⁷⁾, отсылаетъ ихъ въ *Главную Провіантскую Канцелярію*, которая завѣдывала дѣломъ народнаго продовольствія до учрежденія Министерствъ.

Указъ 1724, янв. 20 ⁽⁸⁾, повелѣлъ учредить казенные хлѣбные магазины по городамъ, для противодѣйствія искусственной дороговизнѣ, и сначала положено завести ихъ въ Петербургъ, Ригъ, по Днѣпру, Дону, Деснѣ, въ Смоленскъ и Астрахани. Впослѣдствіи времени, именно съ 1762, авг. 20 ⁽⁹⁾, эти магазины учреждены по всѣмъ городамъ, для того, говоритъ Императрица Екатерина II, *дабы всегда цѣна хлѣба въ моихъ рукахъ была.*

В. ЛЕВШКОВЪ.

1854, январ. 14.

(1) П. С. З. N 4175. (2) П. С. З. N 4272. (3) П. С. З. N 4293.
 (4) П. С. З. N 4420. (5) П. С. З. N 7238. (6) П. С. З. N 11,033.
 (7) П. С. З. N 15,877. (8) П. С. З. N 4420. (9) П. С. З. N 11,649.

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

СЦЕНА ИЗЪ «БОРИСА ГОДУНОВА» (*).

ОГРАДА МОНАСТЫРСКАЯ.

Григорій и злой Чернецъ.

ГРИГОРІЙ.

Что за скука, что за горе
Наше бедное житье!
День приходитъ, день проходитъ —
Видно, слышно все одно:
Только видишь черны рясы,
Только слышишь колоколъ!
День звалъ, бродишь, бродишь;
Двѣять нечего — соснешь....
Ночью долгою до свѣта
Все не спится чернецу!
Сномъ забудешься, такъ душу
Грезы черныя мутять....
Радъ, что въ колоколъ ударятъ,
Что разбудятъ костьюлемъ!

(*) Изъ *Dorpatser Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands. Ersten Bandes erstes Heft. 1833, N 1.* Баронъ Розень въ разборъ *Бориса Годунова*, напечатанномъ въ этомъ журналѣ, говоритъ, что эта сцена исключена была авторомъ по совету Мицкѣвича и Дельвига, ибо, по ихъ мнѣнію, она ослабляла впечатлѣніе, производимое разсказомъ Пимена. Впрочемъ Б. Розень прибавляетъ, что при второмъ изданіи *Бориса Годунова* Пушкинъ думалъ вставить и эту сцену (р. 56). Ср. *Литературныя Прибавленія къ Русскому Иллюстрату*, 1834 г., N 3, стр. 23.

Нѣтъ, не вытерплю! нѣтъ мочи:
 Черезъ ограду — да бѣгомъ!
 Мнѣ великъ: мнѣ путь дорога
 На четыре стороны,
 И куда костей проклятыхъ
 Не заносить вороны. (*)
 Поминай, какъ звали!

ЧЕРНЕЦЪ.

Правда:

Ваше горькое житье,
 Вы разгульные, лихіе,
 Молодые чернецы!

ГРИГОРІЙ.

Хоть бы Ханъ опять нагрнулъ!
 Хоть Литва бы поднялась,
 Такъ и быть: пошелъ бы съ ними
 Перевѣдаться мечемъ!
 Что? когда бы нашъ Царевичъ
 Изъ могилы вдругъ воскресъ
 И вскричалъ: «А гдѣ вы, дѣти,
 Слуги вѣрные мои!
 Вы подите на Бориса,
 На злодѣя моего,
 Изловите супостата,
 Приведите мнѣ его!

ЧЕРНЕЦЪ.

Полно! не болтай пустаго:
 Мертвыхъ намъ не воскресить!
 Нѣтъ, Царевичу иное
 Видно было суждено;
 Но послушай: если дѣло
 Затѣвать, такъ затѣвать.

ГРИГОРІЙ.

Что такое?

(*) Эти два стиха не находятся въ *Dorpatser Jahrbücher*; они внесены нами въ предлагаемую сцену со словъ С. П. Шевырева, который сохранилъ ихъ въ памяти, имѣвши случай слышать всю эту сцену отъ А. С. Пушкина.

ЧЕРНЕЦЪ.

Еслибъ я былъ
Также молодъ, какъ и ты,
Еслибъ усь не пробивала
Ужь лихая свдина!...
Понимасшь?

ГРИГОРІЙ.

Нѣтъ, нисколько!

ЧЕРНЕЦЪ.

Слушай: глушій нашъ народъ
Легковзрень; радъ дивиться
Чудесамъ и новизнѣ,
А бояре въ Годуновъ
Помнятъ равнаго себѣ;
Племя древняго Варяга
И теперъ любезно имъ!
Ты Царевичу ровесникъ....
Если ты хитеръ и твердъ....
Понимаешь? (*молчаніе*).

ГРИГОРІЙ.

Понимаю!...

ЧЕРНЕЦЪ.

Что же скажешь?

ГРИГОРІЙ.

Рѣшено!

Я Дмитрій, я Царевичъ!

ЧЕРНЕЦЪ.

Дай мнѣ руку: будешь Царь!

ПИСЬМО А. С. ПУШКИНА КЪ БАРОНУ А. А. ДЕЛЬВИГУ (*).

(Буквально списано съ подлинника и сообщено намъ А. Н. Даванасьевымъ).

Другъ Дельвигъ, мой парнасскій братъ,
 Твоей я прозой былъ утшенъ;
 Но признаюсь, баронъ, я грѣшенъ:
 Стихамъ я больше былъ бы радъ...
 Ты знаешь: я въ минувши годы,
 У береговъ кастальскихъ водъ,
 Любилъ мартъ поэмы, оды;
 Ревнивый зрѣлъ меня народъ
 На кукольномъ театрѣ моды;
 Поклонникъ правды и
 Бывало, что ни папишу,
 Все для иныхъ не Русью пахнетъ;

 Теперь я, право, чуть дышу,
 Отъ воздержанья муза чахнетъ,
 И рѣдко, рѣдко съ ней грѣшу.
 Къ молвъ болтливой я хладвю
 И изъ учтивости одной
 Дониинъ волочусь за нею,
 Какъ мужъ лѣнивый за женой.
 Наскуча музъ безплодной службой,
 Другой богиней, тихой дружбой
 Я славы замвнилъ кумиръ.
 Но все люблю, мои поэты,
 Фантази волшебный мѣръ,
 И чуждымъ пламенемъ согрѣтый,
 Внимаю звуки вашихъ лиръ....
 Такъ точно, позабывъ сегодня,
 Проказы, игры прежнихъ дней,

(*) Г. Гаевскій въ третьей статьѣ своей о Дельвигѣ (*Современникъ*, 1854 г. N 1.) передаетъ содержаніе этого письма перифразомъ. Мы не видимъ особенной пользы въ подобномъ обнародованіи произведеній великихъ писателей.

Глядитъ съ лежанки ваша....
На шашни молодыхъ....

Жалю, Дельвигъ, что до меня дошло только одно изъ твоихъ писемъ, именно то, которое мнѣ доставлено любезнымъ Гнедичемъ вмѣстѣ съ дѣвственной Людмилою. Ты не довольно говоришь о себѣ и объ друзьяхъ нашихъ.—О путешествіяхъ К. слышалъ я ужъ въ Кіевѣ. Въ твоёмъ отсутствіи—сердце напоминало о тебѣ; объ твоей музѣ—журналы. Ты все тотъ же талантъ прекрасный и ленивый. Долго ли тебѣ шалить—долго ли тебѣ разбивать свой гений на серебряные четвертаки.—Напиши поэму славную, только не четыре части дня и не четыре времени года—напиши своего Монаха.—Поэзія мрачная, богатырская, сильная, Байроническая—твой истинный утѣль; умертви въ себѣ вѣтхаго челоуѣка — не убивай вдохновеннаго поэта. Что до меня, моя радость, скажу тебѣ, что кончилъ я новую поэму *Кавказскій Пльщикъ*, которую надѣюсь скоро вамъ прислать, — ты ея не совсѣмъ будешь доволенъ; и будешь правъ. Еще скажу тебѣ, что у меня въ головѣ бродятъ еще поэмы—но что теперь ничего не пишу—я перевариваю воспоминанія; и надѣюсь набрать вскорѣ новыхъ; чѣмъ намъ и жить, душа моя, подъ старость нашей молодости,—какъ не воспоминаніями?

Недавно пріѣхалъ въ Кишеневъ, и скоро оставляю благословенную Бессарабію; есть страны благословеннѣе.—Празднѣйшій миръ не самое лучшее состояніе жизни, даже и Скарментадо кажется не правъ. (*) — Самаго лучшаго состоянія нѣтъ на свѣтѣ; но разнообразіе спасительно для души.

Другъ мой, есть у меня до тебя просьба — узнай, напиши мнѣ, что дѣлается съ братомъ. Ты его любишь, потому что меня любишь. Онъ челоуѣкъ умный во всемъ смыслѣ слова, и въ немъ прекрасная душа. Боюсь за его молодость; боюсь воспитанія, которое дано будетъ ему обстоятельствами его жизни и имъ самимъ. — Другаго воспитанія

(*) Сочиненіе Вольтера: Histoire des voyages de Scarmentado.

ить для существа, одареннаго душею. Люби его; я знаю, что будутъ стараться изгладить меня изъ его сердца; въ этомъ найдутъ выгоду. Но я чувствую, что мы будемъ друзьями— и братьями не только по африканской нашей крови.

Прощай.

А. Пушкинь.

1821 г. марта 23. Кшпеневъ.

К. А. Т — вой.

Радуга, литературный и музыкальный альманахъ, на 1830 годъ. Изданный П. Араповымъ и Д. Новиковымъ. Москва. Въ Тип. С. Селивановскаго (16) 78. (*Разрѣшена цензурою 10 декабря 1829 г.*)

Перепечатано въ «Сочиненіяхъ» Т. IX, стр. 201, подъ заглавіемъ: *Женищилъ-поэту*, и съ измѣненіями. Въ «Радугѣ» это стихотвореніе напечатано такимъ образомъ:

Я видѣлъ васъ, я ихъ читалъ,
 Си прелестныя созданья,
 Гдѣ ваши томныя мечтанья
 Боготворятъ свой идеалъ;
 Я пилъ отраву въ вашемъ взорѣ,
 Въ душой исполненныхъ чертахъ,
 И въ вашемъ миломъ разговорѣ,
 И въ вашихъ пламенныхъ стихахъ;
 Соперница *запретной розы* (*)
 Блаженъ безсмертный идеалъ....
 Стократъ блаженъ, кто вамъ внушалъ
 Не много рифмъ и много прозы.

Подпись: *А. Пушкинь.*

(*) Впрочемъ, къ тому же лицу относится стихотвореніе Кв. Вяземскаго: *Запретная Роза* (Московский Телеграфъ, Ч. VIII, 1826 г., N 5, Отд. II, стр. 3).

1833. Въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду*, часть IX, 1833, N 26, стр. 206—207, подъ рубрикою: Библиографія, напечатана была слѣдующая статья А. С. Пушкина о *сочиненіяхъ Катенина*, пропущенная въ *Сочиненіяхъ*.

«На дняхъ вышли въ свѣтъ сочиненія и переводы въ стихахъ Павла Катенина. Издатель (г. Бахтинъ) въ началѣ предисловія, весьма замѣчательнаго, упомянулъ о томъ, что *П. А. Катенинъ*, почти при вступленіи на поприще словесности, былъ встрѣченъ самыми несправедливыми и самыми неумѣренными критиками.

Намъ кажется, что г. Катенинъ (такъ какъ и всѣ наши писатели вообще) скорѣе могъ бы жаловаться на безмолвіе критики, чѣмъ на ея строгость или пристрастную привязчивость. Критики, по настоящему, еще у насъ не существуютъ: несправедливо было бы намъ и требовать оной. У насъ и литература едва ли существуетъ; а на нѣтъ—суда нѣтъ, говорить неоспоримая пословица. Если публика можетъ довольствоваться тѣмъ, что называютъ у насъ критикой, то это доказываетъ только, что мы еще не имѣемъ нужды ни въ *Шлегеляхъ*, ни даже въ *Лагарпахъ*.

Что же касается до несправедливой холодности, оказываемой публикою сочиненіямъ г. Катенина, то во всѣхъ отношеніяхъ она дѣлаетъ ему честь: во первыхъ, она доказываетъ отвращеніе поэта отъ мелочныхъ способовъ добывать успѣхи, а во вторыхъ и его самостоятельность. Никогда не старался онъ угождать господствующему вкусу въ публикѣ, напротивъ: шель всегда своимъ путемъ, творя для самаго себя, что и какъ ему было угодно. Онъ даже до того простеръ сію гордую независимость, что оставлялъ одну отрасль поэзіи, какъ скоро становилась она модною, и удалялся туда, куда не сопровождали его ни пристрастіе толпы, ни образцы какого-нибудь писателя, увлекающаго за собою другихъ. Такимъ образомъ бывъ одинъ изъ первыхъ приверженцевъ романтизма, и первый введши въ кругъ возвышенной поэзіи языкъ и предметы простонародные, онъ первый отрекся отъ романтизма, и обратился къ классическимъ идоламъ, когда читающей публикѣ начала нравиться новизна литературнаго преобразованія.

Первымъ замѣчательнымъ произведеніемъ г-на Катенина былъ переводъ славной Биргеровой Леноры. Она была уже известна у насъ по невѣрному и прелестному подражанію Жуковскаго, который сдѣлалъ изъ нее тоже, что Байронъ въ своемъ Манфредѣ сдѣлалъ изъ Фуасто (sic!): ослабилъ духъ и формы своего образца. Катенинъ это чувствовалъ и вздумалъ показать намъ Ленору въ энергической красотѣ ея первобытнаго созданія; онъ написалъ Ольгу. Но сія простота, и даже грубость выраженій, сія *сволочь*, замѣнившая *воздушную цѣпь* тѣней, сія висѣлица, вмѣсто сельскихъ картинъ, озаренныхъ лѣтнею луною, непріятно поразили непривычныхъ читателей, и Гнѣдичъ взялся высказать ея мнѣнія, въ статьѣ, коей несправедливость обличена была Грибоѣдовымъ. Послѣ Ольги, явился Убійца, лучшая, можетъ быть, изъ балладъ Катенина. Впечатлѣніе, имѣ произведенное, было и того хуже: убійца въ припадкѣ сумасшествія, бранилъ мѣсяцъ, свидѣтеля его злодѣянія, *плышивымъ!* читатели, воспитанные на Флоріанъ и Парш, расхохотались и почли балладу ниже всякой кригивки.

Таковы были первыя неудачи Катенина; онъ имѣли вліяніе и на слѣдующія его произведенія. На театрѣ имѣлъ онъ рѣшительные успѣхи. Отъ времени до времени въ журналахъ и альманахахъ появлялись его стихотворенія, коимъ наконецъ начали отдавать справедливость, и то скупо и неохотно; между ими отличаются Мстиславъ Мстиславичъ, стихотвореніе, исполненное огня движенія, и Вторая бѣль, гдѣ столько простодушія и истинной поэзіи.

Въ книгѣ, нынѣ изданной, просвѣщенные читатели замѣтятъ *идиллію*, гдѣ съ такою прелестною вѣрностію постигнута буколическая природа, не Геснеровская, чопорная и манерная, но древняя простая, широкая, свободная; меланхолическую *элегію*, мастерской переводъ трехъ пѣсенъ изъ *Inferno* и собраніе романсовъ о Сидѣ, сію простонародную хронику, столь любопытную и поэтическую.—Знатоки отдадутъ справедливость ученой отдѣлкѣ и звучности гекзаметра и вообще механизму стиха г-на Катенина, слишкомъ пренебрегаемому лучшими нашими стихотворцами.»

14 марта, 1823.

(NB. подъ статью подпись: А. Пушкинъ.)

ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА КЪ А. А. ФУКСЪ.

(Изъ статьи г-жи Фуксъ *Воспоминанія объ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ*, напечатанной въ N 2 прибавленій къ Казанскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ 1844 года и отдѣльнымъ оттискомъ. Въ этой брошюрѣ находится любопытный разсказъ о пребываніи Пушкина въ Казани; но о немъ послѣ).

8 сентября, 1833 года.

М—ая Г—ня, Александра Андреевна! Съ сердечной благодарностію посылаю вамъ мой адресъ, и надѣюсь, что обѣщаніе ваше пріѣхать въ П. б. не есть одно любезное пріѣтствіе. Примите, М. Г., изъявленіе моея глубокой признательности за ласковій пріемъ путешественнику, которому долго памятно будетъ минутное пребываніе его въ Казани. Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть и проч.

19 октября, 1834 года. С. П. Б.

Вчера, возвратившись въ Петербургъ, послѣ скучнаго, трехмѣсячнаго путешествія по губерніямъ, я былъ обрадованъ неожиданной находкою: письмомъ, и посылкою изъ Казани. Съ жадностію прочелъ я прелестныя ваши стихотворенія, и между ими ваше посланіе ко мнѣ, недостойному поклоннику вашей музы (*). Въ обмѣнъ вымысловъ, исполненныхъ прелести, ума и чувствительности, надѣюсь на дняхъ доставить вамъ отвратительно ужасную исторію Пугачева. Не браните меня. Поэзія, кажется, для меня изсякла. Я весь въ прозу; да еще въ какой!... право совѣстно; особенно передъ вами.

Вы изволили написать, что Баронъ Люцероде долженъ мнѣ былъ доставить письмо еще въ прошломъ году; къ крайнему сожалѣнію моему, я его не получилъ, вѣроятно потому, что Б. Люцероде я уже не засталъ въ П. Б., по возвращеніи моемъ изъ Оренбурга. Онъ уже былъ отозванъ въ Дрез-

(* Дѣло вѣдетъ, можетъ быть, о стихотвореніи г-жи Фуксъ: «На прощанъ Александра Сергѣевича Пушкина черезъ Казань» (Заволжскій Муравей, 1834, N 1, стр. 15).

день Э. П. Перцовъ, котораго на минуту имѣлъ я удовольствіе видѣть въ Петербургѣ, сказывалъ мнѣ, что онъ имѣлъ у себя письмо отъ васъ ко мнѣ; но и тутъ оно до меня не дошло; онъ уѣхалъ изъ Петербурга, не достави мнѣ для меня драгоценный знакъ вашего благосклоннаго воспоминанія. Понимаю его разсѣянность въ тогдашнихъ его обстоятельствахъ; но не могу не жаловаться, и великодушно ему прощаю, только съ тѣмъ, чтобъ онъ прислалъ мнѣ письмо, которое забыть мнѣ здѣсь доставить.

Потрудитесь, М. Г., засвидѣтельствовать глубочайшее мое почтеніе Карлу Феодоровичу, коего любезность и благосклонность будутъ мнѣ вѣчно памятны.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечною признательностію честь имѣю быть и проч.

—
15 августа, 1835. С.П.Б.

Долго мѣшкалъ я доставить вамъ свою дань, ожидая изъ Парижа портрета Пугачева, наконецъ его получилъ, и спѣшу препроводить вамъ мою книгу. Надѣясь на вашу снисходительность, я осмѣлился отправить на ваше имя одинъ экземпляръ для доставленія Г. Рыбушкину, отъ котораго имѣлъ честь получить любезную исторію о Казани.

Препоручаю себя драгоценному вашему благорасположенію и дружеству почтеннаго Карла Феодоровича (предъ которымъ извиняюсь въ неисправности изданія моей книги).

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть и проч.

—
30 февраля, 1836.

Я столько предъ вами виноватъ, что не осмѣливаюсь и оправдываться. Недавно возвратился я изъ деревни и нашелъ у себя письмо, коимъ изволили меня удостоить. Не понимаю, какимъ образомъ мой бродяга Емельянъ Пугачевъ не дошелъ до Казани, мѣсто для него памятно: видно шатался по сторонамъ и загулялся по своей привычкѣ. Теперь Гр. Апраксинъ снисходительно взялся доставить къ вамъ мою книгу. При семъ позвольте мнѣ, Милостивая Государыня, препро-

водить къ вамъ и билетъ на полученіе Современника, мною издаваемаго. Смѣю ли надѣяться, что вы украсите его когда-нибудь произведеніями пера вашего?

Свидѣтельствую глубочайшее мое почтеніе любезному, почтенному Карлу Ѳеодоровичу, поручая себя вашей и его благосклонности.

Честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію и проч..

(Доставлено н. с. ТЕКОГРАФОВИМЪ).

ИЗЪ ПИСЬМА КН. П. А. ВЯЗЬМИСКАГО.

къ А. Я. Булгакову изъ Венеціи.

отъ $\frac{6}{12}$ ноября 1853.

«В. А. Пушкинъ четверть часа до кончины вида, что я взялъ въ руки Литературную газету, которая лежала на столѣ, сказалъ мнѣ задыхающимся и умирающимъ голосомъ: какъ скученъ Катенинъ!—который въ то время печаталъ длинныя статьи въ этой газетѣ. — Allons nous-en, сказалъ мнѣ тутъ Александръ Пушкинъ: il faut laisser mourir mon oncle avec un mot historique. Передай этотъ анекдотъ Шевыреву. Онъ достоинъ памяти въ лѣтописяхъ нашей литературы.»

Совершенно соглашаясь съ симъ последнимъ мнѣніемъ, я передаю анекдотъ въ «Историческіе матеріалы» Москвитанина.

С. ШЕВЫРЕВЪ.

ОСТРОТА КРЫЛОВА.

Кстати расскажу здѣсь анекдотъ о Крыловѣ, слышанный мною на дняхъ отъ Г. В. Г., съ вариантомъ противъ напечатаннаго г. Лобановымъ. Одинъ прѣзжій провинціалъ обѣдалъ въ Петербургскомъ Англійскомъ клубѣ и былъ очень недоволенъ столомъ. Помилуйте, говорилъ онъ, то ли дѣло было прежде. Я самъ былъ старшиною лѣтъ двадцать тому назадъ. Подани!

бывало стерлядь вотъ такую! — съ этими словами онъ сдѣлалъ движеніе руки поперегъ стола. Не мѣшаю-ли я вамъ, сказалъ, отодвигаясь, Крыловъ, сидѣвшій напротивъ. У г. Лобанова сказано:

« Въ Англійскомъ клубѣ, въ этомъ разнообразномъ и многолюдномъ обществѣ, онъ любилъ наблюдать людей, и иногда не могъ удержаться отъ сатирическихъ своихъ замѣчаній и ответовъ. Однажды пріѣзжій помѣщикъ, любившій прильгаться, рассказывая о стерлядяхъ, которыя ловятся на Волгѣ, неосторожно увеличивалъ ихъ длину. — Разъ, сказалъ онъ, передъ самымъ моимъ домомъ мои люди вытащили стерлядь. Вы не поверите, — но увѣряю васъ, длина ея вотъ отсюда.... до.... Помѣщикъ, не договоря своей фразы, протянулъ руку съ одного конца длиннаго стола по направленію къ другому, противоположному концу, гдѣ сидѣлъ Иванъ Андрѣевичъ; тогда Иванъ Андрѣевичъ, хватаясь за стулъ, сказалъ: *позвольте, я отодвинусь, чтобъ пропустить вашу стерлядь.* (Жизнь и сочиненія И. А. Крылова. Спб. 1847. стр. 63).

К Р И Т И К А

БѢДНОСТЬ ИЛИ ПОРОКЪ, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ.
Сочиненіе *А. Н. Островскаго*. Москва. Въ типографіи В. Готье. 100 стр. въ 8 д. л.

Критикъ нашей рѣдко достается удовольствіе говорить о литературныхъ явленіяхъ, далеко выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ. По этому читатель, конечно, пойметъ то удовольствіе, съ какимъ мы приступаемъ къ разбору новой комедіи *А. Н. Островскаго*, вносящаго каждымъ произведеніемъ своимъ цѣнный и долговѣчный вкладъ въ сокровищницу русской литературы. По поводу новой комедіи даровитаго автора намъ очень хотѣлось бы поговорить о его прежнихъ комедіяхъ и вообще о всей литературной дѣятельности его, еще не обсуженной и не взвѣшенной нашей критикой съ достаточной полнотой; но, имѣя въ виду еще воротиться къ этому предмету со временемъ, и не желая говорить о немъ лишь мимоходомъ, ограничимся въ настоящемъ случаѣ лишь тѣмъ, что ближайшимъ образомъ относится къ его послѣдней комедіи.

Содержаніе пьесы «Бѣдность не порокъ» взято изъ того быта, въ изображеніи котораго г. Островскій дѣйствительно великій мастеръ, но которымъ иные критики напрасно хотѣли бы ограничить всю его литературную дѣятельность. Мы видимъ въ его пьесахъ не одно живое и типическое лицо изъ другихъ слоевъ общества; никто также не скажетъ, чтобы «Бѣдная Невеста», взятая вся не изъ купческаго быта, не была произведеніемъ истинно замѣчательнымъ; но понятно, почему г. Островскій такъ любитъ обращаться за матеріаломъ для своихъ комедій къ быту купческаго. Мы видимъ этому двѣ главныя причины. Первая заключается въ направленіи автора, въ задачахъ, имъ на себя возлагаемыхъ; вторая въ оригинальной, ему только одному свойственной, манерѣ драматической.

Г. Островскій—нашъ народный писатель. Это значить, между прочимъ, что главная задача его литературной дѣятельности состоитъ въ изображеніи такихъ явленій и такихъ типовъ, которыхъ происхождение вытекаетъ изъ коренныхъ и самостоятельныхъ свойствъ русской природы. Поэтому, изображаетъ ли онъ вамъ русскаго человека, дошедшаго до безстыдства въ своей испорченности, каковъ, напр., Подхалиюзинъ въ комедіи «Свои люди—сочтемся», или выводитъ вамъ привлекательныя въ своей безыскусственности и нравственной чистотѣ лица, вы видите ясно, что всѣ эти лица русскія, и что ни такихъ личностей, ни такихъ событій, въ другой землѣ не встрѣтишь. Купеческое сословіе наше, издавна составляя чрезвычайно обширный и сильно дѣятельный классъ общества, находится по самому роду своихъ занятій въ безпрестанныхъ и самыхъ близкихъ столкновенияхъ со всеми прочими слоями общественными; въ немъ, кромѣ того, по различію состоянія и по различію главнѣйшихъ и обычныхъ сношеній, встрѣчаются всѣ формы жизни и обычаевъ, выработавшихся въ нашемъ отечествѣ. Между торгующимъ крестьянствомъ, мало чѣмъ отличающимся отъ крестьянина-земледѣльца, и столичнымъ купцомъ, ведущимъ свой домъ на иностранную ногу, и мало чѣмъ отличающимся отъ иностраннаго негоціанта, встрѣтишь еще цѣлую лѣстницу переходныхъ типовъ. И древняя доблесть русская, переживающая цѣлые вѣка, не сокрушимая никакими чуждыми вліяніями, и въ торжественныя минуты являющаяся на свѣтъ, чтобы тихо и безъ шума исполнить свое святое дѣло, и легкость, фанфаронство — почти французскія, и крѣпкая привязанность къ старымъ, исконнымъ обычаямъ до малѣйшей ихъ подробности, и полное увлеченіе европейскимъ комфортомъ жизни, все встрѣчается въ нашемъ купеческомъ сословіи. Понятно, что при такомъ разнообразіи въ немъ преимущественно какъ бы откладываются и выявляются наружу всѣ коренныя народныя черты, подверженныя ли вліяніямъ разносторонней цивилизаціи, или сохранившіяся въ своей нетронутой простотѣ.

Вторая причина, почему г. Островскій любитъ особенно обращаться за матеріалами для своей комедіи къ купеческому быту, заключается, какъ мы сказали выше, въ особенной манерѣ и языкѣ этого писателя. Съ тѣхъ поръ, какъ появилась его первая комедія, создалось и новое требованіе для нашихъ драматическихъ писателей. Никогда и никѣмъ еще яркость языка, оригинальный колоритъ рѣчи каждаго лица, не были доведены до такой степени. Характеры лицъ въ этой и послѣдующихъ комедіяхъ г. Островскаго выражались и напечатлѣвались въ читателѣ не одною уже вѣрностью себѣ въ

дѣйствіяхъ и мѣтніяхъ, но и самымъ складомъ языка, искусно переплутымъ изъ богатаго всѣми формами языка народнаго, и вѣрно приспособленнаго каждому лицу по его внутреннимъ свойствамъ и общественному положенію. Сколько мы понимаемъ, такая именно вѣрность и мѣткость языка есть исключительное достояніе комедій Островскаго, и ни въ комъ изъ русскихъ, а тѣмъ менѣе иностранныхъ писателей не встрѣчается. Не пускаясь теперь въ разсужденія о томъ, какую именно эстетическую цѣнность имѣетъ такая яркость языка въ комедіяхъ, мы попросимъ только каждого изъ читателей припомнить о томъ особомъ и живомъ наслажденіи, какое доставляла ему эта характерная черта комедій г. Островскаго, и онъ конечно убѣдится, что она составляетъ одно изъ существенныхъ достоинствъ драматическихъ произведеній. По причинамъ, изложеннымъ выше, языкъ нашего купеческаго сословія представляетъ все богатство и разнообразіе нашего народнаго языка, обильнаго эпическими оборотами, множествомъ поговорокъ и негнбущихъ рѣченій, приспособленныхъ ко всевозможнымъ житейскимъ положеніямъ, и ту, отчасти, комическую вольность, съ какою народъ нашъ укладываетъ въ рѣчь слова и выраженія, взятая изъ отвлеченной сферы понятій или чуждыхъ языковъ и несовсѣмъ еще приспособленная имъ къ употребленію. Всѣ, конечно, знаютъ, какъ искусно пользуется г. Островскій указанными свойствами языка нашего купеческаго сословія, для нѣкотораго смягченія и разнообразія драматическихъ впечатлѣній, такъ часто встрѣчаемыхъ въ его комедіяхъ. Для этой особенной манеры автора управлять душою читателя, купеческій бытъ представляетъ, хотя конечно не единственный, но весьма богатый матеріалъ.

Сказаннымъ до сихъ поръ мы не думаемъ открыть читателямъ что-либо новое для нихъ объ особенностяхъ и направленіи таланта г. Островскаго; но все-таки считаемъ эти объясненія необходимыми по причинѣ странныхъ отношеній нашей критики къ этому писателю. Напишетъ ли г. Островскій комедію изъ купеческаго быта, съ тѣмъ особеннo яркимъ и мѣткимъ языкомъ, который поражаетъ рѣшительно всякаго, критика наша коварно спрашиваетъ: нуженъ ли такой языкъ для долговѣчнаго существованія въ литературѣ и на сценѣ драматическихъ сочиненій? Возьметъ ли г. Островскій для своей комедіи другой бытъ, уже по самому характеру своему не допускающій особенной яркости и типичности языка, критика тотчасъ же начинаетъ сожалѣть объ этомъ недостаткѣ и указываетъ въ примѣръ автору его другія пьесы, какъ будто забывая, что оригинальныя и особыя достоинства какого-либо рода сочиненій писателя не умень-

знаютъ нѣсколько цѣны другихъ существенныхъ его достоинствъ, раздвляемыхъ имъ отчасти съ другими писателями.

Но пора обратиться отъ этихъ общихъ соображеній къ настоящему предмету нашей статьи и ввести читателя въ кругъ впечатлѣній, выносимыхъ изъ новой комедіи А. Н. Островскаго—«Бѣдность не порокъ». Дѣйствіе въ уздномъ городѣ, во время Святковъ. Авторъ переноситъ васъ въ скромную комнату прикащика Мити, живущаго у богатаго купца Гордѣя Карпыча Торцова. Безъ всякихъ особыхъ сценическихъ уловокъ, благодаря простотѣ изображаемой жизни, авторъ успѣваетъ познакомить васъ на этой маленькой сценѣ почти со всеми лицами, участвующими въ комедіи; обозначить, болѣе или менѣе, каждое изъ нихъ, дать вамъ замѣтить относительное положеніе ихъ другъ къ другу, догадаться объ участіи, которое суждено принять каждому изъ нихъ въ дальнѣйшемъ теченіи комедіи, наконецъ завязать всю комедію. Расскажемъ по подробнѣе, какъ все это имъ сдѣлано. Мы уже обозначили мѣсто дѣйствія, перечислимъ теперь и лица, по мѣрѣ ихъ появленія.

При открытіи занавѣса на сценѣ два лица: прикащикъ Митя и мальчикъ Егорушко, дальній родственникъ Торцова, обыкновенно употребляемый въ нашихъ купеческихъ домахъ для разныхъ порученій и домашнихъ услугъ. Егорушко читаетъ сказку о Бовѣ королевичѣ. Митя дома, потому что и не къ кому ему отправиться провести время весело, да и нѣтъ, кажется, особой охоты. Въ головѣ у него двѣ безотвязныя мысли: одна—одиночество и беззащитность его положенія, другая—дерзкая и безнадежная любовь къ хозяйской дочери—Любовь Гордѣевнѣ. И та и другая весьма удобно выражаются въ нѣсколько пѣсенномъ складѣ его одинокихъ думъ, и этотъ складъ сохраняется отчасти за Митей во все продолженіе комедіи. Но вотъ воротилась съ катанья хозяйка съ дочерью и первая заходитъ по дорогѣ къ Мите въ комнату. Выписываемъ весь этотъ разговоръ, потому что онъ тотчасъ же познакомитъ читателя съ характеромъ дома Торцовыхъ, съ относительнымъ положеніемъ въ немъ трехъ дѣйствующихъ лицъ, и наконецъ съ тою язвой, которая, вошедъ въ домъ Торцовыхъ, смутила его обычный порядокъ.

«Митя и Пелагея Егоровна (входитъ, одѣтая по зимнему и останавливается въ дверяхъ).

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Митя, Митенька!

Митя.

Что вамъ угодно?

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Зайди ужю вечеркомъ къ намъ, голубчикъ. Поиграете съ девушками, пѣсенокъ почете.

Митя.

Премного благодаренъ. Первымъ долтомъ сочту-сь.

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Что тебѣ въ конторѣ все сидѣть одному! Не велико веселье! Зайдешь что-ли? Гордвя-то Карпыча дома не будетъ.

Митя.

Хорошо-сь, зайду безпрѣменно.

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Уведеть вѣдь опять... да, увидеть туда, къ этому, къ своему... какъ его?...

Митя.

Къ Африкану Савичу-сь?

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Да, да! Вотъ навязался, прости Господи!

Митя *(подавая стулъ)*.

Присядьте, Пелагея Егоровна.

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Охъ, некогда. Ну да ужъ присяду немножко *(садится)*. Такъ вотъ поди жѣ ты.... этакая напасть! Право!... Подружились вѣдь такъ, что на поди. Да! Вотъ какое дѣло! А зачѣмъ? Къ чему пристало? Скажи ты на милость! Человѣкъ-то онъ буйный, да пьяный, Африканъ-то Савичъ.... да!

Митя.

Можетъ дѣла какія есть у Гордвя Карпыча съ Африканомъ Савичемъ.

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Какія дѣла! Никакихъ дѣловъ нѣтъ. Вѣдь онъ-то, Африканъ-то Савичъ, съ агличаномъ все пьютъ. Тамъ у него агличинъ на фабрикѣ дилекторъ—и пьютъ.... да! А нашему-то не слѣдъ съ ними. Да развѣ съ нимъ сговориши! Гордость-то его одна чего стѣдит! Мнѣ, говорить, здѣсь не съ кѣмъ компанію водить, все, говорить, сволочь. Все, видишь ты, мужики, и живутъ-то по-мужички. А тотъ-то, видишь ты, московскій, больше все въ Москвѣ... и богатый. И что это съ нимъ сдѣлалось? Да вѣдь вдругъ, любезненькій, вдругъ! То все таки разсудокъ имѣлъ. Ну жили мы, конечно не роскошно, а все-таки такъ, что дай Богъ всякому; а вотъ въ про-

шломъ году въ отъездъ тѣдилъ, да перенялъ у кого-то. Перенялъ, перенялъ, ужъ мнѣ сказывали.... всѣ эти штуки-то перенялъ. Теперь все ему наше русское не мило; ладить одно — хочу жить по-нынѣшнему, модами заниматься. Да, да!... Надѣнь, говорить, чепчикъ!... Вѣдь что выдумаетъ-то!... Прельщать что ли мнѣ кого на старости, говорю, разныя прелести дѣлать! Тьфу! Ну вотъ поди жъ ты съ нимъ! Да! Не пилъ вѣдь прежде.... прадо.... никогда; а теперь съ этимъ съ Африканомъ пьютъ! Съ пьяну-то должно быть у него *(показывая на голову)* и помутилось *(молчаніе)*. Ужъ я такъ думаю, что это врагъ его смущаетъ! Какъ таки разсудку не имѣть!.. Ну еще кабы молоденькій: молоденькому это и нарядиться и все, это лестно; а то вѣдь подѣ шестьдесятъ, миленькій, подѣ шестьдесятъ! Право! Модное-то ваше да нынѣшнее, я говорю ему, каждый день мѣняется, а русской-то нашъ обычай испоконъ вѣку живетъ! Старики-то не глупѣй насъ были. Да развѣ съ нимъ сговоришь, при его же, голубчикъ, крутомъ-то характерѣ.

Митя.

Что говоритъ Строгій человекъ-съ.

Пелагея Егоровна.

Любочка теперь въ настоящей порѣ, надобно ее пристроить, а оцъ одно ладить: нѣтъ ей ровни.... нѣтъ, да нѣтъ!.. Анъ вотъ есть!... А у него все нѣтъ.... А каково же это материнскому-то сердцу!

Митя.

Можетъ быть, Гордѣй Карпычъ хотятъ въ Москву вхатъ.

Пелагея Егоровна.

Кто его знаетъ, что у него на умѣ. Смотрить зѣвремъ; ни словечка не скажетъ, точно я и не мать.... да, право.... ничего я ему сказать не смѣю; развѣ съ кѣмъ поговоришь съ постороннимъ про свое горе, поплачешь, душу отведешь, только и всего *(остаетъ)*. Заходи, Митенька.

Митя.

Приду-съ».

Вслѣдъ за уходомъ Пелагеи Егоровны, являются къ Митѣ: Яша Гуслинъ, племянникъ Торцова, тихій и скромный, хотя не безъ твердости малый,—одно изъ тѣхъ лицъ, которые не любятъ болтать пустяковъ, ни выставляться очень рѣзко на видъ, но которыхъ всѣ любить и которымъ какъ-то охотнѣе открываются въ горести. Одно изъ отличительныхъ качествъ такихъ характеровъ въ среднемъ купеческомъ быту, это ихъ наклонность къ музыкѣ и пѣвню. И это

обстоятельство дѣлаетъ ихъ всегда въ небольшихъ пріятельскихъ собраніяхъ такими лицами, которыя сглаживаютъ и умвряютъ разныя выходы другихъ позадориве, сосредоточивая главный интересъ компаніи на пѣвца. Митя жалуется Гуслину на свое горькое положеніе, и наконецъ открывается ему въ своей дерзкой любви къ хозяйской дочери. Яша, конечно, не обнадеживаетъ его въ счастливой развязкѣ этого дѣла, но уже однимъ своимъ участіемъ вѣскольکو облегчаетъ положеніе Митя. — Между тѣмъ является еще гость — Разлюляевъ, сынъ богатаго торговца, но одваающийся еще совершенно по-русски, онъ даже съ гармоніей. Этотъ, очевидно, гуляетъ и потому, что праздники, и потому, что такого характера. Трое составляютъ они довольно полный хоръ, и потому естественно тотчасъ же принимаются за русскую пѣсню. — Но только что распѣлись было они, входитъ въ комнату самъ хозяинъ, и, какъ уже читатель конечно догадается изъ известнаго ему о Горцовѣ, строго запрещаетъ въ своемъ домѣ такое безобразіе.

«Что распѣлись! горланять точно мужичье!» говоритъ онъ. (Митя) И ты туда жъ! кажется не въ такомъ домѣ живешь, не у мужиковъ; что за полпивная! Чтобы у меня этого не было впередъ».

Вследъ за тѣмъ онъ уже кстати распекаетъ Митю и за стихотворенія Кольцова, найденныя у него на столѣ, и за изорванный сертукъ, не смотря на возраженія этого послѣдняго, что у него старуха мать, которой онъ долженъ удѣлять значительную часть своего небольшого жалованья.

«Ужь коли не умѣешь надъ собою приличія наблюдать, такъ и сиди въ своей конурѣ; коли голъ кругомъ, такъ нечего о себѣ мечтать! Стихи пишеть, образованіе себя хочеть, а самъ какъ фабричный ходитъ! Развѣ въ этомъ образованіе-то состоитъ, что дурачкія пѣсни пѣть».

Митя остается, разумется, очень грустный послѣ этого разговора; но сцена вновь оживляется. Входятъ, подъ предводительствомъ молодой вдовы Анны Ивановны, хозяйская дочь и двѣ подруги ея—Маша и Лиза. Пользуясь отсутствіемъ Гордья Карпыча и снои матери, онъ, соскучившись наверху, зашли на минуту поболтать въ прикащикеѣй комнатѣ. Весь послѣдующій разговоръ чрезвычайно оживленъ и полонъ мѣткого знанія изображаемаго авторомъ быта, но къ сожалѣнію нужно бы было переписать всю сцену для убѣжденія въ этомъ читателя. По этому мы упомянемъ лишь о томъ, что собственно составляетъ главную интригу комедіи. Яша Гуслинъ, находящійся съ Анной Ивановной на самой дружеской ногѣ, тотчасъ же сообщаетъ ей о любви Митя къ хозяйской дочери. Аша

Ивановна немедленно принимается за устройство этого дѣла. Изъ нѣкоторыхъ намековъ она убѣждается во взаимности ихъ, и чтобы вызвать скорѣе и безъ проволочекъ объясненіе между ними, когда всѣ уходятъ, запираетъ, шутя, Любовь Гордѣвну наединѣ съ Митей. Первая, конечно, считаетъ долгомъ нѣсколько жеманиться, Митя, разумеется, робѣетъ, однако рѣшается прочесть своей возлюбленной стихи, нарочно для нея имъ написанные. Стихи отъ любимаго человѣка и не въ такомъ быту производятъ сильное впечатлѣніе, а простую дѣвушку они, разумеется, приводятъ въ восхищеніе. Все еще полускрывая однако свою радость, Любовь Гордѣвна рѣшается сама написать отвѣтъ Митѣ, но запрещаетъ читать его до своего ухода. Въ дверяхъ она сталкивается съ дядей Любимомъ Карпычемъ Торцовымъ, промотавшимся и спившимся купцомъ, и теперь уже значительно хмельнымъ. Но здѣсь мы останавливаемся въ изложеніи содержанія и просимъ у читателя позволенія сказать отъ себя нѣсколько словъ объ этомъ широко схваченномъ типѣ.

Кто истинно любитъ и знаетъ Россію, кто гордится и всеми дорогими свойствами своего народа, и сердечно соболзвуетъ о неизбежныхъ во всякомъ общественномъ организмѣ болѣзняхъ, кто, однимъ словомъ, живетъ съ своимъ народомъ одною жизнью, а не уединяется въ какой-нибудь узкій нравственный кодексъ, откуда все ему представляется лишь съ своей внѣшней, подъ чашъ грязенькой стороны, для того художественно изображенное лице Любима Торцова есть и источникъ многихъ эстетическихъ наслажденій и предметъ нравственнаго сочувствія. Передъ вами человекъ, богато одаренный и умомъ и сердцемъ, съ несовсѣмъ обыкновенными потребностями широты и полноты жизни; но худо направленный съ молодости, увлеченный многочисленными примѣрами на торную уже дорогу разгула, онъ не умѣетъ, какъ какой-нибудь Африканъ Савичъ, мѣшать вмѣстѣ два дѣла: т.-е. предаваться разгульной жизни по временамъ, а въ остальное время собирать по крохамъ и выжимать изъ другихъ разомъ промотанные деньги, и потому, отдавшись разгулу всей душой, не замедляетъ перейти изъ типа гуляки купца въ типъ *мете-ра* (по мѣткому народному названію), т.-е. человека, не имѣющаго пристанища и перелетающаго изъ одного увеселительнаго заведенія въ другое. Среди пьяной и безпутной жизни, среди хлама дурныхъ привычекъ, среди постоянно трагическаго тона, котораго онъ насмотрѣлся въ трагедіяхъ, и которымъ потомъ тѣшилъ богатыхъ купцовъ, въ этомъ человекѣ сохранилось еще много дорогихъ человѣческихъ свойствъ, которыя не допустили его дойти до преступленій, и по временамъ, въ торжественныхъ случаяхъ, вспы-

живають съ такою свѣжестью и яркостью, что способны дать урокъ иному, весь въкъ безукоризненному челоуьку. Не радуется ли сердце за русскую природу?

Не говоримъ о высокой художественной отдѣлкѣ этого типа. Она, безъ сомнѣнiя, будетъ оцѣнена всеми критиками. Оригинальной фигуры Любима Торцова съ его особеннымъ языкомъ, съ трагическими выходками, не забудетъ никто, читавшiй комедiю. и тѣмъ болѣе видѣвшiй ее на московской сценѣ. Но не можемъ не обратить вниманiя на важное, по нашему мнѣнiю, общественное значенiе этого типа. Хоть и съ горестью, но должно признаться, что такія личности, какъ Любимъ Торцовъ, не рѣдкость въ нашемъ отечествѣ. Вино ли наше очень забористо, и не позволяетъ безнаказанно злоупотреблять его, какъ иностранная вина и пива, или жѣ очень размашиста русская натура и не можетъ приучаться къ умеренному и своевременному пьянству, какимъ, напр., тѣшить себя каждое послѣ обѣда Англія; только каждому изъ насъ вѣрно не однажды въ жизни случалось встрѣчаться съ людьми, подобными Любиму, въ разныхъ степеняхъ общественнаго положенiя, на различной степени паденiя и съ различными оттѣнками характеровъ. Этому, такъ распространенному типу, комедiя показываетъ яркими чертами счастливый исходъ, и хотя для падшихъ уже не послужитъ къ исправленiю, но установитъ во всѣхъ прочихъ живой образъ лучшаго изъ подобныхъ со всеми его темными сторонами и съ ободряющимъ указанiемъ тѣхъ нравственныхъ началъ, которыя никогда не оставляютъ совершенно челоуька ни на какой ступени паденiя.

Но воротимся къ содержанiю комедiи. Уходя отъ Мити, Любовъ Гордвенна, какъ мы сказали, встрѣтилась съ дядей, уже значительно выпившимъ. Выкинувъ предъ племянницей одну изъ тѣхъ штукъ, какія привыкъ дѣлать, шатаясь безъ приюта по Москвѣ и увеселяя богатыхъ купцевъ, Любимъ обращается къ Митѣ съ просьбою принять и отогрѣть его, и жалуется на брата, который выгналъ его изъ дому въ такое холодное время. Разговоръ, разумется, заходитъ на главную вину всѣхъ бѣдствiй Любима, и онъ рассказываетъ Митѣ своимъ полускоморошнымъ тономъ исторiю свсего паденiя.

«Остался я послѣ отца, видишь ты, малъ малехонекъ, съ коломенскуюверсту, лѣтъ двадцати несмышленочекъ. Въ головѣ-то, какъ въ пустомъ чердакѣ, вѣтеръ такъ и ходитъ! Раздѣлялись мы съ братомъ: себя онъ взялъ заведенiе, а мнѣ далъ деньгами, да билетами, да векселями. Ну, ужъ какъ онъ тамъ раздѣлялъ—не наше дѣло, Богъ ему судья. Вотъ я и поѣхалъ въ Москву по билетамъ деньги получать. Нельзя не взаты! Надо людей посмотреть, себя показать, высокаго

тону набраться. Опять же я такой прекрасный молодой человек, а еще свѣту не видывалъ, въ частномъ домѣ не ночевывалъ. Надобно до всего дойти! Первое дѣло, одѣлся франтомъ, знай дескать нашихъ! То есть такого-то дурака разыгрывалъ, что на рѣдкость! Сей-часъ, разумеется, по трактирамъ.... Шпиленъ зи полъка, дайте еще бутылочку похолоднѣе. Пріятелей, друзей завелось, хоть пруд пруди! По театрамъ ѣздиль....»

Дальнѣйшая исторія подобной жизни, конечно, угадается каждымъ читателемъ. Намъ очень хотѣлось бы рассказать ее словами самого Любима Горцова, но опасаясь обременить статью нашу выписками, мы ограничимся заключеніемъ разсказа о раскаяніи его и неудавшейся попыткѣ исправленія.

«Простудился я въ городѣ—зима-то стояла холодная, а я вотъ въ этомъ пальтишкѣ щеголялъ, въ кулаки подувалъ, съ ноги на ногу перепрыгивалъ. Свезли меня добрые люди въ больницу. Какъ сталъ я выздоравливать, да въ разсудокъ приходитъ, хмѣлю-то нѣтъ въ головѣ — страхъ на меня напалъ, ужась на меня нашла!... Какъ я жилъ? Что я за дѣла дѣлалъ? Сталъ я тосковать, да такъ тосковать, что, кажется, умереть лучше. Такъ ужъ рѣшился, какъ совсѣмъ выздоровлю, такъ сходить Богу помолиться да итти къ брату, пусть возьметъ хоть въ дворники. Такъ и сдѣлалъ. Бухъ ему въ ноги!... Будь, говорю, вмѣсто отца! Жилъ такъ и такъ, теперь хочу за умъ взяться. А ты знаешь, какъ братъ меня принялъ! Ему, видишь, стыдно, что у него братъ такой. А ты поддержи меня, говорю ему,—оправь, обласкай, я человекъ буду. Такъ нѣтъ, говорить, — куда я тебя дѣну. Ко мнѣ гости хорошіе ѣздятъ: купцы богатые, дворяне; ты, говорить, съ меня голову снимешь. По моимъ чувствамъ и понятіямъ мнѣ бы совсѣмъ, говорить, не въ этомъ роду родиться. Я, видишь, говорить, какъ живу: кто можетъ замѣтить, что у насъ тятенька мужикъ былъ? Съ меня, говорить, и этаго стыда довольно, а то еще тебя на шею навязать. Сразилъ онъ меня, какъ громомъ! Съ этихъ-то словъ я опять сталъ зашибаться немало. Ну да, я думаю, Богъ съ нимъ, у него вотъ эта кость очень толста (*показываетъ на лобъ*). Ему дураку наука нужна. Намъ дуракамъ не въ прокъ богатство, оно насъ портить. Съ деньгами нужно обращаться умвючи (*дремлетъ*). Митя, я полежу у тебя, мнѣ соснуть хочется.»

Скоро Любимъ засыпаетъ, и Митя, оставшись одинъ, развертываетъ отвѣтъ Любовь Гордцевны, который заключается въ слѣдующихъ короткихъ словахъ: «*И я тебя люблю. Любовь Горцова.*»

Второе дѣйствіе происходитъ въ тотъ же вечеръ, на верху, въ хозяйскихъ комнатахъ. Не забудемъ, что на дворъ святки, и потому будутъ гости. Пока на сценѣ темно. Анна Ивановна, принявшая уже сильное участіе въ любящихся, отправляется за Митей, чтобы доставить ему на свободѣ свиданіе съ Любовью Гордѣвной. Объясненіе между ними, начавшееся шуткой со стороны Любови Гордѣвны и кончившееся обнаруженіемъ всей силы ея любви къ Митѣ, полно нѣжности и драматизма. Мало по малу сцена освѣщается и оживляется. Входитъ сама хозяйка съ двумя сверстницами и молодежь. Такъ какъ представителя новѣйшей моды, т.-е. хозяина, нѣтъ дома, то вечеръ, естественно, принимаетъ характеръ старинныхъ русскихъ святочныхъ вечеровъ.

«Я, матушка, люблю по старому, по старому...» говоритъ Пелагея Егоровна, да, по нашему, по русскому. Вотъ мужъ у меня не любить, что дѣлать, характеромъ такой вышелъ. А я люблю, я веселая... да... чтобъ поподчивать, да чтобъ мнѣ пѣсни пѣли... да, въ родню свою: у насъ весь родъ веселый... пѣсельники.»

И дѣйствительно все идетъ по старому. Вотъ раздается хоромъ русская пѣсня, къ которой невольно пристаеъ все общество, даже и двѣ барышни, подруги Любови Гордѣвны, отчасти уже зараженные манерностью. Вотъ являются ряженые, разумется свои, домашніе, а потому и запросто. Известные медвѣди въ вывороченномъ тулупѣ съ жожакомъ, мастеромъ на пѣсни и прибаутки, неизбежная коза и мальчишкѣ съ патокой. Кое-кто позадориве не вытерпѣлъ уже и пустился въ-плясъ. А между тѣмъ широкая русская пѣсня все льется и льется, вливая отраду и успокоеніе въ душу. Старая русская жизнь съ своими родными увеселеніями начинается воскресать предъ вами и напоминать вамъ цѣлую вереницу другихъ, взмелѣвавшихъ ваше дѣтство, игръ и забавъ. Вдругъ раздаеъ стукъ въ двери. Пріѣхалъ самъ хозяинъ. Всѣ въ тревогѣ.

«Это что за сволочы!... Вонъ!» Таковъ первый привѣтъ хозяина. Онъ не одинъ, съ нимъ Африканъ Савичъ, тотъ самый московскій фабрикантъ, который, по словамъ Пелагеи Егоровны, пѣть съ агличаномъ на фабрикѣ и сбиль съ пути Гордѣя Карпыча. Хозяинъ встревоженъ. Онъ все боится, чтобы Африканъ Савичъ не счелъ его за челоуѣка, не знающаго приличій, и не подумалъ о немъ съ дурной стороны. Но Африканъ Савичъ ловчѣе его, онъ не допускаетъ его выгнать собравшихъ для пѣсень двушекъ, даже попросилъ ихъ повеличать себя и, разумется, наградилъ по обычаю. Послѣ нѣсколькихъ любезностей Любовь Гордѣвнѣ, онъ проситъ наконецъ хозяина сказать о цѣли своего пріѣзда. Гордѣй Карпычъ

объявляетъ, что помолвилъ дочь за Африкана Савича. Никто не ожидалъ этого. Мать, женщина добрая, но слабая, совершенно терлется отъ этой неожиданности, чувствуя всю нескладность такого брака. Еще болѣе поражена Любовь Гордѣвна, послѣ недавнихъ горячихъ объясненій, послѣ неостывшихъ еще ласкъ Мити.

«Тятенька! говорить она. Я изъ твоей воли не выйду. Пожалуй ты меня бедную, не губи мою молодость».

И потомъ, на твердо выраженную волю отца, продолжаетъ:

«Я приказу твоего не смѣю ослушаться. Тятенька! *(кланяется въ ноги)*. Не захоти ты моего несчастья на всю мою жизнь!... Передумай, тятенька!... Что хочешь меня заставь, только не принуждай ты меня противъ сердца замужъ идти за немилаго!...»

Гордѣи Карпычъ.

Я своего слова назадъ не беру *(встаетъ)*.

Любовь Гордѣвна.

Твоя воля, батюшка! *(кланяется и отходитъ къ матери)*».

Коршуновъ считаетъ дѣло конченнымъ и проситъ дѣвушекъ спѣть свадебную пѣсню. Дѣвушки запѣвають:

«Поблэкнуть всѣ цвѣтики во саду» и т. д.

Этого уже не въ силахъ перенести Любовь Гордѣвна. Пока все неожиданное дѣло, такъ поразившее ее, оставалось для нея еще какъ бы въ отвлеченномъ видѣ, она смогла пересилить себя. Но когда раздались звуки обрядной пѣсни, такъ знакомой ей и такъ живо представившей ей дѣйствительность совершившагося, она въ какомъ-то отчаяннн восклицаетъ: «не ту, не ту, спойте другую».

Хоръ запѣваетъ новую:

Ты родимая моя матушка!
 Въ день денна моя печальница,
 Въ ночь ночная богомольница,
 Вѣкова моя сухотница!
 Пригляди ты очи ясныя,
 На свою на дочку гляючи,
 На свою на дочь любимую,
 Во послѣднй разъ въ останешнй!

«Въ останешнй!» повторяетъ Любовь Гордѣвна. Занавѣсъ опускается.

Въ третьемъ дѣйствии мы въ комнатѣ хозяйки. Въ соседней комнатѣ обѣдъ. Нянька смотритъ въ дверь и причитаетъ по своей питомицѣ, выходящей за немилаго. Но вотъ обѣдъ кончился, входитъ хозяйка усталая, и, попросивъ Анну Ивановну распорядиться

хозяйствомъ, остается одна. Въ дверяхъ показывается Митя встревоженный. Видя разрушенными все свои надежды, онъ рѣшился покинуть домъ Гордѣя Карпыча и пришелъ проститься съ Пелагеей Егоровной, отъ которой почти одной видѣлъ постоянную ласку. Сначала онъ хотѣлъ умолчать объ истинной причинѣ своего отъѣзда, но потомъ не вытерпѣлъ и открылъ все хозяйкѣ. Та и не прочь бы отъ такого жениха, да не ея воля въ домъ, и ей остается только горевать вмѣстѣ съ Митей о случившемся несчастіи. Пришла проститься съ Митей и Любовь Гордѣевна. Горько и тяжело ей, но когда Митя, въ припадкѣ отчаянія и молодецкой удали, проситъ позволенія увести Любу въ ту же ночь и обвѣнчаться съ согласія матери, она твердо и рѣшительно отказывается отъ побѣга.

«За что жъ ты меня обманывала? Надо мной издѣвалась?» говорить обиженный Митя.

Любовь Гордѣевна.

«Полно ты, Митя. Что мнѣ тебя обманывать? Зачѣмъ? Я тебя полюбила, такъ сама же тебѣ сказала. А теперь изъ воли родительской мнѣ выходить не должно. На то есть воля батюшкина, чтобъ я шла замужъ. Должна я ему покориться, такая наша доля дѣвичья. Такъ знать тому и быть должно, такъ ужъ оно заведено изъ стари. Не хочу я супротивъ отца идти, чтобъ про меня люди не говорили, да въ примѣръ не ставили. Хоть я, можетъ быть, сердце свое надорвала черезъ это, да по крайности я знаю, что я по закону живу, никто мнѣ въ глаза насмѣяться не смѣетъ. Прощай! *(цѣлуются)*.»

Едва оканчивается эта тяжелая сцена, является Коршуновъ, повсюду отыскивающий свою красавицу невесту. Увидавъ слезы на глазахъ Любови Гордѣевны, онъ смутно догадывается, что это слезы по комъ-нибудь милѣе его. И онъ начинаетъ прельщать Любовь Гордѣевну исчисленіемъ неудобствъ имѣть молодаго мужа и рисуетъ ей картину неизмѣнной любви старика. Вся эта сцена, и въ особенности отвѣтъ Коршунова на вопросъ Любови Гордѣевны — любила ли его прежняя жена? ведены авторомъ съ отличнымъ искусствомъ и исполнены живаго драматизма. Но вотъ и самъ Гордѣй Карпычъ, уже значительно подгулявшій. Онъ радъ, что успѣлъ показать себя предъ зятюшкой богато устроеннымъ пиромъ, и уже начинаетъ рассказывать ему свои виды въ будущемъ и о томъ, какъ онъ «будетъ всакую моду подражать». Неожиданное событіе смущаетъ весь порядокъ пира. Любимъ Торцовъ успѣлъ наконецъ исполнить свою штуку, задуманную еще въ 1-мъ дѣйствіи, въ комнатѣ Мити. Напившись для храбрости, онъ ворвался въ парадныя комнаты, рас-

пугаль гостей и наконецъ является на сцену. Рѣзкимъ тономъ, съ трагическими выходками и прибаутками нападаетъ онъ на Коршунова, спившаго и ограбившаго его въ прежнее время. Коршунувъ сначала отшучивается, но потомъ, когда дѣло доходитъ до прямыхъ обвиненій его въ подлости, смерти прежней жены и проч., выходитъ изъ себя и съ гнѣвомъ уходитъ.

«Такъ этакой-то у тебя порядокъ въ домѣ! говоритъ онъ, принужденно хохоча, Гордью Карпычу. Этакія ты моды завелъ: у тебя пьяные гостей обижаютъ! Хе, хе, хе. Я, говоритъ, въ Москву повдуду, меня здѣсь не понимаютъ. Въ Москвѣ-то ужъ такіе дураки повывелись, тамъ смѣются надъ ними. Зятюшко, зятюшко! Хе, хе, хе! Любезный тestyшко! Нѣтъ, шалишь, я даромъ себя обидѣть не позволю. Нѣтъ, ты теперь приди-ко ко мнѣ, да поклоняйся, чтобъ я дочь-то твою взялъ.

Гордѣй Карпычъ.

Я къ тебѣ пойду кланяться?

Коршунувъ.

Пойдешь, я тебя знаю. Тебѣ нужно свадьбу сдѣлать, хоть въ петлю лѣзть, да только-бъ весь городъ удивить, а жениховъ-то нѣтъ. Вотъ несчастье-то твое. Хе, хе, хе....

Гордѣй Карпычъ.

Опосля этого, когда ты такіе слова говоришь, я самъ тебя знать не хочу! Я отродясь никому не кланялся. Я, коли на то пошло, за кого вздумается, за того и отдамъ. Съ деньгами, что я за ней дамъ, всякій человекъ будетъ....

Въ это время входитъ на шумъ Митя. «Вотъ за Митьку отдамъ!» продолжаетъ Гордѣй Карпычъ. Всѣ удивлены. Гордѣй Карпычъ сказалъ это съ-горяча и потому что не было никого другаго подъ руками. Но это рѣшеніе какъ нельзя болѣе согласво съ общимъ желаніемъ. «Я, тятенька, вашей воли не перечила, говоритъ Любовь Гордеевна. Коли хотите вы моего счастья—отдайте меня за Митю». Сама слабая Пелагея Егоровна наконецъ вступается за дочь и упрекаетъ мужа, что «дочь ему словно на мытарство досталась». Гордѣй Карпычъ все еще колеблется. Но сильное слово Любима рѣшаетъ дѣло.

«Человѣкъ ты или зверь?» говоритъ онъ брату. «Пожалѣй ты и Любима Горцова! *(становится на колѣни)*. Братъ, отдай Любушку за Митю—онъ мнѣ уголь дастъ. Назябся ужъ я, наголодался. Лѣтъ мои прошли, тяжело ужъ мнѣ паясничать на морозъ-то изъ-за куска хлѣба; хоть подъ старость-то да честно пожить. Вздъ я народъ обманывалъ: просилъ

милостивно, а самъ пропивалъ. Мнѣ работишку дадутъ; у меня будетъ свой горшокъ щей. Тогда-то я Бога возблагодарю. Братья! и моя слеза до неба дойдетъ! Что онъ бѣденъ-то!—Эхъ, кабы я бѣденъ былъ, я бы человекъ былъ. Бѣдность не порогахъ.»

Гордый Карпычъ тронуть искренно. Все прошлое представляется ему какимъ-то сномъ, или, какъ онъ выражается, «гнилой фантазіей». На радостяхъ онъ разрываетъ даже и Гуслину жениться на Аннѣ Ивановнѣ.—Звонко, дружно и на этотъ разъ радостно, раздается опять свадебная пѣснь и заключаетъ комедію.

Разсказавъ съ достаточною подробностью содержаніе новой комедіи А. Н. Островскаго, перейдемъ къ ея критической оцѣнкѣ. Но для этого прежде всего намъ нужно войти хорошенько въ идею автора. Избравъ пока, по причинамъ изложеннымъ выше, содержаніемъ для своихъ комедій преимущественно купеческій бытъ, сквозь который постоянно проглядываютъ для него и особенно интересуютъ его коренныя черты истинно русскаго быта, А. Н. Островскій, какъ писатель народный и общественный, долженъ былъ обратить свое вниманіе на существенно важныя черты этого быта. Такъ въ своей первой комедіи онъ резко и безпощадно выставляетъ на видъ общественное зло, пронстекающее отъ исключительной страсти къ пріобрѣтенію, ради которой можно забыть все священное, и которая весьма удобно можетъ развиваться въ человекѣ, всю жизнь свою посвятившемъ денежнымъ спекуляціямъ и неохраиваемомъ ничѣмъ отъ заразныхъ, окружающихъ его примворъ не труднаго обогащенія и обезпеченія себя отъ случайностей торговли. Но тамъ онъ былъ чистымъ сатирикомъ. Ничто противудѣствующее не было выставлено имъ на ряду съ показаннымъ зломъ. Въ настоящей комедіи видно, что его поразило другое зло, не рѣдко встрѣчаемое въ томъ же быту. Это фальшивая цивилизація, подражаніе вышнимъ формамъ и привычкамъ образованнаго класса, въ свою очередь заимствованнымъ, разорившее и погубившее уже не мало людей. Зло это, къ сожалѣнію, распространяется все болѣе и болѣе и требуетъ сильнаго противудѣствія. Происходить оно преимущественно отъ свойственной болѣе или менѣе всѣмъ людямъ склонности казаться выше своего состоянія и общественнаго положенія и производить хоть чѣмъ-нибудь впечатлѣніе на себя подобныхъ; распространяется отъ заподозривной довѣренности къ правотѣ и достоинству старыхъ обычаевъ, отъ заманчиваго лоску и блеску жизни и привычекъ образованнаго класса и отъ многихъ другихъ причинъ, которыхъ перечислить всѣхъ здѣсь нѣтъ необходимости.

Изображеніе такого рода зла въ купеческомъ быту составляетъ предметъ новой комедіи г. Островскаго. Но въ ней онъ является уже не однимъ сатирикомъ. Въ противоположной сторонѣ видится ему въ томъ же быту благодущная, простая, крѣпко связанная съ родными преданіями и обычаями жизнь, и все сочувствіе его, при столкновеніи такихъ двухъ враждебныхъ началъ, естественно, склоняется на сторону послѣдняго. По этому вся задача новой комедіи состоитъ въ сопоставленіи этихъ двухъ началъ и въ торжество одного изъ нихъ. Но, избравъ для разрѣшенія своей задачи драматическую форму, авторъ тѣмъ самымъ принялъ на себя обязанность удовлетворить всѣмъ требованіямъ этой формы, т.-е. прежде всего произвести впечатлѣніе на читателя или зрителя драматическою коллизіею и движеніемъ, и этимъ путемъ напечатлѣть въ немъ основную идею комедіи. Въ этомъ отношеніи мы не можемъ остаться совершенно довольными новою пьесою г. Островскаго. Не то, чтобы въ комедіи «Бѣдность не порокъ» не было совсѣмъ драматическаго движенія, мѣстами оно даже очень сильно; но оно не развивается въ пьесѣ послѣдовательно и непрерывно, и вы часто заняты въ ней простыми картинками той или другой стороны быта, которыя, конечно, также объясняютъ вамъ идею автора, но уже посредствомъ другаго, не совсѣмъ драматическаго приѣма. Чтобы болѣе пояснить нашу мысль, обратимся за примѣромъ къ самой комедіи. Интрига, посредствомъ которой сталкиваются въ пьесѣ два противоположныя начала, есть любовь Мити и хозяйской дочери. Узнавши объ этой любви изъ перваго акта и уже познакомившись отчасти съ основною мыслью комедіи, мы имѣемъ полное право ожидать дальнѣйшаго развитія ея посредствомъ главной интриги. Такъ дѣйствительно и происходитъ въ концѣ втораго и во всемъ третьемъ актѣ, но въ началѣ втораго авторъ прибѣгаетъ къ другому способу: въ довольно длинной картинѣ онъ возсоздаетъ предъ нами образчикъ старой святочной русской жизни, и, возбудивъ къ ней наше сочувствіе, вдругъ выдвигаетъ въ комическомъ свѣтѣ противоположный элементъ въ лицѣ Гордя Карпыча и Африкана Савича. Эффектъ, если хотите, ловкій и служить хорошо главной мысли комедіи, но интересъ возникшей уже интриги задерживается, и нѣсколько охлаждается этимъ простымъ сопоставленіемъ двухъ враждебныхъ началъ. На сценѣ даже жаль бы было не видѣть прекрасной, хотя и нѣсколько длинной, картины святочного вечера и характеристическихъ разговоровъ разныхъ дѣйствующихъ на немъ лицъ; но въ чтеніи такія вводныя картины положительно вредятъ силѣ и непрерывности драматическаго впечатлѣнія.

Мы сказали выше, что главная задача комедіи «Бѣдность не порокъ» состоитъ въ столкновеніи двухъ враждебныхъ началъ. Интрига же комедіи, въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно понимается это слово, не слита органически съ идеею пьесы, и является ей какъ бы нѣсколько посторонней. Собственно говоря, любовь Мити и Любовь Гордѣвны принадлежитъ къ тому же плану задачи, на которомъ выставлена русская пѣсня, простота и веселость старыхъ обычаевъ, нѣкоторыя утѣшительныя типы и т. д., и которому противоположнымъ планомъ служатъ Гордѣй Карпычъ съ своимъ искусителемъ Африканомъ Савичемъ. Отъ этой не крѣпкой связи между основной мыслию и интригою, введенною въ пьесу, происходитъ то, что полное развитіе этой последней ставовится не нужнымъ въ концѣ пьесы, и она разрѣшается почти случайнымъ образомъ, что составляетъ безъ сомнѣнія важный недостатокъ новой комедіи.

Такъ какъ вопросъ зашелъ уже о недостаткахъ, то выскажемъ все ихъ разомъ. Отъ нѣкоторой поспѣшности въ работѣ, замѣтной и въ общемъ планѣ, вышло, что языкъ автора, вообще конечно прекрасный, мѣстами не такъ отѣланъ и не достигъ той окончательной мѣткости, по которой въ начавшемся разговорѣ «рза одного лица какъ бы подсказываетъ другую ответную.

Наконецъ нельзя не попрекнуть автора за лице Гордѣя Карпыча, на которомъ, по настоящему, должна бы держаться вся пьеса, но который представляетъ довольно безцвѣтный образъ, и, хотя служить усердно основной мысли пьесы, но не представляетъ тѣхъ оригинальныхъ и типическихъ чертъ, по которымъ созданныя разъ лица никогда не забываются даже и помимо содержанія пьесы. Вообще мы думаемъ, что подлая отѣвка лица Гордѣя Карпыча повела бы автора къ нѣкоторымъ измѣненіямъ во всемъ планѣ пьесы, и тогда для достиженія своихъ художественныхъ цѣлей, онъ, можетъ быть, не имѣлъ бы надобности прибѣгать къ приѣмамъ не совсемъ драматическимъ, или по крайней мѣрѣ употребилъ бы ихъ умѣреннѣе.

Главное художественное достоинство новой пьесы г. Островскаго состоитъ, по нашему мнѣнію, въ обиліи типовъ, которые онъ успѣлъ вызвать изъ купеческаго быта, и которыми прекрасно обставилъ светлую сторону своей комедіи. Начиная съ незабываемаго типа Любима Торцова, предъ нами проходитъ цѣлый рядъ лицъ, совершенно верныхъ дѣйствительности. Дивисься, какъ, въ столь повидямому исчерпанномъ имъ быту, онъ умѣетъ находить все новыя и новыя лица. Пѣвецъ Гуслинъ, разбитной малый Разлюклевъ, веселая и бойкая вдовушка Анна Ивановна, двѣ жеманныя дѣвушки, все это люди, съ которыми вы не разъ сходились въ дѣйствительности, и

между тѣмъ это совсѣмъ не тѣ люди, съ которыми вы познакомились въ прежнихъ комедіяхъ того же автора. Все это, конечно, типы, замѣшанные въ главную интригу лишь мимоходомъ, и не успѣвшие раскрыть вполне своихъ характеровъ, но въ общихъ картинахъ они удивительно рисуютъ все подробности быта.

Другое существенное достоинство комедіи состоитъ въ ея двоякомъ общественномъ значеніи: первое основано на самой идее комедіи, второе на вырванномъ изъ дѣйствительности и возведенномъ въ художественную форму лицѣ Любима Торцова. Одно созданіе такого типа могло бы заставить забыть все даже большіе недостатки комедіи. Упомянувъ о нѣкоторыхъ истинно драматическихъ сценахъ, какова напр. въ началѣ 2-го дѣйствія сцена объясненія Мити съ Любовью Гордвевной, потомъ Любовь Гордвевны съ отцемъ, Африкана Савича съ невестой, прощаніе Мити съ Пелагеей Егоровной и Любовь Гордвевной, наконецъ о сценѣ заключительной, мы, кажется, скажемъ все, что думаемъ о новой пьесѣ г. Островскаго, возбудившей наше полное сочувствіе.

Объ обычныхъ достоинствахъ всѣхъ его произведеній, встречаемыхъ и въ этой комедіи, мы не считаемъ нужнымъ распространяться.

Пожелаемъ же на прощаніи новой встрѣчи съ его произведеніемъ, пусть и не слишкомъ скорой, но, если можно, еще болѣе радостной.

В. Э.—НѢ.

МОРСКОЙ ПРАЗДНИКЪ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ, драматическое представленіе. Соч. Н. Кукольника. С.-Петербургъ. Въ тип. И. Фишона. 1854 г. 82 стр.

Предметъ этой пьесы въ пяти картинахъ—славное Синопское дѣло, гордость и честь русскаго оружія, и потому при чтеніи мы рѣшительно не въ силахъ были отнестись къ ней съ придирчивостію записнаго критика, который, можетъ быть, и нашелъ бы кое-что замѣтить;—заслушаешься и забудешь думать о литературныхъ достоинствахъ или недостаткахъ пьесы при такомъ, напр., разсказѣ о подвигахъ русскихъ:

И море застонало;
Изъ пяти сотъ орудій Турокъ грануль;
Рангоуть терпѣлъ; мы вытянули шпринга,—
И Русскій флотъ заговорилъ по-русски!...
И первый Генераль нашъ Адмиралъ,
Корабль, вѣнчаный именемъ любезнымъ,

Выпался первой славой! Въ пять минутъ
 Срылъ батарею съ берега.
 Съ Парижа тоже бомбами взорвали
 Другой фрегатъ и бросили на городъ.
 Воистину, то была—казнь, не битва!
 Какъ будто фейерверкъ, съ огнемъ и гуломъ,
 Летали ядра, бомбы и гранаты....
 Синопъ пылалъ! На рейдъ—три фрегата,
 Какъ свѣчи предъ покойникомъ, горѣли....
 Нахмуровъ прекратилъ пальбу. Довольно!
 Теперь и сами догорѣть съумѣютъ.
 И пушки русскія, какъ львы, замолякли,
 И лежа, смирно на пожаръ глядѣли.
 Мы оттянулись къ вечеру подальше;
 И улеглись! Пошелъ побѣдный пиръ!
 На русское сердечное ура,
 Изъ раскалившихся турецкихъ пушекъ
 Сами собой выскакивали ядра
 И прыгали безмысленно по рейду....
 Суда, пылая, какъ самоубійцы,
 Сами себя на воздухъ подымали!
 Смотрѣть намъ было жалко и смѣшно....
 Гдѣ сильная турецкая эскадра,
 Тринадцать кораблей, пятьсотъ орудій,
 Казна, войска, оружіе, запасы?
 Смели, какъ соръ, съ Синопскаго залива!
 Мы праздновали громкую побѣду;
 А тамъ, вдали, какъ будто по заказу,
 На опустѣвшемъ рейдѣ и въ Синопѣ,
 Намъ въ честь иллюминація пылала.

ИГОРЬ КНЯЗЬ СЯВЕРСКІЙ, поэма, перев. *Николая Гербеля*.
 Спб. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1854. Стран.
 147 въ 8 д. л.

Есть два рода переводовъ въ литературѣ: переводы *классическіе*, буквально верные подлиннику, имѣющіе въ предметъ — передать смыслъ каждаго слова; переводы почти всегда сухіе, тяжелые, лишенные цвѣтовъ поэзіи. Другой родъ переводовъ — это переводы *поэтическіе*, не передающіе всѣхъ мелочей и подробностей, но схватывающіе поэтическія красоты оригинала. Первые назначаются

для ученыхъ, вторые — для публики, для большинства. Первые любопытны, вторые приятны; ихъ болѣе любятъ, ихъ весело, удобно читать. Но какъ тѣ, такъ и другіе должны существовать въ литературѣ, и могутъ имѣть, относительно, одинаковыя достоинства. Новый переводъ *Слова о полку Игоревѣ* — принадлежитъ къ переводамъ поэтическимъ. Издатель какъ видно, желалъ познакомить читателей съ поэтической стороною оригинала. Это *то же*, или *почти то же*, что тамъ на древнемъ южно-русскомъ нарѣчїи, только рассказанное по-русски, звучными, прекрасными стихами. Вотъ образецъ этого перевода.

Степь истоптана, изрыта
 Сталью конскаго копыта,—
 И кругомъ была она
 Нашей кровію полита
 А костями удобрена:
 И надъ Русскою землею
 Тотъ посѣвъ взошелъ бвдою.

 Вотъ ужъ день, за нимъ другой
 Пышетъ битва, будто пламя,
 А на третій, предъ зарей,
 Пало княжеское знамя:
 И опять разлучены
 Братья жребіемъ войны,
 Тамъ гдѣ пьинтся Каала,
 Чаша выпита до дна!...
 Тамъ кроваваго вина
 Не хватило, не достало!
 Тамъ у вражеской рѣки
 Наши братья-земляки
 Пиръ кровавый довершили,
 Жданныхъ сватовъ напоили,
 И за честь своей земли
 Сами трупами легли.
 Вянетъ на полѣ былина
 Подъ кручиною-тоской,
 И къ землѣ тоска кручина
 Клонитъ яворъ молодой.

Можетъ быть это — длиннѣе, чѣмъ въ подлинникѣ; можетъ быть, здѣсь есть лишнее, свои стихи, но что намъ за дѣло до этого въ *поэтическомъ* переводѣ. Довольно того, что это читается легко и съ удовольствіемъ.

Г. Гербель раздѣлилъ слово на XII пѣсенъ, — какъ дѣлить его и Сахаровъ, и кромѣ того нашелъ въ каждой разнообразныя метры. До какой степени это важно и нужно, мы не беремъ судить. По нашему мнѣнію, какъ ни раздѣляй это слово, никогда не дойдешь до настоящаго чтенія, все будешь ходить *около*, и не *станешь*

на мысль. Богъ вѣсть, что тутъ за размѣры, да и есть ли они! Всего скорѣе — это мѣрная проза, въ родъ арабской, или какой хотите, во никакъ не стихи. А если станемъ непременно добиваться до стиховъ, то въ какой прозв не отыщется самыхъ хитрыхъ, небывалыхъ и неожиданныхъ метровъ! А къ чему они послужать? Это самый странный и бесполезный трудъ. Переводите какими угодно размѣрами: всѣ они могутъ быть вами употреблены, все вамъ дозволится и извинится въ этомъ случаѣ, смотря потому, на сколько вы рѣшитесь быть близки къ подлиннику; но зачѣмъ хитрить съ самымъ подлинникомъ, если съ перваго взгляда ясно, что вы не дойдете тутъ ни до чего *вѣрнаго*; къ-чему приноровлять его къ тѣмъ формамъ, какія создались въ вашей фантазій по поводу знакомства съ нимъ. — Слово о полку Игоревъ не Краледворская рукопись, гдѣ ясно слышится *существующий* въ поэзій того народа размѣръ, гдѣ легко отделить стихъ отъ стиха, и возсоздать подлинникъ въ томъ видѣ, какъ онъ пѣлся, или читался въ свое время.

Что касается до самаго изданія — оно изящно въ высшей степени и притомъ съ текстомъ на одной сторонѣ, соответственно переводу. Приятно взять въ руки такую книгу: бумага, шрифтъ (новый, недавно выписанный изъ Праги.) — роскошь, и нѣтъ почти ни одной ошибки! Даже приложены 3 картинки и виньетка — литографическіе рисунки въ два камня, сдѣланные довольно бойко. — Въ предисловіи переводчикъ коснулся *всѣхъ* извѣстныхъ изданій слова на русскомъ языкѣ и на другихъ, и насчитываетъ ихъ до *пятнадцати*, признавая лучшимъ переводъ Вельтмана, мѣрной прозой. Мы также думаемъ, что это лучший переводъ, сдѣланный съ рѣдкимъ остроуміемъ и меткостью взгляда. А здѣсь только и можно взять остроуміемъ.]

Имя переводчика еще очень не давно появилось въ печати. Г. Гербель — поэтъ, только что выступающій на литературное поприще, и выступающій смѣло и съ честью. Онъ перевелъ не дюжиннымъ стихомъ нѣсколько стихотвореній Шиллера и Байрона. Въ настоящее время — какъ мы слышали — предпринимаетъ изданіе *всѣхъ* лирическихъ стихотвореній Шиллера на русскомъ языкѣ, куда войдутъ какъ собственные труды издателя, такъ и многихъ другихъ, и, разумется, Жуковскаго. Можно предсказать этому изданію вѣрный успѣхъ, особенно если оно будетъ въ родъ того, какъ изданъ Игорьъ. Г. Гербель писалъ также и прозой; онъ издалъ книгу: *Изюмскій Слободской козацкій полкъ* (нынѣ переименованный въ гусарскій) — сочиненіе, составленное по памятникамъ и написанное очень живо и бойко. Онъ собирается также писать и объ Изюмскомъ гусарскомъ, въ которомъ служилъ, и съ которымъ сдѣлалъ Венгерскую кампанію 49 года. Это одинъ изъ немногихъ *воиновъ-поэтовъ*. В.

МЕЧТА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ. Фантастическая драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. 88 стран., въ 16-ю долю листа.

Удивительное дѣло, до чего можетъ довести человѣка фантазія. Послушайте, что это за исторія «*Мечта и дѣйствительность*». У одной вдовы, по имени Каролины, а по фамиліи Германъ, три дочери: Франциска, Лаура и Альвина. Альвина умерла за два года до начала драмы, но она ходитъ по комнатамъ, ласкается необыкновенно нѣжно къ своей матери, ухаживаетъ за сестрой Лаурой, но она все это дѣлаетъ такъ, что ее никто изъ окружающихъ лицъ не видитъ, кромѣ одного Карла Фриде, занимающагося дѣлами матери. Отчего Альвину видитъ одинъ Карлъ, это объясняется только въ концѣ четвертаго акта, а потому, если вы, любезный читатель, не прочтете прежде «*Примѣчанія для постановки*», то вы будете постоянно въ недоумѣніи; вѣдь и странно, въ самомъ дѣлѣ: человѣкъ ходитъ по сценѣ, а его никто не видитъ, кромѣ одного. Послушайте—какъ объясняется эта странная исторія. Карлъ—*Воскресное дитя*—т.-е. родился въ первое воскресенье послѣ первой четверти года, и по этому имѣетъ способность видѣть духовъ, слышать звонъ и т. п., чего никто не слышитъ. Вотъ этотъ-то самый Карлъ, который видитъ и слышитъ то, чего никто не видитъ и не слышитъ, влюбился въ Альвину, которую также никто не видитъ, или по крайней мѣрѣ не долженъ видѣть. Вотъ это *мечта*—теперь начнется *дѣйствительность*. Въ дѣйствительности Лаура влюблена въ Карла, но Франциска, сестра ея, коварнѣйшая изъ женщинъ, повела дѣло такъ, что ее чуть-чуть не отдали за-мужъ за Карла, отчего Лаура сходится съ ума, плететъ вѣнки, разговариваетъ съ луной, и поетъ, совсѣмъ какъ Офелія. Вотъ одинъ куплетъ изъ пѣсни, которую она поетъ въ *умственномъ разстройствѣ*—*волосы ея разбиты, къ переднику прицѣпился репейникъ*:

«Мѣсяцъ по небу плыветъ,
Поднимаю очи:
Онъ съ небесъ ко мнѣ идетъ
По ступенямъ ночи.

Каково! Офелія какъ есть! Но вы не думайте, чтобы у ней выходило *странно* только при умственномъ разстройствѣ; въ здоровомъ умѣ и совершенной памяти она говорить еще страннѣе; наприм. на 12 стр. «Ахъ, сестрица! Какое наслажденіе любить даже и не «видя къ себѣ возврата! Когда, въ теплый вечеръ, я гуляю одна по «саду и смотрю на стоящую на небѣ луну, покрытую пріятнымъ «и вмѣстѣ грустнымъ серебрянымъ свѣтомъ, я всегда думаю—это

образъ моего сердца. Оно также пріятно и грустно свѣтится лучами своего солнца. А гуляя по берегу рѣки, тамъ, гдѣ возвышается гора, я часто вслушиваюсь въ эхо и представляю себѣ: вотъ, такъ и я, когда изо всего моего существа останется одна любовь, поселюсь въ пещерѣ какой-нибудь скалы, и буду повторять его слова.

Драма кончается тѣмъ, что г. Бивенвольдъ, братъ г-жи Германъ, пріѣхавшій совсѣмъ кстати, объясняетъ сестрѣ своей, что Карлъ воскресное дитя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мечту и дѣйствительность. Г-жа Германъ умираетъ отъ горя, и къ ней ходятъ всѣ умершіе родные ея и знакомые, которыхъ видитъ опять-таки одинъ Карлъ. Эта послѣдняя сцена освѣщена бенгальскимъ, виноватъ, блѣлымъ огнемъ.

Къ драмѣ приложено примѣчаніе для постановки съ планомъ танцевъ Альвины и его объясненіемъ. Предѣлы журнальной статьи не позволяютъ выписывать все примѣчаніе, а выписать немного жалко: пропадетъ весь эффектъ, и потому оставимъ его въ покое.

Однако пора кончить — мы и такъ много говорили о такой пьесѣ, о которой бы и говорить не слѣдовало.

ПРИЕМЫШЬ СЕРЕЖА. Повесть для дѣтей, сочинителя *Слѣраго армяка*. Москва. Въ тип. Семена. Въ 16 долю, 220 стр.

Появленіе книги, заглавіе которой мы выписали, довольно важно, и должно обратить на себя вниманіе со стороны родителей и воспитателей. Приемышъ Сережа съ удовольствіемъ прочтется не одними дѣтьми, но и взрослыми. Содержаніе повѣсти прекрасно; языкъ чистъ и правиленъ. Книжка издана не только красиво, но и довольно роскошно; картинки приложены очень миленькія, что въ такихъ случаяхъ бываетъ весьма рѣдко.

Отъ души поблагодаримъ автора за такой прекрасный подарокъ дѣтямъ, которыя всегда будутъ «любить и жаловать его Сережу».

СВЯТКИ. *Михайла Михайлова*. С.-Петербургъ. Въ тип. Кирилова и комп. въ 12 д. л. 144 стр.

Святки намъ уже знакомы: они были напечатаны въ прошломъ году въ Отечественныхъ Запискахъ, и тогда мы сказали объ нихъ нѣсколько словъ: теперь Святки вышли вновь отдельною книжкою, и мы, пользуясь случаемъ, считаемъ пріятнымъ долгомъ еще поговорить объ нихъ. Содержаніе *Святокъ* не замысловато: авторъ переноситъ насъ въ отдаленную эпоху своей молодости и припоминаетъ изъ ней одну особенно памятную ему пору, именно однѣ Святки, проведенныя имъ въ деревнѣ бабушки — кажется, что тутъ можетъ быть интереснаго, — но рассказъ такъ наивно простъ и самый предметъ такъ полонъ ностальгіи, что невольно вмѣстѣ съ нимъ переживаемъ давно прошедшія, сладкія минуты жизни. Очень жаль, что мы не можемъ выписать изъ книги какого-нибудь болѣе характернаго мѣста.

напр. сценъ съ Устиньей птичницей. Оно очень длинно. Но уже и слѣдующая выписка дастъ читателю понятіе о манерѣ автора. Послушайте разговоръ Миши съ пятнадцати-лѣтней дѣвочкой, воспитанницей его бабушки: «Оленька любила подтрунивать иногда надъ моею боязли-«востію, и бывало, когда я, сидя вечеромъ около бабушки, гляжу, «какъ бабушка раскладываетъ нескончаемый гранпасьянсъ, она го-«ворила мнѣ съ лукавой усмѣшкой: Миша, кто это въ гостиной за-«гомосился? Холодъ пробѣгалъ при этихъ словахъ по моему макуш-«кѣ; но, не желая обнаружить трусость, вовсе неприличную тако-«му кавалеру, какъ я, и стараясь казаться, сколько возможно, спо-«койнымъ, я обыкновенно отвѣчалъ Оленькѣ: Никого тамъ нѣтъ; «это такъ тебѣ почудилось, Оленька.—Какъ нѣтъ? слышишь: возитса «кто-то, говорила Оленька, обративъ одно ушко къ дверямъ. Да, «возитса, возитса, подтверждала она, прислушиваясь. Я уже ничего не «отвѣчалъ. Миша, продолжала Оленька: поди-ка, посмотри, кто это «тамъ!—Да право же, Оленька, никого тамъ нѣтъ, принимался я убе-«ждать шалунью, и въ голосъ моему была уже слышна сильная ро-«бость. Теперь я могу, ни мало не компрометируя себя, признаться, «что я надѣялся тогда своимъ нѣсколько дрожащимъ голосомъ «разжалобить если не Оленьку, то хоть бабушку, но бабушка хра-«нила молчаніе и не только не думала защищать меня отъ нападокъ «своей воспитанницы, но еще насмѣшливо улыбалась. И Оленька «продолжала допекать меня. Ага, боишься! Совсе не боюсь, отвѣ-«чалъ я нерѣшительно. Такъ отчего же нейдешь посмотреть? Да «что же смотреть тамъ? Вѣдь тамъ никого нѣтъ. Ахъ ты трусиш-«ка, воскликнула Оленька, вскакивая съ мѣста. А я вотъ пойду и «посмотрю—не то, что ты; а еще тоже кавалеръ! И я пойду, и я «не боюсь, произносилъ я, медленнымъ и нерѣшительнымъ шагомъ «идя къ двери. Но Оленька была проворнѣе меня. Кто тамъ, вос-«кликнула она, полуотворивъ дверь. А-а! откликалось въ залѣ. Тутъ «ни я, съ трудомъ подавляя въ себѣ страхъ, подходилъ къ Оленькѣ. «Какъ же ты говорилъ, обращалась она ко мнѣ: что никого тамъ «нѣтъ? вотъ послушай-ко! Нечего дѣлать, я слушалъ. Кто тамъ? по-«вторяли всѣ. А-а! раздалось снова. Слышишь: отвѣчаетъ; это бука «тамъ сидитъ.» Можно ли естественнѣе и наивнѣе рассказать про «памятного всѣмъ буку—страхъ и трепетъ для дѣтей. Мы рѣ-«шительно совѣтовали бы г. Михайлову рассказать что-нибудь «подобное исключительно для дѣтей, — можетъ быть, смотря на «это, издатели дѣтскихъ книгъ и перестали бы подбивать дѣтей пе-«реводной чепухой. Какъ много у насъ преданій и повѣрьевъ, могу-«щихъ служить прекраснымъ содержаніемъ для дѣтскихъ книгъ, «остаются нетронутыми; но подъ искуснымъ перомъ г. Михайлова они «явились бы привлекательными и принесли бы гораздо бѣльшую пользу, «чѣмъ голая мораль, которою пропитаны дѣтскія книги, особенно «переведенныя съ нѣмецкаго. Любовь дѣтей и искренняя благодар- «ность родителей были бы достойною наградою за подобный трудъ.

ЖУРНАЛИСТИКА.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ. 1854. № 2-й. ФЕВРАЛЬ.

Въ журналахъ нашихъ опять воротилась мода на поэзію. Не проходитъ почти ни одной книжки безъ стихотвореній. Современникъ обвѣщаетъ даже приложить къ слѣдующему своему номеру цѣлую книжку стихотвореній одного очень извѣстнаго поэта. Въ настоящемъ N Отечественныхъ Записокъ помѣщено шесть стихотвореній: два А. Н. Майкова, два Н. Ѳ. Щербины и два М. Л. Михайлова.

Признаемся, мы съ своей стороны душевно рады такому возвращенію къ поэзіи. Пусть не весь, вмѣщаемая теперь стихотворенія, высокаго достоинства; обнаруженная потребность поэзіи, дасть Богъ, вызоветъ на это поприще и новыхъ дѣятелей: но хорошо уже и то, что публика наша вмѣсто скучныхъ и грязныхъ повѣствованій, которыя столь долго предлагались ей нѣкоторыми изъ нашихъ журналовъ за поэзію въ прозу, станетъ услаждать свой слухъ постояннымъ благозвучіемъ стихотвореній, а подѣ часъ получить и истинно поэтическія произведенія, способствующія развитію вкуса во сто разъ болѣе современныхъ психологическихъ и натуральныхъ разсказовъ. Но обратимся къ стихотвореніямъ, напечатаннымъ въ февральской книжкѣ Отечественныхъ Записокъ. Лучшее изъ нихъ *Аспазія* А. Н. Майкова. Содержаніе его любовь уже не молодой Аспазіи, подружки Перикловой, друга Сократова, къ юношѣ, почти ребенку. Особенно хороша вторая половина этого стихотворенія, преимущественно со словъ: «Но побѣжденный, онъ еще мнѣ больше милъ».

Выписываемъ отрывокъ изъ этого стихотворенія, но для смысла начнемъ его нѣсколько ранѣ приведенной выше строки.

Онъ робокъ, онъ стыдливъ и даже дѣкъ немного.

Но сколько гордости въ приподнятыхъ губахъ,

И какъ краснѣетъ онъ при ласковыхъ словахъ!

Еще онъ очень-юнь: щека блеститъ атласомъ,

Но рано слышится въ немъ страсть повелевать;
 И позы любить онъ героевъ принимать
 И дѣтскій голосъ свой все хочетъ сдѣлать басомъ....
 На играхъ побѣдивъ, онъ станетъ какъ Ахиллы
 Но побѣжденный, онъ еще мнѣ больше милъ:
 Надвинетъ на чело колпакъ онъ свой фригійскій,
 И точно маленькій Юпитеръ Олимпійскій
 Глядитъ съ презрѣнiемъ, хотя въ душѣ гроза
 И горькою слезой туманится глаза....
 О какъ бы тутъ его прижать къ горячей груди
 И говорить: «не плачь, не плачь, то злые люди!...»
 Въ ланиты, яркiя румянцемъ веинныхъ розъ,
 И въ очи цѣловать, блестящiя отъ слезъ,
 Сквозь этихъ слезъ уста заставить улыбаться,
 И вмѣстѣ плакать съ нимъ, и вмѣстѣ съ нимъ смѣяться!...

Стихотворенiе того же поэта *Ребенокъ* очень граціозно и просто, но жаль, что въ немъ почти совсѣмъ нѣтъ музыкальности. Отчасти это зависѣло, конечно, отъ размѣра, выбраннаго авторомъ, но также, какъ будто и отъ невниманiя къ этой сторонѣ поэзiи.

Изъ двухъ стихотворенiй *Н. Ѳ. Щербинъ*, первое «Красавица» принадлежитъ къ тому роду, который, благодаря тому же поэту, начинаетъ нѣсколько надоедать. Тутъ только и говорится, что о *вѣчно-юной душѣ* автора, о *тѣлесныхъ чертахъ*, въ которыхъ *разлита мелодiя духа*, объ *осязлемо-зримой рѣчи* и др. подобныхъ, довольно звучныхъ, но слишкомъ часто повторяемыхъ сочетанiяхъ словъ. *Весталка* того же автора гораздо лучше, особенно послѣдняя строфа.

Но говоря вообще, Н. Ѳ. Щербина остается, какъ намъ кажется, слишкомъ долго въ той искусственной средѣ, которую избралъ по преимуществу для своей поэтической дѣятельности. Въ самыхъ первыхъ его стихотворенiяхъ было нѣсколько такихъ, которыя какъ будто произвольно и случайно вылились изъ души настроенной известнымъ образомъ. Въ дальнѣйшей его дѣятельности мы находимъ также иногда цѣлыя стихотворенiя или отдѣльныя мѣста, порожденныя истиннымъ поэтическимъ вдохновенiемъ; но чѣмъ дальше подвизается Н. Ѳ. Щербина, на своемъ, довольно узкомъ поприщѣ, тѣмъ, очевидно, болѣе насилiемъ долженъ онъ дѣлать надъ своимъ талантомъ, чтобы вызывать изъ души подобныя прежнимъ звуки и настроиться на известный поэтическiй складъ. До чего же можетъ дойти это? Мы сочли нужнымъ преду-

предить объ этомъ заблаговременно поэта, которому мастерство стиха и способность къ созданию граціозныхъ образовъ, даютъ, кажется, достаточную возможность въ выборѣ разнообразныхъ сферъ поэтической дѣятельности.

Два стихотворенія г. *Михайлова* очевидно напечатаны при другихъ стихахъ. Они не дурны, но одни сами по себѣ помѣщены ввроятно бы не были.

О повѣсти *Ольги Н.* «Суженаго конемъ не объѣдешь» нельзя сказать много хорошаго. Очевидно, что авторъ не уяснилъ себѣ хорошенько ни идеи повѣсти, ни главныхъ характеровъ дѣствующихъ лицъ. Оттого повѣсть, вмѣсто ясной, художественной мысли, чего въ правѣ ожидать всякій читатель отъ подобнаго рода литературныхъ произведеній, возбуждаетъ лишь смутный и неразрѣшенный вопросъ, какимъ образомъ такой человекъ, какъ Нагибинъ, могъ, послѣ столькихъ дурныхъ поступковъ и такъ ясно понятій *Натальей Александровной*, еще владѣть ея сердцемъ и волею. Русская пословица, поставленная въ заглавіи повѣсти, и французская фраза «J'ai lu quelque part l'histoire d'un éragneul qui avait tenué un lion», мало помогаютъ разрѣшенію вопроса. Впрочемъ и въ этой повѣсти *Ольги Н.* есть примѣты, которыя не лишаютъ насъ надежды ожидать отъ нея въ дальнѣйшемъ полезной и пріятной литературной дѣятельности. Это довольно хорошій языкъ, умѣнье по мѣстамъ вести разговоръ (дѣло, замѣтимъ, очень трудное) и нѣкоторая вдумчивость въ текуція явленія жизни, которая можетъ привести къ серьезнымъ, художественнымъ задачамъ. Мы даже не сомнѣваемся, что *Ольга Н.* предстоитъ постоянное усовершенствованіе въ ея литературной дѣятельности. За это ручается намъ, между прочимъ, то обстоятельство, что первые ея рассказы никого не озадачили, какъ это часто случается съ писателями, осужденными обмануть потомъ возникшія на нихъ надежды.

Изъ другихъ интересныхъ статей въ этой книжкѣ Отечественныхъ Записокъ намъ слѣдуетъ указать на оконченную статью г. *Яковлева* «Помпелъ», о достоинствахъ которой мы упомянули при разборѣ прошлаго нумера, и на начатую статью *А. Г. Ротчева*: «Воспоминаніе Русскаго путешественника о Вестъ-Индіи, Калифорніи и Остъ-Индіи». Такъ какъ эти воспоминанія еще будутъ продолжаться, то мы, можетъ быть, воротимся къ нимъ.

Разборъ г. *Соловьевымъ* «Исторія Государства Россійскаго», конечно, будетъ подверженъ въ нашемъ журналѣ оцѣнкѣ по своему окончанію, а теперь сказать о немъ не специалисту нечего.

Статья Э. Теокистова, составленная по сочинению П. Клемана *«Jacques coeur et Charles VII ou la France au XV siècle»*, читается легко, благодаря легкости изложения, и съ интересомъ, благодаря дѣйствительно любопытной личности Жака Кера. Но мы желали бы видѣть въ нашихъ молодыхъ писателяхъ побольше увлеченія къ своей величавой сторонѣ, нежели къ отдаленной и чуждой намъ эпохѣ рыцарства. Одно другому, конечно, не должно бы мѣшать, но, къ сожалѣнію, мѣшаетъ.

Въ Петербургскихъ замѣткахъ намъ понравились двѣ вещи: это, во-первыхъ, сближеніе комедіи г. *Островскаго* «Не въ свои сани не садись» съ піеосою покойнаго *Красовскаго* «Женихъ изъ ножевой линіи»; при чемъ онѣ чуть не поставлены въ уровень. Во-вторыхъ, слѣдующій анекдотъ о Рашели, или правильнѣе, о нѣкоторыхъ молодыхъ людяхъ, который мы и выписываемъ.

«Разсказываютъ еще, будто бы нѣсколько молодыхъ людей, представленныхъ Рашели, уходя, просили у нея букета. Артистка извинялась, что не можетъ исполнить ихъ желанія, потому-что у нея нѣтъ дома букетовъ, кромѣ одного, совершенно-завялаго. Молодые люди выразили, что они съ восторгомъ возьмутъ и завялый, и настаивали въ своихъ просьбахъ. «Если вы этого хотите—извольте, сказала артистка, вынося изъ другой комнаты полузасохшіе цвѣты.— Но на что же они вамъ?»—«Мы ихъ съядимъ!...» въ одинъ голосъ отвѣчали поклонники искусства. Артистка посмотрѣла на нихъ съ изумленіемъ. «Да, мы съядимъ эти цвѣты, чтобъ выразить все уваженіе къ вашему таланту», повторили они. Рашель старалась отговорить ихъ отъ этого подвига, но напрасно: они схватили букетъ, отправились къ Донону, велѣли къ цвѣтамъ сдѣлать соусъ—и съѣли съ нимъ увядшее выраженіе чьего-то восторга... Разсказываютъ еще... но будетъ, иначе мы не кончимъ этихъ анекдотовъ никогда, потому-что ихъ цѣлая бездна....»

Послѣ этого Отечественныя Записки наивно замѣчаютъ: «Если энтузіазмъ, возбуждаемый Рашелью, у насъ ужъ доходитъ до такихъ размѣровъ, то трудно себѣ представить, въ какихъ формахъ онъ выкажется въ Москвѣ».—Надѣмся, что не въ такихъ!

Ж. Э.

ПАНТЕОНЪ. Журналъ литературно-художественный, издаваемый Федоромъ Конн. *Взглядъ на прошлый 1853 годъ журнала и Обзоръніе 1-й книжки 1854 года.*

Нѣсколько словъ о направленіи журнала вообще и о его недостаткахъ. «Канарейка», разсказъ г. Савинова. «Перый Маскарадъ», спена г. Зотова. О г. В. Зотовъ, его литературной дѣятельности вообще и о его стихотвореніяхъ. Г-жа Хвоцннская и ея прошлогодняя дѣятельность. Смѣсь и балластъ Пантеона. Журналистика и шаткость взглядовъ рецензента. Статья г. В. З. о Рашели и нѣсколько нашихъ замѣчаній по поводу рода, въ которомъ играетъ знаменитая артистка. Фельетонъ Пантеона. Московскій Вѣстникъ. Приложенія.

Мы нѣсколько въ долгу передъ «Пантеономъ» — не слѣдивши за нимъ въ теченіе почти всего прошедшаго года, не смотря на внутреннія и внѣшнія улучшенія этого журнала, который — скажемъ это прежде всего и съ большимъ удовольствіемъ — сталъ однимъ изъ интересныхъ для читающей публики. Въ самомъ дѣлѣ, въ отношеніи къ изяществу изданія, разнообразію статей и современности ихъ, Пантеонъ такъ значительно поднялся, что сталъ по крайней мѣрѣ на равную степень съ Современникомъ: литературный взглядъ его, а именно взглядъ редактора и наиболее замѣтныхъ сотрудниковъ — не ниже, а много выше взгляда Современника, но... какъ прежде всего мы порадовались улучшенію «Пантеона», такъ прежде всего же мы выскажемъ нѣсколько нашихъ замѣчаній, относящихся къ общему направленію этого, еще юнаго нашего собрата на журнальномъ поприщѣ, замѣчаній, пронстекающихъ изъ такого же чистаго источника, какъ и наша радость — и основанныхъ на тѣхъ данныхъ, которыя Пантеонъ представилъ въ прошломъ 1853 году.

1) *У Пантеона не было и нѣтъ того, что называется направлениемъ*, но не было не въ томъ смыслѣ, въ какомъ не было его и нѣтъ въ «Библиотекѣ для Чтенія» — ибо въ такомъ случаѣ и говорить было бы нечего, какъ нечего говорить о неизлечимой болѣзни. Нѣтъ, Пантеонъ высказывалъ иногда серьезный, дѣльный взглядъ на литературу и искусство, Пантеонъ вооружался и вооружается противъ дендизма, свирѣпствующаго въ литературныхъ взглядахъ Современника, — въ Пантеонѣ было много статей очень хорошихъ по части критики, — но подлѣ этихъ же статей самаго редактора, г. А. Сврова, г. В. З. и нѣкоторыхъ другихъ — печатались такія статейки разныхъ корреспондентовъ и начинающихъ критиковъ, о которыхъ и говорить совѣстно. Изъявивши разъ претензію на дѣльное направленіе и подтвердивши даже изъявленіе свое доказательствами, редакция журнала должна уже строго держаться своихъ началъ — а этого-то не было и нѣтъ въ Пантеонѣ.

2) У Пантеона не было и нѣтъ того, что называется вкусом въ выборѣ статей по излишней словесности, но опять таки не въ томъ смыслѣ, въ какомъ нѣтъ въ этомъ отношеніи вкуса въ Библиотекѣ для Чтенія, гдѣ уже положительно печатаются только безвкусныя произведенія. Нѣтъ! Пантеонъ печатаетъ и изящныя вещи, какъ напимръ: «Квартира въ Татарскомъ кварталѣ» премилый рассказъ Я. Полонскаго, искренній, теплый, поэтический, — и дельныя, хотя не совсѣмъ удавшіяся вещи, какъ «Деревенскій случай» г-жи Хвощинской, о которомъ мы скажемъ еще нѣсколько словъ — и подлѣ такихъ вещей — повѣсти, которыя въ литературѣ повѣствовательной суть то же самое, что передѣлки на русскіе нравы французскихъ водевилей на сценѣ, — и проч. и проч.

3) У Пантеона нѣтъ яснаго сознанія своей литературной цѣли, иначе, какъ же объяснить себѣ, что журналъ, который такъ умно и дельно разсуждаетъ о Моцартовскомъ Донъ-Жуанѣ, такъ смѣло и прямо высказываетъ умѣренный взглядъ на Рашель, такъ верно опредѣляетъ недостатки игры покойнаго В. А. Каратыгина, что журналъ, который желаетъ другимъ журналамъ побольше уваженія къ литературѣ — впадаетъ подчасъ въ такіе промахи, которые позволительны только инымъ газетамъ.

Вотъ наши главные замѣчанія, которыя отъ души и отъ полнаго желанія усѣиха — высказываемъ мы Пантеону, и которыя постараемся подтвердить нагляднѣе, подробнымъ разборомъ настоящей книжки, съ возвращеніями по мѣстамъ къ статьямъ прошлаго года.

Слѣдуемъ рубрикамъ журнала:

I.

Подъ этою римскою цифрою находимъ мы слѣдующія статьи:

а) **КАНАРЕЙКА.** Рассказъ В. И. Савинова. Одинъ бѣдный молодой человекъ вылечилъ канарейку, любимицу жены откупщика, у котораго онъ служилъ: этимъ онъ пошелъ въ ходъ — и вслѣдствіе того, что пошелъ въ ходъ, разлюбилъ свою прежнюю невесту и женился на воспитанницѣ, или лучше сказать на горничной жены откупщика, но ошибся въ расчетахъ: денегъ за ней получилъ онъ мало, — откупщикъ самъ умеръ, — а между тѣмъ прежняя невеста его вышла замужъ, и онъ видѣлъ потомъ ея счастье, встрѣтившись съ ней, разумется, случайно. Для чего все это рассказано — Богъ вѣсть: тонъ и манера рассказа до того избиты и до того отзываются подражаніемъ тону и манерѣ даровитаго, но въ наше время уже сильно устарѣвшаго писателя покойнаго Гребенки — что это сходство бросается въ глаза. Вотъ для образчика начало повѣсти:

«Как-то вечером, въ самое ненастное осеннее время, у сплош-
 «наго ряда великолѣпно освѣщенныхъ домовъ Англійской набереж-
 «ной, пробирался молодой человекъ. Тротуары были пусты: кое-гдѣ
 «у подъездовъ пѣшеходъ встрѣчалъ неподвижные экипажи и на ко-
 «злахъ ихъ дремлющаго кучера. На старомъ Исаковскомъ мосту
 «быстро, съ шумомъ и гуломъ, мелькали въ глазахъ его кареты и
 «внеуклюжія городскія дрожки, да надъ темной Невой съ визгомъ
 «крутились чайки, вѣчные враги ряпушки. Молодой человекъ по-
 «ровнялся со входною коробкою одного изъ домовъ, заглянулъ въ
 «стеклянную дверь швейцарской и, какъ будто опаленный свѣтомъ
 «последней, отшатнулся назадъ. Нѣсколько мгновеній онъ осматри-
 «валъ свой невзрачный костюмъ, поглядывалъ направо и налево и
 «наконецъ отошелъ къ сточной трубѣ. Еще разъ увѣривъ въ от-
 «сутствіи свидѣтелей, незнакомецъ вынулъ изъ кармана своего пальто
 «небольшую тряпочку, тщательно вытеръ ею загрязненные сапоги,
 «потомъ натянулъ перчатки, добытыя изъ глубины того же карма-
 «на, подернулъ жилетъ, расправилъ галстухъ и переступилъ порогъ
 «швейцарской. Благовонное тепло обдало пришельца; въ глазахъ его
 «зарбило при взглядѣ на пестрый коверъ, перерезанный свѣтлыми
 «свѣдными прутьями, который вытягивался по отлогой широкой
 «лѣстницѣ, уставленной цвѣтами. Молодой человекъ нерышительно
 «оглянулся: направо—зеркало, налево—зеркало, впереди—сытый,
 «краснощекій швейцаръ, не покидающій своего покойнаго свѣдалища.
 «Последній въ полудремотѣ, при взглядѣ на незнакомца, при-
 «щурился съ такимъ выраженіемъ ироніи и даже маленькаго пре-
 «зрѣнія, что молодой человекъ невольно попятился назадъ и по-
 «спышалъ снять свою рыжую шляпу, отвѣсивъ низкій и почти-
 «тельный поклонъ.

— «Кого вамъ? выдвинуть фizioномію и закрывая нижнюю гу-
 «бою верхнюю, спросилъ швейцаръ, въ то время, какъ полныя и
 «свѣжія щеки молодого человека вспыхнули яркимъ румянцемъ.

«Еще разъ, и съ тѣмъ же почтеніемъ, поклонился молодой че-
 «ловекъ.

— «Мнѣ-съ — сказалъ онъ тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ: —
 «нужно видѣть Владиміра Андреевича... Удостоите доложить-съ.

— «Кушаютъ, и въ это время никого не принимаютъ. Пожа-
 «луйте завтра утромъ: завтра пріемный день для всякаго,—и швей-
 «царъ, какъ-то странно выворачивая ноги, раза два вросель подъ
 «носомъ молодого человека.

— «Кушаютъ, я вамъ говорю, — настойчиво повторилъ онъ,
 «приподнимаясь на носки и прихлопнувъ каблукими.

— «Но... началъ молодой человекъ: — осмѣлюсь вамъ сказать, что мнѣ приказано явиться, именно, въ шесть часовъ, сегодня... да-съ!»

— «Приказано?... Гм.... Посмотримъ! Съ этими словами швейцаръ развернулъ лежавшую на столѣ книгу, медленно осматривая свой «носъ» очками, повернулъ листы и ткнулъ на одну изъ страницъ мясистымъ пальцемъ.

— «А какъ васъ звать?» спросилъ онъ.

— «Василій Васильчъ, отвѣчалъ молодой человекъ, шаркнувъ ножкой.

— «А фамилія?»

— «Коллежскій регистраторъ Копчикъ.

— «Копчикъ Василій Васильчъ?... Копчикъ... Да! Такой есть.... Пожалуйста въ приемную, наверхъ.... Оставьте пальто....

— «Пальто? въ какомъ-то замѣшательствѣ спросилъ молодой человекъ....

— «Понимается, сударь, пальто и галоши....

— «Пальто и галоши?... Но... если я скину пальто, то на мнѣ останется только одинъ жилетъ, тономъ пассивнымъ и «вѣсть съ тѣмъ умоляющимъ» сказалъ молодой человекъ — а галоши я не ношу, продолжалъ онъ; у меня сапоги на пузыряхъ....

«При этомъ полусонные глаза швейцара совершенно про-«срѣли; неподдѣльное изумленіе отразилось въ нихъ. Сытый обла-«датель полдюжины фраковъ, золотыхъ часовъ въ копѣйку величи-«ною, и пары брилліантовыхъ перстней, онъ не могъ понять, какъ «это у иныхъ людей бывають сапоги на пузыряхъ, единственное «пальто, футляръ всего тѣла и, стало быть, въ карманѣ воздухъ!»

— «Пожалуйте, взвольте! медленно сказалъ онъ, указывая на «гостиницу.

«Копчикъ еще разъ шаркнулъ ножкой, пригладилъ свои чер-«ные, курчавые волосы, такъ эффектно раскинувшіеся надъ его «бѣлымъ, возвышеннымъ лбомъ и, не опускался на каблуки, до-«шелъ до приемной, съ замирающимъ сердцемъ переступилъ по-«рогъ ея.

«Здѣсь Василій Васильевичъ рѣшительно не смѣлъ сдѣлать «ни одного шага впередъ. Въ одно мигновеніе фигура его отрази-«лась въ сотнѣ предметахъ: въ паркети, въ зеркалахъ, въ золо-«ченнымъ фарфорѣ и даже въ зрачкахъ встрѣтившаго его лакея. «Въ смежной съ приемною комнатѣ слышалось дребезжаніе тарелокъ «и звонъ ножей; у окна какой-то важный баринъ, тихо разговари-

«свалъ съ молоденькою и красивою барышнею, по крайней мѣрѣ такъ заключилъ Копчикъ о званіи этихъ лицъ. «Это, вѣрно, самъ «въ дочкой,» подумалъ онъ, и вся его фигура, принявъ какое-то «неподвижное положеніе, встала въ молуборотъ къ окну, какъ «въ эту минуту разговаривавшая дѣвушка, безъ особенныхъ претензій на грацію. щелкнула по носу своего сосѣда и съ крикомъ:

«Прощай, Иваша! Вотъ тебѣ, озорникъ!... бросилась съ громкимъ смѣхомъ направо въ дверь; важный баринъ за нею.

«Ей-Богу—подумалъ Копчикъ, нѣсколько оживая, послѣ видѣнной имъ сцены:—у богатыхъ людей и собаку примешь за бобра... «Право! Ну, вотъ, просто, думалъ самого вижу, а это вышелъ какой-то Иваша, котораго еще и по носу бить можно, и вѣрно.... продолжалъ думать Василій Васильичъ:—эта барышня....»

Не правда ли, что все это, особенно подчеркнутое нами, цѣликомъ переписано изъ упомянутаго нами источника? Не правда ли также, что теперъ видна для всякаго та фальшь, которая кроется въ такой манерѣ изображенія, манерѣ совершенно преувеличенной и между тѣмъ присвоивавшей себѣ еще весьма недавно названіе натуральной?... Все остальное въ этомъ же тонѣ—въ повѣсти г. Савинова, который былъ однимъ изъ самыхъ щедрыхъ вкладчиковъ въ Пантеонъ прошлыхъ годовъ.

б) **ПЕРВЫЙ МАСКАРАДЪ.** *Вчерашняя сцена.* Не все то, что говорилось вчера, хорошо для печати сегодня — вотъ что, вмѣсто всякой рецензіи, следовало бы сказать объ этомъ праздномъ, хоть и весьма неглупомъ разлагольствованіи «не очень молодого человека съ усталюю физиономіею, располагающагося въ креслахъ самымъ комфортабельнымъ образомъ, вытягивающаго ноги и зѣвющаго изъ глубины сердца, съ женскою маскою «въ черномъ шелковомъ домино, маленькою, худенькою, довольно вертлявою». — Мужчина — хоть и напрасно приходилъ онъ звать въ маскарадъ, когда гораздо удобнѣе и комфортабельнѣе могъ бы дѣлать это дома, — говорить, пожалуй, и дѣло, и говорить это дѣло умно;—такъ, онъ говорить маскѣ, повидимому когда-то поигравшей его сердцемъ: «не обращайтесь къ сердцу, которое вы сами однажды «отвергли. Чувство, разъ вытѣсненное изъ него съ «болью и кровью, «никогда не возвратится. Недобросовѣстный человекъ можетъ, пожалуй, увѣрять васъ въ томъ, что прежняя страсть опять овладѣла «нимъ; но онъ будетъ обманывать васъ, если самъ не будетъ увлеченъ порывомъ чувствъ, или ослѣпленъ самолюбіемъ, горящимся «только количествомъ побѣдъ. Но во всякомъ случаѣ это минутное

увлечение и ослепление будут непродолжительны и повлекутъ за собою «для васъ новыя несчастія и огорченія. Не ждите никогда прочности ютъ разбитаго и потомъ склееннаго чувства. Все это я, конечно, говорю только въ томъ предположеніи, что выборъ вашъ падетъ на человека, «похожаго на меня мыслями и характеромъ», говорить, пожалуй, и много язвительной, выстрадавшей опытомъ правды, которую рѣдко удается, къ сожалѣнію, слышать въ нашей литературѣ женщинамъ— и говорить ее довольно энергически: «Вы очень хорошо понимаете, что я говорю это не на вашъ счетъ. Если вы и не молоденькая институтка, то ни въ какомъ случаѣ не принадлежите къ категоріи «дамъ, странствующихъ по маскарадамъ для того, чтобы увлекать, «хоть таинственностью, неопытныхъ сердца, которыя, въ другомъ «случаѣ, не стали-бы стремиться къ обладанію прелестей съ вѣсомъ «и долговременной опытностью. Я хотѣлъ только доказать вамъ моими словами, что женщины большею частью упрекаютъ совершенно «напрасно молодыхъ людей нашего времени въ равнодушіи къ нимъ «и апатіи. Если-же и встрѣтится между нами человекъ, неспособный понять истинное чувство, неспособный оцѣнить его—кто виновать въ этомъ, какъ не сама женщина? *Кто убиваетъ въ молодомъ человекѣ, любящемъ первую, дѣвственную страстью, эту «страсть и это чувство? Не вы-ли сами, холоднымъ кокетствомъ, насмѣшкою, равнодушіемъ, даже презрѣніемъ встрѣчаете обыкновенно эту первую любовь, предпочитаете ей какого-нибудь «эlegantнаго Ловласа съ великопыными манерами и изношенными чувствами? Не скорѣе-ли полюбите вы Донъ-Жуана, «даже устарѣлаго, нежели молодаго, влюбленнаго до идиотизма «отношу, хоть первый можетъ скорѣе компрометировать васъ «своею любовью, а второй готовъ глупо умереть за васъ, какъ «целую жизнь для васъ. Вы упрекали меня давеча въ «холодности «и безчувственности. Понимаете-ли вы теперь, что было причиною этой холодности? Не думаете-ли вы, что сердце мужчины «сдѣлано изъ каучука, и что оно можетъ только растягиваться, «когда его станутъ рвать на части разочарованія и тяжелыя «чувства, подобныя тѣмъ, какія испытала я послѣ вашего отъѣзда?»*

Много грусти и правды, хоть нѣсколько злобной, звучитъ въ этихъ словахъ—но тѣмъ-то и досадно, что правда дана въ видѣ сыраго матеріала *вчерашней* сцены,—что авторъ недостаточно выносилъ ее въ душѣ, чтобы высказать ее въ формѣ болѣе приличной. Вотъ все, что можно сказать о «Первомъ маскарадѣ», — по такъ какъ авторъ этой *вчерашней* сцены, г. Зотовъ, пишетъ уже давно и пишетъ много, такъ какъ онъ—однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ

разсматриваемого нами журнала, то мы считаемъ обязанностью сказать нѣсколько искреннихъ словъ о его дѣятельности.

Если прослѣдить въ Пантеонѣ и Репертуарѣ, отъ 1843 до 1854 года, въ Литературной газетѣ за 1847 годъ, въ Отечественныхъ Запискахъ за послѣдніе годы—все, что писалъ г. В. Зотовъ, то можно нѣкоторымъ образомъ придти въ изумленіе. Г. Зотовъ является и лирическимъ поэтомъ въ несчетномъ количествѣ стиховъ, и драматургомъ въ несчетномъ же количествѣ заимствованныхъ, просто переведенныхъ и оригинальныхъ драмъ, и повѣствователемъ во многихъ большихъ и маленькихъ повѣстяхъ и разсказахъ, и романистомъ въ огромныхъ, нескончаемыхъ романахъ, и критикомъ литературнымъ и театральнымъ, и историкомъ литературы въ различныхъ статьяхъ объ иностранныхъ писателяхъ. Не смѣясь, но глубоко сожалея, приводимъ мы эти факты, приводимъ съ намѣреніемъ воздать должное г. Зотову, въ которомъ видимъ мы и даровитость и умъ и начитанность, погубленная борзописаніемъ и недостаткомъ уваженія къ литературѣ.... Какъ лирикъ, г. В. Зотовъ написалъ нѣсколько стихотвореній и простыхъ и искреннихъ — но вмѣстѣ съ тѣмъ каждый N Репертуара бывшихъ годовъ и Литературной газеты 1847 г. наполнялъ стихами или изысканными и смѣшными, какъ напримеръ:

Часто васъ видя и часто васъ слушая,
Я не могу наглядѣться, наслушаться...
.....
Всѣ мои взгляды, теоріи руются.

Или, даже просто пошлыми, какъ обыкновенные куплеты водевилей— и публика не виновата, что *не читала* хорошихъ стихотвореній г. Зотова. Какъ повѣствователь, г. Зотовъ написалъ повѣсть «Черный тараканъ» (Репертуаръ 1844 года), которая ничѣмъ не хуже многихъ хваленыхъ повѣстей *натуральной* школы, а много лучше; повѣсти: Любовь и приличіе, Левъ, которыя не много развѣ ниже свѣтскихъ повѣстей графа Сологуба, поэму Геннадій, которая ничѣмъ не хуже, а много лучше «Андрея», «Параши», «Помѣщика» и другихъ стихотворныхъ произведеній г. Тургенева, — но опять-таки, публика не виновата была въ равнодушіи ко всему этому: все это было только не хуже обыденнаго или не много лучше плохаго, но кромѣ того, г. В. Зотовъ написалъ и много хуже плохаго. Какъ драматургъ, г. Зотовъ принадлежитъ къ числу самыхъ дюжинныхъ.—Но какъ критикъ, въ особенности какъ критикъ театральнй, онъ не былъ оцененъ по достоинству: статьи его были часто рѣзки, но большею частію дѣльны, вѣрны и мало лѣстны грубому вкусу публики и грубому

самолюбію исполнителей; въ нихъ являлись у г. Зотова такой тактъ, такая любовь къ правдѣ и къ искусству, какихъ дай Богъ многимъ привилегированнымъ критикамъ нашихъ журналовъ. Въ статьяхъ г. Зотова о писателяхъ иностранныхъ (о Рабле, напримѣръ, о Шекспирѣ) видна была губительная поспѣшность работы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и начитанность, мало свойственная нашимъ критическимъ дѣтелямъ....

И что же остается въ результатъ отъ всей этой количественно-изумительной дѣятельности?... Для публики—почти ничего, для немногихъ—искреннее сожалѣніе о натурѣ даровитой, отзывавшейся, какъ видно изъ дѣятельности—на всѣ современные интересы искусства и жизни, полной благороднѣйшихъ стремленій—но недостаточно уважавшей самыя эти стремленія. Знаемъ, что надъ многими произносимъ мы приговоръ, произнося его надъ дѣятельностью г. Зотова.... *Sed magis amica veritas*—и приговоръ нашъ такъ искрененъ, что, вѣроятно, по самой искренности не можетъ быть оскорбителенъ.

Тѣмъ болѣе имѣли мы обязанностью сказать нѣсколько словъ о г. В. Зотовѣ, что въ этой же книжкѣ Пантеона встрѣтились съ нимъ въ двухъ стихотвореніяхъ, которые оба не безъ достоинствъ—и оба написаны подъ вліяніемъ чувства весьма искренняго.

Первое называется «Свиданіе»—и вѣроятно—выражаетъ лирически то, что нѣсколько сатирически выразилось во «Вчерашней Сценѣ»—еще новое доказательство въ пользу живости и поэтической восприимчивости натуры г. Зотова. Вотъ какъ простодушно и мило оно начинается:

Вы-ли это? Это вы-ли?
 Десять лѣтъ прошло такъ скоро...
 Какъ васъ годы измѣнили!
 Нѣтъ плѣнительнаго взора,
 Нѣтъ младенческой улыбки,
 Такъ лукаво-простодушной;
 Станъ вашъ стройный, станъ вашъ гибкій
 Похудѣлъ.... Мнѣ стало скучно,
 Стало грустно.... Предо мною
 Вмѣстѣ съ жизнью прожитію
 Промелькнуло все бывшее,
 Все, что прежде такъ плѣняло,
 Все, что сердце молодое
 Наполняло, волновало.
 И не то, чтобы въ эти годы
 Я любилъ васъ.... сердце было

Такъ полно... оно любило
 Все вокругъ себя. Свободы
 Я своей не потерялъ-бы,
 Не страдалъ-бы, не вздыхалъ-бы,
 Но во мнѣ съ такою силой
 Жизнь кипѣла той порою!...
 Мнѣ сіялъ вашъ образъ милый
 Путеводною звездою.
 А теперь!...

Поэту жаль не ея, этой нежданно встрѣченной, не себя, потому
 что на долю его выпадало много впечатлѣній:

Но мнѣ жаль, что измѣнился
 Образъ вашъ въ моихъ видѣньяхъ,
 Что печально онъ затмился
 Въ шумныхъ жизни наслажденьяхъ;
 Но мнѣ жаль мечты бывалой,
 Чувствъ невинныхъ, мыслей ясныхъ,
 Золотаго идеала,
 Дней прекрасныхъ, думъ напрасныхъ...
 Жаль всего, что пронеслося
 И чему ужъ не вернуться!
 Какъ-бы сладко ни спалося,
 Все-же надобно проснуться!...

Другое стихотвореніе: «Знаменитой артисткѣ», такъ строго задумно
 и со второй половины своей такъ строго выдержано, что мы позволяемъ
 себѣ перепечатать его, не прибавляя отъ себя никакихъ примѣчаній,
 и конечно не потому только, что оно почти сходится въ основѣ своей
 съ нашимъ взглядомъ:

ЗНАМЕНИТОЙ АРТИСТКѢ.

Когда восторгомъ беснованья
 Театръ неистово объять
 И будто громъ—рукоплесканья
 Дробятся въ залъ и гремятъ,
 И въ упоеньи и въ припадкѣ
 Кричатъ вдругъ сотни голосовъ
 И рвутся бѣлыя перчатки
 На пальцахъ модныхъ львицъ и львовъ,
 И не окончивъ монолога,
 Въ порывѣ чувства онемѣвъ,

Ты смотришь холодно и строго
 На этот шумъ, на этот ревъ,
 И ждешь съ спокойствіемъ привычнымъ,
 Чтобъ онъ улетя и утихъ,
 И на лицѣ твоемъ античномъ
 Замретъ послѣдній роли стихъ, —
 Не раздвляя криковъ, шума,
 Я восхищенъ не горю,
 Но съ грустнымъ чувствомъ, странной думой
 Въ тотъ мигъ я на тебя смотрю,
 И безъ порывовъ увлеченья
 Ловлю твой каждый жестъ и звукъ.
 Я вижу въ пламенномъ движеніи
 Не то, что видать всѣ вокругъ.
 Сквозь заученныя тирады
 Другіе звуки слышу я,
 И ни восторга, ни отрады
 Душа не чувствуетъ моя.
 Она не трогается славой;
 И вижу грустную мечтой
 Въ чертахъ артистки величавой
 Я образъ дѣвочки—больной,
 Худой, измученной и блѣдной
 И со слезами на глазахъ.
 Въ одеждѣ обветшавой, бѣдной,
 Съ гитарой старою въ рукахъ,
 Въ кофейнѣ дымной, грязной, душной
 Она, голодная, поетъ
 Соблазна пѣсни простодушно
 И подавня скромно ждетъ;
 Пѣснь площадную безъ искусства
 И хриплымъ голосомъ твердить;
 Одна въ ней мысль, одно въ ней чувство:
 Боязнь побоевъ, а не стыдъ.
 И оттого-то въ каждомъ звукѣ
 Твоихъ классическихъ стиховъ
 Я вижу скорбь, я вижу муки
 Твоихъ младенческихъ годовъ,
 Я вижу тайныя страданья,
 Лашенья, долгую борьбу,
 Терпѣнье, полное сознанья,

Надежду победить судьбу,
 Труды, порывы силы гордой,
 Надь сердцемъ, надь собою власть,
 Познаніе—плодъ воли твердой,
 Ученьемъ вызванную страсть.
 И твой талантъ—онъ даръ науки,
 Не вдохновенье,—даръ искусствъ,
 Въ немъ страшно вымучены звуки,
 Въ немъ много выстраданныхъ чувствъ
 И чувствъ, томительныхъ до боли;
 Но гдѣ въ немъ шьжность сердца, жаръ
 Любви, возникшей противъ воли?
 Нтъ! твой талантъ поддѣльный даръ!
 Онъ для тебя не цѣль, а средство
 Богатство съ славою нажить,
 Свое страдальческое дѣтство
 Довольствомъ жизни искупить,
 Принудить мръ—съ благодареньемъ
 Пльщю уличной внимать,
 Чтобы восторгъ толпы съ презрѣньемъ
 Я гордымъ взглядомъ принимать.
 И ты своей достигла цѣли
 Съ тѣхъ поръ, какъ замерла душа,
 Любви порывы охладѣли —
 Ты стала чудно хороша.
 Твой взоръ какъ факель погребальный
 Все ровнымъ пламенемъ горитъ,
 Твой голосъ мѣрно и печально
 Протяжнымъ отзвонемъ гудитъ.
 Какъ надъ могилой изваянье,
 Ты хороша и холодна,
 И терпѣливо ждешь воззванья
 Отъ летаргическаго сна;
 Тотъ сонъ прервутъ лишь выраженья
 Однихъ страданій, сердца ранъ,
 Безумной ревности мученья
 Иль страсти бышеной обманъ, —
 И не античную статую
 Съ ея спокойной красотой,
 А Эмениду роковую
 Въ тотъ мигъ мы видимъ предъ собою....

с). *Три стихотворения 2-ой Хвощинской*.... Но прежде нежели мы скажемъ собственно объ этихъ стихотвореніяхъ, мы должны поговорить о «Деревенскомъ случаѣ», повѣсти въ стихахъ того же автора, напечатанной въ трехъ № прошлаго года, повѣсти, на дни которой лежитъ серьезная, хоть и не новая мысль.

Молодой человекъ изъ Петербурга прѣзжаетъ въ свою наследственную деревню съ благородною мыслию—посвятить жизнь молоденькой сестрѣ. Но вмѣсто пользы, которую думалъ принести онъ,—герой повѣсти встрѣтилъ только скуку: съ сестрой онъ не сошелся, потому что не понималъ ее,—хотѣлъ было продолжать приносить бесполезную жертву, но сестра была сильнѣй и выше его душою: она, обманутая сердечно и первой любовью и братомъ, рѣшилась вывести его изъ ложнаго положенія и выйти за мужъ за простаго и добраго человека съ достаткомъ. Братъ опять уѣхалъ въ Петербургъ.

Предметъ повѣсти простъ, какъ видите, — и отношеніе автора къ мысли, которая лежитъ въ основѣ—правильно. Но для художника недостаточно—отнестись правильно къ мысли своего произведенія, тѣмъ болѣе, что художникъ не мыслитель и идетъ не отъ мысли, а отъ образовъ и отношеній. Герой разсказа—одинъ изъ тѣхъ «коптителей неба», которыхъ такъ глубоко анализировалъ великій Гоголь, свѣдя ихъ въ известномъ лицѣ съ тѣхъ ходуль, на которыхъ они стояли въ лицахъ Бельтовыхъ и подобныхъ господъ, тоскующихъ на своей родинѣ по заграничной или по столичной жизни, скукающихъ въ окружающей ихъ действительности, потому что они не умѣютъ къ ней отнестись какъ слѣдуетъ.... Г-жа Хвощинская понимаетъ, какъ видно изъ всей ея повѣсти, до какой степени подобные господа—странны, но не хочетъ и не можетъ видеть ихъ смѣшныхъ сторонъ, не въ силахъ еще разстаться съ ихъ идеальною оболочкою; въ этомъ ея ошибка, въ этомъ и недостатокъ ея повѣсти, недостатокъ столько же художественный, какъ и моральный — та тусклость и неопредѣленность взгляда, которая не даетъ художнику возможности видеть вещи ясно, и стало быть отнимаетъ у него возможность представлять ихъ другимъ въ ясномъ свѣтѣ. И не только къ этому, даже и къ другому коптителю неба, къ завязшему гостю, который поигралъ сердцемъ бѣдной Лизаньки, сестры главнаго героя—не хотѣлъ и не могъ авторъ отнестись какъ слѣдуетъ.

Что касается до новыхъ стихотвореній г-жи Хвощинской, то читая ихъ, мы задавали только себѣ вопросы: 1) неужели авторъ ихъ цѣлый вѣкъ будетъ только грустить—и притомъ не своею, а чужой, навязанной грустью? и 2) неужели всегда намѣренъ онъ такъ мало заботиться о выдержанности разсказа и другихъ, положимъ

и презривших съ *эмской точки зрѣнія*, вѣнншихъ условій поэзіи, которыми, однако, истинные поэты прошедшаго и настоящаго времени не пренебрегали и не пренебрегаютъ?

II.

Въ этомъ отдѣлѣ—одна статья «Павель Андреевичъ Федотовъ» В. В. Толбина, — прекрасная и дополняющая прекрасную же статью А. В. Дружинина «Воспоминаніе о П. А. Федотовъ». Статья, составленная г. Толбинымъ изъ многихъ источниковъ, замѣчательна полнотою біографическихъ свѣдѣній о нашемъ незабвенномъ художникѣ, — богатствомъ сообщаемыхъ матеріаловъ (множество стихотвореній покойнаго П. А. Федотова, — свѣдѣнія о задуманныхъ или набросанныхъ имъ рисункахъ). Изъ этой *капитальной* статьи журнала, мы не въ правѣ ничего выписать, кромѣ только заключенія, въ которомъ составитель или редакторъ высказалъ сожалѣніе и желаніе, общія намъ, общія многимъ, общія всѣмъ, сочувствующимъ душевно русскому искусству:

«По полученіи извѣстія о смерти скульптора Ставассера, Федотовъ проговорилъ съ выраженіемъ самой истинной, глубокой горести: «умеръ еще одинъ великій художникъ! умеръ, не показавъ намъ десятой части своего товара»

«И что-жь? и самому ему суждена была такая же грустная участь! Какъ-бы томимый какимъ-то тяжкимъ предчувствіемъ, Федотовъ, будучи въ послѣднее время у М. А. Половцова и просимый «имъ нарисовать или написать что-нибудь, на память, въ альбомъ, «долго отговаривался, говоря, что мысли его въ настоящую минуту «всѣ въ разбродѣ, а голова занята разнообразными, серьезными планами, отъ которыхъ зависитъ его будущность и осуществленіе любимой, давнишней мечты—побывать за границей и, главное, на родинѣ Гогарта, котораго таланту онъ удивлялся, можетъ быть и самъ «внутренно сознавая, что онъ не ниже его. Наконецъ уступивъ настоятельнымъ требованіямъ, онъ взялъ перо и написалъ экспромптомъ:

Все планъ за планомъ въ головѣ,
Но жребій рушить эти планы...
О, не одна намъ жизнь, а двѣ,
И суждены и даны!

«И подъ этими стихами, вместо своего имени, слово: *Кончено!!!* «которое всѣмъ присутствовавшимъ показалось очень страннымъ.

«На вопросъ зачѣмъ онъ выбралъ такой сюжетъ? Федотовъ «отвѣчалъ:

«— Это, не знаю, по чему-то мое убъжденіе, которое я ни-какъ не могу выкинуть изъ головы. Впрочемъ, поживемъ, посмотримъ; можетъ, предчувствіе и обманываетъ меня!

«Но онъ, къ несчастію, не обманулся; высокіе планы его рушились. Не имѣя силъ отнять отъ земли лучшей части его земнаго «существованія — произведеній его мысли и его художественнаго «творчества, самого его успѣла уничтожить смерть. По неволѣ съ «глубокимъ вздохомъ вспомнишь стихи князя Вяземскаго:

«И сколько ужъ именъ прекрасныхъ

«Она отторгла отъ живыхъ,

«И сколько лиръ виситъ безгласныхъ

«На кипарисахъ молодыхъ!....

«Но надъ могилой Ѳедотова вѣтъ даже, къ сожалѣнію, до-сихъ-поръ и кипариса.

«Желательно было-бы, чтобъ какой-нибудь добросовѣстный и «проникнутый патріотическою славой издатель собралъ всѣ картины «и рисунки Ѳедотова, которыхъ большая часть разбросана по раз-нымъ мѣстамъ и находится у его знакомыхъ и пріятелей. Онъ бы «сдѣлалъ большую услугу исторіи нашей русской живописи, сохра-нилъ-бы въ ней въ цѣломъ составъ блистательную страницу для «будущаго потомства художниковъ, и вѣрно-бы не остался въ накладѣ «самъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доставилъ-бы вспомошествованіе почтен-ному и недостаточному семейству нашего незабвеннаго академика. «Русь велика и впечатлительна къ благороднымъ и достойнымъ ува-женія порывамъ, и поэтому надежда, что когда-нибудь всякій лю-битель изящнаго можетъ увидать у себя альбомъ всѣхъ произведеній «Ѳедотова—не должна быть потеряна какъ напрасная мечта!»

III.

Если подъ эту рубрику редакція намѣрена печатать ориги-нальный и переводный хламъ, какъ-то—разсказъ г. Семенова, «Со-мнѣнія» и множество другихъ иностранныхъ — то лучше бы этому «отдѣлу не существовать вовсе; если же намѣрена она оставить его для статей занимательныхъ, каковы: статья г. Новосильскаго «Сѣверо-западный проходъ», и въ особенности статья г. Ротчева «Воспоми-нанія русскаго путешественника о Вестъ-Индіи» и т. д. (хотя эти статьи мало соответствуютъ программѣ чисто-художественнаго «журнала),—то мы позволимъ себѣ дать ей добрый совѣтъ—не смѣ-шивать ихъ съ хламомъ, какъ это дѣлалось ею въ прошломъ году и дѣлается въ первой книжкѣ нынѣшняго. Лучше всего отвести для «необходимаго, къ сожалѣнію, журнальнаго балласта, особое мѣсто—

ничто въ родѣ корабельнаго трюма, и напоминать его вздорѣмъ, по крайней мѣрѣ переводнымъ, а не оригинальнымъ. Разсказъ «Сомнѣнія» достоинъ только одного журнала въ свѣтъ—«Библіотеки для Чтенія», равно какъ и выше нами упомянутый разсказъ г. Савинова, изъ котораго мы сочли обязанностью сдѣлать хоть одну выписку, ибо онъ поставленъ въ журналъ на самомъ видномъ мѣстѣ; съ «Сомнѣніями» сама редакція обошлась нецеремонно, и этимъ уволила насъ отъ всякихъ въ отношеніи къ нимъ обязанностей.

За симъ кончаются римскія цифры въ оглавленіи книжки, и начинается отдѣлъ, подъ нѣскольکو *слишкомъ* пышнымъ заглавіемъ: «Современное». Въ сущности—это то же, что въ другихъ журналахъ смѣсь—и составлена эта смѣсь съ обыкновенною ловкостью, сообщаетъ вещи точно современные по части театровъ, литературы, даже химіи; иногда только мелькаетъ тутъ статья, явно принадлежащая къ балласту—но это ничего: попала же у Собакевича и «Елисаветъ Воробей» въ число мужескихъ ревизскихъ душъ, въ чемъ впрочемъ, какъ извѣстно, и былъ онъ обличенъ смѣтливымъ Павломъ Ивановичемъ! Вообще же въ отдѣлѣ Смѣси или «Современнаго» все обстоитъ благополучно, какъ обстояло и въ прошломъ году журнала.

Петербургскій Вѣстникъ состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: 1) *Литературы*, подразделяющейся на журналистику и библиографію, 2) *Театра* и 3) *Общественной жизни*. Съ этимъ Петербургскимъ, а равно и съ слѣдующимъ за нимъ Московскимъ Вѣстникомъ, мы намѣрены побесѣдовать поподробнѣе, ибо въ нихъ выражалось въ прошломъ году и выражается въ нынѣшнемъ направленіе журнала.

Начинаемъ съ «журналистики».

Статья начинается полемической выходкой: «*Volentem fata ducunt, involentem trahunt*, говоритъ умная латинская пословица, и мы испытали на себѣ ея справедливость. Прекращая въ прошломъ августѣ бесѣды наши съ читателями о русской журналистикѣ, мы не думали «сачивать ихъ снова въ такомъ непродолжительномъ времени. Четыре мѣсяца отдыха отъ тяжелой обязанности перечитывать журналы и «отдавать о нихъ отчетъ—право немногѣ. Но пусть не пугаются читатели. Мы не думаемъ описывать имъ, что дѣлали въ эти четыре мѣсяца, куда уѣзжали, гдѣ жили, въ швейцарскомъ или другомъ «домикѣ, пили ли варзанъ, или что-нибудь другое, обѣдали ли у «Дюссо, или въ другомъ мѣстѣ, ѣздили въ фазтонѣ на орловскихъ «рысакахъ, или на простомъ извозчикѣ, носили голландскія или простыя рубашки, пробирали ли себѣ волосы сзади, по-англійски, или «спускали живописно клокъ ихъ на лобъ.... Всѣ эти интимныя подробности субъективныхъ критиковъ кажутся намъ ненужными при

«ценки журналовъ, и хотя теперь въ модѣ бесѣдовать о самомъ себѣ съ читателями и начинать рецензію описаніемъ собственныхъ своихъ достоинствъ и привычекъ, мы, къ сожалѣнію, должны лишиться себя этого удовольствія, и не считаемъ необходимымъ сообщать читателямъ описаніе нашей наружности, нашихъ свойствъ, образа жизни, занятій, костюма, мѣста жительства и обыдовъ. Предоставляемъ нашимъ почтеннымъ собратамъ на поприщѣ журналистики критику такого рода и возвратимся къ нашимъ скромнымъ замѣткамъ обо всемъ, что является замѣчательнаго въ нашемъ журнальномъ мірѣ, безо всякихъ отступленій и толковъ о своей личности».

Не нужно пояснять, противъ чего выходка направлена — и не нужно прибавлять, что мы раздѣляемъ вполне высказанное въ ней мнѣніе. Но взявши дѣльный тонъ — надобно и поддержать его; ратуя противъ пустоты, личности взглядовъ, фешенебельныхъ претензій, надобно — держаться какихъ-нибудь дѣльныхъ, серьезныхъ основъ во взглядѣ на искусство, — ибо одни только таковыя начала уполномочиваютъ пишущаго на довольно желчную полемику. Прослѣдимъ же за статью, чтобы добраться до основъ ея взгляда, ибо въ приведенной выпискѣ видна только хорошая отрицательная сторона, которая — пожалуй, можетъ явиться и нехорошею, если не держится за крѣпкія основы. Обзоръ начинается съ статей, помѣщенныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ».

«По отдѣлу *Русской Словесности* въ «Отечественныхъ Запискахъ» прошлаго года было помѣщено *тринадцать* оригинальныхъ повѣстей и романовъ и *девять* переводныхъ. Изъ оригинальныхъ разсказовъ всѣ читаются легко и съ удовольствіемъ; *нѣкоторые изъ нихъ безусловно-прекрасны, потому что они разсказами художнически и увлекательно. Къ такому разряду относимъ повѣсти: Огненный Змій* М. В. Авдьева, *Святки* М. Н. Михайлова, романъ В. Крестовскаго: *Кто жъ остался доволенъ?* и его сцену: *Рыцарельный часъ*. Третій разсказъ этого же писателя: *Нѣскольکو лѣтнихъ дней*, отвесимъ ко второму разряду повѣстей хорошихъ, «во не отличающихся особенными достоинствами. Сюда же будутъ принадлежать и всѣ остальные беллетрическія произведенія «Отечественныхъ Записокъ»: романъ г. Михайлова: *Марья Ивановна*, «немножко растянутый и съ некоторыми идиллическими лицами»; *Четырехмѣсячный отпускъ*, разсказъ Е. А. Вердеревскаго; *Кто во что гораздъ*, дорожныя сцены *Z.*; *Перевозъ*, повѣсть *A. Тулубьева*, и двѣ повѣсти Ольги Н** *Деревня* и *Утро вечера мудренѣе*. Последнія три лица: г. Тулубьевъ, г-жа Ольга Н** и анонимъ *Z.* являються, кажется, въ первый разъ на поприщѣ беллетристики,

«и она может ожидать от них многого, въ особенности от Ольги «Н», молодой писательницы, съ большимъ дарованіемъ, о которой намъ, «взвратно, представится случай говорить подробнѣе въ этомъ году».

Какъ! «Огненный змѣй» и «Святки» — художественные рассказы, — грязный романъ «Марья Ивановна» вивовать въ идеалическихъ лицахъ!... Да гдѣ нашелъ ихъ рецензентъ у г. Михайлова? — Поздравляемъ! При оцннкѣ Современника — поразительны тѣ же выходы: противъ дѣйствительнаго недостатка этого журнала, противъ отсутствія серьезности во взглядѣ, и то же самое безвкусіе. Повѣсти г. Писемскаго: «Лышій» — одному изъ перловъ современной литературы — повредилъ, изволите видѣть, «Огненный змѣй» г. Авдьева — и т. д. Какимъ образомъ, спрашивается, придетъ въ голову такое странное сопоставленіе? За то выходы на счетъ дендизма критики Современника очень ловка и удачна. «Вообще Современникъ повиднмому очень любитъ «разнообразіе. Не мнѣлетъ онъ только своего рецензента, бесѣдующаго съ читателями *по поводу* русской журналистики и по этому же «поводу» разсказывающаго обо всемъ, что нисколько не касается до «русской журналистики, обо всѣхъ предметахъ и еще о многихъ «другихъ, *de omni re scibili et quibusdam aliis*, о снобсахъ, коафе-трахъ, своихъ лакированныхъ сапогахъ, шульвагенахъ, проборахъ «сади, на англійскій манеръ, о рыскахъ, швейцарскомъ домихъ, «свѣтскости, эlegantности, князь Сержъ, Дюссо, дамахъ съ каме-ліями, тонкомъ бѣльѣ изъ голландскаго полотна, мягкихъ креслахъ, «сытныхъ ужинахъ, замороженномъ шампанскомъ, и проч. и проч. «Если Новому Поэту не о чемъ говорить, онъ самъ изобрѣтаетъ «предметъ бесѣды, сочиняетъ новые типы, въ родѣ знаменитыхъ «хлыщей, чтобы потомъ наполнять цѣлые фельетоны изслѣдованіемъ «этихъ интересныхъ для читателей предметовъ. Наконецъ, въ ми-«нуты совершенно свободныя, когда истощатся рѣшительно всѣ вы-«шеупомянутые привлекательные предметы бесѣды, Новый Поэтъ «удостовняетъ сказать нѣсколько словъ и о русской журналистикѣ... «виноваты! *по поводу* русской журналистики. Но и въ этихъ слу-«чаяхъ его не оставляетъ поэтическая, прихотливая фантазія. Къ по-«эту является его муза съ камелию, и они, вдводемъ, начинаютъ ви-«дѣть такіе сны и кошмары о русской литературѣ, которые ставятъ «въ совершенный тупикъ читателя, не одареннаго такимъ блестящимъ «воображеніемъ. Впрочемъ, то же самое игривое воображеніе замѣтно «и въ сужденіяхъ его о произведеніяхъ русской словесности, произ-«восимыхъ не во снѣ, а на-яву. Приговоры его, конечно, коротки: «ему надо торопиться поговорить о хлыщахъ; но рѣзкость пригово-«ровъ не доказываетъ еще справедливости и логичности. Нечего и

«говорить, что въ нихъ нельзя найти ни системы, ни основанія, ни «выводовъ; но мы все-таки предпочитаемъ ихъ портретамъ, которые «Новый Поэтъ пишетъ по временамъ съ разныхъ редакторовъ «ран-«цузскихъ журналовъ. Что выигрываетъ литература отъ подобныхъ «портретовъ, и что они доказываютъ? Не значить ли это смотреть «на литературу только какъ на пустую игрушку, на занятіе отъ не-«чего дѣлать? А что подобные портреты очень легко написать, мы «доказали это, помѣстивъ въ N 3 нашего журнала (см. Петербург-«скій Вѣстникъ, стр. 18) портретъ редактора журнала: Le bon ton, «еще очень польщенный».

Въ разборѣ «Библіотеки для Чтенія» достается «Тремъ пись-«мамъ»—произведенію истинно поэтическому, не смотря на изли-«шество лиризма, и о которомъ мы скажемъ еще нѣсколько словъ, какъ объ одномъ изъ замѣчательныхъ въ прошломъ году,— да еще «Иногородному Подписчику» съ которымъ, впрочемъ, мы не советуемъ вступать въ борьбу неизвѣстному рецензенту Пантеона, ибо Иногородный Подписчикъ, не смотря на свои эксцентричности и англоманію, обнаруживалъ часто такой тактъ, такіа знанія и такое неподдѣльное остроуміе, что борьба съ нимъ явно будетъ невы-«годна для г. NN.

Въ Москвитинѣвъ безымянный рецензентъ не доволенъ мно-«гимъ, между прочимъ *слабымъ* (!) переводомъ Дантова Ада—и на-«ходить, тоже между прочимъ, мало *для себя* новаго въ статьѣ «Ча-«стная жизнь князей въ древней Руси».—Вторично поздравляемъ! Въ разборѣ Пантеона г. NN. равно восхищается и г. Полонскимъ, и г. Воскресенскимъ, и г-жею Хвоцинской, и г-жею Юрьевой! Въ по-«слѣдній разъ поздравляемъ его самого съ такими твердыми осно-«вами для оцѣнки произведеній искусства, и журналъ съ такимъ рецензентомъ!

Въ Библіографіи—цѣлыхъ поллиста печатныхъ заняты разбо-«ромъ пошлаго романа г. Эли-Берте «Потерянная долина»—и при-«писывается *теплое внутреннее чувство* Святкамъ г. Михайлова, которыя и привѣтствуются Библіографіей съ искренней радостью.

Въ статьѣ: «Русскій театръ въ Петербургѣ» насъ опять пора-«зило безвкусіе, которое приписываетъ успѣхъ комедіи Островскаго: «Бѣдная Невеста» богатству таланта г-жи Читау, — и находятъ не-«оспоримое дарованіе въ драмѣ: «Подвигъ Марина», изъ которой даже выписываетъ цѣликомъ актъ, называетъ *капитальною* пьесой—«сшивное безобразіе въ родѣ «Жениха изъ ножевой линіи», и вос-«торгается куплетами водевиля: «Ворона въ павихъ перьяхъ» (NB. Нововведеніе редакціи—вмѣсто заглавія Ворона въ павлиньихъ

перьяхъ, какое является на афишѣ). Кстати, она и напечатана въ этомъ же N журнала,—эта «Ворона!»

За сямъ слѣдуетъ статья «Рашель въ Петербургѣ», чрезвычайно замѣчательная посреди той великолѣпной и пустозвонной болтовни, которою наполнены статьи о знаменитой артисткѣ во всѣхъ прочихъ журналахъ, замѣчательная по умеренности тона и здравости взгляда, какъ на игру г-жи Рашель, такъ и на псевдоклассическія трагедіи, которыя она играетъ. Такъ какъ мы помѣщали до сихъ поръ только различныя и часто противоположныя отзывы о г-жѣ Рашель, давая въ нашемъ журналѣ мѣсто всѣмъ голосамъ и взглядамъ—и сами не произнося окончательнаго вывода,—то находимъ удобнѣйшимъ сдѣлать это теперь по поводу чужой статьи, съ которой мы совершенно согласны. Замѣчанія наши будутъ кратки, потому что и самое дѣло не заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, того шума, который изъ-за него поднялся.

Думали ли когда-нибудь Лессингъ, Шиллеръ и другіе германскіе дѣятели литературные, боровшіеся нѣкогда столь ревностно съ «обезьянью музою» (Affen Muse) псевдоклассиковъ, что придетъ время, когда сверженные ими кумиры станутъ снова ставить на глиняныя, правда, пьедесталы?... Лессингъ въ особенности, въ своемъ безсмертномъ твореніи, къ сожалѣнію, мало у насъ извѣстномъ, въ Hamburgische Dramaturgie, столь ясно, убѣдительно и горячо доказывавшій всю фальшь и нелѣпость этихъ Баязетовъ, Поліэвктовъ, Британиковъ, вѣроятно умеръ съ мыслию, что порѣшилъ навсегда это дѣло. Величайшій изъ артистовъ XIX вѣка Гальма, котораго и заслуга—то состояла въ упрощеніи всего фальшиваго, что онъ принужденъ былъ играть на родной сценѣ, всю жизнь страдалъ о томъ, что не природа и не Шекспиръ выпали ему на долю! И вотъ, когда вопросъ о псевдоклассицизмѣ порѣшенъ мыслителями и художниками, порѣшенъ окончательно, является талантъ, который только въ этой фальши обрѣтаетъ себя поприще и пѣщу? Что умо-заклнчить о такомъ талантѣ а priori? Сколько ложъ ни совершенствуй—выйдетъ все-таки усовершенствованная ложь. А posteriori—вынесешь изъ театра то же самое, даже послѣ «Горациевъ»—торжества этого ходульнаго искусства.... А наши журнальныя статьи не только потонули въ морѣ звонкихъ фразъ о самой Ращели, явленіи дѣйстви-тельно замѣчательномъ, но начали говорить о Корнелѣ и Расинѣ, чуть-чуть что не тѣмъ же тономъ, какимъ можно говорить только о Шекспирѣ, т.-е. о правдѣ драмы. Больше, право, нечего сказать объ этомъ предметѣ: о фальши драмъ, въ которыхъ Рашель играетъ, да потрудятся любопытные прочесть у Лессинга—или по крайней

марь пусть они прочтутъ статьи Пантеона, единственныя дѣльными въ этомъ отношеніи. Разбирая Баязета, послѣ высокопарной чепухи Андромахи, критикъ Пантеона говорить:

«Вся эта пьеса, съ первой сцены до послѣдней—сцѣвленіе не-возможностей, невѣроятностей, нелѣпостей. Главныя лица трагедіи «не только не Тѹрки и не Французы въ чалмахъ и шальварахъ, но «даже и не люди, потому-что поступаютъ и говорятъ цѣсообразно съ здравымъ смысломъ и законами человѣческой природы. Надо быть «Лагарпомъ, чтобы восхищаться въ этой пьесѣ вѣрностью мѣстаго «Колорита. Что трагедія нравилась жеманной и приторной Севиньи, «это не удивительно, точно также, какъ и то, что она нравилась «Вольтеру. Похвалы Фернейскаго критика точно также подозрительны, «какъ и порицанія. Ему не рѣдко случалось бранить не только хо-«рошія, но гениальныя произведенія (вспомнимъ, какъ онъ бранилъ «Шекспира), и хвалить плохія, чтобы еще выше поставить собствен-«ныя произведенія. Вольтеръ имѣлъ, впрочемъ, еще особенную при-«чину расхвалить *Баязета*, написавъ весьма похожую на него пьесу— «*Зулиму*, которая, не смотря на всѣ старанія автора, упала торже-«ственно. Во время Вольтера публика была строже и не могла уже пе-«реварить втораго приѣма того же Баязета, подслащеннаго Вольтеромъ».

Обозрѣвая самую пьесу, авторъ рецензіи остроумно и дѣльно разлагаетъ по составу всѣ ея нелѣпости:

«Трагедія начинается разговоромъ великаго визиря Акомата и «него *наперсника* Османа. Въ этомъ разговорѣ *дѣсти двѣнадцатъ* «стиховъ; изъ нихъ хороши тѣ, въ которыхъ Акоматъ описываетъ «отношенія визирей къ султанамъ и свои собственныя къ Амурату и Баязету.

Un visir aux sultans fait toujours quelque ombrage.
A peine ils l'ont choisi qu'il craignent leur ouvrage:
Sa dépouille est un bien qu'ils veulent recueillir
Et jamais leurs chagrins ne nous laissent vieillir.
Bajazet aujourd'hui m'honore et me caresse,
Ses périls tous les jours réveillent sa tendresse:
Ce même Bajazet, sur le trone affermi,
Méconnaîtra peut-être un inutile ami.
Et moi, si mon devoir, si ma foi ne l'arrête,
S'il ose quelque jour me demander ma tête....
Je ne m'explique point, Osman, mais je prétends
Que du moins il faudra la demander longtemps.

«Довольно верно также то, что Османъ говорить объ являющихся. Все остальное, то-есть вся экспозиція пьесы—верхъ невольности: вперёдъ Амуратомъ верховной власти Роксанъ, при его отъездѣ на войну съ Персами, любовь Роксаны къ брату султана—Баязету, ихъ свиданія, выборъ въ повѣренныя ея любви принцессы Аталиды, которая

Du prince en apparence reçoit les vœux,
Mais elle les reçoit pour les rendre à Roxane, —

«свободный доступъ въ сераль всемъ этимъ лицамъ—все это до того не нравдоподобно, что не стоитъ опроверженія. Является Роксана съ Аталидою и двумя рабынями-наперсницами: Заирою и Затимою. «Она готова провозгласить султаномъ Баязета и свергнуть Амурата съ престола, но требуетъ, чтобы этотъ *любезный принцъ* прежде женился на ней, и зоветъ его для объясненія по этому интересному дѣлу. Объяснивъ, чтобы онъ готовился къ этому свиданію, «Роксана уходитъ, и зритель узнаетъ изъ разговора Аталиды со своею наперсницею, что принцесса, передавая страстные посланія отъ султанши къ принцу, сама воспыкала къ нему страстью, и онъ также возгорься оною обоюдно, изъ чего выходятъ, что оба они немножко надуваютъ Роксану. У Рашели въ этомъ актѣ нѣтъ ни одного сколько-нибудь рельефнаго стиха.

«Знаменитое объясненіе происходитъ въ началѣ втораго акта. «Рашель читаетъ превосходно слѣдующіе стихи:

Bajazet, écoutez, je sens que je vous aime,
Vous vous perdez; gardez de me laisser sortir.
Le chemin est encore ouvert au repentir.
Ne désespérez point une amante en furie!
S'il m'échappait un mot c'en est fait de votre vie.

«На это нецеремонное признаніе Баязетъ отвѣчаетъ, что жениться ему неприлично, что это не водится, и вѣроятно, растерявшись, наконецъ говоритъ даже совершенный вздоръ, который выводитъ изъ терпѣнія Роксану: она уходитъ, сказавъ вошедшему Акомату, что признаетъ опять власть Амурата. Акоматъ справедливо замѣчаетъ, что Баязетъ поступаетъ нелогично и что нѣтъ никакой причины отказатьсь отъ любви султанши. Баязетъ упрямъ, и твердитъ, что это будетъ подлость (*une lâcheté*), что онъ не хочетъ быть:

Chargé malgré moi du nom de son époux.

«Вообще онъ говорить очень высокимъ слогомъ и, какъ образованный принцъ, видвшій, вѣроятно, когда-нибудь на турецкомъ театрѣ трагедію турецкаго писателя Корнеля — *Горация* (*Les Horaces*), цитируетъ изъ нея цѣлый стихъ:

Peut-être je saurais dans ce désordre extreme,
Par un beau désespoir me secourir moi-même.

«У Корнеля старый Гораций говорить, конечно:

Ou qu'un beau désespoir alors le secourût, —

«но небольшое изменение не мѣняетъ смысла стиха. Визирь не убѣждается однако же стихами Корнеля и совѣтуетъ Баязету поступить гораздо проще: общаться Роксанѣ все, чего она хочетъ, а потомъ обмануть ее. Онъ высказываетъ эту несовсѣмъ хорошую мысль «хорошими стихами:

.... Ne rougissez point: le sang des Ottomans
 Ne doit point en esclave obéir aux serments.
 Consultez ces héros, que le droit de la guerre
 Mena victorieux jusqu'au bout de la terre.
 Libres dans leur victoire et maîtres de leur foi,
 L'intérêt de l'Etat fut leur unique loi;
 Et d'un trône si saint la moitié n'est fondée,
 Que sur la foi promise et rarement gardée.

«Эти доводы турецкой политики не трогаютъ добродѣтельнаго принца, «который все-таки обманывалъ Роксану, скрывая отъ нея, что лю-«бить Аталиду, и, оставшись съ нею наединѣ, онъ продолжаетъ «говорить тотъ же сентиментальный вздоръ, который, по счастью, «публика не слушаетъ, смотря по ложамъ, или любуясь на прекрас-«ный халатъ господина Рафаэля-Феликса».

Статья подписана буквами В. З. и дѣлаетъ много чести автору. И его и насъ, вѣроятно, упрекнутъ или въ войнѣ съ тѣнями:—ни-кто, скажутъ, не думалъ воскрешать псевдоклассицизма, и восхищаются всѣ только Рашелью,—или упрекнутъ недостаткомъ историческаго такта: мало ли, дескать, съ чѣмъ боролись Лессинги и Шиллеры; въ наше время должно воздать должное и французскому классицизму,—Корнель и Расинъ не виноваты въ веригахъ, наложенныхъ на нихъ академіею и капитаномъ Скудери?... Да вѣдь и мы тоже не виноваты въ томъ, что курьёза ради должны высидывать нѣсколько часовъ, насильственно обязывая себя быть внимательными къ тому, отъ чего вслѣдствіе назывались наши отцы и дѣды, чему нашъ Карамзинъ предпочиталъ не только уже стараго Шекспира, но даже сентиментальныя драмы Коцебу, — отъ чего совсѣмъ избавили насъ Жуковский и Пушкинъ, чего въ особенности не перевариваетъ наша русская простота взгляда на вещи, которая однако весьма удобно воспринимаетъ впечатлѣнія отъ Шекспира? Чѣмъ, скажутъ, Рашель виновата, что на родной своей сценѣ не нашла она ничего инаго кромѣ мелодрамъ или мерзостей романтической школы? Начать съ того, что въ мелодрамахъ и романтическихъ штукахъ все-таки больше жизни, и нашелъ же въ нихъ себѣ пищу живой талантъ Фредерика Леметра — а потомъ, это и не оправданіе: нѣтъ своего достойнаго силъ—играй достойное силъ переводное. Дѣло портшается по здравому смыслу вотъ какъ: это—не просто талантъ, а талантъ съ прихотью, которому любо только въ цѣпяхъ, который дѣйствовать просто и не можетъ.

Въ третьемъ отдѣлѣ Петербургскаго Вѣстника разсматривается общественная жизнь и разсматривается весьма поверхностно. Пред-«последнее мѣсто занимаетъ «Московский Вѣстникъ. Прѣжній корреспон-«дентъ Пантеона замѣнился новымъ; вѣроятно даже и Пантеонъ, не смотря

на всю свою перазборчивость, почувствовал наконецъ, что подобный корреспондентъ, каковъ былъ прежній—хуже всякаго балагура (отдѣла, къ счастью, уничтожившагося въ Пантеонѣ). Посмотримъ, каковъ-то будетъ новый. Начинаетъ онъ съ обыкновенныхъ и мало-основательныхъ жалобъ на однообразіе московской жизни: должно быть, не коренной Москвичъ, т.-е. не Москвичъ, пустившій корни въ ту или другую сферу общества, а завзвѣй, которому московская жизнь доступна только въ клубахъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ. Говоритъ новый корреспондентъ больше о театрѣ, да и о театрѣ—плохо, почти что по фельетону Вѣдомостей Московской Городской Полиціи, и сопоставляя, напримѣръ, комедію Островскаго съ «Разставаньемъ», пьесой, данной нѣсколько разъ, благодаря декорациямъ и постановкѣ, — подобно вышеупомянутому фельетону, имѣющему свой интересъ въ такомъ сопоставленіи. Странно только, что Пантеонъ такъ мало взвѣшиваетъ сужденія своихъ корреспондентовъ: мало ли что корреспонденты могутъ писать? Иной напишетъ, пожалуй, что такая-то пьеса не имѣла успѣха, зналъ напередъ, что его обличитъ во лжи громадный успѣхъ—шу, да хоть на минуту онъ успѣлъ обмануть на счетъ досаднаго ему успѣха; бываютъ и такіе примѣры, мы говоримъ не шутя! Мало ли что могутъ писать корреспонденты! Вотъ, напримѣръ, новый корреспондентъ, распротрапился на счетъ разныхъ Сюлявановъ и другихъ штукъ, намѣренно какъ будто не говоритъ объ исполненіи на нашей сценѣ «Бвдной пьесы» — ни слова о г. Садовскомъ, ни слова о г-жѣ Васильевой и о другихъ въ этой комедіи, а находитъ мѣсто бесѣдовать о комедіи г. Захарова, торжественно упавшей съ перваго раза, и открываетъ въ ней даже какое-то живое лицо. — Вообще мѣсто о комедіи г. Захарова такъ оригинально, что мы его выпишемъ:

«Наконецъ въ бенефисъ г-жи Львовой-Синецкой шла новая комедія г. Захарова: *Не зналъ, что богаты, не ждалъ, а женился*, «тоже заимствованная изъ купеческаго быта. *Это теперь у насъ въ ходу. Вотъ уже вторая зима, какъ мы имѣли дѣло съ купеческимъ бытомъ и видимъ на сценѣ кофты, лабазниковъ да прищипщиковъ, свахъ, да подгулявшихъ торговцовъ. Когда окончатся эти представленія—не знаемъ; знаемъ только, что эти типы сильно поизбылись и сильно поприскучили нашей публикѣ. Какъ бытъ! Въ нашей литературѣ и въ нашемъ театрѣ изображеніе всегда играло большую роль. Тапанскія лица смѣнялись одно другимъ, но каждое изъ нихъ сходило съ подиума не прежде, какъ сдѣлавшись совершенно невозможнымъ. Загляните въ литературу прошлаго года, пролистуйте десятокъ повѣстей, романовъ и разсказовъ, и вы увидите, что главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ пріезжій изъ-за границы. Не пошло, кому-то пришлось вести въ свой романъ возвратившагося на родину путешественника—и всѣ ухватились за этотъ типъ, какъ за повозку, и бвдный странствователь «по чужимъ землямъ принужденъ былъ странствовать по петербургскимъ гостинымъ, по деревенскимъ садамъ и проч., и проч. Нако-*

«нець и этотъ типъ избился и устарѣлъ. На сценѣ было то же самое, что и въ романахъ. Пять-шесть лѣтъ тому назадъ, главнымъ «дѣйствующимъ лицомъ большей части пьесъ былъ *чиновникъ*, теперь же купецъ. Роль *jeune premier* играли офицеры и молодые «чиновники, теперь прикащики и сидѣльцы. Въ комедии г. Захарова «одно живое лицо—это купецъ-кулакъ. Оно задумано и исполнено «хорошо; все прочее блѣдно. Впрочемъ, вотъ содержаніе пьесы: «пусть читатель судить самъ. У одного купца, имени и отчества «котораго я не припомню, есть дочка, очень умная и очень образованная; она влюблена въ прикащика, скромнаго молодого чело­вѣка. «Прикащикъ не смѣетъ и думать о любви: онъ бѣденъ и его хозяй­нинъ думаетъ отдать свою дочь за богатаго купца, получившаго об­разованіе. Образованный купецъ, послѣ пристрастнаго разговора съ «молодой дѣвушкой, видитъ, что она его не любитъ, помогаетъ бѣд­ному прикащику, отецъ котораго былъ обманутъ его отцомъ—за­вязка не мудрая, но въ пьесѣ есть нѣкоторыя сцены, отличающія «въ авторѣ наблюдательность. Комедія *мѣсколко* растянута; свахи «похожи на всѣхъ свахъ; молодые люди безличны и скучны до «неизья. Есть одно вводное лицо, которое не лишено жизни, это— «пріятель богатаго купца, да и то появляется на минуту, чтобъ «рельефнѣе выставить достоинства молодого образованнаго купца, «лицо, которому авторъ хотѣлъ придать особенное значеніе, и ко­торое, какъ на зло, не удалось.»

Переходя къ литературѣ, корреспондентъ *хваляетъ* новую ко­медию Островскаго, которую удалось ему слышать: имѣть ли цѣну его похвала послѣ вышеприведеннаго разбора комедіи г. Захарова, предоставляемъ судить публикѣ... Въ *Крестьянскъ* г. Потѣхина ре­цензентъ любитъ лицами, созданными *прихотливою* фантазіею ав­тора... У г. Потѣхина — *прихотливая* фантазія! когда все значе­ніе его таланта—въ истиннѣ, простотѣ, силѣ!

Вѣстями изъ внутренней Россіи, довольно хорошо составлен­ными, заключается 1-я книжка Пантеона. Мы разобрали ее добро­совѣстно, подробно—и расквитались съ журналомъ за наше долгое молчаніе; его воля—принять къ свѣдѣнію наши замѣчанія или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ, мы высказали начала, на основаніи которыхъ будемъ постоянно его разсматривать.

Въ «Репертуарѣ» напечатанъ пошлый фарсъ—«Ворона въ павъ­ихъ перьяхъ»—особенно пошлый и для насъ лично невыносимый своими претензіями на народность, на которую не смѣяъ посягать разнѣымъ водевилнымъ кропателямъ. Въ приложеніяхъ мы нашли прекрасный портретъ покойнаго Оедотова и двѣ музыкальных пьески: довольно миленькій, хотъ и довольно пустенькій экспромтъ Шульгова, — да весьма плохой романсъ г. Паскуа на слова: «*То не ятьтеръ вытку клоमितъ*», на которыя давно уже написана прекрас­ная, задушевная, вѣсмъ родная и знакомая музыка нашимъ незабвен­нымъ русскимъ Шубертомъ, покойнымъ Варламовымъ. . г.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Политическое наводненіе въ журналахъ.—Смерть благонамѣреннаго журналиста.—Памятникъ королю Нидерландскому Вильгельму II.—Медаль.—Плафонъ Ингра (антоновъ Наполеона).—Изображеніе Пиренейскихъ горъ.—Плоды осторожности.—Театры, шэсы и актеры.—*Амбито Комикъ*: Венеціанскій жидъ г. Дюге и г-жа Персонъ.—*Театръ Водвилей*: Луиза де-Наптель Леона Гозлана и г-жа Дошь.—*Театръ Variétés*:—Уличныя птицы Делакура и Ламберта Тибу.—*Театръ Пилероля*:—Электрическій телеграфъ г-дъ Делакура и Сироденя.—*Большая Опера*: Софья Крувели и Фани Черито.—*Драматическій театръ*: Параша Сибярячка.—Армида Глюка на Берлинскомъ театрѣ.—Новая опера Листа.—Джеки Линдъ Голдсмитъ въ Берлинѣ.—Гекторъ Берліозъ и Листъ.—Поступокъ чернаго актера.—Книги: Музей естественной исторіи Капа, и Три царства природы, великолѣпныя изданія Кюрмера.—Путешествіе въ Африку г. Гекара.—Путешествіе въ австралийную Африку Делегорга.—Константинополь г. Теофила Готье. Воспоминанія о путешествіяхъ и измсканіяхъ, г. Марка Жирардела.—Письма объ Адриатикѣ и Черногорцахъ, Мармье.—Восныя силы Австріи, Карьерра.—Сказки Шанфлери; романъ Сувестра.—Педагогическая книга Терн.—Книга о ливреяхъ.—Короткія штаны и длинныя шлейфы.—Любовь и богатство.—Ужасный покровитель.—Женщина-матрость.—Гибель парохода Сень-Франциско.

Политическія извѣстія, политическія разсужденія, политическая полемика наполняютъ все иностранныя журналы; на широкихъ листахъ Debats, Presse, Assemblée Nationale, Constitutionel, Indépendance Belge, нтъ ничему мѣста, кромѣ политики, и, разумѣется, болѣе всего толкамъ о восточномъ вопросѣ, толкамъ по большей части нелѣпнымъ, ничего не объясняющимъ, порожденнымъ пристрастіемъ и духомъ партій. Всѣ благонамѣренныя читатели французскихъ журналовъ сожалѣютъ, что въ эту бурную эпоху политической журналистики, умеръ главный редакторъ Journal des Debats, Арманъ Бертень, 12-го января текущаго года. Это былъ человекъ, принадлежащій къ умѣренной партіи, добросовѣстный, трудолюбивый ученый и проникательный политикъ. «Порядокъ, прежде всего порядокъ», было лозунгомъ Бертеня, и онъ не устранился говорить о порядкѣ 1848 году, въ то время, когда во Франціи было царство без-

порядка; во время послѣдней революціи толпы оборванныхъ пролетаріевъ и витязей анархіи, считая себя просвѣщеннымъ народомъ, не постыдились напасть на типографію журнала *des Debats*, изломали станки, раскидали шрифты, увлекли съ собою работниковъ и удалились съ неистовыми воплями, угрожая личности журналиста, если онъ не перемѣнитъ тона своего изданія. Что же дѣлалъ въ это время покойной Бертень?—Онъ, слыша эти крики, достойные каннибаловъ, сѣдѣлъ въ своемъ кабинетѣ и писалъ статью противъ безпорядка и народнаго своеволя, въ которой изобличалъ все преступленіе народныхъ волнователей, и въ тотъ же вечеръ, въ чужой типографіи, вмѣсто обычнаго листа, на полулистъ своего журнала, съ описаніемъ утренняго происшествія, тиснулъ эту статью. Припоминая этотъ случай изъ жизни Армана Бертеня, по неволѣ уверишься, что можно и въ своемъ кабинетѣ быть храбрымъ не менѣе безстрашнаго воина, равнодушно, средь жаркой битвы, мдущаго на смерть за свое отечество. Портретъ г. Армана Бертеня приложенъ къ французской Иллюстраціи.

Въ томъ же номерѣ этого живописнаго изданія находится изображеніе монумента, воздвигнутаго народомъ нидерландскому королю Вильгельму II; этотъ прекрасной памятникъ поставленъ въ резиденціи покойнаго государя, въ Гагъ. Для сооруженія его было предложено состязаніе всѣмъ европейскимъ художникамъ, и комитетъ, назначенный для разсмотрѣнія проэктовъ, которыхъ было представлено семь, одобрилъ два; когда распечатали пакеты, въ которыхъ за девизами хранились имена художниковъ, открылось, что оба проэкта принадлежать утрехтскому ваятелю Эдуарду Франциску Жоржу. Изображеніе покойнаго короля, отлитое во весь ростъ французскимъ литейщикомъ Симоне, отлившимъ статую Годфрида Бульонскаго, имѣетъ удивительное сходство съ скончавшимся государемъ: кажется, видишь передъ собою живаго Вильгельма II; онъ простеръ одну руку къ дворцу, другая покоится на саблѣ, подаренной ему покойной родительницей, на саблѣ, которая не разлучалась съ нимъ во все время его боевой жизни. Статуя стоитъ на пьедесталѣ, сдѣланномъ изъ желтаго бременскаго камня; по угламъ этого пьедестала находятся четыре литыя же бронзовыя женскія фигуры; одна, держащая корону и скипетръ, изображаетъ королевское величіе, другая, съ таблицей законовъ, представляетъ законодательство, третья, опирающаяся на рогъ изобилія, есть символъ царской щедрости, и наконецъ четвертая, держащая въ одной рукѣ небольшую Минерву, которую вѣнчаетъ лавровымъ вѣнкомъ, есть эмблема генія искусствъ, генія, которымъ былъ проникнуть покойный король во все продол-

женіе земнаго своего поприща; сверхъ сего всѣ четыре стороны пьедестала имѣють слѣдующія украшенія: на одной подъ лавровымъ вѣнкомъ изображенъ гербъ Нидерландскаго королевства, на другой подъ вѣнкомъ изъ дубовыхъ листьевъ представленъ левъ, отдыхающій на мечъ, близъ остатковъ колоны, на которой написаны всѣ сраженія, выигранныя покойнымъ Вильгельмомъ II; на третьей сторонѣ, ниже вѣнка изъ пальмовыхъ вѣтвей, изъсѣчена надпись на голландскомъ языкѣ, и на четвертой подъ вѣнкомъ изъ кипарисовъ находится та же надпись на латинскомъ языкѣ: *Regi Gulielmo Secundo populus etc.* Монументъ окруженъ прекрасной чугунной рѣшеткой.

По этому случаю амстердамскій медальеръ Жагъ-Филиппъ Мангеръ выбилъ прекрасную медаль, которая по красотѣ своего рисунка и отчетливости исполненія займетъ не последнее мѣсто въ кабинетахъ любителей нумизматики.

Намъ всегда пріятно говорить о подобныхъ явленіяхъ современнаго искусства, отраднo увѣряться, что въ нашъ торговый, эгоистическій вѣкъ, вѣкъ желѣзныхъ дорогъ и громадной индустрии, не умерла еще идея изящнаго, что есть произведенія высокохудожественныя, могущія стать въ уровень съ произведеніями прошедшихъ вѣковъ. Въ настоящее время Парижъ, предпринимая огромныя перестройки своего Лувра, не забываетъ и другихъ своихъ общественныхъ зданій; вотъ и теперь знаменитый живописецъ Ингръ только лишь окончилъ плафонъ парижскаго градскаго дома (*L'hotel de ville de Paris*). На этомъ потолкѣ, расписанномъ искусною рукою профессора живописи, изображена апотеоза Наполеона I. Картина имѣетъ круглую форму, фигуры представлены въ натуральной величинѣ. Среди лазурнаго неба вы видите Наполеона, на него накинута только одна хламида, въ правой рукѣ онъ держитъ скипетръ; ему сопутствуетъ слава. Эта группа поставлена на золотой колесницѣ, запряженной рьяными конями, которыми правитъ Победа, а надъ нею паритъ французскій орелъ, освѣняющій ее своими крыльями. Ниже этого воздушнаго изображенія видна часть земли, на которой стоитъ осиротѣлый тронъ Наполеона, покрытый чернымъ крепомъ; по правую сторону этого сѣдалища поставлена въ траурныхъ одеждахъ фигура Франціи, грустно взирающая на удаленіе въ воздушное пространство своего властелина, и не примѣчающая приближенія грозной Немезиды: на дальнемъ горизонтѣ виднѣется море, на которомъ едва-едва, какъ будто бы сквозь туманъ, можно усмотрѣть скалу Святой Елены. Вся эта картина проникнута античнымъ духомъ; полунагая фигура императора, изображеніе трехъ богинь и фигуры Франціи, облеченныхъ въ древне-греческія одежды, эти лошади,

несущіяся по воздушному пространству—все вамъ напоминаетъ мнѣ старинной Эллады, и срисовавши въ миніатюрь эту круглую картину, вы легко можете подумать, что передъ вашими глазами находится изображеніе какой-нибудь знаменитой сиракузской камен или медали, вычеканенной въ счастливую эпоху Птолемеевъ.

Отъ апотеоза Наполеона перейдемъ къ вѣрнѣйшимъ портретамъ Пиренейскихъ горъ. Въ магазинъ Гутши и Дациара, на Итальянскомъ бульварѣ, въ Парижѣ, выставлены фотографическія изображенія Пиренеевъ; согласитесь, что никакой ландшафтъ не представитъ мѣстности такъ вѣрно, какъ фотографія, и тѣ, которые посѣщали живописный хребетъ горъ, отдѣляющихъ Францію отъ Испаніи, находятъ въ этихъ рисункахъ поразительное сходство съ природой.

Однако, не смотря на эти похвалы, мы очень сильно сомневаемся, чтобы фотографія могла передать характеръ мѣстности, соблюла воздушную перспективу, изобразила бы эту даль, которая составляетъ чуть ли не главное въ ландшафтѣ. Изобрѣтеніе Дагера, рисующее ли на металлической пластинкѣ (дагерротипъ), или на особенно приготовленной бумагѣ (фотографіи), способно только,—это мы знаемъ по опыту,—вѣрно изображать фигуры, находящіяся на одномъ первомъ планѣ; это удобно для портретовъ, и солнце при этомъ изобрѣтеніи можетъ замѣнить портретистовъ, которые нынѣ стали очень осторожны при рисованіи дамскихъ изображеній, чему можетъ служить доказательствомъ слѣдующее происшествіе.

Амедей Ж^{***}, молодой художникъ, имѣющій прекрасную наружность и привлекательныя манеры, сидѣлъ въ своей мастерской, доканчивая обстановку на портретъ генерала Д^{***}. Вдругъ отворяется дверь, и къ нему входитъ молодая дама, жена стараго, ревниваго мужа, которую онъ нѣсколько разъ встрѣчалъ въ обществѣ.

—Здравствуйте, господинъ художникъ, сказала она, протягивая къ нему руку и мило улыбаясь; я пришла въ вашу мастерскую, имѣя до васъ крайнюю надобность.

—Благодарю васъ за посвященіе, и почту себя счастливымъ, ежели могу чѣмъ-нибудь служить вамъ, отвѣчалъ художникъ.

—Вотъ видите ли, въ чѣмъ дѣло: мнѣ надобно срисовать съ себя портретъ, и я бы желала это препоручить вамъ.

—Очень радъ. Вѣроятно, этотъ портретъ предназначенъ для вашего супруга.

—Да, вы отгадали, отвѣчала она, немного смѣшавшись.

—Когда же прикажете явиться къ вамъ, чтобы принятъся за работу?

— Я вамъ не могу дать сеансовъ у себя въ домѣ: мнѣ надобно снять портретъ, чтобъ никто не зналъ.

— Въ такомъ случаѣ назначьте время, когда вамъ угодно будетъ пожаловать ко мнѣ, и привѣжайте вмѣстѣ съ вашими супругомъ.

Эти слова привели въ крайнее смущеніе молодую посетительницу.

— Съ мужемъ? пролепетала она, съ мужемъ?... Нѣтъ, это не возможно. Я хочу сдѣлать этотъ подарокъ нечаянно для моего мужа, а вы требуете, чтобъ я привезла его съ собой, продолжала она, понемногу оправляясь.

— Позвольте васъ спросить, сударыня, были ли вы на прошлой недѣль въ четвергъ въ театрѣ Variétés?

— Нѣтъ. Но къ чему этотъ вопросъ?

— Вы не были—но я тамъ былъ, и видѣлъ пьесу слѣдующаго содержанія: такой же молодой, бѣдный артистъ, какъ я, влюбленный въ прекрасную графиню, точь въ-точь въ такую же какъ вы, но не смѣя высказать своей любви идолу своего сердца, почитаетъ себя благополучившимъ человѣкомъ, тайно принимая въ своей мастерской графиню и срисовывая съ нея портретъ, предназначенный ею для своего любовника, счастливаго соперника бѣднаго живописца. Очарованный портретистъ, упиваясь созерцаніемъ любимаго имъ предмета, устремляя длинные, жгучіе взоры на молодую графиню, забываетъ все: онъ не понимаетъ, что онъ работаетъ прелестнѣйшій подарокъ для чловѣка, котораго долженъ ненавидѣть всѣми силами своей души, забываетъ, что у графини есть мужъ, и мужъ ревнивый, подозрительный, который между прочимъ уврѣнетъ, что жена не вѣрна ему, но онъ не знаетъ, кто счастливецъ, избранный ея сердцемъ, и въ слѣпой своей ярости способенъ подозрѣвать всѣхъ въ связяхъ съ его супругой. Этотъ мужъ узнаетъ, что графиня отправилась въ мастерскую художника; какъ тать, онъ прокрадывается за нею, хотя молодые люди не промолвили ни одного подозрительнаго слова, хотя графиня послѣ обычныхъ привѣтствій, послѣ самаго короткаго разговора сѣла на свое мѣсто; но ревнивый супругъ видѣвъ эти страстные взоры художника, устремленные на его жену; ему казалось, что онъ въ нихъ читаетъ упоеніе счастливой любви, торжество соперника, свой позоръ, и ревнивецъ, какъ бѣшеный тигръ, кидается изъ своей засады и умерщвляетъ бѣднаго портретиста... волосы у меня встали дыбомъ, и я, выходя изъ театра, подумалъ, что ни съ одной прекрасной женщины не буду одинъ на одинъ снимать портрета.

— Но какъ же мнѣ быть, милостивый государь? отвѣчала она, кидая на него жгуче взоры и кокетливо улыбаясь.

— Пригласите съ собой какую-нибудь тетюшку, какую-нибудь дальнюю родственницу, какую-нибудь знакомую, и я буду работать при третьемъ лицѣ.

— Очень хорошо, я на это согласна, отвѣчала она, выходя отъ него и тихо пожимая ему руку.

На другой день она явилась съ какою-то пожилою женщиною. Онъ принялся за портретъ, рисовалъ его долго, долго, только въ двадцать сеансовъ онъ едва-едва его окончилъ. Портретъ былъ найдень невѣрнымъ: она утверждала, что художникъ безбожно льстилъ ей, и это изображеніе подарила безстыдному льстецу, — такъ она называла Адольфа.

Потомъ она пересказала своему мужу это происшествіе. Супругъ заплатилъ молодому художнику большія деньги за портретъ своей жены, и находя его поступокъ очень скромнымъ и осторожнымъ, пригласилъ его къ себѣ въ домъ, и, безъ малѣйшаго подозрѣнія, безъ себя допустилъ Адольфа срисовывать съ прекрасной Клары, — такъ звали графиню, — портретъ, предназначенный для ея пріятельницы.

Прошлаго году въ Баденъ видѣли Клару, ея мужа и Адольфа; всѣ считали ее женой Адольфа, а мужа — ея отцемъ. Молодой художникъ благодарить судьбу, благоприятствующую вѣжамъ сердцамъ, и авторовъ кровавой пьесы театра Variétés, помогшихъ ему въ его сердечныхъ обстоятельствахъ.

Посмотримъ теперь, что дѣлается на этомъ театрѣ Разнообразія и на прочихъ театрахъ въ настоящее время. На сценѣ Ambigue Comique Фердинандъ Дюгъ поставилъ передѣланнаго имъ «Венеціанскаго купца» Шекспира, сдѣлавъ изъ него драму въ пяти дѣйствіяхъ и семи картинахъ, назвавъ эту передѣлку «Венеціанскимъ жидомъ». Великій трагикъ Англіи хотѣлъ представить типъ Еврея, презираемаго всеми и ненавидимаго всѣхъ; Шекспиръ повѣлъ, что дѣти Израиля, съ самаго существованія народа Еврейскаго, на основаніи своего закона, не позволявшаго имъ смѣшиваться съ прочими племенами, отблвнившись отъ цѣлаго міра, были чужды этому міру, съ презрѣніемъ вырвали на народы языческіе, и повѣстное дѣло, что въ слѣдствіе этого не могли симпатизировать съ ними. Идя одиноко по пути своего историческаго существованія, они не любили никого и не были никѣмъ любимы; въ сердцахъ Евреевъ издревле залегла глубокая ненависть къ чужеродцамъ. Когда презираемые ими язычники, будучи сильнѣе ихъ, вносили къ отчуждившемуся народу войну и разореніе, масса этой взаимной антипатіи цѣлаго міра къ

Еврейскъ и Еврейскъ къ цѣлому міру возрастала все болѣе и болѣе, а наконецъ, когда среди этого народа воплотился Спаситель, когда сыны Иарамля, ослѣпленные гордостью, не признавъ Мессію, распяли на крестѣ Богочеловѣка, они неистово возненавидѣли соплеменныхъ имъ христіанъ, и еще болѣе чужеродныхъ послѣдователей святаго ученія Новаго Завѣта. Торжество христіанства было глубокой укорь раснавившимъ Христа. Но до окончательнаго еще признанія, до великаго торжества христіанской религіи, при Константинѣ Великомъ, Евреи, увлекаемые своимъ фанатизмомъ, накликали на свою голову неотразимую грозу изъ Рима, и еще при Троянѣ изгнанные изъ своей отчизны, были разсыяны по лицу всей земли. Нигдѣ не имѣя отечества, будучи вездѣ пришлецами, они не были нигдѣ любимы, вездѣ презираемы, очень часто гонимы. Постигнувъ, что въ такомъ положеніи они могутъ улучшить свое существованіе только изобиліемъ, они всеми средствами стали собирать золото; правда, они этимъ поставили народы въ нѣкоторой зависимости отъ себя, потому что, хранители богатствъ, они были нужны всѣмъ, но вмѣстѣ съ этимъ еще болѣе усидили къ себѣ нелюбовь человечества, гоненіе сильныхъ и свою ненависть къ презравшему ихъ и нуждавшемуся въ нихъ цѣлому міру. Въ послѣднее время просвѣщеніе уравнило Евреевъ съ прочими народами и по немногомъ сглаживаетъ слѣды прежней взаимной ненависти. Все это положеніе средневѣковыхъ Евреевъ Шекспиръ хорошо понялъ; создавая лицо Шиллока, онъ постигалъ, что озлобленный Еврей съ радостью ступитъ отъ золота, отъ счастья своего и своихъ ближнихъ, за два фунта мяса, вырзанные у живаго христіаннина, и вы, содрогаясь, ненавидя кровожаднаго жида, не удивлялись его жестокости. Но господинъ Фердинандъ Дюге не понялъ этого, ему показалась дикою безотчетная ненависть Шейлока, и онъ вздумалъ поправлять Шекспира; увы! уже не первый разъ французскіе литераторы осмѣливаются накидывать руку на великаго Вилліама, не первой разъ дерзкая посредственность своими передѣлками уродуетъ превосходныя творенія гениальныхъ поэтовъ; вспомните попытки Дюссна, его накрахмаленнаго Отелло, его нарумяненнаго Гамлета; кстати уже припомнимъ Марію Стюартъ Шиллера и сравните съ Маріей Стюартъ Лебрена, недавно разыгранной на московской сценѣ знаменитою Рашелью; не знаю, какъ васъ, любезный читатель, но меня подобныя коверканья превосходныхъ произведеній приводятъ въ какое-то озлобленіе, въ устахъ шевелится невольное проклятiе этимъ литературнымъ пигмеямъ, и хочется наградить ихъ также, какъ наградилъ Алкивіадъ школьнаго учителя, найдя у него Гомера съ соб-

ственными поправками велемудраго педагога. Но обращаюсь къ Венеціанскому жиду. Г. Дюге, не появивши родовой, увѣковѣченной ненависти Еврея къ иноплеменникамъ, для бѣльшого эффекта заставляет Шиллока потерять богатство, дочь, все свое благополучіе отъ руки разбойниковъ, будто бы исповѣдующихъ святую религію Христа, и на основаніи этого онъ мститъ всѣмъ христіанамъ! — Странная нелпность, обозначающая рѣшительное незнаніе исторіи и психической стороны челоуѣка въ ничтожномъ передѣльвателѣ великаго Шекспира.

Въ этомъ же родѣ и прочія поправки. Піеса вышла очень эффектна, но отъвѣнно глупа. Однако, благодаря прекрасной игрѣ г-жи Персонъ, она имѣла успѣхъ и вѣроятно довольно долго удержится на сценѣ, и чего добраго, пожалуй переведенная какимъ-нибудь досужимъ поставщикомъ бенефисныхъ піесъ, явится и на нашихъ театрахъ.

Разстанемся на всегда, если возможно, съ Венеціанскимъ жидомъ г. Дюге, и обратимся къ Луизѣ де Нантѣль, пятиактной драмѣ Леона Гозлана, поставленной на сценѣ театра водевилей. Новая драма г. Гозлана очень хороша; это драма въ современномъ парижскомъ вкусѣ: преисполнена движенія, остроумія, парадоксовъ, противоположностей и всѣхъ невозможностей; — прелестная драма, извлекающая слезы у чувствительныхъ зрительницъ и рукоплесканія у любопытныхъ зрителей. Въ этой драмѣ, какъ и во всѣхъ самыхъ новѣйшихъ драмахъ, выведена на сцену современная гетера, эта жрица недозволенныхъ удовольствій, эта героиня легкаго поведенія, которыя давно утратили чувство чести и женственной стыдливости, но въ которыхъ современные драматурги непременно хотять найти и всѣ благородныя побужденія сердца, и всѣ добродѣтельные дѣйствія непорочной души. Вотъ и теперь, героиня г. Леона де Гозлана, Луиза де Нантѣль, принадлежала и принадлежитъ графу де Сомервилъ. Графъ ни за что не разстанется съ своей возлюбленной, но онъ ищетъ для ней порядочную партію, онъ ищетъ челоуѣка, который свабдилъ бы ее своимъ именемъ, челоуѣка, за которымъ она могла бы какъ за ширмами скрыть свой позоръ, и вотъ такой челоуѣкъ найденъ — это Гастонъ, игрокъ, забіяка, развратникъ и отчасти герой большихъ дорогъ, т.-е. по-просту разбойникъ. И вотъ Гастонъ женится на обворожительной, нѣжной Луизѣ, — онъ, продавшій свое имя, давно отступившійся отъ всѣхъ благородныхъ чувствъ, — онъ влюбляется въ свою жену не хуже какого-нибудь прославленнаго паладина, у котораго съ юности служить девизомъ: «женщина и честь». Чистая любовь Гастона къ его непорочной женѣ,

приносить свои спасительные плоды: онъ дѣлается образцомъ добродѣтели. Не правда ли, что это очень вѣроподобно и столько же поучительно, сколько тутъ есть здраваго смысла. Публика осталась довольна пьесой и въ особенности талантливой артисткой г-жей Дошъ, выказавшей въ роли Луизы де Нантѣль всѣ свои способности и всю женственную прелесть, которою она съ избыткомъ снабжена отъ природы.

Но пойдѣте въ театрѣ «Разнообразіа». Занавѣсъ еще не поднялся, оркестръ играетъ что-то дикое, нѣчто въ родѣ увертюры и польки, соединенныхъ вмѣстѣ; вы слышите за опущеннымъ полотномъ какіе-то крики, но занавѣсъ взрывается, и передъ вами улицы Парижа съ ихъ вѣчно кочующими, перелетными птицами, продавцами и покупателями всякой всячины; посмотрите—вотъ тащится согбенная старуха; нужда заставляетъ ее пѣть дребезжающимъ голосомъ: «скоропалитныя спички, селитряной трутъ»; голосъ ея заглушается дикантомъ оборваннаго мальчишки, которой, прозябнувши, сквозь слезы кричитъ: «фіялки, фіялки, подснежныя фіялки»; но онъ скрывается, и какой-то небритый бѣднякъ въ лохмотьяхъ, прокрадываясь близъ стѣны, поетъ гнусливымъ голосомъ, какъ будто бы украдкой: «старыхъ голенищей, стараго платья продать». Не успѣвъ онъ пройти еще и половины сцены, какъ малютка савояръ, согрѣваясь отъ холоду прыжками, сдѣлающими честь любой бѣлкѣ, вертя свою виолину, поетъ, побуждаемый голодомъ, пѣсню своей родины, и подлѣ него останавливается отравитель мышей, продавецъ кошечей говядины, торговка гнилыми яблоками, баба съ муравьиными ящичками, дѣвчонка съ афишами и разнощикъ пироговъ, испеченныхъ на свѣчномъ салѣ; когда савояръ окончитъ свою пѣсню, они всѣ закричатъ на разные голоса, предлагая свои услуги и копеечные товары, но въ ихъ крикѣ вы услышите вопль нужды, можетъ быть даже стоны отчаянія; вамъ будетъ грустно, мой добрый читатель, зачѣмъ себя расстривать, глядя на уличныя страданія бѣдняковъ, представленныя передъ вами слытыми людьми, зачѣмъ огорчаться грустнымъ сознаніемъ, что мы не можемъ пособить этой всеобщей бѣдности! пойдѣте, пойдѣте скорѣе вонъ, и ни за что въ свѣтъ болѣе не заглянемъ въ театрѣ Разнообразіа, когда на его сценѣ будетъ даваться пьеса гг. Делакура и Ламберта Тибу, называемая «Уличныя птицы» (*Les oiseaux de la rue*). Вотъ электрическій телеграфъ палермальскаго театра — другое дѣло; эта пьеса того же Делакура, написанная въ сотрудничествѣ г. Сироденя; вотъ это такъ пьеса, настоящій водевиль — тутъ нѣтъ смысла, нѣтъ содержанія, тутъ одни только куплеты, и плохіе и хорошіе, правда плохихъ болѣе, чѣмъ

хорошихъ. Конечно, публика знаетъ, слушая эту пьесу, но за то она спокойно выходитъ изъ театра, она не вызываетъ авторовъ, даже не шикаетъ имъ, потому что во все время представленія снала, и не понимая содержанія водевиля, не будетъ говорить объ немъ, каковому прекрасному примѣру послѣдуемъ и мы.

Въ Большой Оперѣ Софья Крувелли пѣла въ «Гугенотахъ». Парижъ отъ знаменитой пѣвицы въ восторгъ не хуже чѣмъ теперь мы отъ несравненной Рашель. Фани Черито танцевала въ новомъ балетѣ Орфеа.

На Лирическомъ театрѣ (theatre lyrique) давали на дняхъ Елизавету, посмертное произведеніе Доницетти. Содержаніе этой оперы у насъ знакомо всѣмъ: канвою его служитъ романъ г-жи Котень, изъ котораго сдѣлана покойнымъ Полевымъ Параша Сибирячка. Лирический театръ, почитая память знаменитаго Доницетти, послѣднее его произведеніе обстановилъ великолѣпно, декорации безподобны, въ особенности дикая природа Уральскихъ горъ и сибирскихъ пустынь Сибири изображена съ ужасающею вѣрностью. Г-жа Колсонъ, молодая пѣвица, исполняетъ роль Елизаветы воспитательно.

Вотъ все, что мы можемъ сообщить о парижскихъ театрахъ.

Въ Берлинѣ ставятъ Армиду Глюка, и Листъ оканчиваетъ музыку Фауста, новой оперы, либрето которой передѣлано изъ Гетевского Фауста одною знаменитой особой. Въ Берлинѣ же пріѣхала знаменитая Джени Линдъ-Голдсмитъ, она будетъ пѣть въ пользу бѣдныхъ. Теперь Джени имѣетъ огромное состояніе и не путешествуетъ болѣе для пріобрѣтенія денегъ своимъ талантомъ.

Въ Берлинѣ она дождется г. Гектора Берліоза, который уже въ западной Германіи и задержанъ концертами, но сдѣлать въ столицу Пруссіи, онъ по дорогѣ захватитъ Листа, и конецъ зимы обещаетъ Берлинцамъ много музыкальныхъ наслажденій.

Нью-йоркскія газеты рассказываютъ, что знаменитый чернокожій трагикъ Ира-Альдрижъ, который съ большимъ успѣхомъ игралъ въ Лондонѣ Шекспировскаго Отело, недавно выкупилъ довольно большое количество Негровъ, и какъ въ Америкѣ цвѣтшые и по освобожденіи все таки находятся въ сильномъ пренебреженіи, которое простирается до такой степени, что Негръ въ самой церкви долженъ сидѣть на послѣдней скамейкѣ, и послѣдній оборванецъ, послѣдній нищій имѣетъ право согнать его съ мѣста, то Альдрижъ, зная, что выкупленные имъ соотечественники не могутъ пріобрѣсти никакихъ гражданскихъ правъ въ Америкѣ, отправилъ ихъ не въ пресловутую Либерию (колонія освобожденныхъ Негровъ на западныхъ берегахъ Африки), а въ Европу, снабдивъ ихъ рекомендательными

письмами къ англійскимъ и французскимъ заводчикамъ и мануфактуристамъ. Многіе изъ этихъ невольниковъ, освобожденныхъ великодушіемъ своего соотечественника, искусные мастера чугунолитейной машинной, химической и бумагопрядильной фабрикъ.

Отъ театровъ, актеровъ, пѣвцовъ и музыкантовъ, мы перейдемъ къ литературѣ.

По части естественныхъ наукъ парижскій издатель Кюмьеръ выпустилъ въ свѣтъ *Le muséum d'histoire naturelle* par E. Car. Этотъ изящно изданный трудъ служитъ вступленіемъ къ великолюбною книгѣ, издаваемой тѣмъ же Кюмьеромъ, подъ названіемъ *Trois Regnes de la nature*, которой вышло два тома—Ботаника и Птицы. Ученѣйшія знаменитости приняли участіе въ этомъ изданіи; говорятъ, многія статьи просмотрѣны А. Гумбольдтомъ; картинки же, приложенныя къ книгѣ, еще изящнѣе, чѣмъ рисунки, находящіеся при знаменитомъ словарѣ Естественной исторіи д'Орбigny.

Путешествіе по берегу и внутренности Западной Африки, Гекара, бывшаго офицера 1-го полка Спаговъ, правителя дѣлъ французскаго консула въ Багii. Изъ всѣхъ частей свѣта, конечно, менѣе всѣхъ извѣстна Африка; ея природа почти недоступна для европейскаго ученаго; это море песковъ, волнующееся подъ губительнымъ дыханіемъ самума, этотъ всепалаящій жаръ, невыносимой для жителя умѣреннаго климата, эти дикіе сыны природы, обитающіе подъ экваторіальнымъ солнцемъ, все это дѣлаетъ недоступною эту страну для ученыхъ наблюденій; и человекъ, рѣшившійся, не смотря на всѣ опасности и лишенія, проникнуть во внутренность Африки, заслуживаетъ сочувствія и полной благодарности всѣхъ просвѣщенныхъ людей. Г. Гекаръ, прослужа нѣсколько лѣтъ въ Алжиріи, извѣдавъ опасности и коварныя нравы обитателей Африки, лучше и болѣе другихъ былъ приготовленъ къ трудному путешествію, которое онъ впоследствии предпринялъ. Гекаръ, нося еще мундиръ спага, замыслилъ свое путешествіе, и наконецъ поддерживаемый своими друзьями и правительствомъ, онъ пустился въ отдаленный, малоизвѣстный путь. Онъ краснорѣчиво описываетъ великолюбую природу западнаго берега Африки по сю сторону экватора, дивится могущественной растительности этой дикой страны, его поражаютъ двѣственные лѣса экзотическихъ растений, яркіе отѣнки листьевъ, сладостный вкусъ еще невѣдомыхъ плодовъ, возмелѣянныхъ тропическимъ солнцемъ, и наконецъ это удивительное дерево масла, такъ необходимое для жителей, палимыхъ отвѣсными лучами солнца. Вотъ какъ Гекаръ описываетъ это дерево: «Стволъ и листья его очень походятъ на зеленые дубы Алжиріи; плоды его величиною съ абри-

кость и имѣють вкусъ финика; въ срединѣ находится косточка, содержащая въ себѣ бѣловатое тѣсто, изъ котораго добываютъ туземные жители масло, столь необходимое имъ для обмазыванія ихъ членовъ, палимыхъ солнцемъ, безъ чего неминуемо ихъ кожа перетрескалась бы, и они были бы подвержены нестерпимымъ лзвизаньямъ. Какъ ни неудобна, даже отвратительна по своей неопрятности эта операция обмазыванія тѣла масломъ, однако Геккаръ, вследствие мѣстной необходимости, долженъ былъ подвергнуться ей. Путешественникъ сообщаетъ много любопытныхъ замѣтокъ о жителяхъ Африки, такъ, напримеръ, въ Суданѣ, гдѣ все народонаселеніе не хуже древнихъ спартанцевъ занимается воровствомъ, Геккаръ могъ уберечь часы, термометръ, бумагу и прочія вещи, воздавая имъ божескія почести; и суданцы, погруженные въ фетишизмъ, не осмѣлились дотронуться до боговъ чужеземца. Грубѣйшее идолопоклонство распространено по всей странѣ, крпизвъ или страхъ, безотчетно воздвигаютъ алтари самымъ обыкновеннымъ животнымъ, самымъ ничтожнымъ вещамъ; нѣтъ дома, нѣтъ семейства, нѣтъ отдѣльнаго лица, которыя бы не имѣли своего особеннаго божка; конечно, для другихъ не обязательно поклоняться ему, но фетишь, чей бы то онъ ни былъ, не прикосновененъ для самыхъ отчаянныхъ воровъ. Жители Золотаго берега молятся водѣподамъ рѣкъ, а бенинскіе негры, страшась своей тѣни, обоготворяютъ ее. Въ Великомъ Бассанѣ молятся бѣлымъ курицамъ, и въ недѣль есть одинъ день, въ который всѣ жители воздерживаются отъ пищи и употребленія воды, чествуя этимъ постомъ своимъ боговъ; дѣйствительно, лишеніе себя воды, въ этомъ пламенномъ климатѣ даже на нѣсколько часовъ, есть великое пожертваніе. У этихъ народцевъ покорность властямъ развита въ высшей степени, потому что ихъ корошки для нихъ суть божества; вотъ причина, почему была такъ возможна, такъ легка торговля неграми: обоготворяемый повелитель какого-нибудь племени назначалъ нѣсколько челоуѣкъ въ продажу, и никто не смѣлъ на это роптать, непрекословно исполнялась воля властителя, ибо это была воля божества. Французскій путешественникъ былъ свидѣтелемъ праздника, отправляемаго Бассанцами въ честь ихъ государя-бога. Вотъ какъ онъ описываетъ это торжество: «Король Петерси присутствовалъ на этомъ празднествѣ своего поклоненія лично. Онъ сидѣлъ подъ тѣнью огромнаго желтаго зонта, украшеннаго золотою бахромою, на верху котораго находился деревянный вызолоченный пѣтухъ. Подъ двумя другими зонтами, такихъ же огромныхъ размѣровъ, но меньше украшенными, сидѣли родовитые аристократы, составляющіе придворную свиту государя, и кичащіяся длиннымъ

рядомъ своихъ предковъ, ибо у Бассанцевъ древность рода въ такомъ же уваженіи, въ какомъ была у средневѣковыхъ Германцевъ. До ста плясуній было собрано въ палаткѣ, которая была поставлена противъ сѣдалища государя. Только лишь прибылъ Петерси, полы этой палатки развернулись, и началась пляска, подъ нестройные звуки инструментовъ, похожихъ на наши тарелки. Прежде явились только четыре танцовщицы. Движенія ихъ были довольно стройны и легки. Протанцовавши мнѣнье десяти, онѣ удалились изъ толпы. Вышли восемь другихъ, которыя старались повторять позы и движенія предшествовавшихъ. Потомъ, когда и этѣ сошли со сцены, явилось шестнадцать женщинъ, за ними тридцать двѣ, а наконецъ и весь этотъ черный кор-де-балетъ составилъ длинную вереницу негритянокъ, пляска которыхъ не лишена была граціи и веселости. Потомъ по четыре въ рядъ онѣ прошли мимо государя, низко кланяясь передъ нимъ. На другой день танцовщицы не являлись. Торжество приняло характеръ болѣе серьезный: въ честь бога-государя закололи двухъ быковъ, и чтобъ жертва была принята съ бѣльшимъ благопріятствомъ, оффиціальныя плакальщицы проливали слезы и съ моленіемъ простирали свои руки къ Петерсу; потомъ, когда обоготворяемый властитель съ важною кивнулъ головою, жертвы были умерщвлены, зажарены и съданы передъ лицомъ государя, которому предложены были лучшія части. На третій день самъ Петерси со всѣмъ народомъ приносилъ жертву другимъ фетишамъ, и къ концу этого трехдневнаго праздника къ государю приблизились бездѣтныя жены, и онъ съ комическою важною вспрыскивалъ ихъ грудь и плечи ромомъ, что, по мнѣнію туземцевъ, должно непременно прекратить ихъ безплодіе, разумеется въ такомъ только случаѣ, ежели другіе боги, которыхъ безчисленное множество, также благопріятны для нихъ, какъ ихъ властитель».

Мы прекращаемъ за неизмѣнимъ времени и мѣста выписки изъ этой занимательной книги; укажемъ только на лучшія мѣста ея: по нашему мнѣнію, это именно тѣ, гдѣ описывается образъ правленія разныхъ африканскихъ племенъ; охота за обезьянами, которыя ведутъ открытую войну, какъ отличные воры съ ворами, съ мѣстными жителями; дается понятіе о ловлѣ и торгѣ невольниками и семейной жизни негровъ. Можно смѣло сказать, что это одна изъ лучшихъ книгъ, появившихся въ последнее время.

Духъ любопытства, страсть къ изысканіямъ, влекутъ европейскіхъ путешественниковъ въ эту негостепримную Африку. Люди талантливые гибнутъ жертвами любознательности, но умирая, радуются, что они оставляютъ послѣ себя слѣдъ своего существованія,

что и они во время своей кратковременной жизни принесли свою лепту на пользу науки. Эти мысли припли намъ въ голову при взглядѣ на книгу Делегорга *Le voyage dans l'Afrique Australe*. Молодой странствователь, рано похищенный смертью, увлекательно описываетъ свое путешествіе. Книга, представляющая вамъ невѣдомыя страны, семейныя драмы дикарей, похождения смѣлаго Европейца, читается легко, и при послѣдней страницѣ вы сожалеете, что она такъ скоро кончилась.

Но Богъ съ ней съ этой любопытной, но негостепріимной Африкой; отправимся лучше на востокъ Европы, заглянемъ въ страну, полную интереса въ настоящій моментъ. Вотъ передъ нами *Constantinople, par Théophile Gautier*, книга прекрасная по своему изложенію. Имя Теофила Готье извѣстно какъ имя критика, поэта и прозаика; онъ первый разъ является какъ путешественникъ. Яркіе цвѣта и живописность бываютъ часто принадлежностью молодыхъ энергическихъ писателей: въ «Константинополѣ» Готье это выразилъ сильнѣе всего; авторъ «Комедіи Смерти» не столько хочетъ наблюдать и изучать, сколько все видѣть. Онъ пишетъ безо всякой послѣдовательности рядъ картинъ, пишетъ ихъ съ натуры, не отдавая себѣ отчета, почему всѣ эти явленія происходятъ передъ нимъ такъ, а не иначе. Онъ не хочетъ доискиваться глубокаго значенія Константинополя въ міровой жизни, почему исламизмъ отжилъ свой вѣкъ, зачѣмъ благодатная страна, окружающая Византию, какъ будто дремлетъ въ какомъ-то апатическомъ снѣ; ему нѣтъ дѣла до судьбы угнетеннаго христіанства въ Турціи, до несвоеобразнаго развитія турецкой цивилизаціи, не могущей примирить стараго начала съ новыми потребностями, — это все для него чуждо, онъ не хочетъ рассуждать, онъ хочетъ только видѣть и описывать то, что поразило его взоры. Теофиль Готье не мыслитель, онъ только литературный живописецъ, и его очерки полны поэзіи и жизни, его картины вѣрны мѣстной природѣ и мѣстному человеку. Любезный путешественникъ, чтобъ еще болѣе насытить свое желаніе все видѣть, отказывается отъ европейскихъ привычекъ, дѣлается настоящимъ туркомъ. Одетый въ платье важныхъ османлы, онъ, поджавши ноги бесѣдуетъ въ кофейной съ поклонниками пророка, описываетъ вамъ ихъ фізіономію, рассказываетъ сказку месалиджіа (публичнаго рассказчика), ведетъ своего читателя въ домъ богатаго турка, показываетъ убранство комнатъ, садится кушать турецкій обѣдъ, отказывается отъ предлагаемой ему ложки и храбро погружаетъ свои пять пальцевъ въ жирный пилавъ; потомъ онъ рисуетъ видъ цирюльни, не хуже Теньера размѣщаетъ фигуры: тутъ вы встрѣчаете и трус-

ливаго армянина, и вкрадчиваго грека, и суроваго полицейскаго солдата, и вечно поющаго мелочнаго торговца изъ Битон-дере, и говорливаго пирата. По вотъ надъ маковкой Св. Софїи, освещающа двурогую луну, выплываетъ серебряный мѣсяць. ночь востока такъ упительна, небо такъ чисто, звезды такъ блестятъ ярко; земля, увлажненная росою, кадитъ такими благоуханїями, что вамъ нѣтъ возможности дышать подъ крышей; услужливый путешественникъ поведетъ васъ на взморье; тамъ ожидаетъ его лодка съ четырьмя гребцами арнаутами, садитесь съ нимъ, и вы насладитесь зрѣніемъ Золотаго Рога, серебрянаго полною луной, и развѣ только васъ не посвятитъ богиня поэзіи потому, что подлѣ васъ сидитъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ ея жрецовъ, но онъ, г. Теофиль Готье — онъ непремѣнно развѣшится советомъ, и на другой день, довольный собою и своимъ стихотворенїемъ, отправится на базаръ, заглянетъ на рынокъ невольниковъ, поглазветъ на торжественное шествїе султана, поволочится получить отцѣвѣвшую розу отъ турчанки подъ вуалемъ, и все это нарисуетъ, — нѣтъ, виноватъ — мастерски опишетъ. и такимъ образомъ вы легко дочитаете до конца эту книгу и скажете: какой это милый болтувъ г. Теофиль Готье.

Вотъ нельзя этого сказать о книгѣ г. Сень-Марка Жирардена *Souvenirs d's voyages et d'études*. Здѣсь преимуществуетъ анализъ, здѣсь изученъ духъ востока, здѣсь отданъ строгій отчетъ о гнетворномъ дѣйствїи исламизма на развитїе человѣческаго ума, и конечно большинству читающей публикѣ не такъ ловко бесѣдовать съ Жирарденемъ, какъ съ Готье. Конечно, люди, слѣдящіе за предметомъ, упрекнуть господина академика въ пристрастія, но все-таки книга принесетъ пользу ученому міру, какъ творенїе талантливаго и многообразованнаго человѣка.

Въ книгѣ Мармье *Lettres sur Adriatique et le Montenegro*, par Xavier Marmier, нѣтъ ничего новаго, но она интересна потому, что говоритъ о странѣ, на которую теперь устремлены взоры цѣлой Европы.

Полковникъ Карриеръ, проведя пять мѣсяцевъ въ Австріи, написалъ брошюру подъ названїемъ *Forces militaires de l'Autriche*. Хотя храбрый полковникъ не могъ изучить этотъ обширный предметъ въ нѣсколько мѣсяцевъ, хотя по видимому онъ не имѣлъ многихъ данныхъ къ основанїю своего труда, но не смотря на это, нѣкоторые его взгляды и свѣдѣнїя заслуживаютъ вниманїя, напримеръ его сравненїе содержанїя солдата австрїйскаго и французскаго, нѣкоторыя подробности о генеральномъ штабѣ австрїйскаго арміи, о числительной силѣ войскъ имперїи, о ремонтірованїи кавалерїи-

скихъ лошадей, и о разности кавалерійской службы въ Австріи и Франціи. Заимствуемъ изъ этой брошюры свидѣніе о численности австріійской арміи: она состоитъ изъ 539,768 человекъ, при которыхъ находятся 59,604 лошади.

По части изящной словесности въ последнее время среди страшнаго наводненія повѣстей и романовъ, вышли только двѣ занимательныя книги; это: *Contes de printemps, contes d'été*, par Champfleury и *Le Memorial de Famille* par E. Souvestre. Маленькія повѣсти г. Шафелери стоятъ въ главѣ новаго рода обаятельныхъ легкихъ разсказовъ. Новый романъ Сувестра носить на себѣ ту же печать мышления, какъ и всѣ сочиненія этого автора, съ тою только разницею, что онъ спокойнѣе, теплѣе, чѣмъ предшествующія творенія сочинителя («Лѣтницы женщины»).

По части педагогики вышла замѣчательная книга *Lettres sur la profession d'instituteur*, par A. Théry. Г. Тери принадлежитъ къ новой школѣ воспитателей: его мысль, что надобно, пріобрѣтя довѣренность и любовь воспитанника, не принуждая его къ серьезнымъ занятіямъ, сильнѣе развернуть его воображеніе, пристрастить къ наукѣ, и предоставляя ученика собственному его влеченію, руководить его на избранномъ имъ самимъ поприщѣ. Мысль хороша, но въ ней болѣе идеальности, чѣмъ дѣйствительности.

Наконецъ мы оканчиваемъ наше краткое обзоріе новѣйшихъ произведеній французской литературы книгою подъ названіемъ *L'art de composer les livrées* (Руководство къ устройству ливрей). Книга въ настоящую минуту очень нужная для Франціи, облегчающая изобрѣтеніе фантастическихъ ливрей для людей, которые сами едва ли не вышли только вчера изъ ливреи. Руководство ученымъ тономъ толкуетъ о происхожденіи ливреи во времена феодализма, о ея блистательномъ періодѣ въ эпоху крестовыхъ походовъ, о первоначальномъ ея униженіи, когда она, при учрежденіи непремѣнныхъ войскъ, была замѣнена мундиромъ, и съ плечъ воиновъ перешла на плечи служителей, сдѣлалась одеждою не сподвижниковъ благороднаго дворянства, а платьемъ его холоповъ, вывѣскою цвѣта гербовыхъ полей. Составленіе ливреи должно непременно, по мнѣнію автора, быть руководимо геральдическими знаніями, но какъ многіе, имѣющіе ливрейныхъ слугъ, не имѣютъ понятія объ геральдикѣ, то въ облегченіе имъ для составленія ихъ ливрей, издана эта многоученная и полезная книга.

Отъ одежды слугъ перейдемъ къ одеждѣ господъ. Придворныя балы, пріемы императора и императрицы, большіе и малые выходы, ставятъ въ великое затрудненіе многихъ членовъ парижскаго

общества. Вообразите людей, которыхъ волны конституціоннаго правленія, изъ глубины провинцій, вынесли въ высшій кругъ столицы, вообразите этихъ представителей націи, которые, для удовольствіенія тщеславія оставивши фабричную или хозяйственную промышленность, сѣли на скамьи Национальнаго Собранія. Императоръ чествуетъ представителей избравшаго его народа; залы его дворца открыты для нихъ и для ихъ супругъ, но въ эти залы они должны являться въ короткихъ штанахъ, жены ихъ въ робахъ со шлейфами; они, добрые фабриканты и сельскіе дворяне, равно какъ и ихъ дражайшія половины, должны соблюдать этикетъ, подобно виконтамъ и маркизамъ при династіи Бурбоновъ. Тѣмъ легко было исполнять эти придворныя церемоніи: тѣ, не глядя на стѣснительность своей нижней одежды, привыкнувшіе къ ней съ малолѣтства, очень ловко и низко кланялись передъ королемою, а каково для новоиспеченныхъ аристократовъ отвѣшивать поклоны въ то время, когда платье трещитъ на нихъ по всемъ швамъ, когда оно стѣсняетъ ихъ члены, привлекшіе тонуть въ необъятномъ пространствѣ сакъ-пальто и шароварахъ а la сосасъ? А этимъ дамамъ, бѣднымъ дамамъ, никогда не надѣвавшимъ робы со шлейфомъ, приходится тащить этотъ докучный хвостъ, да въ добавокъ, откланиваясь ихъ величествамъ, присѣдать и пачкаться до дверей! Бывшія маркизы очень граціозно въ этомъ случаѣ откидывали ножкой свой шлейфъ; — увы! супруги народныхъ представителей этого дѣлать не умѣютъ, и говорятъ, что одна изъ нихъ недавно, откланиваясь императрицѣ Французовъ, упала передъ Ея Величествомъ навзничь.

Но оставивъ въ покоѣ народные костюмы представителей Франціи, препоручивъ ихъ поклоны и реверансы всеблагопріятствующей судьбѣ, спустимся нѣсколько ступенекъ ниже съ общественной лѣстницы, и останемся у этого дома, нижній этажъ котораго занимаетъ магазинъ, взойдемъ въ этотъ магазинъ.

Посмотрите на этого молодаго прикащика; онъ сидитъ передъ конторкой, и не ожидая уже никакого покупателя, сводитъ счеты проданнымъ товарамъ и вырученнымъ за нихъ деньгамъ. Молодой человекъ очень хорошъ собою, но задумчивъ и до чрезвычайности блѣденъ. Повидимому, онъ не можетъ сладить съ своими счетами, цифры какъ будто разбѣгаются передъ его взорами, три раза онъ повѣряетъ итогъ, и три раза итогъ составляетъ разницу.

— Проклятые счеты, проклятая любовь! вскричалъ онъ, кидая перо, и съ грустью склонилъ свою голову на руку.

— Вы что-то проклинали, Этьенъ? раздался подлѣ него серебряный голосокъ молодой дѣвушки.

— Да, мадам-азель Клара, я боленъ, у меня болитъ голова, и я не могу сладить съ балансомъ нынѣшняго дня.

— И у васъ болитъ только одна голова? спросила она, улыбаясь и кладя свою руку на его плечо.

Прикосновеніе этой маленькой ручки потрясло его какъ электрической ударъ.

— Что же вы хотите, чтобъ у меня болело? пробормоталъ онъ едва внятнѣмъ голосомъ.

— Сердце, шутливо отвѣчала она.

— Сердце?!..

— Да, сердце,—вы влюблены, Этьень, и даже я знаю, въ кого.

— О, нѣтъ, нѣтъ, этого вы никакъ не знаете, Клара.

— Хотите скажу?

— Скажите.

— Въ меня.

При этомъ словъ Этьень вскочилъ съ своего мѣста; онъ сталъ еще блѣднѣе, черные глаза его засверкали огненнымъ блескомъ, и правую руку опираясь на табуретку, лѣвою схвативши себя за голову, онъ провзнесъ: я почиталъ васъ, Клара, до нынѣшняго дня доброю двушкою, а теперь...

— А теперь?..

— А теперь, вы безжалостная мучительница моего сердца.

— Почему же это такъ?

— Вамъ хочется признанія въ моей любви?—Да, я васъ люблю. Никогда, среди самыхъ пылкихъ мечтаній моей любви, я не осмѣливался представить васъ въ моихъ объятіяхъ, оскорбленную нечистыми ласками вождельнiя; вы были идолъ моего сердца; вашъ девственный образъ, не разставаясь со мной ни днемъ, ни ночью, часто, мнѣ казалось, говорилъ съ грустью: зачѣмъ, зачѣмъ ты меня любишь?—я не могу принадлежать тебѣ, я не могу быть твоею женою.—И онъ говорить правду...

Теперь Клара поблѣднѣла въ свою очередь и тихо спросила его:

— Почему же, Этьень, вы не можете жениться на мнѣ?

— Потому что у васъ нѣтъ ничего, а я богатъ только одною нищетою. Мнѣ жениться, мнѣ? — Когда я не могу оторвать пяти франковъ, чтобъ сшить себѣ получше жилетъ, на моихъ рукахъ слѣпая мать, маленькій братъ да двѣ сестры, и еще къ этому взятъ молодую жену, заставить ее терять ту нужду, которая грызетъ меня! О, никогда, никогда!...

— Бѣдный Этьень! сказала Клара, тихо пожимая ему руку, но я люблю васъ.

— Зачѣмъ, зачѣмъ вы это говорите мнѣ, Клара. Но я безумецъ: почему же и не говорить; я давно это вижу, вы ловите своими взорами мои взоры, вы ищете со мною встрѣчи, вы безпрестанно оказываете ко мнѣ особенное вниманіе, но къ-чему это, бѣдная моя Клара?

— За тѣмъ, что я хочу за васъ выдти за-мужъ. Вы любите меня—и на мнѣ женитесь.

— Никогда.—Я обожаю васъ и не женюсь на васъ, потому что это составило бы наше общее несчастье — бѣдность скоро бы съела нашу любовь.

— У меня миллионъ франковъ, сказала она, пристально смотря ему въ глаза.

— Вы съ ума сошли, Клара!

— Вы не вѣрите?

— Нѣтъ, не вѣрю.

— Почѣму же?

— Потому что, если бъ у васъ былъ миллионъ франковъ вы не жили бы въ чуланчикѣ, который называется вашей комнатою; не кортежи бы изъ ничтожнаго содержанія надъ бухгалтерскими книгами вашего дядюшки, который и самъ-то едва-едва торгуетъ на какія-нибудь сто тысячъ франковъ. Если бъ у васъ былъ миллионъ, вы не влюбились бы въ бѣднаго прикащика вашего дяди, вы захотѣли бы, по врожденному женскинъ кокетству, быть окруженной блистательною молодежью, и изъ среды графовъ, виконтовъ, маркизовъ, полковниковъ, балованныхъ дѣтей счастья и судьбы, избрали бы по своему произволу и осчастливили бы своимъ миллиономъ.

— А я хочу осчастливить собою только васъ, Этьень. Пойдемте къ дядѣ. Я ничего не скрываю передъ нимъ. Онъ вамъ разскажетъ, что я васъ давно люблю, но хотѣла быть любима взаимно не за мой миллионъ, а за самое себя. Я увѣрилась, что вы меня любите—и ничто не можетъ препятствовать нашему счастью.

Клара говорила правду. рать ея матери, лиссабонскій торговецъ, умерши бездѣтнымъ холостякомъ, оставилъ своей племянницѣ огромное состояніе. Родители Клары умерли давно; она воспитывалась у своего дяди съ отцовской стороны, и когда получила наследство, уговорила своего воспитателя никому объ этомъ не говорить ни погъ слова. Теперь Этьень богатъ и не отказываетъ себѣ въ своемъ гардеробѣ:

Вотъ другое происшествіе, гдѣ счастье пришло не отъ умершаго бездѣтнаго дядюшки, а отъ ужаснаго незнакомца.

Это было прошлою осенью. Мелкій дождикъ поливалъ какъ изъ сита. Омнибусъ, отправляющійся отъ Пале-Рояля къ триумфальной аркѣ Звезды, готовъ уже былъ тронуться, какъ молодая дѣвица лѣтъ 19 взошла въ тяжелый экипажъ. Въ то же время, господинъ, по видимому давно вхавшій за ней въ кабриолетъ, остановилъ свою лошадь, и велѣвъ кучеру следовать за нимъ, пересѣлъ въ омнибусъ. Кондукторъ захлопнулъ дверцы, машина тронулась и покатилась по морю грязи и лужъ.

Поровнявшись съ домою министерства финансовъ, кондукторъ отправился собирать деньги за мѣста. Молодая дѣвушка пришла въ страшное смущеніе—ей нечѣмъ было заплатить. Сосѣди съ безмысленнымъ и дерзкимъ любопытствомъ смотрѣли на нее. Незнакомецъ заплатилъ за нее требуемая шесть су. И они повхали даље. Омнибусъ доѣхалъ до Елисейскихъ Полей. Здѣсь многіе пассажиры оставили экипажъ, въ томъ числѣ и молодая особа. Незнакомецъ, по видимому не желая ее терять изъ виду, тоже оставилъ общественную карету и последовалъ за ней. Сначала шаги ея были нервшительны: казалось, она не рѣшилась еще, куда идти ей; наконецъ она быстро пошла къ Іенскому мосту. Приближаясь къ Сенъ, она увидѣла нищую, которая жалобно просила подаванія для пропитанія себя и двухъ малолѣтныхъ дѣтей. Молодая спутница незнакомца подошла къ нищей, сорвала съ шеи алмазный крестъ, висѣвшій на тонкой бархатной лентѣ, и отдавая его бѣдной, произнесла: «Молись за меня». Она уже была посрединѣ моста, она остановилась, облокотилась на перилы и рѣшаясь лишить себя жизни, измѣривала глазами рѣку, которая готова была поглотить ее. Въ самую рѣшительную минуту незнакомецъ къ ней приблизился. Онъ взялъ ее за руку.

— Дитя мое, чтѣ вы хотите дѣлать? спросилъ онъ ее съ участіемъ.

— Умереть! отвѣчала она, заливаясь слезами.

— Умереть мы всѣ должны, но умереть въ ваши лѣта и рано и тяжело; лишить себя жизни и не разумно и преступно.

— Мнѣ надобно умереть, потому что на мнѣ лежитъ печать позора.

— Васъ обманулъ вашъ любовникъ?

— Да. Для него я кинула отца, добраго фермера, живущаго близъ Кале; онъ обвѣщалъ на мнѣ жениться, привезъ въ Парижъ, нанялъ квартиру, потомъ меня бросилъ; я все думала, что онъ возвратится,—наконецъ я потеряла надежду и рѣшилась умереть.

Незнакомец начал ее уговаривать жить. Кто отвращает от смерти, тотъ всегда красноречивъ. Фаншета,—такъ звали молодую двушку,—послушалась его. Они съѣли вмѣстѣ въ кабриолетъ, который слѣдовалъ за неожиданнымъ покровителемъ бѣдной нормандки. Господинъ Антонію,—такъ назвалъ себя незнакомецъ,—отвезъ Фаншетту къ одной своей знакомкѣ. Эта женщина встрѣтила Антонію если не съ почтеніемъ, то по крайней мѣрѣ съ подобострастною боязнію, и переговоривши съ нимъ наединѣ, помѣстила Фаншетту въ особую комнатку.

Молодая двушка, по большому прѣзуду мужинѣ, по бойкимъ особамъ, называвшимся племянницами ея хозяйки, скоро догадалась о постыдномъ ремеслѣ, которое вели въ этомъ мѣстѣ — и ни за что болѣе не хотѣла оставаться въ этомъ домѣ.

Антонію явился. Онъ просилъ извиненія, уговорилъ Фаншетту снова ввѣриться ему, и перевезъ ее на хорошо меблированную, но скромную квартиру.

Антонію всѣми силами старался пріобрѣсть любовь молодой двушки. Сначала она была холодна, но потомъ его вниманіе, его желаніе угодить ей, мало по малу заставляли ее быть ласковѣе съ своимъ покровителемъ, — еще бы нѣсколько дней, и она, увѣренная въ его благородствъ и добротъ, вполне бы отдалась ему.

— Сударыня, сказала ей однажды молодая служительница, укладывая ее спать, мнѣ г. Антонію очень подозрителенъ.

— Подозрителенъ, Сюзонна? провзнесла Фаншета, повязывая свой ночной чепецъ, чѣмъ же онъ подозрителенъ? Да развѣ ты не знаешь его? Вѣдь ты была здѣсь, прежде нежели я прѣехала.

Я его, сударыня, нисколько не знаю. Онъ нанялъ меня въ бюро наемныхъ слугъ, сказавъ, что я буду ходить за молодою хорошенькой госпожею; какое мнѣ было до него дѣло, я и не позаботилась узнать, кто онъ такой, а теперь....

— А теперь, Сюзонна?

— Страшно и вымолвить, сударыня: — подозреваю, что онъ... и Сюзонна остановилась.

— Ну чтожь, Сюзонна, кто же онъ?...

— Да можетъ быть вы изволите знать лучше меня.

— Нѣтъ, Сюзонна, я не знаю, кто Антонію, я знаю только то, что онъ мой благодѣтель, что онъ писалъ къ моему отцу, уговаривалъ его простить меня, представилъ ему, что только этимъ средствомъ онъ спасетъ меня, дать мнѣ средства выдти изъ той пропасти, въ которую я упала по своей неосторожности.

Сюзонна молчала, печально качая своею головою.

— Ну что же, Сюзонна, что ты молчишь? Скажи мнѣ, кто же Антонио.

— Сударыня, я боюсь говорить, я боюсь разстроить васъ.

— Нисколько. Ты знаешь, что Антонио не такъ близко къ тебѣ, чтобъ я сильно тронулась, узнавши что-нибудь дурное объ немъ.

— Я подозреваю, сударыня, что Антонио — палачъ!...

— Палачъ! И Фаншета задалась громкимъ смѣхомъ. Палачъ!... какое у тебя пламенное воображеніе, Сюзонна.

Но Сюзонна оставалась при своемъ подозрѣніи, и Фаншета рѣшилась въ этомъ увѣриться.

На другой день и госпожа и служанка были на площади, гдѣ совершаются казни — и возвратились оттуда объ блѣднѣе полотно. — Да, Антонио былъ палачъ!...

Въ тотъ же вечеръ, несчастный исполнитель правосудія, не зная, что Фаншета узнала, кто онъ такой, по обыкновенію явился къ ней. Онъ былъ встрѣченъ съ ужасомъ.

— Я вижу, что вы знаете, кто я, сказалъ онъ, садясь подлѣ Фаншеты; скрывать мнѣ болѣе нечего, и судя по тому содроганію, которое производитъ въ васъ видъ мой, вѣроятно это наше свиданіе будетъ послѣднимъ. Выслушайте же меня терпѣливо. Тому назадъ три недѣли я встрѣтилъ васъ, садящуюся въ омнибусъ; меня поразила и ваша красота и грустное выраженіе лица вашего, — я невольно последовалъ за вами. Не буду говорить вамъ, что я отвратилъ васъ отъ безумнаго намѣренія, которое вы хотели исполнить. Вы мнѣ рассказали свою прошедшую жизнь. Она принадлежала другому, почему же она не можетъ принадлежать мнѣ, думалъ я, страстно взирая на васъ, и не сказывая вамъ, кто я такой, отвезъ васъ въ домъ къ моей знакомкѣ. Здѣсь была первая моя ошибка; я не понялъ васъ: вы, Фаншета, тамъ были не на своемъ мѣстѣ. Я думалъ, переведя васъ на квартиру, поселивъ въ васъ чувство благодарности, довести васъ до того, что вы, не зная еще меня, кинулись бы въ мои объятія, тогда бы я вамъ открылъ, кто я, ибо знаю, что женщина все проститъ человѣку, котораго она полюбитъ. — Вы бы не погнушались тогда выдти за меня за мужъ, — теперь все это разрушилось. — Будьте счастливы, вотъ письмо вашего отца, онъ простилъ васъ!...

Голосъ этого человѣка, которой, можетъ быть, во всю свою жизнь не содрогался ни передъ чѣмъ, перервался, и онъ вышелъ изъ комнаты.

Фаншета возвратилась къ своему отцу. Человѣкъ, съ которымъ она прѣѣхала въ Парижъ, получивъ отъ какого-то незнакомаго зна-

чительную сумму денег съ тѣмъ, чтобы онъ женился на брошенной имъ Фаншетъ, сдѣлалъ ей предложеніе, и она живетъ теперь съ своимъ мужемъ въ Кале.

Въ этомъ приморскомъ городѣ Кале умерла недавно, семидесяти восьми лѣтъ отъ роду, женщина—матросъ Франциска Бенуа. Ей была дана по распоряженію морскаго министерства почетная серебряная медаль. Вотъ ея краткая біографія.

Будучи тринадцати лѣтъ отъ роду, видя, что ея отецъ и четыре брата были завербованы въ морскую службу, желая какъ-нибудь поддержать существованіе своей матери, она рѣшилась вступить на одно рыболовное судно, сначала въ должности юнга, потомъ матроса.

Въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ, она, освоившись съ моремъ и полюбя эту бурную стихію, служила на разныхъ рыболовныхъ судахъ, въ томъ числѣ на шлюпѣ, командуемомъ ея родными братьями Николаемъ и Петромъ Бенуа, уволенными съ чинами офицеровъ изъ государственной службы. Въ это время она присутствовала при атакѣ англійскаго судна Матильда, которую ея братья взяли съ боя. Франциска вторая вскочила на палубу непріятельскаго корабля. Потомъ она служила въ булонской флотиліи Наполеона, полюбила ловкаго моряка Дельпьерра, и сдѣлавшись матерью, простилась съ бурной стихіей

«Я не хочу денежнаго вознагражденія, не ищу пансіона за мою долговременную службу», писала она въ своемъ прошеніи къ морскому министру, хотя я и выслужила этотъ пансіонъ; я прошу Ваше Высокопревосходительство объ одной милости — дайте мнѣ какую-нибудь медаль какой-нибудь знакъ отличія, который бы, красуясь на моей женской одеждѣ, напоминалъ мнѣ и говорилъ всѣмъ, что Франциска Дельпьерръ, бывшая Бенуа, какъ истинная дочь Нормандіи, служила своему отечеству, жертвуя своею жизнію».

Прошеніе ея было исполнено, и при торжественныхъ похоронахъ, устроенныхъ мѣстными мореходами, передъ гробомъ Франциски на бархатной подушкѣ несли ея почетную медаль.

Говоря о Францискѣ Бенуа, представляя себѣ ея мореходную и боевую жизнь, можно себѣ представить, сколько у ней было и страшныхъ и отрадныхъ минутъ. Да, кто познакомился съ влажной стихіей необозримаго Океана, жизнь того полна воспоминаній, ибо нѣтъ нигдѣ столько страшныхъ драмъ, столько борьбы между жизнію и смертію, какъ на морѣ. Вотъ и теперь лежитъ передъ нами листокъ съ описаніемъ гибели парохода Сень-Франциско, шедшаго изъ Нью-Йорка въ Калифорнію. Представляетъ краткое извлеченіе изъ этого описанія.

Двадцать пятого декабря парохоть, на всемъ ходу при сильномъ вѣтрѣ, который грозился обернуться въ шквалъ, налетѣлъ на мель, не означенную ни на одной картѣ; раздался страшный трескъ, передняя часть парохода поднялась къ верху, нижняя въ той же мѣрѣ опустилась въ воду, колеса уперлись въ каменистый грунтъ банки, и волны, какъ разъяренные звери, съ воемъ и ревомъ запрыгали около несчастнаго судна, затапливая тѣхъ, которые находились въ каютахъ, унося съ собою другихъ которые выскочили на палубу, чтобъ понять бѣдствіе, внезапно поразившее ихъ. Въ первыя минуты это былъ одинъ продолжительной вопль ужаса и разставанья съ жизнью, но потомъ были приняты энергическія мѣры къ возстановленію порядка и всеобщему спасенію. Всѣ мужчины и женщины были раздѣлены на десятки, одни стали у помпъ, другіе, по поясъ въ водѣ, начали помогать машинистамъ. Съ этой минуты страшное воровство, сопряженное съ насиліемъ и явнымъ грабежемъ, которое оказалось было между нѣкоторыми пассажирами, прекратилось. Парохоть, полураздробленный, наполненный почти до верхней палубы водою, двинулся съ мѣста; въ эту минуту люди, уцѣлѣвшіе отъ ярости волнъ, были спасены; но другое бѣдствіе грозило несчастнымъ: почти вся провизія была повреждена морской водою, и пресной воды почти ничего не оставалось. Люди, въ особенности женщины ходили какъ безумныя, пораженные какимъ-то оцѣпененіемъ, падали за бортъ верхней палубы, или умирали отъ непреодолимаго страха. Буря сдвигалась тише, истощенные люди едва-едва работали помпами; вдругъ раздается крикъ: «пожаръ!» и другая стихія грозить погибелью для бѣдныхъ путниковъ! Отчаяніе придаетъ силы,—пожаръ потушенъ, помпы выкачиваютъ воду сильнѣе, и парохоть едва-едва двигается, но все-таки плыветъ подъ плескомъ разъяренныхъ валовъ и снова усилившася вѣтра.

Гибель казалась все болѣе и болѣе неизбежною; самые мужественные люди потеряли всякую надежду, силы у всѣхъ истощались, получить отъ кого-нибудь помощи нельзя было и думать. Правда, два корабля показались было на горизонтѣ; это были купеческій бригъ «Наполеонъ» и небольшой парохоть «Марія Фримантъ». Они обещали свою помощь, но потомъ скрылись изъ глазъ, вѣроятно гонимые бурей прочь отъ несчастнаго Сень-Франциско. Наконецъ 28 декабря увидали третье судно; это было купеческое судно «Килби», шедшее изъ Новаго Орлеана въ Бостонъ. Увы! «Килби» самъ находился въ бѣдственномъ положеніи: въ немъ открылась течь, экипажъ былъ истощенъ работами у водоотливныхъ трубъ и терпѣть во всемъ недостатокъ. Однако радость наполняетъ сердца

всѣхъ. Буря совершенно утихаетъ, и капитанъ «Сень-Франциско», взойдя на палубу «Килби», уговаривается съ самимъ судохозяиномъ заплатить 15,000 долларовъ за столько пассажировъ, сколько можетъ помѣстить его печальное судно. Потомъ даетъ 200 долларовъ за каждый день, который Килби будетъ въ состояннн держаться близъ гибнущаго парохода, и наконецъ принимаетъ обязанность заплатить за все товары, брошенные въ море, пятью процентами дороже ихъ стоимости, и сверхъ того немедленно выдать 1,000 долларовъ. Пассажиры, узнавъ объ этой сдѣлкѣ, спѣшатъ переправиться на Килби; въ числѣ пассажировъ находился батальюнъ солдатъ съ ихъ семействами и багажемъ; начальникъ батальюна, полковникъ Гатъ, уговариваетъ своихъ солдатъ соблюдать порядокъ, объявивъ, что онъ послѣдннй оставитъ палубу Сень-Франциско. Первая шлюбка приближается; жена и семейство полковника первыя входятъ на нее, за ними слѣдуютъ женщины и часть мужчинъ, не принадлежащн къ составу батальюна. Больше ста человекъ перевезено; наступаетъ ночь, и Килби, буксируемый едва движущимся пароходомъ, слѣдуетъ за нимъ, но съ полночи поднимается вѣтеръ, снова начинается буря, полуразрушенные утлые корабли могутъ столкнуться, тогда гибель обоихъ судовъ неизбежна, и Килби удаляется отъ парохода.

Кто опишетъ отчаяннє несчастныхъ пассажировъ парохода, когда они утромъ 30 декабря увидѣли, что Килби скрылся отъ глазъ. У многихъ на этомъ суднѣ находились жены и дѣти. Цѣлый день проходитъ среди печали и горькихъ слезъ. Но въ субботу 31 числа бѣлется парусъ «Килби». «Килби!» восклицаютъ на палубѣ, но потомъ разсматриваютъ и убеждаются, что это не Килби, а другое судно— это англнйскнй брикъ Шре-Бильсъ. Съ парохода стрѣляютъ изъ пушки, давая знать о гибельномъ своемъ положеннн, съ брика что-то отвѣчаютъ, но вѣтеръ разноситъ слова. Брикъ то подходитъ, то удаляется, сильная зыбь и вѣтеръ не допускаютъ его до Сень-Франциско; наступаетъ вечеръ, и въ полночь печальный колоколъ ударяетъ два раза, давая знать пассажирамъ Сень-Франциско, что 1853 годъ миновался, что наступилъ новыи годъ, и не слышать обычныхъ поздравленнй, обычнаго желання счастья: все безмолвно и погружено въ ожиданнє, повидимому, неизбежной смерти.

Утромъ Шре-Бильсъ посредствомъ крупно написанныхъ буквъ на бумагѣ сообщаетъ, что не можетъ помочь тонущему пароходу, потому что на немъ самое сильная течь. Но капитанъ этого корабля общаетъ по возможности не удаляться отъ Сень-Франциско, и онъ держитъ данное слово; два бѣдствующихъ судна плывутъ рядомъ.

Во вторникъ 4 января, снова показывается парусъ — это Антарктикъ, двупалубный корабль Американскихъ Штатовъ, но при приближеніи его снова начинается буря, и можетъ быть несчастнымъ путникамъ суждено погибнуть въ глазахъ людей, могущихъ и готовыхъ спасти ихъ. Къ утру пятаго числа погода утихаетъ, люди съ Сень-Франциска перевезены на боевое судно, Шре-Бильсу дана помощь, и Антарктикъ съ англійскимъ бригомъ спѣшатъ удалиться отъ того мѣста, гдѣ оставленный Сень-Франциско, дѣлая какія-то дикія, неправильныя движенія, постепенно погружается въ воду. — Килби съ своей стороны вытерпѣлъ тринадцатидневную бурю; люди на этомъ кораблѣ, плохо снабженномъ съѣстными припасами, восемь дней получали порціи не болѣе четверти фунта сухарей, а послѣднія двадцать два часа передъ прибытіемъ въ Нью-Йоркъ не получали ничего. Отъ этихъ бѣдствій изъ числа 1127 человекъ пассажировъ Сень-Франциско погибло 280 человекъ. 10.—4.

ПИСЬМО ШЕЛЛИНГА КЪ ДОКТОРУ ВАЛЬТЕРУ (*). Много обязанъ вамъ за сообщеніе двухъ латинскихъ стихотвореній на юбилей Дерптскаго университета и на окончаніе прекраснаго моста черезъ Неву въ С.-Петербургъ. Чье образованіе относится къ такому времени, когда въ большей части Германіи господствовало убѣжденіе, что только тотъ вполне понимаетъ древній языкъ, кто умѣетъ выражаться на немъ и даже пользоваться имъ поэтически, тому, конечно, пріятно видѣть, что обыкновение сочинять латинскіе стихи, которое въ Германи болѣе и болѣе грозитъ выдти изъ употребленія, въ Россіи можетъ еще надвѣяться на благосклонность и сочувствіе. Съ удивленіемъ увидалъ я, какъ преодолѣли вы трудности самыхъ предметовъ, съ какимъ искусствомъ воспользовались вы пристрастіемъ Аполлона для Гипербореевъ, и какъ умѣли вы ввести въ токъ своей поэзіи все, что есть баснословнаго въ древней сагѣ и поразительнаго въ новѣйшей исторіи. Пусть подвиги, достойные Государя, коего величіе духа и характера признается, хотя неохотно, даже Его врагами, будутъ вамъ доставлять постоянный матеріалъ для новыхъ твореній на языкѣ того народа, который въ духовномъ отношеніи все еще господствуетъ и достоинъ господствовать надъ міромъ. Съ сердечнымъ уваженіемъ преданный вамъ Шеллингъ.

Цирмонъ.

31 августа, 1853 г.

(*) Шеллингъ — одно изъ великихъ лицъ нашего времени. Помыщаемъ его письмо, весьма примѣчательное по окончанію. Ред.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

О ТРУДАХЪ ЛИНДЕ.

(Письмо изъ Варшавы).

...Во-первыхъ, любопытствуете знать, что сдѣлалось съ бумагами, оставшимися послѣ покойнаго Линде, и вообще, какія бумаги остались послѣ него? Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, надобно непременно начать *ab ovo*. Объ прежнихъ трудахъ Линде всѣ знаютъ: повторять давно-извѣстное я не намѣренъ, хотя бы уже и потому, что несравненно легче, а можетъ быть, и полезнѣе молчать, нежели писать или говорить. Скажу только о послѣднихъ трудахъ Линде, *quaeque ipse nobillima vidi et quorum pars magna fui*, сказалъ бы покойный Виргилій.

Съ 1836 г., т.-е. со времени выхода своего въ отставку, Линде занялся собираніемъ матеріаловъ для сравнительнаго Словаря славянскихъ нарѣчій, и, принявъ въ основаніе русскій языкъ, намѣревался провести каждое слово чрезъ всѣ славянскія нарѣчія, объяснить его происхожденіе и образованіе, указать на перемѣны, которымъ оно подвергалось въ теченіе вѣковъ, какъ относительно своей формы, такъ и относительно содержанія, переходя отъ первоначальнаго, вещественнаго значенія къ позднѣйшему, отвлеченному. Такимъ образомъ намѣренъ онъ былъ составить біографію каждого слова, или, лучше сказать, его генеалогію со всѣми многообразными развѣтвленіями по боковымъ и нисходящимъ линіямъ. Но для этого надобны были матеріалы, а между тѣмъ сколько ихъ было тогда, да много ли ихъ и нынѣ? По части польскаго и чешскаго нарѣчій были уже такіе генеалогическіе лексиконы самого Линде и Юнгманна; но по другимъ нарѣчіямъ не было и нѣтъ ихъ до сихъ поръ. Словарь Россійской Академіи, вышедшій въ годъ смерти Линде (1847 г.), въ этомъ отношеніи весьма неудовлетворителенъ, не только потому, что въ немъ не приведены всѣ значенія каждого слова, но еще и потому, что многихъ тысячъ словъ, разбросанныхъ по разнымъ древнимъ памятникамъ, въ немъ даже и вовсе нѣтъ. Что же оставалось дѣлать Линде? читать самому всѣ древнѣйшіе памятники, выбирать изъ нихъ то, чего не было въ словарѣ Рейфа, Алек-

своемъ или академическихъ словаряхъ съ 1789 и 1806 годовъ, и вообще, записывать слова, отступающія отъ обыкновеннаго, нынѣ употребительнаго ихъ значенія, и наконецъ, всѣ эти отдѣльныя выписки приводить въ азбучный порядокъ и оживлять своею свѣтлою мыслію. Повторяю, что первоначально намѣревался Линде собрать такіе матеріалы по всемъ славянскимъ нарѣчіямъ; послѣ однакожъ, видя, что чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, а рубить и носить ихъ некому, ограничился однимъ только русскимъ языкомъ, чувствуя, что предпринятый имъ трудъ не по силамъ одного человека. Прибавлю отъ себя, что мысль составленія такого сравнительнаго Словаря, о какомъ мечталъ Линде, въ наше время рѣшительно неисполнима. Для этого необходимо предварительное изданіе всѣхъ памятниковъ съ комментаріями, словарями, по крайней мѣрѣ, такими, какіе приложены къ Остромирову Евангелію (Востокова) и Слово о полку Игоревѣ (Дубенскаго). Все, собранное Линде, составляетъ только матеріалъ, далеко неполный, и не заключающій, говоря по книжному, никакого органическаго цѣлаго. Надъ такими-то матеріалами сидѣлъ онъ, когда вы, М. П. навѣстили его. Это было, кажется, въ 1839 году. Двѣтельное участіе, какое вы приняли въ его предпріятіи, удвоило его рвеніе. Съ тѣхъ поръ никакое уже постороннее занятіе не отвлекало его отъ главнаго труда, онъ весь преданъ ему, и когда графъ С. С. Уваровъ увѣщавалъ его поберечь свои силы, Линде отвѣчалъ словами Гёте: *Verbiete du dem Seidenwurme zu spinnen, wenn er sich schon dem Tode näher spinnt* (запрети шелковичному червю прядь, когда онъ уже близокъ къ своему превращенію).

Съ 1840 г. два молодые кандидата, только что кончившіе курсъ наукъ въ московскомъ университетѣ, назначены были въ помощь доживавшему свой вѣкъ знаменитому филологу, чтобы воспользоваться его послѣдними мыслями, одушевиться его идеями, подхватить тайну созданія стройнаго хранилища славянскаго слова. Въ какой степени могли молодые люди исполнить свое назначеніе, сейчасъ увидимъ, и для этого прежде всего опредѣлимъ, что могъ имъ передать знаменитый славянскій филологъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Линде отличался гениальнымъ даромъ соображенія, важнѣйшимъ условіемъ лексикографа; что этотъ даръ, вспомошествоваемый необыкновенною памятью, былъ данъ ему отъ природы, и только развитъ постояннымъ размышленіемъ и упражненіемъ. А можетъ ли этотъ даръ быть переданъ тому, кто совсѣмъ его лишенъ, не знаю. Можетъ быть, въ этомъ положеніи находились оба молодые человека; знаю по крайней мѣрѣ, что лексикографія не-

когда не составляла и до сих поръ не составляетъ главнаго предмета ихъ занятій. Сверхъ того, Линде чувствовалъ въ себѣ врожденную страсть къ подобнымъ изслѣдованіямъ; его каменное терпѣніе и сильная воля преодолевали все другія страсти; на старости лѣтъ онъ ничего уже не видѣлъ предъ собою; онъ пережилъ все желанія; все награды и милости наполняли сердце его благодарностью, но вовсе не радовали его: окруженный семействомъ, онъ жилъ только для него и для науки. Это исключительное положеніе было свойственно только ему и никакъ не могло быть приурочено къ его молодымъ сотрудникамъ. Они чувствовали, что свѣтъ для нихъ существуетъ не въ однихъ книгахъ; по самой молодости своей, они не могли имѣть его терпѣнія, его начитанности; они понимали, можетъ быть, даже лучше его, что время осуществленію его мысли еще не настало. Линде читалъ древніе памятники не для мысли, не для историческаго ихъ значенія, а для словъ; въ новѣйшихъ сочиненіяхъ, романахъ и повѣстяхъ, его часто поражали не картины, а слова, только слова; при нихъ онъ останавливался, размышлялъ, группировалъ рѣченія, создавалъ стройныя лексическія семейства. Молодые люди тоже читали, но памятники читали они для исторіи, романы и повѣсти для романовъ и повѣстей. Въ нихъ тоже поражали ихъ разныя мѣста, но не слова, а картины; и когда Линде вездѣ видѣлъ или искалъ *нетей Игоревыхъ* и *поганыхъ толкованъ*, въ воображеніи молодыхъ людей рисовались самозванцы, кабинетъ-министры Волынскіе или гудочники (*). Чемъ же, следовательно, могли воспользоваться молодые люди? Ни чѣмъ, кромѣ методы, которою они и дѣйствительно воспользовались бы, если бы судьба привела ихъ когда-нибудь продолжать дѣло, начатое Линде. Поучительныя бесѣды опытнаго филолога относились болѣе къ этой сторонѣ лексикографіи.

Матеріалы постоянно умножались; надобно было приступить къ дѣлу, привести ихъ въ кой-какой порядокъ, и, если возможно, напечатать хоть одинъ листъ, чтобы на этотъ трудъ обратить вниманіе филологовъ, узнать ихъ мнѣніе, сообразить и указаніями ихъ руководствоваться при изданіи дальнѣйшихъ выпусковъ. Планъ былъ отличный, и Линде приступить къ его выполненію. Въ этомъ отношеніи преимущественно помогъ ему его превосходительство П. А. Мухановъ (нынѣ попечитель варшавскаго учебнаго округа), который не только доставлялъ Линде все учебныя пособія, но и изданіе пробнаго выпуска взялъ совершенно на себя. Для этого выпуска Линде выбралъ букву К, потому собственно, что съ нея не начинаются слова, сложныя съ предлогами. Выборъ былъ не совсѣмъ

(*) Дмитрий Самозванецъ, Ледяной Домъ и Клятва при Гробѣ Господнемъ.

удачный: на двухъ изданныхъ листахъ подъ заглавиемъ: Матеріалы для Сравнительнаго Русскаго Словаря, видимъ русскихъ словъ пять-шесть; остальные все иностранныя. На всякой случай выпишу только одно слово изъ этихъ листовъ, именно *кабакъ*:

«*Кабакъ, Кобахъ, а. м. 1) Кабакъ изъ Татарскаго, гдѣ значить: село, имѣніе, владѣніе, maejtnosc, wieś, dziedzina. Пословъ встрѣтили мурзы, выпхавъ за своими кабаками, и поставиши пословъ у себя на кабакахъ, по-Русски въ сельхъ, г. 1650. Др. Вивл. 5. 141. Владѣніе того Мурзы четыре кабака, а въ кабакъ жильцовъ дворовъ по 200, доходу съ кабака по десяти коровъ, да съ двора по овецъ, г. 1610. Др. Вивл. 5. 143. А кабакъ его Шекалъ разорилъ и выжегъ весь и хлѣбъ потравилъ и скотъ выгналъ, г. 1693. Акт. Ист. 5. 485. Мы писали, чтобъ онъ нашего толмча чрезъ свои кабаки (чрезъ свои владѣнія) пропустилъ и проводить ихъ велѣлъ до Грузинскіе земли, г. 1651, ib. 4. 159 Шахъ хочетъ перевести его въ вѣсть кабакомъ въ свое государство, г. 1618. Др. Вивл. 5. 83. Послы пришли къ Кенмаментевымъ кабакомъ и перешедъ Терекъ стояли на лугу подъ Кенмаментевымъ кабакомъ, г. 1650. Др. Вивл. 5. 141. Какъ ихъ съ Терекъ отпустить, на которые мѣста, на чьи кобаки, на Дербень пойдутъ, о томъ о всемъ описать подлинно, г. 1618. ib. 5. 7. 2) Кабакъ, нынѣ значить питейный домъ, кружечный дворъ, кружало, корчма, шинокъ; karczma, szynk. Почти такое же явленіе представляетъ слово казинъ, которое отъ значенія села перешло на значеніе винокуреннаго котла, подобно тому, какъ кабакъ, означая первоначально селеніе, потомъ получилъ значеніе питейнаго дома.—При томъ кабакъ, означаетъ не только домъ или помѣщеніе, гдѣ производится продажа напитковъ, но и самую продажу или право на продажу оныхъ, откупъ, монополию, и въ семъ последнемъ смыслѣ употребляется не только въ отношеніи къ напиткамъ, но и въ отношеніи къ табаку, соли. На кобакъ не ходити, не пиши и не баражничать, г. 1639. Акт. Юрид. 330. А на Блюозерь только и питья, что на твоёмъ государевомъ кабакъ, вино да пиво, г. 1618. Акт. Арх. 3. 139. Въ 1657 г. запрещены все кабаки и мѣсто ихъ приказано учредить только въ однихъ городахъ и большихъ государевыхъ сельхъ по одному кружечному двору. Ист. Сб. III. 4. 312. Во вѣстьхъ юродьхъ гдѣ были на передъ сего кабаки, быти по одному кружечному двору, г. 1652. Акт. Арх. 4. 88. Содержать какую либо аренду, кабакъ, шинокъ или другое заведеніе, Свд. Зак. 5. 474. Огромные доходы получаютъ отъ кабаковъ или питейныхъ домовъ, въ которыхъ продается водка, медъ, пиво. Ж. II. 39. 7. 11. 32. А корчменное питье велѣтъ вынимать и отдавать въ*

продажу на кабаки и на корчемничать и притхлать чинить заповеди, г. 1618. Акт. Арх. 3, 129. А которой десь не пишется, и ты бы тотъ лесь велеть оцннъ отдать на кабаки, а на той цинь велеть взать денгъ цнн кабакиныхъ доходовъ, г. 1632. Акт. Арх. 3. 291. Пожаловати цнъ въ городѣ Мрицкскъ кабакомъ съ торгомъ и капициною во владннѣ Бурмистровъ, г. 1654, Акт. Ист. 4. 228. Полполны Долгя, да бортною деревнею съ томгою (зв. тамгою) и съ кабакомъ, г. 1629, Акт. Арх. 3, 486. Пожаловали мы его въ Ярославль на посадь кабакомъ, и съ того кабака кабацкая прибыль собирать, г. 1645, Др. Вив. 15. 220. Воевода да Дякъ приговорили то окло отдать на кабаки Чюмаку въ печатное ведро; а за то цно на укляу аз государеву казну денгъ взать, г. 1615, Акт. Юрид. 75 §. Въ Словарь Рейфа кабаки значить еще полку, на которой ставятся бутылки. §. Въ слѣд. примѣръ кабаки имвють особенное значене: При дѣлѣ листового жельза на дѣло и стовъ жельза готовится соробо отъ промаго по лекаламъ (что называются Кобакы) длиной 3 и 2½ аршинъ, шириною 6, толщиною въ ½ дюйма. Др. Вив. 19. 178-9. §. Въ южной Россіи Кабакъ значить тыква. См. Слов. Бурнашева I. 256. Гарбузь у Малороссіянъ означають тыкву; Новороссіянъ называютъ кабаки. ib. I. 138.

«Производныя кабаки, кабакишки, кабакишки, кабакишки, кабакишки».

Какъ же вамъ теперь кажется? Видъ составленія Словаря предумано не дурно. Два листа выданы и разосланы радишь ученымъ какъ въ Россіи, такъ и за границу; стоило, кажется, обратитъ на это предпріятіе вниманіе публики. Что жь сдѣлалъ ученый? — молчали: Линде до самой своей кончины ни отъ одного изъ нихъ не получалъ ни замчаній, ни поощреній; нѣмалъ участіе въ послѣдніе годы его жизни ограничивалось однимъ, исключительно однимъ П. А. Мухановымъ. Это равнодушіе русскихъ ученыхъ нѣсколько охладило его усердіе; въ послѣдній годъ своей жизни онъ совершенно бросилъ свои занятія, тѣмъ болѣе, что и доктора рѣшительно запретили ему заниматься тѣмъ-нибудь серьезнымъ: послѣдніе мѣсяцы онъ читалъ только ора узкіе романы. Десятилѣтніа страданія, занятія, соединенныя съ умственнымъ напряженіемъ, и недостатокъ движенія востощали его силы, разумѣется, подъ сильнѣшимъ вліаніемъ старости: ему было тогда 74 года. Смерть его послѣдовала въ августъ мѣсяцъ 1847 года.

Перехожу къ отвѣту на вопросъ вашъ, что сдѣлалось съ матеріалами, оставшимися послѣ Линде?

Послѣ Линде осталась его бібліотека и упомянутые матеріалы. Библіотека самая ничтожная. Линде, бывши ректоромъ Варшавскаго

лица (°), былъ въѣздъ и директоромъ библиотеки; могъ, следовательно, для своихъ занятій пользоваться казенными книгами, и потому на свой счетъ ихъ не приобретае. Библиотека его состояла изъ старинныхъ изданій древнихъ, исключительно латинскихъ, классиковъ, изъ нѣсколькихъ грамматикъ и словарей, наконецъ, изъ русскихъ книгъ даровыхъ, которыми обогащали его графъ С. С. Уваровъ и вы, Михаилъ Петровичъ.

Что касается до матеріаловъ, то они состояли, большею частью, изъ выписокъ, сдѣланныхъ на отдѣльныхъ карточкахъ, выписокъ изъ русскихъ памятниковъ и писателей. Всѣ эти карточки, которыхъ число простирается до двухъ-сотъ тысячъ, лежали себѣ до поры до времени въ ящикахъ, обвязанныхъ и запечатанныхъ подъ надзоромъ людей, рѣшительно не понимавшихъ въ нихъ никакого толку.

Позвольте мнѣ здѣсь умолчать объ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ: боюсь въ негодованіи своемъ сказать что-нибудь лишнее.

Нынѣ заведеніе имени графовъ Оссолинскихъ во Львовѣ (*Zakład imienia Ossolinskich*) положило свой сбереженный капиталъ (около 30,000 руб. сер., какъ сказываютъ) обратить на вторичное изданіе польскаго Словаря Линде, безъ всякихъ измѣненій, но съ однимъ дополнительнымъ томомъ, согласно новѣйшимъ успѣхамъ польскаго языка. Намѣреніе прекрасное, но планъ выполненія весьма и весьма неудовлетворительный. Главнымъ издателемъ будетъ г-нъ Бѣлѣвскій, о котораго трудахъ въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ разскажу подробнѣе. Заведеніе предложило семейству Линде 100 экземпляровъ новаго изданія, и за то потребовало присылки всѣхъ оставшихся послѣ него бумагъ. Согласно этому желанію, всѣ матеріалы будутъ отправлены во Львовъ, гдѣ, сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь хотѣлъ сдѣлать изъ нихъ полезное для науки употребленіе, уже и потому, что эти матеріалы могутъ быть годны для одного только русскаго Словаря, изданіе коего во Львовѣ, въ виду, какъ извѣстно, вовсе не имѣется.

На первый разъ будетъ довольно. Какъ только найду время, постараюсь доставить вамъ свѣдѣнія о настоящемъ направленіи и успѣхахъ польской литературы, преимущественно же, если найду въ ней что-нибудь такое, что могло бы быть занимательно и для русскихъ ученыхъ. О Мацвѣвскомъ и Кузарскомъ напишу въ первомъ письмѣ.

Ж. ПАЛЛОНСКІЙ.

Варшава.

2½ февраля 1854 г.

(°) Ректоръ лицея надобно переводить: директоръ гимназій. Лицея, въ нынѣшнемъ русскомъ значеніи этого слова, въ Варшавѣ не было; ректорами же называли не только директоровъ, но даже и инспекторовъ узкихъ училищъ.

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

МИТРОПОЛИТЪ ДИОНІИТЪ.

Въ концѣ прошлаго года, декабря 3, скончался въ Москвѣ митрополитъ Иліуполя и Ливанской горы, Неофитъ, на 76-мъ году отъ рожденія. Лишь только я узналъ объ этомъ, сейчасъ-же повхалъ въ Богоявленскій монастырь, гдѣ въ послѣднее время жилъ покойный. Я зналъ его и пользовался постояннымъ его расположеніемъ и дружбой, даже былъ его ученикомъ въ арабскомъ языкѣ: и потому мнѣ скорѣе чѣмъ другому надлежало поспѣшить проститься съ добрымъ человекомъ, поклониться праху его. — Онъ лежалъ въ соседней со своими комнатами, въ нашемъ митрополичьемъ облаченіи. Его красивое восточное лицо, обыкновенно смуглое, поблѣднѣло и поблѣднѣло. Правильныя черты обозначились рѣзче. Въ домъ мнѣ могли только сказать, что, кажется, митрополитъ простудился...

7-го числа, въ понедѣльникъ, было совершено погребеніе, соответственное сану покойнаго. При отпѣваніи гдѣ служилъ московскій митрополитъ Филаретъ. Много народу стеклось въ монастырь, но кажется бѣльшая часть привлечена была необыкновенностью зрѣлища и торжественности службы. Иные смотрѣли на его черты въ первый разъ. Въ народѣ называли покойнаго *архическимъ митрополитомъ*, и не многіе звали, кто онъ и что онъ въ самомъ дѣлѣ. — А это былъ человекъ очень замѣчательный по своей истинно-христіанской жизни, принесшій себя въ жертву своей церкви, рѣшившійся для нея умереть на чужой сторонѣ, за нѣсколько тысячъ верстъ отъ родины, отъ матери. Онъ былъ родомъ арабъ, изъ Сиріи. Прибывъ въ помянутыя мѣста въ страну, ему чуждую по нравамъ, обычаямъ и

языку, онъ скоро привыкъ ко всему, чего требовали обстоятельства. Привыкнувъ въ своей сторонѣ ходить всюду пѣшкомъ, или, при осмотрѣ подвѣдомственнымъ ему епархіей — ѣздить, какъ ѣздить все, по причинѣ неустройства дорогъ — на бедунскихъ коняхъ, легкихъ какъ вѣтеръ, онъ сталъ здѣсь ѣздить въ каретѣ, и затвориться въ келью. — Умѣлъ скоро познакомиться съ такими людьми, которые могли ему содѣйствовать въ его служеніи въ пользу Антиохійской церкви. Одинъ почтенный человекъ написалъ для него брошюру; и въ какой-нибудь годъ узнали вездѣ о митрополитѣ Неофитѣ и цѣли его прибытія, и со всѣхъ отдаленныхъ концовъ Россіи полились пожертвованія. Не проходило почты, чтобъ не было откуда-нибудь пакета съ деньгами. Неофитъ работалъ неутомимо. Снѣ заказывалъ иконы, утварь, и все это пересылалъ въ свою бѣдную церковь. Въ последнее время, года два тому назадъ, онъ отправилъ большое мѣстное Евангеліе въ серебряномъ вызолоченномъ переплетѣ, которое сдѣлалъ на свой счетъ. Заботился о напечатаніи православнаго матиуханиса Филаретова, переведеннаго на арабскій языкъ, съ тѣмъ, чтобы раздать его безденежно бѣднымъ своимъ братьямъ въ Антиохіи. И это онъ хотѣлъ сдѣлать на свой счетъ. Впоследствии Неофитъ рѣшился вступить въ подданство нашего Императора. Его приняли. Онъ не пересталъ однако думать единственно объ Антиохійской церкви. Испросивъ у Синода позволеніе на устройство въ Москвѣ Антиохійскаго подворья, (для чего ѣздилъ лично въ Петербургъ и прожилъ тамъ около года) — купилъ мѣсто на Ильинкѣ, въ переулкѣ съ принадлежащею къ нему церковью, и послѣдніе годы жизни стараясь устроить это подворье, сочинялъ планы, совѣтовался съ архитекторами и частію уже началъ работы. Но судьба не судила ему видѣть осуществленія этихъ плановъ, и себя въ собственности мѣсть, начальникомъ подворья.... Что-то будетъ безъ него съ этимъ подворьемъ и съ отношеніями въ помѣзу Антиохійской церкви?

Жизнь этого человека была истинно-христіанская, посвященная трудамъ и молитвамъ. Когда онъ выходилъ, съ нимъ постоянно были великія деньги для раздачи бѣднымъ. Послѣ смерти у него не осталось ничего: это одно изъ доказательствъ, какъ мало думалъ покойный о себѣ. — Онъ держалъ себя строго. Ълъ необыкновенно мало. Въ Великій постъ питался однимъ чаемъ съ небольшимъ количествомъ хлѣба, и больше не употреблялъ въ пищу ничего. Спалъ обыкновенно 4 часа въ сутки. Въ свободныя минуты читалъ свя-

ценныя книги, записывать на арабскомъ языкѣ то, что ему казалось любопытнымъ. Записалъ между прочимъ на томъ же языкѣ нашу митрополичью службу, со всеми подробностями, переписалъ каллиграфически своей рукой, красными и черными чернилами, и отослалъ въ Антиохію. — Сложенія былъ необычайно крѣпкого. Боленъ былъ всего два раза въ жизни, — однажды лихорадкой, полученной имъ еще въ своей странѣ отъ того, что съѣлъ одну большую *цѣлую* грушу, которой обыкновенно съѣдаютъ половину, а другую половину бросаютъ; а другой разъ — ревматизмомъ, здѣсь въ Москвѣ, на прежней сырой квартирѣ. По его здоровью, которымъ онъ пользовался, можно было думать, что онъ проживетъ еще долго. Замѣчательно, что у него осталась въ живыхъ мать. Онъ говорилъ, что по разнымъ обстоятельствамъ не видалъ ея около 40 лѣтъ. Но они были въ постоянной перепискѣ. Я видалъ ея письма, писанныя очень красивымъ арабскимъ почеркомъ. Она писала безъ очковъ, и вообще была крѣпкая старушка. Сохранила все зубы и могла жевать сухой горохъ. Ходила безъ костыля и выстаивала всякой день все церковныя службы: утрени, обѣдни, вечерни. «Вотъ, все зоветъ меня къ себѣ, чтобы прѣхалъ новиздаться!» говорилъ мнѣ митрополитъ, когда показывалъ ей письма: «но думаю, этого не будетъ!» добавлялъ онъ, вѣдькая.

Я могу рассказать два случая объ одной обыкновенной чертѣ въ восточномъ человѣкѣ, о некоторой недоверчивости и осторожности, съ какой митрополитъ Неофитъ входилъ въ знакомство съ разными лицами. Въ этомъ отношеніи онъ былъ арабъ до последней минуты жизни. — Придя къ нему однажды, я засталъ у него какого-то господина, въ европейской одеждѣ, по видимому иностранца, говорившаго съ нимъ по-гречески. (Митрополитъ говорилъ еще по-турецки). Немного погодя, митрополитъ отвелъ меня въ сторону къ столу и написалъ на клочкѣ бумаги: *это англійскій священникъ*. Надо было думать, что этотъ священникъ знаетъ по-русски, но оказалось, что онъ не знаетъ ни слова. — Въ другое свиданіе я спросилъ у Неофита, отъ чего онъ не сказалъ мнѣ объ англійскомъ священникѣ просто на словахъ, а написалъ: вѣдь онъ не знаетъ по-русски? — «Да, какъ же! отвѣчалъ митрополитъ: ты не знаешь, какой это хитрый народъ: они все знаютъ, а притворяются, что ничего не знаютъ!» — Напрасно я старался увѣрить его, что онъ дѣйствительно не знаетъ, даже рассказалъ ему, что былъ у этого священника и убѣдился, что онъ знаетъ только два

слова: *погребъ* и *малина*, да и ты мвшесть: илкнууй челоуька, говоритъ ему: *погребъ!* и челоуькъ догадывается, въ чемъ дѣло, — отправляется въ погребъ и приносить *малину*. Митрополитъ смѣлся, но все-таки стоялъ на своемъ, что они хитры, все знаютъ и притворяются. — Другой разъ недоувѣрчивость его послужила въ пользу. Но тутъ была уже и нѣкоторая проициательность, тоже, можетъ быть, восточная.

Лтъ пять тому назадъ прибылъ въ Москву пвшкомъ какой-то челоуькъ, въ бѣдной, оборванной одеждѣ, и называлъ себя сербомъ, ограбленнымъ друзьями. Онъ имѣлъ кое къ кому рекомендательныя письма отъ одного известнаго лица изъ Харькова.

Серба обласкали, приютили. Одинъ добрый челоуькъ далъ ему у себя квартиру и столъ, и даже собрагъ подписку, чтобы помочь ему добраться до Петербурга, гдѣ, какъ онъ говорилъ, есть у него какой-то родственникъ, богатый и известны челоуькъ. Незадолго до отбытiя его въ Петербургъ мв случилось его увидѣть. Много разныхъ разностей рассказывалъ этотъ оборванный сербъ: рассказывалъ о битвахъ Друзовъ съ Маронитами, Сербовъ съ Турками; тогда мы только что прочли въ газетахъ, что Друзы разграбили монастырь Св. Михаила и сожгли нѣсколько окрестныхъ деревень. Спросили се, ба, не знаетъ ли онъ чего объ этомъ дѣлѣ. Какъ же, отвѣчалъ онъ: я самъ былъ въ это время въ монастырѣ; мы отстрѣльивались три дни.... Рассказывалъ, что онъ былъ адъютантомъ у сербскаго князя Милоша Обреновича, впоследствии изгнаннаго; описывалъ намъ домашнюю жизнь князя, его привычки, дошелъ до того, какъ онъ помогъ ему ввести въ народное употребленiе особыя телеги, запрегавшiя парой... Словомъ, чудо какiя подробности. О себѣ говорилъ, что онъ сынъ известнаго генерала Стояна, о которомъ сложена народная пѣсня, напечатанная въ собранiи Караджича. Послѣ я взглянулъ на эту пѣсню: ничего особеннаго, помню только описанiе богатой одежды Стояна, которая совсѣмъ не гармонировала съ одеждою его сына. Говорилось, что

..... Надѣлъ онъ на голову шапку,
А на шапку нацвпилъ салтаны,
Одна шапка, а салтановъ девять,
Дя крмло изъ серебра и злата,
Что его отъ вѣтра охраняло,
Что отъ вѣтра, отъ погоды лютой.
Подпоясалъ златолитый поясъ,

За поясъ заткнулъ книжалъ булатный,
И четыре гданскихъ пистолета,
Съ золотой богатою настьчкой;
Были латы шелкомъ подослаты...

Словомъ, только и было, что серебро, золото да шелкъ — таково былъ Стоянъ Дмитріевичъ, но сынъ его Дмитрій Стояновичъ, или, какъ онъ хотѣлъ чтобы его называли, — Дмитрій Степановичъ, сидѣлъ передъ нами въ какомъ-то трепанномъ суконномъ охобитѣ, съ жестяной сумкой черезъ плечо, небритый, нечесанный, страшный. Услышавъ отъ него о Друзахъ, я вспомнилъ о Сири, о митрополитѣ Неофитѣ; вспомнилъ также, что деревня, гдѣ жилъ въ последнее время въ своей странѣ митрополитъ, и гдѣ находился его маленькій домикъ, — все его тамошнее имущество, — была не далеко отъ монастыря Св. Михаила: я сталъ просить серба отправиться со мною къ митрополиту, предполагая, что тѣмъ услужу последнему. Сербъ задумался, но скоро согласился, и мы пошли. Зная напередъ, что бѣдная одежда и грязный видъ серба произведутъ невыгодное впечатлѣніе на восточнаго человека, я поспѣшилъ предупредить и сказалъ митрополиту, кто это такой. Онъ какъ будто и не слышалъ меня. Взглянулъ быстро на гостя, и такъ-какъ тотъ, войдя, заговорилъ съ нимъ по-турецки, отвѣчалъ ему также по-турецки. Разговоръ ихъ продолжался минуты двѣ-три. *А знаешь что* — сказалъ вдругъ Неофитъ по-русски, вѣроятно для того, чтобы и я могъ понять — я наострилъ уши. *Что?* спросилъ сербъ. — *Ты мошенникъ!* отвѣчалъ митрополитъ, смѣло смотря ему въ глаза. — Я такъ и обмеръ. Думалъ, что будетъ какое-нибудь непріятное объясненіе, но ничего не вышло. Сербъ сказалъ только: *извините!* и вышелъ не простясь. Я пошелъ за нимъ разстроенный и смущенный. Дорогой я вслѣски старался успокоить моего спутника, но онъ, кажется, не нуждался въ этомъ, и говорилъ, что привыкъ къ подобнымъ выходкамъ, что восточному человеку нужно богатое платье...

Послѣ этого я долго не видался съ Неофитомъ. Онъ самъ прислалъ за мною. «Ты не сердись на меня, Николай, — такъ онъ встрѣтилъ меня: этотъ человекъ мошенникъ, и ты это рано или поздно узнаешь». — Черезъ несколько дней мы въ самомъ дѣлѣ узнали, что этотъ сербъ, отправившійся въ Петербургъ, былъ схваченъ на дорогѣ, оказался бродягой, и посаженъ подѣ стражу. Митрополитъ также узналъ объ этомъ. «Вотъ видишь, я тебѣ говорилъ, что онъ мошенникъ», — сказалъ онъ мнѣ при первомъ свиданіи; я молчалъ: мнѣ было неловко и совѣстно за всѣхъ тѣхъ (а ихъ было не мало),

кого обмануль этотъ выходецъ, можетъ быть какой-нибудь воръ, разбойникъ.... Около году бродилъ онъ по Россіи. Одинъ харьковскій помѣщикъ подарилъ ему лошадь и ружье. Около году вездѣ принимали его за адъютанта князя Милоша, и въ какія-нибудь двѣ минуты разгадалъ его проникательный восточный монахъ!... (*)

.....

Мать праху твоему, добрый человекъ! Да помолимся и мы за тебя, какъ ты всю свою долгую жизнь молился за всѣ христіаны.

В.

(*) Этого, вѣроятно, Дмитрія Стояновича я видѣлъ въ Переславскомъ Никитскомъ монастырѣ, изъ котораго его съ большими усиліями могли выпроводить. Онъ бралъ на себя различныя роли: иногда былъ синонь миллионера-купца и строителемъ разныхъ монастырей; иногда богатъ, иногда оборванъ, то аскетъ, то гуляка. Много легковѣрныхъ людей, и всѣми онъ умѣлъ пользоваться. Онъ лѣтъ за 30-ть, черноволосый, выше чѣмъ средняго роста, довольно полный. Въ глазахъ что-то странное, доказывавшее неправильную, а можетъ быть и преступную жизнь. Разговоръ его иногда былъ несвязенъ, и тогда говорилъ, что на него *отъ роду* находить иногда *замыслие*. По-русски говорилъ не совсѣмъ правильно. Д.

С М Ъ С Ъ.

ВАЛЛОТТИ ТРОТЪ,

или легенда о лиси и другихъ пряхахъ.

Въ убогой хижинѣ, среди дремучаго лѣса, жила когда-то старуха съ красавицей дочкой. Онѣ были очень бѣдны, и единственнымъ ихъ средствомъ пропитанія было веретено молодой дѣвушки; она принуждена была работать безъ устали съ утра до вечера, чтобы какъ-нибудь поддерживать себя и мать. Однажды, сынъ короля, будучи на охотѣ, заблудился въ этомъ лѣсу, и зашелъ въ хижину вдовы, чтобы осведомиться у ней о дорогѣ. Его поразила красота дѣвушки, и онъ не могъ надиваться огромному множеству мотковъ нитокъ, свидѣтельствующихъ объ ея дѣятельности и искусствѣ. Онъ спросилъ: во сколько времени онъ могли выпрясть такое значительное количество нитокъ. Старуха не хотѣла признаться, что дочь ея на эту работу употребила цѣлую зиму, и сказала принцу, что она выпряла все это въ одну недѣлю. «Въ недѣлю!» повторилъ удивленный принцъ. «Если вы говорите правду, то я нашелъ здѣсь жену болѣе достойную моей руки, чѣмъ кто-либо изъ дѣвушекъ, которыхъ я до сихъ поръ встрѣчалъ. Я вамъ приняло известное количество льна; и если она выпрядетъ его въ одну недѣлю, то я на ней женюсь, въ противномъ же случаѣ, вы обвѣнчитесь женинѣ, за то, что посмѣли обмануть сына вашего государя».

Легко вообразить ужасъ молодой прядильщицы, когда, на другой день, у дверей хижины появились 12 муловъ, нагруженныхъ льномъ, она вышла въ лѣсъ, чтобы безъ свидѣтелей предѣться горести своей и дать волю своимъ слезамъ, но вдругъ она увидѣла передъ собою дряхлаго и сгорбленнаго старичка. Разузнавъ причину ея горести, онъ сказалъ ей: «Не плачь, дочь моя, я беру съ себя».

нить то, что тебѣ задавъ принцъ, съ тѣмъ только, чтобы ты обещала отдать мнѣ своего перваго ребенка, когда ему минетъ годъ и день, если до того времени не отгадаешь моего имени». Удивительная дѣвушка согласилась на этотъ уговоръ. Старикъ взялъ весь лѣтъ, и, по истеченіи недѣль, возвратилъ его въ видѣ прекрасныхъ нитокъ. Принцъ, найдя все въ порядкѣ, женился на молодой прядильщицѣ. Они жили очень счастливо, а когда у принцессы родился сынъ, радости ея мужа не было границъ. Но увы! роковой срокъ приближался, а принцессѣ еще не удалось отгадать имени таинственнаго незнакомца: она боялась лишиться ребенка, а между тѣмъ не смѣла сообщить опасеній своимъ мужу. Принцъ, видя ее однажды въ очень грустномъ расположеніи духа, и желая ее разсвѣять, сталъ разсказывать ей, что съ вѣтъ въ этотъ день приключилось на охотѣ. Онъ еще разъ заблудился въ лѣсу, и наконецъ дошелъ до пещеры, въ которой старикъ прядъ лѣтъ посредствомъ какого-то страннаго колеса, напѣвая хриплымъ голосомъ какую-то пѣсню, изъ которой принцъ запомнилъ только содержаніе: старикъ говорилъ, что его имя пока никому неизвестно, но что вскорѣ оно врѣжется въ память королевы, обещавшей вѣрить ему своего сына, ему съдому Валлотти Троту. Принцесса тотчасъ же догадалась, что это долженъ быть ея таинственный покровитель. Когда ребенку минуло годъ и день, старикъ явился за нимъ. «Остановитесь», вскричала принцесса, «васъ зовутъ *Валлотти Тротъ*». Она не ошиблась, и въ награду за то, что она узнала его имя, старикъ показалъ ей употребленіе колеса, посредствомъ котораго онъ могъ такъ скоро выпростать такое огромное количество льна. Послѣ этого старикъ исчезъ навсегда, принцесса же сообщила новое это изобрѣтеніе всѣмъ своимъ подданнымъ, и этимъ возвысила свое государство надъ всѣми соседними державами.

Вотъ, вкратцѣ, содержаніе легенды, которую докторъ Кукъ Тэйлоръ слышалъ въ Ирландіи отъ старой крестьянки. Она явно напоминаетъ одну изъ сказокъ братьевъ *Гриммъ*. Весьма вѣроятно, что добрая старушка, съ которой говорилъ докторъ Кукъ Тэйлоръ, была твердо убѣждена въ истинѣ своего разсказа: вѣдь были же и въ ходу другія легенды, еще гораздо болѣе неестественныя. Намъ не разъ случалось замѣчать склонность народовъ приписывать, все полезныя изобрѣтенія какимъ-то таинственнымъ созданіямъ, феямъ, эльфамъ, добрымъ гениямъ.

Появленіе самопрядки составляетъ важную эпоху въ исторіи прядильнаго, также какъ и ткальнаго искусства; первое, по всѣмъ вѣроятностямъ, уступаетъ въ давности послѣднему, потому что

солома, тростникъ, многіе корешки и волокны могутъ быть употреблены для тканья въ первобытномъ своемъ видѣ. Однакожь и прядильное искусство процвѣтаетъ съ незапамятныхъ временъ, прялка и веретено были известны почти всемъ народамъ древности. Индусы до сихъ поръ употребляютъ одни эти первобытные снаряды, которые не очень еще давно были замѣнены самопрялкой. Пряденіе было главнымъ занятіемъ благородныхъ дамъ во времена рыцарства. Кто же былъ настоящій *Валлотти Тротъ*, изобрѣтатель самопрялки? Это неизвѣстно, и, по всемъ вѣроятностямъ, останется неизвѣстнымъ; но кто бы онъ ни былъ, его можно назвать *Аркрайтомъ* (Arkwright) своего времени, — онъ открылъ путь, по которому мануфактурная промышленность дошла до теперешняго своего громаднаго развитія. Еслибъ не былъ найденъ способъ прясть шитки гораздо скорѣе, нежели какъ это дѣлается посредствомъ веретена и прялки, то почти не стоило бы труда ускорять процессъ тканья, и вѣроятно никто-бы не позаботился объ усовершенствованіи станковъ; безъ самопрялки не существовало бы прядильной машины; пары не были бы употреблены на помощь механики; бумажныя и шерстяныя матеріи, тюлевые воротники, фуляры, бѣлые чулки и тонкое бѣлье не могли бы быти, какъ теперь, доступны даже низшимъ сословіямъ. Если великіе перевороты промышленности и низли свою дурную сторону (въ чемъ мы не можемъ не сознаться), то мы все же не должны забывать о ихъ благотворномъ дѣйствіи, далеко превышающемъ вредъ, который они могли причинить.

Въ отношеніи къ фабричной системѣ — какую противоположность мы находимъ между прошлымъ столѣтіемъ и нашимъ временемъ! Возьмемъ, напримѣръ, производство шерстяныхъ матерій: мы видимъ, что эта отрасль промышленности процвѣтала въ графствѣ Норфолькскомъ, за долго передъ тѣмъ, какъ она сдѣлалась известна на западѣ Юрکشэира; нѣтъ еще семидесяти лѣтъ, какъ она введена въ это последнее графство, гдѣ, благодаря каналамъ, нѣтъ недостатка въ двигательной силѣ, и каменный уголь гораздо дешевле, чѣмъ во всѣхъ другихъ частяхъ Англіи. Но, въ графствѣ Юркскомъ, равно какъ въ Норфолькскомъ, въ Кендэлъ, какъ и на западѣ Англіи, производство шерстяныхъ тканей, прежде введенія машинъ, имѣло довольно страшный характеръ. Фабрикъ вовсе не существовало и даже мастерскихъ было немного. Фабрикантъ-капиталистъ, бравшій на себя обязанность снабжать рынки товарами, довольно странно поступалъ относительно самаго производства своего товара. Сперва онъ верхомъ обязывалъ всю провинцію, чтобы закупать шерсть, которую послѣ обрабатывали ремесленники; онъ доставлялъ фермы и

привилегированные города, имѣющіе шерстяной рынокъ, и такимъ образомъ понемногу набиралъ нужное ему количество шерсти. Потомъ онъ отдавалъ эту шерсть бракерамъ, которые, не торопясь, сортировали ее по достоинству, и ножницами отрывали слишкомъ длинныя волокна. Послѣ этого шерсть переходила къ чесальщикамъ; сдѣлавъ свое дѣло, они возвращали ее фабриканту. Тогда шерсть связывали въ тюки, и на лошакахъ, отвозили ее въ деревни и отдавали прядь крестьянкамъ; такимъ образомъ ее отсылали иногда очень далеко отъ городовъ. Обыкновенно фабрикантъ, чтобы не перять попусту времени и трудовъ своихъ, имѣлъ въ каждой деревнѣ агента, которому было поручено раздавать шерсть крестьянкамъ. Когда шерсть была спрядена, агентъ этотъ приходилъ за нею и отсылалъ обратно къ мануфактуристу. Тогда снова начинались безконечныя хлопоты: шерсть нужно было отдать ткачамъ. Ткачи эти были разсыяны вездѣ; каждаго нужно было отыскать въ его жилищѣ, чтобы отдать ему известное количество шерсти, которую онъ долженъ былъ ткать. Когда наконецъ она была превращена въ ткань, нужно было еще очистить, вычесать, окрасить и остричь эту ткань, и каждая изъ этихъ операций требовала новыхъ разъѣздовъ. Фабрикація бумажныхъ матерій, хотя она и гораздо позже была введена въ Англію, и по этому подлежала другимъ условіямъ, все-таки представляла много затрудненій. Бумагу пряли преимущественно крестьянки въ окрестностяхъ Манчестера, Болтона и другихъ городовъ Ланкастершира; онѣ этимъ занимались въ промежуткахъ между сельскими работами. Пряжу эту закупали промышленники, ходившіе изъ дому въ домъ, ведя за собою лошадь, на которую они навьючивали закупленную ими бумагу. Очевидно, что этотъ способъ дѣйствій представлялъ значительныя неудобства, и что ткачи часто были останавливаемы въ своей работѣ недостаткомъ пряжи; къ-тому же цѣна бумажной пряжи безпрестанно изменялась и часто возвышалась до того, что сами дѣти находили выгоднымъ грудиться безъ усталости надъ прядеземъ. Часто случалось, что отецъ былъ ткачъ, а мать прядильщица, и что они работали вместе въ одной и той же скромной комнаткѣ. Иногда промышленникъ давалъ крестьянину нитокъ для основы и сырой бумаги для утока, предоставляя ему и его семейству превратить эти матеріалы въ бумажную ткань. Разношники пользовались этимъ, чтобы, за разныя бездѣлицы, вымѣнивать у женщинъ по нѣскольку горстей бумаги, надѣясь, что фабрикантъ не замѣтитъ этой утраты.

Самый образъ жизни фабрикантовъ рѣзко отличается отъ теперешнихъ обычаевъ. Въ Ланкастерширѣ дороги были такъ дурны,

что товары можно было перевозить, только навьючивая их на лошадей. Докт. Эйкинъ (Aikin), долго жившій въ Манчестерѣ, говоритъ, что до 1690 года не было капиталистовъ между ланкастершйрскими фабрикантами бумажныхъ матерій; каждый изъ нихъ искалъ въ этой промышленности ничего болѣе, какъ средствъ прокормленія. Въ слѣдующія 30 или 40 лѣтъ фабрикантъ продолжалъ неутомимо трудиться и жить очень просто, но въ то же время онъ мало по малу сталъ копить деньги: онъ уже не развозилъ своихъ товаровъ, а сталъ ихъ продавать оптомъ купцамъ, которые сами къ нему прѣзжали.—Въ тѣ времена богатый мануфактуристъ уже съ шести часовъ утра находился въ своемъ магазинѣ со всемъ своимъ семействомъ и своими работниками.... Часовъ въ семь приносили завтракъ, состоявшій изъ какой-то кашицы и свѣжаго молока. Хозяинъ и работникъ ѣли вмѣстѣ изъ одного блюда, и, послѣ завтрака, тотчасъ же принимались за работу.

Отъ середины прошлаго столѣтія до времени Аркрайта, фабрикантъ мало по малу расширилъ кругъ своей дѣятельности. Вместо того, чтобы объѣзжать всѣхъ мелкихъ торговцевъ и предлагать имъ свой товаръ, торговые агенты стали ограничиваться тѣмъ, что представляли образчики и принимали заказы; и, такъ какъ дороги постепенно улучшились, то вьючныхъ лошадей вскорѣ замѣнили фургонами. Наконецъ появились изобрѣтенія Цатта, Аркрайта, Гартгрэва, Крэтптона, и графство Ланкастерское подверглось безпримѣрному дотолѣ общественному перевороту.

Теперь призовемъ на помощь добраго волшебника *Валлотти Трота*, перескочимъ еще черезъ три четверти столѣтія, и перенесемъ въ девятнадцатый вѣкъ.

Картина первая: прядильный заводъ въ Ланкастершйрѣ. Мы видимъ высокое кирпичное зданіе съ безчисленными окнами, безъ всякихъ украшеній; каково бы ни было его внутреннее устройство, вѣншній видъ не представляетъ ничего привлекательнаго; однако это—чудно устроенная машина, въ которой паръ, желѣзо, сталь, руки человѣческія дѣйствуютъ дружно для одной и той же цѣли. Въ одну дверь вносятъ тюкъ хлопчатой бумаги, изъ другой онъ выходитъ въ видѣ коленкора, перейдя сперва черезъ миллионы человѣческихъ рукъ. Зданіе состоитъ изъ пяти или шести этажей; въ каждомъ этажѣ находятся просторныя мастерскія или галлерей, освѣщенныя многочисленными окнами. Мы видимъ здѣсь машины, которыя переносятъ работниковъ въ верхніе этажи, машины, которыя поднимаютъ и спускаютъ тюки бумаги, машины, которыя приводятъ въ дѣйствіе ткацкіе станы и самопрядки. Мы здѣсь находимъ тѣмъ-

вое освѣщеніе для длинныхъ зимнихъ вечеровъ, теплородъ, согревающій компаты въ холодные дни, вентиляторы, освѣжающіе воздухъ во время лѣтнихъ жаровъ. Хлопчатая бумага переходитъ изъ этажа въ этажъ, подвергаясь постепеннымъ измѣненіямъ. Одна машина раздвѣляетъ волокнистые клочки, другая очищаетъ ихъ отъ пыли, третья параллельно растягиваетъ всѣ волокна, четвертая раздвѣляетъ ихъ на узкія полоски, изъ которыхъ известная «муль-доженн» ссучиваетъ нитки; въ это же время мужчины, женщины, дѣти всѣхъ возрастовъ присматриваютъ за дѣйствіемъ машинъ и помогаютъ ему. Уже не нужно ходить изъ хижины въ хижину, чтобъ одному поручить чесанье, другому пряденье, третьему тканье бумаги: теперь всѣ эти работы соединены вмѣстѣ и производятся посредствомъ машинъ; работникамъ остаются только тѣ занятія, которыя требуютъ сознанія и соображенія, или черезъ чуръ тонкой работы. Ошибочно было бы думать, подобно некоторымъ особамъ, что теперешнее устройство фабрикъ унижаетъ работниковъ до степени автоматовъ или машинъ: напротивъ того, отъ нихъ требуется искусство, скорость соображенія, догадливость. Когда бумага спрядена, ее переносятъ въ ткацкія мастерскія, гдѣ опять же машинны ткутъ безконечныя поставы коленкора, и гдѣ женщинамъ и дѣвушкамъ остается только присматривать за ходомъ механики и поправлять возможности неисправности ея. Когда ткань готова, ее сжимаютъ посредствомъ гидравлическихъ прессовъ. Между тѣмъ фабрикантъ, черезъ своихъ агентовъ, ведетъ переписку со всеми странами свѣта, слѣдитъ за измѣненіями цѣнъ, покупаетъ и продаетъ съ очень умѣреннымъ барышемъ.

Картина вторая: льняная прядильня въ Лидсѣ. Всѣ бумагопрядильни Ланкастершайра походятъ другъ на друга; что же касается до льняныхъ прядильенъ, то одно изъ этихъ заведеній далеко превосходитъ всѣ другія своимъ благоустройствомъ: мы говоримъ про прядильный заводъ мистера Маршала въ Лидсѣ. Въ этомъ заведеніи мы находимъ всѣ выгоды, которыхъ только можно требовать отъ обширнаго строенія, заключающаго въ себѣ многосложную фабрику; все зданіе такъ расположено, что легко надзирать надъ всеми отраслями фабрикаціи и приводить въ дѣйствіе всѣ машины; воздухъ въ комнатахъ теплый и ровный (последняя статья особенно важна въ мануфактурахъ); вентиляторы такъ хорошо устроены, что, освѣжая воздухъ, они однако никогда не производятъ сквознаго вѣтра. Только чудовищная мастерская могла соединять всѣ эти удобства, и гг. Маршалъ рѣшились устроить чудовищную мастерскую. Такъ какъ задуманное ими заведеніе требо-

вало сивлости предположенія, соединенной со всевозможной прочностью, то они поручили г. *Бономи* составить планъ, отчасти заимствованный у архитектуры древнихъ Египтянъ. Входъ, напоминающій египетскіе храмы, каменный фасадъ съ широкимъ карнизомъ, труба формою и размеромъ походящая на известный обелискъ *Клеопатры*, — вотъ что прежде всего поражаетъ въ наружномъ видѣ этого зданія. Внутри мы находимъ комнату въ 400 футовъ длины и 200 ширины; 20 столбовъ поддерживаютъ потолокъ этой огромной вала, освѣщенной сверху 10,000 квадратныхъ футовъ оконничныхъ стеколъ, расположенныхъ конусами въ видѣ многочисленныхъ маленькихъ куполовъ. Полъ уставленъ длинными рядами машинъ, посредствомъ которыхъ сырой ленъ превращается въ нитки; нѣсколько тысячъ работниковъ хлопчуть около этихъ машинъ, не стѣсня другъ друга и имѣя полный просторъ для своихъ движеній. Крыша покрыта гидравлической замазкой (*béton*) такой прочности, что можно было ее усыпать землей и на ней посвятить траву. Здѣсь, какъ и въ хрустальномъ дворцѣ, вода стекаетъ черезъ пустые столбы, поддерживающіе этотъ воздушный лугъ. Подъ мастерскою находятся огромныя печи и машины, приводящія въ дѣйствіе нѣкоторыя изъ механическихъ самопрялокъ. Такимъ образомъ вся работа, которая прежде производилась въ нѣсколькихъ сотняхъ жилищъ, теперь сосредоточена въ одномъ зданіи; можно даже сказать, что это зданіе состоитъ изъ одной огромной комнаты, гдѣ все приспособлено, чтобъ извлечь всевозможную пользу изъ каждаго часа работы.

Невозможно обрабатывать и прясть ленъ безъ нѣкоторой сырости и пыли, но здѣсь работники гораздо менѣе страдаютъ отъ этихъ неудобствъ, чѣмъ въ другихъ заведеніяхъ, придерживающихся стариннаго метода.

Картина третья: фабрика *альпага* (*alpaга*) въ Брадфордѣ. Благодаря новѣйшимъ улучшеніямъ, введеннымъ въ эти фабрики, изъ альпаги (иногда смѣшанной съ шелкомъ и бумагою) выдѣлываютъ теперь прекрасныя матеріи для дамскихъ платьевъ.

Могайръ (*mohair*), т. е. шерсть ангорской козы, также теперь въ большой модѣ. Въ Брадфордѣ мы находимъ много огромныхъ фабрикъ шерстяныхъ матерій изъ могайра и альпаги, выстроенныхъ по образцу ланкастершэйрскихъ мануфактуръ; число ихъ увеличивается съ каждымъ годомъ; но если требованіе на эти матеріи еще будетъ возрастать въ такой же мѣрѣ, какъ до сихъ поръ, то необходимо будетъ дать новый оборотъ этой отрасли промышленности. Кажется, что настало время для новой системы, основанной на централизаціи, и эта система уже начинаетъ осуществляться исполне-

нiемъ громаднаго предпрiятiя. Линiя желзной дороги между Лидсомъ и Сжилтономъ пересвчена маленькой долиной, черезъ которую протекаетъ рѣка по направленiю къ городу Брадфордъ, находящемуся на разстоянiи 3-хъ миль. На этомъ-то пунктѣ пресвченiя лежитъ городъ Шиплей, занимающiйся, также какъ Брадфордъ, фабрикацiею шерстяныхъ матерiй. Недалеко отъ Шиплея находится илльнiе г. Сальта, одного изъ главныхъ брадфордскихъ мануфактуристовъ. Это илльнiе пересвчено большой дорогой, рѣкою, каналомъ, желзною дорогою, и въ немъ теперь строится мануфактура, которая, по всемъ вѣроятностямъ, будетъ первой въ мiрѣ и непременно обратитъ на себя вниманiе экономистовъ. Отъ главы этого громаднаго завода будетъ зависѣть двѣть много добра или причинитъ много зла, но мы твердо надѣемся, что для нынѣшнихъ потомковъ вторая половина XIX столѣтiя будетъ чѣмъ-нибудь болѣе, нежели эпохой паровыхъ машинъ.

По дорогѣ отъ Шиплея къ Банглеку мы видимъ обширныя земли, нѣкогда покрытыя зелеными лугами, но теперь назначеныя подъ постройки. По огромнымъ размѣрамъ приготовленiй можно было бы подумать, что строится какое-нибудь громадное государственное зданiе, а не мануфактура. Всѣ постройки покроютъ до шести акровъ земли. Главное зданiе, выстроенное изъ камня, будетъ въ 550 футовъ длины, въ 6-ть этажей, съ высокимъ карнизомъ и съ нѣсколькими сотнями оконъ съ каменными украшенiями, что придастъ всему зданiю величественный видъ; къ-тому же въ эти окна будутъ вставлены не рамы, а въ каждой по одному зеркальному стеклу.

Всѣ выгоды, относительно легкости и удобства вентиляцiи, которыхъ можно было ожидать отъ употребленiя пустыхъ кирпичей для половъ; прочность, доставляемая колоннами и балками изъ массивнаго чугуна; безопасность отъ огня, происходящая отъ отсутствiя дерева;—всѣ эти выгоды, говоримъ мы, разсчитаны и приведены въ исполненiе. По обимъ концамъ главнаго зданiя тянутся такой же вышины флигеля, длиною около 330 футовъ: они назначены служить магазинами. Еще далѣе за правымъ флигелемъ находятся другiя зданiя, менѣе высокiя; въ нихъ будутъ совершаться предварительныя операцiи производства; такiя же строенiя по другую сторону главнаго зданiя назначены для тканья и аппретуры. Такимъ образомъ главный корпусъ будетъ служить для филатуры, сырые матерiалы будутъ складываться въ одномъ магазинѣ, потомъ, проходя черезъ всю эту огромную фабрику, будутъ складываться въ другомъ уже, въ видѣ окончательно выработанныхъ произведенiй.

Это обширное заведение будет владеть средствами для сообщенія, соответственными его огромнымъ размѣрамъ. Во-первыхъ, вдоль всего фасада будетъ проложена прекрасная дорога, которая будетъ проходить по чугунному мосту, переброшенному черезъ желѣзную дорогу изъ Лидса въ Скиптонъ, потомъ по другому мосту, длиною въ 480 футовъ, построенному по образцу знаменитаго моста «Britannia» черезъ рѣку Лидсъ и каналъ, идущій изъ Лидса въ Ливерпуль. Во-вторыхъ, вдоль сѣверной стороны магазиновъ проходить каналъ со множествомъ журавлей для нагрузки и выгрузки лодокъ. Наконецъ, вѣтвь желѣзной дороги будетъ проходить во внутренность строеній, гдѣ журавли съ величайшею быстротою будутъ нагружать и разгружать вагоны. Другіе журавли будутъ нагружать и разгружать обыкновенные возы, поднимать и опускать съ одного этажа на другой сырые или обработанные материалы, а иногда и работниковъ, чтобы не тратить по-пустому ихъ времени и силъ. Какова же должна быть движущая сила, которая приведетъ въ дѣйствіе всю эту мануфактуру. Паровыя машины займутъ два прекрасныя строенія по обѣимъ сторонамъ главнаго входа, и дымъ будетъ выходить черезъ трубу, похожую на итальянскую колокольно въ 250 фут. вышины. Говорятъ, что употребили 12 т. тоннъ камня на одни фундаменты подъ машины. Котлы, устроенные наравнѣ съ грунтомъ, будутъ наполняться изъ рѣки Айры посредствомъ подземнаго водопровода, и черезъ другой протокъ будутъ выпускать воду, уже послужившую для работъ. Подъ ткашкою будетъ находиться огромный резервуаръ съ цѣдкой для дождевой воды, которая съ особеннымъ успѣхомъ употребляется для чистки шерсти. Между каналомъ и рѣкой будетъ газовый заводъ, которымъ будутъ снабжаться 9,000 рожковъ. Что же касается до механическихъ станковъ, которые займутъ въ различныхъ этажахъ около 12 квадратныхъ акровъ, то ихъ описаніе потребовало бы особой статьи, по этому мы только скажемъ, что къ нимъ будутъ приспособлены всѣ новѣйшія по этой части открытія и улучшенія. Мы еще не говорили о работникахъ, а между тѣмъ это пунктъ, на который основатель этой мануфактуры долженъ обратить особенное вниманіе. Строенія, машины и станки будутъ рассчитаны на 4,900 работниковъ; такъ какъ нужно по крайней мѣрѣ равное число людей, чтобы этимъ работникамъ доставить всѣ удобства жизни, то можно сказать, что это заведеніе дастъ занятіе 9 или 10 тысячамъ народа. Этотъ заводъ строится въ некоторомъ разстояніи отъ Шиплея, такъ что мистеру Сальту приходится основать цѣлый городъ вмѣстѣ съ мануфактурою, которая дастъ его жителямъ занятіе и средства пропитанія. Онъ и

намъревается выстроить до 700 домовъ разной величины, для разныхъ сословій; просторныя, хорошо освѣщенные и осушенные по новонизобрѣтеннымъ процессамъ; широкія улицы, публичныя сады, обширныя площади, церкви, крытый рынокъ, бани и прачечныя, наконецъ общая кухня и общая рефекторія—вотъ прозектъ г. Сальта.

Таковъ будетъ *Saltair*, и если непредвидѣнные обстоятельства не останавятъ уже начатыхъ работъ Сальта, то это имя навѣрное займетъ видное мѣсто между юркшэйрскими достопримѣчательностями. Нѣкоторые журналы разсчитали, что издержки на эти постройки дойдутъ до $\frac{1}{2}$ милліона стерлинговъ (12,500,000 франк.), но, какъ кажется, они назначили слишкомъ большую сумму. Какъ бы то ни было, мы скорѣ увидимъ общину, которой пропиравіе, довольство, и даже нравственное благосостояніе будутъ зависѣть отъ одного заведенія. Пока дѣла будутъ идти хорошо, и требованіе на шерстяныя ткани все будетъ увеличиваться, *Saltair* по всемъ вѣроятностямъ, будетъ одной изъ первыхъ торговыхъ общинъ въ Англіи, потому что онъ начинаетъ свое поприще при очень благопріятныхъ обстоятельствахъ. Но надобно дождаться времени несчастныхъ, чтобъ узнать, до какой степени она въ состояніи противостоятъ всемъ переворотамъ судьбы. Считаемо почти излишнимъ прибавить, что это будетъ больше всего зависѣть отъ благоразумія и челоувѣколюбія главы этого огромнаго заведенія.

ПАМЯТНЫЙ ЛИСТОКЪ ОШЕВОКЪ ВЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ И ДРУГІХЪ НЕСООБРАЗНОСТЕЙ, ВСТРѢЧАЕМЫХЪ ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ У НЕОТНХЪ ИМЪЩИННХЪ РУССКІХЪ ПИСАТЕЛЕЙ; СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ МНЕНІЙ, РАЗСУЖДЕНІЙ, ВЗГЛЯДОВЪ ПО ЧАСТИ ЯЗЫКОВЪАНІЯ ВООБЩЕ.

а). *Неестественное и непонятное.*

— «Едва благопріятный блескъ огня (въ затопленной хижинѣ Патагонца) дозволялъ взглядамъ моимъ предаться созерцанію, какъ уже невыносимый дымъ припудилъ меня крѣпко сомкнуть ихъ, и я скоро почувствовалъ, какое мученіе должна была бы испытывать *ветчина*, еслибъ животное копилось живьемъ». (Пант. 1853, N 11, Смѣсь, стр. 70). Какимъ образомъ *ветчина*, т.-е., соленая, копченая свинина, — тѣло мертвое, безчувственное, — могла бы испытывать мученіе, если-бъ свинья копилась и живьемъ??

— «Какъ ты себѣ хочешь, а ужъ (ь) это примѣрное непостоянство; вчера вздыхалъ по одной, а сегодня *вылокалъ* другую». (Тамъ же, Компаньонка, стр. 14). *Вылокалъ* другую — самый неразрѣшимый іероглифъ.

— «Но, чтобъ имѣть идею (почему жь не *поймать*?) объ этомъ сарказмѣ, надо было *видѣть* ту *минуту*, которая, подобно летучему метеору (,) скользнула, на (скользнула на) выразительныхъ устахъ двушки». (Тамъ же, стр. 43). Какъ можно видѣть минуту и какъ *минута* *скользитъ* на губахъ, —объяснять не берусь.

— «Его безлиственныя, серебристо-сѣрыя вѣтви видѣлись *темно* и *мелко* (*idem per idem*), въ трогательномъ *контрастѣ* съ *земною силою* другихъ, сосѣднихъ деревьевъ». (Отеч. Зап., июнь 1853, Тяжба, стр. 123). Этотъ трогательный *контрастъ вѣтвей* одного дерева съ *земною силою* другихъ деревьевъ, —хоть кого поставить въ тупикъ.

б). Э т ю д ь.

— По случаю выхода въ свѣтъ книжки: «*Этюды изъ женской жизни*», — «Сѣверная Пчела» (1853, N 277, Журн. Всяк. Всич., стр. 1107) и «Пантеонъ» (1853, N 11, Петерб. Ввст., стр. 2) вошли въ сужденія о словѣ: *этюдь*. Въ первой сказано окончательно: «Очевидно, что онъ (авторъ) этимъ заглавіемъ («Этюды») хотѣлъ дать знать, что онъ прилежно изучалъ женскую жизнь». «Пантеонъ» говорить въ заключеніе: «надобно помириться съ двумя послѣдними (словами: *наблюденія*, *замѣчанія*), и ввертъ, что это *замѣчанія* или *наблюденія* изъ женской жизни». Находя толкованіе Сѣверной Пчелы какъ нельзя болѣе вѣрнымъ, я полагалъ бы измѣнить, согласно оному, и предлагаемый «Пантеономъ» переводъ, и *замѣчанія*, *наблюденія* замѣнить словами: *опыты изученія*. Этюды суть лишь попытки, ученическіе уроки.—Что касается собственно до-названной мною книжки, то ее, какъ заключающую въ себѣ одни только *блѣдые очерки* женской жизни, ближе было бы и назвать такимъ образомъ.

Кстати приведу слѣдующую фразу: «У него (Рембранта) были устроены отдѣльныя комнаты для каждаго (изъ учениковъ), гдѣ каждый занимался даннымъ ему *этюдомъ*, вовсе не зная, чтѣ дѣлалось товарищемъ». (Пант. 1853, N 11, Смѣсь, стр. 8). Вотъ здѣсь вмѣсто *этюдь*, самое приличное слово было бы *урокъ*.

в). Г а л л и ц и з м ы.

— «Что случилось съ твоимъ барниномъ? спросила она (старая баронесса) старика (слугу), раскланывающагося съ ней почтительно:— Не боленъ ли онъ? — Шевалье никогда не былъ такъ здоровъ (отвѣчалъ слуга).» (Пант. 1853, N 12, Смѣсь, стр. 12). Такъ не отвѣтитъ никто изъ Русскихъ; а скажетъ: *Слава Богу!* Переводчикъ передалъ автора слово въ слово, потому что въ подлинникѣ, вро-

ятно, сказано: *Monsieur le Chevalier n'a jamais été si bien portant*,—и въ переводѣ вышелъ галлицизмъ.

— «Между тѣмъ и она (музыка шарманщиковъ) доставляетъ средства къ *существованію* упражняющимся въ ней артистамъ» (Пант. 1853, N 11, Смѣсь, стр. 39). Здѣсь, къ *существованію*, въ смыслѣ: къ *прокормленію себя*, также галлицизмъ; хотя, у Французовъ, и это послѣднее значеніе придается слову *existence* (существованіе).

— «Ого-го! Да что жь, наконецъ, серьезно говоримъ?» (Отеч. Зап., нояб. 1853, Волянички, стр. 51). Французское *enfin* у насъ, безъ разбора, переводятъ: *наконцъ*, а *enfin* мало ли еще что значить; такъ, напримѣръ, въ вышеприведенной фразѣ, слово это надо было перевести: *и впривѣду*.

— «Обходится много *дешевле*». (Пант. 1853, сент., Запретъ на имя, стр. 3). *Много дешевле*—*beaucoup meilleur marché*—опять галлицизмъ; по-русски: *гораздо дешевле*.

г). *Неужное новое слово изъ русскаго корня.*

— «*Ношатаи* обезьянъ». (Пант. 1853, N 11, Смѣсь, стр. 39). Незвѣстно, для чего придумано новое слово *ношатаи*; особенно здѣсь его вовсе не требовалось; чего было лучше: *носилицки*?

д.) *Не нужныя слова иностраннаго происхожденія.*

— «Восхищаетъ *воляжѣра*». (Отеч. Зап., нояб. 1853, Болгарія и Болгары, стр. 28). Что за *воляжѣръ*, когда есть *путешественники*?

— «Если, *по костюму персонажей* своихъ, принадлежитъ онъ (Рембрантъ) своему времени и отечеству, то, по энергіи, истинѣ и выразительности выведенныхъ имъ лицъ, принадлежитъ онъ всему міру.—*Традицій* онъ знать не хотѣлъ». (Тамъ же, Смѣсь, стр. 7). Если *выразительности*, а не *экспрессіи*, то почему же не *преданий*, а *традицій*? Да и вмѣсто: *по костюму персонажей*, можно бы сказать русскими словами: *по одеждѣ лицъ*.

е). *Неумѣстное повтореніе однихъ и тѣхъ же, или однозначительныхъ, или однокоренныхъ словъ.*

— «*Логика* и *здравый смыслъ*». (Пант. 1853, N 11, Любовь и предразсуд., стр. 49). Гдѣ *логика*, тамъ и *здравый смыслъ*.

— «Между тѣмъ друзья *его*, видя, что *его* талантъ былъ созданъ болѣе для общества, нежели для лагеря, ничего не щадя, чтобъ освободить *его* отъ службы; это имъ удалось, и чтобъ скрыть *его* отъ дальнихъ поисковъ, они отправили *его* за границу». (Тамъ же. N 10, Петръ Роде, стр. 17). Меньше, чѣмъ въ четырехъ строкахъ, *пять разъ его!!!*.

— «Я видѣлъ столько разныхъ виднѣй». (Отч. Зап., нояб. 1853, Волюнщики, стр. 35). Видѣлъ—виднѣя!!.

— «Хотя на наморщенномъ лбу едва замѣтно пробѣгала легкая морщина». (Пант. 1853, N 11, Компаньонка, стр. 39). Если лобъ наморщенъ, то какъ увидѣть, что на немъ пробѣгаетъ, и еще легкая, морщина? А гдѣ чистота языка въ: на наморщенномъ—морщина?

— «Съ такою испытанною опытностію». — «Объясненію болѣе ясному.»—«Собирается средній кругъ и кружится въ вальсъ. «Посрединѣ былъ рисунокъ, ввроятно съ намрениемъ нарисованный». (Тамъ же, стр. 65, 71, Общ. жизнь, стр. 45 и 120). Испытанная опытность, ясное объясненіе, кругъ кружится, рисунокъ нарисованный!!!

— «Но какъ эти звѣри въ этихъ водахъ были все истреблены, то отправилася для обозрѣнія пространства между этими островами и южными Сандвичевыми». (Пан. 1853, N 11, Шест. Контин., стр. 102). Эти, этихъ, этици—какъ полюбилось это мѣстоимѣніе!

— «Облокотаясь локтями». (Тамъ же, N 7, Шаферъ, стр. 3)!!!

— «Безъ состраданія и сожалѣнія». (Тамъ же, Знахарь, стр. 11). *Idem per idem!!.*

ж). Не-русскіе, несообразные выраженія и обороты рѣчи, слова несоответственныя, неупотребительныя, излишнія, не въ своемъ значеніи поставленныя, неправильное словосочиненіе, про- тиворѣчія.

— «Фанфаронилъ и хвасталъ до нельзя, какъ только могъ». (Пант. 1853, N 11, Рашель и Классицизмъ, стр. 60). Чтѣ за языкъ! Читаешь и глазамъ не въришь! Вѣдь, казалось бы, пишутъ для публики, для печати, а какъ выражаются? Мечутъ, слово за словомъ, безъ малѣйшаго разбора. Вотъ ужъ подлинно модная фамилярность, безцеремонность! По-русски переводится это: что въ печи, все на столъ мечи. — Какова означенная фраза? фанфаронилъ и хвасталъ—одно и то же; до нельзя и какъ только могъ—одно и то же!

Пишите въ добрый часъ!..

— «Это направленіе сильно беспокоило меня за скорость моего освобожденія». (Тамъ же, N 12, Смѣсь, стр. 114).—«Сжимала егѣ (Патагонка большого своего сына) съ заботливостію (,) самую ужасную за крѣпость его маленькихъ членовъ!» (Тамъ же, стр. 108). Чудесные обороты рѣчи: беспокоитъ за скорость освобожденія, или: ужасать за крѣпость членовъ! Это просто буквальный переводъ, изъ котораго вышла бессмыслица. Первое значить: беспокоитъ за то, что освобожденіе послѣдовало скоро; послѣднее: ужасать за то, что члены крѣпки. Да, чистая бессмыслица! А въ мысляхъ

было; заставляло меня бояться, что я еще не скоро получу свободу; возбуждало страхъ, что члены переломятся.

— «Ни одно наше кочевье, ни прошедшее, ни предстоящее, на будущее время.» (Тамъ же, стр. 14). На какое же еще время могло кочевье предстоять?

— «Его (Кановы) сердце погребено въ Базиликъ Св. Иоанна и Павла, въ Венеціи; правая его рука въ Венеціанской Академіи; лѣвая въ Академіи Св. Луки въ Римѣ, а корпусъ на родинѣ, въ Анконѣ. (Сѣверн. Пчела, 1864, N 23. Мои знакомства съ Россіи и Итал., стран. 92). Корпусъ здѣсь слово вовсе несоответственное; скажите: туловище.

— «Онъ человекъ прямой и притомъ горячій. Свиданіе съ вами могло бы привести его въ дурное расположеніе духа; открытіе намереній вашихъ могло бы его разсердить; а гнѣвъ его опасенъ, какъ для техъ, на кого онъ гнѣвается, такъ и для него самого, потому что онъ человекъ пожилой и хладнокровный». (Тамъ же, стр. 38). Какъ-такъ! И горячъ и хладнокровенъ?

— «Ложно-классицизма». (Отеч. Зап., мартъ, 1853, Журн., стр. 42). Нѣтъ, лже-классицизма.

— «Какой-то необычный колоритъ лежалъ на всѣхъ членахъ семьи зрителя». (Отеч. Зап., іюнь, Марья Ивановна, стр. 236). Всякій подумаетъ, что это говорится о картинѣ, а между тѣмъ, тутъ рѣчь о живыхъ людяхъ.

— «Ландшафтъ, которому тихое сіяніе угасающаго солнца общало какой-то задумчивый и грустный тонъ». (Отеч. Зап., іюнь, Тяжба, стр. 123). Ландшафтъ можетъ возбуждать задумчивость, а что-такое задумчивый тонъ ландшафта?

— «Пустьющій мракъ». (Тамъ же). Мракъ можетъ сгущаться, рѣдѣть, разсѣиваться, но какъ ему пустьтъ.

— «Въ такихъ-то случаяхъ въ жизни узнается истинный закалъ и достоинство души въ человекѣ». (Тамъ же, стр. 180). Какъ тутъ не кстати закалъ! Сейчасъ видишь и изысканность и усиліе выразиться помудреніе. Чтô бы сказать прямо: твердость души?

— На небо южное сверло жадный взглядъ:

Въ немъ незнакомы созвѣздія горять,

И закрываю я мнѣ чуждыя скрижали.»

(Пант. 1853, N 11, стр. 78). Вперлютъ—взоръ, обозначающій пристальность, а взглядъ, какъ мимолетное обращеніе зрѣнія, бросають. Далѣе: если видишь такія созвѣздія, на которыя неприятно смотрѣть, то отвращиваешься отъ нихъ, а закрыть ихъ нельзя.

— «Ребенокъ этотъ былъ очень лукавъ, живъ и *задирчивъ*. (Тамъ же, N 12, Пльнъ у Великановъ, стр. 116). Есть: *задорный*; *задорчивый*, но прилагательнаго: *задирчивый* нѣтъ.

— «Когда лошадка *передохнула*». (Тамъ же, сент., Запр. на ния, стр. 5). Не *передохнула*, — потому что такого глагола нѣтъ, — а *перевела духъ*; есть, какъ известно, глаголъ *передохнуть*, но въдъ здѣсь не о томъ рѣчь.

— «Счастливейшимъ человекомъ *въ природѣ*». (Тамъ же, стр. 37). Ну, какъ хотите, а на общеупотребительномъ языкѣ не говорится: счастливейшимъ человекомъ *въ свѣтъ*, *въ мѣръ*, *на земль* — передъ вами; нѣтъ, *въ природѣ*, а будто лучше?

— «Французскіе повѣствователи всюду, кстати и не кстати, *притыкаютъ* свою славу (,) и никакъ не могутъ обойтись безъ того, чтобъ, *въ безчисленный разъ*, не потолковать о своемъ гербѣ Маренго, Иены и Ваграма». (Пант. 1853, N 9, стр. 18). *Притыкаютъ* свою славу — выраженіе пошлое, а *безчисленный разъ* — нерусское; скажите: *приплетутъ* свою славу; *въ сотый*, *тысячный* разъ.

— «*Ingrata patria, non habebis ossa tua*» — переведено: «неблагодарное отечество! ты не будешь *хранить* мои кости». (Пант. 1853, N 9, Смѣсь, стр. 55). Въмѣсто: «не будешь *хранить* мои кости», слѣдовало сказать: не будешь *владѣть* моимъ прахомъ: разница большая! переводчиково: не будешь *хранить*, вовсе не выражаетъ *non habebis*, т.-е., мысли: сколько славы было для отечества заключать въ недрахъ своихъ прахъ столь знаменитаго мужа.

— «Готовы *рухнуть* въ заливъ цѣлую гору». (Пант. 1853, N 8, Заатлантическія сцены, стр. 37). *Рухнуть* значить *обрушиться*, а здѣсь надо было сказать: *обрушить*.

— «*Пропитанный* ужасомъ отъ самаго *темя* до *закоблучья*». (Тамъ же, N 6, Знахарь, стр. 69). Не *темя*, а *темени*; далве: *темени*, какъ части самого *человѣка*, соответствуюють *пятки*, а не *закоблучья*, принадлежность *сапоговъ*; да и ужасомъ *проникаются*, а не *пропитыаються*, какъ масломъ.

— «*Физиономію* *пьяницы*, *изрытую* *вередями*». (Тамъ же, стр. 75). *Физиономія* есть одно *бѣзтълесное* выраженіе лица, *черты* его, а потому не можетъ быть *изрыта* *вередями*; да и послѣднее выраженіе это представляетъ *отвратительную* картину.

— «*Предсмертную* *агонію*». (Тамъ же, стр. 114). *Агонія* ужъ и есть предсмертная борьба; на что же прибавлено: *предсмертною*?

— «Музыка Моцарта здѣсь конечно *красива*, даже очень *красива* въ *анданте*». (Тамъ же, Дон-Жуанъ, стр. 2). Прилагательное

красивый можетъ быть придаваемо только *видимому*, а видалъ ли кто *музыку*?

— «Посмотримъ, какое лице ты *вытлнешь*, когда поддадутъ счеты». (Тамъ же, Джоз. Грим). *Какое лицо ты вытлнешь*—по-русски не говорятъ; какъ лицо твое *вытлнется*—дѣло другое.

— «Между-тѣмъ, какъ Гримальди дивился ея (табакерки) *росту*». — «Пирогъ такого *росту*». (Тамъ же, стр. 13 и 34). Ни табакерка, ни пирогъ *не растутъ*.

— «Вдругъ нѣжное и молодое *плмя* развлекло грустныя мысли Бенуа». (Пант. 1853, N 12, Смѣсь, стр. 18). Чтѣ это за *молодое плмя*?

в). *Неужныя слова иностраннаго происхожденія.*

— «Не смотря на заглавіе (новой дѣтской книжки): *Смѣющіяся дѣти*, и поясненіе *переводъ съ нѣмецкаго*, чтѣ должно составлять *порядочную гарантію* за ея *добропорядочность*» (С.-Петер. Вѣд. 1853, N 160, Фельет. стр. 656). Чтѣ за языкъ: *порядочная гарантія за добропорядочность книги!!!* Къ чему эта новоскованная *гарантія*? *Порядочная за добропорядочность*—гдѣ же чистота языка? Наконецъ, можно ли *книжь, вещи*, приписывать *добропорядочность*, составляющую качество одного только *человѣка*? Иной, право, подумаетъ, что эта фраза написана на-смѣхъ. А вѣдь казалось бы, на что выводить въ люди свою рѣчь въ такомъ газетскомъ нарядѣ, выражаться на такомъ варварскомъ нарвчѣи, когда можно было сказать прилично и правильно: *чтѣ должно служить достаточнымъ ручательствомъ въ безукоризненности книги*?

— *Контуръ* вообще невѣренъ, небреженъ и *утрированъ*. (Тамъ же.) Въ словѣ: *утрированъ* нѣтъ ни одной русской черточки, я бы сказалъ: *изысканъ, неестественъ*; да и *контуръ* можно бы замѣнить *очеркомъ*.

— «Въ *слѣдствіе злополучной звѣзды*, мои *наиблагонамѣреннѣйшія* праздничныя *перегринаціи* ни разу не обходились безъ самыхъ печальныхъ *катастрофъ*» (Пант. 1893, N 5, Моск. Вѣст. стр. 2). Къ чему эти *перегринаціи* и даже *катастрофы*? Простыя наши: *странствованія* и *приключенія* были бы гораздо лучше. Наконецъ, развѣ: *въ слѣдствіе злополучной звѣзды*, выраженіе, не имѣющее смысла, можетъ значить: *подъ вліяніемъ злополучной звѣзды*?

— «Колоссальное *фатство*». (Тамъ же, стр. 16). За *фатомъ* явилось и *фатство*! Набирайте въ нашъ прекрасный языкъ побольше этихъ *уродцевъ*: скоро, скоро составитъ изъ нихъ пребогатая *кунсткамера*.

— «Я растягивал нити своихъ занимательныхъ для туземцевъ исторій съ гениальною *эластичностью*». (Тамъ же, N 11, III. у Велик., стр. 95). Вмѣсто чужой: *эластичности*, есть у насъ свои: *разширимость* *упругость* *растяжимость*, изъ которыхъ каждое слово можно употреблять въ своемъ мѣств. Да и оборотъ рѣчи неправиленъ: *эластичность* отнесена къ раскащику, а должна относиться къ *нитямъ*; не самъ *раскащикъ* растягивался, а растягивались *нити* его исторій.

— «Оба они (Пуссенъ и Лесюеръ) имѣютъ свою *оригинальность* и напоминаютъ *наивность* фламандскихъ школъ, вѣрную *экспрессию*, и открываютъ въ будущемъ новую *карьеру* для рисунка и его исполненія». (Тамъ же, Пуссенъ, стр. 2). Въ одной короткой фразѣ помѣщены четыре иностранныя слова, и безо всякой надобности, потому что всѣ они могли быть замѣнены прекрасными отечественными словами: *оригинальность*—*самобытностью*; *наивность*—*простодушіемъ*, *безыскусственностью*; *карьера*—*поприщемъ*.

— «*Зигзагомъ* раскинутая городская стѣна». (Тамъ же, N 12, стр. 135). Вмѣсто *зигзагъ* я предложилъ бы изящной словесности *вьюнкъ*, слово и русское и *живописное*, а *зигзагомъ* пусть владѣли бы модные магазины.

— «*Инвектива* на Саллустія подъ именемъ Цицероновой». (Москвит. 1854, NN 1 и 2, Саллус., стр. 7). Нельзя ли бы, вмѣсто: *инвектива* на Саллустія, сказать: *выходка* противъ Саллустія?

— «*Интимной* литературы». (Пант., 1853, N 2, Смѣсь, стр. 72). Почему жъ не *задушевнѣйшей*?

— «*Эксцентричностей*». (Тамъ же, стр. 73). Что такое *эксцентричность*? Восторженное причудливое расположеніе духа. По этому, нельзя ли бы *эксцентричность*, въ собственномъ ея значеніи, замѣнить *причудливостью*; а когда такъ называютъ человека, то говорить: *чуждакъ*.

и). Галлицизмы.

— «Геммонъ имѣлъ *тридцать-шесть лѣтъ*». (Отеч. Записки, май, 1853, стр. 103). По французски: *avait trente six ans*—хорошо; а *имѣлъ тридцать-шесть лѣтъ* не по-русски: у насъ говорится: Геммону *было тридцать-шесть лѣтъ*.

— «Гдѣ *онъ*, блѣдный и худощавый молодой человекъ, такъ искренно восхищавшійся поэзіею и искусствами». (Тамъ же, Петерб. Зам., стр. 26). Это есть также французское выраженіе: *Où est-il se jeune homme, etc.*—*Онъ* здѣсь лишнее, и надо сказать, что правильная русская фраза: «Гдѣ тотъ блѣдный и худощавый молодой человекъ, который такъ искренно восхищался поэзіею и искус-

ствами?» здравомысленнѣе французской. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, не говоря еще ни о *комъ*, начинать рѣчь прямо мвстоименіемъ *онъ* (ou est-il—гдѣ онъ), долженствующимъ всегда обозначать *предыдущее* существительное имя? А у французовъ *il* (онъ) относятся къ имени, уже *послѣ* поставленному.

і). *Неумѣстное повтореніе однихъ и тѣхъ же, или однозначительныхъ или однокоренныхъ словъ.*

— «Но есть *обидныя вещи*, которыми могутъ *обижаться* только странные и мелочные характеры». (Отеч. Запис. генв. 1853, Нѣск. лѣтн. дн., стр. 126). *обидныя-обижаться*, и опять совсѣмъ не кстати, *вещи!*

— «*Знатный вельможа*». (Пант. 1853, N 2, Смѣсь, стр. 7). А развѣ есть *вельможи незнатные?*

— «Все *затихло*, кромѣ *тихаго* шептанья»... (черезъ строчку) «Но и это *пвнѣ затихало*». (Тамъ же, стр. 104). *Затихло—тихаго, затихало!!!*

— «*Проглотить нѣсколько глотковъ*». (Пант. 1853, N 11, Пл. у Велик., стр. 88). *Проглотить—глотковъ!* Скажите: *пропустить*.

— «*Пустыни молчаливыя и безмолвыя*». (Тамъ же, Смѣсь, стр. 142). Не довольно ли котораго-нибудь одного прилагательнаго?

— «*Летаргическіе сны*». (Сѣв. Пч. 1854, N 14, стр. 56). *Летаргія* и есть уже *сонъ*, только смертоподобный, глубокое противоестественное *усыпленіе*; слѣдовательно, *летаргическіе сны* сказать нельзя; неправильно это выраженіе еще и потому, что *сны* суть *сновидѣнія*, а не самое *состояніе спящаго*, обозначаемое только единственнымъ числомъ: *сонъ*.

к). *Не русскіе, не сообразные выраженія и обороты рѣчи, слова несоответственныя, излишнія, не въ своемъ значеніи поставленныя.*

— «*Искры, которыя своимъ прикосновеніемъ, могли поджечь женскую селитру*». (Пант. 1853, N 7, стр. 44). Какая это *женская селитра*? *Поджечь женскую селитру*—выраженіе ни на что не похожее.

— «По историческимъ страницамъ, пропитаннымъ драгоценнѣйшимъ сокомъ мозговъ». (Тамъ же, Зам. о журн, стр. 3). *Страницы, пропитанныя сокомъ мозговъ!!* У людей есть *мозгъ*, а *мозги* только у животныхъ; притомъ, что за выраженіе: *страницы, пропитанныя сокомъ мозговъ?* Точно бумага, пропитанная жиромъ завернутой въ ней свинины! И пошло, и неестественно, и грязно!

— «Она дьятельно *преслѣдовала* современность. (Тамъ же, стр. 37). *Преслѣдовать* значить *знать, притѣснять*, чего здѣсь не было въ мысли, а не *слѣдить, слѣдовать*, что надлежало сказать. Эту ошибку дѣлають весьма многіе.

— «Гѣ уже будутъ *приговорены* общественнымъ мнѣніемъ». (Тамъ же, Гогартъ, стр. 6). *Приговорены*, къ чему же? Скажите: *осуждены*.

— «*Заставилъ уснуть* всякую храбрость». (Пант. 1853, N 7, стр. 3). Выраженіе и изысканное, и вовсе не русское; *подавилъ, разспялъ*—такъ.

— «Въ избѣ стараго козака, *по заведенному порядку*, царствовала *обыкновенная чистота*». (Тамъ же, стр. 6). *По заведенному порядку* ровно тѣ же, что *обыкновенная*.

— «Она такъ кокетливо и очаровательно произносила букву *р*, какъ будто наполнивъ свой алый ротикъ *маленькими камешками* (*маленькими лишнее*), *полоскала ими себѣ гортань*, или *выбивала внутри ея по бархату сигналъ тревоги*». (Пант. 1853, N 12, Руб. гол., стр. 11). И *полоскать себѣ гортань камешками*, и *выбивать внутри ея по бархату сигналъ тревоги*—неестественно, изысканно, вычурно до пес plus ultra! Да и что за смыслъ: представить человека, который *выбиваетъ у себѣ въ гортань по бархату сигналъ тревоги*? Не *выбиваютъ сигналъ тревоги*, а *бьютъ тревогу*. Словомъ, вся фраза—пустой наборъ словъ.

— «*Этимологія* была и вѣчно останется между французами особеннымъ родомъ *помышательства*». (Моск. 1854, кн. 1 и 2, Иност. кн., стр. 1). Сама *этимологія* не можетъ быть *помышательствомъ*, а развѣ *причиною его*, *поводомъ* къ нему.

Отзвѣвъ г. Ростиславу. Въ 31 N Свѣ. Пч. (1854, Пчелка, стр. 121). Г. Ростиславъ, употребивъ фразу: «Наружность новой примадонны изящнѣе въ ночномъ *déshabillé*, дѣлаетъ оговорку: Не знаемъ, право, какъ выразить это по-русски? Нельзя же сказать: въ почной *кофть*». Совершенно соглашаясь въ последнемъ съ почтеннымъ авторомъ, я предложилъ бы ему, *déshabillé* перевести: *полунарядъ*. Слово это, кромѣ того, что оно чистой русской крови, имѣетъ еще слѣдующее преимущество: оно выражаетъ ту неопровержимую мысль, что и въ спальномъ одѣяніи женщины всегда проглядываетъ оттѣнокъ *убраинства*.

ИВАНЪ ПОКРОВСКІЙ.

Царское село.
21-го февраля 1854.

Москвитянинъ всегда любилъ шутку, лишь бы она была остра, умна, не заключала никакого оскорбленія, еще меньше обиды. Въ такомъ случаѣ—для него все равно, къ кому бы эта шутка ни относилась, хоть бы къ нему самому. Вотъ почему редація помещаетъ съ удовольствіемъ двѣ эпиграммы по поводу случайнаго стихотворенія, помещеннаго въ послѣдней книгѣ:

Вы говорите, мой любезный,
 Что будто стихъ у васъ желѣзный!
 Желѣзо разное: цѣна
 Ему не всякому одна!
 Иное на рессоры годно;
 Другое въ ружьяхъ превосходно;
 Иное годно для подковъ:
 То для коней, то для ословъ,
 Чтoby и они не спотыкались!
 Такъ вы котормъ подковались?

Не добрый человекъ, кто злостью бесполезной
 Смутитъ веселый кругъ и хватитъ камнемъ въ лобъ!
 Твой стихъ тяжелъ, но не желѣзный:
 Нѣтъ!—ты чувствистый булыжникъ въ лапы сребръ!

Доставившій статью подъ названіемъ *Саллустій, Римскій Историкъ*, покорнѣе проситъ читателей исправить въ ней слѣдующія погрѣшности, болѣе или менѣе важныя.

Къ первымъ принадлежать:

		Напечатано:	Должно читать:
<i>Стран.</i>	<i>55, строка 7 съ начала:</i>	воздають	воздаются
_____	60 _____ 16 _____	Катулла	Катула
_____	66 _____ 15 <i>съ конца:</i>	невозможное	не невозможное
_____	84 _____ 15 _____	неодобрить	не неодобрить
_____	86 _____ 11 _____	къ ужину	съ ужина

Къ послѣднимъ принадлежать:

<i>Стран.</i>	<i>5, строка 16 съ начала:</i>	гнввуо	гнвву
_____	_____ 18 _____	было	было
_____	39 _____ 2 <i>съ конца:</i>	8 и 6	8 и 9
_____	44 _____ 6 <i>съ начала:</i>	автора	автора.
_____	45 _____ 19 _____	эксурса	эксурса
_____	80 _____ 11 _____	(эплогъ рофто)	(эплогъ рофъ?)

Другія менѣе важныя читатель или благосклонно простить, или исправить самъ.

М О Д Ы.

— Въ настоящее время не можемъ сообщить нашимъ читателямъ никакихъ любопытныхъ новостей; весна еще не наступила, а зимнія моды уже не интересны. Черезъ мѣсяць, вѣроятно, наши моды примутъ совершенно другой видъ. Теперь же полезнѣе всего, думать, описать нѣсколько туалетовъ, приличныхъ для концертовъ, которыми всегда такъ богатъ Великій постъ.

— Костюмы для утреннихъ концертовъ: платье сѣраго бархату, гладкое, очень длинное сзади, съ высокимъ воротомъ и длинными рукавами; воротникъ *mousquetaire* и подрукавники изъ кружева; вмѣсто мантили, великолѣпный кашемиръ; шляпа сѣрая же бархатная, украшенная перьями того же цвѣта.

— Платье коричневаго глянцѣ съ большой оборкой, обшитой внизу тремя рядами рюшу коричневыхъ лентъ; поверхъ этой оборки пришита другая очень маленькая, обшитая также рюшемъ; лифъ съ баской, отдѣланной, какъ и рукава, рюшемъ лентъ; шемизетка кружевная; шляпа атласная бѣлая, украшенная нѣсколькими бѣе голубаго плюшу и бѣлой же блондой.

— Платье сѣрое бархатное, отдѣланное тремя огромными бѣе сризоваго плюшу; лифъ съ баской убранъ также полоской плюшу косыночка *à la vierge* и подрукавники изъ валансѣнскаго кружева; бархатные сризловые банты въ волосахъ.

— Костюмы для концертовъ вечернихъ: платье тюлевое, съ оборками обшитыми четырьмя рядами блонды и приподнятыми букетами живыхъ гяцинтовъ; лифъ очень просто сшитый, украшенный также блондой. На головѣ букеты гяцинтовъ; приколотыхъ бриллантовыми шпильками.

— Платье тюлевое, отдѣланное до коленъ буфами; верхъ юбки украшенъ небольшимъ тюникомъ, обшитымъ вдоль широкими лентами въ нѣсколько рядовъ, концы которыхъ гораздо длиннѣе тю-

ника граціозно упадають на буфы нижней юбки; рукава и лиць также отдѣланы лентами, расположенными въ видѣ полосъ, съ длинными развѣвающимися концами. На головѣ цветы.

— Платье бѣлое муаровое, отдѣланное на переднемъ полотнищѣ множествомъ шу бѣлыхъ атласныхъ лентъ; уборъ изъ сризovýchъ перьевъ. Бриллианты необходимы при этомъ нарядѣ.

— Платье бѣлое атласное, покрытое тюлемъ, съ четырьмя оборками, обшитыми бахромой изъ бѣлыхъ перьевъ, съ золотыми мушками; лиць отдѣланъ такимъ же образомъ. На головѣ уборъ изъ пунцовыхъ фруктовъ съ золотыми листьями.

— Платье креповое, отдѣланное на оборкахъ широкой клетчатой лентой, затканной золотомъ; лиць, драпированный, убранный берттой, обшитой лентой. Уборъ—полу-гирлянда фуксін съ зотыми тычинками и золотыми же жилками на ярко-зеленыхъ листьяхъ, эта полу-гирлянда положена на косу полукружіемъ такъ, что ветки, оканчивающія ее, упадають на шею.

— Черныя бархатныя платья мало носили на балахъ, зато нѣтъ лучше наряда для концерта, какъ черное бархатное платье, съ высокимъ воротомъ и полудлинными рукавами.

— Дѣвицы надѣвають канзу изъ черныхъ гипюровыхъ прошивокъ съ аграмантомъ, вышитымъ стеклярусомъ на свѣтлыхъ платьяхъ розоваго, голубаго или зеленаго цвѣта; такія канзу дѣлають прекрасный видъ.

ОПИСАНІЕ КАРТЯНКИ.

— Платье креповое, отдѣланное цвѣтами; уборъ изъ цвѣтовъ. — Визитное платье бархатное, отдѣланное моднымъ плюшемъ подъ соболю; воротникъ и подрукавники тонкаго кружева. Шляпа атласная отдѣланная цвѣтами и чернымъ бархатомъ.

Печатать позволяется. Москва. Марта I дня, 1854 г.

Цензоръ Д. Россевскій.

Въ типографіяхъ: Л. Степановой и В. Готькѣ.

КРЕСТНИЦА.

РОМАНЪ

Жюльма Занда.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОРЕНИТА.

(Окончаніе).

—
XI.

Погода стояла превосходная. Отъ Генуи до виллы было не болѣе получаса ходьбы. Всякій вечеръ, часу въ десятомъ, если Моренита уходила отъ герцогини нѣсколько позднѣе, она уже заставала брата у себя въ комнатѣ; если ранѣе, она поджидала его въ саду и тихо и спокойно вводила къ себѣ.

Они вели разговоръ или занимались работою далеко за полночь, не рѣдко и долѣе, потому что наука заняла важное мѣсто въ ихъ посидѣлкахъ. Альженибу хотѣлось страстно, чтобы сестра его выучилась языку, пѣснямъ и пляскамъ его племени. Эта мысль казалась Моренитѣ сначала странной, но потомъ Моренита покорилась ей и находила неизъяснимое удовольствіе въ урокахъ своего брата. Ея очарователь-

ный, нѣсколько глухой голосъ, который Шварцъ не посмѣлъ довести до полнаго развитія, по молодости ея лѣтъ, нисколько не утратилъ горловаго звука, такъ сроднаго ея племени. Ея гибкое тѣло, по одному врожденному инстинкту, невольно напѣмнило собою всю роскошную прелесть алмей. Альженибу оставалось только устроить на свой ладъ ея позы и движенія, возобновить въ ея памяти слова и звуки родныхъ пѣсень.

И дѣйствительно, онъ одаренъ былъ рѣдкими музыкальными способностями. Музыка *оффициальная* (какъ называлъ ее Шварцъ) далась Альженибу совершенно легко; но онъ постоянно чувствовалъ себя подъ гнетомъ собственныхъ идей и тѣхъ смутныхъ воспоминаній о пѣсняхъ родины, которыми Пиларъ услаждала его дѣтскіе годы. У него въ свѣжей памяти было то магическое очарованіе, которымъ эта неученая пѣвица наполняла все деревни и замки въ Андалузїи. Онъ попытался передъ Стефеномъ и Шварцемъ воскресить эти отрывки своихъ не полныхъ воспоминаній, и самъ не могъ надивиться тому жадному вниманію, съ которымъ его слушали. тому обаятельному впечатлѣнію, которое произвели его безыскусственныя пѣсни. Съ тѣхъ поръ онъ замолкъ, говорилъ, что ничего болѣе не помнитъ, и рѣшился затаить въ душѣ на будущее время свой капиталъ, не тратя его ни для кого на свѣтъ.

— Я продолжалъ свои классическія занятія — говорилъ Альженибъ Моренитѣ, которая какъ-то подробнѣе разспрашивала его въ этотъ вечеръ о его прошедшей судьбѣ, — и когда увидала, что для прїобрѣтенія извѣстности необходимо имѣть мощныхъ и преданныхъ покровителей — дѣло рѣшительно не возможное для цыгана, — или для зарабатыванья скуднаго пропитанья нужно трудиться или пресмыкаться всю жизнь, — я послалъ къ чорту неизвѣстныхъ и слабыхъ покровителей, отрекся отъ тяжкаго и бесплоднаго ремесла. Я уже побывалъ передъ тѣмъ въ разныхъ углахъ Европы, выставляя на показъ небольшой запасъ своихъ классическихъ свѣденій. Успѣха не было почти нигдѣ. Я былъ не дурень собою, пѣлъ тоже порядочно, да нашей братьи классическихъ пѣвцовъ развелось нынче такое множество!

Степень тоже не слишкомъ обнадеживалъ меня на улучшение моей участи. Тогда я бросилъ все, отправился пѣшкомъ и присоединился оборванный, весь въ лохмотьяхъ, къ одному цыганскому табору, кочевавшему въ окрестностяхъ Кордовы. Ветхое рубище открыло мнѣ доступъ къ цыганской жизни; меня приняли радушно, благодаря главнымъ формуламъ нашихъ, первобытныхъ обрядовъ, которыя были у меня въ свѣжей памяти. Я прожилъ около полугода среди этихъ цыганъ, всматривался въ ихъ пляски, прислушивался къ ихъ пѣснямъ, вдохновлялся ихъ вдохновеніемъ и обрабатывалъ свои природныя способности. Оттуда отправился я въ Севилью, обогатилъ себя тамъ новыми свѣденіями, потому что я не ограничился одними цыганскими пѣснями и плясками, а старался усвоить себѣ испанское искусство въ его первобытномъ видѣ, въ его мавританскихъ формахъ.

Оборванный, грязный, безъ копейки въ карманѣ, я съ наслажденіемъ отдался задушевной работѣ въ своемъ сыромъ чердакѣ, и скуднымъ осколкомъ карандаша писалъ на клочкахъ бумаги, которые собиралъ по улицамъ. Я обошелъ также большую часть Германіи и нижней Польши, изучая еврейскую и цыганскую музыку.

Всѣ эти музыкальныя формы родились въ той благословенной странѣ, вѣчно палимой солнцемъ, съ которой связаны родствомъ болѣе крѣпкимъ, чѣмъ думаютъ.

Возвратясь во Францію, я перебралъ собственныя воспоминанія, сталъ сочинять, переводить, подражать, и наконецъ—создавать! Первую попытку сдѣлалъ я на твоихъ глазахъ, въ домѣ герцога. Французы пришли въ восторгъ, Испанцы посмѣялись надо мною. Я былъ счастливъ. Я достигъ своей цѣли.

Моя музыка была чисто-цыганская, а между тѣмъ—это было искусство. Всѣ сознались въ этомъ, всѣ почувствовали, и съ этихъ поръ, я самъ себѣ учитель. У меня есть спеціальность, и я не боюсь соперниковъ. Я обойду всю землю съ своими пѣснями. Если гдѣ не поймутъ меня, тамъ я пушусь, пожалуй, и въ пляску! Гдѣ не удастся говорить душѣ

звуками, я стану говорить чувствамъ глазами; я буду выполнять оба ремесла, которыя муравей присовѣтовала стрекозѣ, и которыя следовало бы стрекозѣ выполнять оба разомъ.

— Какъ! ты хочешь бросить меня? сказала въ испугъ Моренита. Ты поклялся не оставлять меня на волю чужихъ людей.

— Но что же могу я сдѣлать для сестры, у которой отецъ—грандъ Испаніи? отвѣчала Альженибъ, который не терялъ случая оторвать Морениту отъ всѣхъ связей съ обществомъ. И какую нужду можетъ имѣть во мнѣ воспитанница прекраснаго Стефена и нѣжной мамиты? Они могутъ надѣлать ее состояніемъ, доставить ей положеніе въ свѣтъ; а я, я могу только осудить ее на работу, на скитальческую жизнь и вѣчную бѣдность.

— Бѣдность! но чѣмъ же живешь ты теперь? У тебя прекрасное платье, тонкое бѣлье, разныя драгоценныя бездѣлки, и въ добавокъ ко всему, у тебя нѣтъ никакихъ обязанностей, ты можешь свободно располагать своимъ временемъ и своими поступками?

— Это ужъ мое дѣло, отвѣчала Альженибъ, усмѣхалась. На ряду съ искусствомъ, которое нейдетъ въ прокъ дремлющему артисту, стоитъ познаніе тайнъ человеческого сердца, которое доставляетъ художнику средства къ жизни. Но объ этомъ я поговорю съ тобой послѣ. Да теперь ты и не поймешь меня. Споемъ лучше.

— Зачѣмъ же пѣть, зачѣмъ мнѣ учиться, возразила Моренита, если намъ осталось только нѣсколько дней быть вмѣстѣ и потомъ разстаться на вѣки?

— Зачѣмъ? А вотъ выслушай. Цыгане славятся угадываніемъ будущаго, и я вижу ясно, что готовитъ тебѣ судьба. Ты поссоришься съ герцогиней, и даже съ отцомъ своимъ. Герцогиня будетъ выживать тебя изъ дома, отецъ твой не останется тебя удерживать. Мамита, можетъ статься, приметъ тебя; иодъ свой кровъ; въ такомъ случаѣ, возлюбленный твой Стефенъ или осыплетъ тебя упреками, которыхъ ты не вынесешь, или поддастся твоей любви, и тогда мамита и ея-мать...

— Замолчи, перестань, злобая, жестокая душа! воскликнула Моренита; никогда не переступлю я пороги ихъ дома! я въ томъ поклялась, и сдержу свою клятву.

— А въ такомъ случаѣ останется тебѣ одно убежище— на груди твоего брата, и ты по неволѣ должна будешь раздѣлить его цыганскую жизнь. Только, жизнь эта, по моимъ стараніямъ, будетъ для тебя не такъ жестока, не такъ презрѣнна, какаѣ выпадаютъ обыкновенно на долю твоимъ сестрамъ—цыганкамъ. Тебѣ не придется пѣть или плясать на улицѣ, ты будешь блистать на театрахъ; тебѣ не придется рядиться въ фольгу и прочую мишуру, ты будешь ходить въ парчѣ и бархатѣ; тебѣ не придется спать подъ открытымъ небомъ или на чердакѣ какого-нибудь замка, ты будешь ѣздить въ почтовыхъ каретахъ, будешь ночевать въ великолѣпныхъ дворцахъ. Ты будешь артисткой, прославленной, обожаемой пѣвицей. Ты будешь окружена почестями, и какъ ты ихъ любишь...

— Ты лжешь, я ихъ ненавижу!

— Хорошо, если ты говоришь правду. Я хочу, чтобъ ты окружена была почестями, но не хочу, чтобы ты обольщалась ими, и горе тебѣ, сестра моя, если ты полюбишь кого-нибудь не цыгана! Внимай же моимъ наставленіямъ и урокамъ; не нынче, такъ завтра придетъ день, когда ты призовешь меня на помощь и скажешь мнѣ спасибо, что я научилъ тебя болѣе полезнымъ вещамъ, чѣмъ ты, за которыя однакожь ты должна тоже благодарить своихъ воспитателей.

Этотъ повелительный голосъ Альжениба, подчасъ ласковый, подчасъ грозный, не пугалъ уже Морениту. Она привыкла къ нему; она понимала, что любима, и это сознание устраняло въ ней чувство страха; она понимала, что составляетъ предметъ спора, и это сознание удовлетворяло ея потребности занять исключительное мѣсто въ сердцѣ чловека бурнаго и требовательнаго, какъ она сама.

Наступалъ уже августъ мѣсяцъ. Моренита оказала быстрые успѣхи; она такъ хорошо говорила на родномъ языкѣ, такъ очаровательно пѣла роскошныя произведенія Альжениба, такъ грациозно-страстно выполняла съ нимъ пляски

ихъ родины, что цыганъ былъ внѣ себя отъ радости, любви и самодовольствія. И были минуты, когда трепещущій отъ восторга, сливая свой серебрястый и свѣжій голосъ съ нѣжнымъ и гармоническимъ голосомъ сестры, посреди глубокаго молчанія ночи, или обвивая ее своими руками передъ зеркаломъ, въ которомъ встрѣчались ихъ пламенные взгляды, онъ готовъ былъ забыться, измѣнить самому себѣ, и за минуту упоенія заплатить всей будущностью своего счастья и своей славы.

А между тѣмъ ни разу нескромное эхо не проснулось отъ легкаго шороха ихъ шаговъ, ни разу ночной вѣтерокъ не донесъ ихъ сладкаго пѣнія до внимательныхъ или любопытныхъ ушей. Моренитѣ слѣдовало бы подивиться этому обстоятельству, тѣмъ болѣе, что Розаріо вовсе не заботился объ осторожности. Но довѣрчивая или смѣлая дѣвушка не думала объ этомъ и пребывала въ полной увѣренности, что герцогиня слишкомъ занята своими собственными дѣлами и не хочетъ входить въ чужія.

Тайна герцогини и оставалась, однакожь, тайною. Никто не могъ узнать ее, никто не могъ открыть ее предъ лицомъ общества.

Однажды ночью, когда Розаріо пробирался по наружной стѣнѣ сада, небольшой камешекъ упалъ къ его ногамъ и заставилъ поднять голову. Въ эту минуту онъ проходилъ мимо бесѣдки, которая выходила на уголь стѣны. Уже нѣсколько разъ онъ повиновался этому знаку. Изъ бесѣдки былъ выходъ на ту дорогу, по которой онъ ходилъ; сама бесѣдка устроена была такимъ образомъ, что Моренита не могла видѣть, что въ ней происходило, если бы даже и стояла она у окна, прислушиваясь къ шагамъ удалявшагося брата.

Послушный цыганъ отворилъ дверь и вошелъ въ бесѣдку.

— Ахъ да, милое дитя мое, сказала герцогиня тѣмъ ласковымъ, покровительственнымъ голосомъ, которымъ она говорила съ нимъ въ эти рѣдкія, но многозначительныя совѣщанія, — видѣлись вы сегодня съ своей вестрой? Скажите

пожалуйста, откуда въ ней такая скрытность, что она никогда не говорить со мною объ васъ? Не попадайтесь вы мнѣ иногда на глаза, вотъ какъ сегодня, на примѣръ, — я, право, не повѣрила бы, что вы бываете съ нею такъ часто. Я говорю, часто, а впрочемъ, я ничего не знаю. Не употребляйте только во зло моей снисходительности. Люди злы, и герцогъ, въ которомъ такъ много предрасудковъ, никогда не проститъ мнѣ, что я допустила эти отношенія, весьма законныя и весьма естественныя между братомъ и сестрой, какъ бы они ни были тайны.

— Ахъ, сеньйора, вы просто ангель доброты и справедливости! отвѣчала Розаріо, разыгрывая одну съ своей собесѣдницей комедію, хотя онъ и не думалъ обманывать ее долѣе, и хотя она не должна была надѣяться, что обманывасть его самого. Вы однѣ только въ міръ можете понять это взаимное влеченіе двухъ бѣдныхъ паріевъ, затерянныхъ, или, по крайней мѣрѣ, униженныхъ въ чуждомъ имъ обществѣ, эту потребность сблизиться между собою и вкусить прелести святой дружбы. Этого блаженства не видать имъ отъ людей постороннихъ, потому что они вѣчно исключены будутъ изъ семьи древнихъ христіанъ!

— Я рѣшительно не знаю, каковы намѣренія герцога касательно будущности вашей сестры, возразила герцогиня, но я увѣрена, что онъ никогда не позволитъ вамъ видѣться съ нею и выгонитъ васъ изъ дома, если увидитъ васъ вмѣстѣ. Онъ уже разъ прогналъ васъ! Ахъ! какъ сердце мое обливалось тогда кровію, увѣряю васъ. Но что же дѣлать! въ нашемъ обществѣ, какъ и у васъ тоже, женщина вѣчно раба, а мужчины тоже рабы своихъ собственныхъ предрасудковъ! Герцогъ впрочемъ лучший изъ всѣхъ мужчинъ!

— Да, объ этомъ говорятъ все: но увѣряютъ, что у него бывають минуты гнѣва, когда онъ никому не дастъ пощады!

— Какъ! подумала герцогиня, неужели цыгану известно....? Да, эти люди узнаютъ все, если захотятъ! Но впрочемъ, не бѣда; я уже мысленно переступила этотъ Рубиконъ.

— Дитя мое, сказала она совершенно спокойно, я не прошу васъ открывать Моренитъ, что знаю вашу тайну. Если она не говоритъ со мною объ этомъ, значить, она пренебрегаетъ моею заботливостью. А я, я была бы не довольна ея откровенностью съ герцогомъ. Въ минуту досады на него или на меня, она выдала бы самое-себя и меня вмѣстѣ съ собою.

— Все это улажено, сеньйора, отвѣчалъ цыганъ. Неужели вы считаете меня способнымъ измѣнить слову, которое угодно вамъ было взять съ меня?

— Нисколько, отвѣчала выразительно герцогиня: съ нимъ связана моя заботливость объ васъ. А кстати, дитя мое, на-шли вы чѣмъ жить въ Генуѣ?

— Нѣтъ, сеньйора, я не смѣлъ искать. Я боялся, чтобы меня не замѣтили и чтобы слухъ о моемъ сосѣдствѣ съ вами не дошелъ до герцога.

— И то правда! сказала герцогиня весьма просто, и тономъ, который обманулъ бы всякаго, но не цыгана. Вы поступили благоразумно. Но чѣмъ же живете вы въ такомъ случаѣ?

— Подаркомъ, которымъ вы удостилили меня при отъѣздѣ изъ Парижа.

— А развѣ я вамъ подарила что-нибудь? Я, право, не помню. А знаете, я сдѣлала большую глупость, что открыла вамъ, куда мы ѣдемъ; мнѣ бы слѣдовало догадаться, что вы отправитесь за нами, что вы воспользуетесь случаемъ повидаться съ дорогою сестрою! подобный случай можетъ и не прійти въ другой разъ. Черезъ мѣсяць герцогъ возвратится изъ Испаніи, и намъ придется ѣхать встрѣчать его въ Парижъ.

— Понимаю! подумалъ Розаріо, пора увезти Морениту.

— Однако, пора вамъ домой, возразила герцогиня, становится поздно, а вы, какъ кажется, поговорили вволю съ своей сестрой. Боюсь, не вредно ли ей не спать до сихъ поръ. Чтò же касается до огласки, бояться нечего, не такъ ли?

Никто не знаетъ, что она вамъ сестра; и такъ вы будете благоразумны?

— Если никто этого не знаетъ, значить я болѣе чѣмъ благоразуменъ. Только я за порогъ этого дома — я становлюсь цыганомъ.

— Прощайте же, цыганенокъ, сказала герцогиня съ улыбкой. Ахъ, да! хорошо, что вспомнила. Въ случаѣ, если я васъ не увижу, а вамъ понадобятся деньги, я не хочу, чтобы братъ Морениты былъ въ стѣсненномъ положеніи: вы можете зайти къ моему банкиру въ Туринъ, или въ Лондонъ, если вы не перемѣнили намѣренія посѣтить эти города. Я имъ уже писала объ этомъ. Вы явитесь къ нимъ подѣ тѣмъ именемъ, какъ я вамъ говорила. Они вручатъ вамъ каждый по десяти тысячъ франковъ — этой суммы достаточно, чтобы пуститься въ свѣтъ, а съ тощимъ карманомъ не слѣдъ являться на судъ общества. Вамъ придется платить дорого, если хотите имѣть много слушателей; въ особенности, въ Англіи! Прощайте еще разъ! Не вздумайте благодарить меня: эти деньги — залогъ моихъ вѣрныхъ понятій объ искусствѣ, потому что вы великій артистъ, и будете въ славу. Со временемъ герцогъ поблагодаритъ меня, что я не допустила, чтобы братъ его дочери пѣлъ по кофейнымъ изъ-за куска хлѣба. Притомъ же, развѣ я у васъ не въ долгу за всѣ ваши услуги? Не вамъ ли обязана я, что узнала о существованіи этой милой Морениты и объ обстоятельствахъ ея рожденія, не вамъ ли обязана я тѣмъ счастьемъ, которое испытала, сблизивъ ее съ отцемъ и открывъ герцогу случай исполнить его обязанности? Но довольно, дитя мое. Ступайте съ Богомъ, и если не увижу васъ, желаю вамъ добраго пути и полнаго успѣха.

« Въ такомъ случаѣ, — думалъ Альженикъ, направляясь по дорогѣ въ Генуу, — медлить нечего; сперва я поѣду въ Англію, и двадцать тысячъ на первыя издержки у меня въ карманѣ.... Потомъ, меня захотятъ предоставить собственнымъ средствамъ, но я этого не позволю, потому что я не глупъ и все знаю. А впрочемъ, что за бѣда? У меня есть талантъ, у меня

есть геній, и я любимъ Моренитой! Только эта проклятая бумага нейдетъ до сихъ поръ!»

На другой день утромъ, Альженибъ отправился на пристань, гдѣ почти каждый день поджидалъ онъ какого-то празднаго кляузника, котораго онъ зналъ еще въ Севильѣ. Онъ писалъ къ нему и просилъ отыскать его свидѣтельство о крещеніи въ двухъ-трехъ приходахъ, а въ которомъ именно, онъ и самъ не зналъ. Этотъ человѣчекъ долженъ былъ лично привести свидѣтельство, а въ благодарность за услугу, Альженибъ обязывался заплатить ему всѣ путевыя издержки и прокормить его недѣлю въ Генуѣ, пока тотъ не найдетъ себѣ занятія. Таковы были условія этого договора.

Но ожидаемый человѣчекъ не пріѣхалъ, а въ тотъ же день Альженибъ получилъ отъ него письмо, что такого прихода, гдѣ родился онъ, и не существовало никогда въ Андалузій. Альженибъ пробѣжалъ письмо до конца. Другъ его извѣщалъ, что онъ отдумалъ ѣхать въ Италію, и утвердился въ званіи хирурга и барышника въ окрестностяхъ Севильи. Альженибъ понялъ, что другъ его и не трудился отыскивать его свидѣтельство, и не надѣясь имѣть его когда-либо въ рукахъ своихъ, онъ рѣшился идти прямо къ развязкѣ.

Онъ нарочно опоздалъ приходить на дачу, чтобы приготовить трепетъ свиданія безпокойствомъ и нетерпѣливостью Морениты. Онъ явился только къ одиннадцати часамъ блѣдный, разстроенный. Онъ былъ взволнованъ не на шутку, потому что, не смотря на все лукавство своихъ намѣреній, онъ былъ влюбленъ до сумасшествія и не безъ страха ожидалъ приближенія этой грозы.

— Боже мой! что съ тобою? вскрикнула Моренита, кидаясь ему на шею.

Она опасалась какой-нибудь бѣды, она разсматривала, не раненъ ли онъ.

— Оставь меня, оставь меня! сказалъ онъ, отталкивая ее отъ себя. Не убивай меня! Моренита, я не могу любить васъ, не могу раздѣлять вашихъ ласкъ. Я долженъ васъ оставить, я пришелъ проститься съ вами навсегда!

Онъ упалъ, задыхаясь, на диванъ; она остановилась надъ нимъ изумленная и трепещущая отъ страха.

— Да, воскликнулъ онъ, рыдая, я былъ бы подлецомъ, если бы обманулъ васъ день одинъ, одинъ только часъ. Вы стали бы презирать меня. Пора открыть вамъ всю правду!... Увы! достанетъ ли у меня твердости? О, да, я буду твердъ! Моренита, меня обманули! я не сынъ твоей матери, я не братъ тебѣ, я тебѣ чужой!

Моренита стояла блѣдная и не говорила ни слова. Чувство глубокой недоверчивости омрачало ея лицо; подобно всѣмъ одностороннимъ натурамъ, она быстро переходила отъ слѣпой любви къ необузданной гордости.

— Вы не братъ мнѣ? сказала она. Знаете, были минуты, когда я сама сомнѣвалась. А вы? неужели у васъ не было такихъ минутъ?

— И мнѣ бы слѣдовало тоже имѣть ихъ, потому что каждую минуту смущалъ меня избытокъ удивленія и ревности, который долженъ былъ пояснить мнѣ мои собственныя чувства! Мнѣ приходилось бороться самому съ собой, напоминать самому себѣ тѣ отношенія, въ которыхъ были мы одинъ для другаго. О Боже мой! зачѣмъ отецъ мой такъ обманулъ меня?

— И въ самомъ дѣлѣ, сказала Моренита, которой глубокой взоръ тяготѣлъ надъ нимъ, какъ взоръ неумолимаго судьбы надъ преступникомъ, съ какой цѣлью обманулъ онъ васъ? Вамъ трудно рѣшить этотъ вопросъ! Если онъ хотѣлъ меня убить, и заставлялъ васъ отыскивать меня для утоленія своей мести, ему слѣдовало бы втолковать вамъ, что вы не должны оказывать мнѣ ни покровительства, ни жалости!

Альженибъ не ожидалъ встрѣтить такое хладнокровіе и такую разсудительность.

«Она недовергаетъ мнѣ, подумалъ онъ; она не любитъ меня, я погибъ.»

И онъ откинулъ прочь свое притворство. Неподдѣльная тоска, смѣшанная съ досадою и ревностью, овладѣла имъ. Онъ всталъ.

— Вы меня ненавидите, сказалъ онъ; вы правы! Вы думаете, что я обманулъ васъ съ цѣлью обольстить. Мнѣ

кажется, однако, я сохранялъ къ вамъ полное уваженіе! Но если бы и въ самомъ дѣлѣ, для того чтобы васъ видѣть, чтобы заслужить любовь вашу, я воспользовался вѣроятностью, обманомъ, который предохранялъ васъ отъ всякой опасности, налагая на меня самую такую трудную воздержность, — что же тутъ дурнаго? Если въ васъ есть хоть немного расположенія ко мнѣ, вы не поставите мнѣ этого въ преступленіе. Но вамъ ничего не стоитъ обвинить меня въ самыхъ злобныхъ намѣреніяхъ и прогнать отъ себя, какъ поплазго обманщика, потому что вы только и любите, только и думаете что о своемъ Стефенѣ!

— Замолчите! сказала Моренита холодно и гордо. Вы не имѣете права судить мои мысли, вы не имѣете на меня никакихъ правъ. Не смѣйте говорить о человѣкѣ, которому вы обязаны всемъ и который не способенъ лгать!

— Такъ, такъ! вскричалъ цыганъ въ бѣшенствѣ. Она любить его до сихъ поръ, а меня презираетъ! Ага! дочь христіанина, изъ породы испанской, ты твѣтаешься грудью, которая вскормила тебя! ступай опять, возвращайся къ своимъ воспитателямъ, которые льстятъ твоему тщеславію, но которые заставятъ тебя дорого поплатиться за твою цыганскую кровь!

— Довольно, сказала оскорбленная Моренита, ступайте отсюда. Вы не братъ мнѣ; ваше присутствіе у меня въ это время теперь невозможно.

— Ахъ ты малодушная! воскликнулъ цыганъ, ты боишься огласки! Ты точь-въ-точь этъ лицемерная барышня, которая боится любви, какъ огня, и у которыхъ развращенный умъ склоненъ ко всемъ причудамъ, не требующимъ ни искренности, ни твердости духа! Горе тебѣ въ будущемъ! Что же до настоящаго, ты не думай дешево раздѣлаться со мною. Ты дурна сердцемъ, но ты хороша лицомъ; я не уважаю болѣе твоей души, но я все еще плененъ твоей красотой, и не допущу, чтобы чужеродецъ прежде меня сорвалъ первое благоуханіе съ твоихъ устъ. Ты принадлежишь мнѣ по праву, и ты дашь мнѣ поцѣлуй любви или умрешь на мѣстѣ.

— Я уже не боюсь васъ теперь, сказала гордо Моренита и сильно дернула за петушокъ колокольчика. Я знаю, что всѣ цыгане трусь! ступайте отсюда, говорю вамъ; я скажу, что испугалась вора, или, что видѣла дурной сонъ.

— Ты увидишь, трусь ли я! отвѣчала Альженибъ. Вели своимъ лакеямъ вывести меня отсюда! Но прежде растолкуй имъ, какъ я сюда попалъ.

— Я скажу правду! возразила Моренита, приближаясь къ двери, скажу, что считала васъ своимъ братомъ, и что вы не братъ мнѣ.

Альженибъ ловкимъ и быстрымъ прыжкомъ очутился около двери.

— Ты не думай убѣжать отъ меня, сказалъ онъ: никто не придетъ. Здѣсь всѣ глухи!

— Кромѣ меня! сказалъ за дверью мужской голосъ. Дверь быстро отворилась, и цыганъ отлетѣлъ къ стѣнѣ.

XII.

То былъ герцогъ Флоресъ. Моренита кинулась къ нему на шею.

— Оставьте меня, сказалъ герцогъ, освобождаясь отъ ея объятій, съ вами я поговорю послѣ. Прежде всего, надо наказать этого негодяя.

И, бросившись на Альжениба, онъ схватилъ его за воротъ, и согнувши вдвое какъ тростинку, заставилъ его поневолю упасть на колѣни.

Цыганъ растерялся, и подъ вліяніемъ внезапнаго страха, который такъ оскорбилъ Морениту, не оказалъ ни малѣйшаго сопротивленія. Но ни одного слова не выдалъ его уста, и герцогъ, который смотрѣлъ на него съ пренебреженіемъ, не могъ вырвать у него ни мольбы, ни обещаній. Потувивъ взоры въ землю, мрачный, дикій, полный ненависти, но рѣшительный, какъ всякій человѣкъ безъ средствъ и безъ надежды на защиту, онъ стоялъ непоколебимо и, казалось,

ожидалъ смерти съ невозмутимостью жителя востока. Было что-то ужасающее въ этомъ нѣмомъ проклятіи.

Герцогъ хотѣлъ ударить его, но остановился.

— Прочь отсюда, червякъ! сказалъ онъ по-испански; но помни, что если ты попадешься мнѣ подъ ногу, я раздавлю тебя!

И онъ пригнулъ его къ окну. Цыганъ вылетѣлъ, какъ ночная бабочка, и исчезъ безъ шума во мракъ ночью.

Моренита, безмолвная отъ страха и видя своего отца въ первый разъ въ такомъ гнѣвѣ, не старалась смягчить его. Впрочемъ, онъ и не далъ ей сказать слова, и тотчасъ же вышелъ изъ комнаты, заперъ дверь на замокъ и отправился осмотрѣть всѣ углы сада. Потомъ онъ позвалъ своего вернаго слугу, котораго вывезъ изъ Испаніи и на котораго можно было вполне положиться. Онъ вручилъ ему ружье и велѣлъ оберегать домъ отъ наружныхъ воровъ и ото всѣхъ, кто только выйдетъ изъ дома. Затѣмъ, онъ отдалъ еще кой-какія приказанія и воротился къ себѣ въ комнаты.

Герцогиня видѣла и слышала, какъ пріѣхалъ ея мужъ. Внимательная и благоразумная, она поняла, что происходитъ въ домъ, и желая сохранить свою роль, тотчасъ же отодвинула задвижки своей комнаты, легла въ постель и прикинулась, что спитъ глубокимъ сномъ.

Герцогъ вошелъ на цыпочкахъ и долго стоялъ надъ спящей женой. Онъ могъ обвинить ее въ одномъ только—въ недостаткѣ надзора. Но по какому праву сталъ бы онъ требовать отъ нея выполненія этой обязанности?

Онъ разбудилъ ее: она притворно обрадовалась его пріѣзду. Онъ разсказалъ ей, что видѣлъ: она показала видъ удивленія. Онъ высказалъ ей свое неудовольствіе на безразсудство Морениты: она стала за нее заступаться; она по-видимому ничего не понимала въ этомъ происшествіи и какъ будто не вѣрила ушамъ своимъ.

Герцогъ не спалъ всю ночь; онъ былъ внѣ себя отъ бѣшенства. Съ разсвѣтомъ дня, онъ вошелъ къ Моренитѣ и

засталъ ее на томъ же мѣстѣ, на которомъ оставилъ. Она сидѣла, погруженная скорѣе въ задумчивость, чѣмъ преданная печали; она, казалось, не могла собраться съ мыслями.

— Выслушайте меня прежде, сказала она, остановивъ его на первомъ же словѣ; если вы были свидѣтелемъ этой сцены, которую прервали вы къ моему счастью, вы понимаете, что вамъ не въ чѣмъ упрекать меня, и вы меня знаете, надѣюсь, на столько, чтобы вѣрить, что я не хочу просить прощенія ни въ чемъ у покровителя, который не отецъ мнѣ. Можетъ быть, я поступила дурно, что приняла къ себѣ молодого человека, который до все не братъ мнѣ, и не догадалась объ его хитрости. Но, этотъ недостатокъ проницательности весьма извинителенъ въ мои годы: можетъ быть, такихъ недостатковъ найдется во мнѣ не мало, и всему причиной то странное положеніе, въ которое поставлена я незнаніемъ собственной судьбы своей въ прошедшемъ и въ будущемъ. Когда я узнаю, чья я дочь и кому обязана я полной покорностью, — тогда, разумѣется, я буду преступна, если измѣню своей легкой и пріятной обязанности. До тѣхъ поръ, весьма естественно, что я всему дивлюсь, отъ всего волнуюсь, всякаго слушаю и попадаюсь въ сѣти первому желающему обмануть меня.

— И такъ, сказала нѣсколько успокоившійся герцогъ, этотъ цыганъ выдалъ себя за вашего брата? Но кто же онъ такой? Онъ, кажется, пѣлъ у меня прошлой зимой? Откуда взялся онъ и какъ пробрался сюда, тайкомъ отъ герцогини?

— Какъ! сказала Моренита, довольная собственнымъ торжествомъ, вы ничего не знаете, а пришли во время, не допустили убить меня этому бродягѣ, который, думали вы, любимъ мною и только слишкомъ поторопился своимъ признаніемъ?

— Я ровно ничего не знаю, Моренита, кромѣ того, развѣ, что услышу отъ васъ, — сказала герцогъ, въ полной надеждѣ обезоружить ее своей кротостью и откровенностью. Вы обвиняете меня въ подозрительности; но всякій на моемъ мѣстѣ подумалъ бы то же самое, заставши васъ въ борьбѣ съ этимъ негодяемъ. Я летѣлъ сюда, съ весельемъ и довѣрчивостью на

душѣ, хотѣлъ доставить герцогинѣ и вамъ нежданное удовольствіе своимъ прѣздомъ, и вовсе не ожидалъ найти васъ въ такой опасности. Я покраснѣлъ за васъ, видя вашъ невольный проступокъ....

— Не краснѣйте впередъ, герцогъ, сказала горько Моренита, если вы знаете, что до сего дня я считала Альже-ниба, сына Альголя—своимъ роднымъ братомъ.

— Сына Альголя! сказала герцогъ, внезапно смутившись.

— Да, сказала Моренита, мужа красавицы Пиларъ, которую, по его словамъ, вы когда-то знали, и которую называлъ онъ своей матерью.

Герцогъ совершенно растерялся и всталъ.

— Довольно, Моренита, сказалъ онъ; подобный разговоръ между нами не можетъ идти далѣе. Я не хочу знать того, что вамъ наговорили; я бы желалъ только видѣть въ васъ поменьше готовности вѣрить этимъ толкамъ. Вы могли бы разсудить теперь, по крайней мѣрѣ, что негодий, хотѣвшихъ обмануть васъ и назвавшихся вашимъ братомъ, обмануть васъ и во всемъ остальномъ. Но вы, кажется, расподожены выслушивать самыя пустыя росказни и принимать къ себѣ самыхъ вѣроломныхъ злодѣевъ. Эта склонность къ романтическому очень близка къ сумасшествію, и я обязанъ принять свои мѣры. Мнѣ не приходится пояснять вамъ всѣ химеры, которыя наполняютъ ваше воображеніе. Знайте одно, что вы не имѣете права допрашивать меня, а я имѣю полное право присматривать за вами и обсуживать ваши поступки.

Черезъ два часа послѣ этого разговора, герцогъ вмѣстѣ съ женой и съ Моренитой были уже въ дорогѣ, по направленію къ Турину. Герцогъ чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ родной дочерью; въ отношеніи къ женѣ онъ сталъ въ какое-то неловкое положеніе; имъ овладѣла какая-то ярость и заступила мѣсто обычной его нежности и даже слабости.

Герцогиня была по прежнему спокойна, добра, великодушна въ своихъ отношеніяхъ съ Моренитой, и старалась помирить ее съ отцомъ.

Моренита была взволнована, но природная гордость не допускала ее къ откровенности, и она во всю дорогу не сказала ни слова.

Приказанія, отданныя герцогомъ его прислугѣ, не повели ни къ чему. Никто изъ людей не нагналъ Альжениба по дорогѣ въ Генуу.

Черезъ два дни, герцогъ повезъ Морениту въ гости къ одной своей родственницѣ, настоятельницѣ одного изъ богатѣйшихъ монастырей въ Туринѣ. Онъ оставилъ ее тамъ на нѣсколько минутъ, а самъ поѣхалъ куда-то въ другое мѣсто съ герцогиней, которая вышла изъ монастыря со слезами на глазахъ. Они не возвращались болѣе. Моренита осталась въ монастырѣ.

Изъ всѣхъ распоряженій герцога, это было самое безразсудное. Можетъ быть, лучше бы было предоставить Морениту ея собственной судьбѣ. Есть люди, въ которыхъ препятствія рождаютъ настойчивость, и нерышительность переходитъ тогда въ упорство, твердая воля въ отчаяніе.

Бѣдная цыганка вздрогнула съ головы до ногъ, когда желѣзная рѣшетка замкнулась за нею полноувѣснымъ ключемъ.

— Да, да, сказала она самой-себѣ, вотъ какъ поступаютъ съ нами! Альженибъ говорилъ правду. Обольщаютъ нашихъ матерей, и потомъ бросаютъ; берутъ къ себѣ ихъ дѣтей, кидаютъ имъ обглодки хлѣба и сажаютъ на цѣпь. Тѣмъ хуже для тѣхъ, которые умираютъ въ такой жизни!

Съ этой минуты, кровь угнетенной и проклятой породы ожила въ Моренитѣ. Она прокляла тотъ порывъ гордости, когда обрадовалась было своему освобожденію отъ цыганскаго племени, при видѣ Альжениба, валявшагося въ ногахъ у герцога.

— О, что бы прійти ему теперь, несчастному парію! воскликнула она, ломая руки среди ночнаго безмолвія своей кельи.

Монастырь, въ который заключили Морениту, мало чѣмъ рознился отъ настоящей крѣпости. Первые дни, она считала себя за-живо погребенной, и мысль о бѣгствѣ казалась ей просто безумствомъ. Она хранила, однакожъ, упорное молчаніе и не проронила ни одного слова о пощадѣ. Монастырки, предувѣдомленные уже герцогомъ, ожидали страшнаго взрыва. Ничего не случилось. Плѣнница оставалась по прежнему нѣма, холодно-учлива и сохраняла необыкновенное достоинство въ несчастіи.

Это была хорошая черта въ характеръ этой дѣвушки, созданномъ изъ ничтожества и величія. Если въ минуты торжества и проявлялось въ ней гибельное тщеславіе, неблагодарность и необузданное упрямство дикой воли, за то выростала она среди бѣдъ и поражала необыкновенной твердостью, терпѣніемъ и сознаниемъ собственной гордости.

Анисэ очень хорошо поняла натуру этого ребенка, хотя и не выставяла на показъ своего познанія человѣческаго сердца. Въ то время, когда упрекали ее въ излишней нѣжности и слабости къ своей воспитанницѣ, она шла по настоящему пути, попала на единственную точку, съ которой можно было дѣйствовать на ея характеръ. Она никогда не шла прямо противъ ея наклонностей, и удѣляя многое на долю ея странной судьбы, она удовлетворяла ся непобѣдимымъ наклонностямъ всякій разъ, какъ только не имѣли онѣ послѣдствіемъ какой-нибудь дѣйствительно важной опасности. Герцогъ же былъ слабѣе и вмѣстѣ суровѣе Анисэ; онъ естественно долженъ былъ довести дочь свою до того страшнаго внутренняго возстанія, которое опаснѣе всякаго открытаго и скоропреходящаго взрыва.

Какъ въ свѣтъ умѣла она возбудить къ себѣ ненависть, такъ въ монастырь заставила она всѣхъ полюбить себя. Настоятельница писала къ герцогу и разсыпалась въ похвалахъ своей прекрасной затворницѣ. Герцогъ не могъ нарадоваться успѣху своего предпріятія.

— Этимъ безпокойнымъ натурамъ, говорилъ онъ женѣ, строгость идетъ всегда въ прокъ. Онѣ уступаютъ только волѣ сильнѣйшаго.

— *Слѣдовательно!* отвѣчала герцогиня съ странною улыбкой. *Во всякомъ дѣлѣ надо смотрѣть на конецъ.* Натуры истинно-энергическія умѣютъ выжидать время. Онѣ уступаютъ для того, чтобы взять верхъ впоследствии. По моему, ваша дочь сильнѣе васъ, герцогъ.

— А вотъ, мы посмотримъ! прибавлялъ сквозь зубы герцогъ.

А между тѣмъ сердце его уже обливалось кровію при мысли о тѣхъ слезахъ, которыя, вѣроятно, проливаетъ тайкомъ Моренита. Онъ былъ крайне добръ по натурѣ; но не смотря на все желаніе, онъ не умѣлъ быть справедливымъ.

— Черезъ полгода, или черезъ годъ, думалъ онъ, когда всѣ связи ея съ этимъ негодяемъ расторгнуты будутъ забвеніемъ и разлукой, мы возьмемъ ее изъ монастыря и тотчасъ же отдадимъ за-мужъ. Надо прискаты только жениха; въ этомъ все дѣло. Приданое мы увеличимъ, по милости ея собственной глупости и той опасности, которой подвергалась она, принимая у себя цыгана. Если онъ вздумаетъ хвастаться, мы зажмемъ ему ротъ. Жениха Морениты мы надѣлимъ богатствомъ, примемъ подъ свое покровительство—онъ будетъ вполне доволенъ своимъ положеніемъ.

Выдать Морениту за-мужъ сдѣлалось съ этихъ поръ любимой мечтой герцога Флореса. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ того времени, когда можно будетъ освободить свою дочь изъ ея заточенія. Ему писали, что она томится скукой; онъ опасался за ея здоровье, и потому ему уже наскучило такъ долго думать объ одномъ предметѣ.

Онъ перебралъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, которые, по его мнѣнію, могли быть достойными женихами для его дочери. Къ великому его удивленію, не смотря на пять сотъ тысячъ франковъ, на которыя искусно намекалъ онъ въ разговорахъ съ этими знакомыми, не нашлось изъ нихъ никого, кто бы захотѣлъ польститься на богатство. Онъ полагалъ однакожъ, что дачное происшествіе оставалось для всѣхъ тайной. Ни одинъ изъ его друзей не признался ему, что

герцогиня удостоила его своей доверенности. Все знали, и всякій считалъ только себя обладателемъ этой тайны.

Герцогъ не хотѣлъ обратиться къ людямъ, торгующимъ совѣстью (ихъ онъ, вѣроятно, поддѣлъ бы на удочку); не хотѣлъ онъ входить въ сношенія и съ мужчинами старыми или безобразными — Моренита, разумеется, не согласилась бы идти за нихъ. Наконецъ, въ недобрый часъ, пришло ему въ голову поговорить по душѣ съ Губертомъ Клетомъ.

Губертъ Клетъ, поэтъ, ученый, скептикъ въ дѣлахъ важныхъ, энтузіастъ въ мелочахъ жизни, человекъ, промотавшій все свое состояніе, не захотѣлъ упустить этого случая, но приступилъ къ дѣлу весьма осторожно.

— Я знаю всю правду на счетъ генуезскаго происшествія, сказалъ онъ герцогу; благодарю васъ за доверіе и за искренность, которыми вы меня удостоили. Но я знаю все подробности отъ самого Альжениба.

— Развѣ вы его видѣли? Такъ онъ въ Парижѣ! вскричалъ герцогъ.

— Я видѣлъ его, скорѣе послѣ вашего возвращенія. Онъ былъ здѣсь мимоходомъ, а теперь, по всей вѣроятности, долженъ быть въ Англій. Я съ дѣтства принималъ участіе въ этомъ бѣднѣгѣ, который, право, не заслуживаетъ вашего презрѣнія. Онъ всегда былъ откровененъ со мною и рассказалъ мнѣ все дѣло. Моренита не только не поддавалась его обольстительнымъ намѣреніямъ, но обошлась съ нимъ гордо, жестоко, презрительно. Онъ ненавидитъ ее съ тѣхъ поръ сильнѣе, чѣмъ прежде любилъ, и отказывается отъ нея тѣмъ охотнѣе, что ужасно боится васъ, герцогъ. И я вовсе не вижу причины, за чѣмъ было запираеть вамъ свою дочь въ монастырь. Вы говорите, что она тамъ оправилась отъ сумасшествія; а я боюсь, чтобы она не помѣшалась тамъ не на шутку. Но приступимъ къ дѣлу. Вы даеъ за ней состояніе, и я влюбленъ въ нее: двѣ причины, по которымъ долженъ я жениться, если она расположена ко мнѣ. Но я боюсь, что придется ей не по сердцу мои сорокъ годовъ и въ особенности отсутствіе той прелести, на которую нечего рассчиты-

вать челоуьку, который носилъ васъ на рукахъ и казался вамъ старикомъ въ то самое время, когда онъ былъ въ самомъ цвѣтѣ своей молодости. И такъ, поймите меня, любезный герцогъ, мнѣ не хотѣлось бы быть неизбѣжнымъ условіемъ для освобожденія Морениты. Желаніе освободиться, конечно, заставить ее произнести роковое да, но знаете ли? я хочу, чтобъ меня любили, хотя бы въ первые года нашего брака. Можетъ быть, я немного самолюбивъ въ этомъ случаѣ, но, хотя я и философъ, а все-таки стою за свое самолюбіе. И потому объявляю вамъ, что Моренита не выйдетъ изъ монастыря, ради меня, до тѣхъ поръ, пока я самъ лично не переговорю съ нею.

— Неужели вы думаете за этимъ прокатиться въ Туринъ?

— Непремѣнно, если только вы дадите честное слово не предупредить ее о моемъ прибытіи.

Герцогъ согласился и вручилъ Клету письмо къ своей родственницѣ, начальницѣ монастыря, для того, чтобы онъ могъ явиться къ Моренитѣ какъ будто съ вѣстями о герцогѣ и герцогинѣ.

СТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА КЛЕТА КЪ СТЕФЕНУ И АННО.

Туринъ, 10 декабря, 1847 г.

Теперь, друзья мои, вы знаете все дѣло, знаете, гдѣ отыскать вашу бѣдную Морениту, о которой вы такъ беспокоитесь, а я расскажу вамъ, какъ я нашелъ ее и что произошло между нами.

Лишь только она показалась за монастырской рѣшеткой, я былъ пораженъ той перемѣной, которая произошла съ нею въ теченіи восьми мѣсяцевъ, съ того дня, какъ я видѣлъ ее въ послѣдній разъ. Она выросла очень немного, стала худа и замѣтно блѣдна, но сатанинская красота ея получила какой-то характеръ твердости и самоуверенности. Она

приняла меня весьма ласково; блестящій умъ ея развился и окрѣпъ.

Я просилъ ея сказать по совѣсти: весело ли ей жить въ монастырѣ. Она отвѣчала съ лукавой гордостью, что очень довольна своей судьбой и не желаетъ лучшей.

Ея смѣлая увѣренность ввела меня въ просакъ, и я началъ говорить ей любезности, уже не опасаясь поставить ея въ необходимость выбирать между узами брака и обѣтомъ монашества. Въ случаѣ, если бы она стала слушать меня, клянусь вамъ, что я не рѣшился бы на окончательное предложеніе, не спросясь на то вашего совѣта, потому что, какъ тамъ угодно герцогу, а на мои глаза, вы всегда были и всегда будете истинными родными этой бѣдной андалузской жемчужины.

Мы были одни въ монастырской пріемной. Насъ разделяла рѣшетка. Монастырка—спутница, вѣроятно, увѣдомлена была настоятельницей, что мнѣ нужно переговорить съ Моренитой о семейныхъ дѣлахъ, и вышла въ другую комнату.

— Будьте откровенны, дитя мое, сказалъ я вашей воспитанницѣ. Если я вамъ не противенъ, если вы имѣете ко мнѣ довѣріе, напишите объ этомъ своей мамитѣ и спросите ея совѣта. Если же и не такъ, то вспомните, что я преданъ душою мамитѣ, равно какъ и вамъ, и что ни она, ни бабушка Маранжъ, ни вашъ крестный, ни я, мы не допустимъ васъ умереть здѣсь съ тоски. Откройте для дружбы ваше гордое сердце, и положитесь на насъ. Смѣю увѣрить васъ, что мамита выхлопочетъ у герцога позволеніе взять васъ къ себѣ.

— О, этому... не бывать никогда! сказала она отрывисто и съ свойственнымъ ей упорствомъ.

И эта странная дѣвушка не хотѣла прибавить ни слова къ этому лаконическому приговору, какъ ни просилъ я ее объяснить причину такого упрямства.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ я, прощайте, оставайтесь здѣсь.

— М-г Клетъ! воскликнула она, видя мое намѣреніе удалиться, и протянула свои ручки сквозь рѣшетку, чтобы удержать меня за платье. М. Клетъ! не покидайте меня!

И рыданія заглушили ея голосъ.

— Что же мнѣ дѣлать? сказала я опять. Если вы намѣрены скрывать ту скуку, которая гнететъ васъ здѣсь, весьма естественно, что васъ продержатъ здѣсь еще долго: потому что васъ освободятъ тогда только, когда найдутъ вамъ жениха, а это не такъ-то легко теперь, тѣмъ болѣе, что вы очень разборчивы. Вы отвергаете покровительство обожаемой мамиты, вы дуетесь на герцога, не хотите говорить со мною...

— Послушайте! я не хочу васъ обманывать! вы мой старинный другъ и вы принимаете во мнѣ участіе. Я не люблю васъ на столько, чтобы сдѣлаться вашей женою; оцѣните же мою откровенность и спасите меня, какъ я спасаю васъ отъ глупости и несчастія.

— Хорошо. Спасибо за это, Моренита. Теперь скажите, что же могу я сдѣлать для васъ?

— Помогите мнѣ обмануть герцога, выведите меня отсюда, увѣрьте его въ томъ, что я напишу ему.

— А вы напишете, что согласны быть моею женою? Нѣтъ, благодарю покорно. Дѣлайте и говорите, что вамъ угодно, а я не возьмусь разыгрывать подобную роль.

— Отчего же? въ васъ слишкомъ много тщеславія, чтобы сдѣлаться орудіемъ моихъ плутней?

— Нисколько, но я не могу рѣшиться обмануть довѣренность герцога.

— Правда! правда! возразила она въ гнѣвъ.

И прежняя Моренита воскресла въ ней на нѣсколько минутъ. Она наговорила мнѣ кучу дерзостей, и пользуясь своимъ несчастнымъ положеніемъ, старалась всячески оскорбить меня. Потомъ она залилась слезами, и успокоилась только, когда я при прощаньи обѣщала исполнить ея просьбу. Но обѣщала — каюсъ передъ вами — какъ общаются мѣ-

сящъ плачущему ребенку. Я чувствую себя не въ силахъ такъ нагло обмануть герцога и герцогиню, и пишу къ вамъ немедленно, прося разрѣшить мои сомнѣнiя.

Слѣдуетъ ли этому ребенку изнывать въ неволь потому только, что она заслушивалась пѣсенъ и сказокъ своего брата—цыгана, и внимала имъ такъ искренно и отъ души? Повторяю вамъ, что герцогъ ничего не смыслитъ въ дѣль отцовской власти, и вы совершенно согласны со мною, что отцовская власть не дается тому, кто не въ силахъ дѣйствовать во имя ея прямо и открыто. Моренита поняла это съ поразительной вѣрностью. Она не считаетъ себя обязанной повиноваться отцу, который стыдится признать ее своей дочерью. Вы скажете, что она не лучше поступила и съ вами, а вы непричастны этому грѣху. Но что же дѣлать! подъ этимъ кроется какая-то тайна, сродная ея племени, или дѣтскiя причуды, которыхъ я не берусь объяснить вамъ, потому что эта дѣвочка—во многихъ отношенiяхъ, загадка нерѣшенная.

Прѣзжайте, или пишите ко мнѣ, друзья мои! Жду вашего рѣшенiя.

XIII.

Письмо это застало Стефена, Анисэ и г-жу Маранжъ въ Женевѣ, куда прѣхалъ къ нимъ Рокъ погостить на самое короткое время. Оно адресовано было Клетомъ въ Неаполь, изъ Неаполя проѣхалось потомъ въ Венецію, гдѣ они прожили двѣ недѣли, и такимъ образомъ, дошло до нихъ только дней черезъ двѣнадцать послѣ отсылки.

Анисэ не получала отъ Морениты ни одного письма послѣ того, которое писала она ей изъ Ниццы. Анисэ знала, что она прожила три мѣсяца въ Генуѣ, и приписывала ея молчанiе рѣшительной забывчивости; тяжело ей было, но она не дала замѣтить ни мужу, ни своей матери неблагодарность ребенка, котораго она по прежнему любила.

Она узнала потомъ о возвращенiи изъ Испанiи герцога Флореса и объ отъѣздѣ его семейства въ Парижъ. Но она

не знала о томъ, что Моренита осталась въ Туринѣ. Только черезъ два мѣсяца получила она въ Италіи извѣстія отъ Клета, который, уклоняясь отъ объясненія этого происшествія, навелъ ее на тяжкое раздумье. Она принудила его объясниться, и приведенное нами письмо, въ которомъ выпущено начало, открыло ей всю правду.

Г-жа Маранжъ заболѣла довольно опасно въ Женевѣ въ то самое время, когда надо было возвращаться имъ въ Бриоль. Она была не въ силахъ выдержать дальнее путешествіе.

Анисэ, не рѣшавшаяся разстаться съ матерью, уговаривала Стефена ѣхать въ Туринъ, дознаться наконецъ причины страннаго поведенія Морениты, побѣдить ея упорство и привезти ее съ собою, съ согласія или безъ согласія герцога, если уже онъ такъ пренебрегаетъ обязанностями отца или опекуна.

Порученіе это было острымъ ножомъ для Стефена. Онъ хотѣлъ-было передать его Року, но Рокъ, не смотря на все свое желаніе, не стѣмѣлъ бы приступить къ этому дѣлу. Стефенъ видѣлъ тягостное положеніе жены своей, помочь которому было нечѣмъ; а рѣшиться на объясненіе съ Моренитой значило еще болѣе запутать дѣло.

Онъ рѣшился наконецъ открыть Анисэ таинственную причину отдаленія и неблагодарности своей крестницы.

— Только-то? сказала великодушнѣйшая изъ женщинъ. Это неизбежныя причуды разстроеннаго воображенія. Зачѣмъ было скрывать ихъ отъ меня до сихъ поръ? Я бы сейчасъ вылечила ее: я такъ хорошо изучила натуру этого страннаго ребенка. Я бы не стала ей вдругъ открывать всю правду. Оставила бы ее на нѣсколько дней въ полной надеждѣ, что она тебя нравится и что ты можешь быть ея мужемъ. Съ подобными натурами нельзя говорить прямо, не сдѣлавши имъ небольшой уступки. Въ три мѣсяца я вылечила бы ее совершенно. Теперь же болѣзнь эта раздражена въ ней, она безпрепятственно вѣдрилась къ ней въ сердце, и помочь ей уже не такъ легко. Но впрочемъ, все равно. Дайте мнѣ только на руки мою больную, и ты

первый поможешь мнѣ исцѣлить ея душу отъ этого дьявольскаго навожденія. Ахъ! Стефенъ, скажи мнѣ, что случилось съ тобою. Не знай я тебя такъ хорошо, я бы сказала, что ты усомнился въ самомъ себѣ, потому что испугался дьявольскаго навѣта. Прочь этотъ страхъ, смѣльте впередъ! Я не могу ревновать, не смотря на то, что мнѣ сорокъ пять лѣтъ! Иначе пришлось бы мнѣ усомниться въ тебѣ, а я вѣрю въ тебя болѣе, чѣмъ самъ ты. Возврати мнѣ мою Астарту, мою русалку, мою цыганку. Я не боюсь ея зубковъ. Они пригугнутся объ тѣ плоды, которыхъ нарвемъ мы для нея на деревьяхъ нашего эдема. Да если она и заставитъ насъ пострадать немного! чтожь до этого? развѣ мы не обязывались принять на себя всѣ неудобства и горести, связанные съ родительской властью? Развѣ ея вина, что у ней въ жилахъ есть остатокъ нечистой крови, а въ сердцѣ искры адскаго пламени? Развѣ мы не предвидѣли всего этого, въ тотъ день, когда клялись заступитъ ей мѣсто отца и матери? Припомни, какъ ты не доверялъ моему постоянству, боялся за участь своей крестницы; а теперь, самъ сдѣлался плохимъ крестнымъ отцомъ, самъ советуешь мнѣ быть эгоисткой и бросить нашу воспитанницу! Нѣтъ, нѣтъ! ты долженъ ѣхать, привезти ее ко мнѣ. Скажи ей: «Мамита больна, она зоветъ тебя, хочеть, чтобъ ты ходила за нею,» и ты увидишь — она прилетитъ, потому что любить меня, и будетъ любить теперь еще болѣе, когда почувствуетъ свою несправедливость ко мнѣ.

— О, великодушная женщина! воскликнулъ Стефенъ. Пятнадцать лѣтъ пожертвовалъ я, чтобы заслужить любовь твою, и при всемъ томъ, я такъ малъ предъ тобою, что ужасаюсь своего ничтожества!

Стефенъ отправился въ Туринъ вмѣстѣ съ Рокомъ, чтобы избавить Морениту отъ неприятнаго впечатлѣнія оставаться съ нимъ наединѣ во время путешествія.

Между тѣмъ Клетъ потерялъ окончательно голову. Прошла недѣля, а онъ не получалъ отвѣта отъ своихъ друзей. Ему предстояла борьба съ самымъ опаснымъ обольсти-

телемъ—борьба съ собственнымъ воображеніемъ, или вѣрнѣе съ собственнымъ тщеславіемъ, хотя время и жизненный опытъ значительно умѣрили первоначальную пылкость его порывовъ.

Моренита при первомъ свиданіи говорила съ нимъ весьма откровенно, но видя его нежеланіе помогать ей въ бѣгствѣ изъ монастыря, она прибѣгла къ женской хитрости, которую считала весьма спасительною въ своемъ несчастномъ положеніи. Она прикинулась, будто перемѣнила намѣреніе, и стала съ нимъ кокетничать. У него не достало духа прекратить свои свиданія, и онъ продолжалъ навѣщать ее до самого пріѣзда Стефена, на отвѣтъ котораго онъ пересталъ уже надѣяться. Герцогъ писалъ къ Клету, чтобы онъ шелъ къ цѣли и не отказывался отъ своихъ ухаживаній. Начальница, получивши наставленіе отъ своего родственника касательно устройства этого брака, глядя сквозь пальцы на посѣщенія Клета и даже покровительствовала его тайнымъ бесѣдамъ съ своей затворницей. Моренита употребила въ дѣло всю тонкости своего ума, все выдумки женскаго лукавства. Клетъ самъ помогъ ей обмануть самого себя. Вотъ какъ это случилось.

Сначала онъ не вѣрилъ въ искренность этой любви къ себѣ, и чтобы убѣдиться въ истинѣ, потребовалъ отъ Морениты доказательства этого внезапнаго расположенія.

— Какого же доказательства? спросила неопытная дѣвушка.

— Разумѣется, отвѣчалъ Клетъ, пораженный ея наивною, доказательства такого, въ которомъ не пришлось бы раскаться ни вамъ, ни мнѣ, ни герцогу. Дайте мнѣ залогъ любви вашей, напишите письмо, что ли? Заведемъ между собою отношенія, которыя, если не стѣснять вашей совѣсти, то будутъ по крайней мѣрѣ свидѣтельствомъ честности моихъ поступковъ передъ герцогомъ и мамитой.

— Послушайте, сказала она, герцогъ уполномочилъ ли васъ увезти меня изъ монастыря и привезти къ нему, если я соглашусь выйти за васъ?

— Разумѣется, нѣтъ! Какъ вы мало знаете свѣтскія приличія, не смотря на то, что были первою звездою въ свѣтъ!

— Была, конечно, но не на долго, и забыла все или не поняла ничего въ этихъ приличіяхъ. А впрочемъ, если свѣтскія условія не позволяютъ вамъ ѣхать со мною въ Парижъ, тѣмъ лучше: увезите меня! надѣюсь, что меня осудятъ за этотъ проступокъ, что и отецъ мой, и вы сами повѣрите тогда искренности моего чувства, и это будетъ залогомъ нашего вѣчнаго соединенія.

— Не вѣрится мнѣ! отвѣчалъ растроганный Клетъ. Шекспиръ сказалъ объ женщинѣ: *вроломна, какъ волна*.

— А! такъ вы все еще не вѣрите мнѣ? Вы просто глупецъ послѣ этого! вы бы должны были подумать, что если я и откажусь отъ своихъ обещаній послѣ того, какъ буду опозорена по вашей милости, вы все-таки будете въ большомъ уваженіи у всѣхъ женщинъ и будете имѣть право кричать повсюду, что вы обманули меня.

— Вы злой дьяволенокъ, сказалъ Клетъ, смѣясь; но вы сошли съ ума! Я не намѣренъ брать на себя эту роль.

— Давно ли вы стали такимъ нравственнымъ человѣкомъ?

— Не въ томъ дѣло, но я человѣкъ честный, другъ герцога и Стефена. Всякая глупость, какую только сдѣлаете вы по моей милости, будетъ вѣчнымъ позоромъ для вашей мамы. Не слѣдуетъ допускать, чтобы воспитанница ея упала въ общественномъ мнѣніи, какъ вы говорите.

— Опять мамита и вѣчно мамита! сказала въ гнѣвъ Моренита. Если и дорожать моей честью, то все-таки для нея! А я, меня не берутъ въ расчетъ! Послушайте, вы не любите меня!

Моренита залилась слезами. Клетъ совсѣмъ разстерялся. Двое сутокъ этой тяжелой борьбы истощили въ немъ его послѣднія силы. Онъ едва могъ устоять противъ ея предложенія, бѣжать съ ней въ Англію и обвѣнчаться тамъ. Онъ былъ вполне убѣжденъ, что единственное средство оставалось ему, привезти Морениту прямо въ Парижъ и получить ее въ супружество изъ рукъ герцога и герцогини. Ему при-

плюсь отказаться даже отъ прежней мысли, выждать согласія Стефена и его жены.

Дѣло стало за тѣмъ, какъ устроить это похищеніе. Клетъ не былъ уполномоченъ отъ герцога, чтобы увезти Морениту изъ монастыря; но Моренита предвидѣла все; она вполне положила на самое себя.

— Убѣжать ночью, перелѣзть черезъ стѣны, сказала она, выпрыгнуть въ окошко,—и трудно и опасно и рѣшительно невозможно. Я уже давно думаю объ этомъ, и, право, не знаю, какъ взяться за это дѣло.

— Давно? сказалъ Клетъ. Вамъ бы не следовало говорить этого при мнѣ!

— А развѣ я сказала давно? возразила она. Пусть будетъ такъ—давно, потому что я думаю объ этомъ съ недѣлю, а вѣдь это—вѣкъ для меня.

— Положимъ! но если трудное невозможно, следовательно, возможное должно быть легко. Поясните мнѣ эту задачу.

— Дѣло, не возможное для всѣхъ, возможно для васъ. Вы одни имѣете право прійти и уйти изъ этой пріемной, гдѣ мы теперь съ вами наединѣ. Следовательно, стоить только вамъ вывести меня за рѣшетку, которая насъ разделяетъ, и все сдѣлано.

Клетъ осмотрѣлъ рѣшетку; она была желѣзная, массивной работы и плотно прикована къ стѣнѣ.

— Какъ мужчины-то глупы! сказала Моренита, поглядывая на него съ усмѣшкой. А это окошечко по серединѣ, служащее для передачи подарковъ, игрушекъ или гостинцевъ, которые родители приносятъ своимъ дѣтямъ?

— Оно тоже загорожено рѣшеткой и заперто внутреннимъ замкомъ.

— Вотъ печать, сказала Моренита, вынимая ее изъ кармана; сдѣлайте ключъ по этому образцу.

— Превосходно! сказалъ Клетъ, какъ ребенокъ тѣшившійся мыслью, что ему предстоитъ похищеніе дѣвушки, которая обречена уже ему заранѣе, съ прибавленіемъ богатаго

приданого. Но если я и достану ключъ, вы не прользете въ это узкое отверстіе.

— Прользу, отвѣчала Моренита.

— Но это невозможно. Тутъ можно себя изуродовать. А я не хочу имѣть жену прошедшую чрезъ плющильню.

— Прользу, сказала Моренита, и не потеряю ни волоска.

— Дай Богъ! сказалъ Клетъ, твердо рѣшившись не за казывать ключа и не подвергать Морениту этому ужасному истязанію.

— Она угадала его мысли, и одумавшись, сказала ему:

— Мнѣ пришла другая мысль. Да, средство вѣрное, естественное; но я не хочу открывать его вамъ, вы, пожалуй, расскажете его въ пылу горячности. До завтра. Приѣзжайте сюда въ полночь, остановитесь въ каретъ у воротъ, накиньте на плечи большой плащъ, приготовьте у городской заставы почтовый экипажъ, и я отвѣчаю вамъ за успѣхъ.

Клетъ не хотѣлъ вѣрить ея выдумкамъ; но она взяла съ него слово быть на другой день готовымъ къ похищенію и явиться на мѣсто въ условленный часъ. Чтобы увѣрить его въ истинѣ своихъ намѣреній, Моренита вручила ему письмо къ герцогу, въ которомъ изъявляла свое желаніе выйдти за Губерта Клета, и которое она просила его отправить по почтѣ сегодня же вечеромъ.

— Но если вы согласны, сказалъ Клетъ, вынужденный прочесть письмо и положить его къ себѣ въ карманъ, — къ чему всѣ эти затѣи? Черезъ четыре дня послѣ этого письма герцогъ будетъ здѣсь; въ тотъ же день вы уѣдете изъ монастыря, и мы втроемъ возвратимся въ Парижъ, безъ всякой огласки, безъ всякой опасности.

— А! вы боитесь теперь огласки? сказала холодно Моренита. Чтожь! откажитесь отъ меня. Мнѣ не нужно мужа, прошедшаго сквозь плющильню приличій, который, при первомъ неудовольствіи, станетъ упрекать меня, что я избрала его по ненависти къ монастырской жизни, хотя и я могла бы тоже упрекнуть его, что онъ женился на мнѣ изъ любви

къ моему приданому. Я не выйду за-мужъ иначе, какъ по любви, объявляю вамъ. Убѣжимъ отсюда, какъ слѣдуетъ любящимся сердцамъ; безъ того мы никогда не будемъ супругами, клянусь вамъ душою моею покойной матери!

Клетъ простился съ нею въ упоеніи, въ страхѣ. Онъ былъ не прочь отъ приданого, да и женщина пришлась ему по душѣ. Говоря правду, онъ боялся ея, но собственное самолюбіе увѣрило его, что онъ укротитъ эту непокорную натуру. Онъ и забылъ, сколько выкурилъ и проглотилъ опиума во время своего романтическаго кризиса, и сколько силы утратилъ онъ, засыпая подъ обаятельное пѣніе сирены.

Ночь провелъ онъ въ страшномъ волненіи, а къ утру испарился весь его поэтической жаръ. Страсть его къ цыганкѣ остыла; она жила у него болѣе въ воображеніи, нежели въ сердцѣ. Какъ вспомнилъ онъ о смуглой малюткѣ, брошенной въ домъ Флонгъ, вскормленной на солому черною овечкой, вспомнилъ первые крики, первый смѣхъ, первыя прогулки въ паркѣ де-Соль, первыя проказы ребенка, первыя плутни подроставшей дѣвочки, ему представилось, что онъ ухаживаетъ за родной дочерью, и ему стало смѣшно на самого-себя.

Но онъ и тутъ умѣлъ утѣшить себя. Онъ увѣрилъ себя, что возжечь страсть, не смотря на неблагоприятныя воспоминанія и всю прозу, налагаемую привычкой на поэзію любви—есть дѣло великое, побѣда вдвойнѣ славная. Ему не разъ приходило въ голову, что и Стефень тоже возбуждалъ нѣкоторую страсть въ своей крестницѣ. Онъ невольно улыбался при мысли, что ему удалось восторжествовать надъ челоукомъ, котораго всегда считалъ выше себя,—и онъ порядилъ, на всякій случай, почтовую карету у городской заставы, запасся плащомъ и отправился на извозникъ въ монастырь. Онъ забылъ только объ одномъ, забылъ ключъ отъ монастырской рѣшетки.

Ночь была темная, и ему пришлось подходить подъ самый носъ къ сторожу, чтобы тотъ могъ признать его. Эта осторожность наблюдалась больше при входѣ, чѣмъ при вы-

ходъ посѣтителей: никому и въ голову не приходило, что есть возможность перелѣзть черезъ рѣшетку въ пріемной.

Обыкновенно, приходя вечеромъ, Клетъ дожидался въ потемкахъ, пока вызовутъ Морениту. Она являлась вмѣстѣ съ монашинкой, которая несла свѣчу, удостовѣрялась, что посѣтитель дѣйствительно то самое лицо, котораго разрешили принимать родственники, и сейчасъ же уходила, обмѣнявшись поклономъ съ пришедшимъ гостемъ.

Клетъ удивился, когда нашелъ въ пріемной огонь и засталъ тамъ одну Морениту, уже не за рѣшеткой, а въ отдѣленіи той комнаты, гдѣ находился онъ самъ. Въ рукахъ у ней былъ ящичекъ съ вещами, на плеча накинута была, черная мантилья.

— Вы ли это, Боже мой? воскликнулъ онъ. Какъ вы вышли отсюда?

Моренита показала ему свои руки помертвѣлыя и испаранныя въ кровь.

— Я прошла чрезъ плющильню, сказала она, улыбаясь. Я вамъ не нужна теперь?

Клетъ совершенно потерялся и съ восторгомъ принялъ ее въ свои объятія. Рыцарскія мечты, обуревавшія его въ юности, проснулись въ немъ опять, и онъ воскликнулъ словами одного изъ героевъ своихъ повѣстей:

— Твой на вѣки, жизнь моя, моя львица, моя тигрица и пр.

Моренита оставалась холодна какъ ледъ.

— Намъ надо воспѣшить, сказала она. Сторожъ звонитъ въ монастыръ, чтобы извѣстить меня о вашемъ прибытіи... Слышите! У насъ есть еще время, пока онъ воротится на свое мѣсто. Не къ чему даже мнѣ кутаться въ плащъ. Не то мы опоздаемъ; летимъ!

И не дожидаясь его отвѣта, она пустилась къ дверямъ пріемной, которую Клетъ не успѣлъ затворить за собою, съ быстротою молніи пролетѣла черезъ коридоръ, мелькнула мимо сторожевой будки, въ которой никого не было, и очутилась уже за воротами, прежде чѣмъ Клетъ, запутавшійся въ своемъ плащѣ и опасавшійся возбудить подозрѣніе излишней поспѣшностью, успѣлъ пройти черезъ дворъ.

Онъ похвалилъ себя за это хладнокровіе, когда увидѣлъ, что сторожъ спокойно воротился къ себѣ въ будку. Тогда онъ удвоилъ шаги, выпелъ на улицу, засталъ дверцы своей кареты открытыми, и увидѣлъ Морениту, прижавшуюся въ углу. Онъ подсѣлъ къ ней, велѣлъ извозчику выѣхать шагомъ въ другую улицу, и потомъ гнать лошадей во весь духъ до самой заставы.

Первымъ движеніемъ его было прижать Морениту къ сердцу; но она отворотилась отъ него съ ужасомъ, и накрывшись мантилей, закрывши лицо руками, прижалась въ свой уголь, и сидѣла молча, будто испуганная этимъ свиданіемъ съ глазу на глазъ.

Эта внезапная боязнь дѣвушки, за минуту передъ тѣмъ твердой и рывительной, удивила Клету, но не оскорбила, а напротивъ, польстила его самолюбию. Этотъ испугъ, это смущеніе, эта неожиданная робость казались ему выраженіемъ любви, сознаемъ слабости, на которую онъ не разсчитывалъ.

— Милая Моренита, сказалъ онъ, стараясь прижать къ своимъ губамъ ея руку, которую она тотчасъ же выдернула: чего бояться вамъ со мною, съ вашимъ лучшимъ другомъ, съ вашимъ преданнѣйшимъ слугою? Располагайте мною, какъ работъ. Я не хочу болѣе сомнѣваться въ вашей любви, не сомнѣвайтесь и вы въ моемъ уваженіи. Иначе вы оскорбите человека, который считаетъ себя вашимъ мужемъ и ждетъ отъ васъ самихъ добровольнаго согласія.

Трепещущая бѣглянка сидѣла молча въ углу своемъ, и Клетъ, тщетно истощивъ свое краснорѣчіе, не могъ выпрять у ней ни слова.

Они прѣѣхали въ какое-то темное мѣсто, гдѣ дожидалась ихъ почтовая карета. Моренита поспѣшно прыгнула въ экипажъ. Клетъ расплатился съ извозчикомъ, отдалъ на скоро приказаніе, и поѣхалъ далѣе съ своей мнимой невѣстой.

Невѣста, по прежнему, молчала, и Клетъ, вѣроятно, счелъ бы ее лежавшею въ обморокъ, если бы не старалась она отталкивать его отъ себя каждый разъ, какъ онъ подсаживался къ ней ближе. Чтобы доказать свое уваженіе къ

ней, онъ пересѣлъ на переднюю лавочку, и пересталъ съ нею заговаривать. Она просидѣла всю ночь въ своемъ углу, закутанная въ мантилью, и прикинулась спящей. Клету не понравилась эта холодная церемонность, свойственная англичанкѣ, но такъ нейдущая къ испанкѣ.

Пытался и онъ заснуть по ея примѣру, но тайная досада не давала ему ни минуты покоя. Ему представлялось, что Моренита посмѣялась надъ нимъ, что она питаетъ къ нему отвращеніе, можетъ быть, даже и ненависть. Онъ ждалъ,—вотъ наступитъ день, и она, не боясь погони, разочаруетъ его въ золотыхъ мечтахъ и разразится презрительнымъ смѣхомъ.

Наступилъ день, и путешественница заснула не на шутку. Тогда Клетъ, очнувшись точно отъ сна, началъ разглядывать свою спутницу при сомнительномъ свѣтѣ брезжущаго дня. Его поразила нечистота ея темнаго платья и грубая обувь, скрывавшая ея маленькую ножку. Лицо и руки были старательно закутаны, но какой-то шелковой тряпкой, разорванной и порыжѣвшей отъ времени!

Безъ сомнѣнія, Моренита съ намѣреніемъ переодѣлась въ платье бѣдной дѣвушки, чтобъ не узнали ея при выходѣ изъ монастыря; но Клетъ припоминалъ, что она не была покрыта лохмотьями, когда встрѣтила его въ пріемной и говорила съ нимъ съ открытымъ лицомъ.

Вдругъ овладѣло имъ чувство недоверчивости. Онъ слегка протянулъ руку, схватилъ спящую за плечо и разомъ сдержнулъ съ нея покрывало.

Что случилось съ нимъ, когда онъ увидѣлъ предъ собою самую уродливую, грязную цыганку, какую только можно встрѣтить на уличной площади! типъ площадной женщины, курчавую, взъерошенную, черную, какъ уголь, съ бессмысленными глазами, съ хитрой улыбкой, съ длинными грязными ногтями! Маленькая ростомъ, худая и однихъ лѣтъ съ Моренитой, стройно, впрочемъ, сложенная и довольно граціозная въ движеніяхъ, какъ и всѣ цыганки, она съ успѣхомъ выполнила свою роль, вѣроятно, подготовленную заранее и на которую поддѣла бы она всякаго, и поумнѣе Клета.

У Клетта достало духа разразиться громким смѣхомъ и спросить у нея, хорошо ли она выспалась. Она отвѣчала ему на какомъ-то непонятномъ языкѣ, что не говоритъ по-французски.

XIV.

На этотъ разъ Клеттъ показаль во всей силѣ свое философское хладнокровіе. Въмѣсто того, чтобы вытолкать вонъ непрощенное чудовище, онъ вспомнилъ, что цѣлыхъ три часа разбираеть его страшная охота курить. Онъ досталь табакъ, переважно свернулъ папирску и закурилъ. Цыганка протянула свою сухощавую руку, какъ бы умоляя угостить и ее этимъ удовольствіемъ. Клеттъ, не поморщась, подаль ей бумаги, табаку и огня.

Продолжая курить, онъ придумаль, что Моренита можетъ сыграть съ нимъ весьма плохую и нисколько не забавную шутку, если онъ не развяжется какъ можно скорѣе съ ея двойникомъ. Ему представилось, какъ на первой же станціи нападутъ на него толпы цыганъ, стануть публично обвинять его въ похищеніи ихъ красотки, надълаютъ шуму и заставятъ его дорого поплатиться за эту продѣлку. Онъ разсудилъ, что не слѣдь идти на явную опасность, и кликнувъ почтальйона, велель каретъ остановиться, взялъ подъ руки свою подставную невѣсту, высадилъ ее на большой дорогѣ, сунулъ ей лундоръ и сказалъ:

— Если ты понимаешь по-французски, моя миланка, прими мою благодарность за ту услугу, которую ты оказала мнѣ, и скажи тѣмъ, кому служишь, что я благословляю ихъ за то, что они избавили меня отъ неслыханной глупости.

За тѣмъ, онъ сѣлъ самъ въ карету и пріѣхаль въ Парижъ, гдѣ разсказаль все дѣлю герцогу Флоресу и просиль выключить его изъ списка жениховъ милой миссъ Гартвельдъ.

Герцогъ пришель въ ярость противъ Морениты, и сдѣлаль Клетта свидѣтелемъ не совсѣмъ пріятной домашней сцены.

Герцогиня вошла въ кабинетъ къ мужу, съ намѣреніемъ тоже выслушать повѣствованіе Клета. Невольная улыбка не сходила съ ея выразительнаго лица, во все время его разсказа. Герцогъ замѣтилъ это, и гнѣвъ его еще болѣе усилился.

— Поглядѣть на васъ, сударыня, закричалъ онъ, — скажешь, что вы не нарадуетесь тому стыду и посмѣяню, которое выношу я по вашей милости!

— Что вы хотите сказать этимъ? спросила герцогиня, смѣло взглянувъ ему въ глаза.

— Не вы ли, не смотря на всѣ мои увѣщанія и просьбы, шепнули этой бѣдной дѣвушкѣ, чтобы она бросила своихъ воспитателей и перѣехала ко мнѣ? Или не говорилъ я вамъ, что вамъ не сдумѣть управиться съ нею, что вы собьете ее съ толку вашимъ примѣромъ и бросите потомъ на волю ея собственной судьбы?

— Моимъ примѣромъ! возразила герцогиня съ ужасающимъ хладнокровіемъ. Такъ, кажется, сказали вы? Удостоите меня чести, объяснитесь, герцогъ!

— Не для чего, сударыня! вы очень хорошо понимаете меня! возразилъ герцогъ внѣ себя.

— Разумѣется, но нашъ другъ, м-г Клетъ, не понимаетъ, и я должна объяснить ему....

— Что такое? что вы хотите объяснять? сказалъ герцогъ, блѣднѣя. Замолчите, сударыня; вы сошли съ ума!

Клетъ взялся за шляпу и хотѣлъ было удалиться.

— Оставайтесь, м-г Клетъ, сказала герцогиня повелительнымъ голосомъ и кидаясь ему чуть не на шею; мнѣ нужно высказать герцогу много важныхъ вещей, и если я выскажу ихъ ему наединѣ, клянусь вамъ, онъ убьетъ меня.

Клетъ остановился въ испугъ и не зналъ, что ему дѣлать.

— Она говоритъ правду, сказалъ герцогъ. Я понимаю, что она наскажетъ намъ исторій, отъ которыхъ я сойду съ ума. Оставайтесь, Клетъ, вы человекъ честный. Заступитесь за герцогиню противъ меня, если будетъ нужно; что жъ дѣлать, приходится ей напрашиваться на сожалѣніе постороннихъ людей!

— Выслушайте меня и судите! возразила герцогиня съ необыкновенной энергіей. Пятнадцать лѣтъ знакомы вы съ нами, м-г Клетъ; вы знаете, какъ страстно, съ какимъ постоянствомъ любила я герцога Флореса. Вы знаете также, что онъ обманывалъ меня, что онъ постоянно меня обманывалъ. Съ первыхъ же дней нашего супружества онъ оскорбилъ меня, промѣнялъ на презрѣнную цыганку и потомъ имѣлъ у себя и другихъ любовницъ. Утомленная страданіями, сжигаемая вѣчнымъ стыдомъ, я разъ только, одинъ разъ въ своей жизни, Богъ тому свидѣтель, полюбила другого мужчину. Я не поддавалась своей страсти, не измѣнила своимъ обязанностямъ, но я любила его всѣми силами души моей! То былъ лордъ Б..., котораго вы видали у насъ. Я могу смѣло назвать его теперь, потому что онъ умеръ; а два раза убить нельзя челоуька! И такъ, лордъ Б..., говорили всь, убить два года тому назадъ, у себя въ паркѣ, въ Англіи. Это всѣмъ извѣстно; но никто не знаетъ, что убійца его — герцогъ Флоресъ.

— Вы лжете! вскричалъ герцогъ. Я вызвалъ его на дуэль; мы дрались, какъ слѣдуетъ честнымъ людямъ.

— Безъ свидѣтелей, — а это называется, сударь, убійствомъ во всѣхъ странахъ земнаго шара и по всѣмъ законамъ челоуьческимъ. Вы убили его изъ ревности, зачѣмъ я его любила, вы, которые меня не любили, хотя я сберегла вашу честь, а вы тысячу разъ были мнѣ невѣрны. Таковы ужъ законы свѣта. Вы думаете, что имѣли на то право; я не пошла противъ васъ, не бросила васъ, не проронила ни одной жалобы. Вы знаете, я не показала даже виду, не убивалась, не плакала. Пораженные моей твердостью и тронутые моей покорностью, вы удостоили меня прощеніемъ, скрыли отъ свѣта причину моей тайной грусти.

— Не станемъ говорить объ ней и теперь. Вотъ и конецъ вашей исповѣди, и моей также!

Герцогъ, подавленный тяжельми воспоминаніями, хотѣлъ удалиться. Герцогиня удержала его.

— Но я, я не простыла вамъ! воскликнула она, и губы затряслись у ней, и глаза заблестали огнемъ. Я поклялась

отомстить, и сдержала свое слово. Случай представился, и я не хотѣла упустить его. Цыганъ Альженибъ разсказалъ мнѣ однажды тайкомъ исторію красавицы Пиларъ и открылъ существованіе прелестной Морениты. Я отблагодарила этого бродягу за его довѣріе ко мнѣ и преданность: я поручила ему отомстить за меня. Черезъ него, слѣдовательно, черезъ меня узнала Моренита, чья она дочь, черезъ меня бросила она г-жу де-Соль и г. Стефена, въ котораго влюблена была безъ памяти, и явилась къ вамъ, герцогъ. Черезъ меня, этотъ цыганъ, влюбленный въ нее, не смотря на свою прежнюю къ ней ненависть, успѣлъ завести съ нею интригу, которой плоды передъ вами, герцогъ. Онъ увезъ ее! вамъ остается теперь пуститься по ихъ слѣдамъ и убить любовника вашей дочери, какъ убили вы любовника вашей жены. Тогда довольно будетъ двухъ убійствъ для славы такого добраго отца и такого вѣрнаго супруга! Но на что бы ни рѣшились вы, вамъ придется испить до дна ту чашу стыда, которымъ опозорили вы себя этою связью съ цыганскою породой. Миссъ Гартвелль слишкомъ много надѣлала шума въ Парижѣ, чтобъ можно было забыть о ея кратковременной славѣ и не узнать о ея настоящей судьбѣ. Она возвратилась теперь къ истиннымъ наклонностямъ своей природы и пойдетъ рыскать по большимъ дорогамъ, гремя своими кастаньетами и изгибаясь всею граціей своего стана, при блескѣ ночныхъ свѣтилъ, по примѣру покойной сеньоры, своей матери. А я, которая стараніями своими привела все къ вождельному концу, во уваженіе герцога и г-жи Ривзанжъ, этой добродѣтельной женщины, которая подавала своей дорогѣй Моренитѣ такіе добрые примѣры, за неимѣніемъ добрыхъ началъ, я, которая отмстила теперь за первую и за послѣднюю измѣну моего благороднаго властелина, я ожидаю теперь наказанія, какое назначить онъ мнѣ за всѣ мои преступленія. Захочетъ ли онъ доставить мнѣ удовольствіе и разоидетъ со мною? Увы, нѣтъ! въ свѣтъ бы пошла толка объ этомъ! Или станеть бить меня и уложить въ могилу? Опять нѣтъ, тутъ есть свидѣтель, который объявить, что герцогъ убійца и обманщикъ. Наконецъ, захочетъ ли онъ убить моего лю-

бовника въ моихъ объятіяхъ? Я не боюсь этого, потому что у меня нѣтъ любовника, и мнѣ осталось, по крайней мѣрѣ, утѣшеніе проклинать его и бранить прямо въ глаза.

Послѣ этой рѣчи, произнесенной глухимъ голосомъ, прерывавшимся отъ горести и гнѣва, эта страшная испанка грянулась безъ чувствъ на коверъ, въ припадкѣ ужасныхъ конвульсій. Несчастнѣйшій герцогъ рвалъ на себѣ волосы. Клетъ развелъ ихъ въ разныя стороны, поручилъ попеченіямъ прислуги и воротился домой, убитый, больной самъ и содрогавшійся при одной мысли о вступленіи въ такое несчастное семейство.

Въ то время, какъ это происходило въ Парижѣ, Стефень съ Роккомъ ѣхали изъ Женевы въ Туринъ, а Моренита съ Альженибомъ изъ Турина въ Женеву.

Они намѣревались пробраться въ Англію черезъ Германію.

При выходѣ изъ монастыря, Моренита, которой во время заточенія удалось тайкомъ обмѣняться нѣсколькими письмами съ цыганомъ, застала его у назначеннаго мѣста. Онъ стоялъ на углу улицы вмѣстѣ съ своей крошечной соотечественницей, которая за деньги взяла на себя предложенную ей роль. Онъ ловко втокнулъ ее въ карету Клетъ, такъ что не замѣтилъ даже и кучеръ ея появленія.

Едва Моренита оставила за собой монастырскія ворота, какъ взяла подъ руку своего спутника, и поворотивши въ первую улицу, пустились они бѣжать, какъ умѣютъ бѣгать только козлята да влюбленные. Потомъ они уже спокойно и не спѣша достигли какого-то предмѣстья, гдѣ принялъ ихъ въ свой домишко весьма не завидной наружности смуглый мужчина, одѣтый въ платье тамошнихъ крестьянъ, но носившій на всей особѣ своей слѣды чисто-цыганскаго происхожденія. Онъ обмѣнялся съ Альженибомъ двумя-тремя словами на своемъ языкѣ, и вызвался быть попутчикомъ и вожатымъ нашихъ бѣглецовъ вплоть до деревни. При входѣ въ бѣдную таверну, гдѣ сидѣло за столомъ нѣсколько цыганъ, они нашли одну изъ тѣхъ долговязыхъ двухколесныхъ повозокъ, на которыхъ зажиточные торгаши возятъ свои товары. Они

помѣстились въ просторномъ отдѣленіи, отведенномъ для нагрузки тюковъ. Новый знакомецъ—цыганъ взобрался на возвышеніе, служившее вмѣсто козель для извозчика. Тощая кляча потащила шагомъ эту колымагу, которая тащилась такимъ образомъ до большой дороги, миновавъ благополучно всѣхъ полицейскихъ и таможенныхъ смотрителей, и ползла цѣлую ночь, безъ страха и опасности, у подошвы сосѣднихъ горъ.

Это спокойное, безъ волненій, безъ происшествій удавшееся бѣгство заставило Морениту взглянуть прямыми глазами на ея нравственное положеніе. Родъ комнаты, повозка, въ которой путешествовала она, была довольно чиста, снабжена перинами и одеялами и освѣщалась небольшою лампой, которою свѣтъ не проникалъ наружу. Высокія перегородки не позволяли видѣть мѣста, черезъ которыя лежалъ путь; воздухъ проходилъ сквозь два слуховыхъ окошка, устроенныхъ довольно высоко, такъ что Моренитѣ нельзя было развлекать себя окрестными предметами.

Это уединеніе, это спокойствіе, это, такъ сказать, заточеніе съ Альженибомъ, безъ всякой надежды на помощь другаго челоуѣка, испугало Морениту не на шутку. Она сказала ему не больше двухъ словъ дорогой отъ монастыря до кареты, и слова эти относились къ настоящему; о прошедшемъ, о будущемъ не было и помину. Альженибъ сидѣлъ подлѣ нея мрачный, холодный, и казалось, не намѣренъ былъ прерывать ея молчанія. Увѣрившись, съ заботливостью челоуѣка, претендующаго на образованность, что цыганская каюта довольно опрятна, онъ прижался въ уголь, съ намѣреніемъ заснуть и невольно пародируя другую сцену, происходившую въ то же время въ наемной каретѣ Губерта Клетъ.

Безъ сомнѣнія, Альженибъ, научая мнимую Морениту, какъ дѣйствовать ей въ отношеніи къ Клету, и самъ невольно повторялъ на себѣ эти наставленія.

Была минута, когда онъ хотѣлъ даже вдвойнѣ посмѣяться надъ тѣми, кого называлъ своими смертельными врагами, и подставить вмѣсто себя какого-нибудь гнуснаго цыгана, чтобы окончательно смутить самолюбіе Морениты. По

его мнѣнію, Моренита отреклась отъ своей крови, когда допустила герцога унизить своего собрата, котораго любовь она за минуту передъ тѣмъ отвергла. Онъ возненавидѣлъ ее съ того дня. Онъ поклялся отомстить ей. Онъ даже думалъ, что придетъ ей на помощь единственно для того, чтобы ускорить свое мщеніе. Но ревность и страсть, таившіяся подъ этою ненавистью, не допустили его вверить кому-нибудь другому исполненіе своей мести.

Моренита испугалась этого молчанія, и поняла, что происходило въ душѣ этого мстительнаго человѣка. Она обманула бы всякаго другаго, но передъ нею стоялъ человѣкъ хитрый, прозорливый, который не дастся въ ловушку, не хуже самой хитрой женщины, — и какое-то чувство невольнаго уваженія къ этому родственному ей характеру примѣшивалось въ душѣ ея къ чувству страха.

Она рѣшилась отвѣчать ему тѣмъ же, и, не говоря ни слова, прикинулась засыпающей; но она не разъ открывала тайкомъ глаза и не замѣчала двухъ огненныхъ глазъ цыганенка, которые вперились въ нее съ какимъ-то неопредѣленнымъ выраженіемъ. Лишь только замѣчалъ онъ, что за нимъ подглядываютъ, онъ принималъ на себя видъ притворнаго равнодушія, или прикидывался спящимъ.

Такъ прошла цѣлая ночь. На разсвѣтъ, колымага остановилась при въѣздѣ въ лѣсъ. На дворѣ было очень холодно. Моренита озябла и проголодалась. Альженибъ, который казался равнодушнымъ ко всему, не обращалъ и на нее никакого вниманія, и вылезъ изъ повозки, чтобы пройтись немного, но не сказалъ ей ни слова даже о томъ, куда они прѣехали. Извозчикъ тоже отошелъ въ сторону. Моренитѣ представилось, что ее бросили одну, и на явную погибель. Подъ вліяніемъ перваго страха, ей пришло на мысль бѣжать, чтобы избавиться отъ своего страннаго покровителя. Она могла бы исполнить свое намѣреніе: колымага была отворена. У ней достало бы духа на это дѣло, но она не захотѣла. «Можетъ-быть, онъ только испытываетъ меня, подумала она. Прикинуть, будто вполнѣ доверяю ему.» Она чувствовала, что была подъ властью этого человѣка!

Черезъ полчаса, Альженибъ воротился вмѣстѣ съ цыганомъ.

— Пойдемте, сказалъ онъ Моренитѣ.

Онъ далъ ей вылезть изъ повозки, рассчитался съ проводникомъ, пожалъ ему ласково руку и пошелъ впередъ лѣсомъ, не обращая вниманія, идетъ ли за нимъ его спутница.

Она шла за нимъ твердымъ шагомъ, хотя разбитая отъ усталости, и пришла вмѣстѣ съ нимъ къ хижинѣ лѣсничаго, гдѣ отвели ей чистую и теплую комнату и подали завтракъ. Альженибъ оставилъ ее одну. Жена лѣсничаго предложила ей отдохнуть нѣсколько часовъ на опрятной постели. Женщина эта была по виду добрая, благонамѣренная. Моренита согласилась, оправилась отъ холода и усталости, и проспавшись около полудня, ожидала Альжениба, не осмѣливаясь спросить объ немъ у хозяевъ и не желая выказать свое нетерпѣнне его видѣть.

Нетерпѣнне это однакожь было очень замѣтно. Любопытство начинало уже заступать мѣсто безпокойства.

Наконецъ вошелъ Альженибъ, пославши сказать ей напередъ, что ему нужно переговорить съ нею.

— Сеньйорита, сказалъ онъ ей, остановившись въ дверяхъ: я устроилъ все для вашего путешествія. Сегодня вечеромъ наемная карета заѣдетъ за вами. Совѣтую вамъ, не смотря на холодъ, ѣхать по ночамъ, не дѣлать большихъ перѣздовъ, не садиться въ почтовые экипажи или въ общественныя кареты. Бѣглець долженъ пропускать впередъ всякаго. Герцогъ будетъ искать васъ въ Англїи. Надо прїѣхать туда послѣ его отъѣзда. Разсчитайте же время. Вотъ вамъ деньги: онъ необходимы. Вы возвратите мнѣ ихъ, когда продадите нѣкоторые брилліанты. Торопитесь некуда; я подожду, мнѣ есть чѣмъ прожить. Я купилъ вамъ шубу, которую вы найдете у себя въ каретѣ. За тѣмъ, желаю вамъ добраго пути и блестящихъ успѣховъ.

— Такъ вы не на шутку покидаете меня? сказала остолебѣвшая Моренита; гдѣ же ваши обѣщанія?

— Вы хотите сказать, мои предложенія. Но вѣдь предложенія нисколько не становятся обязательными послѣ того, какъ были они отвергнуты, а это была участь моихъ предложеній.

— Какъ! я здѣсь съ вами, а вы говорите, что я отвергла ваши услуги?

— Мои услуги, такъ; но моей преданности вы не приняли! зачѣмъ играть словами, Моренита Флоресъ. Вотъ мое последнее письмо, а вотъ вашъ отвѣтъ.

XV.

И вынувъ изъ кармана оба письма, Альженибъ прочиталъ ихъ съ какой-то насмѣшливой важностью.

— Я писалъ къ вамъ, сказалъ онъ: «Моренита, вы меня унизили, затоптали въ грязь. Я вамъ прощаю, вы довольно наказаны. Я нахожусь близъ васъ и ожидаю вашихъ повелѣній.» Я писалъ коротко, но ясно. Это значило: я люблю васъ, располагайте мною. Вашъ отвѣтъ тоже не длиненъ и очень ясенъ: «Я не хочу условій. Спасите меня. Вамъ не въ чемъ прощать меня. Я готова бѣжать; жду доказательства вашей любви.» Это значитъ: *Я не люблю васъ, окажите мнѣ услугу.* Такъ что жъ! для человѣка, который все понимаетъ и не ослѣпленъ самолюбіемъ, какъ какой-нибудь Клетъ, для такого человѣка нечего подслащать пилюли. Тотъ удовольствуется и горечью правды, кто долго боролся и страдалъ! Но онъ, право, не хуже другихъ. Отверженный цыганъ хотѣлъ доказать вамъ, что онъ благороднѣе и въ то же время тщеславнѣе вашихъ свѣтскихъ счастливцевъ, которые, пожалуй, избавятъ васъ и будутъ служить вамъ съ условіемъ, чтобъ вы отдались имъ вполнѣ, хотя бы и обманули ихъ на другой день. Я очень радъ былъ случаю, дать вамъ этотъ урокъ, сеньорита, и не настаивалъ въ перепискѣ: рѣчь между нами шла объ одномъ освобожденіи. Теперь вы свободны, поздравляю васъ. Я обязанъ былъ для васъ это сдѣлать, потому что, не смо-

тря на благородное происхождение вашего отца, вы все-таки цыганка, а цыгане—бдное, презрѣнное племя, въ которомъ каждый обязанъ братски помогать другъ другу, и никогда не забудеть этой обязанности. Хотя мать ваша и обманула моего отца, но я вспомнилъ, какъ она съ любовью усыновила меня, нянчила на рукахъ своихъ, раздѣляла послѣдній кусокъ хлѣба со мной, какъ съ своимъ роднымъ сыномъ, и мнѣ стало жаль ея дочери. Вотъ и все.

Альженибъ проговорилъ все это съ напыщенной холодностью, но воспоминаніе о несчастной Пиларъ глубоко потрясло его душу. Самые закоренѣлые ненавистники цыганъ не могутъ не признать въ этомъ народѣ необыкновенной силы и нѣжности ихъ семейныхъ отношеній.

Голосъ Альжениба прервался на минуту, и огненные глаза его наполнились слезами.

Моренита встала и взяла его за руку.

— Вы лучше, чѣмъ я думала, сказала она. Я васъ не знала, простите меня!

— Въ добрый часъ! отвѣчалъ онъ. Прощайте!

— Нѣтъ. Мы не должны такъ разстаться! воскликнула Моренита. Не смотря на все это, мы оба дѣти нищеты и презрѣнія, и не нужно родиться отъ одной матери, чтобы сознать свое братство. Я вижу теперь, что я болѣе цыганка, чѣмъ испанка, и стыжусь одного только, стыжусь, что красѣла за васъ прежде. Не будьте такъ строги, вспомните, какое воспитаніе получила я...

— Вы лжете, Моренита. Ни ваша мамита, ни даже вашъ любезный Стефень не учили васъ презирать цыганъ. Можетъ быть, они и не говорили объ этомъ часто, но вѣроятно, вынужденные случаемъ, учили васъ, что нужно сожалѣть и помогать несчастнымъ потомкамъ отверженныхъ судра, которые стали въ Европѣ еще болѣе судра, болѣе парія, чѣмъ были когда-то въ своемъ отечествѣ. О, я очень знаю, какъ думалъ Стефень о жестокосердіи своихъ соотечественниковъ! и теперь отдаю ему полную справедливость! У отца вашего научились вы презирать насъ. У него въ домѣ испортилось и развратилось ваше сердце. Можетъ быть, и моя вина, въ томъ,

что я давалъ вамъ дурные совѣты, и вы обратили ихъ противъ меня же, и противъ самой-себя. Прощайте, говорю вамъ. Вы лжете и хитрите за двухъ цыганокъ, потому что вы лжете и хитрите, какъ испанка.

— Я не хочу, чтобъ вы ненавидѣли меня! воскликнула Моренита.

— Я васъ не ненавижу, отвѣчалъ Альженибъ. Мнѣ до васъ нѣтъ никакого дѣла.

— Вы меня любили однако же, мѣсяць тому назадъ, когда прибъжали за мной изъ Парижа въ Туринъ, и не хотѣли ѣхать одни въ Англию?

— Ахъ! я вамъ скажу всю правду! отвѣчалъ онъ съ горькой усмѣшкой: я взялъ деньги, чтобы увезти васъ. Мнѣ надо было заслужить ихъ, потому что я люблю деньги. Но я не воръ, хотя и цыганъ, и когда узналъ, что вы неохотно ѣдете со мною, я отказался отъ денегъ и отъ васъ. Теперь же, знайте, что еслибъ я и взялъ васъ съ собой, у меня не хватало бы денегъ содержать такую знатную особу, какъ вы. Мнѣ пришлось бы опять прибъгнуть къ герцогинѣ; а это было бы слишкомъ низко, не такъ ли? Ну, еслибъ я васъ любилъ, если бы вы любили меня, я, разумѣется, не задумался бы ни на минуту! тогда я не былъ бы низокъ, я былъ бы только золъ. Бываютъ разные пути для устройства своихъ дѣлъ! Я обобралъ бы для васъ эту женщину, которая платитъ за свое мщеніе, и которой пришлось бы купить наше очастіе. Но нечего и думать объ этомъ, мы не можемъ любить другъ друга!

— Нѣтъ! зачѣмъ думать о выкупѣ съ нашихъ враговъ, сказала Моренита, которая тотчасъ же поняла поступки герцогини въ отношеніи къ себѣ и содрогнулась отъ ужаса. Надо бѣжать отъ нихъ подальше и не попасться опять къ нимъ въ руки. Альженибъ, спаси меня, и я, можетъ быть, полюблю тебя! или тебѣ не нужно меня болѣе, не нужно той, которую такъ любилъ ты на генуэзской виллѣ? Мнѣ не нужно денегъ, у меня есть дорогія вещи, онъ мои: ихъ подарилъ мнѣ отецъ. Съ насъ будетъ чѣмъ прожить до тѣхъ поръ, пока забудутъ объ насъ наши враги, и мы станемъ смѣло

собственными трудами добывать хлѣбъ свой. Называй меня по прежнему сестрою. Увѣримъ себя, что мы не ошибались въ своемъ родствѣ. Будемъ друзьями, какъ тогда. То было лучшее, спокойное время моей жизни. Возврати мнѣ его опять, прошу тебя!

— Никогда! сказала Альженибъ. Меня оскорбилъ, меня бросилъ на земь, меня хотѣлъ ударить отецъ вашъ, а вы смотрѣли спокойно, не сказали ни слова, не прокляли кровь европейскую—вы были довольны!

— Боже мой! вы хотѣли убить меня или принудить повиноваться вамъ, не любя васъ....

— Я не помнилъ себя въ эту минуту! Страсть была мнѣ оправданіемъ. Вы же, вы оставались хладнокровны, когда оскорбляли меня, вы искали спасенія въ трусости....

— И такъ, вы отвергаете меня и похитили для того, чтобы бросить? Но подумайте, что тутъ больше грѣха, чѣмъ поддаться обольщенію!

— Вы еще не знаете, что такое быть обольщенной, бѣдная моя сеньорита: съ вами этого не будетъ, я за то отвѣчаю, вы слишкомъ недоувѣрчивы! Но вы будете оскорблены. Это участь тѣхъ женщинъ, которыя общаются и не держатъ своего слова. Пойдемте! я вижу, что вы бонтесь остаться одной и хотите сдѣлать изъ меня дурака. Я смѣюсь надъ этимъ, и смѣью разрушить ваши притязанія. Пойдемте, если хотите. Но въ такомъ случаѣ, вамъ придется идти туда, куда я захочу.

— Куда же хотите вы вести меня?

— Къ вашей мамитъ и къ вашему крестному, которые одни помилуютъ васъ и возьмутъ подъ свое покровительство.

— Вы хотите отвести меня къ крестному, вы, которые такъ ревновали меня къ нему, и общали даже убить меня, если я не перестану объ немъ думать?

— Я вамъ сказала, что не люблю васъ, стало быть, и не ревную васъ ни къ кому. Или вы все еще не вѣрите мнѣ? О, да вы не на шутку самолюбивы, миссъ Гартвелль!

— Если такъ, увѣжайте же! сказала Моренита, оскорбленная до глубины души. Я пойду одна, куда вы хотите

отвести меня. Чтобы возвратиться къ истиннымъ друзьямъ моимъ, я не нуждаюсь въ вашей помощи.

— Ну да, ступайте туда, сказалъ Альженибъ, и прекрасно сдѣлаете, и ступайте однѣ, я очень буду радъ.

Онъ вышелъ, не оглянувшись назадъ. Моренитъ показалося, что онъ хотѣлъ скрыть отъ нея слезы бышенства.

— Онъ придетъ назадъ, сказала она.

— Она не останавливаетъ меня! подумалъ Альженибъ, выходя изъ дому. Значить, она не вѣритъ моей твердости. Надо разстаться съ нею такъ, чтобы разрушить ея твердость.

Онъ воротился и постучалъ въ дверь.

— Я была въ томъ увѣрена, подумала Моренита.

— Сеньйора, сказалъ Альженибъ, я справлялся, можно ли будетъ ѣхать женщиною одной, ночью, въ наемной каретѣ. Мнѣ сказали, бояться нечего, лишь бы извозчикъ былъ надеженъ. Мѣстное начальство приняло всѣ мѣры противъ воровъ. Будьте же покойны. Положитесь на проводника, котораго я нанялъ; онъ не заставитъ платить себѣ два раза. Ему заплачено впередъ. Онъ доставитъ васъ въ Женеву.

— Зачѣмъ же въ Женеву?

— Потому что г. Ривзанжъ теперъ тамъ съ своимъ семействомъ. Передайте имъ мое почтеніе—и прощайте.

Онъ ловко поклонился и вышелъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ оставилъ домъ лѣсничаго, и Моренита, которая съ любопытствомъ провожала его глазами изъ окна, видѣла сама, какъ онъ исчезъ на большой дорогѣ въ Туринъ.

Тогда она залилась слезами. Упращивай онъ ее ѣхать, она стала бы смѣяться надъ нимъ и поставила бы на своемъ. Но онъ не обратилъ на нее вниманія—и она еще болѣе любила его.

Потомъ ужасъ одиночества овладѣлъ ея скорбѣвшей душой.

— Одна одиноконька! покинута! воскликнула она внѣ себя. Нѣтъ! это невозможно! Вчера было два рыцаря къ моимъ услугамъ; оба оспаривали честь, кому увезти меня; теперъ же никого, оба бросили меня съ презрѣніемъ! Что же я сдѣлала, Боже мой? И что будетъ со мною? Почему знать, что мамита

не выгнать меня, какъ погибшую дѣвушку? О Альженибъ! Ты однако же причиной моего несчастія, и ты покидаешь меня!

Она позвала лѣсничаго, велѣла ему осѣдлать лошадь, догнать Альжениба и привести къ ней сейчасъ же.

— Если же онъ не захочетъ, прибавила она съ отчаяньемъ и забывши о присутствіи посторонняго человѣка, скажите ему, что я убью себя, если вы вернетесь безъ него.

Лѣсничій сѣлъ на лошадь и уѣхалъ. Моренита видѣла, какъ онъ полетѣлъ стрѣлой на своемъ маленькомъ иноходцѣ по той аллеѣ, куда направился Альженибъ, и исчезъ въ густой чащѣ. Она считала минуты, часы... Настала ночь. Лѣсничій не возвращался. Моренита, измученная тоскою, вышла изъ своей комнаты, чтобы спросить, не вернулся ли онъ другою дорогою.

— Его еще нѣтъ, отвѣчала лѣсничиха... странное дѣло! но, можетъ быть, вамъ нужно ѣхать самимъ, сеньорита? Вотъ въѣзжаетъ ваша карета.... Ба! вскрикнула она, глядя въ противоположную сторону, да вонъ и мужъ мой! съ вашимъ братцемъ... и еще съ двумя другими господами.

Моренита взглянула въ ту сторону; болѣзненный крикъ замеръ у ней въ груди. Она въбѣжала къ себѣ въ комнату и заперла за собой дверь. Двое мужчинъ, провожавшихъ Альжениба, были—Стефенъ и Рокъ.

Испугъ и смятеніе бѣдной дѣвушки были такъ сильны, что одну минуту она готова была выскочить въ окно и разбиться въ дребезги, чтобы избавиться отъ униженія быть возвращенной человѣку, который отвергъ ее, чрезъ посредство другаго, котораго отвергла она сама. Послышался стукъ въ дверь, но она не отвѣчала. Она стояла точно окаменѣлая.

— Подождемъ, пока ей вздумается отворить, произнесъ голосъ Стефена.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Рокъ. Тутъ кроется что-то недоброе, выломаемъ дверь.

И Рокъ принялся было исполнять свое намѣреніе. Моренита поспѣшно отперла дверь; но она уже взяла свои штыри. Ей было достаточно одной минуты, чтобы придти въ себя и рѣшиться.

— Какъ! это вы, крестный? сказала она, какъ бы изумленная его появленіемъ; и вы, М-г Рокъ? Какъ я вамъ рада. Осмѣлось ли спросить о здоровьѣ тѣхъ дамъ, которыя, вѣроятно, не позволятъ мнѣ называть ихъ по-прежнему маменьками?

— Моренита, сказалъ Стефенъ, я имѣю къ вамъ слѣдующее порученіе: «скажи ей, что мамита больна, что она желаетъ ее видѣть, что она нужна ей.» Что прикажете отвѣчать мнѣ?

— О Боже мой! такъ она очень больна? воскликнула Моренита блѣднѣя. Пойдемте! Она желаетъ меня... неужели она умираетъ?..

И кающееся дитя, забывши свое собственное положеніе, упала въ изнеможеніи на стулъ. Вся прежняя любовь къ Анисѣ воскресла въ ея сердцѣ, и рыданія заглушили слова ея.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ добрый Рокъ, взявши ее за голову, какъ онъ обращался съ нею лѣтъ десять тому назадъ, твоя мамита не больна. Это было только испытаніе. Сердце въ тебѣ лучше головы. Пойдемъ съ нами, заблудшее дитя, и мы заколемъ упитаннаго тельца для твоего возвращенія.

— Благодарю васъ, М-г Рокъ, сказала Моренита, цѣлуя руку этого добродушнаго друга. Вы возвратили мнѣ жизнь. Такъ какъ мамита здорова и все еще любитъ меня, я стану просить у ней прошенія на колыняхъ... если только позволить мнѣ мой спутникъ, прибавила она, потупляя глаза, а онъ, я надѣюсь, позволить.

— Это что значить, и кто такой твой спутникъ? сказалъ Рокъ, глядя на Альжениба. Ужь не онъ ли? Онъ сказалъ намъ, что встрѣтилъ тебя здѣсь случайно, точно также, какъ и мы встрѣтили его самого на дорогѣ въ Туринъ, куда ѣхали за тобою. Мы не совсѣмъ-то повѣрили ему, зная его за лгунишку и расказчика разныхъ вздоровъ! Но онъ привелъ насъ сюда, и хотя онъ могъ оставить при себѣ эту частицу правды, все-таки спасибо ему. Но къ дѣлу, маэстро Розарію, говорите передъ нею. Теперь такъ слѣдуетъ. Мы хотимъ знать все, и дѣла ваши пойдутъ лучше, если вы не солжете. Какъ и почему она здѣсь? Куда отправлялась она, и почему вы одни возвращались въ Парижъ?

— Г. Рокъ, отвѣчалъ Альженибъ съ холодной увѣренностью, — съ первыхъ же словъ, сказанныхъ вами на дорогѣ, я видѣлъ, что вамъ известно все случившееся — до того времени, когда М-г Клетъ прѣѣхалъ въ Туринъ чтобы жениться... на этой дѣвицѣ! Вы говорили со мной очень грубо, М-г Стефенъ также... Онъ имѣлъ, впрочемъ, на то полное право.

— Вотъ прекрасно! сказалъ Рокъ; а я не имѣлъ? Но не въ томъ дѣло. Продолжай. Ты знаешь, что намъ известны твои поступки; теперь, станешь ли ты заператься въ томъ, что открывається ясно?

— Рокъ, сказалъ Стефенъ, это объясненіе въ присутствіи Морениты здѣсь не у мѣста. Пусть ихъ объяснятся, каждый по одиначкѣ, если уже дошло до того, что намъ необходимо узнать ихъ чувства и намѣренія. Разспросите мою крестницу; она, надѣюсь, выскажется вамъ откровенно. А я допрошу этого несчастнаго, если въ душѣ у него осталась хоть капля стыда или совѣсти.

— Избавьте меня отъ упрековъ, г. Стефенъ, отвѣчалъ растроганный Альженибъ. Отъ васъ я долженъ вынести все; но не знаю, въ состояніи ли я это сдѣлать теперь. Я вамъ сказалъ все, что хотѣлъ высказать; больше вы ничего не узнаете. То, въ чемъ меня обвинили передъ вами, суцая правда. Я обманулъ вашу крестницу, я любилъ ее! Она наказала меня тѣмъ, что оттолкнула отъ себя съ презрѣніемъ въ тотъ день, когда узнала, что я не братъ ей. Объясняться же съ вами на счетъ другихъ обстоятельствъ я не стану. Я сказалъ вамъ, что отъ меня вы ничего не узнаете, а увидите ее сами, она сама будетъ говорить и скажетъ то, что захочетъ. Пусть она и сдѣлаетъ это! Но чтобы ни сказала она, ложь или правду, я не стану возражать ей. Я, какъ вы старались вы надо мной, я все-таки остался цыганомъ. То-есть, ваша истина не есть еще истина для меня, и я не обязанъ открывать вамъ мои задушевные мысли.... Говорите же, сеньорита! Или угодно вамъ, чтобы я вышелъ? Да, это будетъ лучше, вы будете свободнѣе въ своихъ отвѣтахъ. Я не боюсь, впрочемъ, чтобы отвѣты мои противорѣчили вашимъ — я буду молчать.

— Каково! сказала Рокъ, да онъ сдѣлалъ большіе успѣхи. Онъ отвергаетъ истину, а прежде только лгалъ, обѣщаясь сказать правду.

Альженибъ хотѣлъ было выдти. Моренита удержала его.

— Оставайтесь, сказала она, я хочу говорить при васъ. Батюшка крестный, прибавила она твердымъ голосомъ, преклоняя колѣно передъ Стефеномъ, простите меня, покуда простить меня мамита. Я распорядилась своей судьбой безъ вашего согласія. Я люблю этого молодого человѣка, не за обманъ его, но за тѣ смѣлыя предпріятія, на которыя онъ рѣшался, чтобы снискать любовь мою. Я такъ привыкла любить его, считая его своимъ братомъ. И мнѣ нельзя было отказаться отъ этой привычки, не смотря на минуты гнѣва, которыя я на него имѣла. Онъ увезъ меня вчера вечеромъ, съ нимъ должна была я бѣжать въ Англію и тамъ обвѣнчаться. Скажите, неужели герцогъ Флоресъ воспротивится нашимъ планамъ, или мамита посовѣтуетъ мнѣ измѣнить своему слову?

При этихъ словахъ, Моренита, восторжествовавшая надъ собой и надъ упорствомъ Альжениба, взглянула на своего возлюбленнаго. Глаза прекраснаго юноши горѣли яркими лучами гордости, любви и счастья. Онъ былъ непороченъ, онъ былъ великъ въ эту минуту, можетъ быть, въ первый разъ въ своей жизни. Когда Моренита эсмолчала, онъ дрожалъ, онъ едва стоялъ на ногахъ, онъ готовъ былъ схватить ее въ свои объятія и бѣжать съ нею на край свѣта, если Стефенъ не согласится отдать за него свою крестницу. Какой-то особенной отвагой дышало лице его, не той прямой, наступательной отвагой, которой не могъ онъ имѣть по своей натурѣ, но отвагой страдательной, стойкой и необузданной.

Стефенъ, который внимательно смотрѣлъ на говорившую Морениту, обратился теперь къ Альженибу и также внимательно посмотрѣлъ на него.

— Хорошо, сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія. Что касается до меня, я согласенъ утвердить вашу свободу, на сколько позволяютъ мнѣ мои права воспитателя и отца крестнаго. Я васъ прошу только посовѣтоваться съ моей женой о томъ, какъ побѣдигъ упорство герцога Флореса....

— Герцогъ Флоресъ не отецъ мнѣ! сказала съ достоинствомъ Моренита. Онъ самъ сказалъ мнѣ, и я должна ему вѣрить. Онъ не имѣетъ никакихъ правъ на меня. У меня одна родственница, одна мать, одна опекушка, — жена ваша, крестный, возлюбленная моя мамита. Законы не дали мнѣ другаго покровителя, и я не признаю надъ собой никакой власти, кроме власти мамиты. Сердце мое въ правѣ выбрать себѣ власть, какую пожелаетъ, и считать ее законной и ненарушимой. Побѣждайте, крестный, къ мамитѣ, прибавила она, скажите ей, что я ѣду. Мы съ братомъ явимся въ-слѣдъ за вами.

— Пойдите, сказалъ Рокъ, это не порядокъ. Вы еще не обвиняны, а намъ поручено привести къ мамитѣ одну молодую дѣвушку, а не молодыхъ супруговъ.

— Извините меня, М-г Рокъ, сказала Моренита, поглядывая на Альжениба и разгоня такимъ образомъ бурю, уже поднимавшуюся въ его безпокойной и ревливой душѣ; но вѣхать мнѣ одной, безъ жениха — и не возможно, и не прилично.

Стефенъ понялъ эту твердость и подивился своей крестницѣ. Онъ понялъ, что Моренита дѣлала последнее усиліе, чтобы снова привязаться къ Альженибу; но такъ какъ онъ считалъ связь ихъ болѣе тѣсной, то и хотѣлъ, чтобы она была признана всѣми смѣло и открыто.

— Моренита говоритъ дѣло, сказалъ онъ, поѣдьте всѣ вместе. Я пойду отыщу карету, которую мы оставили на дорогѣ. Будьте готовы всѣ трое. Мы ѣдемъ вместе.

XVI.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СТЕФЕНА.

Февральская революція не произвела никакихъ переменъ въ нашей мирной жизни, и мы прожили почти весь 1848-й годъ въ Брюль, наслаждаясь семейнымъ спокойствіемъ и негодую на гражданскіе безпорядки и раздоры.

Я никогда не былъ человѣкомъ политическимъ. Я слишкомъ мягокъ душою для этого суроваго ремесла. Мнѣ всегда казались забавными люди, увѣряющіе, будто достаточно одной воли и отваги, чтобы сдѣлаться дѣятельнымъ орудіемъ въ дѣлѣ общественнаго развитія. У меня есть и воля, есть и отвага, нравственная и физическая; но бываютъ роковыя времена въ исторіи, когда борьба идей исчезаетъ въ борьбѣ страстей. Не системы выступаютъ и борются между собою, а сталкиваются люди враждебные другъ другу. Затѣмъ наступаютъ черные дни, когда эти люди рѣжутъ другъ друга, а на другой день, упоенные побѣдой или утомленные поражениемъ, они съ ужасомъ спрашиваютъ одинъ у другаго, во имя чего и изъ-за какихъ началъ совершили они это братоубійство!

Я не умѣю и не могу ненавидѣть. Тѣмъ не менѣе я не рѣдко бываю жертвой притѣсненія, жертвой клеветы и глупыхъ толковъ въ томъ кругу, среди котораго дѣйствую. Отчего же обойденъ я, въ своемъ уголкѣ, общественнымъ гнѣвомъ, народнымъ страданіемъ? Въ эту печальную годину ни одинъ человѣкъ не избѣжалъ отъ духа партіи, дѣйствовалъ ли онъ въ области политики, искусства или науки.

Но наше семейное святилище осталось неприкосновеннымъ. Такъ какъ я никогда не былъ привязанъ къ тѣмъ интересамъ, которыми держится и развивается благосостояніе міра сего, то и всѣ политическіе перевороты, всѣ общественныя бури пронеслись надъ нашимъ гнѣздомъ, не возмутивъ его покоя личными замыслами, обманутыми или оправданными надеждами, нечистыми помыслами или горькими угрызениями совѣсти.

Политическія событія изгнали изъ Франціи много знатныхъ иностранцевъ, опасавшихся или желавшихъ быть свѣдѣтелями того дѣйствія, какое произведутъ наши смуты на умы ихъ соотечественниковъ. Герцогъ Флоресъ возвратился въ Испанію, не обязывая жену вѣхать съ нимъ вмѣстѣ. Ихъ семейная жизнь становилась болѣе и болѣе незавидной, и они выжидали только предлога, чтобы разойтись въ разные сто-

ронь, не разрывая окончательно брачныхъ узъ. Герцогиня переселилась на житье въ Италию.

Герцогъ не подавалъ намъ никакихъ вѣстей о своемъ существованіи, и, казалось, рѣшился не узнавать о дальнейшей судьбѣ Морениты. Это холодное забвеніе было неизбежнымъ слѣдствіемъ его неумѣстной, безразсудной отцовской нѣжности.

Первые полгода республики было время всеобщаго застоя въ искусствѣ, бѣдственное и страшное время для всѣхъ почти художниковъ.

Альженибъ рѣшился, для обезпеченія своей будущности, заняться музыкой дѣльно и добросовѣстно. Онъ возобновилъ свои занятія съ Шварцемъ, и пришелъ наконецъ къ убѣжденію, что этотъ учитель обогатилъ его новыми познаніями и сохранилъ въ чистотѣ его врожденный талантъ. Моренита своимъ примѣромъ вдохновляла его трудъ и придавала ему бодрости.

Въ первые дни послѣ нашего возвращенія въ Женеву, моя теща, Рокъ и я, мы хотѣли рѣшиться на послѣднее дѣло — обвинять обоихъ цыганъ и заботиться потомъ о приведеніи ихъ существованія въ возможно лучшія и естественныя условія.

Съ этой цѣлью, я писалъ къ герцогу; но онъ не отвѣчалъ мнѣ, потому что не получилъ моего письма, или не зналъ, на что ему рѣшиться, или же хотѣлъ показать все свое презрѣніе къ непокорной дочери. Я не сталъ навязываться съ своими письмами и прекратилъ переписку. Милая моя Анисэ была весьма довольна, что у ней не осталось опасныхъ соперниковъ въ дѣлѣ материнской заботливости о Моренитѣ; но когда я предложилъ ей поспѣшить заключеніемъ брака, который, судя по видимому, былъ необходимъ и неизбеженъ, — она отвѣчала мнѣ съ улыбкой:

— Вы все ошибаетесь. Торопитесь некуда. Моренита непорочна. Мнѣ нечего допрашивать ее. По ея первому взгляду, по ея первому поцѣлюю догадалась я, что она возвратилась къ намъ тѣмъ же ребенкомъ, какимъ уѣхала отъ насъ. Она любитъ Альжениба, я это знаю. У ней достанетъ воли лю-

бить его одного — я въ томъ увѣрена. Скажу тебѣ болѣе, Моя совѣсть покойна, потому что я считаю его единственнымъ человѣкомъ, котораго ей можно любить. Не смотря на то, я хочу узнать его, понять эту душу, ожесточенную первыми житейскими впечатлѣніями. Я хочу добиться, на сколько сумма добра превышаетъ въ немъ сумму зла. Вотъ для чего должны мы принять участіе въ его судьбѣ. Не знаю, приятно ли будетъ ему это участіе, потому что онъ не совсѣмъ-то сговорчивъ, твой дикій цыганенокъ; но мы обязаны сдѣлать изъ него для Морениты жениха возможно-лучшаго, или отдалить его, если въ его душѣ ненависть преобладаетъ надъ любовью.

Мы возвратились въ Бриоль въ мартѣ 1848 года, вмѣстѣ съ двумя влюбленными, и вотъ въ какомъ положеніи находилось наше семейство къ концу осени. Не понимаю, какимъ магическимъ искусствомъ, доступнымъ только сердцу любящей женщины, удалось Анисѣ вырвать изъ коварной души Альжениба клятву, нарушить которую онъ не посмѣлъ. Онъ поклялся, въ теченіи полугода, считать Морениту какъ бы родной сестрою. Въ замѣнъ того, онъ потребовалъ отъ Анисѣ полной свободы въ своихъ отношеніяхъ съ Моренитой. Онъ сдержалъ свое слово, видя, какую вѣру имѣла въ него эта благородная женщина, и не смотря на весь пылъ своихъ чувствъ, необузданность своей мятежной воли и пагубныя воспоминанія о своей прежней, не совсѣмъ безукоризненной жизни, онъ не оскорбилъ цѣломудрія своей невесты ни однимъ жесткимъ словомъ, ни однимъ рѣзкимъ увлеченіемъ.

Такимъ образомъ, въ то самое время, когда говорили въ свѣтѣ, что миссъ Гартвелль бѣжала съ уличнымъ пѣвцомъ, брошена имъ на дорогѣ и принята въ домъ моею женою, которая старалась загладить послѣдствія этого проступка, — Альженибъ и Моренита жили вмѣстѣ, на нашихъ глазахъ и свято влюбленные другъ въ друга.

Моренита оставалась въ полномъ невѣдѣніи тѣхъ плотскихъ увлеченій, которыя приписывали ей въ свѣтѣ. Альженибъ геройски боролся съ своими бурными страстями и съ честью выходилъ изъ этой борьбы. И это не единствен-

ный примѣръ подобныхъ невѣроятныхъ истинъ. Подъ строгой наружностью открывалъ я неслыханное злодѣйство; и въ душѣ оклеветанныхъ существъ, поражала меня необыкновенная чистота чувства. Общественное мнѣніе не есть для меня мѣрило нравственности. Не то, чтобы оно было добровольно несправедливымъ, но оно не всегда проникаетъ въ сущность дѣла, и я не доверяю людямъ, произносящимъ свой судъ на основаніи общественного мнѣнія. Человѣку такъ легко пріобрѣсти общественное уваженіе, не освободившись ни отъ одного порока, когда онъ рѣшится поставить говоръ свѣта выше свободнаго спокойствія совѣсти.

Странная привязанность, которую питала ко мнѣ Моренита, ни на минуту не опечалила Анисэ. Моренита, пріѣхавши въ Женеву, кинулась къ ней на шею такъ искренно, съ такой прямою чувства, что ревность, а слѣдовательно и любовь были побѣждены въ ней.

Но далеко не то было съ Альженибомъ. Онъ долго былъ мраченъ, и лукаво прислушивался къ моимъ словамъ, лукаво слѣдилъ всѣ мои отношенія съ своею невѣстой. Нерѣдко, среди этого расположенія ко мнѣ, проглядывало въ немъ невольное чувство ненависти или недоверчивости, побѣдить которое было ему не по силамъ. Я прощалъ ему въ душѣ, и показывалъ видъ, что не замѣчаю его странностей.

На первыхъ порахъ, Моренита была крайне добра, ласкова и любезна съ своею мамитой. Я не мало дивился, столько душевной теплоты и благодарности таилось въ измѣнчивомъ и непостоянномъ сердцѣ этого ребенка. Она призналась прямо, что ее баловали и лелѣяли не въ мѣру въ то время, которое она въ простотѣ душевной называла порой невинности, то-есть до перваго проявленія въ ней неблагодарности. Другихъ проступковъ она не видала въ самой себѣ. Суетность, кокетство, злость, женское лукавство, необузданность воли — всѣ эти недостатки, которые открылись въ ней во время ея отсутствія, не имѣли въ глазахъ ея никакого значенія. Они были слишкомъ прирождены ей, и она не могла судить ихъ по достоинству. Но неблагодарный поступокъ съ матерью она забыла, она даже не понимала,

какъ могла на него рѣшиться, и при каждомъ воспоминаніи о томъ времени, она краснѣла и блѣднѣла, ввертала свой дикій взоръ въ спокойные взоры Анисэ, схватывала тайкомъ ее за руку или съ жаромъ цѣловала складки ея платья, иногда же, съ дѣтскимъ и неистовымъ отчаяніемъ, раздражала собственное тѣло свое зубами или ногтями, какъ бы въ искупленіе своей тяжелой вины. Для этой высокомерной души раскаяніе было чѣмъ-то въ родѣ необузданнаго облегченія отъ мукъ собственной гордости. Упреки Анисэ раздражили бы ее, и она опять возвратилась бы на прежнюю дорогу. Кротость Анисэ обезоружила ея гордость, и она съ тайной радостью сознвала себя побѣжденной.

Но не такъ легко было угадать, что происходило, въ душѣ Альжениба. Непроницаемой броней скрыты были отъ посторонняго глаза всѣ его сердечныя движенія. Были минуты, когда готовы мы были съ ужасомъ отказаться отъ своихъ намѣреній, видя въ немъ рѣшительное отсутствіе всякаго нравственнаго пониманія и чувства. Это была натура, еще болѣе впечатлительная, чѣмъ Моренита, и отражавшая на себѣ малѣйшія перемѣны въ дѣлахъ житейскихъ. Любовь, желанія, подозрѣніе проходили мрачными чертами по его лицу, горѣли зловѣщимъ огнемъ въ его выразительныхъ глазахъ. Взглядывалъ ли онъ на Морениту, онъ былъ тогда другой человекъ; но Анисэ боялась, чтобы чувства не взяли въ немъ верхъ надъ сердцемъ.

Его пріятный голосъ, просившійся въ душу и съ каждымъ днемъ приобретающій новую прелесть, его сочиненія, носившія отпечатокъ самобытной гениальности, его способность усвоивать себѣ всякаго рода познанія и употреблять ихъ въ дѣло, съ необыкновенной легкостью примѣняя ихъ къ созданіямъ собственной фантазіи; его живой, ѣдкій, неподливый умъ, его недюжинная красота, безъ всякаго сомнѣнія, давали ему право на отличіе, готовили изъ него великаго художника, предназначеннаго сильно дѣйствовать на людское воображеніе. Но въ то же время замѣтно было въ немъ неумѣстное развитіе личности, склонность къ недо-

вѣрчивости, которая легко могла перейти въ неизлечимую неблагодарность.

Эта склонность безпокоила насъ тѣмъ болѣе, что казалась нерѣдко систематической. Не только сердце его не чувствовало потребности къ измѣненію, но онъ словно далъ себѣ клятву упорствовать и находилъ удовольствіе въ своемъ упорствѣ.

Моренита, склонная сама къ этимъ недостаткамъ, не замѣчала ихъ, и Анисэ говорила мнѣ не разъ:

— Они будутъ счастливы по своему; они будутъ любить другъ друга иначе, не такъ какъ мы.

Было, однако же, рѣшительно не возможно проникнуть въ эти два сердца; мы чувствовали, какой непроходимой бездной отдѣлены были мы отъ нихъ, и оставались рѣшительно чужды другъ другу во многихъ отношеніяхъ.

Г-жа Маранжъ имѣла какое-то особенное пристрастіе къ Альженибу. Она пророчила ему много въ будущемъ и вообще ставила его выше Морениты. Эта несравненная мать, эта рѣдкая женщина сознавала за собой какую-то нерѣшительность, которая преклонялась всегда передъ силою мысли или чувства. Она любила все, что носило на себѣ отпечатокъ нравственной энергіи, и небольшое притязаніе на владычество нисколько, по ея мнѣнію, не унижало человека. Она говорила, что въ Моренитѣ были только зародыши энергіи, а въ Альженибѣ—полная, сознательная сила воли.

Альженибъ былъ наружно почтителенъ и ласковъ съ моею женою и съ ея матерью; но откровеннѣе не былъ онъ ни съ кѣмъ изъ насъ. Онъ прилагалъ большую заботливость о своихъ манерахъ, о своемъ нарядѣ, о своей внѣшности. Онъ долго трудился, перенималъ походку, разговорный языкъ и даже моды современнаго общества, хотя и показывалъ видъ, что дѣлаетъ это не охотно. На г-жу Маранжъ, казалось, возложилъ онъ обязанность преподавать ему уроки хорошаго обращенія. Моренита принимала большое участіе въ его успѣхахъ; сама же она отъ природы надѣлена была изящнымъ вкусомъ и всегда отличалась тонкостью и благородствомъ въ обращеніи.

Она была болѣе задумчива; нежели весела въ присутствіи своего друга. Она перестала кокетничать съ нимъ—она боялась его насмѣшки, его порицанія. И надо сознаться, онъ не баловаль ея. Онъ властвовалъ надъ нею той безмолвной и сосредоточенной страстью, которую она не столько разделяла съ радостью, сколько подчинялась ей съ сохраненіемъ своего достоинства.

Иначе, кажется мнѣ, и не могла любить Моренита. Она была одна изъ тѣхъ натуръ, которыя не знаютъ мѣры, исчерпываютъ чувство до дна, скоро утомляются, и дорожатъ только тѣмъ, что боятся утратить на всегда. Въ этомъ отношеніи, Альженибъ былъ гениальнымъ человекомъ, и мнѣ часто приходило на мысль, что послѣ двадцати-лѣтняго изученія человѣческаго сердца я былъ только скромнымъ ученикомъ въ сравненіи съ этимъ опытнымъ мастеромъ въ дѣлѣ любви. Правда и то, что обладаніе такой женщиной никогда не было моимъ идеаломъ и не могло привести меня къ обладанію самимъ-собою.

Однажды вечеромъ сидѣли мы всѣ вмѣстѣ въ гостиной. Моренита была въ припадкѣ искренности и веселья, и забавлялась съ ручной перепелкой, которая смѣшила насъ всѣхъ своими ловкими штуками.

—Какая она умная и красавица, сказала Моренита; право, стоить поцѣловать ее, мамита!

И она поднесла перепелку къ моей женѣ, которая говорила съ только-что прѣбавшимъ Рокомъ. Анисэ машинально поцѣловала чистую и гладкую спинку перепелки, и продолжала свой разговоръ. Рокъ говорилъ ей тихонько про Клету, который женился на какой-то богачкѣ.

Моренита его не слушала и посадила птичку на столъ, чтобы посмотреть, какъ она станетъ бѣгать. Птичка вспорхнула и сѣла прямо на руку къ Альженибу. Альженибъ поднесъ ее къ своимъ губамъ и тоже поцѣловаль.

Моренита вся поблѣднѣла и сказала ему въ полголоса недовольнымъ тономъ:

—Зачѣмъ цѣлуете вы мою птичку? вѣдь вы не любите животныхъ!

— Не знаю, отвѣчалъ холодно Альженибъ.

— А я знаю! возразила поспѣшно Моренита, какъ бы опечаленная его равнодушіемъ.

— Если знаете, скажите.

— Вы знаете, что я не могу сказать этого. Но отвѣчайте, такъ ли я думаю?

— Такъ, отвѣчалъ Альженибъ, глядя ей прямо въ глаза.

— Ахъ, Боже мой! такъ вы опять хотите злить меня? сказала Моренита, вставая съ своего мѣста. Отдайте мнѣ мою птичку, я сверну ей шею!

— Что такое говоритъ она? спросила удивленная Анисэ, оборачиваясь назадъ.

И она увидѣла, какъ Моренита собиралась душисть перепелку. Альженибъ смѣло отнялъ у ней птичку и поднесъ къ своей женѣ.

— Спасите ее, сказалъ онъ съ какимъ-то одушевленіемъ, вы всегда были милостивы къ слабымъ и ободряли тѣхъ, кого люди съ презрѣніемъ топтали ногами!

Анисэ взглянула на Морениту, дрожавшую отъ гнѣва. Это была первая гроза послѣ ея возвращенія.

— Но въ чемъ же дѣло? сказала она, обращаясь ко мнѣ и къ своей матери, безмолвнымъ свидѣтелямъ этой сцены.

— Твоя дочь ревнуетъ къ тебѣ, отвѣчала г-жа Маранжъ, пожимая плечами.

Моренита бользненно вскрикнула, упала къ ногамъ своей женѣ, скрывая лице свое въ рукахъ Анисэ и принялась осыпать ихъ поцѣлуями, обливать слезами.

Альженибъ злобно улыбулся; жена моя ласкала Морениту и все еще не понимала, въ чемъ дѣло.

— Сеньйора, сказалъ Альженибъ, я поцѣловалъ бѣдняжку, которая сидитъ темерь у васъ въ рукавъ, а Моренита приняла это за обиду себѣ, и хотѣла убить птичку.

— Убить свою перепелку? Да она сошла съ ума! сказала Анисэ.

— Мамина, сказала Анисэ вставая, я люблю васъ, но чувствую, что вы сведете меня въ могилу. Вы не виноваты въ томъ, что случилось, но все равно, я должна васъ оставить.

Вотъ уже недѣля, какъ я думаю объ этомъ, а теперь прошу васъ, отоплите меня въ монастырь. Я умру тамъ, потому что не могу жить безъ васъ; но я умру и здѣсь, потому что не могу жить вмѣстѣ съ вами!

Она убѣжала внѣ себя, точно помѣшанная. Альженибъ побѣждалъ за нею, схватилъ ее на руки и принесъ къ мѣстамъ Анисэ.

— Моренита души моей! воскликнулъ онъ, сіяя радостью и восторгомъ, благослови тебя Богъ за это намѣреніе! Ты бросила бы мать свою, и для меня тоже? Ты готова была на это—больше мнѣ ничего не надо. Теперь выслушай меня. Я поцѣловалъ твою птичку просто изъ злости, точно также, какъ намеренъ отнять у тебя букетъ цвѣтовъ, какъ сегодня же утромъ сказалъ тебѣ, что бѣлыя женщины лучше смуглянокъ. Ты приходила въ ярость, но этого было мало для меня. Теперь я доволенъ, я счастливъ, спасибо тебѣ!

— Альженибъ, сказала Анисэ строго, изъ всего этого вижу я только, что она страдаетъ, а вы забавляетесь ея страданіями.

— Сеньйора, отвѣчалъ Альженибъ, преклоняя колено передъ моею женою, не будь я жалкимъ, недостойнымъ цыганомъ, я бы сказалъ вамъ, что люблю васъ какъ родную мать; не оскорбитесь моими словами, прошу васъ. Въ первый, и вѣроятно въ послѣдній разъ въ жизни, не помню я себя отъ радости, благодарю васъ за любовь и довѣріе ко мнѣ. Вы сдѣлали для меня больше, чѣмъ та, которая дала мнѣ жизнь, больше, чѣмъ несчастная Пиларъ, которая сберегла мнѣ жизнь своими попеченіями. Вы дали мнѣ душу, когда удостоили меня своимъ уваженіемъ, обязали меня словомъ и положились на мое слово! Не скажу вамъ, что я перестану лгать передъ людьми, но не солгу никогда передъ Богомъ и передъ вами. Повѣрьте же мнѣ, что я составлю счастье вашей дочери и ей не придется краснѣть за меня. Отдайте ее мнѣ, мою невесту; я начинаю уже мѣшаться въ умъ; снимите съ меня эту клятву.

.

ДНЕВНИКЪ СТЕФИНА.

15 августа 1852.—Бриоль. 6 часовъ утра.

Сегодня день рожденія Анисэ. Вчера вечеромъ получили мы письмо отъ Морениты изъ Вьны, гдѣ наша артистическая чета производитъ фуроръ. Письмо ея очень мило. Она говоритъ о своей славѣ, о своемъ счастьи, нерѣдко даже мѣшаетъ одно съ другимъ. Всякому свое назначенье!

Намъ не доставало одного только для нашего счастья—не доставало дѣтей. Это возлагало на насъ обязанность, воспитать тѣхъ, у кого не было родителей. Мы исполнили ее по мѣрѣ силъ своихъ.

Какой чудный букетъ поставлю я на окошко Анисэ! Волокнистая юкка разцвѣла за плетнемъ изъ бирючины. Сегодня ровно пятнадцать лѣтъ, какъ мы посадили этотъ таинственный цвѣтокъ, который иногда такъ долго нежится въ нѣдрахъ земли. Анисэ считала его погибшимъ и не обращала на него вниманія. Наконецъ стволъ поднялся изъ земли и покрылся роскошной шапкой изъ бѣлоснѣжныхъ цвѣтовъ, точно букетъ новобрачной!

Уже пятнадцать лѣтъ супружеской жизни! Боже! какъ коротко показалось намъ время! и какъ скоро летитъ жизнь наша! Какъ! пятнадцать лѣтъ нужно было цвѣтку подняться изъ земли и распуститься! Вотъ олицетвореніе нашего сокровеннаго блаженства, и нынѣшній день кажется мнѣ днемъ перваго разцвѣтанія моей любви и моего счастья.

КОНЕЦЪ.

Пер. Н. Ш.—въ.

МОСКВИТЯНИНЪ.

№ 6.

Мартъ.

кн. 9.

1854.

РУССКІЕ ВОИНЫ

• ПРИ ПЕРХОДѢ ЧЕРЕЗЪ ДУНАЙ.

Веселись, Дунай знакомый!
Русскихъ вонновъ встрѣчай!
Быстро насъ и наши громы
По волнамъ передвигай.
Мы несемъ освобожденье
Нашимъ братьямъ: мы несемъ
На невѣрныхъ судъ и мщенье,
На коварныхъ мечъ и громъ.

••

Пусть за Турка идутъ въ битву
Англичаннѣ и Французъ!
Къ Богу мы возшлемъ молитву,
Святъ и кровпокъ съ Нимъ союзъ.
Даннемъ силы боевыя
На невѣрныхъ въ добрый часъ:
На коловняхъ вся Россія
Молить Господа за насъ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Марта 24. 1854.

ГРЕКАМЪ.

Часть ударилъ; Греки, въ свѣчу!
 Въ руки мстительный булатъ,
 Притѣснителямъ на встрѣчу
 За отцевъ, за жевъ, за чадъ!

*
*
*

Долго, долго вы терпѣли,
 Долго иго вы несли:
 Вихремъ въ бой для славной цѣли!
 Дни отмщенія пришли!

*
*
*

Истощивъ терпѣнья мѣры,
 Богъ—враговъ вамъ предастъ!
 Разверните знамя вѣры,
 И съ молитвою впередъ!

*
*
*

Что отверженныхъ вамъ рати?
 Не спасетъ ихъ Магометъ!
 Вы подъ сѣнью благодати;
 Вамъ сияетъ горній свѣтъ!

*
*
*

Не давать врагамъ пощады,
 Ни на сушѣ, ни въ моряхъ;
 Тамъ огню ихъ селы, грады,
 Здѣсь — погибель имъ въ волнахъ!

*
*
*

Дѣти брани, дѣти чести,
 Въ путь!—Вамъ дорогъ каждый часъ;
 Выступайте въ поле мести,
 Вра, право, все за васъ!

*
*
*

Въ бой вступая за отчизну,
 Призовите Бога силъ,
 И съ мечемъ къ врагамъ на тризну!
 Чась погибели ихъ билъ!

*
*
*

Время славному народу,
 Просвѣтителю всѣхъ странъ,
 Время выкупить свободу
 У тирановъ-Мусульманъ!

*
*
*

Съ ней, съ свободой благодатной,
 Блескъ искусствъ и свѣтъ наукъ
 Въ край родной придетъ обратно;
 Вспомнить два поздній внука!

*
*
*

Вспомнить Элина-Омира
 И Теосскаго пѣвца;
 Грянетъ пламенная лира
 И прольетъ восторгъ въ сердца!

*
*
*

Вспомнить Пиндара, Софокла,
 Вспомнить доблестныхъ вождей!
 Слава дѣлъ ихъ не поблекла
 На землѣ до нашихъ дней!

*
*
*

Вспомнить предковъ, и зальется
 Умилительной слезой;
 Сердце сердцу отзовется
 И умчить его на бой!

*
*
*

Чась ударилъ Греки, въ свчу!
 Въ руки мстительный булатъ!
 Притѣснителямъ на встрѣчу,
 За отцевъ, за женъ, за чадъ!

С. РАБЧЪ.

ВОЙНА И МИРЪ.

Меркнетъ сводъ небесъ лазурный;
 Въ отдаленнѣ громы гремятъ;
 Надъ таинственною урной
 Рокъ, задумавшись, стоитъ!

*
 **

Въ урнѣ жребіи народовъ
 И властителей земныхъ.
 «Къ урнѣ руку!» — съ горныхъ сводовъ
 Гласъ раздался, и затихъ.

*
 **

Рокъ исполнилъ неба волю;
 И народамъ и царямъ
 Пали жребіи на долю;
 Янусъ — настежь двери въ храмъ!

*
 **

Закипала буря брани;
 Плагу, перо и кисть забывъ,
 Воружились сталью длани
 На воинственный призывъ.

*
 **

Рыболовъ покинулъ сѣти,
 Пастырь — паству и стада;
 Плачутъ жены, старцы, дѣти;
 Пусты селы, города.

*
 **

Разгорялся бой кровавый;
И победы—намъ сулятъ
Лавры вѣчной, громкой славы;
И пожнеть ихъ нашъ будать,

*
**

Онъ пожнеть ихъ; онъ пощады
Въ жаркой свѣч не дастъ;
Онъ обрызжетъ кровью грады;
Но какой отъ крови плодъ?

*
**

Тишина и нѣга мира—
Вотъ подательницы благъ
Въ дни покоя и порѣвья
Какъ-то краше на царяхъ!

*
**

Отъ нея, какъ въ часъ полночи
Отъ безоблачной луны,
Льется свѣтъ, чаруя очи,
Подъ покровомъ тишины.

*
**

Въ дни спокойствія и мира
Полной жизнью все живетъ;
Въ лонѣ мира нѣжась, лира
Сладкогласнѣ поетъ.

*
**

Съ златострунной льются звуки
Въ славу Богу и царямъ,
У страдальца сердца муки
Утоляютъ какъ бальзамъ.

*
**

Въ часъ веселья пѣснь друтую,
 Пѣснь веселья съ струнь слетить,
 И восторгъ въ сердца вливая,
 Чашу пиршества подсластить.

*
**

Иль, задумавшись порою,
 И покинувъ темный край,
 Увлечетъ насъ за собою
 Дивной пѣснью въ свѣтлый рай.

*
**

Въ дни покоя кисть живая,
 Наклонившись надъ холстомъ,
 Вспыхнетъ, душу въ коноть вливая,
 Прометеевымъ огнемъ.

*
**

Все въ природѣ ей покорно;
 Гений—мира властелинъ,
 Изъ-подъ кисти чудотворной
 Выйдетъ дивный рядъ картинъ.

*
**

А науки?—О! имъ въ мирѣ
 Жизнь—роскошный пиръ, просторъ!
 Съ каждымъ днемъ онъ все шире
 Раздвигаютъ небозорь.

*
**

Но довольно! сводъ лазурный
 Весь обмеркъ, грохочетъ громъ;
 Надъ таинственною урной
 Грустно Рокъ поникъ челомъ!

*
**

Миръ придетъ, и снова весла
Всплывать волны на водахъ,
И торговля, и ремесла
Оживятся въ городахъ!

*
**

Онъ придетъ, и ратай снова
Выйдетъ съ плугомъ на поля,
И поборница Христова
Вновь та жь русская земля!

*
**

Та же вѣра, та же нравы,
Та же къ родинѣ любовь,
Та же жажда чистой славы,
Та же русская въ насъ кровь!

*
**

Часть ударилъ; сводъ лазурный
Весь обмеркъ; грохочетъ громъ....
Съ нами Богъ! изъ брани бурной
Выйдемъ съ светлымъ мы челомъ!

С. РАКЪ.

ЗОРЬКА.

Надъ быстрою, свѣтлой рѣкою,
Я въ рошѣ зеленой стою.
Далеко внизú, подо мною
Я вижу рыбачью ладью.

*
**

А мимо меня молодая
Дѣвица идетъ за водой;
А солнце, вдали догорая,
Садится свѣтло за горой.

*
**

Въ горѣ каменистой сверкаетъ
Источникъ и свѣжъ, и гремучъ,
Дѣвица ведро опускаетъ
Въ холодный колодезный ключъ.

*
**

И звучной волной наливаясь,
Журчитъ ручеекъ ключевой
Ведро, и звеня, и качаясь,
Наполнилось свѣжей водой.

*
**

Подъ зыбкою ношей красиво
И стройно дѣвица идетъ,
На рѣчку глядитъ торопливо
И тихую пѣсню поетъ.

*
**

И пѣсней раскатисто-звонкой
Пловецъ берега огласилъ,
И слѣдомъ за нею, сторонкой,
Тихонько рѣку переплылъ.

*
**

Заря занялась; холодѣтъ;
Трава заблѣстала росой;
И стелется сумракъ, и рветъ
Прозрачно надъ сонной водой.

*
* *

Челнокъ по водѣ ускользаетъ,
Плескается въ берегъ волна,
И пѣсня вдали умолкаетъ,
И звуковъ полна тишина.

СТАНЦІЯ.

I.

ВЫѢЗДЪ.

Что жь, готово? гдѣ же кони?
Долго ль ждать намъ лошадей?
— «Здѣсь лошадки!»—Что жь вы, сони!
Запрягайте поскорѣй.
— «Баринъ, баринъ! ужь доставлю,
Не извольте горевать;
Дайте время, все исправлю!
Надо гривки разобрать,
Да лошадамъ дать водицы
По ведёрочкѣ хлебнуть,
Порасправить рукавицы,
Кафтанишка застегнуть.
Ну, садитесь! Большая
Здѣсь на выѣздѣ гора».
И лошадушекъ ровнѣя,
Онъ повхалъ со двора.
И съ горы мы ѣдемъ шагомъ,
Верхъ опасенъ и глубокъ;
Тамъ опушкой надъ оврагомъ
Разстиляется лѣсокъ,
Тамъ дорога изволóкомъ
Пролегла и вилась,
И внизу во рву глубокомъ

Рѣчка быстрая неслась,
 «Эй-ты, малой, берегися!
 «Мы ужь падаемъ совсѣмъ...
 — «Баринъ, ничего! держися!
 Не робѣйте». Между тѣмъ
 Высь обрывисто-крутую
 Онъ глазами размѣрялъ,
 И ударивъ коренную,
 Вдругъ подъ горку поскакалъ.
 И колѣса загремѣли,
 Дрѣгнувъ мостъ; надъ нимъ стрѣлой
 Мы, съ размаху, полетѣли
 Къ верху, на берегъ крутой.
 Степь открылась передъ нами,—
 Любо въ даль ея глядѣть!
 Любо, ровными полями
 Съ вихремъ възапуски летѣть.
 Славно, братцы, въ полѣ чистомъ
 Слушать пѣсню ямщика,
 Вмѣстѣ съ звукомъ серебрянымъ,
 Голосистаго звонка.

 II.

Р О З Д Ы Х Ъ.

Солнце къ западу склонялось
 И садилось за горой,
 Степь какъ море волновалась
 И цвѣтами, и травой.
 И безоблачной зарею
 Вечерь ясный заигралъ,
 Колокольчикъ подъ дугою
 Приутихъ и приусталъ.
 Прокатилися мы лихо!
 День веселый догорѣлъ,
 И тепло, и вѣтеръ тихой
 Надъ полями пролетѣлъ.
 Вечерь русской! вечеръ дивной!

Сумракъ въ сивей вышнѣ,
 А въ дали безперерывной
 Небо съ степью на-равнѣ!
 И лошадки отдохнули,
 И лаская ихъ возжей,
 Говорить имъ: «саль заснуди?»
 Нашъ извощикъ удадой.

III.

УДАДЪ.

«Эй, ударю! шевелися!
 Двь версты не далеко,
 Только въ горку подымися,
 И деревня за рѣкой.
 Трогай! сердце загорѣлось,
 Небо жаромъ заплѣлось,
 Вонь и звѣздочка зардѣлась,
 Но! вытягивай—небось!
 Что горюешь? не обижу,
 Накормлю и напою,
 Знаешь, дѣти, я увижу
 Разсударушку свою!
 Что жь вы стали? вась я кличу?
 Аль не съ вами говорить?
 Эхъ-вы! горе, что мь, размычу,
 Только искры полетятъ!»
 Огдушительно и громко
 Закричалъ онъ подь концы:
 «Гужь, терпи! держись, постромка!»
 Расходился молодець,
 Что ни дѣрнеть, то колено,
 И толкуеть онъ однѣ:
 «Есть-моль вамъ овёсъ да сѣно,
 Есть мнѣ брага да вино!»
 И въ селѣ его узнали:
 «Ванька ѣдетъ! Ванька самъ!»

Съ громомъ, съ звономъ подскакали
 Мы къ теснымъ воротамъ.
 Самъ хозяинъ открываетъ,
 Все летитъ съ дороги прочь,
 И, какъ солнышко, встрѣчаетъ
 Насъ хозяйнова дочь.

IV.

В Ъ Ю Г А.

Кони, голову понуря,
 Порываются бѣжать;
 Опогодилось; буря
 Стала тише завывать.
 Что за выюга! что за сила!
 Экой вихорь супостаты!
 Видишь, какъ поворотило
 Насъ оглоблями назадъ.
 Взыла выюга, потемнѣло,
 Отовсюду замело,
 Завизжало, заревло,
 И сугробы занесло.
 Что тутъ дѣлать? ну-ка, трѣгай!
 Не въ степи же ночевать;
 Хоть избѣнку-бы дорогой
 Намъ какую отыскать.
 Видишь, въ право у забора
 Ветлы, что ли... или тынь—
 Роща... «Какъ же! больно скоро,
 Это межи да полынь.
 Это иней нарастаетъ
 И морочить насъ туманъ,
 Съ верху мгла, а съ низу таетъ,
 Лѣсомъ кажется бурьянъ.
 Передъ нами путь невѣдомъ,
 По дорогѣ нѣтъ слѣда».
 — «Что жь, держися старымъ слѣдомъ,
 Поворачивай сюда.
 Лѣгко вхвать; подь санями

Снегъ, садясь, зашумѣлъ;
 И широкими слоями
 Ледъ настѣлъ и посинѣлъ;
 Хрупокъ черепъ: степь и нива
 Зазвенѣла подо-льдомъ,
 И торчитъ изъ снегу живно
 Подъ стекляннымъ колпакомъ.
 «Вотъ теперь и плавай рыбой!
 Вишь, зажоры! эка тьма!
 Хотя тепло, за то спасибо
 Ты, сиротская зима!
 Это что тамъ? право, свѣчка!
 Дымомъ пахнетъ, ей-же-ей!
 Близко хатка, близко печка!
 «Трогай, трогай поскорѣй!»

РАЗЛУКА.

Говорили мнѣ люди, смѣялись,
 А я злымъ языкамъ не повѣрилъ.
 И сегодня опять въ хороводъ
 Также весело милую встрѣтилъ,
 Я по прежнему съ ней повидался.
 — «Ты скажи мнѣ, скажи, дорогая,
 Ужь про что жь это люди толкуютъ?
 Все такія ихъ рѣчи пустыя,
 Говорять, что ты за-мужъ выходишь!»
 И по прежнему все дорогая
 Веселѣхонько мнѣ отвѣчала:
 — «А за что жь тебѣ, другъ, обижаться,
 Что выходить судьба мнѣ такая?
 Я иду за богатаго за-мужъ,
 Буду жить во покоѣ, въ довольствѣ.
 А твоя ли завидная доля,
 Что еще ты, дружокъ, погуляешь
 Холостымъ молодцомъ, не женатымъ».
 — «И на томъ тебѣ, радость, спасибо,
 Что еще ты гулять мнѣ желаешь,

Холостымъ молодцомъ, не женатымъ!
 Похожу я по бѣлому свѣту,
 И найду я другую дѣвицу
 И богаче тебя, и получше.
 Мою душу простую узнавши,
 Она будетъ любить меня верно.
 А вотъ только одно мнѣ обидно:
 Что ужъ видно, сильнѣе не биться
 Моему ретивому сердечку;
 Не болѣть моей груди больнѣе,
 Не горѣть горячѣе головѣ.
 Ужъ и той ли мнѣ красной дѣвицы
 Не любить сопротивъ тебя больше,
 И за то ее лихомъ не помнить,
 Что не съ ней погубилъ безталанный,
 Свое все молодое веселье!

СТАРУХА НА ПЕЧКѢ.

Пришла старуха въ избѣ со двора.
 — «Ой, холодно! на дворѣ и мятель и кура!
 Экая сила, что свѣгу навалило!»
 Совсѣмъ старуха застыла;
 На печку легла, кряхтитъ,
 Не согрѣется старуха, и на печкѣ дрожить.
 «Батюшки мои! заткните окно,
 Видишь, какъ дуетъ, и на печкѣ холодно!»
 — «То-то, старуха, тебѣ холодно на печи,
 Лежишь подъ шубой, да ѣшь калачи»,
 Старикъ говорить, «а печь не закута!
 «Каково же теперь въ обозѣ мужику-то?»
 Вотъ мы и на печкѣ замерзли съ тобой...
 — Охъ, говорить старуха, сударикъ ты мой!
 Что мужичку въ обозѣ-то дѣется?
 — Бвжить, да грѣется.

МИХАИЛЪ СТАХОВИЧЪ.

1853 годъ. Ноябрь.
С. Пальна.

УЛИЧНЫЯ ЗРѢЛИЩА

ВЪ ИТАЛІИ.

ИЗЪ ЗАПИСОВЪ ТУРИСТА.

Чтобы сказать, что-нибудь новое объ Италиі, по моему мнѣнію, надо забыть ея атмосферическія, архитектурныя и прочія красоты, объ которыхъ было говорено столько, что эти красоты намъ уже пріѣлись; а главное, слѣдуетъ воздерживаться отъ восторга: восторженныя описанія путешественниковъ много вредятъ Италиі въ глазахъ людей, смотрящихъ на вещи глазами холоднаго разсудка и не привыкшихъ увлекаться чужими восторгами.

Не говорю уже о тѣхъ господахъ туристахъ по Италиі, которые, не довольствуясь избитыми описаніями всякаго рода красотъ этого благословеннаго края, бьются на романическій эффектъ, и защищаютъ прекрасную незнакомку отъ бандитовъ.

Я жилъ долго въ Италиі, объѣхалъ и обошелъ ее вдоль и поперекъ и, увѣ! ни разу не встрѣтился съ бандитомъ!

Согласитесь, что это ужасно досадно!

Ахъ! какъ бы я былъ счастливъ, еслибъ, въ одну прекрасную ночь, дилижансъ мой остановили разбойники и атаманъ въ черной полу-маскѣ, приставивъ къ груди моей стилегъ, закричалъ мнѣ громовымъ голосомъ: *la borsa!*

Съ какою сердечною благодарностью я бы отдалъ ему все, что имѣлъ, за эту полную пріятнѣйшихъ ощущеній минуту!

Да и можно ли довольно дорого заплатить за счастье, прѣхавъ на родину, рассказывать всѣмъ, что на васъ напали настоящіе итальянскіе бандиты, что вы защищались какъ левъ, изранили многихъ, многихъ убили на поваль, но должны были уступить силѣ и позволить себя ограбить.

Рассказывая этотъ эпизодъ изъ вашей итальянской жизни, отъ котораго у слушателей непременно станутъ дыбомъ волосы, а милыя слушательницы влюбятся въ васъ по уши — вы, разумется, пожелаете войти въ подробности, и ужъ тутъ вашему наслажденію не будетъ конца. Одинъ страшный ущелья Аппенинскихъ горъ, освѣщенный луной, и одинъ живописный костюмъ разбойниковъ, доставляетъ вамъ случай выказать, въ полномъ блескѣ, всю поэтическую сторону вашего воображенія.

Ничего подобнаго, увы! я не могу рассказать вамъ, о мой читатель! и потому, ограничусь описаніемъ мирныхъ уличныхъ зрѣлищъ Италіи, которыя тамъ встрѣчаете на каждомъ шагу. Онѣ невольно привлекаютъ ваше вниманіе и, понемногу, составляютъ оригинальную и полную наслажденія сторону вашей итальянской жизни.

Этѣ зрѣлища такъ многочисленны и такъ разнообразны, что разскащику, для постепеннаго хода своего разсказа, нѣтъ никакой возможности подвести ихъ подъ какой-либо систематическій порядокъ. По этому я считаю за лучшее следовать, въ настоящемъ случаѣ, примѣру Ксавье де-Местра, который говоритъ, что онъ пишетъ, какъ охотникъ слѣдитъ за дичью, не придерживаясь собственно никакой дороги.

Начнемъ съ того, что итальянская улица сама-по-себѣ есть уже зрѣлище достойное вниманія путешественника. Больше всего она поражаетъ его тѣмъ, что не похожа ни на какія

улицы въ свѣтъ: она не чопорна и не прѣбрана, какъ германская, не щеголевата, какъ французская, не серьёзна и холодна, какъ англійская, не роскошна и громадна, какъ петербургская, — итальянская улица имѣетъ свой особенный характеръ, разнообразный до крайности.

И, что ни городъ, то новый характеръ улицы; не то, что наши уѣздные города, которые до такой степени схожи другъ съ другомъ, что какой-то острякъ, очень удачно, описалъ ихъ всѣ разомъ: «застава—кабакъ—заборъ—заборъ—соборъ—заборъ—заборъ—присутственные мѣста—заборъ—заборъ—кабакъ—застава.»

Палаццо, расписанный снаружи фресками, — загорѣлая лачужка, — великолѣпный фасадъ церкви съ портономъ, убраннымъ живыми цвѣтами, — полуразрушенная колоннада, — портикъ древняго стиля, — мраморныя статуи, блестящія на голубинѣ пламеннаго неба, или рѣзко выдающіяся на темной, густой зелени померанцовыхъ деревь, леандровъ и *вѣчныхъ* дубовъ, — арбузныя, дынные и проч. корки, старые башмаки безъ подошвъ и всякая дрянь, брошенная въ кучу, — все это мѣшается и какъ-то странно, съ непривычки, поражаетъ ваше зрѣніе, но глазъ понемногу привыкаетъ ко всемъ этимъ противоположностямъ, и вы, наконецъ, постигаете, что въ нихъ кроется тайная, прелестная гармонія.

ФИЖИСКАЯ УЛИЦА.

Вотъ, на концѣ неправильной площади, дворецъ во вкусъ Браманте; черезъ отворенный, громадный портономъ его вы видите дворъ, мощный мраморной мозаикой, съ фонтаномъ, статуями и барельефами, испестряющими стѣны.

Крутомъ дворца, сбродъ сплошныхъ лачужекъ, выстроенныхъ безъ всякаго пособія архитектора; изъ оконъ ихъ виситъ старое бѣлье, — контрастъ, который такъ живописенъ въ картинѣ, а въ натурѣ еще живописнѣе.

Надъ этими лачужками рисуется въ небѣ великолѣпный куполь Пантеона.

Вотъ фасадъ церкви, выстроенной изъ травертина, въ вычурномъ вкусь Бернини.

Посреди площади мраморный, исполинскаго размѣра, фонтанъ, который такъ и обдаетъ васъ прохладой. Приютясь въ тѣни его, въ небрежныхъ и красивыхъ положеніяхъ, лежатъ полунагіе *бирбачони* (*). Облокотясь на бронзовые перила фонтана, живописно изогнувъ свой станъ, — стоитъ молодая, черноглазая *чучара*, съ строгимъ античнымъ профилемъ; она ждетъ, пока кувшинъ ея, сохранившій древнюю форму амфоры, наполнится водою.

Изъ портона дворца съ громомъ въѣзжаетъ красная карета, съ золотыми украшениями, и тихою рысью ѣдетъ черезъ площадь. Лошади въ шорахъ и съ страусовыми перьями на головахъ. Ими править, съ высокими, украшенными гербами козель, толстый кучеръ, въ парикъ и кафтанъ прошлаго столѣтія. Три гайдука, въ старинныхъ ливреяхъ до пять, тасуются на запяткахъ. А въ каретѣ, съ улыбкой на устахъ и съ великопшною округленностью живота, возсѣдаетъ, съ приличною важностью, синьоръ въ черной тафтяной мантии, въ красной скуфьѣ, въ красныхъ перчаткахъ и красныхъ чулкахъ.

Нѣсколько смуглыхъ *фашинювъ* (носильщиковъ), игравшихъ въ *мѡру* (**) посреди площади, завидѣвъ красную карету, вдругъ прекращаютъ игру, драпируются своими синими куртками, и начинаютъ преспокойно разговаривать между собой, мысленно посылая *ad patres* господина въ красной каретѣ.

Въ стѣну дома, выходящаго на площадь черезъ-чуръ острымъ угломъ—(это сострилъ архитекторъ, скажутъ вамъ здѣсь), — вѣдланъ образъ святой Мадонны. Въ Римѣ нѣтъ улицы, въ которой бы не было нѣсколькихъ образовъ Мадонны, и всѣ они, если не руки болѣе или менѣе извѣстныхъ художниковъ, то коши съ хорошихъ оригиналовъ.

(*) *Бирбачони* въ Римѣ тоже, что *Мадзароне* въ Неаполь.

(**) *Мѡра* играется вдвоемъ: — играющіе поднимаютъ пальцы правой руки, стараясь отгадать, какое число выбросятъ они вмѣстѣ. Эта игра строго запрещена въ Римѣ.

Передъ образомъ толпа *пиффераровъ* (*), приплясывая, играетъ на вольникахъ и кларистахъ. Костюмъ ихъ очень живописенъ: сѣрая шляпа конусомъ, съ опущенными полями, украшенная лентами и медалями, съ изображеніемъ Мадонны, длинная куртка безъ рукавовъ, изъ бѣлой овчины шерстью наружу, короткія суконныя штаны коричневаго цвѣту, кожаныя сандалии, ленты которыхъ по самыя колѣна переплетаются, не рѣдко, голыя ноги. У инаго пифферара сверхъ всего этого плащъ, также кирпичнаго цвѣту, такой широкій, что въ его складкахъ и не видѣтъ патриархальный инструментъ, который обыкновенно носится подъ мышкой.

Подлѣ пиффераровъ, на каменномъ прилавкѣ дома, сидитъ слѣзая старушка, и перебирая четки, грѣетъ руки на жаровнѣ, поставленной у ней на колѣнахъ.

А надо видѣть, какъ римская улица умѣетъ принарядиться ко дню какой-нибудь церковной процессіи!

Всѣ окна отворются, и изъ нихъ вывѣшиваются разноцвѣтныя ткани, которыя придаютъ домамъ живой, праздничный видъ. А въ полумракѣ оконъ рисуются головы разодѣтыхъ и безъ умолку болтающихъ *падроне ди каза* (хозяекъ домовъ).

Мостовая площади усыпана листьями кипариса и *вѣчнаго дуба*, которые наполняютъ воздухъ какимъ-то одуряющимъ, но не лишеннымъ пріятности запахомъ.

У самой церкви отличный оркестръ, на подмосткахъ, драпированныхъ пурпуровою тканью, съ золотыми позументами, гремитъ съ утра и, по желанію безпрестанно аплодирующей публики, играетъ увертюры изъ извѣстныхъ оперъ и всѣ возможныя *tempo di ballo*. Церковь, не смотря на зимнюю пору, убрана роскошными гирляндами изъ свѣжихъ цвѣтовъ, и, не смотря на ослѣпительный блескъ полуденнаго солнца, освѣщена разноцвѣтными шкаликами. Вотъ, отворится церковная дверь, въ цѣлое облако скоплется дымъ множества кадиль и торжественно тянется процессія.

Оркестръ умолкаетъ, всѣ снимаютъ шляпы, становятся на колѣна и *zotto-voce* начинаютъ цѣть литанію.

(*) *Вольнички*, пастухи съ неаполитанской границы.

Впереди всѣхъ идетъ, спотыкаясь и часто падая на усыпанную листьями мостовую, мальчикъ лѣтъ четырехъ, съ бритой головой, одѣтый капуциномъ и вооруженный свѣчей, которая гораздо больше его ростомъ.

Вслѣдъ за нимъ, также спотыкаясь и хватаясь безпрестанно за его капуцинское платье, идетъ дѣвочка, почти одинакихъ съ нимъ лѣтъ, вся въ бѣломъ, съ завязаннымъ вуалю ртомъ. Этъ дѣти *ex voto*, т.-е. съ самаго рожденія посвященныя Богу.

Потомъ тихо и осторожно выступаетъ взявшійся, по общанію, нести большой крестъ. Крестъ, дѣйствительно, такихъ размѣровъ, что, въ подмогу рукамъ, необходима точка опоры его древку, которое и вкладывается, какъ древко знамени, въ крѣпкій кожаный поясъ; а *крестоносецъ*, изъ опасенія быть перетянутымъ страшною тяжестью, перегибается всѣмъ тѣломъ назадъ и, глядя вверхъ, кончикомъ носа слѣдитъ за каждымъ колебаніемъ своей ноши.

Потомъ, въ стройномъ порядкѣ, по два въ рядъ, мѣрными шагомъ шествуютъ монахи разныхъ *орденовъ*, съ большими восковыми свѣчами въ рукахъ... и, чтобы воскъ не пропалъ напрасну, падая на мостовую, около каждой свѣчи хлопочетъ полу-голый, оборванный мальчишка, съ бумагой, свернутой въ воронку, въ которую онъ и ловитъ падающія капли воску. Сначала эти мальчишки, загорѣлые и лоснящіеся, какъ будто натертыя масломъ, вѣсь неприятно поражаютъ, но вы скоро привыкаете къ нимъ, и глядя на торжественное шествіе процессіи, не замѣчаете ихъ вовсе.

Мальчикъ-капуцинъ прошелъ уже всю площадь, а кардиналъ съ *сopris Domini*, подъ великолыннымъ балдахиномъ, только что показался въ дверяхъ церкви.

При его появленіи, хоръ умолкаетъ, а оркестръ начинаетъ играть симфонію...

ФЛОРЕНТІЙСКІЯ УЛИЦЫ.

Флорентійскія улицы носятъ на себѣ такой рѣзкій отпечатокъ среднихъ вѣковъ, что мы, въ нашихъ круглыхъ

шляпахъ и широкихъ пальто, кажемся въ нихъ живыми анахронизмами.

Я прѣхалъ во Флоренцію часа въ три утра. Увлеченный прелестью тихой и светлой ночи, я на-скоро отдалъ свой чемоданъ слугѣ гостиницы, къ дверямъ которой подвезъ меня веттурино, и отправился гулять по незнакомой мнѣ Флоренціи.

Мало въ жизни наслажденій, которыя могутъ сравниться съ чувствомъ челоѵка, прѣхавшаго въ незнакомый итальянскій городъ!

Полная луна освѣщала пол-улицы бѣловатымъ свѣтомъ, похожимъ на свѣтъ бенгальскаго огня, оставляя половину ея въ темно-голубой тѣни, но такой прозрачной, что въ самой густотѣ ея, глаза открывалъ проблескъ свѣта.

Въ концѣ улицы, высоко, на темномъ занавѣсѣ неба, чернѣли зубы громаднаго дворца. Куда не взглянешь, — всюду дворцы, поразившіе меня своей строгой архитектурой. Всѣ они сложены изъ нетесаннаго травертина. Окна безъ балконовъ, съ желѣзными рѣшетками, какъ окна тюрьмы. Такъ и пахнуло на меня воздухомъ среднихъ вѣковъ.

Необыкновенной величины портонъ одного изъ дворцовъ былъ полу-отворенъ, я рѣшился войти въ него, — и остановился отъ изумленія. Второй этажъ, выстроенный на массивныхъ стѣнахъ, былъ весь въ аркадахъ разной величины и формы; окна въ стѣнахъ, неправильно расположенныя, были всѣ закованы въ желѣзо; у самой стѣны каменная лѣстница, съ дивными рѣзными украшеніями, странными уступами и неровными ступенями, вела къ огромной желѣзной двери съ запорами и замками; вездѣ, по стѣнамъ, вѣдланы были каменные плиты, съ изображеніемъ гербовъ съ старинными надписями; надъ одной изъ стѣнъ высилась четырехъ-угольная башня съ зубцами.

Мнѣ такъ и казалось, что вотъ сейчасъ, сейчасъ, зазвучать цѣпи, и воины, въ желѣзныхъ латахъ и шишакахъ, съ аллебардами на плечахъ, поведутъ узника; гремя оружіемъ, спустятся съ лѣстницы и пройдутъ въ часть двора,

покрытую мракомъ ночи, и гдѣ мнѣ чудились и плаха и тонорь....

Вдругъ, въ аркадахъ послышались чьи-то шаги, кто-то въ темнотѣ искалъ ключемъ отверстіе замка въ желѣзной двери; ключъ щелкнулъ, тяжелый запоръ упалъ, громадная дверь завизжала на петляхъ, отворилась, и кто-то началъ спускаться съ лѣстницы....

У меня забило сердце.

Увы! то не былъ ни воинъ, въ вооруженіи среднихъ вѣковъ, ни гонфалоньеръ въ черной мантии, ни узникъ въ цепяхъ,—то былъ просто человекъ съ бритой бородой, въ круглой шляпѣ, въ плисовой курткѣ простолоудина и въ длинныхъ панталонахъ!

Этотъ современный костюмъ вмгъ разрушилъ мое очарованіе. Насильственно вызванный изъ средневѣковой жизни, въ которую я былъ погруженъ, что называется по уши, я сталъ походить на зрителя, который смотритъ, положимъ, Жидовку Галевн, душою причастенъ увлекательному представленію, и вдругъ, изъ-за дурно поставленной кулисы, видитъ будочника, нюхающаго табакъ.

Я съ негодованіемъ отвернулся отъ синьора въ круглой шляпѣ и, глядя на живописный дворъ, силою воли старался придти въ прежнее настроеніе духа и, можетъ быть, успѣлъ бы въ томъ, еслибъ синьоръ въ круглой шляпѣ, плисовой курткѣ и длинныхъ панталонахъ, не вздумалъ подойти ко мнѣ; онъ поклонился очень учтиво и объявилъ мнѣ, что онъ тюремщикъ *Барджелло* (*), что видѣлъ меня изъ окна, тотъ-часъ узналъ во мнѣ иностранца, и попышился ко мнѣ, чтобы показать мнѣ всѣ достопримѣчательности этого древняго замка.

Я бросилъ на него такой взглядъ, что не понимаю, какъ онъ тотъ-часъ же не догадался, что у меня ужасно «чесались руки»; онъ продолжалъ говорить, не переводя духа и выговаривалъ *K* и *T*, набирая воздуху всюю грудью, словно

(*) *Барджелло*, тюремный замокъ въ одномъ изъ самыхъ роскошныхъ и населенныхъ кварталовъ Флоренціи. Онъ, во время республики, служилъ жилищемъ гонфалоньеру города.

насосомъ. Я не зналъ еще, что въ этомъ-то вдыханіи воздуха и состоитъ красота тосканскаго произношенія, и подумалъ, что этотъ господинъ рѣшился умереть чахоткой.

«Вотъ здѣсь, на самомъ этомъ мѣстѣ», сказалъ мой непрощенный чичероне, указавъ на плиту съ желѣзнымъ кольцомъ, лежащую посреди двора, «обезглавленъ и похороненъ Филиппо ди Ланни, за измѣну республикѣ. Его казнили въ темную ночь, при свѣтѣ факеловъ, и палачу не сразу удалось отрубить ему голову. Гонфалоньеръ города былъ тогда Джіоакимо, братъ измѣнника; онъ, при каждомъ промахѣ палача, бросалъ ему драгоценную жемчужину своего ожерелья, приговаривая: *bravo ragazzo!* (молодецъ!), и хохоталъ во все горло. Надо вамъ сказать, что Джіоакимо былъ влюбленъ въ свою невестку и, послѣ смерти брата, хотѣлъ на ней жениться; но, какъ извѣстно по исторіи, онъ въ первую ночь своего брака былъ отравленъ ею, посредствомъ свѣчи, поставленной у его изголовья.»

Хотя я объ этомъ никогда и не слыхивалъ прежде и оставался увѣренъ, что все это не болѣе, какъ выдумка моего чичероне, я радовался его болтовнѣ, которая переносила меня опять въ средніе вѣки... вдругъ, одно изъ оконъ башни съ шумомъ отворилось, изъ него высунулась женская голова, въ ночномъ чепцѣ (!) и, отыскавъ насъ заспанными глазами, закричала: «Джиджи! какъ пойдешь на рынокъ, не забудь, на деньги этого синьора, купить къ обѣду фляжку вина!»

Начало свѣтать....

Я поблагодарилъ Джиджи и отправился опять въ гостиницу.

НЕАПОЛѢТАНСКІЯ УЛИЦЫ.

Въ Неаполь мало дворцовъ и церквей, да и тѣ, послѣ римскихъ и флорентійскихъ, не завидны.

Хоть неприбранность итальянскихъ улицъ и имѣетъ свою прелесть, но эта неприбранность въ Неаполь доходитъ до нечистоты. Исключая площади передъ королевскимъ дворцомъ, улицъ Толедо, Кіаѳа и двухъ, трехъ другихъ, всѣ улицы

Неаполя, резко отличаясь отъ улицъ другихъ городовъ Италіи, очень схожи между собой: всѣ дома сплошныя, въ три, пять, а иногда и десять этажей; что ни окно, то балконъ; террассы вмѣсто крышъ, кой-гдѣ фасадъ церкви или дворца, изысканнаго стиля.

Здѣсь причина этой бѣдности зданій чисто политическая, нисколько не зависящая отъ вкуса и благосостоянія народнаго; припомните исторію Неаполя, — ему некогда было строиться.

Да и зачѣмъ въ Неаполь строиться? Тамъ и безъ крова живется, — и живется хорошо....

Я нанималъ, на площади Медина, горенку въ четвертомъ этажѣ и, по огромному фонтану, который былъ виднѣнъ съ моего балкона весь, какъ на ладонѣ, я могъ безошибочно узнавать: который часъ, — большая выгода для тѣхъ, у которыхъ не всегда водятся часы въ карманѣ, какъ въ то время было и со мной; на голой, нагрѣтой до сорока градусовъ \ddagger мостовой, въ тѣни громадныхъ украшеній фонтана, день-деньской лежали и спали ладзарони, и когда палящее солнце начинало беспокоить ихъ, то они безсознательно, въ сладкомъ снѣ, перекачивались изъ солнца въ тѣнь, и такимъ образомъ служили для меня стрѣлками солнечныхъ часовъ, для которыхъ гномономъ былъ фонтанъ площади Медина.

Окинувъ бѣглымъ взглядомъ улицы трехъ главныхъ городовъ Италіи, я, съ позволенія читателя, перехожу къ уличнымъ зрѣлищамъ. Ограничусь немногими скипцами: описаніе всѣхъ уличныхъ зрѣлищъ Италіи было бы предметомъ много томнаго труда: истощились бы и мои силы и ваше терпѣніе.

ОДЕРЖИМЫЙ МАЛЬЧИКЪ.

Если вамъ во Флоренціи, въ базарный день, случится пройти по *Меркато-Веккіо* (старому рынку), — васъ остановитъ забавное зрѣлище: это, одержимый мальчикъ.

Его схватываетъ, обыкновенно, по пятницамъ, т.-е. въ базарный день; остальные же дни въ недѣлѣ, онъ играетъ въ мячъ

съ товарищами у городскихъ воротъ, или курить сигару, развалясь синьоромъ, на лавкѣ у двери какого-нибудь кафе.

Если бы лънь не мѣшала ему работать ежедневно, онъ могъ бы съ большимъ успѣхомъ занимать роль клоуна въ труппѣ балаганщиковъ и зарабатывать порядочныя деньги.

Отъ роду не видывалъ я такихъ удивительныхъ штукъ, какія выкидываетъ этотъ маленькій плутъ: то совьется змѣей, то подпрыгнетъ аршина на два отъ земли, то вытянется такъ, что, кажется, сейчасъ улетитъ, то вдругъ голова его очутится между ногъ,—словомъ, можно подумать, что его, въ самомъ дѣлѣ, трепить цѣлый легионъ чертей.

Высокая женщина обходитъ зрителей и, густымъ контрольтомъ, проситъ ихъ положить что-нибудь на тарелочку, на молебенъ Св. Ксаверіо.

ЧЕЛОВѢКЪ НА СТУЛѢ.

Продолжая идти по Меркато-Веккіо, у старинной церкви Санта-Репарата, вы увидите толпу, которая окружаетъ чело-вѣка, стоящаго на стулѣ, съ большою книгою въ рукахъ.

Какъ вы думаете, что онъ показываетъ?

А вотъ подойдите, посмотрите, послушайте и — полю-буйтесь.

«Синьоры и синьорини!» оретъ онъ во всё итальянское горло, «вотъ истинная и ужасная исторія въ лицахъ о старомъ домѣ, въ которомъ водились черти.»

Старушки, окружающія стулѣ, крестятся.

Тутъ чело-вѣкъ открываетъ книгу и показываетъ, на первой страницѣ, нарисованный домъ съ забитыми ставнями.

«Вотъ, этотъ самый домъ, онъ и теперь стоитъ подлѣ города Фидино, у самой мельницы; срисованъ съ природы известнымъ художникомъ.»

Перевертываетъ листъ.

«Горница съ постелью! Въ этой самой горницѣ и на этой самой постель случилось слѣдующее истинное и страшнѣйшее происшествіе. Слушайте, синьоры и синьорини!»

«Почтенный отецъ Бернардо, монахъ Францисканскаго ордена, отправясь собирать подаянія для своего монастыря, проходилъ мимо этого заколдованнаго дома, и услыжавъ, что въ немъ водился нечистый, вздумалъ ночевать въ немъ, т.-е., разумеется, не въ нечистомъ, а въ домъ, чтобы изгнать его изъ него. Не смотря на увещанія друзей своихъ, о Бернардо, подкрепляемый свыше, вечеромъ вошелъ въ домъ, зажегъ свѣчу, сѣлъ на постель подлѣ столика и преспокойно началъ распивать фляжку Монте-Пульчано, которую, на всякій случай, захватилъ съ собою.

Перевертываетъ листъ.

«Та же горница, — на постель у стола сидитъ толстый капуцинъ, съ краснымъ носомъ. На столѣ стаканъ и большая фляжка съ виномъ.»

«Синьоры! все это писано съ натурѣ и, сидящій у столика падре капуцино, — портретъ о. Бернардо.»

«Бьетъ полночь!... дверь отворается и... во-о-дитъ»...

Старушки начинаютъ шевелить губами и перебирать четки.

«Вы вѣрно думаете, входитъ чортъ, искуситель рода человѣческаго? — погодите немного! во-о-дитъ.... женщина красоты неимоверной. Вотъ ея портретъ, также писанный съ натурѣ.»

Перевертываетъ листъ, и передъ вами является довольно пошло раскрашенное, но несомнѣнное подобіе Венеры Медицѣйской.

«Падре Капуцино, себѣ на умъ, тотъ-часъ же догадался, что она не женщина во плоти, а самъ сатана, принявшій образъ красавицы и, какъ будто ни въ чемъ не бывало, учтиво пригласилъ ее сѣсть возлѣ себя на постель. Сѣли они, красавица любезничаетъ съ монахомъ на пропалюю.»

Перевертываетъ листъ.

«Живая картина, синьоры! замѣьте выраженіе лица красавицы и едва замѣтную плутовскую улыбку о. Бернардо. Вотъ, почтенный капуцинъ налилъ стаканъ вина, украдкой перекрестилъ стаканъ и, со всевозможною учтивостью, пригласилъ ее выпить съ нимъ изъ одного стакана. Та, обнявъ

его одной рукой, какъ представлено въ картинѣ, глядитъ на него страстными очами и выпиваетъ вино.»

« Вдругъ!...»

Тутъ онъ быстро закрылъ книгу, которая при этомъ издала звукъ, подобный пистолетному выстрѣлу, — (въ ней были скрыты пистоны).

Старушки взвизгнули.

« Красавица обращается въ чорта, самой отвратительной наружности, какъ вы сами можете видѣть.»

Тутъ онъ снова открываетъ книгу.

« Портретъ чорта, также писанъ съ натуры.»

« Падре капуцино схватилъ его за хвостъ и всумулъ въ пустую фляжку, которую потомъ закупорилъ.»

Перевертываетъ листъ.

« Вотъ, чортъ въ фляжкѣ, также писанъ съ натуры.»

На этотъ разъ онъ не совсѣмъ солгалъ: я самъ видѣлъ на стѣнѣ въ церкви, недалеко отъ города Филино, фреску, представляющую какого-то католическаго монаха, запрятавшаго чорта въ бутылку.

Выстрѣлъ снова книгою, человекъ ловко соскочилъ со стула и началъ обходить слушателей, съ торжествующей улыбкой. Всѣ бросали что-нибудь на книгу, которую онъ подносилъ каждому для сбора, какъ подносятъ тарелку, и женщины клали ему въ руку даже серебряныя дьсныги.

Признаюсь, мнѣ и въ голову не приходило, чтобъ человекъ могъ подняться на такія выдумки и жить такимъ ремесломъ!

ОСОВАГО ГОДА НИЩІЙ.

Въ Неаполь, на площади Медина, у театра Сан-Карлино, на улицѣ Толедо, у Музея-Борбоника, а иногда и на аристократической улицѣ Кіайа, вы видите старика, который, сгорбившись, сидитъ на низенькомъ соломенномъ стулѣ, (онъ всегда носитъ его съ собой), въ рукахъ у него четки, которыхъ зерна величиной съ добрый грецкій орѣхъ.

Это нищій? Не совсѣмъ.

Онъ не протягиваетъ вамъ руки, и не поетъ жалобно: «Uscellenza! qualche cosa per l'amor di Dio!» а кричитъ во все горло: «Синьоры! нѣтъ ли у кого мозолей? мозолей нѣтъ ли у кого?!»

Я изъ любопытства подошелъ къ нему и сказалъ, что страдаю мозолями.

«На какой ногъ, Ваше Превосходительство?»

«На правой.»

Старикъ нагнулся надъ моею ногой, пошепталъ что-то, перебирая четки, и сказалъ: «ну теперь пройдетъ, пожалуйста за труды, — за одну ногу всего полкарлино.»

Этотъ старикъ заговариваетъ мозоли!

ШАРМАНКА.

Шарманка не въ ходу у итальянцевъ, и они правы: ничто, по моему, не дѣйствуетъ такъ неприятно на слухъ, какъ эти взвизги, вздохи и перемежающіеся звуки, напоминающіе тяжелое дыханіе и стоны умирающаго.

Самъ не знаю, почему безжизненные звуки шарманки напоминаютъ мнѣ еще одну отвратительную вещь: раскрашенную восковую фигуру.

Въ Италіи шарманка особаго рода: это шарманка съ прозрачными картинками. Ее приносятъ вечеромъ къ дверямъ кафѣ, устанавливаютъ на мостовой, и за картинками зажигаютъ сальные огарки.

Сюжеты картинъ всегда патріотическіе и музыка извѣстныхъ итальянскихъ маэстровъ, и все это, взятое вмѣстѣ, дѣйствуетъ уже не на музыкальное ухо, а на патріотическое чувство зрителя, такъ что, не смотря на стоны и фальшивыя ноты, серебряныя монеты сыплются въ тамбурины хозайки шарманки, почти всегда молодой и красивой женщины, и не рѣдко изъ кафѣ самъ *осто* выносить ей стаканъ мороженаго.

Не помню, кто изъ французскихъ философовъ прошлаго столѣтія сказалъ: *l'amour-propre est le levier d'Archimède*. Не ново, а справедливо: какъ бы человекъ ни былъ дурно

къ вамъ расположенъ, вамъ стоить польстить немного его самолюбію, — и онъ переменить объ васъ свое мнѣніе и даже будетъ съ вами ласковъ. Ужь такова натура человѣческая!

Но не одно самолюбіе дѣйствуетъ такъ несомнѣнно-вѣрно на человѣческое сердце; есть еще другой, не менѣе сильный рычагъ: это любовь къ отечеству. Заговорите человѣку дурно объ его отечествѣ и, будь этотъ человѣкъ плутъ и мошенникъ въ семейной и общественной жизни, онъ навѣрное, какъ говорится, запьялаетъ благороднымъ гнѣвомъ и отвѣтитъ вамъ какъ слѣдуетъ; похвалите передъ нимъ же его отечество, и онъ, вѣрно, будетъ поддакивать вамъ отъ всей души.

Чувство любви къ отечеству такъ возвышаетъ человѣка въ собственныхъ его глазахъ, что отъ него никто не хочетъ отказаться безъ бою.

Потому-то именно въ ходу шарманки съ патріотическими картинами.

ИМПРОВИЗАТОРЫ.

Хорошіе импровизаторы рѣдки въ самой Италіи, т.-е. на природной своей почвѣ.

Большею частью это гитаристы, которые ночью расхаживаютъ по улицамъ, поютъ речитативомъ все, что Богъ на душу пошлетъ, и аккомпанируютъ себя аккордами.

Разъ, ночью гулялъ я съ пріятелемъ по Риму. Было уже поздно, часа два утра, — мы устали и, проходя черезъ площадь *Колонна*, вздумали войти въ блестящій гостепріимными огнями кафе *делла Пѣста*, выпить по стакану *дуэлло* (*).

Кафе *делла Пѣста*, по обыкновенію, былъ помонъ народомъ всякаго званія. Это, надо вамъ сказать, единственный кафе во всемъ Римѣ, который и ночью никогда не запирается, — по этому случаю у него и дверей нѣтъ.

Тутъ была толпа охотниковъ за кабанями; охотники не ложились спать, чтобы до свѣту поспѣть въ *Неттуно*, — ихъ сборное мѣсто; тутъ были и дремавшіе синьоры, съ виду шпіоны; тутъ были и художники, запоздавшіе гдѣ-нибудь

(*) Пуншъ изъ равныхъ частей рому, аликермесу и воды.

въ римской компаніи и возвращающіеся въ Римъ, съ складными стульями, мольбертами, панками и рисовальными ящиками; были и дамы безъ кавалеровъ.

Вдругъ, входятъ въ кафе два гитариста, молодой и старый, и занимаютъ подлѣ насъ порожнія мѣста.

«Это импровизаторы!» шепнулъ намъ *кафбетьеръ*, который мигомъ отгадалъ въ насъ иностранцевъ, «и — если Вашимъ Превосходительствамъ будетъ угодно, извольте приказать, они васъ потѣшатъ.»

Можете себѣ представить, какъ мы обрадовались! намъ давнымъ давно хотѣлось послушать импровизацію.

Получивъ позволеніе угостить синьоровъ пуншемъ, мы попросили ихъ импровизировать на первый предметъ, который имъ придетъ въ голову.

Гитаристы перемигнулись, улыбнулись и настроили гитары.

«Каждый изъ насъ,» сказалъ намъ молодой гитаристъ, «будетъ импровизировать по очереди, это будетъ нечто въ родѣ вопросовъ и отвѣтовъ.»

Это будетъ состязаніе поэтовъ! подумалъ я, и съ біеніемъ сердца ожидалъ импровизацію.

Молодой гитаристъ заломилъ голову назадъ, потрянулъ длинными кудрями, уперъ глаза въ потолокъ — и ударилъ по струнамъ.

«Онъ чувствуетъ присутствіе божества!» сказалъ мнѣ тихо мой пріятель, у котораго также сильно билось сердце.

ИМПРОВИЗАЦІЯ.

Молодой гитаристъ. «Ночь чудесная, луна свѣтла. Я молодъ и чувствую въ себѣ силу воспѣть великодушныхъ иностранцевъ.»

Старый гитаристъ. «Луна свѣтла. Окно отворено. Я старъ, но чувствую въ себѣ довольно силы, чтобы воспѣть великодушныхъ иностранцевъ.»

М Г. «Окно отворено и она у окна. Это еще болѣе придастъ мнѣ силы воспѣть великодушныхъ иностранцевъ!»

С. Г. «И она у окна и подастъ мнѣ знакъ рукой.

Какъ не восхититься и не воспѣть великодушныхъ иностранцевъ!»

Вмѣстѣ. «Ночь чудесная. Луна свѣтла. Окно отворено и она у окна и подастъ мнѣ знакъ рукой. Какъ не восхититься и не воспѣть великодушныхъ иностранцевъ!»

Импровизаторы, допивъ стаканы съ пуншемъ, готовились продолжать.

«Не довольно ли?» сказалъ мнѣ мой пріятель.

«Хорошаго повемножку» отвѣчалъ я.

Мы поблагодарили господъ импровизаторовъ, заплатили за ихъ пуншъ и отправилсь домой. Дорогой, мы все время импровизировали въ слышанномъ нами родѣ и, смѣю увѣрить васъ, импровизировали очень удачно.

За то, во Флоренціи, мнѣ удалось слышать *настоящаго* импровизатора, который изумилъ меня и привелъ въ восторгъ.

Это было зимой, въ *день бѣдныхъ* (*) (*giorno dei poveri*).

Натурщикъ мой Америго позвалъ меня въ этотъ день на вечеръ, и я съ нѣсколькими молодыми итальянскими художниками, также приглашенными на угощеніе, отправился къ нему въ часъ послѣ Ave - Maria. Америго жилъ на улицѣ Гора, т.-е. на самой узкой, темной и грязной улицѣ во всей Флоренціи; но двѣ просторныя горницы, которыя занималъ онъ съ молодой женой и ребенкомъ, также моделями, были опрятны и довольно пристойно убраны. По стѣнамъ висѣло нѣсколько этюдовъ, мастерски наброшенныхъ, — подарки его пріятелей художниковъ. Въ этихъ этюдахъ, голый синьоръ Америго былъ представленъ во всѣхъ возможныхъ положеніяхъ. У изголовья постели, съ чистыми ситцевыми занавѣсками, висѣлъ образъ Св. Мадонны на золотомъ фонѣ, писанный во вкусъ Джіотто, а подъ нимъ ловко рѣзанная мрамор-

(*) Бѣдные люди въ северной Италіи, одинъ разъ въ годъ, должны угостить своихъ знакомыхъ, и остатки отъ угощенія раздать нищимъ. День угощенія называется *днемъ бѣдныхъ*.

ная чаша со святой водой. Такія вещи не рѣдкость въ домахъ бѣдныхъ итальянцевъ.

Посрединѣ горницы стоялъ тяжелый дубовый столъ, покрытый чистою скатертью домашней работы, а на столѣ красовались всевозможныя произведенія колбаснаго мастерства: тутъ была и розовая, сквозная болонская ветчина, наръзанная тонкими, какъ бумага, ломтями; и флорентійская *мортаделла*, съ чесночнымъ запахомъ; и колбаса съ фисташками, и *ариста* съ лукомъ и пр., и пр.—Посреди всѣхъ этихъ превкусныхъ яствъ, стояло нѣсколько, огромнаго размѣра, фляжекъ съ монте-пульчанскимъ виномъ.

Молодая хозяйка, въ живописной одеждѣ флорентійской контадинки (мѣщанки), въ большой соломенной шляпѣ съ распущенными полями, за которую дорого заплатила бы наша русская барыня, суетилась около насъ, усаживала за столъ, просила кушать и подносила вина.

Мы пришли рано, и гостей еще не было; званые гости, съ утра пустившись обходить знакомыхъ, пировали, Богъ знаетъ, гдѣ и, Богъ знаетъ, въ который разъ. Но мало по малу горница наполнилась народомъ: все контадины, натурщики, ремесленники съ женами, дѣтьми, и все разряжено по праздничному.

Черезъ полчаса воздухъ до того пропитался запахомъ вина и чеснока, что въ горницѣ нельзя было дышать,—насъ уже разбирала охота раскланяться и поблагодарить за угощеніе, чтобы скорѣй выйдти на свѣжій воздухъ, какъ вдругъ на улицѣ раздались крики: «Вѣро, Вѣро идетъ!»

Молодая хозяйка ахнула и бросилась къ дверямъ принимать гостя.

«Что это за Вѣро?» спросилъ я хозяина.

«Какъ синьоръ Маттїо, вы не знаете нашего Вѣро! можетъ ли быть? да это наша слава!»

Изъ этого отвѣта я вовсе не узналъ, на какомъ поприщѣ прославился этотъ господинъ.

Толпа раздалась, и Вѣро вошелъ въ горницу, обнявъ станъ молодой хозяйки, которая была въ неописанномъ восторгѣ.

Пока хозяинъ подносилъ вина кому-то изъ гостей, Вѣро звонко поцѣловаль хозяйку и подмигнуть на ея мужа такъ ловко, что всѣ гости разразились громкимъ смѣхомъ.

Вѣро, статный молодець, съ черными локонами по плечи, съ выразительными глазами и блѣднымъ лицомъ. Онъ очень ловко и красиво подбрасываль бархатною курткой, небрежно брошенною на лѣвое плечо. За спиной у него, на широкой голубой лентѣ, висѣла гитара.

Америго налилъ стаканъ вина изъ заветной фляжки, съ поклономъ поднесъ его Вѣро и просилъ выкупать на здорově; тотъ не долго отказывался, выпилъ стаканъ залпомъ и принялся настраивать гитару.

«Какъ онъ импровизируетъ!» сказалъ мнѣ на ухо Америго.

Вотъ оно что! подумаль я, но вспомнивъ, знакомыхъ мнѣ, римскихъ импровизаторовъ, не торопился вѣрить на-слово.

Только что Вѣро принялся за гитару, молодыя гости, ударяя кулаками по плечамъ окружавшихъ его мужчинъ, протѣснились сквозь нихъ и стали прямо противъ Вѣро. Не доставало только Маріэтты, сестры хозяйки, также модели, дѣвушки лѣтъ семнадцати, красоты обворожительной; довольно вамъ сказать, что известный Бартолини называль ее *реджиной* (царицей) и признавался, что не смотря на преклонныя его лѣта,—красота ея мѣшала ему съ нею работать.

Импровизаторъ долго и съ нетерпѣніемъ настраиваль гитару; ясно было, что онъ ждалъ кого-то...

Явилась Маріэтта,—вся толпа молча передъ ней раздвинулась,—таково дѣйствіе красоты на итальянцевъ,—и уступила ей первое мѣсто.

Вѣро поблѣднѣлъ, обмѣнялся съ Маріэттой долгимъ взглядомъ, заломилъ шляпу на бекрень, взялъ аккордъ и запѣлъ:

ИМПРОВИЗАЦІЯ.

«Какъ ты блѣдна! царица души моей, и какъ эта блѣдность идетъ къ твоимъ чернымъ очамъ и небесному выраженію лица!

«О, какъ я люблю тебя! жизнь мою отдалъ бы за одинъ твой поцѣлуй!

«Ты краснѣешь! это заря любви, заря великолѣпнаго солнца, которое встаетъ изъ глубины души твоей и разливается по блѣднымъ щекамъ.

«Зеленая вѣтка, символъ надежды, влетѣна въ твои длинныя, шелковистыя локоны.

«О, милая дѣвушка! ты олицетворяешь собой Италію: на блѣдномъ лицѣ стыдливый румянецъ, въ волосахъ зеленая вѣтка (*).

«Дай мнѣ эту вѣтку, я спрячу ее у самаго сердца, когда пойду сражаться съ врагами моего отечества, и пусть она, какъ талисманъ, сохранитъ грудь мою отъ вражьи пули.

«Но если мнѣ суждено, защищая мою родину, пасть на полѣ битвы, я буду счастливѣйшій изъ всѣхъ сыновъ Италіи.

«Можетъ ли быть завиднѣе участь? Не доживъ до брюзгливой старости, во цвѣтъ лѣтъ и силъ, умереть за родину и, умирая, зная, что прекраснѣйшая изъ дочерей Италіи оплачетъ смерть павшаго друга!»

Во все время импровизаціи, Вѣро не спускалъ глазъ съ Маріэтты, которая стояла, бѣдная, поникнувъ головой, опустивъ свои свѣтлыя очи, и краснѣя до ушей.

Импровизаторъ взялъ послѣдній аккордъ и бросилъ гитару за плечо.

Раздались оглушительныя рукоплесканія и крики: «браво! бра-а-аво, Вѣро! бене! бе-е-ене, Вѣро!»

А Вѣро скрестилъ руки на грудь, и все глядѣлъ на Маріэтту.

Его продолжительный взглядъ на милую сердца ясно говорилъ: *Ей* рукоплещите! *она* моя жизнь! *она* мое вдохновеніе!

Чортъ возьми! какъ они оба были хороши въ эту минуту!

Не думайте, чтобъ эта импровизація, которую я записалъ тутъ-же со словъ самаго Вѣро, была подготовлена: я пробовалъ заставлять его импровизировать на разныхъ темъ, — и импровизаціи его всегда отличались оригинальностью мысли и правильностью стиховъ, сжатыхъ въ строгую октаву.

(*) Цвѣта Италіи: блѣдый, красный и зеленый.

УЛИЧНЫЕ МУЗЫКАНТЫ.

Италія страна музыкальная по преимуществу, и вы въ-рите въ несмѣтное множество ея кочующихъ оркестровъ и знаете навѣрное, что уличные музыканты попадаются на каждомъ шагу, — ни чуть не бывало! рѣдко встрѣтите вы ночью двухъ, трехъ синьоровъ, занимающихся музыкой. Они вышли изъ оркестра какого-нибудь второстепеннаго театра, гдѣ играли битыхъ четыре часа, и, возвращаясь домой, прельщаются прохладною свѣтлой ночи, останавливаются у балкона знакомой имъ синьоры и играютъ вальсъ, мазурку, польку, или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Сочетаніе инструментовъ, въ этихъ случаяхъ, рѣдко бываетъ удачно: фаготъ и контрабасъ, флейта и труба, скрипка и турецкій барабанъ и проч....

Это не мѣшаетъ, однакожь, собравшейся вокругъ ихъ публикѣ, танцовать на улицѣ до истощенія силъ.

Изъ небольшого числа уличныхъ музыкантовъ въ Италіи, вообще довольно посредственныхъ, есть двое замѣчательныхъ, какъ по неоспоримому таланту, такъ и по личности: одинъ — слѣпой скрипачъ; другой — горбунъ, игрокъ на мандолинѣ.

Оба они истые римляне. Слепой старикъ скрипачъ самъ сочиняетъ забавныя пѣсни, самъ кладетъ ихъ на музыку и самъ поетъ ихъ, мастерски аккомпанируя себя на скрипкѣ. Голосъ его нѣсколько дребезжитъ отъ старости, но вѣрнѣе, звонокъ и не лишень пріятности.

Его осторожно водить подъ руку молодая, разряженная синьора съ тамбуриномъ въ рукѣ, которымъ она аккомпанируетъ скрипкѣ и съ которымъ обходитъ слушателей, для сбора мелкой монеты. Эта синьора-супруга слѣпаго музыканта и служитъ ему поводомъ къ уморительнымъ выходкамъ.

Онъ поетъ въ кафе, тракторіяхъ, а болѣею частью на улицѣ и, надо посмотреть, что за разнообразная публика собирается вокругъ него. Лишь только слышать его звонкій возгласъ: *Signori! ecco vi una canzonetta nuova, tutta da ridere!* (Вотъ вамъ новая пѣсенка, *вся смѣшная!*) — кафетьеры, магазинщики, модистки, работники, оставляютъ лавки и мастерскія, и все бѣжитъ слушать слѣпаго худож-

ника. Лихой *веттурино* и загорьльй *каррьеръ* (*), небрежно развалившійся на боченкахъ съ виномъ, останавливаютъ подлѣ него свои красивыя повозки. Оборванные мальчишки, бирбачони, носильщики, дѣвчонки-замарашки, все спѣшитъ группироваться около поющаго Омира, — и вскорѣ восторженные крики, хохотъ и неистовыя рукоплесканія оглушаютъ воздухъ.

Горбунъ, игрокъ на мандолинѣ, известный маэстро Пьетро Таккони. Онъ истинно мастеръ своего дѣла: въ его рукахъ, этотъ второстепенный и неблагодарный инструментъ доставляетъ вамъ неописанное удовольствіе.

Пьетро, обыкновенно, аккомпанируетъ гитаристъ Грегорио, музыкантъ съ большимъ вкусомъ и знаніемъ своего дѣла.

Они ходятъ ночью по улицамъ Рима, подѣ тактъ своей музыки, сопровождаемые молчаливой толпой народа, которая безпрестанно растетъ и, наконецъ, захватываетъ всю ширину улицы.

Встрѣтивъ Пьетро, вы, вѣрно, повернете на лѣво-кругомъ, присоединитесь къ толпѣ его слушателей и, такимъ образомъ, все продолжая идти и слушать, вы проводите его до самого Транстевера, гдѣ онъ живетъ.

Пьетро художникъ въ полномъ смыслѣ слова; онъ не играетъ на улицѣ изъ денегъ, а повинуюсь вдохновенію, въ светлую ночь отправляется себѣ расхаживать по Риму, играетъ на своемъ инструментѣ и увлекаетъ за собою вереницу поклонниковъ.

Правда, онъ, путемъ-дорогой, не откажется, по приглашенію кого-нибудь изъ слушателей, зайти въ трактиръ выпить фляжку орвѣто, или въ кафе хлѣбнуть горячаго *дуэлло*, — но вотъ все, что онъ себѣ позволяетъ.

Не смотря на такое безкорыстіе, онъ наживаетъ порядочныя деньги серенадами. Я самъ, грѣшный человекъ, не разъ въ прекрасныя лунныя ночи, водилъ его подѣ окна известной мнѣ синьоры, и приходилъ въ такой восторгъ отъ его мандолины, что расплачивался съ нимъ не серебромъ.

(*) *Веттурино*—амщикъ, *каррьеръ*—винодѣль изъ рамской компаніи.

СЕРЕНАДА.

«*Les dieux s'en vont*» — боги покидаютъ Италію! — серенада исчезаетъ понемногу. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ мной въ Италіи, врядъ ли удалось мнѣ и двадцать разъ слышать порядочную серенаду! а сторожилы говорятъ, что въ ихъ время ночь не обходилась безъ серенады, что безъ нея нѣма итальянская ночь.

Если вы иностранецъ и желаете угостить серенадой предметъ вашего обожанія, то позвольте вамъ посоветовать выполнить слѣдующія необходимыя условія — и слушаться меня во всемъ. Смѣю увѣрить васъ, что вы останетесь мною довольны.

Во-первыхъ: возьмите предварительно отъ *добраго правительства* (*buon governo*) т.-е. изъ полиціи, дозволеніе дать серенаду, — это условіе *sine qua non*. Доброе правительство немедленно и даромъ выдастъ вамъ позволеніе и отдастъ въ полное ваше распоряженіе двухъ *сбировъ* (вооруженныхъ полицейскихъ солдатъ), обязанныхъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы серенада началась и кончилась, безъ малѣйшей помѣхи, со стороны постороннихъ слушателей, которые, по врожденной имъ страсти къ музыкѣ, не преминутъ столпиться вокругъ музыкантовъ.

Во-вторыхъ: если вы не музыкантъ и даже не дилетанте и затрудняетесь въ выборѣ инструментовъ и музыкантовъ, то советую вамъ не ломать долго головы, а сходить въ любой кафе, спросить чашку кофею, или порцію мороженнаго и намекнуть кафетьеру, что вы хотите дать серенаду, но предварительно, желали бы посоветоваться съ кѣмъ-нибудь изъ маэстровъ.

Не пройдетъ и пяти минутъ, кафетьеръ съ триумфомъ подведетъ къ вамъ прилично одѣтаго синьора, и скажетъ: «вотъ, *Essellenzo!* извѣстный маэстро ди музика, такой-то, положитесь на него, онъ вамъ все устроитъ.» — И я вамъ скажу: положитесь на этого незнакомаго маэстро, какъ на каменную гору.

Боже мой! сколько я знаю итальянскихъ маэстровъ, блистательно кончившихъ курсъ контра-пункта въ консерва-

торіяхъ и которые, какъ говорится, гранятъ мостовыя итальянскихъ городовъ; въ одной Флоренціи я могу насчитать ихъ до двадцати! и большая часть изъ нихъ люди, если не съ большими дарованіями, то, по крайней мѣрѣ, съ большимъ знапіемъ своего дѣла. Всѣ они уже написали по нѣскольку оперъ, симфоній, мессъ, которыхъ увѣ! никто и слушать не хочетъ. Импрессаріи театровъ требуютъ громкихъ именъ, напередъ обещающихъ имъ большіе сборы, и не рискуютъ дать оперу начинающаго.

Не посчастлившись Вёрди найти въ Миланѣ, вельможу-мецената, который на свой счетъ поставилъ его оперу: *Набукодонозоръ*, — Вёрди и теперь, вѣроятно, оставался бы въ толпѣ неизвѣстныхъ маэстровъ.

Однакожь, согласитесь сами, чтобы публика оцѣнила труды ваши по достоинству, надо же, чтобы она узнала ихъ, а на ваши труды и смотреть не хотять!

Какъ же тутъ быть и что же дѣлать? а дѣлать то, что дѣлаетъ большая часть итальянскихъ маэстровъ: голюдать, въ надеждѣ будущихъ благъ.

Завтракаетъ маэстро, по обыкновенію, чашкою кофе и булкою, слегка намазанною масломъ, всегда въ одномъ и томъ же кафе, содержатель котораго, по счастью, самъ меломанъ и, признавая въ душѣ талантъ своего посѣтителя, кормитъ его въ кредитъ, иногда по нѣскольку лѣтъ сряду.

Обѣдаетъ маэстро, — когда онъ обѣдаетъ, — гдѣ-нибудь въ очень скромной тратторіи, гдѣ за поль-паоло (25 к. асс.) ему подадутъ блюдо макаронъ и кусокъ мяса съ салатомъ, плавающимъ въ слабомъ уксусѣ, вмѣсто масла.

Вечеромъ маэстро является опять въ кафѣ къ своему благодѣтелю, гдѣ читая газеты и разговаривая о своихъ операхъ, онъ, въ продолженіе цѣлыхъ трехъ часовъ, раскиваетъ стаканчикъ дуэлло, который передъ нимъ ставитъ услужливый кафетьеръ. Для посторонняго посѣтителя, который выпиваетъ свой стаканъ въ пять минутъ, этотъ стаканчикъ кажется любопытнымъ фокусъ-покусомъ.

Маэстро никогда не ужинаетъ, увѣряя, что ужинъ въ жаркомъ климатѣ производитъ безсонницу и, взобравшись къ себѣ въ пятый этажъ, ложится спать безъ огня, даже зимой.

Всѣ маэстры, безъ исключенія, играютъ на форте-пiano и играютъ *à livre ouvert*; но такъ какъ этотъ инструментъ нельзя нанять менѣе двухъ шастровъ въ мѣсяцъ, то они, для поддержанія гибкости своихъ пальцевъ, входятъ въ инструментальныя лавки, гдѣ ежедневно, отъ двѣнадцати до двухъ часовъ, вы можете наслаждаться ихъ игрой безденежно.

Въ-третьихъ: посовѣтовавшись съ однимъ изъ этихъ бѣдныхъ маэстровъ, назначивъ выборъ инструментовъ и проч.— не позволяйте музыкантамъ, которые явятся къ вамъ непременно въ Аве-Маріе, начинать серенаду прежде трехъ часовъ по полуночи; и вамъ и имъ хотѣлось бы начать скорѣй, — не спѣшите, вооружитесь терпѣніемъ и ждите трехъ часовъ.

Три часа—есть часъ, освященный классическими преданіями; вспомните, что Альмавива даетъ серенаду Розинѣ передъ разсвѣтомъ: «Signor cònte! il giorno avànza»....

А пока совѣтую вамъ вельтъ угостить музыкантовъ виномъ и самому лечь въ постель и стараться заснуть, чтобы къ тремъ часамъ быть свѣжимъ, какъ майская маргаритка.

И въ три часа, окутавшись темнымъ плащомъ и надѣвъ шляпу съ широкими полями, называемую: *come ci pare*, выходите изъ дому и просите музыкантовъ, въ молчаніи, слѣдовать за вами, по пустымъ улицамъ спящаго города.

Сбиры также пойдутъ за вами, но въ почтительномъ отдаленіи, одинъ по лѣвой, другой по правой сторонѣ улицы.

Дойдя въ такомъ порядкѣ до извѣстнаго вамъ балкона, вы, движеніемъ руки, останавливаете музыкантовъ, которые уже заранѣе настроили свои инструменты и прикололи къ шляпамъ букеты цвѣтовъ. Они, въ должномъ порядкѣ, выстраиваются посреди улицы и ждутъ вашего приказанія.

Вамъ же слѣдуетъ, красиво драпировавшись плащомъ, стать немного поодаль отъ музыкантовъ, чтобы прелестныя очи синьоры не искали васъ въ толпѣ, а прямо васъ заметили.

Вы махнули рукой, — и звуки итальянской серенады, звуки страстные и сладкіе, какъ признаніе въ любви, оглашаютъ воздухъ.

Только съ соблюденіемъ *всѣхъ* этихъ условій, серенада получитъ тотъ таинственный и оригинально-изящный характеръ, который ей такъ необходимъ.

Минуть черезъ пять не болѣе, всѣ окна на улицѣ начинаютъ отворяться и заспанныя головы жильцовъ высовываются изъ нихъ. Большая часть тѣхъ головъ, разумѣется, принадлежитъ прекрасному полу, по преимуществу наследовавшему отъ прабабушки, погубившее насъ чувство любопытства.

Настоящіе же дилеттанты обоого пола, на которыхъ серенада дѣйствуетъ *гальванически*, не въ силахъ устоять у оконъ и, набросивъ на себя что-нибудь на скорую руку, выбѣгаютъ на улицу и окружаютъ музыкантовъ. Но кругъ не тѣсенъ и не помѣха вашему дѣлу, чѣмъ вы обязаны гг. сбирамъ, которыхъ одно присутствіе, въ каждомъ порядочномъ чело­вѣкѣ возбуждаетъ любовь къ порядку и тишинѣ.

Одинъ лишь домъ, гдѣ живетъ она, не подаетъ ни малѣйшаго признака жизни. Не безпокойтесь! повѣрьте, что вашу серенаду давно слушаютъ и слушаютъ съ сладкимъ біеніемъ сердца, но—таковъ обычай, и не соблости его значило бы поступить по-мѣщански.

Не спускайте, однакожъ, глазъ съ зеленой *жалузи* балкона; увѣрю васъ, что она сейчасъ зашевелится....

Ну, не правду ли я сказалъ? Удержите же біеніе вашего сердца и усилие вниманіе.

Рука бѣлая, какъ снѣгъ, тихо, тихо растворяетъ жалузи,—вы вѣрно ждете, что окно совсѣмъ отворится и что та, которая и проч. и проч.... выйдеть собственною своею особою на балконъ, — не томите себя напраснымъ ожиданіемъ, вы этого счастья не дождетесь.... я, разумѣется, предполагаю въ васъ вкусъ аристократическій; мѣщанка давнымъ давно выбѣжала бы на балконъ, подозвала бы васъ къ себѣ и, не скрывая своей радости, закричала бы вамъ при всѣхъ: «O signò! o grazia! O милый, спасибо! — но такія искреннія и безцеремонныя изліянія чувствъ признательности и любви, вы понимаете, вовсе не въ нравахъ *порядочнаго* общества.

Не смотря на присутствіе сбировъ, послѣ каждой сыгранной пьесы, непрошенная публика изъ оконъ и на улицѣ аплодируетъ неистово и кричитъ во все горло: *be-e-ene!*

Восторга не сдержишь!

Музыканты сыграли почти все, что условились сыграть, а все еще ея не видали. Это, однакожь, начинаетъ становиться, чортъ знаетъ, какъ досадно; вы приходите въ отчаяніе, какъ вдругъ

О восторгъ, о восхищеніе!

(изъ Роберта Діавола)

блоснѣжная рука опять показывается на темномъ фонѣ балкона и, неописанно граціознымъ и чисто итальянскимъ движеніемъ, зоветъ къ себѣ кого-то... ужь, конечно, никого другаго, какъ васъ.

Бросайтесь немедленно къ балкону, получайте прямо въ носъ букетъ благоуханныхъ, только-что сорванныхъ цвѣтовъ, ловите его со всею, свойственною вамъ, ловкостью и, осыпавъ горячими поцѣлуями, скорѣе прячьте за жилетъ.... Только, пожалуйста, у самого сердца; не забывайте этого, или испортите все дѣло!

Да! спрячьте вы букетъ за правый бортъ жилета, — и вы пропали; это значило бы, что вы хотели только пошутить, и не имѣете на синьору никакихъ сердечныхъ видовъ. Встрѣтись съ вами на другой день, вмѣсто заслуженной благодарности, на васъ и смотреть не стануть!...

УЧЕНЫЯ СОБАКИ.

Ученныя собаки рѣдки въ Итали; за то необыкновенно умны и рѣшительно всѣ путешествовали, чтобы и людей посмотреть и себя показать.

Ихъ воспитываютъ въ Савои, странѣ голода, *païse di fame*, какъ ее называютъ итальянцы, и по окончаніи курса наукъ, для окончательнаго образованія, отправляютъ путешествовать по Итали.

Дорожный экипажъ ихъ, нельзя сказать, чтобъ былъ очень изященъ и комфортабеленъ: это крытая одноколка, безъ рессоръ, запряженная пуделемъ, или ньюфаундлендской собакой. Въ этой одноколкѣ помѣщаются, какъ ни попало, всѣ актеры и актрисы, совершенно костюмированные и готовые, по первому знаку импрессаріо труппы, начать представленіе.... Но между товарищами и однокашниками, что за церемонія?

Иногда, впрочемъ, крупный разговоръ и непринятые въ порядочномъ обществѣ возгласы вырываются изъ экипажа; но отеческія увѣщанія импрессаріо немедленно возвращаютъ всю труппу къ тому джентельманскому тону, въ которомъ она была воспитана.

Еслибъ вы знали, умныя, забавныя, добрыя собаки, какъ я васъ люблю! и какъ я вамъ благодаренъ за пріятныя минуты, которыя вы мнѣ доставляли. Сколько милыхъ комедій, плачевныхъ драмъ и раздирательныхъ трагедій разыгрываете вы съ удивительнымъ *ensemble*! Таланты ваши разнообразны; у васъ нѣтъ постоянныхъ *emplois*; вы актеры, что называется, на всъ руки. Едва успѣли сыграть комедію, въ которой заставляли публику смѣяться сердечнымъ смѣхомъ, вы наскоро переменяете костюмъ, являетесь въ высокопатетической драмѣ, и исторгаете слезы изъ глазъ зрителя. Кончилась драма, — вы являетесь въ балетѣ, гдѣ изумляете своею мимикой и до крайности живописными тѣлодвиженіями.

Представляю на судъ читателя два *scenarіo*, которыя ученые собаки разыгрываютъ съ неимовѣрнымъ искусствомъ; передать же впечатлѣніе, которое ихъ игра произвела на меня, я рѣшительно не берусь.

ТОРЖЕСТВО ЛЮБВИ.

Большая драма, съ военными эволюціями, сраженіемъ, пожаромъ и взрывомъ башни.

Сцена представляетъ самую народную площадь въ Римѣ, піацца Монтанара, что подлѣ театра Марцелло.

Съ правой стороны *acqua vitaia* (лавочка, гдѣ продается водка) и кофе, у входа которыхъ, на лавкахъ, сидятъ контадины и курятъ. Съ лѣвой стороны цирюльня; передъ нею на стулѣ сидитъ господинъ, съ лицомъ намазаннымъ мыломъ, и грязной салфеткой подъ подбородкомъ; его брѣетъ человѣкъ, сложенный геркулесомъ, и безпрестанно суетъ ему палецъ въ ротъ, чтобы придать выпуклость и твердость щекъ, подвергнутой операци.

Площадь полна народомъ; всѣ сосѣднія окна открыты, и изъ нихъ выглядываютъ синьоры; онѣ громко пересмѣиваются и переговариваются между собой.

Посреди сцены картонная башня. Въ башнѣ заключена принцесса Н. (испанская собачка съ шелковистымъ и длиннымъ хвостомъ).

Жестокій Х. (бульдогъ) похитилъ ее изъ родной семьи, гдѣ она уже была сговорена съ молодымъ принцемъ У. (пудель), и заключилъ въ башню.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

Принцесса одна въ башнѣ, у окна; она грустна, и часто невольные стоны вырываются изъ груди ея.

Передъ воротами башни ходитъ часовой (бракъ).

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

Влюбленный юноша украдкой является на сцену, об..... чуть было не сказалъ обнюхиваетъ, — обходитъ башню со всѣхъ сторонъ, и улучивъ минуту, когда часовой, вынувъ изъ кармана табакерку, собирается понюхать табуку, бросается къ окну, хватаетъ руку предмета своей страсти, прижимаетъ ее къ сердцу и бѣжитъ вонъ.

Это молчаливое объясненіе, какъ нельзя эффектнѣе, подготавливаетъ васъ къ будущей катастрофѣ. Вы чувствуете, что молодой человекъ не хочетъ даромъ терять словъ и бѣжитъ со сцены, съ твердою рѣшимостью, во что бы то ни стало, освободить свою любезную изъ рукъ гнуснаго похитителя.

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

У. въ главѣ своихъ храбрыхъ солдатъ (бракъ и маленькія борзые), вбѣгаетъ на сцену и, съ громкими криками, нападаетъ на тирана, который дорого хочетъ продать обладаніе принцессы, и защищается съ отчаяніемъ.

Уже солдаты У. бѣгутъ отъ него въ безпорядкѣ, но У. ловкимъ ударомъ сабли сбиваетъ его съ ногъ и повергаетъ на землю.

Принцессу выводятъ изъ темницы; торжествующій лобовникъ принимаетъ ее въ свои объятія и зажигаетъ башню, которая взлетаетъ на воздухъ, при громѣ общихъ рукоплесканій.

Это драматическое представленіе, хотя очень занимательное, смахиваетъ нѣсколько на французскую мелодраму, кото-

ран всегда мѣтитъ на эффектъ; но вотъ вамъ драма *мльщанская*, въ которой немного перепетій, но которая ведена съ такимъ искусствомъ, что постепенно возбуждая вашу чувствительность, наконецъ, вырываетъ изъ глазъ вашихъ невольныя слезы.

ФИДЕЛІО, ИЛИ УЖАСНАЯ СМЕРТЬ ВЪРНАГО ЛЮБОВНИКА.

Обозначая дѣйствующія лица, я буду слѣдовать примѣру Бомарше, и подробно описывать костюмъ ихъ и характеръ, прекрасный способъ ознакомить читателя съ нимъ, способъ, которому, я не знаю, почему не слѣдуютъ наши новѣйшіе драматическіе писатели.

дѣйствующія лица.

Синьоръ Томазо (грифонъ). Бархатный, голубой кафтанъ, штаны *idem*. Трехъ-угольная шляпа съ позументомъ. Трость, съ золотымъ набалдашникомъ, виситъ на пуговицѣ кафтана.

Выраженіе лица, поступъ и всѣ движенія горды и презрительны; съ перваго взгляда, вы узнаете выскочку.

Синьора Томазо (болонка). Робронъ изъ бѣлаго атласу, на рукахъ черныя митенки. Русые локоны немного въ безпорядкѣ.

Выраженіе лица доброе и задумчивое.

Фиделіо (пудель), влюбленный въ синьору Томазо.

Бѣлые панталоны, съ красными лампасами, безъ рубашки. На головѣ *bonnet de police*.

Съ виду, человѣкъ совершенно потерянный.

Беппо (бракъ), старый капраль, другъ Фиделіо. Бѣлый мундиръ, съ красными отворотами и шевронами.

Огромные усы, серъезень.

Судьи (моськи). Въ черныхъ мантияхъ и черныхъ шапкахъ. Безчеловѣчны.

Дозоръ (борзья). Тотъ же костюмъ, что у Беппо.

Грумъ синьора Томазо (маленькая, черная обезьяна).

Одѣтъ жокеемъ, только безъ панталонъ.

Теперь, для совершеннаго пониманья драмы, необходимо небольшое вступленіе: Синьора Томазо, дочь аристократическихъ родителей, и Фиделіо, сынъ честнаго, но бѣднаго ремесленника, воспитывались вмѣстѣ. Онъ ей молочный братъ.

Она прекрасная дѣвушка, онъ прекрасный мужчина. Очень естественно, что они влюбились другъ въ друга и мечтали соединиться сладкими узами брака. Но является синьоръ Томазо, богатый откупщикъ, и жестокіе родители синьоры, которыхъ состояніе разстроено, насильно выдаютъ за него дочь.

Фиделіо, съ отчаянія, идетъ въ солдаты, но онъ не въ силахъ долго вынести свое одиночество, забываетъ священный долгъ службы,—и бѣжитъ. Онъ знаетъ, чему подвергается за ослушаніе закона, но ему все равно: еще разъ въ жизнь увидѣть предметъ своей страсти, и—умереть.

выходъ первый.

Синьоръ и синьора Томазо гуляютъ по сценѣ. За ними грумъ; одной рукой несетъ онъ шлейфъ своей барыни, а другою—ея любимую канарейку.

Какое простое изложеніе, простое и естественное, какъ изложеніе Шекспира, и взято прямо изъ дѣйствительной жизни.

выходъ второй.

Является Фиделіо и слѣдитъ издалека за гуляющими. Волосы и одежда его въ безпорядкѣ,—его ищутъ.

выходъ третій.

На сцену вбѣгаетъ дозоръ и схватываетъ бѣглеца.

выходъ четвертый.

Судилище. Президентъ отличается отъ прочихъ судій огромными очками.

Фиделіо допрашиваютъ. Онъ безъ паспорта и самъ признается во всемъ. Надо отдать полную справедливость актеру, играющему роль Фиделіо: во все время допроса, онъ держитъ себя передъ судилищемъ, какъ нельзя болѣе прилично. Не фарситъ, какъ то дѣлаютъ иные трусы, думая этимъ скрыть волненіе убитой страхомъ души. Фиделіо стоитъ съ обнаженной головой, и только изрѣдка позволяетъ себѣ закрыть рукою глаза.... солдату неприлично плакать.

Раздается смертный приговоръ... и вопль, вырвавшійся изъ глубины души, поражаетъ слухъ вапш: синьора Томазо падаетъ въ обморокъ. Ее бережно уносятъ со сцены.

выходъ пятый.

Подъ звуки печальной музыки, Фиделіо ведутъ на казнь.

Походка его тверда. Но, проходя мимо одной изъ тумбъ троттуара, онъ, увлекаясь воспоминаніемъ, или повинуясь тому чувству, которое заставляетъ человека говорить на эшафотъ, вдругъ останавливается и приподымаетъруку. Но немоллимыя стражи берутъ его за шиворотъ и влекутъ на мѣсто казни. Передъ самымъ совершеніемъ экзекуціи, Фиделіо подзываетъ къ себѣ друга своего, капрала Бенпо, и что-то говорить ему на ухо. Вѣроятно, завѣщаніе послѣдней своей воли.

Старый капраль, утираетъ слезы общлагомъ своего мундира.

Роковой часъ насталъ.

Фиделіо завязываютъ глаза,—онъ становится на колѣни, прикладываетъ руку къ сердцу и шепчетъ чье-то имя.

Раздаются выстрѣлы....

Все кончено.

Въ одно изъ представленій этой простой, но раздражающей сердце драмы, при мнѣ случилась... небольшая неприличность, возбудившая неприличный хохотъ въ толгѣ.

Актриса, занимавшая роль синьоры Томазо, услыжавъ смертный приговоръ, упала въ обморокъ, какъ слѣдуетъ, но когда супругъ ея и грумъ хотѣли вынести ее со сцены, она начала кусаться и, вырвавшись изъ ихъ рукъ, стала въ совершенно неожиданную позу....

Признаюсь вамъ, эта странная выходка нисколько не разрушила патетическаго настроенія моей души, я былъ увѣренъ, что несчастная любовница, услыжавъ смертный приговоръ своему другу,—вдругъ сошла съ ума.

ПУЛЬЧИНЕЛЛО

Во всѣхъ городахъ Италіи есть уличные кукольные театры; это складныя будки, ни дать, ни взять, какъ тѣ, которыя мы видимъ въ Петербургѣ и Москвѣ, и которыя

служать сценою для русскаго пультинелло, Иванъ Ивановичъ Гуляки.

Итальянскій пультинелло есть первообразъ, перешедшій въ кукольныя комедіи всѣхъ народовъ; но этотъ первообразъ, какъ монета, переходящая изъ рукъ въ руки, утратилъ свой рѣзкій типъ. У насъ итальянскій пультинелло назвался Иваномъ Ивановичемъ Гулякой, во Франціи Полишинель, въ Англіи Пуншемъ, въ Германіи Гансвурстъ.

Всѣ эти лица ни что иное, какъ древній Макусъ, олицетворенный символъ человѣческаго сатиризма, который забавляетъ шестидесятое поколѣніе своими ѣдкими выходками и своею безжалостною насмѣшкою.

Пультинелло развратенъ, пультинелло пьяница, пультинелло безбожникъ, пультинелло воръ. Пультинелло женатъ, разумѣется, не по любви, а изъ разсчета, и достояніе жены прогуливаетъ съ красавицами. Въ домъ ни гроша. Жена, выведенная изъ терпѣнія, начинаетъ упрекать пультинелло въ распутствѣ.

Этимъ начинается драма.

Пультинелло раскаевается, плачетъ, бьетъ себя въ грудь, приговаривая: «*mea culpa*»), клянется, что никогда больше не будетъ кутить, умоляетъ жену позволить ему въ послѣдній разъ раскупорить фляжку вина съ тѣмъ, чтобы чокнуться съ нею, въ знакъ примиренія.

Бѣдная жена соглашается, пультинелло отравляетъ ее, и хохочетъ надъ ея трупомъ.

Замѣьте, что итальянскій пультинелло *отравляетъ* свою жену, англійскій даетъ ей тумака,—прямо въ високъ, нѣмецкій *закальваетъ* ее шпагой, а Иванъ Ивановичъ Гуляка хватаетъ жену за святые волоса и таскаетъ по сценѣ.

Ребенокъ просыпается въ люлькѣ и начинаетъ кричать,—онъ проситъ ѣсть. Пультинелло угощаетъ его собственною своею грудью; ребенокъ артачится и выводитъ его изъ терпѣнія. Пультинелло беретъ ребенка за голову и колотитъ головой объ стѣну.

Съѣди сбѣгаютъ на крикъ. Пультинелло выгоняетъ ихъ изъ дому метлой, по шелямъ; приходитъ докторъ, щупаетъ

пульсъ жены и ребенка, качаетъ головой и проситъ ланцетъ, чтобы пустить имъ кровь.

Пульчинелло беретъ со стола ножикъ, отрѣзываетъ голову доктору и хохочетъ, взявшись за животъ.

Сосѣди бѣгутъ за полицейскимъ чиновникомъ и приводятъ его на сцену. Пульчинелло даетъ ему взятку, чиновникъ уходитъ. Пульчинелло хохочетъ. Вдругъ является генералъ и приказываетъ схватить Пульчинелло, — его ведутъ въшатъ; но онъ притворяется, что не знаетъ, какъ это надо взятыся, чтобъ быть повышаннымъ (а его въшаютъ нѣсколько разъ въ день)! Палачъ продѣваетъ голову въ веревку, чтобы показать ему, какъ нужно употреблять ее; а Пульчинелло дергаетъ веревку, въшаетъ, вмѣсто себя, палача и засыпаетъ сномъ праведника.

Но злодѣяннiя его утомили небеса; во время сна пульчинелло, прилетаетъ бабочка и вѣтается около него; вотъ, она растетъ, растетъ, и острыми когтями хватается его за носъ. Пульчинелло просыпается, хочетъ смѣяться, но смѣхъ замираетъ на устахъ: эта бабочка самъ Вельзевулъ.

«Мѣра злодѣяннiй твоихъ переполнилась, твой часъ насталь», говоритъ голосъ изъ-за кулисъ, и Вельзевулъ, схвативъ Пульчинелло за носъ, проваливается съ нимъ въ тартарары.

Сцена, освѣщенная адскимъ огнемъ, отъ котораго повсюду распространяется запахъ сѣрныхъ спичекъ.

Теофиль Ванвиль, остроумный авторъ статьи: *Парижскiе бульварные театры*, полагаетъ, что эта драма была поводомъ къ извѣстному всему свѣту *Каменному гостю*, и что Донъ Хуанъ Мольера есть не что иное, какъ древнiй *Макусъ*, или нынѣшнiй итальянскiй Пульчинелло.

М. ВЕЛЕНКОВЪ.

МВЛОЧИ

ИЗЪ ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ.

(Продолженіе).

Возвращаюсь опять къ началу нынѣшняго столѣтія и къ поэзіи. — И. И. Дмитріевъ совершилъ для русскаго языка то же, что Карамзинъ для прозы; то-есть: онъ далъ ему простоту и непринужденность естественной рѣчи; чистоту выраженія и совершенную правильность словочиненія, безъ натяжекъ и перестановокъ словъ, для мѣры и для наполненія стиха, тѣмъ обезобразивали старинные стихотворцы языкъ поэзіи. Языкъ поэзіи, языкъ боговъ, долженъ быть текущее и плавнѣе обыкновеннаго языка человѣческаго; а у нихъ онъ былъ всегда связанъ и съ заминкою. И поэты, и читатели, оправдывали это тѣмъ, что стихотворный языкъ стѣсняетъ мѣру; но Дмитріевъ доказалъ, что она не стѣсняетъ дарованіе. Жуковский, Батюшковъ, Пушкинъ, подтвердили то же своимъ примѣромъ. Дмитріевъ и Карамзинъ стоятъ на одномъ ряду, какъ преобразователи языка нашего: одинъ въ стихахъ, другой въ прозѣ. Съ нихъ началась въ нашей литературѣ эпоха художественности.

Дмитріевъ началъ свое литературное поприще, какъ и Карамзинъ, съ переводовъ. Первый опытъ его былъ: *Философъ, живущій у хлѣбнаго рынка*, небольшая статья, написанная въ Парижѣ, по случаю рожденія Дофина; но какъ русскій переводъ былъ напечатанъ 1777 года, вскорѣ по рожденіи Великаго Князя Александра Павловича, то онъ принятъ былъ съ большимъ вниманіемъ, какъ размышленіе о судьбѣ, ожидающей порфиророднаго младенца. Эта книжка имѣла два изданія: второе, 1786 года.

Другой его опытъ въ прозѣ былъ: *Жизнь Графа Никиты Ивановича Панина*. Эта книжка имѣла тоже два изданія; второе 1786 года. Она кончается замѣчательнымъ рескриптомъ Великаго Князя Павла Петровича къ московскому епископу (впоследствии митрополиту) Платону. Не помню напечатанъ ли гдѣ этотъ рескриптъ, и потому выписываю его здѣсь:

« Ваше Преосвященство! Уже извѣстны Ваше Преосвященство о посѣтившей насъ печали смертио Графа Никиты Ивановича; извѣстны вы и о всемъ томъ, чѣмъ я ему долженъ, слѣдственно и о обязательствахъ моихъ въ разсужденіи его. Судите же, прискорбно ли душѣ моей? Я привязанъ по долгу и удостовѣренію къ закону, и не сомнѣваюсь, что получающему награжденіе въ той жизни за добродѣтели—всконечно отрада и покой; но поелику души остающіяся еще со слабостями тѣла соединены, то нельзя намъ не чувствовать печали отъ разлуки. Раздѣлите оную со мною, какъ съ другомъ вашимъ. Павель. »

Стихотворное поприще началъ Дмитріевъ съ сочиненій сатирическихъ; первый же напечатанный имъ опытъ въ стихахъ — была *Надпись къ портрету Кантемира*, помѣщенная Новиковымъ въ издававшемся имъ *Еженедельникѣ*, подъ заглавіемъ: *Ученыя Вѣдомости*. Но услышавши своему произведенію строгій приговоръ, одного неизвѣстнаго, разговаривавшаго въ театрѣ о литературѣ, Дмитріевъ, не скоро послѣ этого рѣшился опять печатать, и то, не подписывая своего имени.

Даже, гораздо позже первыхъ опытовъ, печатая свои стихи въ *Московскомъ журналѣ* (1791 и 1792) онъ подписывался только одною литерою *И.*; а въ Аонидахъ и послѣдующихъ журналахъ ставилъ подъ своими стихами только три звездочки ***. По этимъ признакамъ можно узнать тѣ изъ его стиховъ, которыхъ онъ не помѣстилъ въ собраніи своихъ сочиненій.

Но, не смотря на анонимъ, публика скоро узнала даровитаго поэта. Басни и сказки Дмитріева очаровали современниковъ; послѣднія и теперъ, черезъ шестьдесятъ лѣтъ, остаются единственными. Онъ первый началъ говорить въ нихъ языкомъ свѣтскаго общества, и первый проложилъ путь языку Онѣгина. Басни его уступаютъ Хемницеру въ простодушіи, Крылову въ изобрѣтеніи и народности; но по чистотѣ и благородству слога, и по языку поэзіи, остаются и донынѣ первыми.

Одинъ изъ нынѣшнихъ авторовъ, г. Мизко, изъ Одессы, написалъ въ своей книгѣ, будто «записные Аристархи того времени, благоговѣя предъ именитостію, столько же литературною, сколько и *шивною*, Дмитріева (каковъ слогъ нынѣшняго Аристарха!) не смѣли промолвиться лишнимъ словомъ о новомъ его соперникѣ Крыловѣ; о старомъ же Хемницерѣ и помину не было!»—«Въ послѣднее время своей государственной службы (прибавляетъ г. Мизко въ примѣчаніи) Дмитріевъ былъ Министромъ юстиціи.»

Это доказываетъ только, что нынѣшній Аристархъ не читалъ того, что писали тогдашніе Аристархи; иначе онъ не обвинилъ бы ихъ въ низкомъ побужденіи молчать о Крыловѣ, потому только, что другой баснописецъ былъ министр юстиціи. Онъ не забылъ бы, что Жуковскій (въ 1809) написалъ прекрасную статью «о Баснѣ и Басняхъ Крылова.» Онъ вспомнилъ бы, что Каченовскій писалъ о басняхъ Крылова въ Вѣстникѣ Европы 1812 года, именно тогда, когда Дмитріевъ былъ министромъ. Онъ зналъ бы, что Мерзляковъ, въ своихъ лекціяхъ, которыя были напечатаны, превозносилъ Хемницера! — За чѣмъ позволять себѣ такіе упреки, которые доказываютъ только наше собственное незнаніе русской литературы.

Но многіе изъ нашихъ нынѣшнихъ *литературищиковъ* (какъ справедливо замѣтилъ кто-то въ Москвитянинѣ) въ первый разъ узнали русскую словесность изъ изданій Смир-

дина, который открылъ имъ новую руду русской литературы! Нѣтъ! словесность изучается, какъ исторія, постепенно, и въ самыхъ источникахъ; а исторія ея хранится не въ однихъ книгахъ, но и въ преданіяхъ.

Нынѣшній Аристархъ конечно не знаетъ и того, что Каченовскій писалъ критику на сочиненія самого Дмитріева (1806); что А. Е. Измайловъ дѣлалъ на его басни строгія замѣчанія, когда тотъ былъ уже министромъ; что Дмитріевъ воспользовался рецензією послѣдняго, и исправилъ въ послѣдующемъ изданіи все, замѣченное критикомъ.

Прибавлю къ этому извѣстію, какъ встрѣтилъ Дмитріевъ басни своего соперника. Первые свои двѣ басни Крыловъ принесъ къ Дмитріеву, который обрадовался даровитому сопернику и самъ отдалъ ихъ напечатать. Онѣ были помѣщены въ Московскомъ Зритель (1806, стр. 73) съ такимъ примѣчаніемъ издателя: «Я получилъ сіи прекрасныя басни отъ «Ив. Ив. Дмитріева. Онъ отдаетъ имъ справедливую похвалу, «и желаетъ, при сообщеніи ихъ, доставить и другимъ то «удовольствіе, которое онъ принесли ему.» Всего замѣчательнѣе, что одна изъ этихъ басенъ была *Дубъ и трость*, въ которой Крыловъ (переводя ее послѣ Дмитріева) именно вступалъ этимъ съ нимъ въ соперничество! Но въ нынѣшней нашей литературѣ, безъ авторитета, безъ правды и преданій, часто встрѣчаются такіе критики, которые судятъ, не читавши, какъ П.... о книгѣ Дашкова. — Жалко!

Надобно сказать однако, что побудило Каченовскаго написать критику на сочиненія Дмитріева. Сначала онъ былъ одинъ изъ его почитателей; посвятилъ ему даже первое изданіе своего перевода Аѳинскихъ писемъ, и ни одной книжки Вѣстника Европы не печаталъ безъ его одобренія. Въ 1806 году Державинъ прислалъ къ Дмитріеву кантату *Цирцея* изъ Руссо, и стихи: *Дѣва за клавиномъ* изъ Шиллера. Въ одной изъ нихъ Дмитріевъ поправилъ нѣкоторые стихи, какъ

это случалось и прежде, и не уведомивъ объ этомъ Державина, отдалъ напечатать Каченовскому въ 7 N° Вѣстника. Державинъ, думая, что эта поправка сдѣлана самимъ издателемъ, написалъ къ нему строгое письмо. — Каченовскій пришелъ къ Дмитріеву съ изъясненіемъ своей досады, какъ будто это сдѣлано было съ намѣреніемъ. Дмитріевъ отвѣчалъ ему, что онъ напишетъ къ Державину и оправдаетъ издателя, но что впрочемъ онъ очень равнодушенъ къ Вѣстнику Европы, который вышелъ уже изъ рукъ Карамзина и теперь ему ни другъ, ни братъ. Каченовскаго это разсердило, и онъ напечаталъ критику на сочиненія Дмитріева въ томъ же апрѣлѣ въ 8 N° журнала. Послѣ этого хотя Дмитріевъ и признавалъ нѣкоторыя, весьма не многія, изъ его замѣчаній справедливыми; но видя побужденіе издателя къ мелкому мщенію, пересталъ печатать свои стихи въ его Вѣстникъ. Съ этого времени они сдѣлались холодны съ Каченовскимъ. Отвѣтъ Державина къ Дмитріеву видѣнъ изъ его писемъ, напечатанныхъ мною въ 10 N° Москвитянина 1848 года. Письмо 10.

Одинъ давнишній петербургскій критикъ написалъ очень забавно, еще при жизни Дмитріева, что въ его стихахъ: «*Размышленіе по случаю грома*» только и есть хорошаго, что *риѣмы*; а *риѣмъ*-то и нѣтъ, потому что эта піеса написана бѣлыми стихами! — Дѣйствительно, эта піеса написана такими гармоническими стихами, что отсутствіе *риѣмы* въ нихъ не замѣтно. Между тѣмъ это можетъ служить примѣромъ для иногородныхъ подписчиковъ, что значитъ критика въ нѣкоторыхъ журналахъ.

Я записываю однѣ мелочи, которыя мнѣ приходятъ на память. Но кто хочетъ узнать жизнь Ив. Ив. Дмитріева, тотъ можетъ прочитать его подробную біографію, написанную Княземъ П. А. Вяземскимъ и напечатанную при уменьшенномъ изданіи сочиненій Дмитріева, въ двухъ томахъ, 1823 года.

Это изданіе, не умноженное, какъ бываетъ обыкновенно, но уменьшенное самимъ авторомъ, изображаетъ этимъ, какъ нельзя лучше, замѣчательную черту его характера и таланта: его благоразумную осторожность и строгость вкуса. Онъ къ себѣ былъ строже въ поэзіи, чѣмъ къ другимъ. Когда онъ мнѣ передалъ рукопись, составленную имъ для этого изданія, и поручилъ переписать ее, я съ удивленіемъ замѣтилъ, что между прочимъ онъ выключилъ три лучшія свои произведенія: *Освобожденіе Москвы*, *Чужой Толкъ* и *Посланіе къ Карамзину*. Не вступаясь за другія піесы, тоже прекрасныя, я рѣшился уговорить его, чтобы онъ не выключалъ по крайней мѣрѣ этихъ. Дядя мой никакъ не соглашался. Наконецъ я просилъ хоть объяснить мнѣ причину ихъ изгнанія.

«*Освобожденіе Москвы*, сказалъ мнѣ дядя: я чувствую, что эта піеса мнѣ не удалась. Я хотѣлъ сдѣлать нѣчто драматическое; но не сладилъ! съ той поры она всегда напоминаетъ мнѣ мою неудачу!»—«Но она, отвѣчалъ я, прекрасна въ томъ видѣ, въ какомъ есть; а читатели не могутъ сравнивать ее съ тѣмъ, чѣмъ она могла бы быть, если бы вы написали ее иначе.»—«А посланіе къ Карамзину?»—«Посланіе къ Карамзину, сказалъ онъ, не имѣетъ въ себѣ *цѣлости* и *круглоты*!»—«Какъ и всякое посланіе», возразилъ я, и началъ читать изъ него стихи, составляющіе прекрасную картину природы:

Какъ волжанинъ, люблю близъ водъ искать прохлады;
 Люблю съ угрюмыхъ скалъ гремящи водопады,
 Люблю и озера спокойный гладкій видъ,
 Когда его стекло вечерній лучъ златить;
 А временемъ, идя—куда и самъ не зная—
 Черезъ холмы, черезъ лѣса, не видя свѣамъ края,
 Подъ сводомъ зелени, вдругъ на-свѣтъ выхожу
 И новую для глазъ картину нахожу:
 Открытыя поля подъ золотою нивой!
 Вездѣ блестятъ серпы въ рукъ трудолюбивой!
 Какой пріятный шумъ! какая пестрота!
 Здѣсь взрослый, тутъ старикъ, съ нимъ рядомъ красота;
 Кто жнетъ, кто вяжетъ снопы, кто подбираетъ класы;
 А двѣ между тѣмъ, амуры свѣтловласы,

Украдкой по спону играючи берутъ,
Крехтять подь ношею, другъ друга ею пруть,
Валяются, встають, и усмотря цветочикъ,
Всв врознь къ нему летать, какъ майскій вѣтерочикъ?

Наконецъ я спросилъ и объ исключеніи *Чужаго толка*.—«Сатира у меня только одна и есть», отвѣчалъ мнѣ дядя: стоитъ ли труда помещать ее? Кромѣ того цѣль ся нейдетъ уже къ нынѣшнимъ произведеніямъ поэзіи.»

Мнѣ чрезвычайно любопытно было слышать его мнѣніе о собственныхъ его произведеніяхъ. Однако я отстоялъ всѣ эти три пѣсы, сказавъ, что непременно перепишу и ихъ вмѣстѣ съ другими, и что можно будетъ выключить ихъ и послѣ, если онъ не переменитъ своего мнѣнія.

Это изданіе напечатано было по желанію Петербургскаго Общества Словесности, Наукъ и Художествъ, и издано его иждивеніемъ, съ портретомъ автора; это-то Общество, которое называлось въ Петербургѣ Обществомъ Соревнователей. Портретъ литографированъ съ оригинала рисованнаго знаменитымъ *Тончи*.

Ив. Ив. Дмитріевъ глубоко почиталъ Ломоносова; любилъ и высоко цѣнилъ Державина; уважалъ въ Петровѣ обиліе мыслей и силу; въ Херасковѣ признавалъ главнымъ достоинствомъ терпѣніе. Не рѣдко смѣялся онъ, вспоминая нѣкоторые стихи Державина, которые онъ по егѣ совѣту принимался поправлять; но потомъ, не сладивъ съ поправкою, махнеть рукой и бросить!

Самъ онъ былъ чрезвычайно воспріимчивъ къ красотамъ природы и чувствителенъ къ красотамъ поэзіи. Однажды, въ старости, незадолго до своей кончины, онъ сталъ читать мнѣ вслухъ нѣкоторыя строфы Ломоносова. Вдругъ голосъ его задрожалъ и на глазахъ показались слезы. Это меня тѣмъ болѣе удивило, что въ строфахъ Ломоносова не было ничего чувствительнаго. Я спросилъ его объ этомъ. — «Это такъ хорошо, отвѣчалъ онъ: такъ живописно и полно гар-

моніи, что меня нѣсколько тронуло!»—Кто такъ чувствуетъ поэзію, тотъ, конечно, и самъ поэтъ!—А что писали въ Отечественныхъ Запискахъ 1841 года, и повторяли послѣ?

—
 Вотъ что тамъ писали: «Ломоносовъ не поэтъ, не лирикъ; въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображенія».—«Оды Державина лишены и тѣни какого бы то ни было содержанія. Его поэзія лишена всякой художественности. Едва прошло 25 лѣтъ послѣ его смерти, а его уже никто не читаетъ».—«Дмитріевъ не поэтъ, а версификаторъ».—«Жуковского нельзя назвать поэтомъ въ смыслѣ свободной, творческой природы!» Все это было въ 1 N, стр. 2, 3, 8, 10, 19.—Кто же, по ихъ мнѣнію, поэтъ?—«Кольцовъ—звѣзда первой величины!» — Впрочемъ чему дивиться, когда тутъ же сказано было на стр. 15: «Карамзинъ не написалъ (Истор. Государ. Росс.), а только хотѣлъ написать. Государство Россійское началось съ творца его, Петра Великаго, до появленія котораго было оно младенецъ; а кто же пишетъ исторію младенца?»—Все это выписано слово въ слово: я указываю страницы.

—
 Не было писателя и стихотворца, которому бы Дмитріевъ не отдавалъ справедливости, и той именно похвалы, которую тотъ заслуживаетъ, по мѣрѣ своего таланта. Онъ разбиралъ строго, анализировалъ подробно и доказывалъ ошибки безъ уступчивости; но всегда хладнокровно, учтиво, съ достоинствомъ. Если же находилъ черту таланта, теплое чувство, хорошій стихъ, онъ поднималъ ихъ, возвышалъ и показывалъ во всемъ блескъ. Если хорошее превъшало дурное, онъ давалъ перевѣсъ похвалѣ передъ порицаніемъ. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что отъ самого себя требовалъ онъ полнаго совершенства, и въ частяхъ и въ цѣломъ, и никогда не довольствовался частностями, что доказывается его мнѣніемъ о своемъ посланіи къ Карамзину. Одного не прощалъ онъ: низкаго чувства и низкаго, площаднаго выраженія, которыя при немъ уже начинались. О стихахъ просто вѣлыхъ—онъ

говорилъ не охотно, нѣхотя, и забывалъ ихъ на судъ своемъ. Но надъ стихами графа Хвостова «*le sublime du galimatias*», отъ души смѣялся и съ какимъ-то особеннымъ добродушнымъ наслажденіемъ.

—

Это ведетъ меня опять къ отступленію. Гр. Хвостовъ любилъ посылать, что ни напечатаетъ, ко всемъ своимъ знакомымъ, тѣмъ болѣе къ людямъ известнымъ. Карамзинъ и Дмитріевъ всегда получали отъ него въ подарокъ его стихотворныя новинки. Отвѣчать похвалою, какъ водится, было затруднительно. Но Карамзинъ не затруднялся. Однажды онъ написалъ къ нему, разумется, иронически: «Пишите, пишите! учите нашихъ авторовъ, какъ должно писать!»—Дмитріевъ очень укорялъ его, говоря, что Хвостовъ будетъ всемъ показывать это письмо и имъ хвастаться; что оно будетъ принято одними за чистую правду, другими за лесть; что и то и другое не хорошо.»—«А какъ же ты пишешь?» спросилъ Карамзинъ. — «Я пишу очень просто. Онъ пришлетъ ко мнѣ оду, или басню; я отвѣчаю ему: «ваша ода, «или басня, ни въ чемъ не уступаетъ старшимъ сестрамъ «своимъ!» — Онъ и доволенъ; а между тѣмъ это правда. — Оба очень этому смѣялись!

—

Однажды только сочиненія гр. Хвостова вывели изъ терпѣнія Дмитріева. Вотъ по какому случаю. Онъ ожидалъ изъ Петербурга книгъ, которыя обѣщали ему прислать изъ чужихъ краевъ Д. П. С. Получается съ почты огромный ящикъ. Ив. Ив. чрезвычайно обрадовался давно ожидаемой посылкѣ. Открываетъ съ нетерпѣніемъ — и что же? — множество экземпляровъ полнаго изданія сочиненій гр. Хвостова, и къ нему, и съ порученіемъ раздать другимъ! — Чрезвычайно смѣшно было видѣть эту неудачу!

—

Не могу отстать отъ гр. Хвостова. — Онъ такъ любилъ дарить свои сочиненія и распространять свою славу, что по дорогѣ къ его деревнѣ, (село Талызино, въ Симбирской

губерніи), по которой я часто ѣздилъ, онъ дарилъ свои сочиненія станціоннымъ зрителямъ, и я видалъ у нихъ приклеенные къ стѣнкѣ его портреты!—Замѣчательное славолюбіе во всѣхъ видахъ, и феноменъ метроманіи!

—
 Было время, когда Ив. Ив. Дмитріевъ считался въ Москвѣ авторитетомъ въ литературѣ. Ничего не выходило въ печать изъ рукъ лучшихъ авторовъ, не подвергнувшись прежде его сужденію и совѣту. Жуковский, приготовивъ къ печати первое изданіе своихъ стихотвореній (2 час. in 4°) прежде давалъ ему на разсмотрѣніе свою рукопись.

—
 Я помню, когда я жилъ въ домѣ моего дяди, (1813—1814) и послѣ этого, когда Государь Александръ Павловичъ приѣзжалъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Москву: Жуковский, Батюшковъ, Воейковъ, князь Вяземскій, Дм. В. Дашковъ, собирались часто по вечерамъ у моего дяди. Ихъ разговоры и сужденія о литературѣ были для меня, молодого еще чловѣка, истиннымъ руководствомъ просвѣщеннаго вкуса. Въ послѣдствіи времени, когда измѣнилось направленіе литературы, когда появились молодые писатели, самонадежнѣе прежнихъ, это новое поколѣніе отдалялось отъ Дмитріева (кроме Пушкина, кн. Одоевскаго и С. Е. Раича). Оно отдалялось потому, что Дмитріевъ, уважая другихъ, требовалъ и къ себѣ уваженія и соблюденія всѣхъ приличій; равняя всѣхъ своихъ знакомыхъ своею равною ко всѣмъ привѣтливостію, онъ любилъ однако, чтобъ они не забывались, и чтобы всякій зналъ свое мѣсто.

—
 А. Ѡ. Мерзляковъ, который, послѣ своей женитьбы, отсталъ отъ прежнихъ знакомыхъ, бывалъ у него рѣдко, и то поутрамъ. Онъ принялъ на свой счетъ эпиграмму Дмитріева, напечатанную въ его сочиненіяхъ:

Подзобокъ на груди, и подогнувъ колѣна,
 Нашъ Бавій говорить, любуясь самъ собой:
 Отнынѣ будетъ всѣмъ поэтамъ моднымъ смѣзна;
 Всѣ классики уже переводимы мной;

Такъ я и самъ ученымъ светомъ
 Достоинъ признанъ быть классическимъ поэтомъ!
 Такъ, Бавій! такъ, стихи конечно и твои
 На лекціяхъ пойдутъ въ примѣръ галиматъи!

Правда, что этотъ портретъ похожъ былъ и на фигуру Мерзлякова; притомъ—слова: *классикъ и лекціи*, могли подать Мерзлякову поводъ къ подозрѣнію; но Дмитріевъ уважалъ труды Мерзлякова, и самого его, какъ человѣка, достойнаго уваженія по своему благородному сердцу. Эта эпиграмма написана была на графа Хвостова, который переводилъ французскихъ классиковъ; я это знаю вѣрно, и утверждаю.

Во всякомъ авторѣ встрѣчаются мѣста, къ которымъ не лишнее прибавлять объясненія. Такъ, на примѣръ, въ *Каррикатурѣ* Дмитріева:

Сними съ себя завѣсу
 Съдая старина,
 Да возвзвущу я внукамъ
 Чтѣ ты откроешь мнѣ!

Это описано истинное происшествіе, случившееся въ Сызранскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Ивашевкѣ, въ 12 верстахъ отъ нынѣшней моей деревни. Описанный въ *Каррикатурѣ* вахмистръ Шешминскаго полку, былъ Прохоръ Никоновичъ Патрикеевъ. Онъ, въ молодыхъ лѣтахъ, женился, будучи еще *недорослемъ*: такъ называли дворянъ, не бывшихъ еще на службѣ; потомъ, оставя жену въ деревнѣ, отправился въ полкъ. Это было еще до Петра Третьяго, когда чины шли туго, и отставокъ не было: почты тоже не было; а потому онъ, какъ человѣкъ небогатый, вѣроятно не имѣлъ никакихъ средствъ получать извѣстія о своемъ семействѣ. Наконецъ, дослужившись до вахмистровъ, въ царствованіе Екатерины, и въ пожилыхъ уже лѣтахъ, онъ вышелъ въ отставку и воротился верхомъ на своемъ боевомъ конѣ, въ свою Ивашевку.

Узнаеть ли Груняша?
 Ворчалъ онъ про себя:
 Когда мы разставались,
 Я былъ еще румяны!

Жену его звали Аграфена Семеновна. Но жены онъ не нашель уже. Она была судима въ пристанодержательствѣ, и вѣроятно сослана. Некому было дать мужу и извѣстія о ея участи: происшествіе это было уже старое и забытое. Развязка очень простая, въ такой глуши и по тогдашнимъ нравамъ:

Тотчасъ ее схватили
И въ городъ увезли,
Что жъ съ нею учинили,
Узнать мы не могли.

Авторъ прибавляетъ и окончаніе этой справедливой исторіи:

Что дѣлать! какъ ни больно,
Но вѣчно ли тужить?—
Несчастный мужъ, поплакавъ,
Женился на другой.

* *
*

Сей витязь и по нынѣ,
Друзья еще живетъ;
Три года, какъ въ округѣ,
Онъ земскимъ былъ судьей!

Я зналъ его сына отъ втораго брака. Его звали Василій Прохоровичъ. Я помню, что онъ, по добротѣ своей, былъ предметомъ мистификацій всего уѣзда.

У меня есть картинка, написанная перомъ, самимъ Дмитріевымъ въ его молодости: она изображаетъ *Патрикеева*, подъѣзжающаго на старомъ рысакѣ къ селу Ивашевкѣ. Тамъ не забыть и тощій котъ, мяучащій на кровлѣ.

Эта деревня Ивашевка встарину отличалась чудаками. Драгунскій витязь, ротмистръ *Брамербасъ*, къ которому обращается Дмитріевъ въ сказкѣ: *Причудница*, тоже списанъ съ натуры. Это былъ тамошній же помѣщикъ, самый чиновный изъ многочисленныхъ мелкихъ дворянъ той деревни, маіоръ Ивашевъ.

О если бы возсталъ изъ гроба ты сейчасъ,
 Драгунскій витязь мой, о ротмистръ Брамербасъ,
 Ты, бывшій столько лѣтъ въ Малороссійскомъ краѣ
 Игралнщемъ злыхъ вѣдьмъ!... я помню, какъ во снѣ,
 Что ты рассказывалъ еще ребенку мнѣ:
 Какъ вѣдьма нѣкая въ сараѣ,
 Оборотя тебя въ драгунскаго коня,
 Гуляла на хребтѣ твоемъ до полуночи,
 Доколѣ ты уже не выбился изъ мочи!
 Какимъ ты ужасомъ разилъ тогда меня!
 Съ какой, бывало, ты рассказывалъ размашкой,
 Въ колетѣ вохрянномъ и въ длинныхъ сапогахъ,
 За круглымъ столикомъ, дрожащимъ съ чайной чашкой!
 Какой огонь тогда пылалъ въ твоихъ глазахъ!
 Какъ волосы твои, сѣдые съ желтиною,
 Въ природной простотѣ звывали по плечамъ!
 Съ какимъ безмолвіемъ ты былъ внимаемъ мною!
 Въ подобномъ твоему я страхъ былъ и самъ!
 Стоялъ, какъ вкопанный, тебя глазами мѣрилъ,
 И что ужъ ты не конь... еще тому не врлль!

Что за прелесть эти стихи! что за тонкая и легкая эпитафия въ послѣднемъ! — Нынче не умбють этого! — И послѣ этой вѣрной, чисто отдѣланной картины, Дмитріевъ не поэтъ?

Расскажу кстатн анекдотъ объ этомъ маіорѣ Ивашевѣ. Однажды вечеромъ, возвращался онъ, подѣ пьяную руку, верхомъ на конѣ въ свою Ивашевку. Видитъ онъ, что на лугу, не далеко отъ околицы, разставлены два бѣлые шатра. Вспомнивъ, вѣроятно, сказки, вскрикнулъ онъ громкимъ голосомъ: «кто въ моихъ заповѣдныхъ лугахъ шатры разбилъ?» — Отвѣта не было. — Онъ пустилъ вскачь своего коня богатырскаго прямо на шатры, и попалъ между ними, въ веревки, которыми они были натянуты, и которыя перецлетались однѣ съ другими. Конь запутался и упалъ; шатры зашатались и тоже упали. — Дѣло было вотъ въ чемъ. Это прозжалъ Казанскій архіерей осматривать свою епархію. Въ одномъ шатрѣ служили въ его присутствіи вечерню; а въ другомъ готовили ему купанье. — Архіерей выбѣжалъ, и видя лежащаго чело-

вѣка, закричалъ: «шелеповъ!»—По окончаніи наказанія, Ивашевъ вскочилъ опять на коня, ударился скакать въ Ивашевку, и повѣстилъ всѣмъ жителямъ, что ѣдетъ архіерей, и пресердитый, такъ, что его высѣкъ! На утро всѣ ивашевскія барыни собрались чѣмъ свѣтъ къ околицѣ встрѣчать владыку; и при въѣздѣ его упали ницъ, съ воплемъ, сквозь который было слышно: «Батюшка, земной богъ! не погуби!»—Архіерей расхохотался, и проѣхалъ мимо.—Кто повѣритъ, что это правда!—Таковы были люди, таковы были нравы!

Стихотвореніе: *Отъѣздъ*, было написано Дмитриевымъ въ Сызранѣ, при возвращеніи его изъ годоваго отпуска, въ Петербургъ, на гвардейскую службу, въ Семеновскій полкъ. Написавши эту піесу, онъ читалъ ее въ домашнемъ кругу, гдѣ были и посторонніе. Когда дошелъ онъ до этого мѣста:

И гдѣ въ замерломъ ручейкѣ
 Видался каждый день съ Наядой,
 Гдѣ кустъ, береза вдалекѣ
 Казались мнѣ гамадріадою,
 А дьякъ или и самъ судья
 Какой нибудь Цирцейю жертвой....

Одинъ изъ слушателей, бывшій въ то время судьей, всталъ, поклонился, и очень добродушно сказалъ: «покорнѣйше благодарю, батюшка Иванъ Ивановичъ, что и насъ не забыли!»—Какова была простота! Можетъ быть, и нынче не знаютъ, что спутники Одиссея были превращены въ свиней; но не благодарятъ же такъ добродушно!—Какое-то чувство сказало бы: «вѣрно онъ надъ нами смѣется!»

Гласъ патриота на взятіе Варшавы написалъ Дмитриевъ то же въ Сызранѣ, по невѣрному слуху о покореніи польской столицы, и прислалъ эти стихи, къ Державину. Но они получены были въ то самое время, какъ пришло въ Петербургъ дѣйствительное извѣстіе о взятіи Варшавы. Державинъ немедленно напечаталъ эти стихи, поднесъ ихъ Императрицѣ и роздалъ придворнымъ. Никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы

они могли быть получены изъ Сызрана, въ тотъ же день, въ который только что получена въ Петербургъ эта новость, и приписывали эти стихи самому Державину, пока онъ не объяснилъ, почему они были заранѣ написаны.

Всѣ лучшія стихотворенія Дмитріева были написаны имъ въ Сызранѣ, во время отпусковъ изъ гвардейской службы. Спокойная, безпечная жизнь, недостатокъ разсѣянности, влекли его къ тихимъ занятіямъ съ музою; а живописные виды съ высокаго берега рѣки Крымзы, сливающейся съ великолѣпною Волгою, во время ихъ разлива, съ высоты, на которой стоялъ домъ отца его, возбуждали въ немъ картины воображенія. Такимъ образомъ, съ первой молодости, въ сторонѣ, гдѣ онъ не могъ находить общества просвѣщеннаго, общества по себѣ, онъ создавалъ вокругъ себя міръ другой, міръ поэтической. Такимъ образомъ, сказывалъ онъ мнѣ, что планъ *Ермака* обдумывалъ онъ, играя въ шашки, съ однимъ гостемъ своего отца.

Когда онъ рисовалъ въ воображеніи картину, которую намѣревался представить въ стихахъ, онъ имѣлъ привычку обдумывать всѣ ея части и подробности, и спрашивать себя: могъ ли бы ихъ изобразить на полотнѣ живописецъ?—Только въ такомъ случаѣ онъ признавалъ картину достойною кисти поэта. Отъ этого мы видимъ у него удивительную цѣлость и полноту, и тонкую отдѣлку частей!—Такимъ образомъ рѣшены были имъ эти два стиха *Ермака*:

*То сей, то оный на бокъ гнется;
Крутятся—и Ермакъ сломилъ.*

Или это изображеніе плачущихъ музъ:

*Изъ рукъ ихъ лиры покатались,
Главы къ колымамъ преклонились,
Власы упали до земли!*

Или наконецъ эта картина въ стихахъ: къ *Волгѣ*.

*Тамъ кормчій, руку простирая,
Черезъ лѣсъ дремучій на курганъ,*

Въщаль спутниковъ съывая:
 «Здѣсь Разиновъ былъ, други, стань!»
 Въщаль, и въ думу погружился;
 Холодный потъ по немъ разлился
 И персть на воздухъ дрожаль!

Приемы великаго мастера всегда поучительны; а потому излишнее дѣлать ихъ извѣстными.

Письмо на день коронаванія Императора Александра была напечатана и поднесена Государю, не въ томъ видѣ, въ какомъ она находится въ собраніи сочиненій Дмитріева. Онъ уже послѣ раздѣлилъ ее на хоры. Первая строфа была такъ:

Не умолчу въ сей важной часть!
 И я питомецъ Аполлоновъ!
 Взоръ неба обращенъ на насъ:
 Судьба рѣшится миллионовъ!
 Младый сподвижникъ предъ Творцемъ,
 Въ толь нѣжныя, цвѣтущи лѣта,
 Даетъ обѣты быть отцомъ
 И стражемъ половины свѣта!
 О Богъ судьбы! о царь царей!
 Будь Богъ щедротъ Россіи всей!

Вторая же строфа, слѣдующая за этой, или первый хоръ втораго изданія, была прибавлена вновь.

Стихи на восшествіе на престолъ Императора Павла перваго, были тоже напечатаны особо; но ихъ нѣтъ ни въ одномъ полномъ изданіи, какъ и многихъ другихъ одъ Дмитріева. Иногда за малѣйшую негладкость стиха, за нѣкоторую устарѣлость формы, онъ подвергалъ исключенію и хорошее произведеніе. Вотъ первая строфа упомянутаго стихотворенія:

Ты принялъ скиптръ Екатерины!
 Монархъ! зри Сѣверъ, Югъ, Востокъ;
 Зри обв міра половины:
 Сей мощный скиптръ писалъ ихъ рокъ,
 Владѣль и сушей и морями,
 И царства покоряль съ царями;

Но грозень, гибелень врагамъ,
Онъ зиждилъ памятникъ Россіи,
Его же ввѣкъ почтутъ стихіи;
Онъ блескъ давалъ ея сынамъ!

Еще замѣтка для библиографовъ. Въ сказкѣ Дмитріева *Искатели фортуны*, во всѣхъ изданіяхъ его сочиненій пропущенъ одинъ стихъ, который находится только въ Лонидахъ Карамзина, ч. 2. стран. 86. Выписываю здѣсь нѣсколько стиховъ, и отмѣчаю этотъ стихъ курсивомъ:

... И напоследокъ встрѣтилъ
Ту самую страну, куда издавна мѣтилъ,
Любимый уголокъ фортуны, то—есть дворъ.
Присталъ къ нему, и по обряду,
Не дожидаясь ни зову, ни наряду,
Всѣхъ жителей его онъ началъ посвящать.

Странно, что ни самъ авторъ, ни издатели, ни одинъ изъ бывшихъ при печатаніи его сочиненій

«Уставщиковъ кавыкъ и строчныхъ препинаній» —

никто не замѣтилъ этого пропуска. Не свидѣтельствуешь ли это вообще о гармоніи стиховъ Дмитріева, которая имѣетъ полноту и съ недостающею риемою. Первый открылъ этотъ стихъ К. П. А. Вяземскій, и удивилъ этимъ автора.

Мнѣ удалось тоже открыть, что въ его сатиру *Чужой толкъ* есть четыре сряду мужескія риемы. Вотъ и эти четыре стиха:

Неловко что-то все.—Да просто напишу,
Лякуй, герой! лякуй! Герой ты! возглаголю.
Изрядно!—туть же что? туть надобень *восторгов!*
Скажу: кто завѣсу мнѣ вѣчности *расторгов!*

Когда я сказалъ объ этомъ моему дядѣ, онъ то же очень дивился, что лѣтъ сорокъ не замѣтилъ самъ этой ошибки.

Вотъ подробная роспись всѣхъ изданій Дмитріева:

1. И мои бездѣлки. 1795.
2. Карманный пѣсемникъ. 1796.

3. Басни и сказки. С. П. Б. 1796.
4. Сочиненія и переводы. 3 ч. Въ тип. Бекетова. 1803—1805.
5. Сочиненія и пер. 3 ч. изд. 3. Въ Унив. тип. 1810.
6. Басни. Въ тип. Шнора. 1810. Посвящены были Императрицамъ: Елизаветъ Алексѣевнѣ и Маріѣ Феодоровнѣ.
7. Сочиненія и переводы. 3 ч. Изд. 4-е (Свѣшникова). Въ тип. Селивановскаго. 1814.
8. Сочиненія и переводы. 3 ч. Изд. 5-е (Звѣрева) съ портретомъ автора. Въ Унив. тип. 1818.
9. Стихотворенія И. И. Дмитріева. Изд. 6-е (уменьшенное), съ портретомъ автора, въ 2. ч. Въ тип. Греча. 1823.
10. Аполлоги въ четверостишіяхъ. Въ тип. Семена. 1826.
11. Басни и Аполлоги, съ портретомъ автора, С. П. Б. Въ Воен. тип. (in 32). 1838.

Привыкнувши съ молодости къ природѣ, простотѣ жизни и дѣятельности, Ив. Ив. Дмитріевъ вставалъ очень рано; самъ варилъ себѣ кофей, потомъ немедленно одѣвался. Рѣдко, очень рѣдко мнѣ случалось заставить его въ шлафрокъ, и то развѣ тогда, когда онъ былъ нездоровъ. Всякой день онъ ходилъ пѣшкомъ, и ходилъ много. Этой ранней привычки онъ не оставлялъ даже и тогда, когда онъ былъ министромъ: у него на все доставало времени. Въ Москвѣ, въ своихъ прогулкахъ, не рѣдко вслушивался онъ въ разговоры людей изъ простаго народа, и самъ вступалъ въ рѣчь съ ними. Иногда онъ приносилъ изъ этихъ прогулокъ очень вѣрныя замѣчанія и черты народнаго характера, которыя онъ умѣлъ рассказывать съ неподражаемымъ искусствомъ! Его шутка, сопровождаемая всегда важнымъ видомъ, была необыкновенно метка и забавна!—Читалъ онъ очень много; слѣдилъ постоянно за происшествіями своего времени и за литературою. Садоводство, или лучше сказать зелень деревьевъ и луга англійскаго сада—это было его страстію! Другая его страсть были эстампы лучшихъ мастеровъ. Но въ этомъ онъ не слѣдовалъ записнымъ охотникамъ, которые цѣнятъ эстампы по призна-

камъ, описаннымъ въ каталогахъ. Онъ слѣдовалъ своему вкусу и никакъ не ошибался!—Иногда покупалъ онъ эстампъ для поэтическаго его сюжета; чего не дѣлають охотники!

Такимъ образомъ былъ у него Миллеровъ эстампъ la madona di santo Sisto, которымъ онъ дорожилъ по красотѣ экземпляра, не зная впрочемъ въ чемъ состоитъ его достоинство у знатоковъ, и любовался имъ, не заботясь объ этомъ. Однажды разсматривалъ его известный знатокъ въ этомъ дѣлѣ, Иванчинъ-Писаревъ. Вдругъ показалось ему, что это отпечатокъ avant-l'augéole; но не доверяя своимъ глазамъ, онъ просилъ снять эстампъ со стѣны и вынуть изъ рамки; открылось, что это не только avant la lettre, но дѣйствительно avant-l'augéole, т.-е. величайшая рѣдкость! Писаревъ восторженулся отъ радости, найдя такую драгоценность, и оцѣнилъ эстампъ по крайней мѣрѣ въ тысячу рублей ассигнаціями, если не дороже.

Но здѣсь слѣдуетъ анекдотъ. Ив. Ив. сказалъ ему: хочешь, Николай Дмитриевичъ, я завѣщаю наследникамъ, чтобы они подарили тебѣ этотъ эстампъ? изволь; обещаю тебѣ!— Но Ив. Ив. чрезвычайно боялся смерти, и не любилъ, чтобы объ ней вспоминали. На другой день Иванчинъ - Писаревъ приходитъ къ нему и подаетъ ему бумагу, прося ее подписать.—«Что это такое?»—«Росписка въ вашемъ обещаніи, чтобы послѣ вашей кончины этотъ эстампъ достался мнѣ.»—Дмитріевъ взялъ перо и подписалъ, потомъ сказалъ Писареву: «Я твое желаніе исполнилъ; дай же мнѣ слово, что и ты мое исполнишь!»—«Даю!» отвѣчалъ въ радости Писаревъ.—«И такъ, я по твоему желанію подписалъ эту бумагу; а ты по моему желанію оставь ее у меня».

Послѣ кончины Ивана Ивановича мнѣ большаго труда стоило уговорить его наследниковъ отдать этотъ эстампъ Писареву; анекдоту моему не вѣрили, принимая все это за шутку, и ничто не помогало; самое домогательство имѣть эту вещь, заставляло ихъ думать, что она должна быть не простая!— Но, къ счастью, я нашелъ въ бумагахъ Ив. Ив. его росписку; и эстампъ былъ наконецъ отданъ по обещанію.

Въ 1809 году, въ послѣднихъ числахъ декабря, когда Ив. Ив. Дмитріевъ былъ уже четыре года сенаторомъ, получилъ онъ письмо отъ Алекс. Дмит. Балашова, который писалъ къ нему, что Государь Императоръ приказалъ вызвать его въ Петербургъ, и приказалъ написать, что ему *приятно бы было видѣть его къ новому году*. Въ слѣдъ за этимъ получилъ онъ другое письмо отъ Сперанскаго, что Государь разсчелъ, что къ новому году онъ не успѣетъ прїѣхать, и ожидаетъ его послѣ 1-го генваря. Это былъ вызовъ на министерство, при новомъ учрежденіи министерствъ 1810 года.

Многое слыхалъ я отъ него объ Императорѣ Александрѣ. Однажды Ив. Ив. Дмитріевъ докладывалъ ему дѣло о жестокомъ обращеніи одной помѣщицы съ дворовой дѣвкой, вслѣдствіе котораго послѣдняя умерла. Александръ, слушая докладъ, плакалъ и говорилъ: «Боже мой! можемъ ли мы знать все, что у насъ дѣлается! Сколько отъ насъ закрытаго! мы и вообразить этого не можемъ!» Въ этомъ случаѣ, при утверженіи сентенціи, Александръ забылъ уже свою кротость для правосудія.

Ив. Ив. Дмитріевъ былъ вообще чрезвычайно остороженъ и нисколько не опрометчивъ; но однажды случилось забыть ему свою власть надъ собою — и предъ кѣмъ же? — передъ Императоромъ Александромъ!—Въ концѣ доклада онъ подалъ Государю докладную записку, и вмѣстѣ указъ, заготовленный къ подписанію, о награженіи какого-то губернатора орденомъ. Государь что-то поусомнился и сказалъ ему: «Эту записку внеси лучше въ Комитетъ Министровъ.» — Тогда было это еще не въ обычаѣ, не было постояннымъ правиломъ, а исключеніемъ. Дмитріевъ обидѣлся. Онъ всталъ со стула собирать бумаги въ портфель и отвѣчалъ Государю: «Если, Государь, министръ Юстиціи не имѣетъ счастья заслуживать вашей довѣренности, то ему не остается ничего болѣе, какъ исполнять вашу высочайшую волю! Эта записка будетъ внесена въ Комитетъ»

Государь удивился и сказалъ ему: «Что это значитъ? я

не зналъ, что ты такъ вспылчивъ! Поддай мнѣ проектъ указа: я подпишу». Подписалъ и отпустилъ его очень сухо.

«Какъ я вышелъ за дверь,» говорилъ мой дядя, «меня начало терзать раскаяніе! меня мучило не одно то, что я взялъ такую смѣлость, не одинъ гнѣвъ Государя, но то, что я такъ оказалъ себя передъ Государемъ, столь кроткимъ, снисходительнымъ, добрымъ!—Я рѣшился отворить дверь въ кабинетъ. — Государь спросилъ меня: «Что тебѣ надобно, Иванъ Ивановичъ? войди!»—Я вошелъ, и принесъ чистосердечное покаяніе.

Государь сказалъ: «Я вовсе на тебя не сердитъ! Я только удивился! Я тебя знаю съ гвардіи, и не зналъ, что ты такой сердитый! Хорошо! я забуду; да ты не забудешь! Смотри же, чтобъ съ обѣихъ сторонъ было забыто; а то, пожалуй, ты будешь помнить! Видишь, какой ты злой!» примолвилъ онъ съ улыбкою.

Какъ было не любить такого Государя! — Что передъ этимъ всѣ наши печатные анекдоты!—Эта черта и предъидущая, вотъ что изображаетъ въ Великомъ Государь—добраго челоуѣка!—О! Державицъ не ошибся въ своемъ пророчествѣ:

Будь страстей своихъ владѣтель!

Будь на тронѣ челоуѣкъ!

Вотъ какъ послѣдовало паденіе Сперанскаго. Онъ въ определенный часъ былъ у Государя съ докладомъ. Передъ кабинетомъ, въ такъ называемой секретарской комнатѣ, ожидались окончанія его доклада Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ и Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ. Сперанскій вышелъ съ заплаканными глазами, оторопѣлый, и не обращая на нихъ вниманія, оборотясь къ нимъ спиною, началъ укладывать въ портфель свои бумаги. Вышедъ уже за двери, онъ опомнился и сказалъ изъ дверей: «Прощайте, князь Александръ Николаевичъ; прощайте, Иванъ Ивановичъ!» — Когда онъ воротился домой, онъ нашелъ уже у себя министра Полиціи Александра Дмитріевича Балашева, который именемъ Государя потребовалъ отъ него бумаги и объявилъ ему отсылку на житье въ одну изъ отдаленныхъ губерній.

Сперанскій попросилъ его передать Государю одну бумагу въ особомъ запечатанномъ пакетѣ: что тотъ и исполнилъ.

Ив. Ив. Дмитриевъ ничего не зналъ объ этомъ. Прїѣхавши на другой день въ Государственный Совѣтъ и сѣдя черезъ одинъ стулъ отъ Балашева, онъ спросилъ его объ одномъ его чиновникѣ: «Алекс. Дм., гдѣ у васъ Ельчаниновъ?» — Тотъ отвѣчалъ, и потомъ спросилъ его: «Иванъ Ивановичъ! а гдѣ у васъ Михайла Михайловичъ?» — Какой Михайла Михайловичъ? — «Сперанскій!» — Я думаю, онъ сейчасъ будетъ сюда. — «Нѣтъ, не будетъ, отвѣчалъ Балашевъ; онъ уже далеко отсюда!»

Балашева я зналъ хорошо: онъ былъ женатъ, во второмъ бракѣ, на двоюродной моей теткѣ, Еленѣ Петровнѣ Бекетовой. Въ прїѣздѣ его въ Москву, я живалъ съ нимъ въ одномъ домѣ и былъ съ нимъ ежедневно. Онъ былъ небольшого роста, коренастъ, рассказывалъ очень умно, краснорѣчиво, и иногда очень забавно. Такъ я помню одинъ его рассказъ, о испанскомъ королѣ Карлѣ VII, который, изгнанный Наполеономъ, жилъ въ Римѣ во время бытности тамъ Балашева, и пожелалъ его видѣть. «Вся цѣль этого свиданія, говорилъ Балашевъ, была та, чтобы упросить Императора за него вступиться. Говорила, по большей части, одна королева, а король повторялъ ея послѣднія слова и служилъ ей контрабасомъ. Вдругъ входитъ во время аудиенціи человекъ съ бумагами. Они рекомендовали мнѣ его, сказавъ, что это Князь Мира. Я ужь не знаю, говорилъ Балашевъ, какія это были бумаги; но думаю, что домашніе расходы! — Какимъ же быть другимъ?» — Къ его краснорѣчивымъ рассказамъ и важнымъ и шутливымъ, а часто и то и другое вмѣстѣ, надобно прибавить его выразительныя черты лица и подвижность его фizioноміи, которыхъ никакъ нельзя передать на бумагѣ.

Помню одинъ очень забавный случай. Казанскій архіерей Амвросій, будучи недоволенъ тамошнимъ губернаторомъ, Н. И. Б., сказалъ въ соборѣ, въ какой-то праздникъ, слово на текстъ: «И ввергохъ злато въ огнь, и изліяся тѣлець.» — Произнося эти слова, онъ всякій разъ обращался глазами и движеніемъ руки къ губернатору.

Это слово было напечатано въ Вѣстникѣ Европы. Бала-

шеву очень хотѣлось прочитать его, и я принесъ къ нему книжку Вѣстника, которую онъ и началъ читать тутъ же.

Вдругъ докладываютъ ему: «привкаль Н. И. Б.» — Балашевъ велѣлъ просить, и пошелъ надѣвать мундиръ: (онъ былъ во фракѣ: тогда и военные носили фраки); а книжку, развернутую на самомъ этомъ словѣ, оборотя вверхъ переплетомъ, положилъ на столъ.

Возвращаясь въ гостиную, онъ нашелъ Богданова уже тамъ, и читающаго книжку. Какъ онъ послѣ смѣялся этому случаю, и какъ раскаявался въ своей неосторожности! Богдановъ могъ подумать, что это сдѣлано съ намѣреніемъ; одинъ я знаю, что это была поспѣшность и неосмотрительность!

Возвращаюсь опять къ Ив. Ив. Дмитріеву. До войны 1812 года, или, лучше сказать, до послѣдовавшихъ за нею отлучекъ Государя на Конгрессы, Дмитріевъ былъ совершенно доволенъ своею службою и своимъ положеніемъ. Государь его любилъ и цѣнилъ его чистыя правила, его благородный характеръ. Но съ отлучками Государя изъ Петербурга положеніе Ив. Ив. Дмитріева, какъ министра, перемѣнилось. Известно, что во все это время распространены были дѣйствія Государственнаго Совѣта и даже власть комитета министровъ; что въ нихъ поступали и ими разрѣшались окончательно нѣкоторыя дѣла административныя, которыя прежде вносились на утвержденіе самого Государя. Въмѣстѣ съ дѣлами по нѣкоторымъ отдѣльнымъ частямъ управленія, по поставкамъ на армію, и проч. Совѣтъ и даже Комитетъ начали присвоивать себѣ власть и по Сенату.

Послѣ этого многія причины побуждали Дмитріева проситься въ отставку. На случай же несогласія на это Государя, писалъ онъ къ Балашову, чтобъ ему исходатайствовать безсрочный отпускъ. Государь—уволить его на четыре мѣсяца; потомъ еще на два; наконецъ не согласился уволить долѣе, и Дмитріевъ возвратился на министерство.

Но когда возвратился Государь изъ-за границы, дѣла приняли другой оборотъ. Личныхъ докладовъ министра уже

не было: ихъ докладные дни были отбѣнены; все дѣла шли черезъ графа Аракчеева. Дмитріевъ не имѣлъ случая объяснить съ Государемъ, и просилъ уже рѣшительно объ отставкѣ. Министерство приняло по его рекомендаціи сенаторъ Алексѣй Уляновичъ Болотниковъ. Ему оставилъ Дмитріевъ замѣчательное письмо, въ которомъ писалъ, что можетъ быть ему и впредь не удастся объяснить Государю, почему онъ такъ настойчиво просился въ отставку, и потому онъ, просилъ его, при удобномъ случаѣ довести объ этомъ до свѣдѣнія Государя. «Такимъ образомъ, заключаетъ Дмитріевъ, я васъ дѣлаю душеприкащикомъ моей чести.»

Вѣроятно, наконецъ Государь узналъ истину, ибо, уволивши Дмитріева отъ службы съ замѣтнымъ неудовольствиемъ, онъ вскорѣ какъ будто искалъ случая вознаградить его. Въ Москвѣ была учреждена коммиссія для разсмотрѣнія просьбъ, подаваемыхъ на Высочайшее имя, отъ людей, разоренныхъ непріятелемъ. Дмитріевъ былъ сдѣланъ председателемъ этой коммиссіи, и получилъ потомъ двѣ награды, которыя возбудили большую зависть и много толковъ.

Я сидѣлъ у дяди вечеромъ. Къ нему пріѣхалъ Степанъ Петровичъ Жихаревъ, служившій тогда при статсъ-секретарѣ Марченкѣ. — Онъ сказалъ Ивану Ивановичу, что ему поручено узнать какой бы онъ награды желалъ. Дмитріевъ сказалъ, что всякая награда Государя будетъ для него милостію. Но когда сказалъ Жихаревъ, что, кажется, хотятъ дать ему брилліантовья знаки Александра, тогда Иванъ Ивановичъ отвѣчалъ, что брилліанты—тѣ же деньги, а онъ никогда не служилъ изъ денегъ; что онъ въ свое краткое министерство сдѣлалъ столько-то прибылей казнѣ, что по статуту онъ заслуживаетъ Владиміра; и потому, пусть ему лучше дадутъ хоть четвертую степень этого ордена.—Государь пожаловалъ ему чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника; а по окончаніи всѣхъ дѣлъ и по закрытіи комитета онъ получилъ Владиміра первой степени.

И такъ послѣ своей отставки Ив. Ив. Дмитріевъ переехалъ опять въ Москву, думая найти въ ней прежнюю жизнь, прежнихъ друзей, прежнее общество. Но время, особенно 1812 годъ, многое измѣнили; подъ старость онъ скучалъ въ Москвѣ, которая была имъ столь любима.

Больше всего его привлекало въ Москву то, что тамъ онъ будетъ вмѣстѣ съ Карамзинымъ. Но Карамзинъ съ 1815 года переехалъ, для печатанія своей исторіи, въ Петербургъ. Другіе старые знакомые мало-по-малу померли. Тѣ, которые оставались въ живыхъ, сохраняли, конечно, постоянное къ нему уваженіе и привязанность; но ихъ, его современниковъ, было уже немного. Знавшіе его прежде молодые люди, кн. Вяземскій, Жуковскій, и ихъ ровесники, оказывали величайшее уваженіе и ему, и его таланту. Но послѣдующее младшее поколѣніе отвыкало уже отъ формъ почтительнаго вниманія и къ характеру чловѣка, и къ его общественному значенію, и къ заслугамъ литературнымъ; да и обращеніе ихъ съ людьми заслуженными начало уже отзываться небрежностію, которая, немогда нравиться Ив. Ив. Дмитріеву, привыкшему къ хорошему тону и къ хорошему обществу. Все это дѣлало для него послѣдніе годы его жизни нѣсколько скучными, и его общество людей близкихъ болѣе и болѣе уменьшалось; болѣе и болѣе онъ проводилъ вечера одинъ, съ книгами. Конечно, чловѣкъ умный и образованный всегда найдетъ въ самомъ себѣ средства противъ скуки; но тѣмъ не мѣнѣе такое отшельничество было для него нѣсколько тяжело въ его послѣдніе годы.

Я знаю, многіе удивлялись, что онъ находилъ наконецъ удовольствіе въ обществѣ Иванчина - Писарева и Волкова, автора поэмы «Освобожденная Москва.» Но очень естественно, что онъ платилъ благодарностію тѣмъ, которые сами находили съ нимъ удовольствіе, и не скучали проводить съ нимъ вечера, когда другіе объ немъ и не вспоминали. Впрочемъ, изъ числа прежнихъ образованныхъ людей, до конца своей жизни приверженныхъ къ Дмитріеву надобно назвать В. Л. Пушкина и М. М. Солнцева, чловѣка свѣтскаго, умнаго, хо-

рошаго тона, и очень пріятнаго, который послѣ былъ и изъ моихъ лучшихъ знакомыхъ.

Не только Ив. Ив. Дмитріевъ, принадлежавшій къ образованному вѣку Екатерины, но и я уже, человекъ позднѣйшаго времени, и не имѣющій заслугъ моего дяди, нахожу, что многое переѣнилось, и переѣнилось не къ лучшему!—Я не имѣю ни капли гордости въ своемъ характерѣ; я вообще простъ въ обращеніи и общежителенъ; но обращеніе нынѣшняго поколѣнія, особливо нынѣшнихъ *выходцевъ*, заставляютъ и меня *сжаться* и *приосамиться*! Что же дѣлать, если на твою вѣжливую предупредительность отвѣчаютъ грубостію; если забыты всѣ отношенія самой обыкновенной въ наше время учтивости, всѣ условія хорошаго общества...

Иные принимаютъ это за гордость; а эта гордость состоитъ только въ чувствѣ своего моральнаго самосохраненія: боишься, чтобъ тебя не задѣли, чтобы не сказали, или не оказали тебѣ грубости.

Кончина И. И. Дмитріева послѣдовала 1837 года, 3 октября, въ 35 минутъ 5-го часа пополудни. Въ это время меня не было въ Москвѣ; я лежалъ, нѣсколько уже мѣсяцевъ, больной, безногой, въ Симбирскѣ. Расскажу при семъ случай странный мой сонъ. Выписываю объ этомъ изъ письма моего отъ 9 октября 1837 года, къ Н. М. Р.

« Не могу не сообщить вамъ, которые вѣрите внушенію
« ямъ внутреннимъ, сонъ видѣнный мною съ 5 на 6 число
« сего мѣсяца. Я видѣлъ, что предо мною держать два де-
« рева, совершенно не похожія на извѣстныя намъ; толщиною
« не больше вершка полтора въ діаметръ, вышиною одно
« сажени полторы, другое гораздо выше; у обонхъ кора ко-
« ришневаго цвѣта, гладкая вся, съ низу до верху, или луч-
« сказать темнокофейная, какъ на черешневомъ чубукѣ. По-
« слѣднѣе, то-есть, самое большое, съ корнями и вѣтвями,
« хотя безъ листьевъ, такъ, какъ ихъ сажаютъ. Первое, по-
« ниже, срѣзанное гладко и сверху и снизу у корня, такъ
« что ни корней, ни вѣтвей, а одинъ гладкой стволъ, хотя
« мнѣ его и называли деревомъ. Я будто говорю, что мнѣ

«этого дерева не надо, а куплю другое, чтобы посадить» а мнѣ отвѣчаютъ, что того уже купить и нельзя, потому «что оно куплено Иваномъ Ивановичемъ. Я подивился этому, «подумавъ: на что оно ему? а самъ купилъ то, которое съ «корнями и вѣтвями, съ тѣмъ, чтобы его посадить. Денегъ «у себя въ рукахъ я не видалъ; видалъ только, и то, ка- «жется, не въ рукахъ, а на столѣ, мѣдный пятакъ, который, «вмѣстѣ съ другими деньгами, пошелъ въ число уплаты.»

«Только что рассказалъ я этотъ сонъ женѣ моей, 6 «числа поутру, какъ получилъ письмо ваше, уведомляю- «щее, что Иванъ Ивановичъ боленъ при смерти. Прибавлю «къ этому, что вмѣстѣ съ вашимъ письмомъ я получилъ «другое отъ моего сына, писанное въ тотъ же день, и «что онъ уведомлялъ меня, что дядя мой занемогъ, сажая «акацію, слѣдственно, *сажая дерево*. Прочитайте, и подиви- «тесь этому.»

«Подивитесь еще тому, что я давно уже предчувство- «валъ его кончину; но не въ нынѣшнемъ 1837 году, а въ «1838, въ началѣ, или въ половинѣ. Не знаю, говорилъ ли «я объ этомъ вамъ; но нѣкоторымъ говорилъ. Ошибся въ «годъ, но не многимъ; а моему предчувствію, какъ и дру- «гимъ прежнимъ, я и самъ дивлюсь, потому что объяснить «ихъ не умѣю.»

—

Чтобы не утратить подробностей о его кончинѣ, пере- пишываю здѣсь два письма Мих. Пет. Погодина.... — Ничто не обязывало его уведомлять меня съ такими подробностями обо всемъ, касающемся до послѣднихъ минутъ моего дяди и даже о послѣдующихъ обстоятельствахъ. Но я увѣренъ, что мысль о Дмитріевѣ, послѣднемъ поэтѣ Екатерининскаго вѣка, вмѣстѣ съ мыслию о Карамзинѣ, вмѣстѣ съ чувствами дружества ко мнѣ и съ мыслию о тогдашнемъ моемъ болез- ненномъ состояніи: все это должно было сильно потрясти такое горячее сердце, какъ его. Я увѣренъ, что написать ко мнѣ эти два письма, онъ счелъ, съ своей стороны, какою-то

религіозною обязанностію. Вотъ эти два, драгоценныя для меня, письма!

1837. 13 окт. Москва.

«Не думалъ я, любезнѣйшій М. А., писать къ вамъ въ такомъ грустномъ расположеніи духа, сообщать такія горестныя подробности; но онъ вѣрно составляютъ теперь потребность вашего сердца и вашихъ близкихъ, и я принимаю на себя печальный долгъ.

Иванъ Ивановичъ былъ совершенно здоровъ въ началѣ этой недѣли: въ среду мы обѣдали съ нимъ вмѣстѣ въ клубѣ; передъ столомъ онъ говорилъ со мною о Вивлюэикъ Новикова, о многихъ любопытныхъ статьяхъ, въ ней помѣщенныхъ, о выборкѣ изъ нея, которую онъ когда-то дѣлалъ, касательно древней нашей дипломатики, о томъ, что было бы полезно перепечатать ее теперь, по крайней мѣрѣ въ извлеченіи. Потомъ рассказалъ мнѣ, и съ большимъ участіемъ, если не чувствомъ, исторію бѣднаго книгопродавца Кузнецова, который теперь совсѣмъ разоряется; «не стыдно ли напасть такъ на бѣдняка, и изъ чего? — изъ какихъ-то пустяковъ! я пришлю его къ вамъ, и вы увидите, въ чемъ дѣло.» — Послѣ обѣда онъ остановился въ кофейной комнатѣ съ Шевыревымъ и Жихаревымъ, и рассказывалъ имъ, съ обыкновенною своею живостию и шуткой, похождение Кострова; представленіе Кострова Потемкину, вопросы Потемкина о Гомерѣ, какъ провожали его издали на обѣдъ къ Потемкину, потому что стыдно было идти съ нимъ рядомъ, и какъ встрѣчныя бабы одиѣ сожалѣли о больномъ, а другія бранили пьяницу. — Въ четвергъ поутру онъ дѣлалъ визиты, пріѣхалъ довольно поздно домой обѣдать. За столомъ ѣлъ мало, но кушанье было тяжелое: щи, поросенокъ. Послѣ обѣда, онъ напился шоколада, вмѣсто обыкновеннаго кофе, выпилъ стаканъ холодной воды, и тотчасъ, надѣвъ бекешъ и кенги, пошелъ садить акацію около кухни, чтобы заслонить ее съ пріѣзду. Тутъ онъ почувствовалъ дрожь, и насилу привелъ его въ комнату. Послали за докторомъ. Газъ прописалъ лекарство, не нашедши ничего дурнаго. Иванъ Ивановичъ разговаривалъ съ нимъ, заплатилъ за визитъ, послалъ въ аптеку; но лишь только тотъ уѣхалъ, какъ онъ впалъ въ безпамят-

ство, и цѣлую ночь бредилъ. Пятница вся прошла въ безпамятствѣ. Доктора были: Газъ, Высоцкій, Шнаубертъ, Ювской, по нѣскольку разъ. Въ субботу поутру я узналъ объ его отчаянной болѣзни. Мнѣ надо было ѣхать на лекцію, и читать о Карамзинѣ. Съ тяжелымъ чувствомъ поѣхалъ я къ больному, опасаясь, что не застану его въ живыхъ, и взялъ съ собою Мишу, (Дмитріева, моего сына.) Иванъ Ивановичъ только что опаматовался передъ моимъ прїездомъ; услышавъ стукъ дрожекъ, спросилъ: кто прїѣхалъ, и позвалъ меня къ себѣ; встрѣтилъ по всѣмъ своимъ правиламъ. При немъ былъ Боголюбовъ. Онъ разсказалъ мнѣ тотчасъ исторію своей болѣзни, какъ я вамъ выше описалъ ее, и тотчасъ обратился къ любимому своему предмету, литературѣ, но говорилъ уже гораздо медленнѣе, разстановистѣе, искалъ словъ часто, ошибался въ ихъ измѣненіяхъ, и даже мѣшался; но вездѣ видна была заботливость о своей рѣчи и стараніе скрыть болѣзнь. «Что это пишетъ Макаровъ, въ Наблюдатель, о Виноградовѣ, будто бы Виноградовъ познакомилъ Карамзина съ сочиненіемъ.... этого.... швейцарскаго фил....софа....» — Боннета? — «Да Боннета. Виноградовъ жилъ сначала въ Москвѣ и отличался, разумѣется, между своими сверстниками; но потомъ его отправили служить въ полкъ, въ Петербургъ. Тамъ Козодавлевъ заставилъ его присѣсть за Боннета, котораго Карамзинъ гораздо прежде переводилъ съ Петровымъ Александромъ Андреевичемъ, а послѣ и познакомился съ нимъ лично. — Какъ можно писать такъ наобумъ! надо справляться, спрашивать!» — Потомъ, разсказалъ, мѣшаясь, о вашей болѣзни, спросилъ о занятіяхъ Миши. Я отвѣчалъ ему, что Миша вѣтренъ и разсыянъ, и что я начиналъ съ нимъ ссориться сильно, но что теперь онъ лучше, и я надѣюсь, что впередъ онъ исправится совсѣмъ, зная, какое имя должно ему поддерживать. Иванъ Ивановичъ вспомнилъ, что покойный Павловъ Михаилъ Григорьевичъ, профессоръ, говорилъ ему то же, и совѣтывалъ ему приняться за ученье. Потомъ спросилъ у меня, скоро ли я кончу свою разправу съ новыми толковниками о русской исторіи? — Я отвѣчалъ, что къ новому году. — «А похвальное слово Карамзину?» — Началъ. — «Пожалуйте, привезите мнѣ.» — Въ такомъ положеніи я простился съ нимъ. Онъ сидѣлъ встать и под-

нялъ руку. Я думалъ что онъ подавалъ ее мнѣ, и поцѣловалъ ее. Въ два часа передъ обѣдомъ я завѣжалъ къ нему опять; но не зашелъ въ кабинетъ, потому что тамъ было много дамъ. Мнѣ сказали впрочемъ, что ему не хуже. На крыльцѣ встрѣтился съ Ювскимъ, который говорилъ, что если къ вечеру не будетъ хуже, и если онъ будетъ слушаться, то бользнъ пройдетъ. Но ввечеру онъ опять впалъ въ безпамятство, больно страдалъ, метался, беспокоился, приходя въ себя только минутами. Въ одну такую минуту человекъ его Николай спросилъ не угодноли ему послать за Священникомъ. «Зачѣмъ?» — Приобщиться Святыхъ Таинъ на здоровье. — «Не худо» — Священникъ пришелъ; но больной опять былъ въ безпамятствѣ и исповѣдовался глухой исповѣдью. Въ 35 минутъ пятаго часа по полудни, 3 Октября, онъ скончался, успокоившись передъ послѣдними минутами, и погружившись въ тихій сонъ. Никого не было при немъ, кромѣ Миши.

Здѣсь я останавливаюсь, потому что пора посылать на почту, и окончаніе письма пришло къ вамъ въ субботу. Всѣ идемъ мы по одной дорогѣ, и придемъ въ одно мѣсто. Дай Богъ только съ миромъ о Христѣ Иисусѣ.

1837. Октября 19. Москва.

Принимаюсь опять за печальное повѣствованіе, любезнѣйшій М. А.! Горько будетъ услышать вамъ нѣкоторыя подробности въ другомъ отношеніи; но историческая вѣрность обязываетъ меня передать все, какъ было. Въ первый день никто не принимался за распоряженія. Между тѣмъ домъ тотчасъ былъ опечатанъ. Въ понедѣльникъ по утру я узналъ объ смерти, отправился туда. Онъ лежалъ на столѣ въ столовой. Свѣчи взяли гдѣ-то на честное слово. Я старался убѣдить г. Боголюбова, и вызвался ему на помощь. Князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, Московскій Генераль Губернаторъ, позволилъ вынуть ему деньги на расходы; но полиція не могла допустить безъ бумаги. Я поѣхалъ къ нему съ Шевыревымъ; но не застали его дома. Мы просили гувернера, чтобъ онъ попросилъ Князя, отъ насъ, прислать казенныя деньги, кои послѣ ему доставятся. Не успѣли мы воротиться, какъ пришло однако разрѣшеніе Оберъ Полицеймейстера г. Боголюбову. Начались торги гробовщикамъ

передъ столовой, и я насилу увелъ всѣхъ на верхъ, въ темную комнату, между кабинетами, чтобы оставить въ покоѣ мертваго. Тяжкая смерть безсемейному, судя по нашему! Сенатъ прислалъ курьеровъ своихъ. Къ вечеру понедѣльника все уладилось, благодаря господину Боголюбову, который хлопоталъ одинъ. Весь обрядъ и всѣ требованія свѣтскаго приличія были вышолнены. На вынось 7 октября, въ четвергъ, прѣехали Сенаторы: Нечаевъ, Писаревъ, Яковлевъ, Озеровъ, Графъ Строгановъ и Сенатскіе Секретари по наряду. Въ церкви ихъ уже не было. Въ грустномъ расположеніи стоялъ я у гроба. Дмитріевъ отжилъ свой вѣкъ, онъ прошелъ съ честью свое поприще, исполнилъ свое назначеніе; но тяжело было видѣть его во гробъ. Мы какъ-то привыкли всѣ видѣть въ немъ и Карамзина, и Державина, и Богдановича. Онъ былъ для насъ представителемъ лучшаго времени, когда литература наша была чище, благороднѣе, прекраснѣе! Что скажетъ онъ Карамзину на его вопросъ объ теперешнемъ ея состояніи? Мерзость заустынія на мѣстѣ святъ, купующіе и продающіе, и нѣтъ бича изгонителя, и какіе виды въ будущемъ! Горько, тяжело! Отпѣваніе совершалъ М. Филаретъ. Прѣехалъ и К. Дмитрій Владимировичъ. Проповѣдь сказалъ приходскій Священникъ. Въ церкви были изъ нашего званія: Шевыревъ, Баратынской, Макаровъ, Андросовъ, Шаликовъ, Павловъ, Давыдовъ, и только. Профессоровъ только четверо (то есть: Шевыревъ, я, Давыдовъ и Морошкинъ). Студентовъ пятеро..... Люди его плакали горько. Поставили гробъ на дроги и стали по сторонамъ сенатскіе курьеры; за кисти держались квартальные; ордена понесли секретари, почти безъ ассистентовъ. Похоронили его въ Донскомъ монастырѣ. Тамъ встрѣтилъ опять Гр. Строгановъ. — Опустили въ землю — и нѣтъ его совсѣмъ! Человѣкъ почтенной, — особенно когда въ теперешнемъ отдаленіи, не видать человѣческихъ слабостей и пятенъ его! — Въ рангъ Дѣйствительнаго Тайнаго Советника — онъ любилъ литературу; въ трехъ звѣздахъ — онъ прѣбжалъ во всякое ученое собраніе; Министръ Юстиціи — онъ оставилъ послѣ себя только шесть сотъ родовыхъ душъ; русской номѣщикъ — безъ долговъ; поэтъ, умолкнувшій во время; ста-

рикъ, съ которымъ всегда пріятно было проводить время, привѣтливый, ласковый! Да почиеть въ миръ прахъ его, а имя его останется на всегда незабвеннымъ въ исторіи русской литературы!

Комнаты всѣ опечатаны. Мы просили еще Генералъ-Губернатора, чтобъ приказалъ полиціи имѣть надзоръ. Въ домъ все благополучно. Люди приходятъ по временамъ ко мнѣ, и сказываютъ. Они очень печальны, въ недоумѣніи о своей судьбѣ. Я ободрялъ ихъ и увѣрялъ, что ихъ службы, разумеется, не забудутъ родственники покойнаго, и особенно вы.— Когда же вы пріѣдете къ намъ! Прощайте! М. П.»

Надъ могилой Ивана Ивановича поставленъ точно такой же памятникъ, какой надъ Карамзинымъ. Это было его желаніе, которое я и исполнилъ. Какъ у того «лежитъ вѣнецъ на мраморъ могилы» (*), такъ лежитъ бронзовый вѣнокъ и на его могильномъ камнѣ. Только камень не благо мрамора, какъ у Карамзина, а гранитный, который, по нашему климату, показался мнѣ прочнѣе. Скульпторъ Кампіони нарочно поручалъ снять рисунокъ и точную мѣру съ камня Карамзина. Кромѣ обыкновенной надписи, состоящей изъ титуловъ, имени и фамиліи, я велѣлъ на камнѣ Дмитріева надписать слова Св. Апостола Павла: «подобаетъ бо тлѣнному сему обмещися въ нетлѣніе, и мертвенному сему обмещися въ безсмертіе.» 2. Кор. 15. 53.— Я не хотѣлъ никакой надписи въ стихахъ надъ могилой поэта; потому что не хотѣлъ надъ ней никакого знака человѣческой суетности!

Но, признаюсь, мнѣ жаль, что я не прибавилъ послѣ его имени: «Поэтъ временъ Екатерины, и Министръ Александра.»— Что можетъ быть лучше похвалы, заключающейся въ этихъ двухъ титлахъ.

(Продолженіе впереди).

(*) Стихъ Жуковскаго.

МИНА ФОНЪ-ВАНГЕЛЬ.

ПОВѢСТЬ Г. ВЕЙЛЕ.

Мина фонъ-Вангель родилась въ странѣ философіи и воображенія, въ Кёнигсбергѣ. Къ концу Французской кампаніи, 1814 года, прусскій генераль, графъ фонъ-Вангель, внезапно оставилъ и дворъ и армію. Однажды, вечеромъ,—это было въ Краонѣ, въ Шампани, послѣ одного кровопролитнаго дѣла, въ которомъ войска, подъ его предводительствомъ, вырвали побѣду изъ рукъ враговъ,—умомъ его овладѣло сомнѣніе, порожденное однимъ политико-философскимъ вопросомъ, и генераль рѣшился не обнажать болѣе шпаги, и удалился въ свои кёнигсбергскія помѣстья.

Находясь подъ дѣлательнымъ присмотромъ берлинской полиціи, графъ фонъ-Вангель занимался только философскими размышленіями и единственною дочерью, Миною. Не много лѣтъ спустя, онъ умеръ, еще молодой, оставивъ своей дочери огромное богатство, слабую мать и опалу двора;—а послѣднее много значило въ спѣсивой Германіи. Правда, что громомъ противъ этого несчастія служило Минѣ фонъ-Вангель ея имя, одно изъ благороднѣйшихъ въ восточной Германіи. Ей было только шестнадцать лѣтъ, но чувство, которое она внушала молодымъ военнымъ, составлявшимъ общество ея отца, простиралось уже до благоговѣнія и энтузіазма: имъ нравился романическій и суровый характеръ, иногда выражавшійся въ ея взглядахъ.

Прошелъ годъ; трауръ ея кончился, но та скорбь, въ какую повергла ее смерть отца, не уменьшалась. Друзья г-жи фонъ-Вангель начали поговаривать о ея страшной болѣзни—чахоткѣ.

Но едва лишь кончился трауръ, Минѣ необходимо нужно было явиться при дворѣ владѣтельнаго герцога, которому

она имѣла честь доводиться нѣсколько съ родни. Отправляясь въ С..., столицу владѣній великаго герцога, г-жа фонъ-Вангель, испуганная романтическими понятіями и глубокой скорбью своей дочери, полагала, что приличный бракъ, къ которому бы присоединилось немножко и любви, возвратитъ дочь ея къ понятіямъ, болѣе свойственнымъ ея возрасту.

— Какъ бы я желала, говорила она ей, выдать тебя мужъ въ этой странѣ!

— Въ этой странѣ, въ этой неблагодарной странѣ, задумчиво отвѣчала ей дочь, гдѣ мой отецъ за свои раны, за двадцати-лѣтнюю преданность, нашелъ только постыдный надзоръ полиціи! Нѣтъ! ужъ лучше перемѣнить вѣру и умереть въ уединеніи какого-нибудь католическаго монастыря!

Мина знала дворы только по описанію своего соотечественника Августа Лафонтена. Эти картины Албана Касто представляютъ приключенія богатой наслѣдницы, которую случай предоставляетъ ухаживанью молодаго полковника, королевскаго адъютанта, съ буйной головой, но съ добрымъ сердцемъ. Эта любовь, порожденная деньгами, внушала Минѣ отвращеніе. — Чтò можетъ быть пошлѣе, — говорила она матери, — жизни такой четы? годъ спустя послѣ свадьбы, когда мужъ, благодаря этому браку, получить чинъ генераль-маіора, а жена его сдѣлается статсъ-дамою наслѣдной принцессы, чтò станется съ ихъ счастьемъ, если они промотаются?

Великій герцогъ, не помышлявшій о преградахъ, которыя приготовлялись ему романами Августа Лафонтена, думалъ перевести къ своему двору огромное богатство дѣвицы Вангель. Къ довершенію несчастья, одинъ изъ его адъютантовъ началъ ухаживать за Миною, можетъ быть, и съ высшаго соизволенія. А этого только и не доставало, чтобы заставить ее бѣжать изъ Германіи. Но такое предпріятіе не легко было исполнить.

— Я хочу покинуть эту страну, сказала она однажды своей матери, хочу удалиться изъ отечества.

— Говоря такимъ образомъ, ты заставляешь меня содрогаться, отвѣчала ей мать: твои глаза напоминаютъ мнѣ твоего бѣднаго отца. Какъ хочешь: я не употребляю моей власти про-

тивъ тебя, но не надѣйся, чтобы я стала просить у министровъ великаго герцога отъпускъ, необходимый для путешествія по чужимъ краямъ.

Мина была очень несчастна. Успѣхи, которые ей доставили ея большіе голубые глаза и замѣчательная наружность, быстро уменьшились, когда при дворѣ узнали, что ея мысли противорѣчили мыслямъ его высочества герцога. Такимъ образомъ прошло болѣе года; Мина уже отчаялась получить необходимое позволеніе. Она уже рѣшилась, переодѣвшись мужчиною, бѣжать въ Англію и жить тамъ, продавши свои брилліанты. Г-жа фонъ-Вангель замѣтила почти съ ужасомъ, что Мина дѣлала странныя опыты, какъ бы перемѣнить цвѣтъ кожи. Вскорѣ послѣ того она узнала, что дочь ея заказала мужское платье. Мина замѣтила, что во время своихъ прогулокъ верхомъ, она всегда встрѣчаетъ жандарма великаго герцога; но, при нѣмецкомъ воображеніи, которое она наслѣдовала отъ отца, всѣ эти трудности, вмѣсто того, чтобы отвратить ее отъ задуманнаго предпріятія, дѣлали его еще болѣе для нея привлекательнымъ.

Безъ всякаго желанія съ своей стороны, Мина понравилась графинѣ Д..., любимицѣ герцога, женщинѣ нѣсколько романтической и странной. Однажды, катаясь съ нею верхомъ, Мина встрѣтила жандарма, издалека преслѣдовавшаго ее. Выведенная изъ терпѣнія, она ввѣрила графинѣ планъ своего бѣгства. Черезъ нѣсколько часовъ, г-жа фонъ-Вангель получила записку, написанную рукою самого герцога, дозволяющую ей шести-мѣсячную отлучку къ баньерскимъ водамъ. Это случилось въ девять часовъ вечера; въ десять наши дамы были уже въ дорогѣ, и на другой день, въ то время, какъ министры великаго герцога еще почивали, счастливо миновали границу.

Это было въ началѣ зимы 182....г. Г-жа фонъ-Вангель съ дочерью прибыли въ Парижъ. Мина имѣла большой успѣхъ на балахъ дипломатовъ. Говорятъ, что этимъ гг. было поручено, незамѣтнымъ образомъ, повести дѣла такъ, чтобы миліоны Мины не сдѣлались добычею какого-нибудь французъ

каго волокиты. Въ Германіи еще думаютъ, что молодые Парижане занимаются женщинами.

У Мины, которой уже было восемнадцать лѣтъ, сквозь ея нѣмецкое воображеніе стали, наконецъ, вспыхивать искры здраваго смысла; она замѣтила, что не можетъ подружиться ни съ одной Француженкой. Вездѣ встрѣчала она удивительную вѣжливость, и, послѣ шести-недѣльнаго знакомства, она была гораздо далѣе отъ дружбы, чѣмъ въ первый день. Огорченная Мина догадалась, что въ ея обращеніи было что-то неспріятное и рѣзкое, отталкивающее французскую общительность. Никогда не было видимо, чтобы съ такимъ дѣйствительнымъ превосходствомъ соединилось столько скромности. По странной противоположности, ея энергія и быстрота рѣшеній скрывались подъ чертами, исполненными простодушія и всей прелестью дѣтства, и это выраженіе никогда не уничтожалось важнымъ видомъ, предвѣщавшимъ умъ, хотя умъ никогда небылъ отличительною чертою ея характера.

Не смотря на вылощенную дикость своихъ обитателей, Парижъ очень нравился Минѣ. Въ отечествѣ она боялась поклоновъ на улицахъ и того, что экипажъ ея все узнаютъ; въ С. она видѣла шпионовъ во всѣхъ дурно одѣтыхъ людяхъ, которые снимали передъ ней шляпы, но никогдѣ республики, называемой Парижемъ, нѣмнѣе этотъ странный характеръ. При отсутствіи пріятностей того искренняго общества, о которомъ сожалѣло уже слишкомъ нѣмецкое сердце Мины, она видѣла, что каждый вечеръ можно найти въ Парижѣ или прекрасный балъ, или занимательный спектакль. Она нашла тотъ домъ, въ которомъ жилъ ея отецъ въ 1814 году, и о которомъ онъ такъ часто говаривалъ ей. Когда она поселилась въ этомъ домѣ, выживши съ большимъ усиліемъ прежняго жильца, то Парижъ уже не казался ей чужимъ городомъ. Дѣвица фонъ-Вангель узнала все компанки этого дома.

Не смотря на то, что грудь графа фонъ-Вангель была увѣшана крестами и медалями, онъ, самъ по себѣ, былъ не болѣе какъ философъ, мечтавшій подобно Декарту и Спинозѣ. Мина любила отвлеченныя изслѣдованія нѣмецкой

Философiи и благородный стоицизмъ Фихте, какъ нѣжное сердце любить воспоминанiе о прекрасномъ сельскомъ видѣ. Самыя непонятныя слова Канта напоминали Минѣ только тотъ звукъ голоса, которымъ отецъ ея произносилъ ихъ. Какая же философiя не будетъ трогательною и даже понятною, при такомъ содѣйствii! Наконецъ, она упросила нѣкоторыхъ замѣчательныхъ ученыхъ прiѣзжать къ ней давать уроки, при которыхъ присутствовали только она да мать.

Посреди такой жизни, утромъ съ учеными, а вечеромъ на балъ посланниковъ, любовь ни разу не коснулась сердца богатой наследницы. Французы забавляли ее, не трогая ея чувствъ.

— Безъ сомнѣнiя, говорила она матери, которая часто хвалила ихъ, — это люди самые любезныя, какихъ только можно встрѣтить. Я люблюсь ихъ блестящимъ умомъ, всякій день ихъ тонкая иронiя удивляетъ и забавляетъ меня; но не находите ли вы, что они говорятъ чужое и кажутся смѣшными, когда хотятъ притвориться тронутыми? Неужели чувство ихъ никогда не можетъ высказаться само собою?

— Зачѣмъ такiя разсужденiя? отвѣчала ей благоразумная г-жа фонъ-Вангель. Если Францiя тебѣ не нравится, возвратимся въ Кёнигсбергъ; но не забудь, что тебѣ девятнадцать лѣтъ, и что я могу умереть; позаботься избрать себѣ покровителя. Если ты лишишься меня, прибавляла она съ улыбкой и печальнымъ голосомъ, то великiй герцогъ заставитъ тебя выйти за-мужъ за своего адъютанта.

Въ одинъ прекрасный лѣтний день, г-жа фонъ-Вангель отправилась съ дочерью въ С..., чтобы поглядѣть на охоту короля. Развалины Пиеррфона, которыя Мина вдругъ увидала посреди лѣса, чрезвычайно поразили ее. Еще вполне покорная нѣмецкимъ предразсудкамъ, она смотрѣла на всѣ великiе памятники, которые находятся въ Парижѣ, въ этомъ новомъ Вавилонѣ, какъ на нѣчто безжизненное, насмѣшливое и злое. Развалины Пиеррфона показались такъ же трогательными, какъ развалины тѣхъ древнихъ замковъ, которые вѣнчаютъ вершину Броккена. Мина убѣдила мать свою остаться на нѣсколько дней въ маленькой гостиницѣ деревни Пиеррфонъ.

Имъ было тамъ очень неловко. Случился день дождливый. Мина, вѣтреная какъ двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, пріотилась подъ воротами гостинницы и стала глядѣть, какъ идетъ дождь. Тутъ она увидѣла объявленіе, что вблизи продается земля. Черезъ четверть часа она была уже у нотариуса, въ сопровожденіи дѣвушки, державшей надъ ней зонтикъ. Этотъ нотариусъ очень удивился, увидѣвши, что дѣвушка, очень просто одѣтая, толкуетъ съ нимъ о землѣ въ нѣсколько сотъ тысячъ франковъ, проситъ подписать предварительныя условія и принять въ задатокъ нѣсколько тысячъ франковыхъ билетовъ французскаго банка.

По случаю, который я не хочу назвать страннымъ, Мина ошиблась въ цѣнѣ очень не многимъ. Эта земля называлась *le Petit Verberie*. Продавецъ ея былъ графъ де-Рюпперъ, славный во всѣхъ замкахъ Пикардіи. Это былъ высокій молодой человекъ, очень красивый; въ первую минуту имъ восхищались; но немного спустя, всякій чувствовалъ, что отъ графа отгалкивало что-то грубое и пошлое. Скоро графъ де-Рюпперъ почелъ себя другомъ г-жи Фонъ-Вангель; но онъ лишь забавлялъ ее. Можетъ-быть, между молодыми людьми того времени, онъ одинъ напоминалъ собою тѣхъ милыхъ повѣсь, которые, какъ въ изукрашенномъ романѣ, изображаются въ Запискахъ Лозина и Тилли. Рюпперъ почти совсемъ уже промоталъ свое огромное богатство; онъ подражалъ причудамъ вельможъ вѣка Людовика XV, и не понималъ, какъ это Парижъ обходится, не занимаясь исключительно имъ. Обманутый въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ, онъ до безумія полюбилъ деньги. Ответъ, полученный имъ изъ Берлина, довелъ до нельзя страсть его къ дѣвицѣ Фонъ-Вангель. Черезъ шесть мѣсяцевъ Мина сказала своей матери: чтобы имѣть друзей, нужно непременно купить землю. Можетъ-быть мы лишимся нѣсколькихъ тысячъ франковъ, если захотимъ сбить *Petit Verberie*, но зато теперь мы насчитаемъ множество премилыхъ женщинъ между нашими, самыми короткими, знакомыми.

Однакожь Мина не приняла ухватокъ молодой Француженки. Вполнѣ восхищалась ихъ плѣнительною пріятностію,

она сохранила естественность и свободу своего нѣмецкаго обращенія; г-жа де-Сели, самая искренняя изъ новыхъ пріятельницъ Миши, говорила объ ней, что она не ровнаго, но не страннаго характера: очаровательная прелесть ея заставляла все прощать ей. Въ ея глазахъ вовсе не видно было, что она обладательница милліоновъ. Она не отличалась простотою высшаго круга, но была истинно-обольстительна.

Эта спокойная жизнь была потрясена громовымъ ударомъ: Миша лишилась матери. Лишь только скорбь позволила ей подумать о своемъ положеніи, она нашла его очень затруднительнымъ. Г-жа де-Сели взяла ее въ свой замокъ.—Вамъ надобно, говорила Мишѣ эта пріятельница, молодая тридцатилѣтняя женщина, возвратиться въ Пруссію: это будетъ самое лучшее; если же нѣтъ, то выйдти здѣсь за-мужъ, лишь только кончится вашъ трауръ, а въ ожиданіи надо выписать изъ Кёнигсберга компаньонку, которая, если это можно, была бы вамъ сродни.

Но, въ отношеніи брака, было большое затрудненіе: нѣмки, даже самая богатая, думаютъ, что выйдти за-мужъ можно только за того человека, котораго обожаешь. Г-жа де-Сели назвала Мишѣ до десяти приличныхъ жениховъ; но всѣ эти молодые люди казались Мишѣ слишкомъ обыкновенными, насмѣшливыми и даже злыми. Миша провела годъ самый несчастный въ своей жизни: здоровье ея разстроилось, а красота почти совершенно исчезла. Однажды, когда она пришла повидаться съ г-жею де-Сели, та ей объявила, что она увидитъ за обѣдомъ знаменитую г-жу де-Ларсей: это была женщина самая любезная и самая богатая во всей странѣ; ее часто хвалили за изящество ея праздниковъ и за способъ самый достойный, самый милый и вполне изыятый отъ смѣшнаго, какимъ она проживала довольно большое состояніе. Миша была очень удивлена всѣмъ тѣмъ, что нашла слишкомъ обыкновеннаго, слишкомъ прозаическаго въ характеръ г-жи де-Ларсей.—Такъ вотъ чѣмъ надобно сдѣлаться, чтобы быть здѣсь любимой!—Огорченная, потому что разочарованіе въ прекрасномъ, для нѣмецкаго сердца, — горе, Миша перестала глядѣть на г-жу де-Ларсей, и изъ учтивости стала говорить

съ ея мужемъ. Это былъ человекъ самый простой, замѣчательный только тѣмъ, что служилъ пажемъ у Наполеона, во время бѣгства его изъ Россіи, и отличался въ этой и въ слѣдующихъ компаніяхъ храбростью, которая превышала его лѣта. Онъ говорилъ съ Миною очень умно и безъ всякихъ притязаній о Греціи, гдѣ провелъ два года, сражаясь противъ Турокъ. Его разговоръ понравился Минѣ; онъ произвелъ на нее такое впечатлѣніе, какъ искренній другъ, котораго бы она увидѣла послѣ долгой разлуки.

Послѣ обѣда всѣ отправились поглядѣть на знаменитыя мѣста Компьени. Минѣ не разъ приходила мысль посоветоваться съ господиномъ де-Ларсей о томъ, что было затруднительнымъ въ ея положеніи. Щегольская наружность графа де-Рюппера, который въ этотъ день слѣдовалъ за каретами верхомъ, еще болѣе выставляла на видъ полныя естественности и даже искренности приемы господина де-Ларсей. То великое событіе, при которомъ онъ выступилъ на жизненное поприще, показавъ ему человѣческое сердце тѣмъ, чѣмъ оно есть, сдѣлало его характеръ непреклоннымъ, холоднымъ, положительнымъ и хотя довольно веселымъ, но лишеннымъ воображенія. Такіе характеры производятъ большое впечатлѣніе на людей, которыхъ главная черта — воображеніе. Мина была изумлена тѣмъ, что Французъ можетъ быть такъ простъ.

Вечеромъ, когда онъ уѣхалъ, Мина почувствовала, что она разсталась какъ-бы съ другомъ, который нѣсколько лѣтъ еще тому назадъ зналъ всѣ ея тайны. Все ей казалось сухимъ и скучнымъ, даже столь нѣжная дружба къ ней г-жи де-Сели. Мина не имѣла нужды скрывать ни одной мысли отъ своего новаго друга. Боязнь легкой французской ироніи не заставляла ее набрасывать покрывало на ея искреннюю, нѣмецкую мысль. Г. де-Ларсей избавлялъ ее отъ тысячи ненужныхъ словъ, движеній, требуемыхъ изящностью. Это старило его осмью или десятью годами, но этимъ самымъ онъ и занялъ всѣ мысли Мины, въ продолженіе перваго часа послѣ его отъѣзда.

На другой день она даже съ усиленіемъ слушала г-жу де-Сели; все казалось ей холоднымъ и злымъ. Мина не считала болѣе пустой мечтою, которую слѣдовало забыть, надежду найти прямое и откровенное сердце, которое бы не искало предмета шутки въ самомъ простомъ замѣчаніи. Она промечтала цѣлый день. Вечеромъ г-жа де-Сели произнесла имя г-на де-Ларсей; Мина вздрогнула и встала, какъ-будто кто ее позвалъ; она сильно покраснѣла, и много труда стоило ей объяснить причину этого страннаго движенія. Въ смущеніи, она не могла уже болѣе скрывать отъ самой себя то, что ей нужно было скрывать отъ другихъ. Она убѣжала къ себѣ въ комнату. Я безумная, говорила она себѣ. Съ этой минуты началось ея несчастье; оно шло шагами исполина; черезъ нѣсколько минутъ, она почувствовала угрызеніе совѣсти. — Я люблю и люблю человека женатаго! — Вотъ упреки, смущавшіе ее цѣлую ночь.

Г. де-Ларсей, отправляясь съ женою на воды въ Э въ Савойѣ, позабылъ небольшую карту, на которой онъ показывалъ своимъ знакомымъ дамамъ маленькій крюкъ, который намѣревался сдѣлать, вѣдучи въ Э. Одинъ изъ дѣтей г-жи де-Сели нашелъ эту карту; Мина завладѣла ею и побѣжала въ садъ; она цѣлый часъ слѣдила за предполагаемымъ путешествіемъ г. де-Ларсея. Имена городковъ, встрѣчавшихся у него на пути, казались ей благородными и замѣчательными; она составляла себѣ самое живописное понятіе объ ихъ положеніи; завидовала счастью ихъ жителей. Это сладкое безуміе было такъ сильно, что заставило молчать ея совѣсть. Нѣсколько дней спустя, кто-то сказалъ у г-жи де-Сели, что де-Ларсей уѣхалъ въ Савойю. Это извѣстіе сдѣлало переворотъ въ умъ Мины; она сильно загорѣлась желаніемъ путешествовать.

Спустя двѣ недѣли, одна нѣмка пожилыхъ лѣтъ пріѣхала въ Э въ каретѣ, взятой еще въ Женевѣ. У этой дамы была горничная, на которую она такъ сердилась, что г-жа Туано, содержательница маленькой гостиницы, гдѣ остановилась путешественница, была поражена этимъ. Г-жа Крамеръ, такъ звали нѣмку, велѣла позвать къ себѣ хозяйку.

— Я хочу взять въ услуженіе здѣшнюю уроженку, которая бы знала *жителей* Э и его окрестностей. Я не понимаю, что дѣлать съ этою красавицей, которую я имѣла глупость привезти сюда: она никого и ничего здѣсь не знаетъ.

— Боже мой! сказала г-жа Туано горничной, когда онѣ остались однѣ, ваша барыня, кажется, не напутку разсердилась на васъ!

— Ужь не говорите, со слезами на глазахъ сказала Анхень; очень стоило привезти меня сюда изъ Франкфурта, гдѣ мои родители содержатъ порядочную лавочку. У матушки работаютъ лучшіе портные въ городѣ, и все работается совершенно по-парижски.

— Ваша барыня сказала мнѣ, что даетъ вамъ триста франковъ, если вы захотите возвратиться опять во Франкфуртъ.

— Тамъ меня дурно примутъ; матушка ни за что не повѣритъ, что г-жа Крамеръ отпустила меня безо всякой причины.

— Ну, такъ останьтесь въ Э; я могу съискать вамъ здѣсь мѣсто; я держу справочную контору и доставляю служителей всѣмъ купальщикамъ. Это будетъ вамъ стоить шестьдесятъ франковъ, а изъ трехъ сотъ, которые вы получите отъ г-жи Крамеръ, у васъ останется еще десять добрыхъ луидоровъ.

— Я дамъ вамъ вмѣсто шестидесяти—сто, сказала Анхень, если вы помѣстите меня къ какому-нибудь французскому семейству: я хочу усовершенствоваться во французскомъ языкѣ, чтобы потомъ вѣхать служить въ Парижъ. Я умѣю очень хорошо шить, а въ залогъ моей вѣрности, я оставляю у моихъ господъ двадцать луидоровъ, которые я привезла изъ Франкфурта.

Случай благоприятствовалъ похождениямъ, которыя стоили уже двѣци Вангель двѣсти или триста луидоровъ. Г. и г-жа Ларсей прибыли въ модную гостиницу *Croix de Savoie*. Г-жа де-Ларсей нашла въ ней, по ея словамъ, однихъ только глупцовъ, и наняла себѣ квартиру въ прелестномъ домѣ на берегу озера Бурже. Въ этотъ годъ на водахъ было очень весело, — огромное стеченіе богачей, часто давались прекрас-

ные балы, гдѣ всѣ были разряжены, какъ въ Парижѣ, и каждый вечеръ были большія собранія на редутѣ. Недовольная портнихами Э, неловкими и неаккуратными, г-жа де-Ларсей хотѣла имѣть при себѣ дѣвушку, которая умѣла бы хорошо работать. Ей указали на справочную контору г-жи Туано, которая сначала привела къ ней тамошнихъ уроженокъ, очевидно, слишкомъ неловкихъ. Наконецъ, явилась Анхенъ; сто франковъ молодой нѣмочки удвоили природную расторопность г-жи Туано. Степенный видъ Анхенъ понравился г-жѣ де-Ларсей. Она оставила ее, и послала за ея имуществомъ.

Въ тотъ же вечеръ, когда господа ея уѣхали въ собраніе, Анхенъ, мечтая, гуляла въ саду на берегу озера. «Наконецъ, говорила она себѣ, безумный шагъ сдѣланъ! Что будетъ со мною, если меня узнаютъ? Что сказала бы г-жа де-Сели, которая думаетъ, что я въ Кёнигсбергѣ.» Мужество, поддерживавшее Мину, когда нужно было дѣйствовать, стало покидать ее. Душа ея была сильно взволнована; дыханіе ея ускорялось. Раскаяніе, страхъ и стыдъ дѣлали ее очень несчастной. Наконецъ вззошелъ мѣсяцъ изъ-за горы Haute Combe. Блестящій кругъ его отражался въ водахъ озера, слегка волнуемыхъ сѣвернымъ вѣтеркомъ. Большія бѣлыя облака странной формы быстро пробѣгали передъ луною и казались Минѣ огромными великанами. «Они прилетѣли съ моей родины, они хотятъ ~~видѣть~~ меня и поддержать въ той странной роли, которую я взяла на себя». Ея внимательный и страстный взоръ слѣдилъ за ихъ быстрыми движеніями; «тѣни моихъ предковъ, говорила она, узнайте свою кровь: я также мужественна, какъ и вы. Не пугайтесь страннаго переодѣванья, въ которомъ вы видите меня, я останусь вѣрна чести. Этотъ тайный пылъ чести и героизма, который вы оставили мнѣ въ наслѣдство, не находитъ ничего достойнаго себя въ этомъ прозаическомъ вѣкѣ, куда бросилъ меня жребій. Неужели вы станете презирать меня за то, что я создала себѣ жизнь, сообразную съ одушевляющимъ меня огнемъ?» И Миѣа не была уже несчастна.

Вдали послышались гармоническіе звуки; они вѣроятно неслись съ противоположной стороны озера. Эти замирающіе звуки едва долетали до ушей Мины, которая внимательно слушала. Ея мысль перемѣнила направленіе, и она задумалась надъ своею участью. «Чѣмъ окончатся все мои усилія? Увѣрюсь ли я, наконецъ, что та чистая и благородная душа, о которой я такъ часто мечтала, дѣйствительно существуетъ на этомъ свѣтѣ? Она остается для меня невидимою. Развѣ я когда-нибудь говорила при моей горничной? Это несчастное переодѣваніе заставитъ меня только быть въ обществѣ слугъ Альфреда. Онъ никогда не удостоитъ меня своимъ разговоромъ.» Она горько плакала. «По крайней мѣрѣ я буду видѣть его всякій день,» вдругъ сказала она; и, вооружившись мужествомъ, прибавила: большаго благополучія не дано мнѣ.... Бѣдная маменька не ошиблась; сколько глупостей надѣлаешь ты, говорила она, если полюбишь!»

Голосъ, раздавшійся по озеру, послышался снова, но уже гораздо ближе. Мина поняла, что онъ несся съ лодки, сообщавшей движеніе волнамъ озера, посеребреннымъ луною. Она узнала сладкую мелодію, достойную Моцарта. Черезъ четверть часа она забыла все, въ чемъ могла упрекать себя, и думала лишь о счастіи каждый день видѣть Альфреда. «Вѣдь долженъ же, говорила она, всякій человекъ выполнить свое предназначеніе? Не смотря на счастливую случайность моего рожденія и богатства, мнѣ не суждено блистать при дворѣ и на балахъ. Тамъ я привлекала взоры; видѣла, какъ любовались мною,—а скука, посреди этой толпы, доходила до мрачнаго отчаянія! Все добивались чести говорить со мною, а я, — я скучала. По смерти моихъ родителей, единственнымъ счастіемъ для меня были тѣ минуты, когда я, вдали отъ скучныхъ людей, наслаждалась музыкою Моцарта. Развѣ моя вина, что стремленіе къ счастью, свойственное всемъ людямъ, довело меня до такой странной выходки? Вѣроятно, она обезчеститъ меня, ну такъ что жъ? Католическіе монастыри дадутъ мнѣ убѣжище.

За озеро, на деревенской колокольнѣ, пробило полночь. Этотъ торжественный часъ заставилъ Мину вздрогнуть;

луна уже не светила, — и она пошла домой. Опершись на перилы галлерей, выходящей на озеро и въ небольшой садъ, Мина, скрываясь подъ именемъ Анхенъ, ждала своихъ господъ. Музыка возвратила ей всея мужество. — Предки мои, говорила она, — отправляясь въ святую землю, покидали свой великолѣпный замокъ К.... Нѣсколько лѣтъ спустя, они возвращались одни, окруженные тысячами опасностей, переодѣтые, какъ я. Мужество, одушевлявшее ихъ, бросаетъ меня посреди единственныхъ опасностей, которыя въ этотъ ребяческій, плоскій и пошлый вѣкъ доступны моему полу; только дай Богъ, выдти мнѣ изъ нихъ съ честью, и благородныя души удивятся моею слабости, но въ тайнѣ простятъ меня.

Дни проходили быстро, и Мина скоро примирилась съ своей участью. Ей много было шитья; но она весело исполняла обязанности своего новаго званія. Часто ей казалось, что она играетъ комедію, — и она шутила надъ собою, когда у ней вырывалось движеніе, чуждое ея роли. Однажды, въ часъ послѣобѣденной прогулки, когда лакей отворилъ дверцы и спустилъ подножку, она проворно вскочила, чтобы сѣсть въ экипажъ. — Эта дѣвочка безумная, сказала г-жа де-Ларсей Альфредъ долго глядѣлъ на нее, и нашелъ ее чрезвычайно граціозною. Мину нисколько не беспокоила мысль о дичи и страхъ быть смѣшною. Мысли о человѣческомъ благоразуміи стояли гораздо ниже ея. Всѣ возраженія, которыя она дѣлала себѣ, происходили отъ боязни возбудить подозрѣнія г-жи де-Ларсей. Прошло не болѣе шести недѣль, какъ она провела съ нею цѣлый день совершенно въ другой роли.

Ранехонько вставала Мина каждый день и проводила около двухъ часовъ въ приготовленіяхъ нарядовъ, требующихъ должностію, которую взяла на себя; ея прекрасныя бѣлокурныя волосы, о которыхъ такъ часто говаривали ей, были подрѣзаны; благодаря какому-то химическому составу, они приняли цвѣтъ, сдававшій на темнорусый. Легкій отваръ изъ листьевъ остролиста, которымъ она каждое утро примачивала свои нѣжныя руки, придалъ имъ видъ грубой кожи. Всякое утро ея свѣжій цвѣтъ лица принималъ одинъ изъ тѣхъ сомнительныхъ отблѣсковъ, который

выносить изъ колоній бѣлые, когда въ крови ихъ есть примѣсь негритянской крови. Довольная своимъ переодѣваньемъ, Мина позаботилась и о томъ, чтобы мысли ея не выходили изъ ряда обыкновенныхъ. Погруженная въ свое счастье, она не охотно говорила, сидя подъ окномъ въ комнатѣ г-жи де-Ларсей, и, приводя въ порядокъ платье для вечера, она двадцать разъ на день слышала разговоръ Альфреда и имѣла новый случай удивляться его характеру. Сказать ли?... Отчего же нѣтъ, если мы изображаемъ нѣмецкое сердце? Бывали минуты такого счастья и восторженности, когда она считала его существомъ сверхъестественнымъ. Чистосердечная заботливость, полная энтузіазма, съ которыми Мина исполняла свои новыя обязанности, имѣла естественное дѣйствіе на г-жу де-Ларсей, которая была очень обыкновеннаго десятка: она стала гордо обращаться съ нею, какъ съ бѣдною двушкой, которая слишкомъ счастлива тѣмъ, что ей дали какую-нибудь должность: «Стало-быть все то, что искренно и живо, никогда не найдетъ мѣста между такими людьми», говорила себѣ Мина. Она дала замѣтить, что старается вновь приобрести расположеніе г-жи Крамеръ, и почти каждый день просила позволенія навѣщать ее.

Мина боялась, чтобы ея манеры не показались странными г-жѣ де-Ларсей; и не безъ удовольствія замѣтила, что ея г-жа смотрѣла на нее, какъ на двушку, не столь искусную въ шитьѣ, какъ горничная, оставленная ею въ Парижѣ. Съ г. Дюбуа, камердинеромъ Альфреда, труднѣе было сладить. Онъ былъ парижанинъ, лѣтъ сорока, одѣвавшійся тщательно и считавшій за обязанность полюбезничать съ своею новою сослуживкою. Анхенъ заставила его высказаться, и съ радостію узнала, что единственнымъ его желаніемъ было скопить нѣсколько денегъ и открыть въ Парижѣ кофейню. Тогда, нисколько не стѣсняясь, она стала дарить его, и Дюбуа сталъ обходиться съ нею также почтительно, какъ и съ госпожею де-Ларсей.

Альфредъ замѣтилъ, что эта молодая нѣмочка, по временамъ столь неловкая и застѣнчивая, была очень неровнаго обращенія, — имѣла понятія вѣрныя и тонкія, которыя стоили

быть выслушанными. Мина, видя по глазамъ, что онъ ее слушаетъ, позволила себѣ нѣсколько исполненныхъ достоинства и мѣткихъ отвѣтовъ, особенно когда она надѣялась, что г-жа де-Ларсей ее не услышитъ или не пойметъ.

Если бы въ эти два мѣсяца, проведенные дѣвицею Вангель въ Э, какой-нибудь философъ спросилъ ее, какая была на то причина, то ребяческій отвѣтъ поразилъ бы его, и философъ сталъ бы нѣсколько подозрѣвать ее въ лицемеріи. Видѣть и слышать челоуѣка, отъ котораго она была безъ ума, — вотъ единственная цѣль ея жизни: она ничего не желала, она была слишкомъ счастлива, чтобы думать о будущемъ. Если бы тотъ же самый философъ сказалъ ей, что эта любовь не можетъ остаться столь чистою, то она скорѣе бы разсердилась, нежели удивилась. Мина съ наслажденіемъ изучала характеръ обожаемаго челоуѣка. — Спокойный характеръ де-Ларсей выигрывалъ еще болѣе отъ противоположности съ высшимъ обществомъ, въ которомъ онъ былъ поставленъ состояніемъ и званіемъ отца, члена палаты перовъ. Если бы онъ жилъ между людьми средняго сословія, то простота его обращенія, его ненависть къ принужденію и высокому виду, представили бы его въ глазахъ ея челоуѣкомъ крайне посредственнымъ. Альфредъ никогда не старался блеснуть остроуміемъ. Эта-то привычка въ первый день болѣе всего и возбудила въ Минѣ сильное къ нему вниманіе. Такъ-какъ она смотрѣла на французовъ сквозь нѣмецкіе предрасудки, то ей казалось, что разговоръ ихъ походилъ на конецъ водевильнаго куплета. Альфредъ въ свою жизнь видѣлъ много людей замѣчательныхъ, и отъ того могъ казаться умнымъ по одной своей памяти; но онъ считалъ низостью забавлять словами, придуманными заранее, и ужъ слышанными кѣмъ-нибудь изъ слушателей.

Каждый вечеръ Альфредъ отводилъ жену въ собраніе, а самъ возвращался домой, чтобы заняться ботаникою, страсть къ которой породило въ немъ соседство тѣхъ мѣсть, гдѣ Ж. Ж. Руссо провелъ свою юность. Альфредъ расположился съ своими картонами и растеніями въ гостиной, гдѣ работала Анхень.

Каждый вечеръ они проводили вмѣстѣ цѣлые часы, и ни съ той, ни съ другой стороны не произносилось ни слова. Они оба находились въ смущеніи, а между тѣмъ были счастливы. Анхенъ въ одномъ только была предупредительна для Альфреда: она заранѣе разводила въ водѣ гумиарабикъ, которымъ онъ приклеивалъ сухія растенія въ своемъ гербаріи. Даже и эту услугу Анхенъ позволяла себѣ только потому, что она могла быть отнесена къ ея обязанностямъ. Когда Альфреда не было въ комнатѣ, Мина любовалась прекрасными растеніями, которыя онъ приносилъ съ своихъ прогулокъ по живописнымъ горамъ береговъ озера Бурже. Она искренно полюбила ботанику. Альфредъ нашелъ это удобнымъ и вскоре нѣсколько страннымъ. «Онъ любитъ меня, говорила себѣ Мина; но я видѣла, какіе успѣхи оказала у г-жи де-Ларсей моя заботливость объ исполненіи обязанностей моего званія.

Г-жа Крамеръ притворилась больною; Мина просила и получила позволеніе проводить вечера съ своею прежнею госпожею. Альфредъ удивился, почувствовавъ, какъ уменьшалась и наконецъ совершенно исчезла страсть его къ ботаникѣ: онъ проводилъ вечера на редутѣ, и жена его смѣялась надъ скукою, которая напала на него отъ уединенія. Альфредъ сознался самъ себѣ, что ему нравилась молодая дѣвушка. Разсерженный на застычивость своего обращенія съ нею, онъ на минуту покорился безумному желанію: зачѣмъ не поступить мнѣ такъ, какъ поступилъ бы одинъ изъ моихъ пріятелей? А сверхъ того, вѣдь она не больше, какъ горничная.

Однажды, вечеромъ, шелъ дождь, и Мина осталась дома. Альфредъ лишь только на минуту появился на редутѣ. Вошедши къ себѣ, онъ, казалось, удивился, увидѣвъ Мину въ гостиной. Эта маленькая хитрость, которую замѣтила Мина, отняла у ней все счастье, которое она сулила себѣ на этотъ вечеръ. Къ этому-то расположенію, можетъ-быть, и должно отнести ея искреннее негодованіе, съ которымъ она отвергла предложеніе Альфреда. Она ушла къ себѣ въ комнату. — «Я ошиблась, сказала она заплакавъ, всѣ французы одинаковы.»

Въ продолженіе цѣлой ночи она готова была возвратиться въ Парижъ.

На другой день, видъ презрѣнія, съ которымъ она посмотрѣла на Альфреда, вовсе не былъ притворнымъ. Альфредъ оскорбился, не сталъ обращать никакого вниманія на Мину и проводилъ цѣлые вечера въ собраніи. Самъ того не подозрѣвая, онъ употребилъ самое лучшее средство. Эта холодность заставила ее позабыть свое намѣреніе возвратиться въ Парижъ: «Я не подвергаюсь никакой опасности близъ этого челоуѣка,» сказала Мина, и не прошло недѣли, какъ она чувствовала, что прощаетъ ему этотъ недостатокъ французскаго характера. Альфредъ, съ своей стороны, чувствовалъ отъ одной скуки, которую наводили на него важныя дамы редута, что онъ влюбленъ гораздо больше, чѣмъ понималъ. Но не смотря на то, онъ держался крѣпко. Правда, его глаза съ удовольствіемъ останавливались на Минѣ, онъ говорилъ съ нею, но не приходилъ домой по вечерамъ. Мина была въ отчаяніи; почти не замѣчая, она не стала заниматься такъ тщательно, какъ прежде, притираньями, изменявшими ей лице. «Не сонъ ли это? говорилъ Альфредъ: Анхенъ становится одною изъ красивѣйшихъ женщинъ, какихъ я когда-либо видѣлъ.» Однажды вечеромъ, случайно возвратившись домой и увлеченный любовью, онъ просилъ прощенія у Анхенъ; что обошелся съ ней такъ легкомысленно.

— Я чувствовалъ, сказалъ онъ, что вы возбуждаете во мнѣ сочувствіе, котораго я ни къ кому не имѣлъ; я боялся, я хотѣлъ вымечиться или поссориться съ вами, и съ тѣхъ поръ сдѣлался несчастнѣйшимъ челоуѣкомъ.

— О, какъ это мнѣ сладко слышать, Альфредъ! вскричала Мина, полная счастья.

Она провела этотъ вечеръ и слѣдующія за нимъ, принаваясь въ своей любви и общаясь поступать благоразумно.

Разсудительный характеръ Альфреда не былъ доступенъ самообольщенію. Онъ зналъ, что влюбленные находятъ особенныя совершенства въ любимомъ челоуѣкѣ. Сокровища ума и утонченности, которыя онъ открывалъ въ Минѣ, убѣждали его, что онъ былъ дѣйствительно влюбленъ. «Возможно ли,

чтобы это былъ одинъ обманъ?» говорилъ онъ себѣ каждый день, и сравнивалъ слова Минны съ тѣмъ, что слышала наканунѣ отъ свѣтскихъ женщинъ, встрѣчаемыхъ имъ въ обществѣ. Съ своей стороны Минна чувствовала, что едва не лишилась Альфреда. Что стало бы съ нею, если бы онъ продолжалъ проводить вечера на реду? И она не только не старалась разыгрывать роль простой дѣвочки, но напротивъ, такъ старалась нравиться, какъ никогда еще не дѣлала этого прежде. «Развѣ признаться Альфреду, кто я? говорила она. Его высокій умъ осудитъ сумасшествіе, сдѣланное даже и для него. Къ тому же, прибавляла Мина вздыхая, участь моя должна рѣшиться здѣсь. Если я назову ему имя дѣвочки де-Вангель, которой земли лежатъ въ нѣсколькихъ льѣ отъ его владѣній, онъ будетъ увѣренъ, что увидится со мною въ Парижѣ; а напротивъ того надобно, чтобы мысль никогда не видать меня рѣшила его на какой-нибудь необыкновенный поступокъ, который — увы! — необходимъ для нашего счастья. Какъ такой благоразумный человекъ рѣшится перемѣнить вѣру, развестись съ женою и пріѣхать, въ качествѣ моего мужа, жить въ мои прекрасныя владѣнія въ восточной Пруссіи? Великое слово это — незаконно, не представлялось непреодолимымъ препятствіемъ для замысловъ Минны; она полагала, что нисколько не уклоняется отъ добродѣтели, потому-что, не колеблясь готова тысячу разъ пожертвовать для Альфреда жизнію.

Мало-по-малу г-жа де Ларсей стала рѣшительно ревновать Анхенъ. Удивительная перемѣна въ лицѣ этой дѣвушки не ускользнула отъ ея вниманія; она приписывала это ужасному кокетству. Она рѣшилась бы сослать ее. Но ея пріятельницы совѣтовали ей не придавать слишкомъ много важности минутной прихоти: надо было только стараться, чтобы г. де Ларсей не взялъ Анхенъ въ Парижъ.

— Будьте благоразумны, говорили ей всѣ, и ваши безпокойства окончатся вмѣстѣ съ побздкой на воды.

Г-жа Ларсей замѣтила г-жѣ Крамеръ, и также постаралась увѣрить своего мужа, что Анхенъ просто искательница приключеній, которая, подвергшись въ Берлинѣ или Вѣнѣ

преслѣдованію за какой-нибудь поступокъ, опасный въ глазахъ полиціи, теперь скрывается въ Э, и, вѣроятно, ждетъ тутъ какого-нибудь рыцаря, своего сообщника. Эта мысль, представленная догадкою очень вѣроятною, хоть и требующею разъясненія, поколебала твердую душу Альфреда. Ему было ясно, что Анхенъ не горничная. Но какая же важная причина заставила ее прибѣгнуть къ такой тягостной роли, какую она исполняла?—Ничто не могло быть, кромѣ страха.—Мина легко угадала причину того волненія, которое она видѣла въ глазахъ Альфреда; однажды вечеромъ она была такъ неосторожна, что даже спросила его объ этомъ;—онъ признался, Мина была поражена.

Альфредъ былъ такъ близокъ къ истинѣ, что она сначала съ трудомъ могла защищаться. Ложная г-жа Крамеръ, невѣрная своей роли, дала догадаться, что денежный интересъ ничего не значилъ въ ея глазахъ. Въ отчаяніи отъ того дѣйствія, которое слова г-жи Крамеръ произвели на душу Альфреда, она едва не высказала ему всей правды. Вѣроятно человекъ, до безумія полюбившій Анхенъ, полюбилъ бы и дѣвицу Вангель, но тогда Альфредъ былъ бы увѣренъ, что увидитъ ее въ Парижѣ, и она не могла бы получить отъ него жертвы, необходимой для ея любви!

Въ такихъ смертельныхъ безпокойствахъ провела Мина цѣлый день. А предстоялъ еще болѣе трудный вечеръ. Могла ли она, одна съ Альфредомъ, противиться той грусти, которую она читала въ глазахъ его,—могла ли стерпеть, чтобы столь естественное подозрѣніе ослабило, или вовсе уничтожило его любовь? Насталъ вечеръ; Альфредъ повелъ жену въ собраніе и не возвращался; тамъ былъ блестящій, шумный маскарадъ, множество народу. Улицы Э были запружены каретами любопытныхъ посѣтителей не только изъ Тамбера, но даже изъ Женевы.

Весь этотъ блескъ всеобщей радости удвоивалъ мрачную задумчивость Мины. Она не могла оставаться въ комнатѣ, гдѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, напрасно прождала человека, черезъ чуръ любезнаго, который не являлся. Она пошла къ своей компаньонкѣ. Тамъ встрѣтило ее также горе;

эта женщина холодно просила позволенія оставить ее, прибавивъ, что при всей своей бѣдности, она не можетъ исполнять болѣе не очень честную роль, которую ей поручили.

Минь, не имѣвшей характера, способнаго на благоразумныя рѣшенія, въ крайнихъ обстоятельствахъ достаточно было одного слова, чтобы представить себя въ совершенно новомъ видѣ все теченіе жизни.

« Въ самомъ дѣлѣ, сказала она, пораженная замѣчаніемъ своей компаньонки, мое пересодѣванье ни для кого уже не тайна: я лишилась чести. Безъ сомнѣнія, я слышу искательницею приключеній. Если же я все уже потеряла для Альфреда, то очень глупо лишать себя счастья видѣть его. По крайней мѣрѣ, на балѣ я могу смотрѣть на него, какъ мнѣ хочется, и изучать его душу».

Она потребовала масокъ, домино; съ ней были изъ Парижа брилліанты, и она надѣла ихъ, чтобы не быть узнавшею Альфредомъ, а также, чтобы выдвинуться изъ толпы масокъ и добиться случая говорить съ нимъ. Мина явилась на редутъ, подъ руку съ своей компаньонкой, и своимъ молчаніемъ обратила вниманіе всѣхъ. Наконецъ, она увидала Альфреда, который показался ей очень печальнымъ. Мина слѣдила за нимъ глазами и была совершенно счастлива, какъ вдругъ кто-то очень тихо сказалъ ей: « Любовь узнаетъ и пересодѣтую дѣвицу Вангелъ. » Она съ ужасомъ обернулась, совершенно смущенная. То былъ графъ де-Рюпперъ. Не могло быть болѣе роковой встрѣчи.—Я узналъ ваши алмазы, которые оправлялись въ Берлинъ, сказалъ онъ. Я былъ въ Теплицѣ, въ Спа, въ Баденѣ, обѣгалъ всѣ воды Европы, чтобы найти васъ.—Если вы скажете еще одно слово, отвѣчала ему Мина, то мы никогда въ жизни не увидимся съ вами.—Будьте завтра въ семь часовъ вечера противъ дома подъ N 17, на улицѣ Шамбери.

« Какъ помѣшать г. де-Рюпперу открыть мою тайну Ларселямъ, съ которыми онъ на короткой ногѣ? » Вотъ роковая мысль, волновавшая Мину въ теченіе цѣлой ночи. Нѣсколько разъ, въ своемъ отчаяніи, она хотѣла послать за лошадьми и тотъ-часъ же уѣхать. Но Альфредъ всегда будетъ думать, что та

Анхенъ, которую онъ такъ любилъ, была женщина недостойная никакого уваженія, скрывающаяся вслѣдствіе какого-нибудь дурнаго поступка. «Сверхъ того, если я уѣду, не предупредивши г. де-Рюшперъ, то онъ, не смотря на все уваженіе ко мнѣ, способенъ разгласить мою тайну. Но если я останусь, то чѣмъ отвлечь подозрѣніе Рюшпера, какимъ вымысломъ?...»

Въ томъ же маскарадѣ, въ которомъ Мина такъ не кстати встрѣтилась съ де-Рюшперомъ, всѣ глупые свѣтскіе люди, которые ѣздятъ на воды, чтобы разсѣять свою скуку, по обыкновенію, окружали г-жу де-Ларсей. Не зная, что сказать ей въ этотъ вечеръ, потому что общія мѣста, ириличныя въ гостиныхъ, негодятся для маскарада, они заговорили съ ней о красотѣ ея нѣмецкой горничной. Между ними даже нашелся такой смѣлый глупецъ, который позволилъ себѣ сдѣлать нѣсколько неделикатныхъ намековъ на предполагаемую ревность г-жи де-Ларсей. Одна грубая маска даже подала ей советъ отмстить мужу, заведя любовника. Это слово вывело изъ себя женщину, впрочемъ, очень благоразумную и привыкшую къ фиміаму лести, которой окружаетъ жизнь людей богатыхъ и поставленныхъ высоко.

На другой день послѣ бала устроилось катанье по озеру; Мина была свободна и могла отправиться къ г-жѣ Крамеръ, гдѣ и приняла г. де-Рюшпера. Онъ еще не успѣлъ оправиться отъ своего удивленія.—Большія несчастія, измѣнившія мое положеніе, сказала ему Мина, заставили меня отдать справедливость вашей любви. Можете ли вы жениться на вдовѣ? — Такъ вы были тайно за-мужемъ? сказалъ графъ, поблѣднѣвъ.—Какъ же вы не догадались, отвѣчала Мина, когда я отказала вамъ и самымъ блестящимъ женихамъ Франціи?—Странный, но удивительный характеръ! воскликнулъ графъ, стараясь заставить ее забыть свое удивленіе.

—Я соединена съ человѣкомъ недостойнымъ меня, продолжала дѣвица Вангелъ; но я протестантка, и мое вѣроисповѣданіе,—я почла бы себя счастливой, еслибы и вы къ нему принадлежали,—допускаетъ разводную. Не думайте однако, что—

бы я могла теперь любить кого-нибудь, даже человека, съумевшаго внушить къ себѣ совершенное уваженіе и довѣренность: я могу предложить вамъ одну лишь дружбу. Я люблю жить во Франціи; какъ забыть ее тому, кто знавалъ ее? Мнѣ нуженъ покровитель: у васъ громкое имя; вы умны; а тутъ все, что даетъ блестящее положеніе въ свѣтъ. Богатство можетъ сдѣлать вашъ отель первымъ домомъ въ Парижѣ. Хотите ли вы слушаться меня какъ ребенокъ? На этомъ условіи, но лишь только на этомъ, я предлагаю вамъ свою руку черезъ годъ.

Въ продолженіе этой длинной рѣчи, графъ де-Рюпперъ рассчитывалъ, какъ не пріятно будетъ поддерживать такой романъ, но все-таки при огромномъ богатствѣ и съ женщиною по душѣ доброю. Онъ очень мило поклялся Мишѣ въ повиновеніи, истощилъ всѣ средства, чтобы нѣсколько болѣе проникнуть въ ся тайны. — Ваши усилія совершенно бесполезны, отвѣчала она, смѣясь. Будетъ ли у васъ мужество льва и покорность ребенка? — Я вашъ рабъ, отвѣчалъ графъ. — Я живу тайно въ окрестностяхъ Э, но знаю все, что происходитъ въ немъ. Черезъ недѣлю, или дней девять, посмотрите на озеро, какъ пробьетъ полночь на приходскихъ часахъ: вы увидите огонь, блистающій надъ водою. На другой день, въ девять часовъ утра, я буду здѣсь и позволяю вамъ тоже придти сюда. Но произнесите только мое имя, скажите кому-нибудь хоть слово, — и во всю жизнь вы меня не увидите болѣе.

Послѣ катанія по озеру, въ продолженіе котораго разговоръ не однажды касался красоты Анхень, г-жа де-Ларсей возвратилась домой въ какомъ-то раздраженіи, совершенно чуждомъ ея характеру, полному достоинства и умренности. Она заговорила съ Миной въ очень жесткихъ выраженіяхъ, которыя растерзали сердце молодой нѣмки, потому что они были произнесены въ присутствіи Альфреда, который не защитилъ ее. Въ первый разъ она отвѣтила тонко, но ѣдко. Г-жа де-Ларсей видѣла въ этихъ словахъ увѣренность дѣвушки, которую внушаемая ею любовь заставляетъ даже забываться, — и гнѣвъ ея уже не зналъ предѣ-

ловъ. Она обвиняла Мину въ томъ, что она назначаетъ коекому свиданія у г-жи Крамеръ, которая, не смотря на притворную ссору, за одно съ нею.

— Ужь не выдалъ ли меня это чудовище Рюпперъ? спрашивала себя Мина.

Альфредъ посмотрѣлъ на нее пристально, какъ бы стараясь узнать истину. Этотъ не деликатный взглядъ дагъ ей все мужество отчаянiя. Она холодно отвергла взводимую на нее клевету, и не прибавила къ этому ни слова. Г-жа де-Ларсей отказала ей. Въ два часа ночи, сопровождаемая вѣрнымъ Дюбуа, Мина отправилась къ г-жѣ Крамеръ.

Сидя въ своей комнатѣ, она проливала слезы бѣшенства, размышляя о скудныхъ средствахъ мщенiя, которыя предоставляло ей то положенiе, въ которое она себя поставила. Ужь не лучше ли, сказала она себѣ, бросить все это и уѣхать въ Парижъ? Предпринятое мною выше моего ума. Но тогда у Альфреда не останется другаго воспоминанiя обо мнѣ, кромѣ презрѣнiя, и онъ будетъ презирать меня во всю жизнь, прибавляла она, заливаясь слезами. — И она чувствовала, что съ такой ужасною мыслію, которая никогда не покинетъ ее, она будетъ еще несчастнѣе въ Парижѣ, чѣмъ въ Э. «Г-жа де-Ларсей клеветаетъ на меня; Богъ знаетъ, что говорятъ обо мнѣ на редутъ! Эти рѣчи всѣхъ совершенно уронятъ меня въ глазахъ Альфреда. Какъ можно французу не думать такъ, какъ всѣ думаютъ? Онъ слышалъ, какъ меня чернили въ его глазахъ, и не заступился за меня, не обратился ко мнѣ ни съ однимъ словомъ утѣшенiя! Но какъ! развѣ я еще люблю его? Страшныя мученiя, претерпѣваемыя мною, не послѣднiя ли усилiя этой несчастной любви? Нѣтъ! низко будетъ не отстѣть за себя!» Такова была послѣдняя мысль Мины.

Лишь только разсвѣтало, она послала за г. де-Рюпперомъ. Поджидая его, она въ волненiи ходила по саду. Мало-по-малу возшло прекрасное лѣтнее солнце и освѣтило сибующіеся холмы озерныхъ окрестностей.

Эта радость природы удвоила мученье Мины. Наконецъ, графъ де-Рюпперъ явился. — Это глупецъ, сказала про

себя Мина, видя, что онъ идетъ; сначала надобно дать ему проговорить цѣлый часъ.

Она приняла г. де-Рюппера въ гостинной, и мрачный взоръ ея считалъ минуты на стѣнныхъ часахъ. Графъ былъ въ восхищеніи: въ первый разъ эта молоденькая чужестранка слушала его со вниманіемъ, достойнымъ его любезности. — Вѣрите ли вы, по крайней мѣрѣ, моимъ чувствамъ? сказалъ онъ, когда стрѣлка достигла той минуты, которою оканчивался часъ терпѣнія.

— Вѣрю всему, только отместите за меня, сказала она.

— Что же дѣлать мнѣ?

— Понравится г-жѣ де-Ларсей, и сдѣлать такъ, чтобы мужъ ея ясно увидѣлъ, что она обманываетъ его, — чтобы онъ не могъ и сомнѣваться въ этомъ. Тогда онъ выместитъ на ней тѣ клеветы, которыми эта женщина отравила мнѣ жизнь.

— Вашъ планъ ужасенъ, сказалъ графъ.

— Скажите лучше, что его трудно выполнить, отвѣчала Мина съ насмѣшливою улыбкою.

— Чтобы трудно, — такъ этого не думаю, отвѣчалъ графъ, обидясь. — Я погублю эту женщину, небрежно прибавилъ онъ. А жаль: она добрая женщина.

— Берегитесь, милостивый государь, я нисколько не желаю, чтобы вы дѣйствительно понравились г-жѣ де-Ларсей, сказала Мина. Я желаю только, чтобы мужъ ея не сомнѣвался въ томъ, что вы ей нравитесь.

Графъ ушелъ; Мина стала менѣ несчастлива: Мстить — это дѣйствовать; а дѣйствовать значить надѣяться. — Но если Альфредъ умретъ, и я умру! — И она улыбнулась. Счастіе, которое чувствовала она въ эту минуту, разлучило ее на всегда съ добродѣтелью. Испытаніе этой ночи было слишкомъ сильно для ея характера; она вовсе не была приготовлена быть оклеветанною въ глазахъ Альфреда и видѣть, что онъ вѣритъ этимъ клеветамъ. Она могла еще и послѣ этого произнести слово: добродѣтель; но это уже былъ одинъ обманъ; мщеніе и любовь овладѣли ея сердцемъ.

Мина составила уже въ умѣ планъ мщенія; но можно ли было привести его въ исполненіе? Вотъ единственное сомнѣніе, представлявшееся ей. У ней было только одно средство дѣйствовать: — преданность глупца и богатство.

Вдругъ явился г. де-Ларсей. — Что вамъ угодно? гордо спросила его Мина.

— Я очень несчастливъ, и пришелъ поплакать съ лучшимъ другомъ, какой только былъ у меня въ мірѣ.

— Какъ! и ваше первое слово не увѣреніе, что вы считаете ложью взводимыя на меня клеветы. Ступайте вонъ.

— Сказать вамъ, какъ я это и дѣлаю, гордо продолжалъ Альфредъ, что я не нахожу счастья вдали отъ васъ, значить отвѣчать ложнымъ обвиненіямъ. Анхенъ, не сердитесь, прибавилъ онъ со слезами на глазахъ. Найдите благоразумный способъ для нашего соединенія, и я готовъ все сдѣлать. Располагайте мной, вырвите меня изъ пропасти, куда повергъ меня случай; что касается до меня, я не вижу никакого средства.

— Ваше присутствіе здѣсь оправдываетъ клеветы, г. де-Ларсей; оставьте меня, и — чтобы я васъ болѣе не видала.

Альфредъ удалился, но скорбѣй съ гнѣвомъ, чѣмъ съ горемъ. «Онъ ничего не нашелъ сказать мнѣ», говорила Мина; она была въ отчаяніи; почитала себя почти обязанною презирать человека, котораго обожала. Какъ! онъ не нашелъ никакого средства сблизиться съ нею! — И это мужчина, это военный! а она, молодая дѣвушка, она нашла средство, лишь только полюбила его, и средство ужасное, переодѣванье, которое обезчестило бы ее навсегда, если бы оно было открыто!... Но Альфредъ сказалъ: *располагайте мною, найдите благородное средство....* Видно, что въ душѣ Мины осталось еще мѣсто угрызенія совѣсти; потому что эти слова утѣшили ее: такъ у ней была сила дѣйствовать. «Однако, продолжалъ голосъ несчастія, Альфредъ не сказалъ, что не вѣрить клеветѣ. — Въ самомъ дѣлѣ, какъ я ни стараюсь въ своемъ безуміи увѣрить себя въ разницѣ обращенія нѣмцевъ и французовъ, я все-таки нисколько не похожа на горничную. Въ такомъ

случаѣ, къ чему дѣвушка моихъ лѣтъ переодѣнется и прѣдетъ на воды?—Но каковъ бы онъ ни былъ, я только съ нимъ хочу быть счастлива.—«Найдите средство, чтобы намъ соединиться, и я готовъ на все», сказалъ онъ.—Онъ слабъ и поручаетъ мнѣ одной заботиться о нашемъ счастьи.—Я беру на себя это дѣло, сказала она, вставая и въ волненіи ходя по гостиной. Посмотримъ сначала, можетъ ли его любовь противиться отсутствію, или онъ достоинъ презрѣнія во всѣхъ отношеніяхъ. Тогда Мина фонъ Вангель съумѣетъ забыть его.» Черезъ часъ послѣ этого она уѣхала въ Шамбери, который лежитъ отъ Э лишь въ двухъ миляхъ.

Прѣхавши въ Шамбери, г-жа Крамеръ пригласила къ себѣ молодаго женевца, изучавшаго богословіе, чтобы сдѣлаться протестантскимъ священникомъ, приходитъ къ ней всякій вечеръ и объяснять Библию ей и Анхенъ, которую она съ этихъ поръ по дружбѣ и какъ бы въ вознагражденіе за свой прежній гнѣвъ, называла своєю племянницею. Г-жа Крамеръ остановилась въ лучшей гостинницѣ, и объяснить ея поведеніе было не трудно. Почитая себя больною, она призвала къ себѣ лучшихъ шамберійскихъ врачей и щедро платила имъ. Мина, при этомъ случаѣ, посоветовалась съ ними о какой-то нахожденной болѣзни, которая, по временамъ, лишала ее прекраснаго цвѣта, и сообщала ей какой-то смуглый.

Компаньонка начинала успокоиваться, а имя Крамеръ, которое заставили ее принять, и поведеніе дѣвицы фонъ Вангель, ужь не такъ тяготили ее; она просто-на-просто считала ее безумною. Мина наняла себѣ дачу на одномъ возвышеніи, въ полу-лѣ отъ Шамбери, гдѣ Ж.-Ж. Руссо, какъ онъ самъ рассказываетъ, провелъ счастливейшіе дни своей жизни. Сочиненія этого писателя составляли ея единственное утѣшеніе. Однажды, на минуту и ей улыбнулось счастье. На поворотѣ тропинки, въ каштановой рощицѣ, противъ скромнаго своего жилища, она встрѣтила Альфреда. Двѣ недѣли, какъ Мина не видала его. Онъ съ скромностію, которая привела ее въ восхищеніе, предложилъ ей отойти отъ г-жи Крамеръ и принять отъ него небольшую сумму ежегоднаго дохода.

«Тогда у васъ самихъ будетъ горничная, вамъ не нужно будетъ жить при мѣстѣ, и мы будемъ видѣться съ вами только въ ея присутствіи.» Анхень отказалась. Она сказала ему, что теперь г-жа Крамеръ сдѣлалась къ ней очень добра и, кажется, раскаявается въ своемъ обращеніи съ нею во время ихъ пріѣзда въ Э. «Я очень хорошо помню, сказала она наконецъ, клеветы, которыя взвела на меня г-жа де-Ларсей. И онъ-то заставляють меня просить васъ не приходить къ намъ на дачу.»

Нѣсколько дней спустя, она отправилась въ Э и осталась очень довольна г. де-Рюпперомъ. Г-жа де-Ларсей и ея новыя пріятельницы, пользуясь хороішей погодой, устраивали разныя прогулки по окрестностямъ. На одной изъ этихъ прогулокъ эти дамы отправились въ Готъ-Комбъ, — аббатство, лежащее на противоположномъ берегу озера Бурже, напротивъ Э, — (Сенъ-Дени Сардинскихъ королей съ 1814 года). Г. де-Рюпперъ, который, слѣдуя наставленіямъ Мины, избѣгалъ общества г-жи де-Ларсей, промелькнулъ въ лѣсу, окружающемъ Готъ-Комбъ. Этотъ застычивый поступокъ челоуька, извѣстнаго своею гордостью, очень удивилъ друзей г-жи де-Ларсей. Они ясно поняли, что онъ страстно въ нее влюбленъ; Дюбуа извѣстилъ Мину, что господинъ его впалъ въ мрачную задумчивость. — Онъ груститъ о пріятномъ обществѣ, и, прибавилъ Дюбуа, у него есть еще другая причина. Кто бы подумалъ о такомъ благоразумномъ челоуькѣ? Графъ де-Рюпперъ внушаетъ ему ревность!

Эта ревность забавляла г. де-Рюпперъ. — Но позвольте ли вы мнѣ, сказалъ онъ дѣвицѣ Вангель, дать этому бѣдному Ларсей случай перехватить страстное письмо, которое напишу я къ его женѣ? Ничего не будетъ смѣшнѣе, какъ ея оправданія, когда онъ рѣшится заговорить съ ней объ этомъ. — Въ добрый часъ, отвѣчала Мина; но пуще всего, прибавила она очень жестко, старайтесь не имѣть дѣла съ г. де-Ларсей; если онъ умретъ, то я никогда не выйду за васъ за-мужъ.

Она скоро раскаялась, что сказала такимъ строгимъ голосомъ эти слова, и постаралась заставить себя простить ихъ. Но она замѣтила, что г. де-Рюпперъ не почувство-

валь жесткости вырвавшася у ней слова, и ея къ нему холодности.

Онъ разсказаль ей, что, кажется, г-жа де-Ларсей была не совсѣмъ равнодушна къ его вниманію; но, чтобы позабавиться самому, онъ, ухаживая за нею очень усердно, старался, когда могъ поговорить съ нею наединѣ, обращаться къ ней съ равнодушными словами и безцвѣтными фразами. Мина осталась довольною его образомъ дѣйствія. Въ ея характеръ было что-то такое, что имѣло признакъ ума, хотя и было совершенною его противоположностью и не позволяло ей презирать челоуѣка вполнину. Она смѣло совѣтовалась съ г. де-Рюпперъ объ томъ, какъ помѣстить повыгоднѣе ея деньги во Франціи, и прочитала ему письма своего повѣреннаго въ Кёнигсбергъ и парижскаго банкира. Она замѣтила, что видъ этихъ писемъ избавилъ ее отъ слова, на основаніи котораго могли бы думать объ ея участіи къ г. де-Ларсей.

Какая разница! говорила сама себѣ Мина въ то время, когда г. де-Рюпперъ высказываль ей свое мнѣніе относительно помѣщенія денегъ. И есть люди, которые находятъ, что онъ умнѣе и пріятнѣе Альфреда! Что это за народъ! Да, это грубые дикари!—это водевилисты.—Мнѣ болѣе нравилось бы величавое добродушіе монахъ честныхъ Нѣмцевъ, если бы не было для меня печальной необходимости явиться при дворѣ и выйдти за-мужъ за адъютанта, любимца великаго герцога!

Дибуа пришелъ объявить Минѣ, что Альфредъ перехватилъ странное письмо отъ графа де-Рюппера, адресованное на имя г-жи де-Ларсей; Альфредъ показаль его своей женѣ, но та объявила, что это письмо не болѣе, какъ дурная шутка. При этомъ извѣстіи Мина не могла совладѣть съ своимъ безпокойствомъ. Г. де-Рюпперъ могъ разыгрывать всякія роли, исключая роли слишкомъ терпѣливаго челоуѣка. Она предложила ему провести съ недѣлю въ Шамбери; онъ не слишкомъ торопился исполнить это.—«Я дѣлаю выходки довольно странныя», отвѣчалъ онъ, пишу письмо, которое можетъ сдѣлать изъ меня анекдотъ; поэтому я, по крайней мѣрѣ, не долженъ показывать виду, что прячусь. — А между тѣмъ, вы именно

должны спрятаться, заносчиво сказала Мина. Хотите ли вы мстить за меня?—да или нѣтъ? Я вовсе не хочу, чтобы г-жа де-Ларсей была обязана мнѣ счастьемъ сдѣлаться вдовою. — Бьюсь объ закладъ, что вамъ лучше хотѣлось бы, чтобъ мужъ ея былъ вдовцемъ! сказалъ г. де-Рюпперъ. — А вамъ что за дѣло? возразила Мина. — И у ней произошелъ довольно жаркій споръ съ г. де-Рюпперомъ, который оставилъ ее, сильно раздраженный. Но повидимому, онъ размыслилъ, какъ мало было вѣроятности въ томъ, чтобы кто-нибудь выдумалъ клевету, которой онъ боялся. Тщеславіе же напомнило ему, что храбрость его всѣмъ извѣстна. Онъ могъ однимъ поступкомъ загладить всѣ сумасбродства своей молодости и вдругъ пріобрѣсть важное мѣсто въ парижскомъ обществѣ: а это было лучше дуэли.

Первое лицо, которое увидала Мина на своей дачѣ, на другой день послѣ возвращенія изъ Э, былъ г. де-Рюпперъ. Его присутствіе сдѣлало ее счастливою; но въ тотъ же вечеръ она опять была сильно обезпокоена: г. де-Ларсей пріѣхалъ навѣстить ее. — «Я не буду искать ни извиненій, ни предлоговъ, сказалъ онъ просто. Я не могу провести двухъ недѣль, не видѣвши васъ, а вчера минуло ровно двѣ недѣли, какъ я васъ не видѣлъ». — Мина также считала дни; никогда не чувствовала она такого неотразимаго влеченія къ Альфреду, какъ теперь; но она боялась, чтобы у него не вышло чего-нибудь съ г. де-Рюпперомъ. И она употребила всѣ возможныя усилія, чтобы узнать отъ него что-нибудь касательно перехваченнаго письма, но лишь нашла его озабоченнымъ, а онъ не сказалъ ничего, кромѣ, какъ: у меня есть большое горе, но это не касается ни честолюбія, ни денегъ; очевиднымъ же слѣдствіемъ моего печальнаго положенія—есть усиленіе моей страстной дружбы къ вамъ. Больше же всего меня приводитъ въ отчаяніе то, что долгъ не имѣетъ никакой власти надъ моимъ сердцемъ. Рѣшительно я не могу жить безъ васъ.—А я не стану жить безъ васъ, сказала она, взявъ его за руку и покрывая ее поцѣлуями. — Берегите же жизнь свою, потому-что я не переживу васъ ни часу. — А! такъ вы все знаете, возразилъ Альфредъ, дѣлая надъ собою усиліе, чтобы не продолжать.

На другой день, по возвращении г-на де-Ларсей из Э, онъ получилъ второе безыменное письмо, въ которомъ уведомляли его, что въ продолжение его послѣдняго путешествія въ горы (то-есть во время его поѣздки въ Шамбери), жена его принимала у себя г. де-Рюпперъ. Письмо кончалось такъ: «Сегодня, около полуночи, должны принять г. де-Р..... Чувствую, что не могу внушать вамъ никакого довѣрiя; и потому не поступайте легкомысленно. Не сердитесь, если вы даже должны разсердиться, прежде чѣмъ убѣдитесь на самомъ дѣлѣ. Если я ошибаюсь и обманываю васъ, то вы заплатите только тѣмъ, что проведете ночь, спрятавшись гдѣ-нибудь, близъ комнаты г-жи де-Ларсей.»

Это письмо очень взволновало Альфреда. Черезъ минуту онъ получилъ нѣсколько словъ отъ Анхень. «Мы прiѣхали въ Э; г-жа Крамеръ въ своей комнатѣ, и я свободна, — приходите». Г. де-Ларсей подумалъ, что прежде, чѣмъ съѣсть въ саду насторожь, онъ успѣетъ провести десять минутъ съ Анхень. Онъ пришелъ къ ней въ сильномъ волненiи. Эта ночь, уже наступившая, должна была сдѣлаться столь же рѣшительною для Мины, какъ и для него; но она была спокойна. На всѣ возраженiя, представляемыя ей разсудкомъ, у ней былъ одинъ отвѣтъ: смерть. — Вы молчите, сказала Мина г-ну де-Ларсей; ясно, что съ вами случилось что-то необыкновенное. Такъ какъ вы согласились прiйти ко мнѣ, то я уже не отпущу васъ весь вечеръ.

Противъ ожиданiя Мины, Альфредъ легко согласился на это. — Я готовлюсь исправлять глупое ремѣсло мужей, сказалъ ей, наконецъ, Альфредъ. Я хочу спрятаться въ саду, — это, по моему мнѣнiю, менѣе тягостное средство избавиться отъ несчагiя, въ которое повергло меня безыменное письмо. — И онъ показалъ его Минѣ.

— Какое имѣете вы право, сказала ему Мина, безчестить г-жу де-Ларсей? Неужели вы не видите, что вамъ слѣдуетъ развестись? Вы покидаете ее и отказываетесь отъ права имѣть мѣсто въ ея сердцѣ; вы предоставляете ее скукъ, естественной въ тридцатилѣтней, богатой женщинѣ, у которой нѣтъ

ни малѣйшаго несчастія. И вы, который говорите, что любите меня, вы болѣе ея преступный, потому что вы прежде ея оскорбили ваши общія узы,—вы еще осмѣливаетесь осуждать ее!

Въ полночь все уже покоилось на берегахъ озера; легко можно было услышать шаги кошки; Мина пошла съ Альфредомъ за плетень изъ грабнины, которыми, обыкновенно, огораживаются сады въ Савоиѣ.

Вдругъ, какой-то человекъ прыгнулъ со стѣны въ садъ,—Альфредъ бросился было къ нему; Мина удержала его силой.—Что же вы узнаете, если убьете его? сказала она очень тихо. И если это просто воръ, или хоть любовникъ, да не вашей жены, то какъ вы будете жалеть, что убили его!—Альфредъ узналъ графа. Онъ былъ внѣ себя отъ гнѣва; Мина съ трудомъ удерживала его. Графъ взялъ лѣстницу, спрятанную у стѣны, проворно приставилъ ее къ деревянной галлерей, футовъ восемь или десять вышиною, которая шла вдоль перваго этажа. Одно изъ оконъ комнаты г-жи де-Ларсей выходило на эту галлерейю. Г. де-Рюшперъ вошелъ въ комнаты черезъ окно гостиной. Альфредъ побѣжалъ къ маленькой двери, выходившей въ садъ; Мина пошла за нимъ. Она не дала ему времени схватить огниво и зажечь свѣчку. Ей удалось отнять у него пистолеты.

—Развѣ вы хотите, говорила она, вашимъ пистолетнымъ выстрѣломъ разбудить больныхъ, занимающихъ остальные этажи этого дома? Это послужило бы забавнымъ анекдотомъ для завтрашняго утра! Даже въ минуту мщенія, въ моихъ глазахъ смѣшнаго, не лучше ли, чтобы злое и праздное общество узнало объ обидѣ въ одно время съ мщеніемъ?

Альфредъ подошелъ къ самой двери жениной комнаты; Мина все шла за нимъ.—Забавно бы было, сказала она, если бы, въ моемъ присутствіи, у васъ достало мужества обидѣть вашу жену!—Подошедъ къ двери, Альфредъ проворно отворилъ ее. Онъ видѣлъ, что г. де-Рюшперъ прошелъ комнату и подбѣжалъ къ окну. Графъ былъ на шесть шаговъ впе-

реди его; онъ отворилъ окно, бросился на галерею и потомъ въ садъ. Г. де-Ларсей быстро слѣдовалъ за нимъ; но въ ту минуту, какъ онъ достигнулъ ограды, отдѣлившей садъ отъ озера, барка, въ которую бросился г. де-Рюпперъ, была въ пяти или шести туазахъ отъ берега. — До завтра, г. де-Рюпперъ, закричалъ ему Ларсей. Отвѣта не было. Ларсей въ ту же минуту отправился въ комнату жены. Онъ нашелъ Мину въ волненіи, ходившую по гостиной, которая была рядомъ съ спальней. Она остановила Альфреда, когда онъ проходилъ мимо. — Чтѣ вы намѣрены дѣлать, спросила она: убить г-жу де-Ларсей. По какому праву? я не позволю этого. Если вы не отдадите мнѣ вашего кинжала, то я закричу, чтобы она бѣжала отъ васъ. Правда, что присутствіе мое повредитъ мнѣ ужасно въ глазахъ всѣхъ вашихъ слугъ. — Мина видѣла, что эти слова произвели свое дѣйствіе. — Какъ! вы любите меня, а хотите обезславить! прибавила она съ живостью. Г. де-Ларсей бросилъ ей свой кинжалъ, и въ бѣшенствѣ вошелъ въ комнату жены. Сцена была горячая. Г-жа де-Ларсей, совершенно невинная, думала, что дѣло шло о вору; она не видала и не слыхала Рюппера. Вы безумецъ, сказала она, наконецъ, мужу, и дай Богъ, чтобы вы были только безумцемъ! Вы, кажется, хотите разводной, — и получите ее. По крайней мѣрѣ, будьте настолькоъ благоразумны, что хоть не говорите ни слова объ этомъ. Завтра я уѣду въ Парижъ; скажу, что вы путешествуете по Италіи, и что я не хотѣла съ вами туда ѣхать.

— Въ которомъ часу вы будете завтра драться? сказала дѣвица фонъ-Вангель, когда опять увидала Альфреда.

— Что говорите вы? отвѣчалъ де-Ларсей.

— Что со мною бесполезно притворяться. Я желаю, чтобы прежде, чѣмъ вы увидите съ г. де-Рюпперъ, вы помогли мнѣ сѣсть въ лодку. Я хочу покататься по озеру: если вы такъ безумны, что позволите убить себя, — озеро окончитъ мои несчастія.

— И такъ, милая Анхенъ, осчастливьте меня на этотъ вечеръ. Завтра, можетъ быть, это сердце, которое съ тѣхъ

поръ, какъ я знаю васъ, бьется только для васъ, эта хорошенькая ручка, которую я теперь прижимаю къ груди, будутъ принадлежать трупу. Этотъ прекрасный день—высокая минута нашей жизни, и пусть онъ будетъ самымъ счастливымъ!

Мина съ трудомъ противилась восторгамъ Альфреда. — Я буду ваша, сказала она, наконецъ, но вы должны жить. Въ эту минуту жертва была бы слишкомъ велика; я желаю, чтобы вы остались тѣмъ, чѣмъ вы были до сихъ поръ.

На другой день, гораздо прежде восхожденія солнца, Альфредъ пришелъ за ней и посадилъ ее въ хорошенькую лодочку. — Мечтали-ли вы о большемъ того счастья, какимъ мы теперь наслаждаемся? говорила она Альфреду, когда они еще подходили къ озеру.

— Съ этой минуты вы принадлежите мнѣ, вы жена моя, сказалъ Альфредъ, и я обещаю, что буду жить и приду сюда на берегъ позвать васъ.

Било шесть часовъ, когда Мина готова была сказать ему, кто она. Она не хотѣла отдаляться отъ берега, гдѣ лодчишки принялись удить, что избавило ее отъ ихъ вниманія и доставило ей удовольствіе; когда пробило восемь часовъ, она увидѣла Альфреда бѣжавшаго къ берегу. — Онъ былъ очень блѣденъ. Мина тотчасъ вышла. — Онъ раненъ, и можетъ быть, опасно, сказалъ ей Альфредъ. — Возьми эту лодку, другъ мой: сказала ему Мина. Этотъ случай предастъ васъ во власть здѣшнему начальству. Постарайтесь исчезнуть дня на два. Побѣжайте въ Лионъ, а я васъ буду извѣщать обо всемъ, что здѣсь случится.

Альфредъ колебался. — Подумайте, что скажутъ посѣтители водъ. — Это убѣдило г-на де-Ларсей; онъ сѣлъ въ лодку.

На другой день г. де-Рюпперъ былъ внѣ опасности; но долженъ былъ пролежать мѣсяцъ или два въ постели. Мина видѣлась съ нимъ ночью и выразила ему много сочувствія и дружбы. — Развѣ вы не женихъ мой? сказала она съ притворствомъ, полнымъ естественности. Она убѣдила его принять значительный вексель на своего Франкфуртскаго

банка. — Я должна ѣхать въ Лазану, сказала ему Мина. Я хочу, чтобы вы, прежде нашей свадьбы, выкупили вашу великолѣпный наследственный отель, который вы принуждены были продать, по вашимъ же глупостямъ. Для этого надобно продать одно обширное владѣніе, которое есть у меня не далеко отъ Кюстрина. Когда вы будете въ состояніи ходить, побзжайте и продайте это имѣніе; я перешлю вамъ изъ Лозаны нужную для этого довѣренность. Спустите цѣну, если это будетъ нужно, или дисконтируйте векселя, которые вы получите. Однимъ словомъ, во что бы то ни стало, до будьте наличныхъ денегъ. Если я выйду за васъ за-мужъ, то приличіе требуетъ, чтобы, при свадебномъ контрактѣ, вы были такъ же богаты, какъ и я.

Графъ ничуть и не подозрѣвалъ, что Мина поступала съ нимъ, какъ съ наемникомъ, котораго можно наградить деньгами.

Въ Лазанѣ Мина была такъ счастлива, что получала отъ Альфреда письма съ каждой почтой.

Г. де-Ларсей начиналъ понимать, на сколько дуэль упрочила его положеніе въ отношеніи къ Минѣ и къ его женѣ. «Она не виновата передъ вами, говорила ему Мина; вы первые оставили ее посреди цѣлой любезной толпы людей; она, можетъ быть, только ошиблась, выбравъ г. де-Рюпперъ; но счастье г-жи де-Ларсей не должно уменьшиться въ денежномъ отношеніи.»

Альфредъ предоставилъ ей пятьдесятъ тысячъ франковъ ежегодно, что составляло большую половину его доходовъ. «На что мнѣ деньги?» писалъ онъ къ Минѣ. «Я намеренъ не являться въ Парижъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, — до тѣхъ поръ, пока это смѣшное приключеніе не будетъ забыто.» — «Вотъ этого-то я и не хочу; ваше возвращеніе должно быть важнымъ событіемъ. Цѣлыя двѣ недѣли показывайтесь въ обществѣ, покуда вы его очень занимаете. Подумайте, что жена ваша ни въ чемъ не виновата.»

Мѣсяць спустя, г. де-Ларсей присоединился къ Минѣ въ прелестной деревнѣ Белжиратъ, на берегахъ Лаго-Мад-

жіоре, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Борромейскихъ острововъ. Мина путешествовала подъ чужимъ именемъ; она была такъ влюблена, что сказала Альфреду: «Если хотите, то можете сказать г-жѣ Крамеръ, что вы мой *женихъ*, какъ говорится у насъ въ Германіи. Я всегда буду рада вашимъ посещеніямъ, но не стану принимать васъ безъ г-жи Крамеръ.»

Г. де-Ларсей чувствовалъ, что чего-то не доставало для его полнаго счастья. Но едва ли въ жизни какого челоуька найдется такая счастливая пора, какою была для Альфреда сентябрь, проведенный вмѣстѣ съ Миной на берегу Лаго-Маджіоре. Мина нашла Альфреда столь благоразумнымъ, что мало-по-малу утратила привычку брать съ собою, во время прогулокъ, г-жу Крамеръ.

Однажды, плывя по озеру, Альфредъ сказалъ ей, смѣясь: — Кто же вы, моя волшебница? Считать васъ за горничную г-жи Крамеръ, или даже и нѣсколько выше этого, нѣтъ возможности.

— Ну, посмотримъ же, чѣмъ бы вы хотѣли найти меня? Актрисой, выигравшей большой кушъ въ лоттерей и пожелавшей прожить нѣсколько лѣтъ въ волшебномъ мірѣ, или завлеченной дѣвушкой, которая, по смерти своего обожателя, захотѣла перемѣнить родъ жизни?

— Если бы вы были такою, или даже хуже, но если бы завтра узналъ я о смерти г-жи де-Ларсей, то на другой же бы день сталъ просить вашей руки.

Мина бросилась ему на шею. — Я Мина фонъ-Вангель, которую вы видѣли у г-жи де-Сели. Какъ вы не узнали меня? Ахъ! это отъ того, что любовь слѣпа, прибавила она, смѣясь.

Какъ ни велико было счастье Альфреда, когда онъ узналъ, что можетъ уважать свою Мину, но счастье Мины было еще задушевнѣе. Для ея счастья не доставало до сихъ поръ искренности. Любить кого-нибудь и обманывать — большое несчастье!

Впрочемъ, дѣвица фонъ-Вангель хорошо бы сдѣлала,

если бы не сказывала г. де-Ларсей своего имени. По прошествии нескольких месяцев, Мина замѣтила, что Альфредъ сдѣлался несколько задумчивъ. Они прѣехали на зиму въ Неаполь, называясь въ паспортъ мужемъ и женой. Мина не скрывала отъ Альфреда ни одной мысли. Но умъ ея пугалъ его. Мина вообразила, что онъ скучаетъ по Парижѣ, и на колѣняхъ умоляла его съѣздить туда хоть на мѣсяць, но онъ клялся, что нисколько не желаетъ этого. Задумчивость его продолжалась. — Я подвергаю большой опасности счастье моей жизни, однажды сказала ему Мина, но ваша задумчивость еще сильнѣе моей рѣшимости. — Альфредъ не понялъ, что она хотѣла этимъ сказать, но ничто не могло сравниться съ его восторгомъ, когда послѣ полудня она сказала ему: — «Пойдемъ въ Torre del Greco.»

Она думала, что угадала причину грусти, замѣченной ею въ Альфредѣ, съ тѣхъ поръ, какъ она вся отдалась ему, потому что онъ былъ совершенно счастливъ. Обезумѣвъ отъ счастья любви, Мина не забыла всѣ свои мысли. — Еслибъ завтра пришлось даже умереть, говорила она себѣ, то я еще не слишкомъ дорого заплачу за счастье, которымъ наслаждаюсь, послѣ дуэли Альфреда. — Она считала неизгнаннымъ счастьемъ дѣлать все то, чего желалъ Альфредъ. Въ восторгѣ отъ этого блаженства она не старалась даже прикрывать слишкомъ сильныя мысли, составлявшія основу ея характера. Ея способъ искать счастья долженъ былъ казаться не только страннымъ для всякаго человека, но даже оскорблять его. До сихъ поръ она старалась щадить въ господинѣ де-Ларсей то, что она называла его французскими предразсудками; она чувствовала нужду объяснять различіемъ націй то, чѣмъ не могла въ немъ восхищаться: тутъ Мина почувствовала всю невыгоду сельскаго воспитанія, даннаго ей ея отцемъ: это воспитаніе могло сдѣлать ее невыносимою!

Въ своемъ упоеніи, она имѣла неблагоразуміе мыслить при Альфредѣ въ-слухъ. Счастливъ тотъ, кто въ этомъ періодѣ любви *внушаетъ жалость*, а не зависть въ любимомъ *человѣкѣ*! Она была совершенно безумная: любимецъ ея

представлялся ей первообразомъ всего благороднаго, любезнаго и достойнаго обожанія, такъ-что если бы она и хотѣла, то не имѣла бы силы скрыть отъ него ни одной изъ своихъ мыслей. Умалчивать о роковой интригѣ, которая была причиною случившагося ночью въ Э, уже давнымъ давно было выше силъ ея.

Съ той минуты, какъ восторженность отняла у Мины возможность не быть вполне откровенною съ Альфредомъ, ея рѣдкія качества обратились противъ нея же. Мина шутила надъ задумчивостью, которую замѣчала въ немъ. Любовь, которую онъ внушалъ ей, скоро достигла высшей степени безумія. «Какъ глупо такъ тревожиться!» наконецъ, сказала она про себя. Ясно, что я люблю его больше, чѣмъ онъ меня. Безумная, зачѣмъ мучить меня то, что всегда встрѣчается въ самомъ величайшемъ блаженствѣ, какое только бываетъ на свѣтѣ. Къ моему же несчастію характеръ мой гораздо безпокойнѣе его характера, и наконецъ, Богъ правосуденъ (угрызенія совѣсти часто возмущали ея счастье, съ тѣхъ поръ, какъ оно достигло высшей степени), на душѣ моей лежитъ тяжкій грѣхъ: ночь въ Э отравляетъ жизнь мою.»

Мина свыклась съ мыслию, что сама природа судила Альфреду любить не такъ пламенно, какъ ей. «Еслибъ даже онъ былъ еще менѣе нѣженъ, то и тогда удѣлъ мой — обожать его. Я еще очень счастлива тѣмъ, что онъ не безчестный челоуѣкъ. Я вѣдь слишкомъ хорошо чувствую, что преступленія ничего не стоили бы мнѣ, если бы онъ захотѣлъ въ нихъ вовлечь меня.» Однажды, не смотря на все самообольщеніе Мины, ее поразило мрачное безпокойство, терзавшее Альфреда. Давно уже онъ принялъ намѣреніе предоставить свои доходы г-жѣ де-Ларсей, сдѣлаться протестантомъ и жениться на Минѣ. Въ этотъ день князь де-С. давалъ балъ, который привелъ въ движеніе весь Неаполь, и на который они, разумѣется, не были приглашены; Мина подумала, что ея любезный сожалѣетъ объ удовольствіяхъ и блескѣ огромнаго состоянія, и стала торопить его немедленно отправиться

въ Кенигсбергъ. Альфредъ опустилъ глаза въ землю и не отвѣчалъ ни слова. Но вдругъ онъ быстро поднялъ ихъ, и взоръ его выражалъ не любовь, но тяжкое подозрѣніе. Мина ужаснулась.

— Скажите мнѣ вотъ что, Мина: въ ту ночь, когда я засталъ Рюшера въ комнатѣ моей жены, знали-ли вы о намѣреніяхъ графа? Однимъ словомъ, не были ли вы за одно съ нимъ?

— Была, твердо отвѣчала Мина; г-жа де-Ларсей никогда и не помышляла о графѣ. Я думала, что вы принадлежали мнѣ, потому что я васъ любила. Оба безыменныя письма были отъ меня.

— Это низко, сказалъ Альфредъ холодно. Обманъ исчезъ: я ѣду къ женѣ. Жалю васъ, но уже не люблю.

Въ его голосъ слышалось оскорбленное самолюбіе. Онъ вышелъ.

Мина подошла къ окну и слѣдила глазами за своимъ любовникомъ, до самаго конца улицы. Когда Альфредъ исчезъ, она пошла въ его комнату и застрѣлилась изъ пистолета въ самое сердце.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗАМѢЧАНІЕ

О ПОЛИТИЧЕСКОМЪ РАВНОВѢСІИ (*).

.... Подъ равновѣсіемъ.... политическіе ораторы разумѣютъ, кажется, такое соразмѣрное разпредѣленіе силъ въ Европейскихъ Государствахъ, при которомъ онѣ не опасны одно другому. Но чѣмъ опредѣляется весь Государствъ и слѣдовательно равновѣсіе между ими? Земли, жителей, войска, теперь больше всѣхъ у Россіи; кораблей, товаровъ, торговли, колоній, — у Англіи; фабрикъ у Франціи, Англіи; денегъ у Англіи, Голландіи; теплой крови у Испаніи, Италіи; тучной почвы у Турціи; — показано ли взаимное отношеніе и значеніе разныхъ силъ въ общемъ весь Государства? И сколько встрѣчается непредвидимыхъ обстоятельствъ, когорыя имѣютъ на нихъ безконечное вліяніе! Одинъ гранъ ума не перевѣшиваетъ ли всегда пуды матеріи? Явился Колбертъ, и вотъ фабрики, торговля и колоніи у Франціи. Румянцевъ съ 17000 Русскихъ разбиваетъ 150-тысячное Турецкое войско. Одинъ городъ Москва даетъ отпоръ Наполеону и двадцати народамъ. Испанцы съ Американскимъ золотомъ умираютъ съ голоду, а Голландцы богаты въ болотахъ. Венеція, прежде одна, первенствовала въ Европейской торговлѣ, а теперь, подъ эгидою сильной Австрій-

(*) Это замѣчаніе напечаталъ я слишкомъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ, молодой еще тогда человекъ, преподавая политическую Исторію трехъ послѣднихъ столѣтій, въ отдѣленіи нравственно-политическихъ наукъ Московскаго Университета. Разумѣется, теперь, постарѣвъ, я могъ бы подтвердить и распространить эту статью вдесятеро, но полагаю, что и въ прежнемъ своемъ видѣ она достигаетъ своей цѣли, и потому помѣщаю ее безъ малѣйшей перемѣны. М. П.

ской Имперіи, ничего почти не значить. Петровъ флотъ, оживотворенный Императоромъ Николаемъ, сахарныя и суконныя заводы, у насъ возникающіе, не важнѣе ли географическаго присоединенія нѣсколькихъ областей? И не должны ли Европейскія Государства бояться больше учрежденія Ланкастерскихъ школъ въ Россіи отъ Просны до Чукотскаго носа и отъ Кяхты, Эривани до Таймурскаго мыса, чѣмъ нашествія новыхъ Аравитянъ, Монголовъ и Турокъ?

И такъ — организмъ Государствъ столь сложенъ, силы ихъ тѣлесныя и душевныя, тѣ, которыя развились уже, и тѣ, которыя еще таятся, столь разнообразны, непостоянны, а науки, къ нимъ относящіяся, столь молоды, что всѣхъ ихъ опредѣлить не лзя, и всѣ толки о такомъ равновѣсіи суть толки покамѣсь на обумъ Нѣтъ еще безмѣна, на которомъ бы можно развѣшивать Государства безъ значительныхъ походовъ, настоящихъ и будущихъ.

Являются изрѣдка государственныя гени, я согласенъ, которые отгадываютъ удѣльный вѣсь государствъ въ ту или другую минуту, (какъ опытный ювелиръ судить съ глазу о цѣнѣ драгоценнаго камня), но ни одинъ изъ нихъ не можетъ поручиться за слѣдующую: двадцатипятилѣтія не проходило въ Европѣ безъ того, чтобъ сія такъ называемая просвѣщенная страна не оглашалась громомъ пушекъ и стономъ человѣчества, и всякимъ новымъ миромъ измѣняется лице ея, вопреки всѣмъ предшествовавшимъ разсчетамъ, — иногда происходить важныя политическія перемѣны, даже совершенно противъ чаянія всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, на примѣръ рожденіе республикъ Швейцарской и Голландской. И такъ, временный покой въ томъ или другомъ углу, покой, который, какъ и война, умноженіе силъ, происходитъ иногда отъ постороннихъ и маловажныхъ, непредвидимыхъ обстоятельствъ, нарочитъ съ важными, (перемѣны Министровъ (*), браки (**), вступленія на

(*) Отставка Малборуга при Королевѣ Аннѣ, — Каннингъ и Веллингтонъ въ Англіи, — Виллель и измѣненное правительство во Франціи, и проч.

(**) Не приводя примѣровъ изъ Исторіи, укажемъ на выгодившую невѣсту Марію Глорію, которая любому счастью приноситъ въ приданое Португалію, а можетъ бракомъ умирить и разстроить ее.

престолъ новаго Государя (*), прекращеніе династій (**), никакъ нельзя назвать равновѣсіемъ. Напротивъ — я вижу въ Европѣ безпрестанное колебаніе: государства качаются подобно маятникамъ, — и никакой политикъ не осмѣлится утвердить, что теперь оны пришли въ центръ своей тяжести, находятся въ надлежащемъ равновѣсіи, и на всегда должны остаться въ нынѣшнемъ политическомъ положеніи. Почему, спросилъ бы я у такого, Венгры, на примѣръ, или южныя Славяне, составляющіе большую половину народонаселенія Австрійской Имперіи и Европейской Турціи, въ какомъ-нибудь двадцатомъ столѣтіи не образуютъ новыхъ Государствъ; почему не совокупятся въ одно цѣлое череполосныя Пьемонтскія или Италіянскія владѣнія? — Канцлеръ Оксенштирна и графъ Траутмансдорфъ, уравновѣшивавшіе Европу въ Минстеръ и Оснабрикъ, также совсѣмъ не могли предугадать, что на Сѣверѣ некогда должно родиться сильное Государство Пруссія, что Польское Королевство соединится съ Россією, — важныя политическія явленія послѣдняго времени!

Заключаю: можетъ быть Европейскія Государства, вмѣстѣ и порознь, имѣютъ свои важныя причины не допускать Россію, (или Францію, или Австрію, или А, или В, или С,) до новыхъ завоеваній, но къ числу ихъ никакъ не принадлежитъ нарушеніе равновѣсія.

До сихъ поръ мы говорили о равновѣсіи въ отношеніи къ настоящему времени; теперь обратимся къ прошедшему.

Дѣйствовали ли когда-нибудь Европейскія Государства, имѣя въ виду равновѣсіе?

Нѣтъ — хотя многіе писатели утверждаютъ противное, и мысль о равновѣсіи кладутъ въ главу своихъ Исторій.

(*) Елизавета воевала противъ Фридриха Великаго, а Петръ III, вступивъ на престолъ, принялъ его сторону; — у Фердинанда III такъ ли лежало сердце къ тридцатилѣтней войнѣ, какъ у Фердинанда II? и проч.

(**) Послѣ Филиппа IV въ Испаніи, послѣ Карла VI въ Имперіи, и проч.

Образованію системы Европейскихъ Государствъ въ настоящемъ видѣ, говоритъ Геренъ, весьма много содѣйствовало принятое правило охранять такъ называемое политическое равновѣсіе, то-есть, охранять обоюдную свободу и независимость противъ замысловъ и притязаній властолюбцевъ. Въ этомъ смѣслѣ первый періодъ новой политической Исторіи называетъ онъ періодомъ происхожденія, второй періодомъ утвержденія, а третій періодомъ нарушенія и возстановленія политическаго равновѣсія (*).

Бытіе, независимость, цѣлость Государствъ Европейскихъ, говоритъ Ансильонъ, требуютъ, чтобъ никакое Государство не выходило изъ соразмѣрности съ другими, ибо съ той минуты, какъ оно получитъ возможность исполнять всѣ свои желанія, оно будетъ желать того, чего не должно желать, не будетъ уважать ничего, осмѣлится на все, и — конецъ общей свободѣ. Такому Государству прочія должны противопоставить соединенныя свои силы и остановить его на незаконномъ пути. Это называетъ Ансильонъ системою противодѣйствій. (Выраженіе «система равновѣсія» ему не нравится потому, что возбуждаетъ идеи неясныя и неопредѣленныя). Система противодѣйствій, по его мнѣнію, есть средоточіе новой Европейской Исторіи, около коего должно уставлять всѣ бытія (fait, factum), безъ коего въ Исторіи царствуетъ хаосъ (**).

Нѣтъ. Во всѣхъ войнахъ Европейскихъ, наступательныхъ и оборонительныхъ, начиная отъ Итальянскихъ, въ коихъ, на примѣръ, Фердинандъ Католикъ Ноября 10 числа 1500 года вооружался на Лудовика XII, а 11 числа соединился съ нимъ, чтобъ послѣ чрезъ короткое время подраться опять за кость, — до 1812 года, когда вся Европа двинулась съ Наполеономъ на Россію, и 1813 года, когда вся Европа

(*) См. Handbuch der Geschichte des Europäischen Staatensystems und seiner Colonien; 1822. ч. I. с. 9.

(**) См. въ его Tableau des revolutions du systeme politique de l'Europe, 1823, Reflexions sur la puissance politique, с. 3—6.

Почитаю за излишнее приводить здѣсь подобныя слова многихъ другихъ писателей.

двинулась съ Россією на Наполеона, каждое Государство думало только о себѣ, а не обо всей Европѣ: нападавшее желало распространить свои владѣнія, оборонявшееся сохранить свои предѣлы. Съ этою цѣлію то и другое искало себѣ союзовъ. Съ этою цѣлію прочія приступали къ союзамъ, начиная отъ Камбрѣйскаго, которымъ вся юго-западная Европа собралась противъ одной Венеціи (1504), и который разсѣялся тотчасъ, лишь только участвовавшія государства получили себѣ по клоку шерсти, — и до послѣднихъ союзовъ Наполеонова времени (*).

Напротивъ—въ случаяхъ, гдѣ выгоды прочихъ Государствъ не сталкивались, гдѣ прочія Государства, прямо и непосредственно, ничего не лишались и ничего не выигрывали, тамъ до нашихъ временъ позволяли онѣ безпрекословно тому или другому Государству усиливаться и увеличивать свой вѣсъ вдвое, втрое, вдесятеро. Кто мѣшалъ Карлу V получить Имперію, Испанію, Нидерланды, часть Италіи, Новый свѣтъ? (**). Кто мѣшалъ Австріи овладѣть Богемією, Моравією, Силезією, Венгрією, Галлицією, Трансильванією? Кто мѣшалъ Туркамъ покорить Восточную Имперію и распространить свои завоеванія до воротъ Вѣны? Кто мѣшалъ Филиппу II надѣть на свою голову корону Испаніи, Нидерландовъ, Италіи, Новаго свѣта, и наконецъ присоединить къ себѣ Португалію? Кто мѣшалъ Англіи овладѣть Шотландією, Ирландією, Ост-Индією, перепутьями всемірной торговли? Кто мѣшалъ Россіи овладѣть Сибирью, и такъ далеко податься на Западъ? (***) Даже завоеватели, прямо, безъ всякаго права, посягавшіе на чужую собственность, достигали часто своей цѣли, если только умѣли наблюдать потребное благоразуміе: указываю на Фридриха

(*) Священнымъ союзомъ начинается новый періодъ Европейской Исторіи.

(**) Надвусь, не скажутъ на это, что сіи страны достались ему по праву наследства: въ такомъ случаѣ вся Европа можетъ достаться, скажу съ комикомъ, какому-нибудь счастливому наследнику всѣхъ своихъ родныхъ, — и гдѣжъ равновѣсіе!

(***) Замѣтимъ, что всѣ сіи огромныя приобрѣтенія дваны были покойно на томъ или другомъ краю, между тѣмъ какъ на другомъ кровъ поколѣній лилась за небольшою уголокъ земли.

Великаго, который на зло всей Европѣ далъ своему Государству новые предѣлы. Указываю на Наполеона, до 1812 года, подчинившаго себѣ всю Европу. (Замѣтимъ еще, что только сей политическій исполинъ крѣпкою своею мышцею связалъ противъ себя всѣ Европейскія Государства въ одинъ узелъ: а безъ одного узла, и допуская все прочее, выше опроверженное, нельзя уже было думать объ общемъ равновѣсїи). Наконецъ сколько Государствъ лишились своей политической независимости: Венгрія, Богемія, Шотландія, Ирландія, и проч. (*).

Ясно, что не отвлеченная мысль о равновѣсїи, а государственнй эгоизмъ, который съ просвѣщенїемъ уменьшается и обнаруживается подъ благовиднѣйшими формами, былъ главною пружиною, средоточїемъ, всѣхъ политическихъ дѣйствїй въ Государствахъ Европейскихъ.

Ему еще работаютъ, кажется, и теперь онъ; не желаетъ ли Австрія прїобрѣсти наслѣдство Оттоново? Не желаетъ ли Испанія возвратить себѣ подарокъ Альфонса IV? Не желаетъ ли Франція сдѣлать Рейвъ своею границею? Не желаетъ ли Англія овладѣть еще какими-нибудь мысами Добрая Надежды на Эгейскомъ и Черномъ моряхъ? — Европейскія Государства похожи, къ сожалѣнію, на скупцевъ, которые думаютъ больше о собранїи своихъ силъ, чѣмъ объ ихъ употребленїи.

Заключаю: и практическія дипломатія и теоретическая Исторія должны умолкнуть о равновѣсїи, которое до сихъ поръ было у всѣхъ на языкѣ, а не на умѣ. Для первой предлогъ этотъ обвегшалъ: головы въ Европѣ свѣтлѣютъ, и многіе граждане, ужь и не за кабинетными ширмами, не по шифрованнымъ нотамъ, знаютъ, что къ чему клонится, и ихъ обморо-

(*) Въ этомъ отношенїи правы ли тѣ Историки (Геретъ), которые внутреннюю свободу, то-есть, самостоятельность и взаимную независимость членовъ, составляющихъ систему Европейскихъ Государствъ, (*die innere Freiheit, d. i. die Selbstständigkeit und wechselseitige Unabhängigkeit seiner Glieder*), почитаютъ отличительнымъ характеромъ новой политической Исторїи? Какъ согласить съ нимъ уничтоженіе политическое многихъ Государствъ?

чивать не лзя. Дипломація, слѣдовательно, должна теперь говорить съ публикою или искренне, или хитре и искусне.

Ученые — не должны вѣрить Министрамъ на слово, не должны переписывать ихъ фразъ въ Исторію, а доискиваться до настоящаго ихъ смысла, подмѣчать и прикидывать на вски дѣйствія, и готовить запасы потомкамъ для соображеній.

Но неужели не можетъ быть истиннаго равновѣсія въ Европѣ?

Можетъ. Каждое Государство имѣетъ свой вѣсъ, но этотъ вѣсъ опредѣляется не произвольнымъ, догадочнымъ размежеваніемъ, не предписаніемъ держать столько войска, кораблей, имѣть столько или столько гаваней, мануфактуръ, не обладаваніемъ тѣмъ или другимъ городомъ, но естественомъ всего народа, суммою его физическихъ и моральныхъ, (тѣлесныхъ и душевныхъ), силъ, которыя не попались еще ни въ министерскія дедукціи, ни въ ученые положенія, для которыхъ вѣтъ еще термометра.

Какъ имѣетъ каждое Государство свой вѣсъ, такъ есть между ими и равновѣсіе, но уравниваютъ ихъ не Меттернихъ, не Веллингтонъ, но Тотъ, Имъ же царіе царствуютъ и господіе господствуютъ.

На Его коромыслъ пріобрѣтеніе, которому мы радуемся, означается, можетъ быть минусомъ, а потеря плюсомъ. Наши дальніе потомки узнаютъ, что Европа стремилась къ равновѣсію и достигла его часто вопреки всѣмъ расчетамъ и предположеніямъ своихъ сыновъ, которые только что колебали ее, даже желая успокоивать, (такъ Колумбъ искалъ себѣ славы въ освобожденіи Гроба Господня, а нашелъ ее низководомъ въ открытіи Америки), — разительное поученіе, что людьми исполняется какой-то высшій законъ.

Когда же наступитъ это желанное равновѣсіе между Государствами? —

Можетъ быть только тогда, какъ уравновѣсится душа съ тѣломъ въ человѣкѣ, — и Государства лишатся тѣлесной возможности колебаться, когда погаснетъ въ нихъ душевное желаніе колебать. — Покрайней мѣрѣ, чѣмъ болѣе станутъ приближаться они къ тому времени, тѣмъ, разумѣется, менѣе будетъ колебаній.

Кстати поклонимся здѣсь великому мужу, который во глубинѣ своего добраго сердца легко вѣрилъ въ возможность истиннаго равновѣсія между Европейскими Государствами, начиная съ своего времени, Генриху IV, Королю Французскому.

Ж. П.

1839.

(Еще вопросъ: какимъ образомъ слово равновѣсіе попало въ оборотъ такъ рано, — прежде нежели хотѣли и умѣли исполнять дѣйствіе, имъ означаемое? — По какому-то непонятному случаю, которому есть примѣры въ Исторіи наукъ, Ахенваль поставилъ въ число предметовъ сотворенной имъ Статистики нравственность и просвѣщеніе, и между тѣмъ только что описывалъ въ этой статьѣ качества того или другаго народа, слѣдовательно вовсе не достигалъ своей цѣли. Послѣдующіе Статистики шли по слѣдамъ его, и толковали, что Нѣмцы точны, Русскіе гостепріимны, Французы пылки и т. п. — Всякой здравомыслящій человѣкъ, вѣроятно, думалъ, что такіа описанія не приличны Статистикѣ, и должны быть исключены изъ нея; но теперь, читая Французскія статистическія извѣстія о числѣ ежегодно печатаемыхъ листовъ, уголовныхъ и другихъ преступленій, о содержаніи народонаселенія къ грамотнымъ, видишь, что нравственность и просвѣщеніе имѣютъ свои истинно статистическія стороны и входятъ въ составъ Статистики. Такъ бываетъ, прибавлю мимоходомъ, и въ многихъ дѣлахъ міра сего: сперва принимаютъ иную мысль безусловно, потомъ, не понимая ея и останавливаясь только на ея выраженіи (формѣ), начинаютъ смѣяться надъ нею и отвергаютъ ее, а, наконецъ, уже постигаютъ смыслъ ея, и отдають ей должную справедливость.

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

СМѢСЬ

ИЗЪ МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ 1795 ГОДА,

Н. М. Карамзина.

(Продолженіе).

Къ № 11. Малербъ, славной Французской лирикъ, любилъ говорить правду, и не хотѣлъ никогда льстить суетности людей. Однажды Архіепископъ Руанской, объѣдая съ нимъ вместе, просилъ его быть у вечерни въ той церкви, гдѣ ему надлежало сказывать проповѣдь. Малербъ послѣ объѣда заснулъ; и когда прелать сталъ будить его, говоря, что время идти въ церковь, стихотворецъ, протирая глаза, съ досадою сказалъ ему: *начто мнѣ ваша проповѣдь? я и безъ нее могу спать очень крѣпко.*—Когда Малербу говорили о государственныхъ дѣлахъ, онъ отвѣчалъ всегда съ холоднымъ видомъ, что пассажиру не надобно мѣшаться въ управленіе корабля.

*
**

Авторъ книги *Elémens de l'Education*, напечатанной въ 1640 году, увѣряетъ, что усы дѣлають челоуѣка храбрымъ. *Я всегда думаю хорошо о томъ дворянинѣ (говорить сей писатель), которой старается отпростить усы. Время употребляемое имъ на разглаживаніе оныхъ, конечно не даромъ пропадаетъ; ибо чѣмъ болѣе юный герой на нихъ смотритъ, тѣмъ способнѣе дѣлается духъ его ко всему великому.*— Кажется, въ самомъ дѣлѣ, что любовь къ усамъ въ тѣ вѣки была сильною страстію сердець челоуѣческихъ. Мы нашли въ 1627 году *Французскаго Меркурія*, на стран. 452, слѣдующій анекдотъ. «Когда палачъ отрѣзалъ волосы Графу Бутвилю (осужденному на смерть за поединокъ), упомянутый Бутвиль взялся рукою за красивые, черные усы свои. Нантской Епископъ, видя сіе, не могъ утерпѣть, чтобы не сказать ему:

«о сынъ мой! ты еще думаешь о славъ міра! суетность жива
«еще въ сердцѣ твоёмъ!»

Къ № 12. Францискъ I, Король Французской, любилъ видѣть сраженіе звѣрей, особливо львовъ. Одной изъ придворныхъ красавицъ, которыя собирались тогда утѣшаться симъ зрѣлищемъ, случилось уронить изъ ложи перчатку на самое то мѣсто, гдѣ разъяренныя львы терзали другъ друга. Сія дама, посмотрѣвъ съ улыбкою на рыцаря де Лоржа, сказала ему: *если хочешь, чтобы я вѣрила любви твоей, о которой говоришь ты мнѣ отъ утра до вечера, сойди внизъ и подыми мою перчатку.* Де-Лоржъ, не отвѣчая ни слова, вышелъ изъ ложи—черезъ минуту явился среди кровожадныхъ звѣрей—поднялъ перчатку—бросилъ ее красавицѣ, и послѣ того никогда уже не хотѣлъ говорить съ нею, сколько она ни старалась привлечь его къ себѣ; ни ласки, ни слезы не могли тронуть рыцаря.

*
*
*

Однажды за обѣдомъ у Герцога N, былъ споръ о древности міра. *Государи мои,* сказалъ нѣкто изъ гостей, молчавшій долгое время: *я думаю, что міръ похожъ на старую кокетку, которая таитъ свои лѣта.*

*
*
*

Быть съ тѣми людьми, кого любишь, есть наше блаженство, говорятъ ла Бриеръ: думать, говорить съ ними, не говорить ни слова, мыслить объ нихъ, мыслить о самыхъ неважныхъ вещахъ, но только подлѣ нихъ, но только съ ними, все одно—мы наслаждаемся, мы счастливы!

*
*
*

Смѣйся, говорятъ одинъ изъ древнихъ Философовъ, смѣйся прежде нежели тебѣ весело: иначе ты можешь умереть, не смѣявшись ни одного разу въ жизни.

Къ № 13. О Фонтенель.

Брюнель, другъ Фонтенелевъ, написалъ къ нему изъ Руана въ Парижъ: *у тебя есть тысяча талеровъ; пришли ихъ*

мнѣ. Фонтенель отвѣчалъ ему: *я хотѣлъ отдать свои деньги въ хорошія руки, когда получилъ письмо твое; впередъ, можетъ быть, не найду такого случая: и такъ подумай.*— Брюнель написалъ къ нему въ другой разъ: *пришли мнѣ тысячу талеровъ.* Фонтенель послалъ ихъ къ нему въ тотъ же день.

Всѣ хвалили умъ его, но никто не могъ хвалить его за чувствительность. Однажды г-жа Тансенъ, положивъ ему руку на грудь, сказала со вздохомъ: *у тебя здѣсь не сердце, мой другъ, у тебя и здѣсь умъ, подобно какъ въ головѣ.*

Онъ сочинилъ рѣчь для одного молодаго знатнаго судьи, котораго отецъ былъ ему пріятель. Сей послѣдній не зналъ тайны, и пригласивъ къ себѣ Фонтенеля обѣдать, началъ съ гордымъ видомъ читать ему собственную его піесу за твореніе сына своего. Фонтенель слушалъ, краснѣлся, и не могъ по скромности хвалить рѣчи. Старикъ, видя въ немъ такую неожиданную холодность, разсердился, пересталъ читать, и сказалъ ему: *я вижу, что піеса вамъ не нравится; это слога простой, легкой, можетъ быть не совсѣмъ правильной, однимъ словомъ, такъ пишутъ свѣтскіе люди, а вы, господа Академики, любите грамматику, любите фразы, фигуры и блестящій вздоръ.*

Извѣстный ла-Мотъ сказалъ однажды, что у него нѣтъ непріятелей, что всѣ ученые и писатели ему друзья. *Естьлибъ это было истинно, отвѣчалъ ему Фонтенель, то я не могъ бы хорошо думать о вашемъ характерѣ, но вы дѣлаете имъ слишкомъ много чести, а себѣ не отдаете справедливости.*

Гдѣ ты, Фонтенель? сказала г-жа д'Аржантанъ, видя, что придворные, съ которыми она обѣдала у Герцога Орлеанскаго, не понимаютъ острыхъ словъ ея.

Однажды ввечеру, когда Фонтенель сидѣлъ передъ каминомъ, искра попала ему на шафрокъ. Онъ не примѣтилъ того и легъ спать. Черезъ часъ дымъ разбудилъ его, отъ шафорка загорѣлись и нишъ и постель. Фонтенель вскочилъ, закричалъ, и въ минуту сбѣжались люди. Господинъ д'Объ, племянникъ его, которой со стороны ума совсѣмъ не похожъ былъ на своего дядю, прибѣжалъ вмѣстѣ съ другими, — побранилъ безпечнаго старика, и огонь затушили; но сердце

племянника не могло пройти такъ скоро: онъ снова началъ бранить дядю, и приступать къ нему, для чего онъ не отрясъ своего шлафрока, и проч. *Боже мой!* сказалъ ему наконецъ терпливой Философъ: даю тебѣ честное слово, что естли впередъ вздумается мнѣ зажечь домъ, то я сдѣлаю пожаръ инымъ образомъ.

Фонтенель жилъ около ста лѣтъ, и до самаго конца своего былъ остроуменъ, забавенъ и любезенъ въ обществѣ: рѣдкое явленіе!

Къ № 14. ОБРИЕВА СОБАКА.

Во время царствованія Карла V, Короля Французскаго, нѣкто именемъ Обри былъ убитъ въ лѣсу Лондійскомъ и погребенъ подъ деревомъ. Собака его, *Фидель*, цѣлую недѣлю не отходила отъ могилы; наконецъ побѣжала въ Парижъ, въ домъ къ Фору, вѣрнѣйшему другу господина своего, и печальнымъ визгомъ старалась ему дать знать о смерти несчастнаго Обри; потомъ отошла къ дверямъ,—взглянула, идутъ ли за нею,—воротилась, взяла Форю за полу, и повела его съ собою. Горестное предчувствіе возбудилось въ его сердцѣ—онъ рѣшился идти съ нею. *Фидель* остановилась подъ деревомъ, завывала и начала ногами копать землю. Форъ догадался, чего она хочетъ,—сыскалъ заступъ, и вырылъ тѣло своего друга.—Черезъ нѣсколько дней сія собака увидѣла убійцу, котораго всѣ историки называютъ рыцаремъ *Макеромъ*; кинулась на него съ лаемъ и схватила его за горло, такъ, что съ великимъ трудомъ могли оттащить ее. Послѣ того она нигдѣ не давала пройти рыцарю, и всегда его кусала. Наконецъ такая странность сдѣлалась предметомъ общаго вниманія. Вспомнили, что собака любила своего господина, и что рыцарь *Макеръ* былъ его непріателемъ. Другія обстоятельства умножили подозрѣніе, и Король, извѣщенный о народныхъ толкахъ, велѣлъ привести *Фидель* во дворецъ. Она нѣсколько минутъ стояла покойно, но какъ скоро увидѣла *Макера* среди многихъ другихъ рыцарей, начала лаять и старалась укусить его. Въ тѣ времена всякое подозрѣніе рѣшились копьемъ и мечемъ;

всякой обвиняемый имѣлъ право вызвать на поединокъ своего обвинителя. Сіи сраженія назывались *судами Небесными*; ибо люди были увѣрены, что Богъ не можетъ предать невиннаго въ руки злодѣя. Король, удивленный всѣмъ, что онъ слышалъ и видѣлъ собственными глазами, положилъ наконецъ въ советъ своемъ, чтобы дѣло рѣшить поединкомъ между Макеромъ и собакою, на островъ *Нотръ-Дамъ*, которой былъ тогда необитаемъ. Рыцарю дали толстую палку, и пустили на него собаку, въ присутствіи всего Двора. Она бросилась на Макаера, схватила его за горло, повалила на землю, и заставила его признаться Королю въ своемъ злодѣяніи. — *Фидель!* ты должна быть славнѣе Улиссовой собаки, хотя никакой Гомеръ не воспѣлъ тебя!

Къ № 15. Маршалъ Монтревель въ разныхъ случаяхъ доказалъ храбрость свою, и никогда не боялся смерти: отъ чего-же онъ умеръ? отъ того, что за ужиномъ у Бирона просыпали соль на его платье. Герой испугался, побѣднѣлъ, упалъ въ обморокъ, занемогъ и черезъ четыре дни отправился на тотъ свѣтъ.

*
**

Желаніе понравиться Госпожѣ Вилетъ заставило Гельвеція написать книгу de l'Esprit. Онъ сочинилъ первую главу для того, чтобы изъяснить ей одно мѣсто въ Локкѣ.

Любовь къ прекрасному полу сдѣлала Гельвеція Авторомъ. Будучи однажды въ *Пале-Рояль*, онъ увидѣлъ Мопертюи, окруженнаго женщинами, которыя осыпали его учтивостями и похвалами. Гельвецій позавидовалъ ему, и вздумалъ самъ быть ученымъ.

*
**

Госпожа N. была умная, но только излишно говорливая женщина. Пріятели ея вздумали подшутить надъ нею и представили ей одного незнакомаго челоуѣка за отбѣннаго умницѹ и философа. Она приняла его весьма ласково, и желая нетерпѣливо доказать свой разумъ, начала говорить и дѣлать ему разные вопросы, не примѣчая того, что онъ не отвѣчалъ

ей ни слова. Наконецъ философъ уѣхалъ. Что вы скажете о новомъ своемъ знакомцѣ? спросили у нее пріятели. *Какъ онъ любезенъ!* отвѣчала она: *какъ уменъ!* Всѣ засмѣялись. Сей любезной, сей умной человекъ былъ — нѣмой.

Къ № 16. Дорать, стихотворецъ пятого-надесять вѣка, былъ прозванъ Французскимъ Пиндаромъ. Карль IX выдумалъ для него новый чинъ *Царствениаго Поэта*, но не далъ ему большаго жалованья, говоря, что стихотворцы подобны лошадамямъ, которыхъ ненадобно излишно откармливать, естли хочешь ими пользоваться.

Дорать лишился отчасти славы своей, продолжая сочинять до глубокой старости. Исторія говоритъ намъ объ одномъ Монархѣ, которой требовалъ отъ своего Министра, чтобы онъ всякое утро твердилъ ему: *Государь! не забудь своихъ должностей!* Старымъ поэтамъ также надобно имѣть искренняго пріятеля, которой бы всякое утро говорилъ имъ: *не забудьте лтъ своихъ!* Гораций увѣряетъ, что у него былъ такой другъ.

Дорать въ старости женился на двадцати-лѣтней двушкѣ. Когда одинъ изъ его пріятелей сказалъ ему, что въ Октябрь жизни нашей поздно влюбляться, Дорать отвѣчалъ, что стихотворцы пользуются всякою вольностию. По крайней мѣрѣ, возразили ему, тебѣ надлежало бы выбрать жену постарше. *Друзья!* (сказалъ онъ) *я хочу лучше, чтобы сердце мое прокололи свѣтлою шпагою, нежели ржавымъ копьемъ.*

Къ № 17. Въ 1474 году Парижскіе Медики и Хирурги представили Людовику XI, что многіе знатные люди страдаютъ отъ каменной болѣзни и колики, и что для ихъ излеченія нужно осмотрѣть то мѣсто, гдѣ она болѣзни зараждаются; что сію операцію должно сдѣлать надъ живымъ человекомъ, и что они просятъ для того отдать имъ приговоренаго къ смерти вора, Парижскаго ремесленника, которой часто былъ подверженъ симъ болѣзнямъ. Король согласился на ихъ требованіе, и сія (конечно первая) операція сдѣлана была публично на кладбищѣ Св. Северина. Тѣло разрезали,

осмотрѣли все, что надобно, снова зашили, и черезъ двѣ недѣли сей человекъ совершенно выздоровѣлъ. Король простилъ его и наградилъ еще деньгами.

Случаи жизни бываютъ иногда очень странны: сему вору надлежало быть приговорену къ смерти, чтобы вылечиться отъ каменной болѣзни, а сія болѣзнь спасла его отъ вистлицы. — Мертвое тѣло почиталось тогда святынею, до которой лекари не дерзали касаться. Даже во время царствованія Франциска I, не смѣли они разрѣзывать человѣческихъ труповъ, и Карль V, Императоръ, посылалъ нарочно спросить у Салманскихъ Теологовъ, можно ли безъ грѣха упражняться Докторамъ въ Анатоміи?

*
**

Кардиналь Ришелье, послѣ важныхъ государственныхъ дѣлъ, часто забавлялся самыми ребяческими играми. Однажды Маркизь Граммонъ, вошедши къ нему въ кабинетъ, нашелъ его совсѣмъ раздѣтаго и прыгающаго на одной ногѣ по горницѣ. Другой на его мѣсть, видя такую странность, не зналъ бы, что дѣлать; но Граммонъ, какъ человекъ придворной, ни мало не замѣшался, сбросилъ съ себя кафтанъ, и сказалъ: я быюсь объ закладъ, что вамъ не опередить меня, началъ съ нимъ прыгать по кабинету. — Кардиналь, за такую умную догадку, старался изъяснить ему въ разныхъ случаяхъ благодарность свою.

Къ № 18. Петръ Корнель хотѣлъ быть Адвокатомъ; но приказныя дѣла не шли ему въ голову. Одинъ изъ его пріятелей познакомилъ его съ своею любовницею. Корнель понравился красавицѣ, и черезъ нѣсколько времени прежнему любовнику указали двери. Сіе приключеніе сдѣлало его Авторомъ, и было содержаніемъ первой его драматической піесы.

Обстоятельства Корнелевой женитьбы заслуживаютъ примѣчанія. Онъ пришелъ однажды къ Кардиналу Ришелье, задумался и не говорилъ ни слова. Кардиналь спросилъ, не занимается ли онъ какииъ нибудь новымъ сочиненіемъ? «Нѣтъ», отвѣчалъ Корнель: въ сердцѣ моемъ нѣтъ того спокойствія, которое нужно имѣть Автору». — Ришелье хотѣлъ знать, что

его тревожить, и Поэтъ открылся, что онъ влюбленъ въ дочь Генерала Андели, и что отецъ не хочетъ ее отдать за него. Кардиналь взялся за сіе дѣло, и гордой Андели почелъ за особливую честь имѣть зятемъ своимъ такого *случайнаго стихотворца*.

Корнель не умѣлъ читать стиховъ своихъ. Ему сказали, что Роберъ, будучи въ театрѣ, дурно говорилъ о его піесѣ. *Тебѣ не льзя этому вѣрить*, отвѣчалъ Роберъ Корнелю въ свое оправданіе: *я восхищался стихами твоими не только на театрѣ, но даже и тогда, когда ты портишь ихъ своимъ чтеніемъ*.

Онъ совсѣмъ непріятенъ былъ въ обществѣ, и говорилъ нескладно даже о самыхъ любимыхъ своихъ предметахъ. Когда же знакомые укоряли его симъ небреженіемъ, онъ отвѣчалъ съ гордостію: *я Корнель*.

Сему великому сочинителю оказывались отъвѣныя почести. Онъ имѣлъ въ театрѣ особое мѣсто, и зрители при входѣ его вставали; всеобщее рукоплесканіе встрѣчало и провожало его изъ партера.

Никакая трагедія не была въ такой славѣ, какъ Сидъ. «Я зналъ одного Генерала и Математика, говоритъ Фонтенель, которые до старости не бывали въ спектакляхъ, а наконецъ пошли въ театрѣ за тѣмъ, чтобы видѣть Сиду.»— Въ библиотекѣ у Корнеля было шесть или семь переводовъ сей піесы: Англійской, Пѣмецкой, Гишпанской, Итальянской и прочъ Дѣти учили ее наизусть, и часто говорили въ пошлювицу: *это прекрасно какъ Сидъ*. Кардиналь Ришелье хотѣлъ выдать себя за Автора сей трагедіи; но Корнель, любя славу болѣе денегъ, не могъ на то согласиться. Ришелье, въ отищеніе, велѣлъ Академіи сочинить на Сиду критику.

Къ № 19. Однажды спросили Фалеса, старѣйшаго изъ семи Греческихъ мудрецовъ, чѣмъ онъ болѣе всего гордится? Философъ задумался, улыбнулся, погладилъ рукою бѣлую свою бороду, и сказалъ: *тѣмъ, что мнѣ удалось одинъ разъ въ жизни пережить ослѣ!!*— Ослѣ? сгнанная гордость! но

случай любопытенъ. Плутархъ рассказываетъ его съ обыкновенною своею важностію. Вотъ въ чемъ состояло дѣло:

Въ Греціи возили соль на ослахъ. Одному изъ нихъ случилось упасть въ рѣку; соль намокла, разошлась, и осель почувствовалъ, что бремя его гораздо облегчилось. Онъ угадалъ причину, и съ того времени всякой разъ бросался съ ношею въ воду, чтобы избавиться такимъ образомъ отъ своей тягости. Бѣдный купецъ, которому принадлежала соль, не зналъ, что дѣлать, и наконецъ прибѣгнувъ къ мудрости славнаго Фалеса. Сей Философъ, по нѣкоторомъ размышленіи, велѣлъ ему навьючить на хитраго осла не мѣшки съ солью, а хлопчатую бумагу, и такимъ образомъ гнать его вмѣстѣ съ другими. Осель по обыкновенію своему бросился въ первую рѣку; но что же вышло? Хлопчатая бумага, набравъ въ себя воды, сдѣлалась въ пять разъ тяжеле—хитрость обратилась ему въ наказаніе,—осель исправился, и съ того времени началъ бояться не только глубокихъ рѣкъ, но и маленкихъ ручейковъ.

Къ № 20. Бель, сочинитель историческаго и философическаго Лексикона, совсѣмъ не зналъ Геометріи и признавался своимъ друзьямъ, что онъ никогда не могъ понять первой Эвклидовой проблемы.

Въ одномъ изъ писемъ своихъ говорить онъ: «Меня удивляютъ, что г. Депрео любить мое сочиненіе: я удивляюсь тому и радуюсь. Лексиконъ мой, въ разсужденіи сего Поэта, кажется мнѣ Африканскою степью, по которой можно ѣхать дни четыре, не нашедши ни плодоноснаго дерева, ни свѣжаго источника».

Бель писалъ къ Турнмину: «Я подобенъ Юпитеру, образующему облака. Дѣло мое состоитъ въ томъ, чтобы собирать всякаго рода сомнѣнія; но сомнѣніе не есть еще доказательство».

Фагонъ, известный Докторъ, слыша о Белевой болѣзни, сказалъ: «Для того, чтобы вылечить сего Философа, надобно сыскать лекарство такое же чудесное, какъ его разумъ».

Лейбницъ говорить о Бель, что онъ въ разсужденіи фило-

софическаго остроумія есть между учеными тоже, что Пиндаръ между Лирическими Поэтами.

Къ № 21. Фенелонъ часто говаривалъ: *Я люблю семейство мое болѣе самаго себя, люблю отечество болѣе моего семейства. люблю родъ человѣчскій болѣе отечества.*

Одинъ умной, но только неученой и грубой человѣкъ, вздумалъ въ присутствіи Буало бранить стихотворство. «Что въ немъ? сказалъ онъ съ жаромъ: къ чему оно служить? Какую приноситъ пользу?»—*Потому-то я и удивляюсь стихотворству, отвѣчалъ Буало, что оно, будучи даже и бесполезно, составляетъ пріятнѣйшую забаву нѣжныхъ душъ и просвѣщенныхъ людей.*

Авторъ Валенкуръ имѣлъ прекрасную библіотеку, которая сгорѣла вмѣстѣ съ его домомъ. Онъ ни мало тѣмъ не огорчился, и сказалъ друзьямъ своимъ, хотѣвшимъ утѣшать его: *я худо бы пользовался моими книгами, еслибы не научился обходиться безъ нихъ.*

—

Къ № 22. Діогенъ Лаэртій увѣряетъ насъ, что Платонъ заимствовалъ мудрость свою отъ какого-то Епихарма, которой, по его словамъ, былъ великой человѣкъ, и читалъ всю Натуру какъ азбуку. Лаэртій сохранилъ для потомства нѣкоторыя мѣста изъ его твореній, достойныя примѣчанія. На примѣръ, рассуждая о мудрости, Епихармъ говоритъ: *Не думайте, о друзья! чтобы мудрость принадлежала одному человѣку; нѣтъ, все живущее имѣетъ объ ней понятіе. Курица не родитъ цыплятъ, а несетъ яйца, и послѣ на нихъ садится. Такова-то она! Посмотрите и на то, какъ утка лобуется своими утятами. Собака также не можетъ наглядѣться на своихъ щенятъ; оселъ также; свинья также. Повѣритъ ли читатель, чтобы сей чудесной Епихармъ могъ быть наставникомъ Платоновымъ?*

Платонъ, какъ известно, былъ не только мудрецъ, но и стихотворецъ. Вотъ двѣ эпиграммы, сочиненныя имъ для одной красавицы:

«Милая Лидія! я хочу быть небомъ, когда ты взираешь
« на его пространство; хочу имѣть столько глазъ, сколько
« звѣздъ сіяеть на ономъ, чтобы разсматривать ими твои
« прелести.»

«Гдѣ ты, милая? Нькогда сіяла ты въ міръ нашемъ какъ
« звѣзда утренняя; теперь сіяешь какъ звезда вечерняя въ по-
« ляхъ Елисейскихъ.»

Къ № 23. Сентъ-Эвремонтъ, Французской дворянинъ и Писатель, жившій въ седьмомъ-надесяти вѣкѣ, былъ одинъ изъ сла-
нѣйшихъ *святскихъ Философовъ*; слѣдуя Горациеву правилу, усыпалъ онъ цвѣтами путь свой до самаго гроба, и въ глубокой старости наслаждался жизнью съ пламеннымъ чувствомъ молодого человека.—Такіе люди достойны примѣчанія. Въ одномъ мѣстѣ сочиненій своихъ описываетъ онъ себя (въ третьемъ лицѣ) слѣдующимъ образомъ:

«Сентъ - Эвремонтъ можетъ по справедливости назваться Философомъ; не терпитъ вольнодумства, вѣритъ безъ суевѣрія, и старается исполнять всѣ должности добраго гражданина; любить удовольствія, но ненавидитъ распутство; никогда не знаетъ нужды, и никогда не жилъ въ изобиліи. Тѣмъ, которые имѣютъ все, кажется его состояніе низкимъ и бѣднымъ; тѣ, которые не имѣютъ ничего, завидуютъ ему; благоразумные почитаютъ его счастливымъ. Въ молодости былъ онъ бережливъ, зная, что для спокойствія долгой жизни потребно имѣніе; а въ старости презираетъ корыстолюбіе и скупость, думая, что бережливость не нужна тому, кому остается уже не много времени быть нищимъ. Доволенъ Натурою, и никогда не жалуется на судьбу; гнушается преступленіемъ, прощаетъ слабости, сожалеетъ о несчастіи; не ищетъ въ людяхъ порочнаго и не любитъ злословія; ищетъ только смѣшнаго для забавы своей; хотѣлъ бы и другимъ показать оное, чтобы вмѣстѣ съ ними смѣяться, но скромность велитъ ему молчать.

Жизнь кажется ему столь краткою, что онъ не хочетъ излишно обременять памяти своей всякаго рода знаніями; читаетъ мало, но съ выборомъ; старается мудрыми книгами утвердить разумъ свой, а пріятными украсить воображеніе и чувство. Въ дружбѣ онъ нѣжнѣе обыкновеннаго Философа, но разсудительнѣе юноши; наслаждается жизнью, но не боится смерти, и готовъ всякую минуту оставить тлѣнный міръ, съ утѣшительною надеждою на благодѣтельность вѣчнаго Провидѣнія.»

Сентъ-Эвремонтъ былъ самой пріятной челоуѣкъ въ обществѣ; вездѣ его любили, и во Франціи и въ чужихъ земляхъ; истинное дружество омочило гробъ его слезами непритворной горести. Онъ умеръ въ Лондонѣ, и погребенъ въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ, вмѣстѣ съ Королями и великими мужами Англіи.

Къ № 24. Дамонъ и Питтасъ нашего времени.

(Изъ Ваткинсова путешествія, напечатаннаго въ Лондонѣ въ 1793 году.)

Добродѣтель свойственна всемъ климатамъ: сія истина, опытомъ утвержденная, бываетъ утѣшительна для сердца путешественниковъ. Хотя суевѣріе, корыстолюбіе и мстительность весьма ослабили въ жителяхъ Сиціліи чувства нравственности, однакожъ слѣдующая исторія доказываетъ, что и на семь островѣ рождаются люди съ нѣжною и чувствительною душою.

Лоренцо Музада, гражданинъ, Катаніи былъ взятъ въ плѣнъ Алжирскими разбойниками въ 1774 году. Въ Алжирѣ купилъ его одинъ богатой Турокъ, которой почиталъ за святую должность мучить Хрисціанъ, и обходился съ невольникомъ своимъ какъ самый жестокосердый тиранъ. Къ щастію сынъ сего челоуѣка, именемъ Фезула, бывшій тогда десяти лѣтъ, полюбилъ Сиціліанца, ласкалъ его и старался оказывать ему всякія услуги. Лоренцо, изъ благодарности, просвѣщалъ разумъ мальчика и впечатлѣвалъ въ сердце его правила Морали. — Фезула, будучи шестнадцати лѣтъ, купался однажды въ морѣ; волны увлекли его далеко отъ берега; онъ липился силъ

и утонуть бы неизбежно, если бы Лоренцо не бросился за нимъ и не спасъ его. Признательный юноша еще болѣе полюбилъ избавителя своего; упалъ къ ногамъ жестокаго отца и просилъ его со слезами, возвратить свободу великодушному невольнику—но тщетно! Лоренцо долгое время вздыхалъ еще въ оковахъ рабства. Наконецъ Фезула сыскалъ случай тайно отправить его въ Европу на одномъ Английскомъ корабль: слезы радости смѣшались съ слезами горестной разлуки; друзья растались, и клялись быть вѣчно друзьями. — Лоренцо возвратился въ свою отчизну, получилъ въ наследство небольшое имѣніе послѣ одного умершаго родственника, и жилъ пріятно, наслаждаясь чувствомъ свободы и независимости. Черезъ нѣсколько лѣтъ, для удовольствія своего, поѣхалъ онъ на корабль въ Геную, — и вышедши на берегъ, услышалъ голосъ: *Лоренцо! другъ мой, милый другъ!* Лоренцо взглянулъ—и Фезула бросился къ нему въ объятія. Первая минута была восхитительна, вторая горестна; великодушной Турокъ стоялъ передъ нимъ въ цѣпяхъ—Генуэзская галера взяла его въ полонъ на пути въ Алепп. Лоренцо отдалъ невольнику все, что у него было; простился съ нимъ въ тотъ же часъ, возвратился немедленно въ Сицилію, продалъ за дешевую цѣну свое имущество, пріѣхалъ опять черезъ нѣсколько недѣль въ Геную, выкупилъ своего благодѣтеля и отправилъ его въ Алжиръ. — Въ 1788 году Фезула приплылъ на собственномъ корабль въ Катанію, купилъ землю, домъ, садъ, подарилъ ими своего друга, и привелъ его въ состояніе жить спокойно и щасливо. Когда Англичанинъ Ваткинсъ былъ въ Сициліи, любезный Музульманинъ не могъ еще разстаться съ своимъ Лоренцомъ; и жилъ съ нимъ вмѣстѣ въ загородномъ домѣ.

Святое чувство! кто дерзнетъ назвать тебя неблагоразуміемъ? Низкія души! будьте вѣчно идолами для самихъ себя; не жертвуйте ничѣмъ для дружбы, и не знайте никогда, что есть дружба!

Къ № 25. О ЧУВСТВѢ МЕЛАНХОЛІИ.

(Изъ *Etudes de la Nature*, par J. H. B. de Saint-Pierre).

Природа столь благодѣтельна, что она всѣ явленія физическаго міра обращаетъ къ нашему удовольствію, и если мы захотимъ примѣчать, то увидимъ, что самыя обыкновенныя феномены имѣютъ въ себѣ величайшую пріятность.

На примѣръ, я чувствую неописанное удовольствіе, когда льетъ сильной дождь; когда вода течетъ со мшистыхъ стѣнъ какого-нибудь древняго зданія, и когда воеетъ вѣтеръ. Сей меланхолическій шумъ, во время ночи, погружаетъ меня въ глубокой и сладкой сонъ. — Плиній говоритъ объ одномъ Римскомъ Консулѣ, которой, во время ненастья, ставилъ всегда постелю свою подъ густыми вѣтвями дерева, чтобы слушать паденіе дождевыхъ капель, и засыпать подъ ихъ журчаніемъ.

Я не знаю, къ какому физическому закону относятъ Философы чувство меланхоліи; но знаю то, что оно весьма пріятно для души моей. *Меланхолія соблазнительна*, говоритъ Монтанъ. Сіе, кажется, происходитъ отъ того, что она удовольворяетъ вдругъ двумъ сущностямъ, изъ которыхъ мы образованы: тѣлу и душѣ, чувству нашей бѣдности и чувству нашего превосходства.

На примѣръ, въ дурное время чувство бѣдности человеческой дѣлается для меня причиною удовольствія, и радуюсь тому, что дождь идетъ, а меня не мочить; что холодной вѣтеръ шумитъ, а мнѣ тепло подъ одеяломъ. Къ сему удовольствію присоединяется другое: внимая отдаленному шуму вѣтра, воображаю безконечность пространства: идея весьма пріятная для души моей! а потомъ разсуждаю о законахъ Натуры, и думаю, что сей дождь составился изъ водъ океана; что онъ пришелъ къ намъ, можетъ быть, отъ береговъ Америки; омываетъ нечистоту въ большихъ городахъ, наполняетъ источники, дѣлаетъ рѣки судоходными; и между тѣмъ, какъ облака, изъ коихъ онъ льется, спѣшатъ къ востоку для осѣженія травъ въ великой Тартаріи, зерна, уносимыя съ нашихъ полей дождевою водою, будутъ служить пищею рыбамъ Атлантическаго океана. — Сіе *путешествіе мыслей* рас-

пространяеть, такъ сказать, и возвеличиваетъ душу мою, въ то самое время, когда мое тѣло, любящее съ своей стороны тишину и бездѣйствіе, совершенно покойно.

Когда же я печалень и не хочу такъ далеко распространяться душою моею, тогда предаюсь меланхоліи, которую вселяеть въ насъ дурная погода, и наслаждаюсь удовольствіемъ особеннаго рода, воображая, что Природа, подобно нѣжному другу, беретъ участіе въ моей горести, и скорбитъ вмѣстѣ со мною. Она прекрасна во всякомъ образѣ, и когда идетъ дождь, тогда мнѣ кажется, что я вижу передъ собою въ слезахъ милую, прелестную женщину.

Гармонія между тѣломъ и душою бываетъ причиною того, что самые ужасные феномены Натуры часто нравятся намъ лучше веселыхъ картинъ ея. Путешественники ѣздятъ въ Неаполь болѣе для Везувія, нежели для прекрасныхъ садовъ, его окружающихъ; поля Италіи и Греціи, усѣянные мшистыми развалинами, пріятнѣе обработанныхъ полей Англіи; картина бури занимательнѣе картинъ тишины, и паденіе башни привлекаетъ болѣе зрителей, нежели ея строеніе.

Къ № 26. Одинъ ученый, бывшій недавно на горѣ Ливанской, нашелъ тамъ двадцать пять кедровъ, которые, по его мнѣнію, древнѣе потопа. Каждое изъ сихъ деревъ въ окружности болѣе 50 футовъ. Надобно думать, что они существуютъ по крайней мѣрѣ 6000 лѣтъ.—Жаль, что сіи древесные старцы говорить не могутъ: сколько бы чуднаго и любопытнаго мы отъ нихъ услышали!

На островѣ Цейлонѣ есть дерево, котораго листья такъ широки, что подъ каждымъ изъ нихъ, во время дождя, могутъ укрыться двадцать человѣкъ!! Сіе примѣчаніе достойное дерево называется *Таллипомъ*.

*
*

Въ доказательство, сколь умны бываютъ обезьяны, служить слѣдующій анекдотъ, весьма не новый, но можетъ быть не всѣмъ извѣстный. У Императора Карла V была мартышка, которая часто игрывала съ нимъ въ шашки, и не рѣдко давала

ему *шахъ* и *матъ*. Однажды проигравъ игру, онъ такъ разсердился, что ударилъ ее по щекъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того Императоръ опять съѣлъ играть съ своею мартышкою, и мартышка опять побѣдила его; но давъ ему *матъ*, закрыла себѣ щеку подушкою, которая подлѣ нея лежала, и бросилась передъ нимъ на колѣни. Онъ засмѣялся и сказалъ придворнымъ: «Не правда ли, государи мои, что умныя обезьяны бываютъ гораздо умнѣе глухихъ людей?»

Гишпанцы говорятъ, что совершенной красавицѣ должно имѣть три вещи бѣлыя: кожу, зубы и руки—три черныя: глаза, брови и ресницы—три красныя: губы, щеки и ногти—три длинныя: станъ, волосы и руки—три короткія: зубы, уши и ноги—три широкія: грудь, лобъ и междубровіе (*)—три узкія: ротъ, поясницу и плюсну—три толстыя: икру, плечо и бедра—три тонкія: пальцы, волосы и губы—три маленькія: носъ, голову и т. ..

И такъ для Гишпанцевъ не много красавицъ!

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

(*) См. Словарь Россійской Академіи ч. 1., стр. 349.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

ДРЕВНІЯ ГРАМОТЫ И АКТЫ РЯЗАНСКАГО КРАЯ, собранныя *А. Н. Пискаревымъ*. Изданіе книгопродавца В. А. Терскова. С.-Петербургъ. 1854 г. in 8°—VIII и 171 стр.

Нечего говорить о томъ, въ какой степени важно въ настоящее время изданіе различныхъ мѣстныхъ матеріаловъ, и какое право на благодарность имѣеть всякій трудолюбивый собиратель. Во время трехлѣтняго пребыванія своего въ Рязани, г. Пискаревъ, какъ самъ онъ говорить въ предисловіи, имѣлъ случай собрать значительное количество старинныхъ свитковъ и бумагъ, относящихся къ исторіи Рязанскаго края—и нѣкоторые изъ нихъ издалъ въ этой книжкѣ. Г. Пискаревъ въ своемъ предисловіи исчисляетъ всѣ акты, касающіеся Рязанскаго края, которые когда-либо были у насъ изданы: изъ его исчисленія оказывается таковыхъ не болѣе 40; книжка, имъ изданная, представляетъ ихъ 60 или собственно 58,—ибо четыре № перепечатаны по ошибкѣ дважды (№ 17, и 45, 15 и 48). Акты, имъ изданные, болѣе относятся къ юридическому быту и отчасти къ церковной исторіи, но расположены въ порядкѣ хронологическомъ:

№№ 1, 2 и 3 (начало XV вѣка) *жалованныя грамоты Великихъ Князей Рязанскихъ Солотчинскому монастырю*, съ обыкновенными признаками таковыхъ грамотъ, т.-е. съ опредѣленіемъ межей и границъ по жилымъ урочищамъ, («и по Мощенкѣ вверхъ по врагу, и по врагу къ заповѣдному лѣсу на дубу грань и знамя V, а отъ дуба клень и двѣ ямы...») Жалуются земли и уголья... «съ виною (*) и съ поличнымъ и съ татиннымъ рублемъ». (№ 2). Въ другой грамотѣ, льготы выражены слѣдующимъ образомъ: «А Волоостель мой въ ово (игумена) угадь не въезжаетъ ни боровищикъ, ни бобровникъ, ни закосникъ, ни бортникъ. *А рязанки и вина,*

(*) Т.-е. съ виною; переходъ слова: вира, въра, въ слово «вина» очевиденъ во многихъ актахъ.

«полничное и татинъ рубль изъ ево села и уззда Волостелю моему «не идетъ, что учинитца татѣба въ ево узздѣ, промежь ево людей».

№ 4, *Купчая запись* второй половины XV вѣка на село Недоходовское «съ нивами и съ пожнями и со всемъ съ тымъ, что къ «тому селу изъ старины потягло, поколв Васьковъ (прежняго соб-«ственника) серпъ и коса ходила».

№ 5. Того же времени — *Дарственная* Солотчинскому мона-стырю жены Прокофья Давыдовича Настасьи съ братьею «въ па-мять по своемъ мужи» на село Каляинское, и № 6—на тоже село Подтвердительная запись.

№№ 7 и 8 — жалованныя грамоты В. Княгини Рязанской Анны Солотчинскому монастырю на Михайловскую борть и на село Четуевское: послѣдняя съ дозволеніемъ призывать къ себѣ людей съ иныхъ сторонъ, «а ково призоветъ къ собѣ людей на то мѣсто «съ иныхъ сторонъ, и тымъ людемъ тягость моя некоторая нена-«добъ на пять лѣтъ»:

№№ 9, 10, 11 и 12—записи князей и частныхъ лицъ на взятыя ими у Солотчинскаго монастыря въ оброчное содержаніе земли—относящіяся къ XVI столѣтію—съ условіемъ, чтобы оброчникамъ тѣхъ деревень «не осваивать, не окняживать, не продавать» — съ обозначеніями по жилымъ урочищамъ,—изъ которыхъ замѣчательнъ «Бояновъ колодезь», встрѣчающійся еще и въ другихъ актахъ. Срокъ оброка—Николинъ день вешній.

№ 13.—*Списокъ* съ весьма любопытнаго *суднаго дѣла 1520 года* «о грабежѣ и пожотѣ», котораго начальный листъ къ-сожалѣ-нію потерянъ.

«Левонъ Филатовъ—да Олешка Голыга—да Ивашко Рязвой — такъ начинается этотъ важный юридическій документъ — «у поле не стали. И мы, Господине, у поле стояли три недѣли, а ихъ таки нѣтъ, ижо будетъ такъ, какъ приставъ Злоба Кузьмину сыну Он-типину сказывалъ; и потому Василей Ондреевичъ Васюка Васильева сына Борзева да Илейку Климова сына оправиль, а Левона Филатова сына, да Олешку Голыгу, да Ивашко Рязваго Шатилова сына обви-нилъ, и велѣлъ на нихъ приставу Злобъ Кузьмину, сыну Онтипина, ищеламъ Васюку, да Илейкъ, за ихъ грабежъ, шесть рублей допра-вити. А на судѣ были у Василея Ондреевича Діаки дворцовые Фе-доръ Ходака, Григорьевъ сынъ, да Страмило Олександровъ сынъ. А къ сей грамотѣ Василей Ондреевичъ печать свою приложилъ, лѣта семь тысячъ седьмаго надесять Августа. А подпись въ грамотѣ Великаго Князя Дька Ермолы Давыдова; да на затылкѣ у грамотѣ написано: «по сей правой грамотѣ Левонъ Филатовъ сынъ, да Олешко

Гольга. да Ивашко Ръзвой Шатиловъ сынъ шесть рублей заплотили да и убытки вст.» И судья, выслушавъ грамоту, спросилъ ево Ондлатова да Ивашко Ръзваго: былъ ли вамъ таковъ судъ передъ Василеемъ Ондревичемъ, какъ въ сей грамотъ писано? И Лева и Ивашко тако ркли: судъ намъ, Господине, передъ Василеемъ Ондревичемъ не бывалъ, какъ въ той грамотъ писано. И судья спросилъ ево Ондлатова да Ивашка Ръзваго: шлетесь вы на Васильеву Ондревича печать и на дьячью подпись? И Лева и Ивашко Ръзвой тако ркли: шлемся, Господине. И о семъ судья рекся доложить Государю Великому Кнзю или челоуька старъйшаго».

Отвѣтчики возражали, что «по грѣхомъ, недѣльщикъ Злоба, Кузьминъ сынъ Овтипина, срокомъ ихъ оболгалъ, — но такъ какъ показанія ихъ вообще не подтвердились, то «по Великаго князя слову... Василія Ивановича всеа Руси и Григорья Оедоровича съ товарищи по докладному ихъ списку Перевитского намѣстника Ивана Васильевича Хабарова Тунъ ево Билдя нищен Степанка Сидорова сына, да Звню Гридина сына, Тихона да Бориса Гаврилова дѣти, да Бобыню Окулина сына, да Ивашку Присягу Якимовыхъ дѣтей, и крестьянъ Душилова оправиль; а отвѣтчиковъ Леву да Оцифора Ондлатовыхъ дѣтей, да Ивашка Ръзвого да Дениска Григорьевыхъ дѣтей Шатилова, да ихъ крестьянъ Митку да Соболку обвиниль и даль на нихъ правую грамоту, и исцовъ искъ на нихъ доправлявали, лѣта 7028».

№ 14. *Третьейская запись старца Солотчинскаго монастыря Юва и Оедора Яковлева Замятнина о размежеваніи спорной ихъ сѣчи и лѣса.* «Третьими» для рвшенія спора о землѣ выбраны тяжущимися: старцемъ Іевомъ — который двѣствуетъ «во архимандриче и во все братья мѣсто Солотчинскаго монастыря» и Замятнинымъ Великаго Кнззя дѣти боярскіе: Олександръ Семеновъ сынъ Кондыревъ да Ярецъ Кашкалдьевъ. Въ заключеніи сказано: «А стати передъ Третьими на той спорной сѣчи и лѣсу въ тотъ же день по Юрьевъ дни по вешнемъ лѣта 7040; а не стануть на тотъ срокъ передъ Третьими язъ Іевъ Старецъ или въ мое мѣсто старецъ или слуга въ монастырской, или ставъ старожильцовъ своихъ не поставятъ, или старожильцы ставъ не жеребьютъ, или жеребей ихъ выметца и они съ иконою не пойдутъ межн указати, или Третьихъ не послушаютъ, и Оедору по сей записи взяти на мнѣ на Іевъ пятнадцать рублей денегъ. А не стануть на тотъ срокъ передъ Третьими язъ Оедоръ, или въ мое мѣсто приказчикъ, или ставъ старожильцовъ своихъ не поставятъ, или старожильцы ставъ не жеребьютъ, или жеребей ихъ выметца, и они съ иконою не

пойдутъ межъ указы, или Третьихъ не послушаютъ, и Іезу старцу по сей записи взяти на мнѣ на Ѳеодорѣ пятналцать рублевъ денегъ. А Третьихъ намъ обоемъ истцомъ слушати, а не будетъ нашихъ Третьихъ одного, а одинъ будетъ которой изъ нихъ въ буди, и намъ одного Третьяго слушати обоемъ истцомъ. А запись есми излюбилъ и вѣрчи положили за Ивана за Семенова сына Глѣбова, а Ивану сю запись отдать нашимъ Третьимъ въ городѣ Переславлѣ. А на то послуши Иванъ Дементьевъ сынъ Румянцова да Харлампей Никитинъ сынъ да Петръ Ивановъ сынъ Горвишинъ. А запись писалъ Гриша Ивановъ сынъ своею рукою лѣта семь тысячъ четыредьдесятого».

№ 15. *Челобитная прихожанъ села Ѳеодотьева объ исключеніи изъ оклада приходской ихъ церкви (1682—1687 г.).* Вблизи села Ѳеодотьева на полѣ явилась чудотворная Икона Богоматери, (1487 г.), которая принесена въ Рязань и поставлена съ подобающею честью въ соборной церкви: списокъ съ оной въ 1611 году, Ѳеодоритъ архіепископъ Рязанскій и Муромскій «также съ подобающею честью проводить указалъ въ село Ѳеодотьево, и священникомъ съ причетники тоя ради вины взятая святая чудотворная «Богоматери иконы пожаловалъ свою архіерейскую грамоту, что съ нихъ церковныя дани и оброковъ и всякихъ податей не имать и до кончины вѣка». На этомъ основаніи прихожане и требуютъ исключенія изъ оброка, въ который церковь велѣлъ описать митрополитъ Рязанскій и Муромскій Іосифъ, «не справясь съ книгами казеннаго своего приказу».... «А жалованная, государь, архіерейская грамота, — заключаютъ просветели.... во градъ Рязани была у Протопопа у Григорія для береженія, и волею Божіею сгорѣла въ домъ ево протопоповъ въ прошлыхъ же годахъ. И въ твоёмъ Архіерейскомъ Приказѣ въ данныхъ книгахъ о томъ написаножъ: во 447/1533 году по жалованной грамотѣ Ѳеодорита архіепископа Рязанскаго и Муромскаго для Чудотворнаго образа Пресвятыя Богородицы дани и всякихъ оброковъ имать не велѣно. Милостивый Государь Пресвященный Павелъ Митрополитъ Рязанскій и Муромскій, пожалуй насъ, не вели, Государь, ту церковь въ дани и въ оброкъ и во всякіе подати класть, и вели, Государь, о томъ дать свою Архіерейскую грамоту, справясь съ прежними казенными книгами. Государь смилуйся.

№ 16. *«Грамота Царя Ивана Васильевича на Рязань князю Ивану Ивановичу Дулову, по челобитью Солотчинскаго игумена Нифонна о высылкѣ Григорія Коренева съ братіею воиъ изъ села Глинницъ и деревни Иванчиной, принадлежавшихъ Бого-словскому монастырю», — за то что они съ того селища и деревни*

никакихъ податей къ монастырю не платять, а живутъ смирно, да то село и деревню пустошатъ».

№ 17. «*Довздъ Входа-Иерусалимскаго попа Моисея да боярскаго сына Артемія Уразова въ деревню Лушки для осмотра писемъ въ домъ Василія Михайлова Колачева*». (То же самое, вѣроятно по ошибкѣ, перепечатано въ книгѣ подъ № 45). Этотъ Довздъ—одинъ изъ самыхъ важныхъ документовъ, напечатанныхъ въ книжкѣ г. Пискарева, едва-ли въ своемъ родѣ не единственный, представляеть своею загадочностью обширное поле для гипотезъ на счетъ церковной юрисдикціи, ея пределовъ и мѣръ предварительнаго слѣдствія. Позволяемъ себѣ вполне сообщить его читателямъ.

«Дѣта 7187 марта въ 15 день по указу Пресвященнаго Юсифа Митрополита Рязанскаго и Муромскаго и по наказной памяти изъ Духовнаго Приказу, Переславля Рязанскаго Входа-Иерусалимской попу Моисей да домовой сынъ боярскаго Артемей Уразовъ да Духовнаго Приказу подьячей Тимошей Вннезтьевъ зѣдали мы въ деревню Лушки въ домъ къ Василью Михайлову сыну Колачову. А велено намъ у него Василья въ дому пересмотрѣть всякія ево письма, и будетъ въ тѣхъ ево Васильевыхъ письмахъ объявятся которые письма *не пристойныя*, и тѣ письма велено намъ взять въ Переславля Рязанской. И мы у него Василья Колачова въ дому всякія письма пересматривали, и нашли мы только у него Василья въ письмахъ тетрадь въ десять скорописная: *сказаніе о птицахъ, четыре листа*, да маленькая тетрадошка канонъ Михаила Моленна на шести листахъ, да письмо о преміи *окидвина со крестьяны* полпята столбца, и тѣ мы письма привезли съ собою и подали въ Митрополитчьемъ Духовномъ Приказѣ судяимъ. То намъ в довздъ. А въ понятыхъ были съ нами села Старого Лыгова Николаевской попу Харитонъ, да села Старые Резаны Спасской попу Прохоръ. А довздъ писалъ я Тимошей Вннезтьевъ».

NN 18, 19, 20 — «*Выписи изъ рязанскихъ писцовыхъ книгъ о владѣніяхъ Бозословскаго монастыря*», весьма сходная содержаніемъ и формою съ другими писцовыми книгами.

№ 21. «*Грамота бояре Трубецкаго и Заручкаго и всей земли пронскому воеводѣ Родиону Петровичу Федорову, о перепискѣ ямщиковъ и назначеніи имъ содержанія*». На проскомъ яму въ это смутное время «отъ войны отъ крымскихъ и отъ Ногайскихъ Татаръ и отъ Литовскихъ людей» осталось ямскихъ охотниковъ только десять человекъ—и подводу имъ «подъ посланниковъ и подъ гонцовъ взяти негдѣ». И потому, бояре «по совету всей земли» приговорили «всѣмъ ямскимъ охотникамъ собрать, подмогу съ про-

скаго и рязскаго уѣзду дати по прежнему, пока мѣсто московское государство очистится, и въ Рязкомъ велѣли ямъ устроить. И какъ къ тебѣ ся грамота придетъ, и ты бѣ, господине, пронскаго яму ямскихъ охотниковъ велѣлъ собрати, а собравъ переписать по именамъ и ихъ женъ и дѣтей и братью и племянниковъ и сусѣдей и поддусудковъ и захребетниковъ, и сколько у котораго ямскаго охотника для ямскія гоньбы лошадей, а переписавъ пронскаго яму ямскихъ охотниковъ, послалъ бы въ пронской и въ рязской уѣздъ пушкарей и затинщиковъ и разсылщиковъ, сколько человекъ пригоже, а велѣлъ сошнымъ людямъ быти къ себѣ тотчасъ.

№ 22. *«Грамота Царя Михаила Федоровича Рязанскому Воеводѣ князю Федору Ивановичу Лыкову о выдачѣ денегъ въ Аграфенску пустынь на свѣчи, ладанъ, воскъ и церковное вино».* Деньги велено давать Воеводѣ «изъ переславскихъ изъ таможенныхъ изъ кабацкихъ изъ всякихъ доходовъ».

№№ 23, 24, 25, 26, 27. — Выписи изъ разныхъ писцовыхъ и межевыхъ книгъ. Изъ нихъ особенно замѣчательна въ статистическомъ отношеніи Выпись (№ 23) о состояніи города Сапожка церковей, священнослужителей, казаковъ и пушкарей.

№ 28. *«Грамота Царя Михаила Федоровича Воронежскому Воеводѣ князю Василью Григорьевичу Ромодановскому о возвращеніи навадъ Переславль-Рязанскихъ ямскихъ и сошныхъ подводовъ, назначенныхъ подъ посольство въ Царьградъ».* № 29. Списокъ съ грамоты того же Царя другому Воеводѣ Рязанскому Мусину-Пушкину, которой велѣно съ монастырскихъ вотчинъ Сомотчинскаго монастыря ямскія деньги платить, не въ Переславль Рязанскомъ, «отъ того де крестьянамъ ихъ чинятся убытки великіе», а «по Москвѣ въ Яскомъ приказъ на срокъ на Рождество Христово» — ибо, какъ сказано въ началѣ грамоты, еще при Михаилѣ Федоровичѣ «велѣно Рязанскаго уѣзда съ монастырскихъ вотчинъ ямскіе деньги платить на Москвѣ въ Яскомъ приказъ и воеводы-де *твоей нашей* грамоты не слушаютъ». (НВ. формы — *твоей и нашей*)

№ 30. *«Челобитная Архієпископа Рязанскаго Мисаила свѣтлѣйшему Патріарху Никону, 1655 года, о томъ чтобы патріархъ выдалъ ему благословенную грамоту вѣхать въ Касимовъ, Шацкъ и Тамбовъ для крещенія Мордвы и Татаръ».* Еще прежде, какъ видно изъ челобитной, ревностный пастырь ѣздилъ въ эти города и крестилъ тамъ четыре тысячи двѣсти человекъ, а «еще осталось, — говоритъ онъ, — въ моемъ же владычествѣ въ Шацкомъ уѣздѣ «некрещеной Мордвы двѣсти пятьдесятъ дворовъ, а въ нихъ «по числу будетъ двѣ тысячи слишкомъ человекъ, да въ Кадомъ-

«скомъ уздѣ татарскихъ и мордовскихъ пять сотъ двадцать дво-
«ровъ, а по числу будетъ четыре тысячи двѣсти человекъ. Сми-
«луйся Великій Государь и отецъ нашъ Святѣйшій Никонъ Патрі-
«архъ Московскій, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, сотвори,
«Государь, советъ по благодати, данной ти отъ Святаго Духа, съ
«возлюбленнымъ своимъ сыномъ благовернымъ и благочестивымъ
«и христіолюбивымъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ Але-
«ксеемъ Михайловичемъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Са-
«модержцемъ, пожалуй меня Богомольца своего благослови вкати
«моево владычества въ Касимовъ и въ Шацкое и въ Танбовъ Татаръ
«и Мордву крестить, и пожалуй мнѣ....» Конецъ этой челобитной,
составлявшей начало цѣлаго дѣла о крещеніи Мордвы и Татаръ,
къ сожалѣнію, оторванъ.

№ 31, 54, 58. Настольныя грамоты патріарховъ Московскихъ
Архіепископамъ и Митрополитамъ Рязанскимъ, а именно: № 31.
Патріарха Никона, Иларіону Архіепископу Рязанскому и Муром-
скому; -№ 54. Патріарха Іоакима Рязанскому митрополиту Аврамію;
№ 58. Адріана Патріарха—Стефану Яворскому, Митрополиту Рязан-
скому и Муромскому. При единствѣ и такъ сказать оффиціальности
содержанія, грамоты значительно разнятся формами изложенія.
Необыкновенною величавостію рѣчи отличается Настольная патрі-
арха Никона. Приводимъ начало ея:

«Никонъ Божією Милостію. Архіепископъ царствующаго вели-
«каго града Москвы и всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи и
«всеа Северныя страны и Поморія многихъ государствъ Патріархъ.

«Право и благочинно подобаетъ яже по намъ дѣяться и упра-
«влятися, да не безправильнѣ дѣемая и безчиннѣ смятенію и непосто-
«янію виновна будутъ. Отнюду же и человеческое изображеніе Дѣ-
«латель Владыко и всего Создатель создавъ, яко изрядный и всѣхъ
«презлящный удѣ, главу на высокомъ и благозрачномъ мѣствѣ тѣла
«всего водрузи и пятьми чувствами украси: зрѣніемъ всѣхъ лучшимъ,
«слышаніемъ, обоняніемъ, вкусомъ и осязаніемъ; яко меньшія же
«уды руки нижеае причины, и по сихъ вся уды даже до ногъ по-
«слѣднихъ сущихъ. Правитель же симъ умъ постави души совер-
«шенное правити и устроить тѣлесное смѣшеніе, отъ него же въ-
«душии и мудринъ вины приемише положиши и во общемъ человѣчес-
«каго естества состояніи чины различныя вельможныхъ мѣсто на-
«чальныхъ князей и прочихъ достолѣпныхъ достоинствъ: прежде
«всѣхъ яко вѣщія и царя да благочинно человеческая дѣются, а
«не не правильнѣ и согласія свѣне, идѣже бо начало, ту и благочиніе,
«и безначаліе есть вина несогласія и разрушенія по Святателю

«Григорію Богослову. Тому же всячески благочинію и красоте по-
 «добаше убо быти и въ церковномъ благолюбїи, яко сущимъ и мір-
 «скаго прїяча лучшемъ, и наипаче подобаетъ имѣти благочинное и
 «краснѣйшее. Тѣмъ же чины уставша Богопроповѣдницы и бла-
 «женія Отцы наши и учителя во Святѣйшей Соборной и Апостоль-
 «ствѣ Церкви Архіереомъ и управителемъ быти и яко окомъ всему
 «Христонменитому исполненію и главамъ меншихъ и духовнымъ
 «пастыремъ къ составленію духовнаго стада. Отнюду же и смиреніе
 «наше духовнаго корабля Христовы Церкви кормиломъ утѣрившеса
 «тшаніе не упросимое показуетъ вездѣ сущимъ подъ вами церквамъ
 «духовныхъ пастырей, лишаемыхъ достойныхъ и различными добро-
 «дѣтелями въ тѣхъ поставша. Отнюду же и святѣйшей Архіеписко-
 «пїи Резанской безъ правилнаго оставшейся пастыря, яко Мисан-
 «ду Архіепископу въ ней здѣшній животъ оставльшу, и нынѣ та
 «святѣйшая Архіепископїа законнаго лишается пастыря и Архіерея.
 «Не мало убо попеченіе имѣ смиреніе наше обрѣсти тояжде пред-
 «стательство и пастырскій священнїй чинъ воспрїяти хотящаго
 «безъ предстателя пребыти и церковнымъ ея службамъ нерадивѣ
 «и всеу воситися, и тамошнимъ Господнимъ Христонменитымъ лю-
 «демъ душевно вредитися. Тѣмъ соборнѣ сразсмотривше о ней,
 «обрѣтохомъ Печерскаго монастыря, что въ Нижномъ прежь быв-
 «шаго Архимандрита Иларїона достойна и вдуща въ предстатель-
 «ство людей и устройство, и правильнымъ убо жребїемъ бывшимъ
 «ютъ здѣ обрѣтшихся Преосвященнѣйшаго Пятирима, Митрополита
 «Сарскаго и Подонскаго, и священнѣйшаго Филарета, Архіепископа
 «Суздальскаго и Торускаго, во Святомъ Дусѣ сыновъ и сослужеб-
 «никовъ нашего смиренїа, и честнѣйшихъ Архимандритовъ, Игумен-
 «новъ, и предъ всеми избравшагося реченнаго Иларїона, сего смире-
 «ніе наше законнаго Архіепископа градомъ Резани и Мурому постави.
 За симъ слѣдуютъ, какъ и въ другихъ грамотахъ, наставленїа по-
 ставленному, относящїяся до церковнаго управленїа и благочинїа.—
 Къ этому же роду актовъ относится и N 36. *Жалованная гра-
 мота Патріарховъ Паисїа Александрїйскаго, Макаріа Антіо-
 хїйскаго и Іосифа Московскаго Архіепископу Рязанскому Ила-
 рїону, на митрополитское достоинство и санность, въ которой
 замѣчательны слѣдующїя слова, относящїяся явно къ возникшимъ
 тогда съ особенною силою ересямъ и расколамъ, вслѣдствїе исправ-
 ленїа книгъ церковныхъ при патріархѣ Никонѣ.*

«Занеже истинны супостатъ и нашего православнаго исполненїа
 «ненавистникъ диаволь, завидствуя воздвиге на святыхъ восточныхъ
 «церкви Христовы многихъ простыхъ и невеждъ, бѣснующеса

«отверзающе незагражденная своя уста, и хульными словесы отыгнули на благочестивно утверждена Православия, еяко отецъ лжи «сатана возшепта во ушеса ихъ, ко прелести простымъ. Обаче челолюбколюбивый Богъ, попуская убо временемъ наказатися: не пущая «бо во-всёконечно треволнениемъ погрузитися корабль своихъ учениковъ, сиречь Святую Церковь. Но и Петры покажутъ глаголющия: «спаси насъ, учителю, погибаемъ.»

№ 32. *Грамота Митрополита Илариона въ Шацкъ Воину Каллиниковичу, 1657—1673*, о томъ, чтобы онъ давалъ митрополитическому казначею приставовъ, для приведения поповъ и діаконъ къ послушанію. № 33. *Грамоты Царя Алексѣя Михайловича 1662 года Стольнику и Воеводѣ Рязанскому князю Василью Васильевичу Краточкину*, о сборѣ съ вотчинъ Солотчинскаго монастыря полоняничныхъ подводныхъ и конныхъ денегъ и о присылкѣ ихъ въ Москву. № 34. *Поручная записка по Воронежскомъ соборномъ попѣ Евтропѣ 1664 года*, данная Акатовой пустыни Алексѣевскаго монастыря игуменомъ Юсифомъ и пятью священниками, въ томъ, что по челобитію Покровскаго Девичьяго монастыря игумена Агаѣи «ему попу Евтропію стати за нашею порукою въ «Переславѣ Рязанскомъ на Архіепископомъ дворѣ въ Судномъ «приказѣ духовныхъ дѣлъ передъ старцемъ Ювомъ да передъ приказными людьми, передъ Львомъ Тереховымъ да передъ дьякомъ Аео-насьемъ Коротковымъ». № 35. *Благословенная грамота Митрополита Рязанскаго и Муромскаго Юсифа, 1665 г.*, на построение церкви во имя Успенія Пресвятыя Богородицы въ Успенской слободѣ города Воронежа.

№ 37. *Сказка поповъ Козловскаго уѣзда, села Иловая Сергея и села Кленскаго Григорья, 1668 г.*, о сборѣ денегъ ввечныхъ, похоронныхъ и почеревныхъ. № 38. *Списокъ съ межевой грамоты 1672 года*. № 39. *Отрывокъ изъ записки о подаркахъ, поднесенныхъ 1674 года митрополитомъ Рязанскимъ Юсифомъ Царю и Царицѣ*. Любопытно сравнить подарки митрополита Рязанскаго, съ подарками, которые дѣлались Никономъ митрополитомъ Велѣкаго Новаграда и Великихъ Лукъ, (до поставленія его въ патріархи), и которые обозначены въ «Розходной книгѣ», изданной во Временникъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и древностей.

NN 40, 42, 43 и 46 — акты, относящіяся до построенія церквей. № 41. *Грамота патріарха Іоакима 1675*, о перечисленіи городовъ Каширы изъ Рязанской въ Коломенскую епархію, и Епифани, Гремячего и Богородицка изъ Коломенской въ Рязанскую. № 44. *Роспись вотчинъ Духова монастыря*. № 45. Перепечатка

№ 17-го. № 47. *Заемная память 1681.* — № 48 опять перепечатка № 15-го, вероятно по недосмотру.

№ 49. *Выпись 1683 г. съ книгъ Рязскаго уѣзду письма и мѣры Григорья Кирпевскаго съ товарищи, о состояніи Рязскаго Благовѣщенскаго собора.* № 50. *Грамота Царей Иоанна и Петра Алексѣевичей 1683 года, Архимандриту Богословскаго монастыря Іоасафу, о немедленной высылкѣ монастырскихъ конныхъ людей въ Переславль Рязанскій.* «И вамъ бы — сказано въ концѣ грамоты — «по указу Великихъ Государей, монастырскихъ своихъ служекъ добрыхъ людей съ боемъ со всею службою и съ полными запасы съ крестьянскихъ и съ бобыльскихъ со ста дворовъ по челоуѣку выслати съ провожатыми въ Переславль Залѣзскій часу *не мотчавъ*». Какъ далека еще этотъ языкъ отъ языка указовъ близкой къ нему эпохи! — такъ же далека въ своей простотѣ, какъ далека величавая рѣчь Никона или Іоакима отъ испещренной *викторіями* рѣчи Феодана!

№ 51. *Грамота митрополита Павла 1683 г., архимандриту Богословскаго и келарю Солотчинскаго монастырей.* Эта грамота, весьма любопытная, касается благочинія церковнаго. «Въ нынѣшнемъ 190 году — пишетъ митрополитъ — въ разныхъ мѣсяцѣхъ и числахъ посѣщающимъ намъ церкви Божіи вѣрныя намъ отъ Христа паствы въ городѣхъ и селѣхъ, и усмотряющимъ всякаго благочинія церковнаго и обрядовъ, и усмотряхомъ во градѣ Переславль Рязанскомъ и въ Рязанскихъ предѣлахъ, въ монастырѣхъ и въ селѣхъ во святыхъ Божіихъ церквахъ у Архимандритовъ, и у игуменовъ и у священниковъ и діаконовъ Божественную службу и всякія церковныя обряды и благочиніе не суть состоящимъ съ соборною и апостольскою церковію и съ нововзданными московскаго государства печатными книгами и съ соборнымъ чиновникомъ, иже учиненъ во 183 году повелѣніемъ Благочестивѣйшаго Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, и Великаго господина и отца нашего святѣйшаго Іоакима патріарха Московскаго и всея Россіи и всего освященнаго собора. И сего убо ради благословеніемъ Господа Бога наша мѣрность о вѣрности вамъ паствъ душъ христіанскихъ и о исправленіи церковныхъ благочинныхъ дѣлъ и согласію во священнослуженіи, яко да единодушно едиными усты славится Богъ, и да не будутъ по Святому Апостолу Павлу раздоры, но въ той же мысли да будутъ утверждены вси и въ томъ же страхѣ, тщаніи презельне полагаемъ, и васъ сыновъ своихъ о исправленіи тѣхъ церковныхъ дѣлъ, и о ученіи душъ хри-

стіанскихъ пастырски посылаемъ, и ученіе о тѣхъ церковныхъ благо-
гольпныхъ дѣлахъ предлагаемъ.

Наставленія митрополита касаются преимущественно совершен-
нія таинства, въ особенности таинства брака, при чемъ сказано о
четвертомъ бракѣ: четвертый бракъ ниже да именуется; — кромѣ
того митрополитъ обращается съ увѣщаніями къ самимъ священно-
служителямъ—и сила увѣжденія, вѣроятно, не напрасно расточае-
мая имъ, свидѣтельствуемъ въ пользу справедливости того, что По-
сошковъ говорить о духовенствѣ въ 1-й главѣ сочиненія о скудости
и богатствѣ, а равно и въ доношеніи своемъ Стефану Яворскому.

№ 52. Списокъ съ Царской грамоты 1685 г., Касимовскому
воеводѣ Ивану Андреевичу Оксеню, о невзыскваніи денегъ съ
крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ Андреевовой пустыни по сбору
169 и 170 годовъ, за даточныхъ конныхъ людей.

№ 53. Патриаршая грамота 1687 года, архимандриту Бо-
гословскаго монастыря Юасафу, о производствѣ переписи Ряза-
нской митрополичей ризницы и казны.

№ 55. Выписка изъ расходной кчиги Богословскаго мона-
стыря 1692 года. Весьма сходная съ расходною книгою Никона.

Остальные три акта относятся уже къ Петровской эпохѣ. За
изданіе этихъ 58 памятниковъ г. Пискаревъ заслуживаетъ большой
благодарности: еще большую заслужитъ онъ, конечно, когда издастъ
все, что собрано имъ по исторіи Рязанскаго края, какъ обѣщаетъ
онъ въ своемъ предисловіи. г.

ТРИ ПОРЫ ЖИЗНИ, романъ *Евгеніи Туръ*. Москва. 1854,
въ типографіи В. Готье. Три части. 252, 279 и 224 стр.

Еще очень недавно Москвитянинъ говорилъ о большой повѣсти
г-жи Туръ, напечатанной въ январской книжкѣ Отеч. Записокъ. Почти
вслѣдъ за нею появляется теперь цѣлый романъ того же автора въ
трехъ частяхъ. Плодовитость довольно значительная. Но критикъ
пріятно эту плодовитость, происходящую, какъ намъ кажется, отъ
напряженной дѣятельности мысли и любви къ труду, отличить
отъ плодовитости некоторыхъ другихъ писателей, слишкомъ ужъ
легко и свободно относящихся къ литературѣ. По этому нельзя не
относиться съ некоторымъ уваженіемъ къ каждому новому произве-

денію Евгени Туръ, каково бы ни было его безусловное достоинство, и всегда пріятно поговорить съ читателями о немъ, или по поводу его, о нѣкоторыхъ серьезныхъ вопросахъ литературной критики. Такъ сдѣлаемъ мы и въ настоящемъ случаѣ.

И во-первыхъ, разсудимъ, съ какимъ именно родомъ романа имѣемъ мы дѣло въ «Трехъ порахъ жизни». Если всмотрѣться хорошенько въ дѣятельность современныхъ намъ и старыхъ романистовъ, окажется, что видовъ романа создалось гораздо больше, чѣмъ обыкновенно принимается ихъ въ трактующихъ объ этомъ предметѣ учебникахъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ наше время существуютъ романы историческіе, нравоучительные въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, романы народные или правдынѣе простонародные, романы съ общественными задачами, наконецъ романы психологическіе. И всѣ они имѣютъ, безъ сомнѣнія, большія или меньшія права на гражданство въ литературѣ. Существенно общее во всѣхъ исчисленныхъ нами видахъ и главное различіе этого рода художественныхъ произведеній отъ другихъ повѣствовательныхъ же, состоитъ въ широтѣ задачи, которая въ романѣ должна обнимать цѣлую судьбу избраннаго героя или героевъ. Въ остальномъ задачи и интересы ихъ весьма различны. Между «Вѣчнымъ жидомъ», напр., прочитаннымъ и одобреннымъ почти цѣлымъ свѣтомъ, и «Орасомъ» Жоржъ-Санда, чтó общаго въ задачѣ, въ манерѣ, въ родѣ эстетическаго наслажденія? Особенно интересно въ возбужденномъ нами вопросѣ не количество исчисленныхъ выше видовъ романа, которое можетъ быть ошибочно, но преобладаніе въ данную историческую эпоху того или другаго изъ нихъ, обуславливаемое разными причинами, преимущественно подраженіемъ какому-нибудь оригинальному писателю, создавшему новый родъ.

Въ последнее время появился у насъ, отчасти также изъ подражанія, отчасти, для удовлетворенія потребностей нѣкоторой части публики, особенный видъ романа, который мы постараемся опредѣлить въ его особенностяхъ.

На жизненномъ пути человекъ мыслящій приходитъ невольно къ нѣкоторымъ идеямъ особаго свойства, которыя можно назвать идеями практическаго пониманія жизни, и которыя должно отличать, напр., отъ идей чисто нравственныхъ или отъ убѣжденій и мыслей, получаемыхъ другими путями. Въ настоящемъ своемъ видѣ, эти идеи суть непосредственные, часто личные опыты сердца, лишь понятыя и обобщенныя мыслительною способностью; но, какъ во всемъ, и въ этомъ дѣлѣ можетъ быть поддѣлка. Впрочемъ, не о ней рѣчь. Идеи этого рода добываются, безъ сомнѣнія, каждымъ, но не всеми

онѣ одинаково употребляются. Для однихъ онѣ составляютъ практической запасъ мудрости, и прилагаются ими лишь непосредственно къ дальнѣйшему поведенію жизни, образуя то, что называется крѣпкими житейскими убѣжденіями. Запасъ такого рода почти всегда бываетъ нѣсколько неправиленъ и случаетъ, какъ нѣсколько случайны опыты жизни, доставшіеся на долю каждаго, отдѣльно взятаго человека. При нѣсколько болѣе расширенномъ умственномъ кругозорѣ, запасъ этотъ видоизмѣняется и поправляется чужими опытами, наведеніями, примѣсю охранительныхъ общихъ нравственныхъ началъ и проч. Идеи этого послѣдняго рода, уже по самой своей общности и теоретической ясности, выражаютъ нѣкоторое требованіе на свое обнародованіе, и это обнародованіе болѣею частью и происходитъ различными способами. Если наконецъ, въ комъ-нибудь, по особенно счастливому устройству, вмѣстѣ съ ясностью, вѣрностью и практичностью этого рода идей, соединена способность вновь живо переселяться въ тѣ непосредственныя опыты, изъ которыхъ первоначально добыта идея, или создавать воображеніемъ подобныя, со всею вѣрностью дѣйствительности—тотъ имѣетъ особое призваніе быть истиннымъ художникомъ въ известной сферѣ литературной дѣятельности, и именно романистомъ или повѣствователемъ въ томъ родѣ, о которомъ идетъ рѣчь. Интересъ и достоинство этого рода художественныхъ произведеній понятны послѣ сказаннаго. Но понятно также, что рѣчь идетъ объ одномъ изъ правильнѣйшихъ видовъ современнаго искусства, ибо при исчисленныхъ выше данныхъ, соединенныхъ съ литературнымъ вкусомъ, необходимымъ, безъ сомнѣнія, для всякаго литератора, и добросовѣстнымъ исполненіемъ, всякое произведеніе такого писателя выйдетъ сильнымъ и безукоризненнымъ. Лучшіе романы нашего времени, хотя въ нѣсколько различномъ видѣ, удовлетворяютъ лишь высказаннымъ нами сейчасъ требованіямъ. И такъ, чтобы перейти къ названному выше, смѣшанному роду, нужно сдѣлать еще оговорку.

Кромѣ художественныхъ идей, возбуждаемыхъ непосредственнымъ опытомъ и самостоятельною дѣятельностью ума, въ наше время, когда готовые мысли и убѣжденія всѣхъ сортовъ носятся обильно въ воздухѣ, и, по своей легкости и выработанности, представляются очень удобными для замѣненія самостоятельно и трудно вырабатываемыхъ идей, въ наше время, повторяемъ, особенно возможно поддаваться вліянію этихъ наносныхъ идей, и подъ ихъ напѣтсмъ образовать въ себѣ, повидимому, самостоятельное міросозерцаніе, которое доставитъ готовые взгляды на многое въ дѣйствительности.

Въ жизни, даже въ наукѣ, такое міросозерцаніе не представляетъ особенныхъ неудобствъ; большая часть людей живутъ, дѣйствуютъ и даже двигаютъ впередъ науку, подъ вліяніемъ тѣхъ общихъ идей, которыя господствуютъ въ современности, состоя отчасти изъ неизмѣнно вѣрныхъ и вѣчныхъ, отчасти изъ случайныхъ и преходящихъ. Въ практической жизни многое ложное въ этой смѣси повѣряется и отрѣшается опытомъ, многое сдерживается вѣчными и врожденными чловѣку началами и проч. Въ наукѣ ложная сторона современной мысли или направленія также сглаживается многими обстоятельствами.

Совсѣмъ другія неудобства отъ такого смѣшеннаго происхожденія идей художественныхъ. Ничто другое не повѣряется такъ скоро жизнью и дѣйствительностью, какъ идеи этого рода; ибо самая форма, въ которой онѣ являются другимъ, есть уже ихъ повѣрка. Полагаемъ ненужнымъ объяснять подробно нашу мысль, и перейдемъ отъ этихъ нѣсколько отвлеченныхъ соображеній къ новому роману Евгеніи Туръ, и возьмемъ на себя смѣлость попробовать объяснить, какъ задумываются и выполняются вообще подобные романы.

Показаннымъ выше путемъ собирается въ авторѣ значительный запасъ идей, взглядовъ, пережитыхъ и обдуманыхъ житейскихъ опытовъ, что все высказывается сначала въ устныхъ передачахъ и обнаруживаетъ въ авторѣ для него самого и для другихъ нѣкоторую самостоятельность сужденій о предметахъ, поддерживаемую и подкрѣпленную одномыслищими людьми. Такъ какъ умственный запасъ подобнаго рода не относится специально къ какой-нибудь определенной области знанія, но преимущественно къ вопросамъ о жизни и душѣ чловѣческой, то оказывается самымъ удобнымъ передавать его другимъ въ формѣ художественныхъ произведеній. Различныя формы художественныхъ произведеній такъ выработались и опредѣлились теперь повсюду въ своихъ вѣншихъ чертахъ, что, не имѣя даже определенной художественной задачи, стоить только выбрать, по различнымъ соображеніямъ, любую изъ нихъ, и тотчасъ окажется, въ какомъ видѣ и какого объема сюжетъ долженъ быть избранъ для данной формы. За тѣмъ нужно составить только общій планъ, напр. романа, или другаго произведенія, и главное дѣло сдѣлано; остается почти одинъ матеріальный трудъ, ибо запасъ наблюденій надъ дѣйствительностью и душею чловѣческою у всякаго мыслящаго чловѣка довольно сличенъ, чтобы доставить матеріалъ для множества

наполняющих планъ романа сцены, разсужденій, психологическихъ анализовъ и патетическихъ мвствъ.

Что выходитъ изъ всего этого? Характеры, положенные въ основу романа, или проще, герои, не додвигаются до конкретности, ибо въ этомъ, по изображенному нами выше плану, нтъ надобности. Въ нихъ потребны автору лишь тѣ черты, которыя, развиваясь въ теченіи романа, привели бы все дѣло къ той катастрофѣ, какая задумана для окончанія. Теченіе романа не представляетъ сплошнаго и непрерывно растущаго интереса, ибо, во-первыхъ, постоянно чувствуется рука, ведущая по своимъ цѣлямъ всю интригу, во-вторыхъ, весь наборъ мыслей, взглядовъ, душевныхъ наклонностей автора и т. д. представляется почти въ разрозненномъ видѣ, и не будучи сплоченъ и скрытъ въ общемъ, чарующемъ теченіи романа, очень часто задерживаетъ интересъ, а по временамъ и совсѣмъ охлаждаетъ его, обращая вниманіе на постороннее, хотя бы и дѣльное.

Все это, конечно, не мѣшаетъ роману быть умнымъ и возбуждать наше сочувствіе къ интересамъ и убжденіямъ автора, иногда умечъ насъ какою-нибудь вѣрною картиною, какъ-бы взятою изъ дѣйствительности, или смѣло и вѣрно очерченнымъ лицомъ, иногда заставить насъ согласиться съ авторомъ въ нѣкоторыхъ психологическихъ соображеніяхъ и проч.; но не мѣшаетъ также роману быть скучноватымъ и neodолжаемымъ въ одинъ присѣсть, еще меньше мѣшаетъ ему быть позабытымъ вскорѣ по прочтеніи.

Не прилагая всего сказаннаго о родѣ вообще воплнть къ новому роману Евгеніи Туръ, постараемся познакомить съ нимъ вкратцѣ читателей.

Въ первой части мы узнаемъ нѣкоторое семейство Огинскихъ, состоящее изъ молодой вдовы, Александры Николаевны Огинской, трехъ дѣтей ея и невестки. Одинъ изъ дѣтей ея, Валентинъ, и есть герой романа. Такимъ образомъ, мы застаемъ его еще въ самомъ дѣтствѣ, такъ сказать, въ приготовленіяхъ къ предстоящему ему тернистому жизненному пути. Мать Валентина—женщина крайне добрая и не глупая, но слабая и даже какъ будто болѣзненная. Постоянная жизнь въ деревнѣ, въ покоѣ и уединеніи, очевидно, еще болѣе развиваетъ въ ней эту слабость. Мы увидимъ въ послѣдствіи, какъ эта черта матери отразилась на всей жизни Валентина; выставить это, очевидно, входило въ соображеніе автора, какъ вошло подобное же соображеніе въ голову одного изъ извѣстнѣйшихъ англійскихъ романистовъ. Но не будемъ останавливаться на этомъ сближеніи.—Двѣ сестры Валентина, Катя и Анюта, характера весьма различнаго. Катя уже съ молодости слишкомъ рассу-

дительна и холодна, между тѣмъ какъ Аняота пылка и благородна. Такъ какъ Катя притомъ гораздо старше, то ближайшая связь возникаетъ, конечно, между меньшими дѣтьми. Невѣстка Огнской—женщина, любящая больше всего свѣтъ и его приличія; она уступаетъ противоположнымъ въ этомъ случаѣ идеямъ Александры Николаевны только потому, что, кажется, отъ нея зависитъ. Катю, впрочемъ, какъ старшую и, следовательно, требующую свѣтскаго воспитанія, ей, послѣ некоторой борьбы, уступили.—Въ изображеніи этой дѣтской поры героя есть нѣсколько хорошихъ сценъ изъ домашней жизни деревенскихъ помѣщиковъ. Но тутъ же встрѣчаемъ мы много лишняго и не нужнаго. Когда Валентинъ сталъ подростать, Огнская увидѣла необходимость пригласить къ нему кого-либо на воспитаніе; выборъ ея палъ на заслуженнаго и образованнаго моряка Иполита Андреевича, человека умнаго и честнаго, но невиннаго, какъ дитя, и совершенно незнакомаго съ жизнью. Подъ такими-то непрактическими вліяніями образовался несчастный характеръ Валентина, совершенно погубившій его впоследствии. — Но последуемъ за теченіемъ событій. Скоро Валентинъ принужденъ переселиться для окончательнаго образованія въ Москву, а съ нимъ переехало и все семейство его. Въ Москвѣ, какъ и слѣдовало ожидать, Валентинъ сначала на дѣтскихъ вечерахъ, а потомъ и на большихъ балахъ начинаетъ знакомиться съ свѣтомъ. Не можемъ не указать въ этомъ мѣствѣ на удачно и резко изображенныхъ авторомъ свѣтскихъ дѣтей, эту приучающуюся къ паркету молодежь, по большей части пустую и уже рано развращенную сердцемъ, хотя также рано знакомую съ житейскими понятіями и требованіями, и чрезвычайно развязную въ обществѣ. Первая женщина, которая обращаетъ на себя вниманіе Валентина, это Воротынская, дальняя родственница Огнскихъ, молодая и хорошенъкая вдова. Въ началѣ эта женщина изображена авторомъ очень хорошо и невольнo влечетъ къ себѣ участіе, но дальнѣйшее поведение ея совершенно сбилось съ толку. Объ этомъ, впрочемъ, въ своемъ мѣствѣ. — Сначала Воротынская просто приласкала Валентина, какъ дальняго родственника и притомъ молодаго человека, только что вступающаго въ свѣтъ; но потомъ она, кажется, привязалась къ нему болѣе чѣмъ дружбою, хотя и придавала постоянно эту форму своимъ къ нему отношеніямъ. — Но эта тихая, свѣтлая привязанность не удовлетворяла Валентина, по крайней мѣрѣ, не трогала живо его сердца. — Первую пламенную любовь Валентина возбудила Елецкая, появившаяся въ это время въ Москвѣ дама, весьма сомнительныхъ связей и поведенія, но блестящая красотой и свободою обхожденія. Признаемся,

Елецкая осталась для насъ загадкой въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, хотя и нельзя пожаловаться наавтора въ яркости красокъ, потраченныхъ на изображеніе ея и ея матери. Особенно послѣдняя изображена ужъ черезъ чуръ густыми красками, такъ что производитъ отвращеніе. Но что за женщина Елецкая, любить ли она деньги, или просто, какъ нѣкоторыя породы женщинъ, прискучиваетъ скоро одною любовью, хотя и отдается каждому увлеченію всею сердцемъ, это осталось для насъ загадкой, точно также, какъ показалось намъ страннымъ, какимъ образомъ подобная женщина хоть на время могла быть принимаема въ свѣтъ. — По обычаю всѣхъ молодыхъ людей, не знающихъ свѣта и жизни, Валентинъ на первый разъ долженъ былъ влюбиться именно въ такую женщину, какъ Елецкая. Разумѣется, съ своею дѣтскою, беззавѣтною любовью онъ былъ обмануть и осмѣять, и такимъ образомъ споткнулся въ первый разъ на жизненномъ поприщѣ.

Мы забыли упомянуть, описывая домъ Елецкой, про одну живущую у ней, подъ именемъ Тата, бѣдную дѣвушку, что-то въ родѣ цыганки, нарисованную очень смѣло и сильно. На первыхъ же порахъ она влюбляется, конечно, въ Валентина, обращающагося съ ней по-людски, не такъ какъ другіе, и потомъ сохраняетъ навсегда эту любовь, хотя и безраздѣльно. Замѣчательнъ здѣсь, какъ и далѣе, пріемъ автора въ подготовленіи будущей любви для своего героя. Не успѣвъ еще онъ какъ-нибудь развязаться съ одною привязанностью, какъ ужъ гдѣ-нибудь не много въ-сторонѣ или возлѣ подрастаетъ другая дѣвушка, и знаешь напередъ, для какихъ цѣлей, по плану романа, она выводится.

Послѣдствіями первой неудачной любви Валентина была небольшая болѣзнь и годъ жизни въ деревнѣ.

Во второй части мы встрѣчаемъ его уже совсѣмъ готовымъ для новой любви, которая вскорѣ и возникаетъ между нимъ и Воротынской; эта добрая женщина встрѣтила его по пріѣздѣ такъ нѣжно и дружески, такъ берегла прошлыя раны его сердца, что онъ не могъ наконецъ не увлечься ею. Любовь эта, казалось, должна бы принести обоимъ всевозможныя радости, хотя и была возмущаема подъ-часъ слишкомъ рабскою покорностью Зенены (Воротынской) Валентину и строптивой старухъ теткѣ, что чрезвычайно возмущало перваго и подавало поводъ къ частымъ между ними ссорамъ. Но автору нужно было непременно погубить къ концу романа своего героя, и вотъ Валентинъ принужденъ увхать съ большой сестрой за границу, гдѣ проводитъ цѣлый годъ, а между тѣмъ коварный другъ, нѣкто Армалевъ, пріѣзжаетъ изъ Петербурга въ Москва у

богатой невестой, и, выбравъ именно Воротынскую, почти насильно женится на ней. Валентинъ возвращается изъ-за границы и узнаетъ все. Этихъ двухъ новыхъ ударовъ, т.-е. измены любимой женщины и друга, онъ уже не можетъ перенести такъ легко, какъ перенесъ первый: къ довершенію бѣдствій умерла его любимая сестра Анюта, жившая въ совершенномъ счастіи за мужемъ, въ Одессѣ. Валентинъ проболѣлъ два мѣсяца и прожилъ нѣсколько лѣтъ за границей. А между тѣмъ ему готовились авторомъ уже новыя искушенія въ лицѣ Анюты, подрастающей въ домѣ Воротынской.

Въ третьей части мы застаемъ Валентина уже чуть-чуть не старикомъ; по крайней мѣрѣ онъ хандритъ, капризничаетъ, недо-врчивъ ко всѣмъ, хотя по прежнему нѣсколько не наученъ опы-томъ жизни и можетъ быть обманутъ первымъ встрѣчнымъ. Новыя козни встрѣчаютъ его теперь уже въ родномъ домѣ, именно у сестры княгини Границкой — знакомой намъ въ дѣтствѣ, Кати. Раззорившись отъ мотовства и беспорядочнаго управленія имѣ-ніями, онъ рассчитываютъ единственно на богатство брата, у кото-раго нѣтъ другихъ родныхъ и наследниковъ. Главною въ домѣ Гра-ницкихъ оказывается дочь, княжна Анюта. По силѣ характера она управляетъ и матерью и младшимъ братомъ Павломъ, молодымъ по-звою, пустымъ и развратнымъ. Огинскій по возвращеніи изъ-за границы останавливается, разумѣется, у сестры, и тутъ-то начинается цѣлый рядъ искушеній для его слабого характера. Со всѣхъ сто-ронъ окружаютъ его лесть и притворство, къ которымъ онъ привы-каетъ наконецъ до такой степени, что дѣлается маленькимъ масте-линомъ въ домѣ. Отъ него требуютъ только денегъ.—Одна Анюта, переѣхавшая уже давно отъ Воротынской къ Границкимъ, ведетъ себя съ нимъ совершенно иначе; она говоритъ ему въ глаза правду, между тѣмъ какъ все кругомъ обманываетъ и обираетъ его. Ску-чающій, облѣвившійся Огинскій сначала находитъ простое раздра-жительное удовольствіе въ живыхъ бесѣдахъ съ молодой и хорошенькой дѣвушкой, потомъ мало по малу привязывается къ ней, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаетъ и въ ней давно впрочемъ существующую симпатію къ себѣ. На этотъ разъ женщина полюбившая его и любимая имъ была безукоризненна, и, кажется, ничто не мѣшало бы его, хоть и нѣ-сколько позднему, счастью. Онъ уже рѣшается даже сдѣлать послед-ній шагъ, но сталкивается на пути съ интересами сестры и пле-мянницы. Догадавшись о намѣреніи Огинскаго жениться на Анютѣ, онъ употребляютъ всѣ мѣры, чтобы не допустить этого брака и не лишиться богатаго наследства. Воспользовавшись крайнею и раздра-жительною недоверчивостью брата, а съ другой стороны откровен-

нымъ и нѣскольکو пылкимъ характеромъ Анюты, они до того запутываютъ ихъ отношенія, что Огинскій позволяетъ себѣ наговорить Анюту дерзостей и упрекать ее въ томъ, будто она, притворяясь любящею, лишь посягала на его богатство. Глубоко оскорбленная Анюта оставляетъ домъ Гранницкихъ и выходитъ за-мужъ за бѣднаго учителя Ливадина, давно ожидавшаго этого случая. Прощальнымъ письмомъ къ Огинскому она открываетъ ему глаза на все черное дѣло его и его родныхъ, и тѣмъ окончателно добиваетъ нашего героя.—На этотъ разъ онъ уже совсѣмъ увязаетъ въ Москву и доживаетъ свой вѣкъ «печальный, убитый, одинокій,» — дѣлая, впрочемъ, много добрыхъ дѣлъ.

Мы рассказали въ возможно-короткихъ чертахъ планъ всего романа, опустивъ многія подробности, множество вводныхъ лицъ и сценъ для того, чтобы дать читателю понятіе лишь о главномъ, т. е. объ идеѣ и постройкѣ романа, оставляя себѣ впереди пріятное право указать на хорошія частности. Разсудимъ же теперь о существенномъ.

Что за мысль новаго романа *Евгеній Туръ*—«Три поры жизни»? Конечно, она заключается въ нравственныхъ недостаткахъ Валентина Огарскаго, помывавшихъ ему воспользоваться жизнью наравнѣ съ другими, и заставившихъ его растратить по-пусту и свой умъ, и свои силы, и свою молодость. Но какіе же его нравственные недостатки, и что за урокъ, что за наставленіе другимъ можетъ подать его жизнь, рассказанная намъ авторомъ? Неполное ливоспитаніе его, и этотъ слишкомъ стѣсняющій и слишкомъ продолжительный, хотя и нѣжный, уходъ за нимъ семейства разслабили его волю и самостоятельность ума до такой степени, что онъ никогда не могъ сдѣлаться вполне мужчиной, и выходить изъ каждаго новаго испытанія лишь окрѣпшимъ и просвѣтленнымъ, какъ это бываетъ съ другими. Или въ самой природѣ его лежали уже сѣмена всѣхъ ожидавшихъ его золъ? Или, наконецъ, отсутствіе всякихъ увлекающихъ и важныхъ занятій лишило его среды, куда могъ онъ удалиться для отдыха отъ испытанныхъ несчастій? Все это вопросы, невольно возникающіе въ умѣ по прочтеніи романа, на которые, однако, романъ самъ по себѣ не даетъ удовлетворительнаго и яснаго отвѣта. Впрочемъ самъ авторъ и знаетъ, что именно хотѣлъ онъ сказать Валентиномъ и его судьбою, но онъ такъ загородилъ свою мысль вводными подробностями, произвольнымъ и случайнымъ сплетеніемъ событій, что она никому не блеснетъ яркимъ и озаряющимъ свѣтомъ, и никто не скажетъ, какъ бы усмотрѣвъ что-то новое и нужное ему на будущее время: «да, это такъ!»

А между тѣмъ многое въ романѣ наводитъ невольно на серьезныя мысли и заставляетъ видѣть въ авторѣ возможность представить въ цѣломъ романъ созрѣвшую и ясную мысль, много искреннихъ сценъ и изъ души выходящихъ звуковъ влекутъ къ себѣ сочувствіе—и жалѣешь невольно, что все это разсыяно и не сведено въ одинъ планъ и не озарено одною художественною мыслию.—Отчего это? яснымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить только дальнѣйшая дѣятельность г-жи Турь.

О постройкѣ романа мы уже сказали нѣсколько, замѣтивъ о недостаточной ясности основной его идеи. Если последнее справедливо, очевидно, что есть погрѣшности и въ общемъ планѣ. Главная — это совершенная произвольность и необыкновенная запутанность его переплетающимися отношеніями, нужными автору для веденія интриги. Упрекая г-жу Турь на этотъ разъ въ произвольности плана, мы, конечно, не хотимъ отнять у ней права избрѣтать его въ такомъ или другомъ видѣ; но дѣло въ томъ, что весь романъ не вылился изъ живаго представленія главнаго лица, а порожденъ случайными соображеніями автора; отъ этого, когда съ героемъ совершаются разнаго рода событія, и вслѣдствіе ихъ извѣстныя душевныя перевороты, мы не убѣждены вполне въ необходимости этихъ послѣднихъ, и весьма легко можемъ подумать, что, будь автору надобность въ другомъ теченіи романа, ему стоило показать въ своемъ героѣ нѣкоторыя другія душевныя черты, и за тѣмъ такъ же удобно вести его по другой дорогѣ.

Но будемъ о недостаткахъ. Обратимся теперь къ несомнѣннымъ достоинствамъ, безъ которыхъ, конечно, не можетъ обойтись романъ Евгени Турь. Когда-то, встрѣчаясь съ однимъ изъ первыхъ произведеній этой писательницы, мы говорили объ искренности, какъ одномъ изъ существенныхъ и привлекательныхъ отличій дарованія г-жи Турь. Гою же самою искренностью и задушевностью проникнуты многія мѣста и въ ея романѣ, особенно сцены патетическія. Выписываемъ для примѣра одну изъ лучшихъ въ этомъ родѣ.

Читатель припомнитъ, конечно, изъ содержанія романа о второй любви Валентина къ Зеневѣ Воротынской, и о томъ, какъ въ отсутствіе его, эта нѣжная, но безхарактерная женщина уступила настоятельнымъ требованіямъ Армалева, и почти противъ воли отдала ему руку. Выписываемъ заключеніе сцены прощанія ея съ Валентиномъ, уже успѣвшимъ сдѣлать ей нѣсколько горькихъ упрековъ.— Пусть вообразитъ себѣ предварительно читатель необыкновенное положеніе этихъ двухъ людей.

«Неподвижно стоялъ онъ подлѣ нея, и сердце его стучало такъ сильно, будто хотѣло вырваться изъ груди. Она сдѣлала надъ собою усиліе и прошептала умоляющимъ голосомъ:

— «Прости, прости меня!

— «Будьте очастливы, сказалъ Валентинъ и бросился вонъ изъ комнаты; но она вскочила, будто силы ея вдругъ возвратились, кинулась стремительно къ нему и раздирающимъ голосомъ говорила ему, обвиняя его руками:

— «Нѣтъ, не такъ! Не оставляйте меня такъ, простите меня! Еслибъ вы знали, какъ я любила, какъ я люблю васъ! Вы всегда останетесь въ моемъ сердцѣ. Простите дерзость этихъ словъ моихъ: я знаю, что я для васъ не существую, вы презираете меня, я заслужила ваше презрѣніе, и оно убиваетъ меня! Вы несчастливы, но я тоже! Я тоже! Нѣтъ для меня будущаго: вами жила я, и, потерявъ васъ, утратила все. Я знаю, я сама безумно убила и васъ, и себя, но я не жалую о себѣ, я ненавижу себя. Васъ мнѣ жаль, — Валентинъ, я люблю васъ—не покидайте меня, не сказавъ мнѣ...

— «Чего? холодно прервалъ ее Валентинъ, мѣрзя ее глазами.

«По мѣрзѣ того, какъ въ ней просыпалась любовь, въ немъ сильнѣе и сильнѣе говорила ненависть. Она не выдержала его холоднаго взгляда, и ломая руки, упала на кресло, восклицая съ отчаяніемъ:

— «О, если бы я могла умереть! Боже мой!

«И ея неподдѣльное, безумное отчаяніе потрясло Валентина; тяжело было ему видѣть эти столь знакомыя ему черты, искаженными страданіемъ, потрясавшимъ слабую ея организацію. Онъ подошелъ къ ней, взявъ ее за руку, и сказалъ ей тихо, почти ласково:

— «Успокойся: все кончено, я прощаю тебя. Я долженъ былъ хранить тебя отъ тебя самой — испытаніе было выше силъ твоихъ, я понимаю это и прощаю тебя.

«Она взяла его руку, прильнула къ ней жадными жаркими губами, и воскликнула въ порывѣ страсти и увлеченія:

— «О мой Валентинъ! Милой мой Валентинъ! Дѣлай, что хочешь... увези меня... Я люблю тебя... я...

«И вдругъ испугавшись собственныхъ словъ, она поблѣднѣла какъ свѣтъ и упала лицомъ въ подушку, полная раскаянія, укоровъ, любви.

— «Поздно, сказалъ онъ мрачно, прощай! Будь счастлива, дитя мое!

«При этомъ словѣ, неволью сорвавшемся съ языка его, которое когда-то говорилъ онъ ей въ минуты нежности, слезы въ первый разъ пробилась изъ глазъ его. Валентинъ зарыдалъ какъ дитя, взялъ голову Зенеды въ обѣ руки свои, поцѣловалъ ее, обливая слезами ея волосы, и выбежалъ какъ помѣшанный».

Подобныхъ сценъ не одна въ романъ. Мы указывали выше на нѣкоторыя весьма удачныя сцены и картины, принадлежащія къ характерному роду, такова наприм. картина домашняго помѣщичьяго быта въ деревнѣ; этими же достоинствами отличается и большая часть сценъ изъ свѣтской жизни. Разсказывая содержаніе романа, мы упомянули объ изображеніи двухъ полныхъ семействъ Огинскихъ и Границкихъ. Нужно замѣтить, что въ романъ входятъ, хотя нѣсколько побочнымъ образомъ, еще три семейства: Армалевыхъ, Липинскихъ и Ниловыхъ. Общая характеристика каждаго изъ этихъ семействъ, отдѣльныя лица, ихъ составляющія, и отношенія ихъ между собою представлены авторомъ вѣрно и отчетливо. Особенно хорошо семейство Армалевыхъ, состоящее изъ отца, честнаго и заслуженнаго, но нѣсколько стараго вѣка, чиновника, матери, простой, доброй старухи, сестры, гордой и разсчетливой дѣвушки, постоянно мучимой мыслью о своей бѣдности, и наконецъ сына, петербургскаго льва, проживающаго половину доходовъ своего семейства. Отношенія всѣхъ этихъ лицъ по пріѣздѣ Армалева сына изъ Петербурга изображены прекрасно.

Но всѣхъ подробностей романа не перечислишь; ихъ прочтеть и оцѣнить самъ читатель.

Изъ особенно счастливыхъ, смѣло и живо очерченныхъ характеровъ романа укажемъ на Таню, за исключеніемъ, впрочемъ, конца судьбы ея, на Армалева, Воротынскую, княжну Границкую, воспитанницу Воротынской Анюту и Елецкую, хотя впрочемъ, какъ мы замѣтили выше, и написанную слишкомъ густыми и рѣзкими красками.

Что же сказать въ заключеніе о новомъ романѣ г-жи Туръ? Въ немъ всѣ достоинства и недостатки всѣхъ ея лучшихъ прежнихъ произведеній. Такъ же много мысли, искреннихъ и подчасъ глубокихъ чувствъ, много интересу въ частностяхъ: но такъ же сухо и нѣсколько вяло тянется цѣлое въ настоящемъ романѣ, даже болѣе, чѣмъ въ «Племянницѣ», такое же множество отступленій и вводныхъ сценъ, то же наконецъ отсутствіе яркаго самороднаго таланта, замѣняемаго лишь отчасти напряженною мыслью, жаромъ души, и, по видимому, значительнымъ житейскимъ опытомъ, не оставившимъ безъ слѣда въ душѣ автора. Не пуститься ли намъ въ предсказанія о будущей судьбѣ твореній г. автора? Но лучше оставимъ времени рѣшать подобные вопросы, а въ настоящемъ пожелаемъ успѣха новому роману г-жи Туръ, на который онъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ многія права.

И. Э.—ИЪ.

ЖУРНАЛИСТИКА.

ВѢСТНИКЪ ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ. Еженедѣльная иллюстрированная газета на 1854 годъ, издаваемая Императорскимъ Московскимъ Обществомъ Испытателей природы. Москва. Въ Университетской типографіи. 10 номеровъ, 160 страницъ.

Мы уже извѣщали читателей о выходѣ этой чрезвычайно интересной газеты (Москвит. N 1 и 2). Теперь передъ нами 10 N ея, т.-е. почти пятая часть всего изданія. Теперь характеръ его уже обозначился, и мы можемъ быть въ своемъ отзывѣ опредѣлительнѣе.

Мы полагаемъ, что Вѣстникъ Естественныхъ Наукъ—есть изданіе учено-литературное и вмѣстѣ съ тѣмъ художественное. Читателей онъ ищетъ не въ ряду специалистовъ науки, а въ томъ несравненно-большемъ числѣ публики, жаждущей образованія, которая знакома съ естественными науками лишь по названію, да по некоторымъ начаткамъ, вынесеннымъ изъ юношескаго воспитанія. Для нея часто естественныя науки извѣстны или тѣмъ, что передаваемыя ими свѣдѣнія можно пустить въ практической оборотъ, или тѣмъ, что эти свѣдѣнія не укладываются на вѣсы и мѣры практической пользы. Въ первомъ случаѣ читатели говорятъ, что естественныя науки полезны, а во второмъ вредны.

Вѣстникъ, очевидно, заботится сколько о вѣрности передаваемыхъ опытныхъ свѣдѣній, столько и объ общедоступной завлекательной формѣ изложенія; скажемъ даже: онъ, кажется, заботится больше о послѣдней, нежели о первой, но прибавимъ — никогда не въ ущербъ истинѣ. И потому не только не намѣрены мы ставить Вѣстнику въ упрекъ его направленіе, но поблагодаримъ его и за тѣхъ читателей, не приготовленныхъ въ частности къ наукъ, для которыхъ писать общедоступно несравненно труднѣе, нежели излагать ясно истину для специалистовъ. Обозрите сочиненія, изданныя на русскомъ языкѣ по предмету популярнаго изложенія естественныхъ наукъ, прибавьте къ этому таковыя же попытки иностранцевъ — и вы, конечно, согласитесь, что несравненно болѣе удовлетворительныхъ сочиненій по чистой, строгой науки, нежели изданныхъ съ целью сдѣлать ее общедоступною для другой массы читателей, несравненно болѣшей, нежели число воздвигателей науки

Односторонняя наука, не живущая в обществе, а вносить ее в общество, конечно, труд не легкий.

Что Вестникъ—издание учено-литературное, в этомъ убеждаетъ насъ выборъ его статей, его изложение, языкъ, приложения поли-типажей и таблицы.

Что Вестникъ — издание художественное, в этомъ совершенно убеждаетъ роскошь политипажей и таблицъ. В этомъ отношении Вестникъ для Москвы, конечно, явление досель небывалое. Вестникъ старается удовлетворить большей части читающей публики — в этомъ свидетельствуетъ его неслыханно-дешевая цѣна: за 26 отлично, в большую четвертку, в два тона сдвоенныхъ таблицъ (изъ числа выданныхъ шести—две хромолитографіи и одна печатана шестью красками), вы, конечно, по самой низкой цѣнѣ заплатили бы вдвое противъ того, что стоитъ вся подписка; да прибавьте къ тому, что в благодарность за ваше вниманіе къ Вестнику, онъ даритъ васъ 52 листами текста, написаннаго талантливыми специалистами,—да слишкомъ двумястами политипажами.

Если бы кому-либо вопреки такой очевидности случилось не заметить общаго направленія Вестника—направленія учено-литературнаго, художественнаго, тотъ конечно виноватъ в томъ самъ: ясно и опредѣлительно высказало Общество свою цѣль при изданіи Вестника, в великолѣпно-изданной имъ программѣ, которая одна, сама по себѣ, в художественномъ отношеніи, составляетъ весьма замѣчательный успѣхъ типографическаго искусства в Москвѣ. Вотъ что говоритъ программа Вестника:

«Вестникъ будетъ стараться передавать большинству свѣтскихъ читателей, любящихъ серьезное чтеніе, свѣдѣнія, выработанныя частными изслѣдованіями воздѣльвателей науки. Желая удовлетворить обширному кругу читателей, в частности не приготовленныхъ в Естественныхъ наукахъ, Вестникъ будетъ сообщать имъ общедоступныя свѣдѣнія изъ всѣхъ отраслей Естествознанія. В составъ его войдутъ, какъ свѣдѣнія изъ чистой науки, такъ и многочисленныя приложения ея къ различнымъ вопросамъ общественной жизни. *Извѣстія* и *Записки* передаютъ новыя изслѣдованія, *Вестникъ* — занимательное, полезное, общедоступное изъ того, что уже усвоено наукою. Этимъ обстоятельствомъ редакція Вестника будетъ руководиться при выборѣ, обработкѣ и внѣшнемъ изданіи помѣщаемыхъ в немъ статей».

И такъ цѣль Вестника строго опредѣлена, требовать отъ него что-либо кромѣ имъ обещаннаго, значило бы требовать отъ него и то, что онъ обещалъ, и то, чего онъ не обещалъ — и все это

за шесть рублей серебромъ въ годъ. Мы помнимъ русскую пословицу: «съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходять», и потому посмотримъ только, насколько Вѣстникъ исполняетъ свое обещаніе, посмотримъ на него сначала съ вѣншей, формальной, а потомъ съ внутренней стороны.

1) Вѣстникъ обещалъ выходить каждую субботу. До сихъ поръ онъ выходить исправно.

2) Онъ обещалъ давать еженедѣльно листъ иллюстрированнаго текста.—Въ десяти нумерахъ вышедшихъ помѣщено пятьдесятъ политипажей (изъ которыхъ нѣкоторые: Анстъ, Хамба-лама, Хекко, Кимпези, не уступать отличнымъ заграничнымъ), следовательно на каждый листъ дано по пяти.

3) Вѣстникъ обещалъ каждыя двѣ недѣли прилагать отлично сдѣланную таблицу, и въ этомъ отношеніи онъ болѣе нежели выполнилъ обещанное. Таблицы такъ хороши, что ихъ жаль оставить въ книгѣ, а такъ и хочется помѣстить ихъ въ рамку.

4) Вѣстникъ обещалъ выходить на хорошей бѣлой бумагѣ, и выходить на отличной.

И такъ съ вѣншей стороны Вѣстникъ далъ болѣе обещаннаго. Что же далъ онъ въ своемъ содержаніи? Объ этомъ судить уже гораздо труднѣе, и мы можемъ высказать только свои личныя убѣжденія.

1) Въ вышедшихъ десяти нумерахъ помѣщено, кромѣ мелкихъ статей, въ Сѣвси двѣнадцать статей по разнымъ предметамъ естествознанія, по Физической Географіи, Геологіи, Минерологіи, Ботаникѣ, Зоологіи, Этнографіи, Физической Астрономіи и прикладной Механикѣ. Этимъ, конечно, вполне удовлетворяется обещаніе Вѣстника помѣщать статьи по разнымъ отраслямъ чистыхъ естественныхъ наукъ и различнымъ приложеніямъ ихъ къ вопросамъ общественной жизни—говоримъ удовлетворяетъ вполне, разумется, насколько это возможно въ одной пятой части всего изданія.

2) Вѣстникъ обещалъ быть изданіемъ учено-литературнымъ, и въ этомъ отношеніи, мы вполне убѣждены, что онъ выполняетъ свое обещаніе столь же добросовѣстно, какъ и все прочее. Имена спеціалистовъ: гг. Щуровскаго, Шлейдена достойно известны въ наукѣ; имена, вновь выступающія на литературное поприще, Сверцова и Акатова, отмѣчены замѣчательнымъ талантомъ излагать свой предметъ общедоступно. Есть въ Вѣстникѣ, и не мало, статей безъ имени автора, но это отнюдь не значить, что эти статьи лишены своего достоинства. Напротивъ, статья анонима «Гусьяное озеро» полна интереса и изложена увлекательно, хотя видимо вѣнше не отдѣлана. Она дышетъ неподдельнымъ талантомъ наблюдать природу, видѣть

то, что въ ней есть, а не вносить въ нее нашихъ готовыхъ идей; она богата свѣдѣніями объ отдаленномъ и мало известномъ краѣ дорогого намъ отечества: она написана видимо наскоро, но талантливо, опытною рукою. — Это не вполне отдѣланная литературная статья, но болѣе записка мыслящаго наблюдателя, писанная для его самого или для его друзей. Прелесть, безыскусственность, простота очаровательны. Въ читатель даже не можетъ зарониться подозрѣнія, что авторъ говорить не то или не такъ, какъ наблюдать.

Въ живописно-изложенной статьѣ «Аистъ» безымянный авторъ накиннулъ намъ увлекательную картину семейной и общественной жизни вѣстника весны въ Южной Россіи, и если мы чѣмъ-нибудь недовольны въ «Аистѣ», то развѣ тѣмъ, что читаешь ее и наконецъ все-таки кончаешь и подъ концемъ не видишь имени автора. Аистъ—произведеніе болѣе художественное, нежели ученое, и написано видимо для того, чтобы возбудить въ читатель любовь и чувство изящнаго къ природѣ; а это въ читатель неспеціалиствъ стѣбитъ по крайней мѣрѣ добраго знанія. Приведемъ для читателей нѣсколько строкъ изъ статьи этой. Стр. 10. «Мы въ домъ аиста. Быть его похожъ на человѣчскій, патріархальный. Аистъ—вѣрный мужъ, заботливый отецъ и строгій старшина. Какъ у кочевыхъ народовъ, вождь первый идетъ осматривать новыя пастбища и, воротившись, ведетъ на нихъ свой народъ и первый водружаетъ бревно на мѣстѣ будущаго становища, такъ и аистъ недвѣи за двѣ предъ самкою летитъ осмотрѣть свое прежнее жилище и, если съ ними есть еще новобрачные, то найти и для нихъ гдѣ по близости приютъ. Наидя все въ порядкѣ и по старому, онъ пропадаетъ на короткое время и снова появляется уже съ цѣлымъ семействомъ. Начинается исправленіе стараго гнѣзда или вите новаго. Наступаютъ заботы супружескія.

«Но этимъ не ограничивается быть аиста; часто случается беда: незваный гость завладѣваетъ кормовымъ болотомъ или лугомъ; холостякъ начинаетъ летать вокругъ самки, озабоченной своимъ будущимъ семействомъ, заключеннымъ пока въ яичныя скорлупки. Предусмотрительность отца, его храбрость и сила предохраняютъ вѣжную супругу. Возвращаясь съ лова, самецъ усматриваетъ своего дерзкаго соперника, и быстрымъ летомъ достигаетъ гнѣзда; за нимъ, напирая на него, стремится отважный врагъ. Аистъ сжимается, выставляетъ острый клювъ и распускаетъ крылья для мужественнаго отпора. Но нападеніе столь же ожесточенно, какъ и отпоръ. Оба бойца наносятъ другъ другу жестокія раны въ грудь и плечи; сцѣпившись въ отчаянной схваткѣ, они не выпускаютъ другъ друга и поднимаются вверхъ: удары свистятъ одни за другимъ, шумъ наполняетъ воздухъ. Глубокая рана, нанесенная одному, заставляетъ его обратиться въ

бывство, другой преследуетъ, и оба исчезаютъ вдаль. Но бой этимъ не оканчивается. Вскорѣ обѣ стороны останавливаются, и начинается гоньба; нападая и обороняясь, оба соперники приближаются къ гнѣзду. Самка, до сихъ поръ смирно сидѣвшая въ своемъ убежищѣ, начинаетъ сильно хлопать, шелкая непрерывно раскрывающимися и сжимающимися челюстями, какъ бы воодушевляя своего мужа. Еще нѣсколько жестокихъ ударовъ потрясаютъ воздухъ, еще разъ клювы скрещаются въ последнемъ упорномъ столкновении, и соперникъ падаетъ на землю обезсиленный, израненный, оставляя поле битвы доблестному супругу».

Съ тою же цѣлю, какъ намъ кажется, написана мастерская легенда: «Какъ встрѣтилась зима съ лѣтомъ». Не знаешь, чѣмъ болѣе плѣниться въ ней: поэтической ли формою ея, или вѣрностью красокъ пластической картины. Самъ собою примыкаетъ къ этимъ статьямъ «Кондоръ» г. Свверцова, въ которомъ, если уже гораздо болѣе ученаго содержанія, тѣмъ не мнѣе однакожь форма изложенія общедоступна и увлекательна.

Вотъ его описаніе кондорз, стр. 68. «Прекрасенъ и величественъ кондоръ, когда сидитъ угрюмо и неподвижно, выпрямившись, втянувши шею, точно высѣченный изъ камня на какомъ-нибудь уединенномъ утесѣ, посреди вѣчныхъ снѣговъ Кордиллеровъ, или, когда описывая свою безконечную спираль, плаваетъ по воздуху, тонетъ въ безоблачной синевѣ неба, и вдругъ спускается съ высоты 6—7 верствъ къ морскому побережью, гдѣ его зоркій глазъ уже высмотрѣлъ добычу. Но не смотрите его вблизи — тутъ онъ становится гадокъ. По наружности, это нѣчто среднее между орломъ и индѣйскимъ пѣтухомъ: клювъ прямой, бѣлый, съ крючкомъ на концѣ, ноздри просверлены насквозь; на клювъ и лѣвъ тонкій, хрящевой гребень, подъ клювомъ и на горлѣ висячая кора; голова и шея голы, грязно-кирпичнаго цвѣта, точно тухлое мясо; желѣзистыя опухоли вьются какъ червяки отъ глазъ внизъ, мимо уха и по шеѣ; кожа груба, мозолиста, съ рѣдкими щетинками; у основанія шеи бѣлый пуховый ошейникъ; перья черносизыя, только второстепенныя махи бѣлы; ноги высоки, когти прямы, такъ что онъ хватать и уносить добычу не можетъ, а клюетъ ее на мѣстѣ».

Въ статьяхъ: г. Щуровскаго «Ископаемый или каменный уголь», и г-на Акатова «Винтовые пароходы», кромѣ научнаго, безотносительнаго достоинства видимъ мы еще достоинство современности. — Въ настоящее время, когда вся Европа покрылась сѣткою желѣзныхъ дорогъ, когда въ нашемъ отечествѣ явилась исполинская дорога между обѣими столицами и уже существуютъ предначертанія объ устройствѣ этого быстрого сообщенія между другими пунктами

огромной империи, вопрос о топливе, главнымъ двигателемъ паровозовъ, имѣеть важное и современное значеніе. Появленіе винтовыхъ пароходовъ занимаетъ въ исторіи пароходовъ вообще то же мѣсто, какое появленіе пароходовъ простыхъ въ исторіи мореплаванія. Это новое изобрѣтеніе во много разъ усилило скорость движенія судовъ. Въ пароходахъ обыкновенныхъ только первая половина оборота колеса ускоряютъ ходъ его, а выходъ колеса изъ воды или вторая половина оборота замедляетъ его. Въ винтовомъ пароходѣ нѣтъ этого неудобства, нѣтъ бесполезной потери силы, равнымъ образомъ какъ нѣтъ опасности для израненія наружныхъ крыльевъ вслучаѣ сраженія.

Не менѣе замѣчательны статьи: Улэ «Движеніе земли около своей оси», «Ловля тунцевъ», г. Неггерата «Голландія, даръ Рейна» и статья Шлейдена «Внутреннее строеніе растений». Изъ последней помыщаемъ нѣсколько строкъ, какъ образчикъ русскаго перевода. Стр. 58. «Отъ высокой, стройной пальмы, возносящей свою изящную верхушку высоко надъ горячими испареніями Бразильскихъ лѣсовъ, въ болѣе прохладные слои воздуха, до тощаго мелкаго мха, покрывающаго своєю фосфорическою зеленью наши влажныя пещеры; отъ роскошнаго цвѣтка королевы Викторія (*Victoria regina*), которая колеблетъ свои розовые листки на безмолвныхъ водахъ гвианскихъ озеръ, до бѣдныхъ желтыхъ цвѣтковъ такъ называемой ряски (*Lemna*) нашихъ прудовъ — какая дивная игра образовъ, какое богатство формъ! Отъ 6,000-лѣтнихъ хлѣбныхъ деревъ на берегахъ Сенегала, которыхъ смена развивались на землѣ, можетъ быть еще до повлеченія чловѣка, до гриба, которому дала жизнь тепло-влажная лѣтняя ночь и уже разрушило первое утро — какая большая разница въ продолжительности существованія! Отъ твердаго дерева новоголландскаго дуба, изъ котораго дикій туземецъ дѣлаетъ себѣ военную булаву, до зеленой расплывающейся тины нашихъ рвовъ — какое разнообразіе, какая постепенность въ ткани, строеніи и плотности!»

Вотъ какое впечатлѣніе вынесли мы изъ нашего знакомства съ вышедшими статьями Вѣстника, и у насъ лежало бы на душѣ, если бы мы не подѣлились имъ съ читателями. Мы не сомнѣваемся въ пользѣ и удовольствіи, которыя приносятъ имъ Вѣстникъ; мы такъ полюбили его, что рѣшаемся высказать ему наши два замѣчанія.

1) Какъ понять его названіе — Вѣстникъ Естественныхъ Наукъ? Какъ ни ворочай, все не угадаешь его содержанія въ томъ видѣ, какъ высказывается Вѣстникъ. Вѣстникъ подаетъ вѣсти по предмету Естественныхъ наукъ, но какія же? вѣсти о новыхъ движеніяхъ въ ней? Казалось бы такъ, а выходитъ на дѣлѣ, что Вѣстникъ Естественныхъ Наукъ излагаетъ свѣдѣнія изъ того, что уже усвоено и упрочено въ наукѣ. Выходитъ, что Вѣстникъ передаетъ иногда и старыя вѣсти, лишь бы они въ наукѣ установились. Нынѣ, когда характеръ Вѣстника опредѣлился, конечно, это названіе ему не мѣшаетъ, а въ началѣ изданія мы не разъ слышали, что читатели ожидали одного, а получили другое (они, конечно, не правы: они забыли программу).

2). Общество, конечно, знает, для чего оно издает газету, а не журнал. Намъ же позволено думать, что форма газеты слишкомъ легка, летуча, непрочно для такого изданія, каковъ Вестникъ, и напрасно заставляетъ дробить статьи на нѣсколько номеровъ, появленіе которыхъ раздвѣляется цѣлою недвѣлю, отчего наилучшія статьи много теряютъ въ чтеніи. Такъ напр. въ началѣ почти вовсе не замѣтили «Гусинаго озера», которое появлялось въ восьми номерахъ, и только по вторичномъ прочтеніи всѣхъ восьми номеровъ вдругъ, мы замѣтили нашу жестокою ошибку.

В. В.

ВЗГЛЯДЪ НА «БИБЛИОТЕКУ ДЛЯ ЧТЕНІЯ», ВЪ ПРОШЛОМЪ ГОДУ.

Едва ли найдется гдѣ-либо на свѣтѣ журналъ; который бы поставлялъ читателя ex officio, т.-е. рецензента, въ такое затруднительное положеніе, въ какое поставяетъ его «Библиотека для чтенія», съ гордостью выставяющая на заглавномъ листѣ двадцать первый годъ своего существованія и ежегодно обновляющая свою обертку. Странное дѣло! о цѣломъ годѣ этого журнала не знаешь, что сказать: нельзя уяснить себѣ, для чего онъ былъ издаваемъ, какихъ литературныхъ мнѣній держался, какого направленія былъ представителемъ: въ журналъ, однимъ словомъ, не было ничего собственно журнальнаго, а съ другой стороны, было весьма мало и такого, что имѣло бы право на мѣсто въ безцѣльномъ сборникѣ: началъ-было, правда, раздаваться голосъ съ самостоятельнымъ мнѣніемъ, съ которымъ всегда было пріятно поспорить — и весьма часто нельзя было не согласиться — голосъ «Иногороднаго Подписчика»,—но, къ-сожалѣнію, присутствіе его въ журналъ было какое-то мимолетное, случайное, и характера журналу не сообщило, и вмѣствъ съ тѣмъ, даже и въ тѣхъ книжкахъ, въ которыхъ участвовала этотъ весьма даровитый, образованный и замѣчательный литераторъ, все остальное содержаніе такъ рзвко отдѣлялось отъ его живыхъ и умныхъ статей, такъ явно выказывало въ журналъ отсутствіе какого-нибудь уваженія къ себѣ и къ публикѣ, или было такъ безцвѣтно, что лишало тутъ же рецензента всякой надежды когда-нибудь увидѣть въ журналъ основы взгляда, вкусъ въ выборѣ матеріаловъ и т. п., — увидѣть, однимъ словомъ, то, что зовется направленіемъ. И когда подумаешь, что такъ, т.-е. безъ направленія, безъ характера, безъ цвѣта—журналъ прожилъ благополучно двадцать лѣтъ,—то по неволѣ изумишься терпѣнію его читателей, благодаря которому онъ и впредь будетъ себѣ жить да жить точно такъ же. Двадцать лѣтъ журналъ все шутилъ, да шутилъ—и

возставалъ грозно только противъ *силъ* и *оныхъ*, въ теченіе двадцати лѣтъ безнаказанно помѣшалъ на своихъ страницахъ ругательства на Гоголя или *похвалявалъ* его съ улыбочкой, вопіялъ противъ юной словесности французской (теперь уже престарѣлой) и угощалъ своихъ читателей произведеніями гораздо погрязнѣй и побезобразнѣй ея произведеній, — смѣялся сегодня надъ тѣмъ, передъ чѣмъ стоялъ вчера на колѣняхъ, производилъ въ гениіи разныхъ борзописцевъ, и только къ истинно-гениальнымъ талантамъ, составляющимъ украшеніе русской литературы, относился съ постоянною, хотя нѣсколько затаенною враждою, смѣло выставялъ «бите по карманамъ» своимъ литературнымъ сигналомъ... ; потому утратилъ свою бойкость, нѣсколько лѣтъ подчивалъ подписчиковъ произведеніями разныхъ, только что начинающихъ пописывать, и притомъ совершенно бездарныхъ господъ — а въ прошломъ году, понадеясь, вѣроятно, на то, что найдутся охотники вѣрить всему печатному, — сталъ выставялъ свои *заслуги* русской литературы, соединяя ихъ вычисленіе съ іереміадою о литературѣ тридцатыхъ годовъ. Въ свое время мы воздали подобающую дань и его заслугамъ и его литературѣ. — Библіотека для чтенія въ «гордомъ молчаніи» выслушала наше нецеремонное обличеніе и продолжала свое дѣло, т.-е. ежемѣсячно поставяла публикѣ разныхъ печатный хламъ, никому не нужный, ни для кого не интересный, хламъ оригинальный и хламъ переводный: который былъ бесполезенъ — рвшить трудно. Исключеніе изъ общаго вывода можно сдѣлать только для статей, случайно попадавшихъ въ журналъ: изъ нихъ нѣкоторыя въ отдѣлѣ наукъ и сельскаго хозяйства — были очень замѣчательны: въ отдѣлѣ же словесности — въ цѣлый годъ появилась одна только живая статья: она началась подъ названіемъ «Трехъ писемъ» и прервалась на первомъ же письмѣ.

Печальная судьба постигла эту небольшую живую статью, достойную, безъ всякаго сомнѣнія, лучшей участи, — статью поэтическую, искреннюю, видимо-задупевную. Непризванные цѣнители и судьи озлились, въ полномъ смыслѣ, на ея молодость, на нѣкоторую вычурность ея языка, или на то, что имъ показалось вычурностью, а между тѣмъ статейка, дѣйствительно совсѣмъ юная — и потому страстная, заставила насъ не безъ нѣкотораго основанія задуматься о томъ вопросѣ, или, лучше сказать, о томъ чувствѣ, которымъ она проникнута, который или которое составляютъ ея душу, ея мелодію, ея благоуханіе, задуматься по поводу этого вопроса или этого чувства о весьма многомъ: выводы нашихъ размышленій мы и намерены предложить теперь читателямъ. Но прежде мы должны

сказать нѣсколько словъ о вычурности формы, за которую рецензенты «Отечественныхъ Записокъ» и «Пантеона» накинулись съ яростью на «Три письма» неизвѣстнаго автора.

У писателей, которые одарены отъ природы особеннымъ чутьемъ въ отношеніи ко всему пластическому, и притомъ развили въ себѣ это чутье наглядкою, изученіемъ искусствъ пластическихъ,—равномѣрно какъ и у художниковъ, которые, оставляя рѣзецъ или кисть, берутся иногда за перо, — явно замѣтны бываютъ въ сочиненіи литературномъ слѣды ихъ любимыхъ занятій или любимаго изученія. Наглядѣвшись на картины и статуи, сжившись, такъ сказать, съ осязаемыми проявленіями идеи красоты, изостривши свой взглядъ наблюденіемъ надъ разными тонкими чертами, — они готовы иногда приемы рѣзца или кисти переносить въ произведенія слова, лишь бы только передать подмѣченные ими дорогія имъ черты; такъ какъ, напротивъ, писатели одаренные чутьемъ музыкальнымъ, или пишущіе музыканты, многого не договариваютъ, какъ не договаривается порою чувство въ звукахъ. Первые отъ излишняго желанія представить все въ образахъ—впадаютъ въ несвойственную слову пластичность, часто темную, громоздкую, многорѣчивую; другіе напротивъ въ неопредѣленность и причудливую исключительность выраженія. Въ произведеніяхъ слова—и то и другое, конечно,—недостатокъ: но оба недостатка являютя часто у талантовъ первостепенныхъ. На Гоголя не безъ основанія, пожалуй, нападали за его Римъ: въ самомъ дѣлѣ, стремясь всѣ черты передать словомъ, какъ будто бы кистью, онъ громоздитъ черту на черту, ослѣпляетъ яркостью красокъ, вынужденъ для того, чтобы передать тотъ или другой оттенокъ изображаемыхъ имъ предметовъ, прибѣгать къ выраженіямъ яркимъ, но мало употребительнымъ, вынужденъ, для того, чтобы передать цѣлостъ впечатлѣнія, укладывать мысль въ нескончаемо—длинный періодъ; напротивъ, музыкантъ въ душѣ, Гофманъ, впадаетъ подчасъ въ такія странныя причудливости, которыя понятны только натурамъ, одинаково съ нимъ настроеннымъ къ пониманію звуковъ. Еще рѣзче эти недостатки проглядываютъ—въ литературныхъ произведеніяхъ художниковъ пластическихъ или музыкантовъ: за примѣрами ходить не далеко—г. Рамазановъ, владѣющій перомъ также легко, какъ и рѣзцемъ—совершенно вѣятель и живописецъ въ томъ, что онъ пишетъ литературно, и многое, что кажется критикамъ, мало знакомымъ съ дѣломъ, излишнею смѣлостью или вычурностью въ его выраженіи— есть прямое послѣдствіе стремленія къ пластичности въ словѣ. Но вычурностью такого стремленія ни въ писателяхъ, ни въ художникахъ назвать нельзя: неизмѣримая бездна лежитъ между этимъ стремленіемъ—хотя

и действительно не совсем законным—и темъ, что по справедливости называется вычурностью въ литературѣ, примѣры которой можно видѣть въ Бенедиктовѣ, Марлинскомъ и другихъ. Можно замѣтить, что такое стремленіе незаконно, но нельзя же накидываться на него съ яростью,—а именно за это-то свойство выраженія и напали на автора «Грѣхъ писемъ». Впрочемъ не за одно это: чистота и поэтичность чувства, которымъ «письмо» проникнуто, простота при всей тонкости, идеальная основа при яркости представленія, серьёзность и правильность взгляда на отношеніе къ женщинѣ при всей глубокой нѣжности этого отношенія, благородство чувства любви и вѣра въ это чувство — вотъ что оскорбило въ «письмѣ» нашихъ рецензентовъ, привыкшихъ встрѣчать въ обыденной литературѣ совершенно иного рода обращеніе съ этимъ чувствомъ... Но именно такое необыденное отношеніе автора къ одному изъ серьёзнѣйшихъ, безъ сомнѣнія, вопросовъ души человеческой, заставило насъ выдвинуть и маленькое лирическое произведеніе его изъ ряда обыкновенныхъ, не смотря на всѣ недостатки, на всѣ незаконности въ формѣ, на всю его очевидную молодость, не смотря на то, наконецъ, что оно въ языкъ и вообще во всемъ томъ, что можно назвать внѣшнимъ выраженіемъ—представляетъ собою отраженіе Гоголевскаго «Рима». Самое желаніе подражать такому образцу (ибо «Римъ» считаемъ мы однимъ изъ совершеннѣйшихъ произведеній нашего великаго поэта) показалось намъ въ авторѣ залогомъ натуры истинно-поэтической, темъ болѣе, что подражаніе это не мертвая копіровка: оно родилось подъ темъ же синимъ итальянскимъ небомъ, подъ вліяніемъ той же художественной обстановки, тѣхъ же обаятельныхъ впечатлѣній, подъ какими писанъ «Римъ»,—стало быть, возникло изъ внутренности души, — и вслѣдствіе этого, какъ покажемъ мы при разборѣ, явилось чѣмъ-то самостоятельнымъ. Только съ грубостью вкуса, воспитавшагося у нашихъ рецензентовъ на современной *бельетристикѣ*, можно было увидѣть одну вычурность, не говоримъ уже въ основномъ чувствѣ, даже въ манерѣ «писемъ». Но манера автора, положимъ, и незаконная: отношеніе же его къ чувству, повторяемъ мы — правильно при всей нѣжности, просто и искренно при всей тонкости, а это такая заслуга, которая должна быть цѣнима всегда, и которая особенную цѣнность получаетъ въ современной нашей литературѣ.

Вотъ уже лѣтъ двадцать, обыденная литература или *бельетристика*—оставимъ ей это, ея же самую введенное вандапское прозвище—занимается темъ, что ломаетъ коверкаетъ и путаетъ естественныя отношенія человека къ его внутреннему міру, къ ближнимъ, къ обще-

ству, къ женщинъ—во имя усовершенствованія или прогресса: какихъ-какихъ безобразій *не доказывалось* въ теченіе этого періода въ разныхъ литературныхъ произведеніяхъ, чего-чего мы не наслушались, чего-чего многіе изъ насъ не раздѣляли съ *бельетристикою* представительницей *прогресса*? Періодъ броженія кончается, многіе изъ раздѣлявшихъ его заблужденія очувствовались—но многіе еще вврътъ бельетристикъ на слово, по старымъ преданіямъ,—и для нихъ—то, а равно и для поученія самой бельетристики, слѣдуетъ приниматься за дѣло разчистки. Въ этомъ дѣлѣ—представить общую картину искаженій было бы трудно, а вмѣстѣ и недостаточно: по частямъ и постепенно надобно преслѣдовать многоразличныя искаженія—и вотъ теперь «Письмо» неизвѣстнаго автора послужитъ для насъ поводомъ къ начатию дѣла.

«Письмо» касается, какъ мы уже сказали, отношенія къ женщинъ, одного изъ отношеній наиболее развиваемыхъ во всякой литературѣ. Письмо ничего не доказываетъ, даже не рассуждаетъ: все оно есть чувство, все оно—скажемъ мы, не боясь упрека въ вычурности выраженія, есть не что иное, какъ мелодія, музыкальный мотивъ; особенно новаго въ этой мелодіи мало для тѣхъ, которые не слушали двадцатилѣтней литературной пискотни и трескотни, но свѣжимъ и новымъ впечатлѣніемъ повѣсть отъ него на челоуѣка, котораго бельетристика, при всѣхъ своихъ стараніяхъ, еще не оглушила. Какъ для того, чтобы начать вышеупомянутое нами дѣло, такъ и для того, чтобы пояснить читателямъ произведенное на насъ, и можетъ быть, на нихъ этимъ «письмомъ» впечатлѣніе, мы должны повести ихъ по тѣмъ окольнымъ, кривымъ и ломаннымъ путямъ, по которымъ бродило и бродитъ еще въ обыденной литературѣ отношеніе къ чувству, составляющему основу разсматриваемаго нами произведенія.

Литературное броженіе вообще начинается у насъ со смерти истиннаго главы литературы и истиннаго представителя русско-европейскаго міросозерцанія, благороднаго, великаго, вѣчнопамятнаго Пушкина. Въ Пушкинѣ, который росъ безпрестанно духовно, и выросъ наконецъ совершенно до роста русскаго челоуѣка, какъ въ поэтическомъ фокусѣ отражались со всею полнотою, ясностью и правильностью всѣ общественныя и внутренніе челоуѣческіе вопросы, отражались не въ какомъ-либо особомъ цвѣтѣ, но со всею яркостью и разнообразіемъ красокъ. Въ послѣдніе годы двятельности—созрѣвшій и могучій, онъ имѣлъ полное, святое право сказать:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
 Что чувства добрыя я лирой возбуждаю,
 Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ....

Въ самомъ дѣлѣ—творецъ Татьяны, Бориса Годунова, Капитанской дочки, Русалки, великій лирикъ, у котораго въ благоухающей, изящной формѣ и всегда въ мѣру являюся все *правильныя* человѣческія чувства, у котораго все претворяется въ красоту и гармонію—стоялъ еще кромѣ того на стражѣ коренныхъ народныхъ началъ: прошло уже для него то время, когда въ поэтическомъ упоеніи гвалъ онъ отъ себя, «мирнаго поэта», стѣпую и пустую чернь, и вѣровалъ, что поэты рождены только для вдохновеній,

Для звуковъ сладкихъ и молитвъ....

«шестикрылый серафимъ» явился ему на перепутьи — и поэтъ созналъ всю широту своей задачи, и явился всѣмъ, чѣмъ было нужно для литературы и общества: поэтомъ, историкомъ, критикомъ—наконецъ, даже редакторомъ журнала, вездѣ вѣрный служенію музамъ, которое «не терпитъ суеты». Какъ поэтъ, онъ достигъ до такой простоты и ясности въ «Капитанской дочкѣ», въ «Русалкѣ», во множествѣ послѣднихъ лирическихъ стихотвореній, которыя кажутся теперь чѣмъ-то недостижимымъ; какъ историкъ, онъ съ тацтовскою энергіею и съ простотою нашихъ родныхъ летописцевъ изобразилъ, «не мудрствуя лукаво», Пугачевское время, и взялся, какъ живой человекъ, за самый живой вопросъ, за дѣло Петра—и Богъ въдаетъ, какъ разрѣшилъ бы этотъ вопросъ величайшій изъ мыслящихъ русскихъ людей; какъ критикъ—онъ оборонялъ насъ отъ вторженія къ намъ неправильнаго, чудовищнаго вкуса, отъ всего ложнаго чужеземнаго, храня какъ святыню то, что приобрѣтено «трудами и потомъ» отцовъ, гениемъ древней Руси и гениемъ новой Руси, «трудами и потомъ» Ломоносова и Карамзина.... Величавый монументъ поставилъ онъ и древней Руси и ея Ливію: въ своемъ «Борисѣ», монументъ вѣковѣчный, который тверже металловъ и выше пирамидъ.... Да! въ Пушкинѣ литература лишилась своей путеводной звезды, своего мудраго кормчаго, и Пушкинѣ, созрѣвшій въ борьбѣ, Пушкинѣ въ полномъ развитіи мужескихъ силъ, перешагнувшій уже грань, раздѣляющую въ немъ поэта по призванію, поэта непосредственнаго отъ поэта народнаго: вотъ кто долженъ быть для насъ повѣркою *прогресса* нашей литературы во всемъ, стало быть и прогресса ея въ отношеніи къ тому чувству, которое взяли мы разсматривать. Non erat hic locus — скажутъ можетъ быть намъ, не мѣсто было тревожить священную тѣнь въ статьѣ о произведеніи, положимъ и доброкачественномъ, но все-таки не соразмѣрно-маломъ въ сравненіи съ тѣмъ, о чѣмъ теперь говорилось—и такое возраженіе было бы правильно, если бы мы писали статью собственно о «Письмѣ» неизвѣстнаго автора,—но дѣло въ томъ, что статья нами пишется

по поводу этого письма, объ одномъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ души человѣческой: не по поводу же повѣстей г. Авдьева, г-жи Туръ и иныхъ, или стихотвореній г. Некрасова, прикажете подымать этотъ вопросъ? Дѣло въ томъ, что и въ отношеніи къ этому вопросу, какъ въ отношеніи ко многимъ другимъ, ко всѣмъ почти общественнымъ и внутреннимъ душевнымъ вопросамъ, Пушкинъ завѣщалъ намъ, тому «младому, незнакомому племени», которое онъ привѣтствовалъ, огромный запасъ *добрыхъ* чувствъ въ самой правильной изящной формѣ, и наше дѣло было воспользоваться этимъ богатымъ запасомъ, а мы только развѣ теперь очнулись и начинаемъ имъ пользоваться. По неисповѣдимымъ судьбамъ историческимъ—въ непреложность которыхъ мы глубоко ввруемъ—уклоненія, впрямую, были нужны, но пора же наконецъ смотреть на окольные пути, какъ на окольные, а не считать ихъ прямыми.

Осмѣлимся же коснуться нравственно-эстетическаго запаса, оставленнаго Пушкинымъ, но вопросу, который встрѣтился намъ случайно, но весьма кстати, въ самомъ началѣ нашего пути, въ самомъ началѣ выполненія задачи, избранной нами не безъ основаній, и разрѣшеніе которой мы считаемъ полезнымъ въ настоящую минуту. Этотъ запасъ приравняемъ мы къ *прогрессу*, хотя и съ нѣкоторымъ неприятымъ чувствомъ: ибо, если бы кто на нашихъ глазахъ сталъ его точно *приравнивать* къ явленіямъ прогресса, мы осердились бы—и развѣ только изъ нѣкотораго приличія, удержались бы отъ энергической выходки Фонтъ-Визинскаго Бригадиръ (дѣйствіе III, явленіе, 1) когда Иванушка *приравниваетъ* его къ чему не слѣдуетъ.

Говорить объ отношеніи Пушкинской поэзіи къ чувству любви и къ женщинамъ — значить то же, что говорить о самомъ правильномъ, изящномъ, тонкомъ и высокомъ отношеніи человѣка къ этому существенному вопросу, отношеніи столь же чуждомъ ложнаго идеализма, выдаваемого за высокое, какъ и грубаго матеріализма, принимающаго различныя обольстительныя виды. Чтобы тотчасъ же, ярче, нагляднѣе понять, на сколько Пушкинъ чуждъ перваго, стоитъ только приравнять духъ его поэзіи къ духу поэзіи Шиллера, котораго, между нами будь сказано, нѣтъ уже въ наше время возможности читать, какъ поэта эротическаго, безъ весьма страннаго чувства, граничащаго со смѣхомъ: тамъ, гдѣ Шиллеръ иженъ — онъ впадаетъ въ невыносимую сентиментальность и приторность, такъ что правильно-чувствующій человѣкъ постыдится какъ-то прочесть го стихи женщины, которую онъ любить: тамъ, гдѣ Шиллеръ страстенъ, онъ впадаетъ въ неистовство идеализма, близкое къ гру-

бъишему матерьялизму. Пусть попробуетъ читатель, вслѣдъ за стихотвореніемъ Пушкина: «Для береговъ отчизны дальней»... прочесть, напримѣръ, «Der jungling am Bache»—или послѣ, напримѣръ, письма Онѣгина и письма Татьяны — *Das Geheimniz der Reminiscenz*... самое неистовое изъ неистовыхъ стихотвореній Шиллера. Но Шиллеръ уже далекъ отъ насъ—нечего скрывать отъ себя этой правды; Шиллеръ великъ и остается великъ, но только тамъ, гдѣ онъ, истинный маркизъ Поза, мечтатель, говорить какъ адвокатъ челоѵчества. Попробуйте сравнить поэзію Пушкина съ идеализмомъ французскихъ и при томъ не бездарныхъ поэтовъ, съ идеализмомъ Гюго, напримѣръ, поэта безъ сомнѣнія даровитаго, съ идеализмомъ Ламартина, который значительно выше Шиллеровскаго идеализма въ отношеніи къ любви, у котораго найдете вы строфы полныя правды и чистоты чувства, хотя совсѣмъ потонушія въ морѣ воды... Съ Байрономъ сравнивать Пушкина нельзя: оба равно велики какъ поэты, оба лучше, если хотите; но общаго между ними одна только сила генія, и Пушкинъ потому единственно подпалъ подъ внѣшнее вліяніе Байрона, что былъ моложе его. Обратимся въ другую сторону. Пушкинъ столь же мало матерьялистъ, какъ и идеалистъ: въ его взглядъ на любовь нѣтъ ничего похожаго на взглядъ величайшаго и тончайшаго матерьялиста Гёте, и общаго между ними опять-таки только сила генія, равно спокойное пареніе орла, сознающаго силу своихъ крыльевъ, хоть иногда германскій орелъ слишкомъ долго любилъ засиживаться на утесахъ и звать подъ шумъ похвалъ своего неприхотливаго и наклоннаго къ языческому поклоненію отечества, которому, что ни давалъ онъ, все было хорошо. Попробуйте сравнить по тому же вопросу Пушкинскую поэзію съ современнымъ, хитрымъ и ловкимъ матерьялизмомъ одного изъ германскихъ же поэтовъ, прикрывающаго маскою болѣзненнаго страданія — и Пушкинъ, одинъ по отношенію къ этому чувству, окажется полнымъ, цѣльнымъ, неразорваннымъ челоѵкомъ.

Я не чувствую себя въ силахъ начертать, такъ сказать, физиологію Пушкинской любви, обозначить всѣ ея признаки, подмѣтить всѣ ея тонкія черты—всю глубину и нѣжность у поэта этаго чувства,—одно стихотвореніе: «Я васъ любилъ»... эта тема, на которую потомъ написано столько варіанцій и дурныхъ и нѣрѣдко хорошихъ, и болѣзненныхъ и изрѣдка правильныхъ—уже цѣлая поэма, на которую можно сочинять комментаріи:

Я васъ любилъ безмольно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томимъ,

*Я васъ любилъ такъ пламенно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ.*

Последній стихъ несравнимъ ни съ чѣмъ; онъ высокочеловѣческой, нѣжная мысль, въ немъ являющаяся, еще опредѣленнѣе сказалась въ заключительныхъ стихахъ другаго, одного изъ позднѣйшихъ стихотвореній, въ желаніи любимому существу всего:

*Все, даже счастье того, кто избранъ ей,
Кто милой дѣвъ дастъ названіе супруги....*

Это самоотверженіе чувства встрѣтите вы только у Пушкина, да развѣ еще у кого-нибудь изъ славянскихъ поэтовъ и то, впрочемъ, не въ такой чистотѣ. Такое самоотверженіе не есть уступчивость, происходящая отъ холодности чувства; пламенный нельзя ничего встрѣтить ни у какого поэта въ мірѣ—и этихъ стонѣвъ сердца, которые слышны въ стихотвореніи, призывающемъ на свиданіе уопшую, и этой ревности:

Вотъ мѣсто: по горѣ теперь идетъ она....
Одна.... никто предъ ней не плачетъ, не тоскуетъ,
Никто ея колѣнъ въ забвеньи не цалуетъ....
Одна, ничьимъ устамъ она не предаетъ,
Ни плечъ, ни влажныхъ устъ, ни персей бѣлоснѣжныхъ....
.....
Но если....

ничего во всей лирической поэзіи нельзя найти задушевнѣе стиха, какъ будто случайно вырвавшася изъ сердца поэта въ разговорѣ съ книгопродавцемъ....

Вся жизнь—одна ли, двѣ ли ночи....

или стиховъ, звучащихъ такъ грустно въ послѣднихъ строфахъ Онѣгина:

*А ты, съ которой дорисованъ
Татьяны милый идеаль....
О! много, много рокъ отъяль...*

ничего, кромѣ опять—таки развѣ нѣсколькихъ стиховъ другаго славянскаго поэта.

Ничего страстнѣе и вмѣстѣ общедоступнѣе въ поэзіи нельзя найти письма Онѣгина:

*Нѣтъ, постоянно видѣть васъ,
Повсюду слѣдовать за вами,*

Улыбку усть, движение глазъ
Ловить влюбленными глазами....

и т. д.

ничего, кроме развѣ воть какихъ стиховъ, которые тоже въ своемъ родѣ нес plus ultra страстности:

Ona jeszcze nie słucha, on jej szeptem do ucha
Nowe skargi, czy nowy zaklęcia,
Aż wzruszona, zemdłona, opuściła ramiona
I schyliła się w jego objęcia....

А между тѣмъ, какъ поэтъ простъ въ анализѣ этого полнаго и цѣльнаго чувства, начиная отъ тонкихъ и, такъ сказать, первоначальныхъ его признаковъ:

Я вхалъ къ вамъ.... живые сны,
За мной вились толпой игривой,
И мѣсяць съ правой стороны
Сопровождалъ мой бѣгъ ретивой....
Я вхалъ прочь.... иные сны,—
Душъ влюбленной грустно было
И мѣсяць съ левой стороны
Сопровождалъ мой бѣгъ унылой....

до болѣе положительныхъ его проявленій:

Грустно, Нина, путь мой скучень....

и т. д.

Перечтите это послѣднее стихотвореніе, чтобы осязательно чувствовать, какъ просто у поэта чувство, какъ оно присутствуетъ въ душѣ цѣльно, не разрываясь съ другими, обычными впечатлѣніями, правильное, свѣтлое, глубокое.... Пушкинъ, какъ истинно великій поэтъ, понималъ, что чувство правильное носить въ себѣ залогъ вѣковѣчности, что оно не можетъ быть ни грубымъ чувственнымъ порывомъ, ни напряженною трагедіей, ни болезненной язвой, душевнымъ ракомъ, который истощаетъ въ душѣ всѣ другіе соки. А что такое Пушкинское пониманіе, не смотря на свою изящную, тонкую форму, есть пониманіе всеславянское и только славянское, доказать весьма легко, но здѣсь не мѣсто—потому, что отвело бы насъ въ сторону отъ нашего вопроса.

Сдѣлавши нѣсколько намековъ на богатство Пушкинскаго запаса, примѣняемъ этотъ запасъ къ послѣ-Пушкинскому *прогрессу*. Нечего говорить, что изъ такого *прогресса* мы исключаемъ Гоголя. Гоголь—статья совсѣмъ особая въ нашемъ вопросѣ. Гоголь въ высочайшей степени тоюко понималъ красоту, какъ художникъ, изоб-

ражалъ ее ярко; но отношеній мужчины къ женщинѣ, любви, которая не есть только поклоненіе красотѣ—нигдѣ не касался. Любовь Андрея въ «Тарасъ Бульбѣ» только порывъ къ той же яркой красотѣ, любовь художника Пискарева — болѣзнь по красотѣ, а не стремленіе къ любви—къ полному единенію двухъ существъ и къ правильному отношенію между ними; строгій художникъ нарисовалъ намъ красоту въ Аннуцятѣ, но не оставилъ въ своихъ произведеніяхъ ни одной женщины; а какъ понималъ онъ глубоко значеніе женщины въ мірѣ, доказываетъ его письмо объ этомъ предметѣ.

Чувство любви у Лермонтова находится въ напряженномъ трагическомъ состояніи: подражатели его вздумали продержатъ это чувство въ такомъ напряженномъ состояніи, и, вслѣдствіе ихъ усилій, и потомъ, вслѣдствіе превзошедшихъ попытокъ натуральной школы—развилося то безобразное отношеніе къ чувству любви, которое представляется въ нашей литературѣ, и изъ котораго вывести суждено, можетъ быть, литературу только новой комедіи, ибо она призвана, кажется, очистить шелуху и добраться до ядра, начинающаго уже показываться въ совершенно новыхъ, а между тѣмъ всѣмъ и каждому понятныхъ отношеніяхъ, хоть напримѣръ: Любовь Гордеевны къ Митѣ, или Бородинка къ Душѣ, отношеніяхъ цѣльныхъ, простыхъ, почерпнутыхъ уже прямо изъ живаго источника народной души.

Взглянемъ же теперь на различныя искаженія чувства любви и отношенія челоука къ женщинѣ въ современной бельетристикѣ, раздѣлиши ихъ для ясности двѣа на различныя виды, изъ которыхъ одни—пошли отъ напряженнаго трагизма Лермонтова, другіе отъ нѣмецкаго романтизма, третьи отъ нѣмецкой же болѣзненности, четвертые отъ практическаго направленія, что въ простомъ переводѣ значить отъ грубаго материализма, пятые отъ натурального взгляда.

По старшинству начнемъ съ искаженій, которыя пошли отъ нашествія нѣмецкаго романтизма...

Романтическое воззрѣніе на любовь и на отношеніе къ женщинѣ пришло къ намъ изъ туманной и многоученой Германіи и на нашей почвѣ сохранило всѣ признаки своего происхожденія. Въ нашей литературѣ оно уже прошло, или существуетъ только, какъ запоздалое явленіе съ одной стороны, а съ другой, какъ предметъ посмѣянія, справедливаго или несправедливаго, смотря потому, кто принимается его осмѣивать: но, какъ причина такой отрицательной дѣятельности, оно играетъ роль довольно важную, и потому должно быть схвачено въ его существенныхъ чертахъ; отъ него пошелъ

отрицательный взгляд со всеми своими хорошими и дурными сторонами.

Марлинскій, Кукольникъ, Полевой и несколько лирических поэтовъ, однимъ словомъ литература тридцатыхъ годовъ — вотъ главный источникъ для изученія этого взгляда. Основныя, существенныя черты его—слѣдующія:

1) «Души избранныя» — томятся постоянно тоскою по своимъ половинамъ», для нихъ собственно предназначеннымъ... До встречи съ своими «половинами» таковыя души обыкновенно даромъ бременяютъ землю, или еще того хуже — враждуютъ съ непонимающимъ ихъ свѣтомъ, — ломаютъ стулья, коли заговорятъ объ Александрѣ Македонскомъ и вообще о высокихъ предметахъ, ѣдятъ, пьютъ и спятъ, какъ прочіе смертныя; но чрезвычайно на это сердятся и ругаютъ презрѣнную прозу жизни.

2) При встрѣчѣ съ «половинами» онѣ тотчасъ же угадываютъ по вдохновенію свое родство съ ними—и начинаютъ говорить языкомъ никому, кромѣ сихъ половинокъ, непонятнымъ, заговариваются какъ Тассо или Джакомо Санназаръ, или какъ Нино Галлурі спрашиваютъ у своихъ половинокъ:

Скажи мнѣ,

Какъ ангелы на небѣ говорятъ...

ругая немилосердо бѣдный языкъ человѣческой:

Нѣтъ, я не люблю тебя—нѣтъ! это слово

Выдуманно челоуѣкомъ, осквернено оно...

3) Съ «избранницами» — означенныя души могутъ жить только въ Аркадіи, въ *Idealen Welt*, гдѣ не пьютъ и не ѣдятъ, а только цѣлуются, гдѣ не работаютъ — а развѣ только плетутъ корзинки для цвѣтовъ....

Довольно, кажется, для того, чтобы обозначить, какого рода романтической взглядъ имѣли мы въ виду. Борьба съ нимъ теперь значить воевать съ тѣнями: въ критическихъ статьяхъ и въ литературѣ сороковыхъ годовъ—найдутся цѣлыя, весьма умныя и энергическія выходки противъ подобнаго воззрѣнія; но, отрицая это воззрѣніе, не зашла ли литература дальше чѣмъ слѣдуетъ? Не придется ли, говоривши много противъ волка, сказать и по волку?... Въ это воззрѣніе, доведенное до смѣшнаго дюжинными производителями—восходить ко временамъ Платона, находить себѣ отголосокъ въ дѣятельности Шиллера, въ поэзіи Жуковского?—Но, объ этомъ послѣ—и да избавитъ насъ Боже соединить имена Платона, Шиллера, Жуковского съ именами ратоборцевъ такого смѣшнаго воззрѣнія.

Равномерно, избави насъ Боже, дѣло послѣдующаго отрицанія смѣшать съ дѣломъ Гоголя и даже Лермонтова, — хотя различные виды отрицательнаго взгляда и пошли отъ могущественнаго толчка, сообщеннаго сими двумя великими поэтами. Ни Жуковскаго, ни Шиллера (кроме очень молодыхъ и неистовыхъ его произведеній) нѣтъ средствъ человѣческихъ представить съ комической стороны: точно такъ же — смѣшныя страданія подражателей Лермонтова не умалять дѣйствительныхъ, глубокихъ страданій этой могучей природы — и всѣ странности натуральной школы не могутъ потемнить ни единой черты въ дѣятельности великаго поэта «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ» — и «Записокъ съумасшедшаго»... Безобразія останутся безъ образіями, — а дѣло великихъ призванныхъ — дѣломъ крѣпкимъ, истиннымъ, приносящимъ плодъ сторицею.

Посмотримъ же, куда пошли отрицательные взгляды отъ толчка, сообщеннаго Лермонтовымъ.

Поэтъ говорить въ одномъ изъ художественнѣйшихъ по формѣ и самыхъ горькихъ по мысли своихъ произведеній:

Я къ вамъ пишу случайно; право,
 Незнаю какъ и для чего;
 Я потерялъ ужъ это право,
 И что скажу вамъ? Ничего!
 Что помню васъ, но, Боже правый,
 Вы это знаете давно,
 И вамъ, конечно, все равно —
 И знать вамъ также нѣту нужды,
 Гдѣ я? что я? въ какой глуши?
 Душею мы другу другу чужды.
Да врядъ ли есть родство души!
 Страницы прошлаго читая,
 Ихъ по порядку разбирая
 Теперь остынувшимъ умомъ,
 Разуверяюсь я во всемъ:
 Смѣшно же сердцемъ лицемѣрить
 Передъ собою столько лѣтъ:
 Добро бъ еще морочить свѣтъ....
 Да и притомъ, что пользы вѣрить
 Тому, чего ужъ больше нѣтъ?
 Безумно ждать любви заочной....
Въ нашъ вѣкъ всѣ чувства лишь на срокъ.
 Но я васъ помню — да и точно

Я васъ никакъ забыть не могъ:
Во-первыхъ потому, что много
И долго, долго васъ любилъ....
 Потомъ—страданьемъ и тревогой
 За два блаженства заплатилъ,
 Потомъ—въ раскаяннй безплодномъ
 Влечилъ я цвпъ безплодныхъ лтъ •
 И размышленіемъ холоднымъ
 Убилъ послѣдній жизни цвтъ.
 Съ людьми сближаясь осторожно,
 Забылъ я шумъ младыхъ проказъ,
Любовь, поэзію—но васъ
Забыть мнѣ было не возможно!

Стихотвореніе есть не что иное, какъ страшный душевный диссонансъ: оно все полно противорѣчій, какъ вообще поэзія Лермонтова; критика увидала въ немъ какой-то *освѣжающій душу холодъ* — а литература извлекла изъ него современный догматъ, опираясь еще на стихи:

Въ себя ли заглянешь—тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда,
 И радость и горе и все такъ ничтожно....

Она, можно сказать, обрадовалась, что нашла такіе стихи у поэта, за себя обрадовалась — и изтворила героевъ, въ души которыхъ ничтожны и горе и радость, опозитизировала ничтожество чувства, когда Лермонтовъ относился къ нему съ болью страданія и съ желчью сатиры.... Стали даже смѣяться надъ чувствомъ: ждалъ ли этого результата Лермонтовъ?

Поэтъ въ восьми вѣковѣчныхъ стихахъ—выразилъ напряженно трагическое положеніе двухъ существъ, любви которыхъ нѣтъ возможности высказаться по обстоятельствамъ:

Они любили другъ друга такъ долго и вѣчно....

и т. д.

Литература опять-таки приняла это за догматъ—и появились трагическія представленія самыхъ смѣшныхъ и мелочныхъ отношеній.

Поэтъ, отъ лица своего страшнаго Арбенина — можетъ быть самаго полнаго отраженія его личности—сказалъ:

Женился я, чтобы имѣть святое право
 Ужъ ровно никого на свѣтъ не любить....

Литература опять-таки извлекла отсюда догматъ — и догматъ престранный.

Скажутъ намъ, что литература, какъ всегдашнее выраженіе общества, ничего не давала отъ себя. Это — чистый вздоръ, потому что у насъ литература выражала не потребности общества, т.-е. съ которымъ разъединилась она съ начала XVIII вѣка, идя прежде рука объ руку, — а потребности различныхъ образованныхъ кружковъ: и потому — то самому, присвоивши себѣ руководительное значеніе, тѣмъ самымъ обязываетъ себя ко многому....

Все это мы говоримъ объ искаженіяхъ, которымъ подвергался нашъ вопросъ, разработанный по догматамъ, извлеченнымъ литературой изъ Лермонтова — и говоримъ по многимъ, на самихъ себѣ испытаннымъ ощущеніямъ. Въ истинно даровитыхъ людяхъ, въ лирическихъ поэтахъ, каковъ Майковъ, Огаревъ, Фетъ и нѣкоторые другіе — ни догматовъ, ни искаженій вы не встрѣтите.

Намекнувши на искаженія, которыя вопросъ о любви и объ отношеніяхъ къ женщинѣ потерпѣлъ отъ напряженно-трагическаго взгляда, мы должны были бы коснуться другой стороны этого взгляда — направленія болѣзненнаго, направленія, къ которому блестящій его представитель — одинъ германскій поэтъ, относится такъ же точно, какъ Лермонтовъ къ извлеченнымъ изъ него догматамъ, — если бы это болѣзненное направленіе мы не изслѣдовали уже съ точностью въ статьѣ нашей о литературѣ, помѣщенной въ I книжкѣ прошлаго гда нашего журнала.

Соберемъ теперь общія физиологическія черты двухъ этихъ взглядовъ:

1) Любовь къ женщинѣ есть борьба съ женщиною. Притомъ любовь вообще происходитъ не изъ простыхъ непосредственныхъ побужденій, для которыхъ мы слишкомъ *стары* и охолодѣли, — а изъ желанія на что-либо обратить *огромныя* силы личности. Какъ мы ни стары, а все смерть какъ хочется намъ сказать вмѣстѣ съ Мцыри:

Да, тотъ огонь отъ юныхъ дней,
Таяся жилъ въ груди моей,
И онъ прожегъ свою тюрьму....

2) Отношеніе къ женщинѣ наиболее желательное есть такое, въ которомъ болѣе представляется дѣятельности этимъ силамъ, и въ которомъ, въ наиболее выгодномъ, эффектномъ свѣтѣ является наше самолюбіе. По этому а) отношенія простыя надоедаютъ и разрушаются въ душѣ. б) апельсинъ надобно высосать и бросить, в) дорога та женщина, которая насъ мучить.

3) Нѣжныя изліянія смѣшны: женщину надобно мучить: въ этомъ есть необъятное наслажденіе, — мучить морально, подразумевается; впрочемъ Ланцкій г. Дружинина пошелъ дальше: онъ находитъ уже сласть въ физическомъ мученіи женщины.

4) Любовь должна непременно носить на себѣ роковую печать, и никогда не может и не должна кончиться благополучно — потому что нечего намъ, устарѣвшимъ и охолодѣвшимъ, дѣлать съ благополучно кончившеюся любовью — не можемъ мы жить единымъ чувствомъ съ женщиною: придется искать новыхъ сильныхъ ощущеній.

Нечего, кажется, разъяснять, какой тонкій материализмъ таится въ подобнаго рода воззрѣнн.

Взглядъ, который мы назвали практическимъ, уже просто грубъ; для него комфортъ жизни, даже случайныя условія комфорта (охъ ужъ этотъ комфортъ, — не-русскій и по имени и по понятн!) дороже всякихъ человѣческихъ отношеній. Поборники такого комфорта обратили въ догматъ слова Гоголя: «Нынѣ сильнѣе завязываетъ драму стремленіе достать выгодное мѣстечко» и т. д.

Взглядъ натуральный — то сентименталенъ какъ романы Августа Лафонтена, то грубъ какъ практическій, то болѣзненъ какъ упомнутая нами сторона лирической поэзіи.

Есть еще взглядъ — смѣшанный, но имѣющій претензіи на особенную тонкость. Герои и героини этого взгляда — играютъ словесно и на практикѣ въ любовь, прибѣгая къ различнымъ, никому непонятнымъ, ухищреніямъ и т. п. Объ немъ много говорить не стоить, какъ равно и о напряженно-чувственномъ взглядѣ, который удачно выразился въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ г. Щебринъ, поразилъ всѣхъ какъ новость при несомнѣнномъ дарованіи молодого поэта, и наконецъ надобѣлъ всѣмъ смертельно потому, что «мы не Греки и не Римляне». Представьте же себѣ, что вдругъ, среди этихъ различныхъ искаженій, раздается голосъ чувства молодого, свѣжаго, правильнаго и вмѣстѣ истинно тонкаго: выставляется отношеніе къ женщинѣ благородное, страстное, возвышенное въ основахъ — отношеніе личностей, сливающихся душа съ душою, но не въ Аркадіи, и не надъ плетеніемъ корзинокъ для цыбтовъ — а въ обычномъ теченіи жизни, хотя и совершающемся правда подъ классическимъ небомъ, въ классической странѣ, среди яркой обстановки.... Естественно, что одного уже желанія идти съ женщиною рука объ руку, дѣля съ ней всѣ прекрасныя и благородныя впечатлѣнія, равно какъ и самыя простыя — достаточно для того, чтобы авторъ лирической выходки подвергнулся посмѣянію.

«Помнишь ли ты, Нина, — такъ начинается онъ свое письмо — какъ я принимался тысячу разъ рассказывать тебѣ все то, что такъ нравилось мнѣ въ Римѣ и римской жизни, и что на каждомъ шагѣ, каждый день, наполняло новымъ восторгомъ? Какъ я тысячу разъ начиналъ и никогда не могъ ничего тебѣ рассказать? Потому — что ты сама же первая была

«мнѣ главной помѣхой: то я выдѣлъ, что ты меня совсѣмъ не слушаешь, «а думаешь о чемъ-то совсѣмъ другомъ, играя рѣзнымъ опахаломъ «своимъ; либо играешь со своими золотыми рыбками и заставляешь «ихъ метаться какъ угорьелыхъ вверхъ и внизъ въ ихъ хрустальной «вазѣ, либо разсматриваешь въ зеркало чудесные глаза свои и длин- «ный рѣсницы ихъ;—то ты мнѣ серьезно и строго запрещаешь раз- «сказы эти, потому-что тебѣ казалось истиннымъ преступленіемъ, «когда я съ жаромъ говорилъ про что-нибудь другое, кромѣ тебя, «милая моя; то я самъ бросалъ все свои рассказы, разсужденія и «воспоминанія, чтобъ только смотреть на тебя и говорить тебѣ про «одну тебя. Я лучше тебя самой понималъ, милая моя, какъ ты права «въ своихъ требованіяхъ; какъ мало было все, что ты потребо- «вала отъ меня; какъ всей моей мысли и всего моего чувства «недоставало, чтобъ всю тебя вмѣстить въ себя, чтобъ нара- «доваться на всю тебя. Сколько разъ, когда я шелъ къ тебѣ, я «воображалъ, что расскажу тебѣ все свои новые восторги того дня, «новыя увидѣнные сцены и картины красоты, *расскажу, какъ я «наслаждался каждою новою чудесною подробностію, и тебѣ «дамъ тоже почувствовать ихъ*—никогда мнѣ ничего не удалось: «съ-тѣхъ поръ какъ я былъ вмѣстѣ съ тобою, все выходило иначе, «чѣмъ я приготавливалъ, точно кто-то разомъ переворачивалъ меня «за плеча и заставлялъ идти по совсѣмъ другой дорогѣ, чѣмъ кото- «рую я было назначалъ. Такъ школьникъ, позванный учителемъ къ «отбѣту, бодро встаетъ со своего мѣста и идетъ смело съ придуманными давно, ловко заготовленными оправданіями: подошелъ къ «учителю, и все выдумки разомъ улетѣли изъ головы, упали передъ «однимъ взглядомъ, потому что такъ слабы въ сравненіи съ тѣмъ, «что онъ долженъ бы сказать, и онъ уже говорить, повуривъ голову, «совсѣмъ не то, что приготовилъ на своей скамейкѣ, въ разговорѣ «съ однимъ послушнымъ воображеніемъ своимъ.

«Ты знаешь, Нина, все то время, что я былъ съ тобою, я «никогда не могъ привыкнуть къ твоей красотѣ и къ прелести, ко- «торую полно все твое существо, — и еслибъ я прожилъ еще сто «лѣтъ съ тобою, все-равно я никогда не привыкъ бы къ тебѣ. «*Какое счастье, что душа къ красотѣ не привыкаетъ; что въ «этой красотѣ вѣчно кипитъ источникъ чего-то новаго, еще не- «узнаннаго, горлко поражающаго новымъ чувствомъ.* Когда я «былъ съ тобою, я никогда не могъ сказать тебѣ ни всего своего «чувства, ни всего, что я накоплялъ и заготовлялъ сказать тебѣ, «когда былъ одинъ. Теперь, когда стараюсь вспомнить, я совсѣмъ «не знаю, про что я тебѣ говорилъ во все долгіе дни, проведенные

«съ тобою: одно только знаю, что тысячи вещей есть, которыя я хотѣлъ сказать, и которыя никогда не сказалъ, потому что все перезабывалъ, вступая въ твои комнатки и встречая въ нихъ тебя саму. И однако же теперь, когда я одинъ, безъ тебя, я съ новою силою вспоминаю все прежнее, еще разъ снова чувствую красоту и чудесности, которыя забывалъ передъ тобою, и мнѣ снова, точно по прежнему, хочется рассказывать тебѣ все, что въ прежніе дни такъ поражало меня. Не то, чтобъ мнѣ хотѣлось послать тебѣ и заставить тебя читать описанія — икъ ты довольно найдешь и во всѣхъ книгахъ, если только икъ читаешь; да и что тебѣ въ нихъ, и въ этихъ описаніяхъ! Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, не того хотѣлъ я; но ты, я думаю, Нина, сколько ни подтрунивала надъ моими энтузіастическими рассказами того времени, все-таки очень хорошо знала, что ты одна источникъ моего наслажденія во всемъ и вездѣ; что ты мнѣ дала точно новые глаза, и что они, вновь открытые, никогда не увидали бы и одной миллионной частицы того, что увидали простѣпленные новымъ чувствомъ, горьвошимъ внутри меня. Если ты знаешь это — а какъ тебѣ не знать, и каждый взглядъ мой, и каждая мысль и каждое слово говорили тебѣ про одно, про тебя, — если ты знаешь, могла ли ты не понимать, что что бы мнѣ ни нравилось, все это была бы — ты сама; что бы я тебѣ ни сталъ говорить, про тебѣ бы одну я и рассказывалъ; на всемъ бы блисталъ горячій лучъ, упавшій отъ тебя. О Нина, какъ бы я хотѣлъ рассказать тебѣ теперь цѣлый Римъ и прошлое время паше, чтобъ ты увидала, какъ вездѣ и во всемъ ты была со мной; какъ твоей образъ парилъ надъ всемъ для меня и проникалъ меня новою свѣжестью силъ, чтобъ открывать и схватывать все глубины и все прелести. Мнѣ кажется, это главнѣе, это путеводительство жемчужной красоты ослѣпленнаго всего слышится въ Итали. Всемъ великимъ твоего отечества, точно благодатный геній съ неба, красота эта была всегда тою силою, которая влекла икъ къ великимъ произведеніямъ; всемъ и не великимъ она была истиннымъ дыханіемъ жизни; мнѣ, пришельцу съ далекаго, тебѣ незнакомаго сѣвера, ты была тѣмъ же. Какъ же бы я хотѣлъ быть тоже однимъ изъ сильныхъ, написать тебя огненными чертами, чтобъ ты сама себя увидала въ нихъ и отступила въ изумленія и восторгъ. Въ такомъ рассказѣ, въ такомъ живописаніи есть какая-то сладкая, влекущая необходимость, и, однако же, — вотъ еще одинъ разъ я тебѣ это повторяю, — я никогда не сумѣлъ сдѣлать этого, когда былъ съ тобою, Богъ знаетъ, сумѣю ли когда-нибудь, выйдеть ли у меня такъ, какъ я хочу.

«Но что мнѣ теперь думать о будущемъ, когда еще такъ недавно я оставилъ тебя, когда я еще весь полонъ послѣдними днями, «проведенными съ тобою, посреди блеску и торжества карнавальнаго, окружавшаго тебя тогда. Если и всегда мнѣ мало удавалось «передать тебѣ почувствованное; тѣмъ меньше во время нынѣшняго «карнавала, когда я едва успѣвалъ говорить съ тобою нѣсколько «минуть; даромъ—что почти всегда былъ вмѣстѣ съ тобою; да, вмѣстѣ съ тобою, только не одинъ. Прочитай же хоть въ нынѣшнемъ «письмѣ про мой карнавалъ, увидь тамъ себя какъ въ зеркалѣ; полюбуйся на мое счастье, если только я его выражу здѣсь, и—по-«скорый пиши мнѣ сама. Я, кажется, за два дня впередъ почув-«ствую, что иделъ ко мнѣ письмо отъ тебя, и сдѣлаю самъ «столько же дороги мыслью, сколько курьеръ. Богъ знаетъ, когда-то «я тебя увижу снова; кто знаетъ, пожалуй, еще цѣлыхъ три мѣсяца «пройдетъ прежде, чѣмъ я опять полечу въ Римъ; шутка ли это!»

Къ чему тутъ комментарий? Очевидное дѣло, что авторъ находится въ формѣ своего выраженія подъ вліяніемъ Гоголевской манеры, но въ чувствѣ въ тонкости пониманія отбывковъ чувства—онъ весь подъ вліяніемъ вѣчной идеи красоты....

«Красота, говоритъ Платонъ въ Федръ — одна получила здѣсь жребій быть пресвѣтлою и достойною любви. Не вновь посвященный, развратный стремится къ самой красотѣ, не взирая на то, что носить ея имя; онъ не благоговѣетъ передъ нею, а подобно четвероному ищетъ одного чувственнаго наслажденія, хочетъ слить прекрасное съ своимъ тѣломъ.... Напротивъ того, вновь посвященный, увидѣвъ богамъ подобное лице, изображающее красоту, сначала трепещетъ, его объемлетъ страхъ, потомъ созерцая прекрасное, онъ обожаетъ, и если бы не боялся, что его назовутъ безумнымъ, онъ принесъ бы жертву предмету любимому».

Виновать ли авторъ «Письма», что онъ полонъ этого чувства красоты, общаго всѣмъ поэтическимъ натурамъ отъ Платона до Пушкина, который «благоговѣетъ богомольно передъ святыней красоты»—и совершенно чуждаго нашей литературѣ? Виновать ли онъ такъ же и въ томъ, что слишкомъ тонко разумѣетъ отношеніе къ женщинѣ, хоть и употребляетъ иногда безъ разбору первое встрѣченное слово для выраженія его отбывковъ?

Предоставляя досужей современной критикѣ останавливаться сколько ей угодно на нѣкоторыхъ дѣйствительно не ловкихъ, но ужъ никакъ не вычурныхъ выраженіяхъ автора въ родѣ «путеводительства красоты», и предоставляя ей также полное право не замѣчать, «оставлять втуне» — много весьма нѣжныхъ и поэтическихъ отбыв-

ковъ, — мы лучше последуемъ за лирикомъ въ развитіи его поэтического мотива, протлнутаго, такъ сказать, черезъ все многообразіе набрасываемыхъ имъ картинъ... Мотивъ такъ искрененъ, такъ свѣжъ, выливается изъ такого чистаго источника, что вѣроятно многіе вмѣстѣ съ нами поймутъ, почему поэтъ безпрестанно къ нему возвращается.

Карнавалъ начался для него только съ тѣхъ поръ, какъ узналъ онъ драгоценную, «самую что ни есть драгоценную» новость, что онъ скоро увидитъ ее, свою Нину.

«Съ этихъ дней начался мой карнавалъ. Теперь же, каждые «новые сутки, каждый новый часъ приближалъ меня къ тебѣ; воздухъ сталъ мнѣ казаться свѣжимъ и благоуханнымъ, какъ весной, въ первый выходъ послѣ долгой болѣзни; все мои занятія кончались — и книги и музыку, я все бросилъ, мнѣ ничего больше не хотѣлось, какъ только перескочить скорѣй къ последнему дню передъ отъѣздомъ. И точно такъ, любезная Нина, какъ съ тобой вѣчно случается, чѣмъ скорѣй ты заторопишься надѣвать свои перчатки, тѣмъ дольше надъ ними проводишься, къ своей досадѣ и моему великому утѣшенію — я такъ люблю видѣть тебя «на минутку въ досадѣ, даже сердитую, и смѣдить потомъ, какъ снова возвращаючися къ своей чистой и спокойной красотѣ всѣ «линіи лица твоего; точно такъ было нынче и со мной: не могъ я «ни за что на свѣтѣ уехать изъ Флоренціи въ тотъ день, когда воображалъ и про который написалъ тебѣ впередъ. Такъ ужъ свѣтъ «устроенъ, что удастся въ самое вѣ-время, и непремѣнно, только «то, чего не хочешь, и что бы оттолкнуть всѣми силами.

«Однакожъ за два дня просрочки я не смѣлъ жаловаться на «неудбу—она легко могла отнять у меня весь карнавалъ въ нынѣш- «немъ году, и я окончилъ нетерпѣнье свое, поворчавъ про себя на «препятствія. Наконецъ я въ Римъ! И прежде чѣмъ перелетѣть въ «твои комнаты, я снова увидалъ все, что я такъ люблю: и римскія «улицы, и римскихъ женщинъ съ непокрытыми головами и въ транс- «теверинскомъ костюмѣ, и любезный Кёрсо, застроенный уже «загородками и перилами для карнавала, и прекрасный дво- «рецъ венеціанскій, все-таки прекрасный, сколько его не пор- «тили, и скалилату, поднимающую расходящіяся лѣстницы свои, «на верхъ Monte-Pincio, къ подножію церкви Trinita de Monti, и мутный крутящійся Тибръ и пантеонъ — «каменную красоту; услы- «халъ снова этотъ чудесный говоръ римскій, это удивительное произ- «ношеніе, которое заставляетъ меня такъ жадно прильнуть къ каж- «дому слову, произнесенному твоими губами, заставляетъ меня слы- «шать за каждымъ изъ звукомъ; наконецъ, чтобы тебѣ не пересчи-

«тывать всего, что я люблю, и что бы я слишком долго рассказывал тебе, наконец снова окунулся я в римскую атмосферу, в римское ощущение, в римское мое наслаждение. *Римская жизнь со вкусом, что в ней есть прекрасного, римская красота служат тебе, Нина, точно бесчисленными рамками всех форм и видов, в которых ты для меня появляешься, как одна за другой появляются на разных местах темной занавески, вдруг открывающаяся светлая живая картина.* И толпа, которая разступается перед тобой на Кёрсо и глядит тебе вслед, «и обращенная к тебе все головы, когда ты, погулевающая в своей «коляске, проезжаешь по террасам Monte-Pincio, и упительный «воздух твоего города, и золотое солнце его, не уставшее еще смотреть на все его великости, и зелень садов и загородных вилл, «где ты гуляешь, и горбатые узкие мосты, брошенные через Тибр, «на которых ты любишь остановиться вечером, смотреть обвитую «вечерним тускнеющим светом панораму рьки и цветистых «берегов ее, и откуда ты кажешься точно стоящая на высокой «эстраде, *вырисованная чистым прозрачным воздухом,* и блистающая театральная зала — все создано будто нарочно только на «то, чтобы дать тебе *сверкнуть* новой чудесной красотой и картиной. Рим и то, что я увидал в нем снова, прежде чем тебя «саму, было для меня тем же, что первые комнаты в доме давно «невидящего друга, которых мы проходим прежде чем дойти до «него самого, слуги его, которых мы там встречаем и с которыми второпях здороваемся, глазами и мыслью устремленные между-тем вперед: мельком бросается нам в глаза каждая картина, каждая мебель, каждая подробность, которую мы прежде знали «и любили, все попрежнему на своих местах; на нас вьется чем-то давно знакомым, давно чувствованным здесь, посреди всех «этих предметов, чем-то приготовляющим к самому хозяину. «Наконец я увидал и самого хозяина, тебя, моя безцвнная: это «были такие минуты, что мне кажется и ты, Нина, никогда не забудешь, даром-что я для тебя совсем не то, что ты для меня — «я это слишком хорошо знаю. Но как бы там ни было, есть «на свет такие минуты, которых никогда не забудет даже самый «каменный посторонний свидетель, не только-что сами участники, — «а эти минуты были из таких, редких и незабываемых. Ты «меня долго бранила и выговаривала мне, зачем я столько «опоздал, зачем я столько дней заставил ждать себя: я ничего не отвечал тебе; что бы я стал тебе отвечать? У «меня был внутри такой рай, такой восторг и от одного

«уже первого взгляда на тебя, и потом от этих дорожек упреков, что я искалъ бы сто лѣтъ, и не нашелъ бы ни одного слова, чтобъ сказать тебѣ, чтѣ во мнѣ дѣлалось. Пусть-бы ты еще долго-долго говорила мнѣ такъ, все бы я тебя слушалъ. Однако-же и я потомъ нашелъ чтѣ говорить тебѣ — развѣ ты мнѣ не сказала въ тотъ день, что я все прежній, что по прежнему говорять съ тобой и мои глаза, и мои губы? Съ-тѣхъ-поръ начался для меня опять рядъ солнечныхъ дней. Сонъ преглупая вещь: только иногда, по нашему желанію, продолжаетъ онъ, въ своемъ фантастическомъ мірѣ, представлять тяжелое горе или радость, которыми были мы полны наканунѣ: но это слишкомъ рѣдкое счастье, чтобы сонъ слушался нашихъ желаній, и почти всегда онъ наперекоръ чувству днѣ, рисуетъ свои картины и на много часовъ перерываетъ и горе, и радость, которыя мы бы хотѣли и не можемъ продолжить. Ктѣ не упрекалъ себя, просыпаясь, въ хладнокровномъ забвеніи того, чтѣ вчера волновало, и казалось не могло кончиться никогда? Такъ-то слабъ, человѣкъ, такъ-то нѣсколько часовъ сна даже, могутъ доказать ему, какъ силнѣе всего въ немъ — способность забывать, какъ иногда зависить онъ отъ своего тѣла, своей тюрьмы, и какъ иногда становится безсильной душа, которою онъ такъ гордится. Да, и я тоже забывалъ тебя, Нина, иногда; но зато сколько есть и счастья снова завладѣвать утраченнымъ-было и искаженнымъ во время сна настроеніемъ духа; сколько тѣмъ больше есть счастья, Нина, просыпаясь и радуясь на солнце, глядящее въ окно, говорить себѣ не въ фантастическомъ обманывающемъ снѣ, а на-яву: да, я въ самомъ дѣлѣ въ Римѣ; да, и сегодня и завтра, и послѣ-завтра я увижу Нину, буду съ нею сколько захочу. Когда про тебя думаешь, Нина, кажется день становится лучше, кажется утро лучше и ярче расцвѣтаетъ».

Боже мой! какъ все это молодо, какъ все это не притворно-молодо! какое жаркое чувство красоты и какое полное проникновеніе всего существа поэта мыслию о тѣсной связи съ любимой женщиной — какъ много тутъ почти дѣтскаго, такого, чтѣ человѣкъ *современный*, подъ вліяніемъ догматовъ, посовѣстился бы высказать — тотъ же самый современный человѣкъ, который сочтетъ весьма приличнымъ и разумнымъ высказать свое нѣжное отношеніе къ индѣйкѣ съ трюфелями или свое негодованіе на *непорядочныхъ* людей, не дѣлающихъ себѣ пробора назад! И какъ въ самомъ дѣлѣ легко представить выписанныя нами страницы въ комическомъ свѣтѣ, пользуясь стремленіемъ автора выражать свои впечатлѣнія первыми, наиболѣе пластическими словами — легко всякому, кто прочтетъ тутъ

только выражения: «каменная красота» (совершенно впрочемъ въ мѣрѣ Гоголя), «вырисованная чистымъ прозрачнымъ воздухомъ» (точно какъ будто написалъ это г. Рамазановъ), — кто не пойметъ, какъ можетъ сверкнуть красота какъ молнія, — кто увидитъ только грамматическія неправильности (слова: *великости* и тебя *саму*, вмѣсто параднаго тебя *самоѳ*).

А между тѣмъ мы, — признаемся въ этомъ откровенно, — почти ничего этого не замѣтили при первомъ чтеніи — и, забывая нѣсколько по болѣе другихъ о чистотѣ русскаго языка, не оскорбились грамматическими неправильностями, приписавши одну изъ нихъ (саму) не автору, а журналу — который давно уже ломаетъ русскую рѣчь: подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, мы готовы были думать, что авторъ этого письма — одно лице съ авторомъ «Очерковъ Рима», ибо мы не знаемъ въ наше время другаго поэта съ такимъ жаркимъ и вмѣств трезвымъ чувствомъ красоты, съ такимъ тонкимъ пониманіемъ отношеній къ женщинамъ: — многіе поэты взываютъ къ красоте, даже троекратно, — но тщетенъ и суетенъ ихъ напряженный призывъ; самыя усилія ихъ передѣлаться въ древняго человѣка — усилія напряженныя, дѣйствующія на читателя, новаго человѣка — не пріятно, поклоненіе красотѣ у нихъ грубо и чувственно. Только г. Майковъ знаетъ мѣру въ этомъ — и остается новымъ человѣкомъ и поэтомъ искреннимъ въ античныхъ, пластическихъ формахъ... Душевно рады мы появленію новаго поэта въ такомъ же родѣ, хотя и очень молодаго, хотя еще не побѣдившаго формы. Дорога намъ въ немъ искренность и свѣжесть чувства. Дорого для насъ то, что очеркивая блестящими, хотя не ровными чертами карнавалъ и свою Нину, посреди этого карнавала — поэтъ остается новымъ человѣкомъ, хранить свое чувство какъ исключительное, пусть даже нѣсколько и ревнивое: не красоту вообще любить онъ въ своей Нинѣ — самоѳ Нину онъ любить, любить горячо, непосредственно, почти безотчетно.

«Но знаешь ли, Нина, признаться ли тебѣ: каковъ ни былъ всякій разъ мой восторгъ отъ карнавала, къ нему всегда примышлялось тяжелое чувство, заставлявшее меня мучительно страдать, и сты была въ этомъ всякій разъ виновата. Развѣ ты думаешь, я смогу хладнокровно смотрѣть, какъ ты изъ своей ложи ласково кланялась знакомымъ своимъ, ловила, смѣясь, ихъ букеты и сама сбросала въ нихъ цвѣтами и конфетами? Я не могу, я не могу сносить, чтобъ ты хотѣла дѣлать удовольствіе другимъ; что бы я себѣ ни говорилъ тогда, какъ бы ни утѣшалъ себя и какъ бы благоразумно ни философствовалъ, у меня разомъ повернется голова и я перестаю помнить все, что можетъ быть за часъ быдѳ

«между нами. Когда ты бросала свои цветы, я безмятежно от-
 «шскивалъ лицо твоего знакомаго, на ту минуту сдѣланнаго
 «тобой счастливымъ; я хотѣлъ рассмотреть и прочитать у
 «него на лицѣ, что онъ тебѣ—не другъ ли твой, не нравится
 «ли онъ тебѣ, за что ты вздумала сдѣлать ему предпочтеніе.
 «Теперь я знаю, очень хорошо знаю, что совсѣмъ понапрасну
 «мучилъ себя ложными страхами и воображеніями, но тогда было
 «не теперь, тогда было совсѣмъ другое, и я много потерялъ хоро-
 «шаго времени въ карнавалъ; съ большимъ трудомъ я могъ опять
 «успокоиться и опять начать наслаждаться по прежнему тѣмъ, что
 «дѣлалось передъ моими глазами. Чѣмъ я всякій разъ успокоивался,
 «ты сама знаешь чѣмъ—твоими глазами, дорогой красотой твоей.
 «Но одинъ разъ, когда передъ твоимъ балкономъ стѣснились экипажи
 «такъ, что оба ряда не могли больше двинуться ни взадъ ни
 «впередъ, и когда во время суетни и распутыванья кучеровъ
 «завизалась на этомъ мѣстечкѣ Corso самая горячая перестрѣлка и,
 «кажется, само солнце затмилось отъ посыпавшагося града конфетъ
 «и цветовъ въ экипажи и изъ экипажей, когда ты точно древняя
 «спартанка въ древнемъ сраженіи, стала сражаться съ оживленнымъ
 «лицомъ, улыбалась и разговаривала съ однимъ какимъ-то молодымъ
 «римляниномъ, своимъ знакомымъ, который чуть не полчаса атако-
 «валъ тебя и бросилъ тебѣ больше цветовъ, чѣмъ цѣлые пол-Corso
 «вмѣстѣ, тогда я совсѣмъ потерялъ голову. Я видѣлъ, что тебѣ
 «тогда было много удовольствія, что ты совсѣмъ меня забыла, что
 «тебѣ и безъ меня можетъ быть много радости; думалъ, что можетъ
 «быть ты любишь,—можетъ быть давно уже—этого римлянина, и
 «притомъ же онъ всегда съ тобой здѣсь, я почти всегда далеко отъ
 «тебя, онъ можетъ быть очень увлекателемъ, мнѣ стали казаться
 «вдругъ понятными тысячи маленькихъ подробностей, которыхъ
 «я прежде никогда не замѣчалъ и которыя теперь все разомъ
 «загорѣлись огненными картинами въ голову. Я не зналъ, что дѣ-
 «лать, куда смотрѣть, карнавалъ исчезъ изъ глазъ, я не зналъ, бѣ-
 «жать ли мнѣ вонъ, чтобъ не видать продолженія ненавистной сце-
 «ны, или оставаться еще, чтобъ до конца все увидѣть и узнать,
 «встрѣтить первый твой взглядъ, когда бы ты снова опомнилась отъ
 «своихъ очарованій; вдругъ мучительное чувство, заставлявшее меня
 «такъ больно страдать тогда, принесло мнѣ въ голову новую мысль—
 «я вздумалъ по римскому карнавалному обычаю, подносить въ
 «нижнихъ балконахъ лучшіе и великолѣпнѣйшіе букеты самымъ
 «прекраснымъ понравившимся женщинамъ; я вздумалъ передъ тво-
 «ими глазами, чтобъ ты видѣла, выбрать одну изъ албанокъ, самую

чудесную. которая была-бы еще лучше—даже тебя самой, къ ней обратиться со своимъ римскимъ карнавальнымъ обожаніемъ; показать тебя, что не одна ты хороша, что есть много другихъ такихъ—же какъ ты, можетъ быть еще лучше тебя. Теперь я началъ разсматривать всѣхъ женщинъ, началъ выбирать—*нѣтъ, ни одной не было такой, какъ ты; ни одной, я чувствовалъ это при каждомъ новомъ взглядѣ, при каждомъ новомъ лицѣ; чѣмъ больше мнѣ хотѣлось увѣрить себя, что та или другая изъ нихъ чудеснѣе тебя, тѣмъ больше образъ твой носился въ моемъ воображеніи, и притомъ мнѣ стоило только поднять голову и взглянуть на тебя саму, тогда занятую этой ненавистной мнѣ игрой,—чтобъ тысячу разъ убѣдиться въ этомъ взглядѣ, что нѣтъ никого какъ ты.* Однакоже все-таки у меня все кипѣло внутри; я остановился передъ этой прекрасной молодой дѣвушкой, которая сидѣла прямо передъ тобой, черезъ улицу, прямо передъ твоими глазами,—она въ-самомъ-дѣлѣ была прекрасна; еслибъ я не былъ весь поглощенъ тобой, мнѣ кажется она понравилась бы мнѣ, какъ немногія могутъ мнѣ понравиться; она была въ нептунскомъ костюмѣ—этомъ длинномъ красномъ опашнѣ съ плоскими рукавами, съ галуномъ, изъ-подъ котораго глядитъ красное же платье съ золотымъ газетовымъ полусолнцемъ, идущимъ по груди почти отъ плеча до плеча, съ широкими кольцами въ ушахъ и вышивнымъ наметомъ, точно кровелька, на головѣ. Густыя волосы лились изъ-подъ блестящей золотомъ кровельки этой и чисто вырисовывали тонкія линии ея смуглаго лица; большіе глаза сіяли и смѣялись почти какъ твои; какъ я радъ былъ видѣть, что на ея лицѣ написано самое прекрасное удовольствіе, когда я положилъ передъ нею на перила балкончика пышные букеты свои, и когда вся ея ложа оборотилась къ ней и привилась разсматривать ихъ; я зналъ, что ты непрерывно увидишь все это, что ты увидишь нашъ коротенькій разговоръ; я зналъ, что ты уверена всегда, что я не пойду всякой женщинѣ публично при всѣхъ рассказывать цѣптами, какъ она мнѣ нравится; что, надобно для этого, чтобъ она очень понравилась мнѣ; надобно, чтобъ я наполнился чѣмъ-то толковымъ на то чувство, которое ты давнѣе знаешь во мнѣ.

«Я не удержался и взглянулъ тогда на тебя; я увидѣлъ, что все-таки еще экипажи стояли, все-таки еще кипѣло самое горячее сраженіе вокругъ тебя; но ты все оставила, перестала туда смотрѣть, ни глаза твои были устремлены на насъ, смотрѣли прямо на меня.—Я былъ доволенъ и ни одной минуты больше не остался на карнавалѣ. Какую я ночь провелъ! Я миллионъ разъ повторилъ себѣ

что никогда больше не пойду къ тебѣ, не хочу тебя больше «никогда видѣть, все между нами кончено, что ты всегда меня «обманывала, что слишкомъ ясно, что не меня ты до-сихъ-поръ «любила. И потомъ, что мнѣ въ любви? Неужели нѣтъ ничего «больше на землѣ? Неужели же въ ней и въ женщинахъ — въ «Ниня—все состоитъ въ жизни? Много, много, тысячи вещей «есть и важнѣе, и достойнѣе, имъ долженъ я отдаться, я до-«сихъ-поръ слишкомъ забывала это,—что за непонятное ослѣп-«леніе! Нѣтъ, нѣтъ, теперь все кончено, все перемѣняется, я сно-«ва дѣлаюсь силенъ и хладнокровенъ; не слышно ли такъ тратить «лучшую часть, лучшія минуты жизни на это жаркое само-«обманыванье, на эту игру, на эти цѣпты? Да, это не больше «какъ цѣпты, эта страсть, этотъ пожирающій огонь; пусть «какъ минутное наслажденіе, какъ цѣпты, какъ украшеніе, какъ «короткая радость и прихоть являюся они сверкнуть на душѣ. «Мнѣ не вспомнить и не пересказать тебѣ, Нина, всего, что проле-«тѣло въ ту ночь сквозь мою голову — и боль и страданіе, скорѣе «стучь, мгновенно пропадающихъ съ неба, уносятся съ души при «сіяніи солнечнаго луча; по всей душѣ, по всему небу, разливается «опять спокойный небесный цвѣтъ и сіяніе, и глазъ понапрасну «ищетъ въ нихъ ставшій теперь непонятнымъ прежній мракъ и ту-«манъ. Что сдѣлалъ я прежде всего, на другое утро? Еще раньше «всегдашнего часа я былъ уже у тебя, и что же? — не я утвер-«ждалъ тебя, не я позволялъ тебѣ къ строгому отвѣту,—ты первая «стала бранить меня за вчерашнюю непунячку и цѣпты; ты «первая общалась и грозилась не простить меня. Съ первыхъ же «минуть, что я тебя увидѣлъ, я снова былъ весь прежній, снова весь «твой; вся тяжелая ледяная кора, накопившаяся со вчера, оторва-«лась отъ души и улетѣла стремглавъ какъ лавина, и равнодушіе, и «хладнокровіе, такъ твердо владѣвшія мною—исчезли, какъ исчеза-«ютъ въ первыя минуты загорающаго сраженія, и я опять унесся «въ горячую и страстную жизнь, при первомъ же ея прикосновеніи «я снова почувствовалъ, что одно можетъ наполнять существованіе и «захватить силы всѣ душевныя.

«Неужели же ты когда-нибудь забудешь это утро, Нина?»

Въ этой-то исключительности чувства и заключается различіе взгляда «Письма» отъ взгляда «Рима», котораго формы видимо отра-«жаются въ формахъ молодаго лирика. Строгий художникъ—не лич-«ность, а полную, не подлежащую исключительному обладанію кра-«соту нарисовалъ въ своей Анунціатѣ—и имѣлъ право сказать, что «такая красота есть «достояніе общее», хотя употребилъ это выра-

жене не въ томъ смыслѣ, въ какомъ можетъ употребить его иной напряженный поклонникъ красоты....

«За то, когда ты ѣздила на другой день по Софю», — продолжаетъ неизвестный авторъ, — «тоже одѣтая албанкой, мнѣ показалось бы преступленіемъ посмотреть на какую-нибудь другую женщину, кромѣ тебя; мнѣ казалось бы, что я тебѣ измѣнилъ бы. Какъ къ тебѣ идетъ этотъ нарядъ! Впрочемъ, къ какой прекрасной женщинѣ онъ не идетъ? Еслибъ можно было, я бы надѣлъ его на тебя и запретилъ бы надѣвать всякій другой; за-чѣмъ можно тебѣ носить его только одну единственную недѣлю въ продолженіе всего года? Ты вся была въ золотѣ, какую бы я хотѣлъ видѣть тебя всегда; открытая грудь увѣшана была тяжелыми, низко повисшими по красной курткѣ цѣплями; позади головы качался золотой колось, которымъ оканчивалась стрѣла, воткнутая въ косу; всякій разъ, что поднималась рука твоя бросать цвѣты, блистали до локтей галуны на рукавахъ; мнѣ кажется женщинѣ сіяніе разноцвѣтныхъ камней и золота еще необходимѣе, чѣмъ золотая рама картинъ; въ этотъ же день сама природа взялась устроить золотое сіяніе даже на землѣ, по которой ты проѣзжала: все утро, къ величайшему моему испугу, шелъ проливной дождь. — Пропалъ мой карнавалъ на сегодня, — говорилъ я себѣ много разъ съ отчаяньемъ и глядѣлъ на небо такъ часто, какъ морякъ, ждущій себѣ благопріятной погоды и счастливаго вѣтра, — все понапрасну, дождь шелъ неумолимо, наконецъ солнце заиграло въ небѣ, небо голубѣло, вдали уже слышался начинающійся шумъ и звуки карнавала: *когда же ты поехала по Корсо, въ невысохнувшія лужицы и ложбинки мостовой, наполненныя утреннимъ дождемъ, блистали точно тысячи маленькихъ золотыхъ и серебряныхъ зеркалъ; твои колеса катились точно по золоту и серебру, — посмотреть впередъ — длинная блистающая дорога сталась передъ тобой: видѣла ли ты, замѣтила ли эту чудесную игру свѣта, такъ кстати подъ твоими милыми ногами?* Когда мы безпрестанно съ тобой встрѣчались, и взглянувъ другъ на друга, мѣнялись лучшими нашими букетами и цвѣтами, мнѣ казалось, точно со всякимъ цвѣткомъ, падавшимъ тебѣ на колѣна или попадавшимъ прямо въ руки, или на грудь, я посылая тебѣ по новому чувству, которое должно было выразить тебѣ мой восторгъ и мое наслажденіе: много разъ засыпать я былъ весь съ головы до ногъ мукой, много разъ цвѣты, конфеты, апельсины, выбрасываемые изъ оконъ на ниточкахъ или привѣшенныя къ длиннымъ удочкамъ, били мнѣ въ глаза, въ лицо, сбивали шляпу съ головы — я никуда не смотрѣлъ, никому не отвѣчалъ,

никуда не поднималъ голову, за тобой только слѣдовалъ, тебя искалъ въ толпѣ, и въ одно мгновеніе узнавалъ посреди всѣхъ сотенъ разныхъ костюмовъ, смѣшавшихся въ одну разноцвѣтную радугу, съ пропавшими и затерявшимися линиями».

Нечего, кажется, пояснять, что надобно быть истиннымъ пластическимъ художникомъ, чтобы подмечать такъ игру свѣта и тѣни, а вмѣстѣ и истиннымъ поэтомъ-лирикомъ, чтобы такъ оставаться вѣрнымъ своему чувству, своему мелодическому мотиву. Какъ истинный художникъ, авторъ любитъ простоту формъ жизни, жизнь по душѣ — и понятно въ высшей степени его увлеченіе на простомъ, народномъ балѣ; понятно и дорого намъ искреннее его сожалѣніе, что Нины его не было на этомъ вечерѣ: — съ ней онъ хотѣлъ дѣлать всю жизнь, со всѣмъ многообразіемъ ея впечатлѣній, и обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ: въ этомъ-то и поэзія его любви, та поэзія, которая живетъ въ дѣйствительности, а не въ Аркадіяхъ, созданныхъ филистерскимъ романтизмомъ».

«Какъ я любилъ тогда, въ этотъ вечеръ, радостные вскрики и плески всей толпы художниковъ, густо тутъ вокругъ сжавшихся. *Мнѣ кажется всегда, что въ открытой, смѣлой, непрячущейся радости или удовольствіи художника есть что-то болѣе искреннее и прямо идущее къ чувству, чего не встрѣтишь у другихъ; есть что-то сообщительное и зажигающее, чего другіе дать не могутъ.* Въ тотъ вечеръ я это особенно чувствовалъ; я радовался все время, какъ радуется всякій, кто въ восторгѣ; но тебя тутъ не было, значить меня схватывало какимъ-то холодомъ всякій разъ, когда отъ роскоши картинъ передо мною, мысль опять ворочалась сама въ себя, домой, къ своему лучшему и постояннѣйшему предмету — къ тебѣ, Нина моя. *Сколько разъ я повторилъ себя тогда: зачѣмъ ее нѣтъ со мной здѣсь? Какъ бы мы вмѣстѣ смотрѣли, какъ бы едва чувствительнымъ прикосновеніемъ локтя мы бы говорили другъ другу: смотри, смотри, вотъ еще новая прелесть, еще новая кравота!* Посмотри это движеніе, посмотри скорый этотъ поворотъ головы, — видѣла ли, какъ она взглянула, и видѣла ли ты, какъ она ему подала руку! Смотри скорый: опять прежняя гречанка входитъ въ кругъ; — еще лучше, смотри: вотъ и Джиджи, — они всѣхъ лучше. Ну, теперь сейчасъ загремятъ рукоплесканія! Такъ и есть! Что это за Пьетруччіо! Это просто оговны! Вотъ начинается Винченца — какая она томная! Нѣтъ, и она тоже сейчасъ загорится. Видишь, видишь — моя правда! Теперь всѣ, — что это, это просто буря! «Нина, еслибъ ты могла тоже плясать — что бы со мной сдѣлалось?» *Такъ мы проговорили бы можетъ-быть*

весь вечеръ, и съ какими чудесными чувствами мы потомъ возвращались бы домой, рука-подъ-руку, по молчаливымъ улицамъ Рима?»

Не знаемъ, какъ для другихъ — а для насъ, это — черты неоцѣненные, черты высокочеловѣческія.... Поэтъ, способный до такой степени понимать красоту въ простотѣ, жизнь по душѣ — способенъ найти такую красоту и не въ одной Италіи, не посреди только ея чудесной и великолѣпной обстановки.... Онъ повелъ бы свою Нину не на одинъ только праздникъ художниковъ, не въ одинъ народный театръ *San-Carlino*....

«Я люблю, говорить онъ, парадный вечерній блескъ театральной залы, люблю украдкой взглянуть на ту, которая мнѣ нравится; когда пришли самыя важныя минуты пьесы и надъ всей залой воцарится такая тишина, такое напряженное и устремленное вниманіе, точно окаменѣла вся толпа въ своихъ ложахъ — люблю тогда быстро взглянуть на ее, будто посылая ей неожиданный поцалуй на прекрасное лицо; люблю видѣть горящія щеки или затуманивающіеся слезами глаза; но знаешь ли, Нина, гдѣ я пожелалъ много разъ быть съ тобой въ театрѣ, и гдѣ всего этого не было и не могъ я ничего этого видѣть? Я хотѣлъ бы гулять съ тобой на берегу неаполитанскаго моря, долго водить тебя подъ руку, вмѣстѣ разсматривать спускающійся на море и далекіе его горизонты вечеръ; смотрѣть, какъ затихаютъ, будто передъ сномъ, голубыя волны, едва-едва наконецъ перекачивающіяся; смотрѣть на блѣднѣющія и потухающія на небѣ яркія краски; смотрѣть на усиливающееся блистаніе вечернихъ блесковъ въ небѣ надъ похолодѣвшей равниной моря; дожидаться, чтобъ передъ глазами совершилась вся чудесная картина неаполитанскаго вечера, и потомъ пойдти, вмѣстѣ съ толпой, въ тотъ крошечный театръ, *San-Carlino*, куда идетъ тѣшиться и громко хохотать весь неаполитанскій народъ. Тамъ бы мы увидали не оперы Верди, не пышныя декораціи, не французскіе передъпланные водевилы, не все то, наконецъ, что ты видишь всегда въ Римѣ, но увидѣли бы на сценѣ и въ партерѣ народъ, пучкинеллу въ обоихъ мѣстахъ, народные костюмы и народные сцены, которыя я такъ люблю, и которыя такъ тѣсно связываются съ картинами природы и одинъ могутъ послѣ нихъ слѣдовать. Въ этомъ маленькомъ театрѣ есть что-то искреннее, дѣлающее, изъ всей залы и всѣхъ собравшихся вмѣстѣ, точно одно родное семейство, гдѣ всѣ другъ друга знаютъ и, забавляясь по душѣ, взглядываютъ другъ на друга, дѣлая замѣчать то, что понравилось. Мнѣ кажется, сидя въ маленькой ложѣ нашей, вдвоемъ мы бы чувствовали тамъ еще

какое-то новое искреннее чувство, что-то необыкновенно простодушное и близкое. Ни одинъ театръ не дасть почувствовать мнѣ этого удивительнаго расположенія духа, и я самъ себя ничего не могу тутъ объяснить, вѣдь не видѣлъ же я ничего тамъ, кромѣ разнообразнаго представленія то счастья, то неудачъ и превратностей судьбы бѣлаго пуччинедля, то влюбленнаго, то обманутаго, то торжествующаго, то преследуемаго всеми маленькими бѣдами неаполитанской жизни? Хотѣлъ-бы я тоже, Нина, долго побродивши теплымъ вечеромъ по горамъ и зеленымъ чащамъ Кастелламаре и Сорренто, воротиться къ берегу моря, внизу, къ минутамъ солнечнаго заката, минутамъ великолѣпнымъ и ослѣпительнымъ, какъ твоя красота, Нина, горячо впечатлѣвающимся на душу; я бы повелъ тебя у самой черты воды, вдоль вырѣзывающагося долгимъ полукругомъ берега, посреди затихающихъ торговцевъ и торговокъ, начинающихъ увозить домой на маленькихъ таратайкахъ все, что целый день разложено было на солнцѣ, безъ всякаго навѣса и покрывала, начинающихъ разбирать свои груды дынь и арбузовъ, сложенныхъ точно ядра на пушечномъ дворѣ, и съ крикомъ кличущихъ себя на помощь маленькихъ смуглыхъ ребятишекъ своихъ, или понукающихъ нетерпѣливо и жалобно ревущихъ ослодъ; я бы провелъ тебя, при вспыхивающихъ въ послѣдній разъ лучахъ солнца, между группами, начинающими лѣниво расхаживать, заложивъ другъ-другу руки на плеча, между группами стариковъ, присѣвшихъ на бревна и толкующихъ собравшемуся кружку; долго водилъ бы я тебя и останавливалъ бы твои глаза на прекрасныхъ морскихъ даяхъ, съ туманнымъ Везувіемъ, погружающимся изъ лиловаго дыма своего въ темный мракъ, на замирающихъ световыхъ волнахъ моря, на послѣдней чертѣ горизонта, и потомъ мы пошли бы съ тобой кончить вечеръ въ маленькомъ закопченомъ театрѣ. Чѣмъ меньше было бы тамъ народа, еслибъ мы были даже почти одни, тѣмъ лучше: я бы думалъ, что нарочно для насъ двухъ, для тебя одной, моя Нина, играютъ сегодня актеры, что это твой театръ, и мы бы чудесно отдыхали на живыхъ пуччинедельныхъ неаполитанскихъ представленіяхъ и сценахъ, отъ великихъ картинъ, только-что впечатлѣвшихся на душу. Въ Римѣ совсемъ другое: когда ты здѣсь являешься въ своей ложѣ, за сто тысячъ верстъ твои всѣ мысли и отъ театра и отъ оперы и всего, что на сценѣ дѣлается—что, впрочемъ, и другихъ тоже мало беспокоитъ; развѣ иной разъ можетъ быть въ чудесной головѣ твоей мелькнуть мысль и о музыкѣ, и объ авторѣ, и о пѣвцахъ: только врядъ-ли, тебѣ такъ мало до всего этого дѣла. Ты пріѣхала, чтобъ дать всѣмъ увидать красоту свою, освещенную яркимъ вечернимъ огнемъ; тебѣ нужно,

чтобъ все увидѣли тебя, чтобъ ахнули и надолго остановились на тебѣ глазами, какъ на появившейся сверкающей звездѣ. *И я не боюсь, Нина, этихъ вечеровъ, когда ты хотѣла-бы вѣсмы понравиться, вѣсхъ окаменить отъ удивленія и восторгу, когда ты на вѣсхъ и всюду смотришь. Я не боюсь, когда ты вѣсмы нравишься, когда ты вѣсмы хочешь понравиться, того только боюсь я, когда ты одному нравишься, когда ты одному хочешь понравиться.* Напротивъ, въ блестящіе театральные вечера, у меня сердце прыгаетъ какъ сумасшедшее когда я взгляну на тебя, когда вокругъ тебя точно какая-то атмосфера тысячи магнитовъ, куда всѣхъ влечетъ, куда поднимаются всѣ головы. Я полонъ непонятной гордости, взглянувъ на тебя и чувствуя въ каждомъ новомъ взглядѣ, на сколько ты сильнѣе и могущественнѣе надъ чувствами всѣхъ, чѣмъ весь остальной женскій блестящій цвѣтникъ, разсыпанный по театру кругомъ тебя. Не ты одна была албанкой въ Argentina въ тотъ вечеръ, когда я тебя тамъ видѣлъ; много другихъ еще албанокъ давишняго карнавала показались по разнымъ локамъ въ любезномъ моемъ костюмѣ: но всѣ онѣ съ тобою никогда не сравнятся и тамъ сидятъ только на то, чтобъ слѣдовать за тобою и составлять тебѣ новую блестящую пышность окруженія. Сто разъ въ тѣ дни я повторилъ тебѣ, какъ тебѣ идетъ этотъ римскій костюмъ, какъ онъ будто для тебя, одной нарочно сложился всеми прекрасными живописующими частями своими,—теперь же, чѣмъ больше я вспоминаю про тебя въ немъ, тѣмъ больше въ моей головѣ онъ становится нераздѣленъ съ тобою, съ твоимъ чудеснымъ стройнымъ складомъ, съ ослѣпительностью твоей шеи и обнаженного затылка, съ твоими черными лоснящимися косами, съ каждымъ твоимъ граціознымъ движеніемъ, съ каждымъ изысканнымъ поворотомъ тѣла. *Знаешь ли ты, Нина, иной разъ просто можно съ ума сойти, глядя на тебя.* Чувствуешь ли ты когда-нибудь эти минуты, когда твоя красота становится еще сильнѣе, еще пронзительнѣе влетаетъ въ душу и наполняетъ ее, какъ заливающий потокъ? Какъ бы я хотѣлъ, чтобъ ты могла знать: могла чувствовать и сама ощущать эту власть, которая несетъ изъ тебя. Неужели тебѣ никогда не случалось, глядя на цвѣты въ саду, увидать ихъ точно вдругъ оживляющимися и получающими больше красоты; не случалось почувствовать, какъ вдругъ въ иные часы дни сильнѣе и пахуче пружняго запахнуть цвѣты эти! Неужели не случалось тоже, когда ты скакала верхомъ, вдругъ услышать на лицѣ своемъ прикосновеніе какой-то теплой полосы воздуха, какъ будто ты влетала на мгновеніе въ новый слой атмосферы, въ новую страну? Точно такъ ощущаешь на себѣ дыханіе невѣдомой силы, слышишь себя перенесеннымъ въ новыя атмосферы, когда вдругъ заблестаетъ твоя красота, точно сильнѣе забившееся сердце. Волшебство звуковъ и оркестра въ театрѣ, вечернее огненное синіе и колеблющаяся толпа, надъ которою въ глухой шумъ сливается нестройный ея говоръ, все вмѣстѣ сильнѣе и впечатлительнѣе настраиваетъ душу. Съ трепетомъ ждешь, чтобъ твоя

дверь отворилась; чтобъ ты вошла, и вдругъ увидать тебя, еще лучше, еще поразительнѣе всегдашняго, албанской красавицей; увидать, что твои глаза меня быстро ширятъ въ толпу; что ты меня различила, незимптнымъ движеніемъ глазъ поклонилась мнѣ, и сказать себѣ тысячу разъ: *Эта чудесная женщина, это моя, это моя Нина!* Кто можетъ мнѣ давать еще столько счастья, столько наслажденія, какъ ты, Нина? У кого другаго есть эта способность отыскивать для меня наслажденія, и давать мнѣ ихъ тамъ, гдѣ для другихъ они не существуютъ?»

Одинъ великій поэтъ, изобразивши столь же лирическое устройство души человеческой, заключаетъ свое изображеніе слѣдующими многозначительными стихами:

Во stuchajcie i zwazcie do siebie
Ze wedlut Bozego rozkazu,
Kto za życia choc raz byl w niebie
Ten po śmierci nie trafi od gazu....

Мы думаемъ, что эти четыре стиха могутъ послужить эпиграфомъ къ «письму», которое есть не что иное, какъ изліяніе такого наполняющаго все существо чувства — чувства, доступнаго, конечно, не всѣмъ, но за то, какъ дарованіе, присутствующаго во многихъ простыхъ натурахъ, и какъ дарованіе же, чуждаго многимъ образованнымъ людямъ.

«Ты сама знаешь, Нина—заключаетъ авторъ свое письмо,—ты все вытѣсняешь собою изъ моей души, всю ее захватываешь во всѣхъ ея глубинахъ; въ день же прощанья тяжелое чувство боли прибавилось ко всегдашнему твоему могуществу надо мной, я ходилъ, точно со свинцовыми повязками на глазахъ, и только широкія свѣтлыя картины природы, только цѣлительное чувство дороги вылечило меня. Я не хочу говорить тебѣ больше, потому—что тогда кончу письмо грустно; я же хочу остановиться на твоемъ свѣтломъ образѣ, какою я тебя видѣлъ въ послѣдній часъ свиданья. Помнишь ли, Нина, ты мнѣ сказала на прощанье, что ты всѣмъ сердцемъ своимъ будешь молиться, чтобъ исполнились всѣ мои теперешнія ожиданія, желанія и надежды, больше и прежде всего связанная съ тобою, моя единственная; помнишь ли, что я отвѣчалъ тебѣ, что я за это мысленно цѣлую твое сердце. Посылаю тебѣ нынче снова зототъ поцѣлуй, Нина!»

Мы не скупимся на выписки, передавая читателямъ впечатлѣнія, испытанныя нами отъ «письма» неизвѣстнаго автора, какъ не поскупились бы на нихъ, разсматривая лирическія стихотворенія какого-нибудь замѣчательнаго поэта. Мы должны были оправдать первый нашъ отзывъ объ этомъ произведеніи и то, почему наши замѣчанія связали мы съ весьма важнымъ вопросомъ.

«Письмо»—единственное литературное явленіе, о которомъ слѣдовало говорить при обзорѣннн прошлагодней Библиотеки. Мы исполнили нашъ долгъ въ отношеніи къ этому журналу — и можемъ спокойно приняться за новыя его книжки.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Обѣдъ въ Клубѣ Реформы.—Похороны Армана Бертея.—Будуаръ парижанки.—Путешествіе г. Демидова по южной Россіи и Крыму.—Марокскія Вечерни или послѣдніе пльвинки Абъ-эль-Кадера.—Книга перемой Поднебесной Имперіи.—Очеркъ китайской революціи.—Черты изъ біографіи султанши Валлиде.

Что происходитъ предъ нашими глазами, что печатается нынѣ въ европейскихъ газетахъ, что произносится въ публичныхъ мѣстахъ,—тому не повѣрятъ ближайшіе наши потомки. Вотъ, напримеръ, въ первыхъ числахъ марта данъ былъ въ Лондонѣ торжественный обѣдъ лорду Непиру, начальнику Балтійской эскадры, Клубомъ Реформы. Гостей было 160, председательствовалъ лордъ Пальмерстонъ. Между посѣтителями находились Грагамъ, первый лордъ адмиралтейства, турецкій посланникъ, министръ Молесвортъ, множество членовъ парламента и другихъ почетныхъ лицъ.

Послѣ тоста въ честь королевы, лордъ Пальмерстонъ предложилъ тостъ за здравіе Императора Французовъ, который начинаетъ во Франціи вѣкъ Августовъ!!!

Признаюсь,—переводя эти строки, чувствуешь, что краска бросается въ лице. Каково же было слышать ихъ представителямъ Англіи? А, кажется, они не покраснѣли. Что скажутъ Гизо, Ламартинъ, Тьеръ, Барантъ, Гюго?..

Наполеонъ-Августъ! Такъ и быть, допустимъ сравненіе, но гдѣ же *Виргилій*, гдѣ *Горацій*, гдѣ *Овидій*, гдѣ *Титъ-Ливій*?

Мы знаемъ только доктора Верона, мы знаемъ Гранье де-Касаньяка, Тезсау, госполина Бельмонте! Кого изъ нихъ приурочить къ кому изъ современниковъ Августа—предоставляемъ журналамъ лорда Пальмерстона. Мы укажемъ только мецената,—господина *Піетри*!

Послушаемъ далѣе благороднаго виконта. За здоровьемъ новаго своего Августа, лордъ Пальмерстонъ предложилъ «Здоровье Его Императорскаго Величества, Султана! Милостивые государи! Я говорю съ вами о государь, съ которымъ идетъ Англія, связанная крѣпкимъ союзомъ; я предлагаю вамъ теперь здоровье другаго государя, который въ высшей степени дорогъ всѣмъ честнымъ людямъ въ Европѣ. За здоровье Его Величества Султана Абдуль-Меджида!»

Перо отказывается продолжать рѣчь этого «честнаго человека», и мы выпишемъ только нѣсколько словъ изъ заключенія:

«Клубъ Реформы лучше всѣхъ можетъ оцѣнить благородный и мудрый образъ дѣйствій государя, который былъ истиннымъ и полезнымъ реформаторомъ въ своихъ владѣніяхъ. И вотъ, собираетъ онъ теперь плоды своей политики мудрой и либеральной. Всѣ подданные его, христіане и магометане, собрались около него съ энергіей и любовью къ отечеству, служа примѣромъ и образцомъ для всѣхъ народовъ земнаго шара».

Повторимъ: повѣрять ли наши потомки, что такія слова могли быть произнесены однимъ изъ первыхъ государственныхъ людей своего времени и земли въ избранномъ обществѣ.

Мудрая и либеральная политика султана, — хоть бы прочелъ лордъ Пальмерстонъ въ послѣднемъ номерѣ Москвитянина извѣстіе о подвигъ этой либеральной политики въ селѣ Козленъ, близъ Систова!

Турецкій посланникъ, г. Муссурусъ, отвѣчалъ благодарственной рѣчью на комплименты султану. Г. Муссурусъ, судя по имени, долженъ быть Грекъ, христіанинъ: какъ же онъ представляетъ собою султана, и какъ онъ въ это время судить о своихъ соотечественникахъ и единовѣрцахъ?

Послушаемъ же господина Муссуруса, Грека и православнаго христіанина, какъ онъ растаялъ отъ умиленія, вследствие патетическихъ выходокъ товарища Байронова: «Почитаю себя счастливымъ, что обязанность повелѣваетъ мнѣ благодарить за тостъ, предложенный благороднымъ виконтомъ, въ честь Его Императорскаго Величества, моего августѣйшаго государя, тостъ, принятый вами съ энтузіазмомъ и единодушными знаками живой симпатіи. Эта симпатія есть отраженіе той, которую британская нація всегда показывала въ пользу Оттоманской имперіи, и особенно при нынѣшнемъ благородномъ и справедливымъ ея дѣлѣ... Для меня особенно прискорбно, что я не умѣю выразить всѣхъ чувствъ Его Величества, моего августѣйшаго государя... Съ какимъ успѣхомъ исполнилъ бы это славный и знаменитый ораторъ, благородный виконтъ, знающій

вполнѣ (а fond) всѣ великодушныя чувствованія и отеческія намѣренія моего августѣйшаго государя», и проч. и проч.

Лордъ Пальмерстонъ. «Всякая вещь имѣетъ свою цѣну, а между разными достоинствами новость значить много, и имѣетъ много прелести (смѣхъ). Тостъ, который я хочу предложить, совершенно новый.... Я хочу сказать новый, со времени крестовыхъ походовъ: въ честь соединенныхъ войскъ Франціи и Англіи (громовыя рукоплесканія). Радуюсь, что наступилъ такой день, когда можно предложить этотъ тостъ....»

Остановимся; лордъ Пальмерстонъ вспомнилъ о крестовыхъ походахъ. За чѣмъ же тогда ходили вмѣстѣ Французы и Англичане? Къ кому на помощь? Подъ чьимъ знаменемъ? Англичане и Французы ходили вмѣстѣ противъ невѣрныхъ! На помощь къ христіанамъ, подъ знаменемъ Христовымъ! А теперь идутъ они зачѣмъ? А теперь они идутъ на помощь мусульманамъ, противъ христіанъ, и становятся подъ знаменемъ луны, во славу Магомета.

Какъ же языкъ поворотился у этого «честнаго чловѣка», выговорить имя крестовыхъ походовъ? Или совѣсть Европейца до такой степени усыпилась, что онъ можетъ, безъ ея вѣдома, говорить и дѣлать, чтѣ угодно.

Слушайте, слушайте, употреблю я англійское парламентское выраженіе, какъ прославляетъ англійскій министръ свое магометанское пилигримство: «Прекрасное зрѣлище,—видѣть два просвѣщеннѣйшіе народа защитниками свободы угнетенныхъ народовъ и независимости европейской въ союзѣ, основанномъ на справедливости, на правѣ и чести угнетенныхъ народовъ....»

То-есть Турокъ? Турки угнетены, а Славяне и Греки угнетатели?

Есть русская пословица: если кого Богъ хочетъ наказати, то пошлетъ на него затмѣніе. Я понимаю, что всякій народъ имѣетъ свои точки зрѣнія, какъ свои выгоды, убѣжденія, предрасудки; я понимаю, что можно народу, какъ частному лицу, увлекаться иногда страстію судить о вещахъ несправедливо, и т. п. Англія можетъ желать вреда Россіи, можетъ желать себѣ такого и такого вліянія, точно какъ Россія можетъ стремиться къ достиженію той или другой цѣли, (хотя другой цѣли, кромѣ добра, мы не имѣемъ, чтѣ можемъ сказать смѣло, положи руку на сердце), такъ и говори прямо: не прячься подъ чалму, не лги, не лицемерь, не вертись, забудь о крестовыхъ походахъ и объяви свою Пуническую войну.

Лорду Непиру, начальнику Балтійской эскадры, который прямо говорилъ о скоромъ окончаніи войны, о несомнѣнномъ успѣхѣ, о возвратномъ пирѣ, и предлагалъ рецептъ, какъ разводить молодые

лавры, я напоминалъ бы крестьянскую поговорку: не хвались, вдуци на рать.

Перейдемъ теперь къ зрѣлищу горестному для науки и литературы, но, по крайней мѣрѣ, болѣе отрадному въ нравственномъ отношеніи, къ похоронамъ Армана Бертеня:

.... «Мы проводили въ церковь и на кладбище смертные остатки нашего друга и предводителя Армана Бертеня говорить одинъ изъ его сотрудниковъ. Безчисленное собраніе присутствовало при этомъ обрядѣ, столь ужасномъ для насъ, столь горестномъ для всѣхъ. Въ этой толпѣ и вокругъ этой могилы, не было ни одного лица равнодушнаго, ни одного сердца не тронутаго. Страсти обыкновенно умолкають передъ могилою; но здѣсь это молчаніе внезапно превратилось въ хоръ похвалъ, сожалѣній и слезъ. Г. Арманъ Бертенъ провелъ всю жизнь свою въ дѣятельной и воинствующей политикѣ; онъ перешелъ самыя бурныя эпохи нашей исторіи; а между тѣмъ, на погребеніе его собрались представители всѣхъ партій, всѣхъ мнѣній, всѣхъ правленій, и всѣ отдавали ему послѣдній долгъ съ самымъ трогательнымъ и искреннимъ сожалѣніемъ. Мы видѣли тамъ знаменитѣйшихъ людей политическаго міра Европы; они всѣ были, всѣ остались личными друзьями г. Армана Бертеня, — литератора, который съ ранней юности ознакомился съ самыми важными дѣлами; который могъ всѣмъ быть, и никогда не хотѣлъ быть ничѣмъ больше, какъ только издателемъ журнала; который никогда въ своей жизни не получалъ ни мѣсты, ни публичныхъ отличій, и справедливо гордился своимъ простымъ и славнымъ именемъ. Мы встрѣтили тамъ также всѣхъ людей, которыхъ имена пользуются извѣстностію и уваженіемъ въ литературѣ, музыкѣ, живописи; всѣ они оплакивали въ Арманѣ Бертенѣ друга, совѣтника, покровителя, и помнили, какой полный сочувствія отголосокъ всѣ благородныя искусства находили въ этой богатой и жаждущей излізній душѣ».

Между лицами, присутствовавшими на похоронахъ Армана Бертеня, кромѣ редакторовъ *журнала Преній*, чиновниковъ и работниковъ, занимающихся при этомъ журналѣ и родственниковъ покойнаго, были:

Гг. Гизо, Тьеръ, Дюшатель, Дюмонъ, Монтебелло, Вильменъ, Сальванди, Кузень, Дюпень старшій, Шарль Дюпень, баронъ Джемсъ де-Ротшильдъ, де-Ремюза, Наполеонъ Дарю и Поль Дарю, Руа, генералъ Рюлиеръ, Фульдъ, Перкаторе, де-Рофе, графъ Поль де-Сегюръ, Боше, графъ Вижье, графъ Легонъ и Леопольдъ Легонъ, де-Ватри, Виконтъ Наполеонъ Дюшатель, Маркизь де-Лавалеттъ, графъ Фирмень Рожье, графъ де-Марселлюсь, баронъ Серсъ, гер-

цогъ де-Фезензакъ, де-Кергорлэ, Тувенель, де-Лагрене, Дюперрье, Пуаза, Эмиль Переръ де-Гизаръ, де-Латенэ, графъ де-Флавиньи, князь Альбертъ де-Брольи, Леонъ Фоше, Викторъ Фуше, Воловскій, графъ де-Рамбюто, Виконтъ Дѣберсеръ, графъ Деламарръ, графъ де-ла Ферронэ, Шарль Вернь, Репуаръ, Горасъ Сей, Дюбуа, Біеста, Арчидиконъ, Андрэ, Шарль Лафиттъ, Нутонъ, де-Бревилль, А. де-Вальи, Галюенъ, Маркизь де-Вилламарина, Кобіанки, Блуммъ, секретарь шведскаго посольства, маркизь де-Феррьеръ, баронъ Делонъ, командоръ Муттинго де-Лима, Теодоръ де-Лессепсъ, Лесевръ де-Бекуръ, де-Люттеротъ, де-Гобино, де-Мофра, Биллитъ, Эдмонъ и Фернанъ де-Монгюонъ, Биксію, Мадье де-Монжо, Маркизь де-Сент-Омеръ, Диделд, Асселинъ, де-Буркне, Пти, Атаназъ Кокерель, Дюра-Лассаль, Гожа, Амилль Брендо, маркизь де-Белльваль.

Гг. баронъ Тенаръ, Ру, де-Кератри, Минье, Вите, Вьенне, Патень, Викторъ Ле Клеръ, Гарсень де-Тасси, баронъ Талоръ, Дювоие, Леонъ де-Лабордъ, Берже де-Ксивре, Низаръ, Брюне де-Прель.

Гг. Мейерберъ, Энгръ, Реберъ, Амбруазъ Тома, Теодоръ Шассерію, Гейтъ, Амори Дюваль, Алиньи, Діетеръ, Лассію, Леманъ, Жанронъ, Антони Дешанъ, Адольфъ Дюма, Доза Пужула, Таль, Понсаръ, Дельсартъ, Зегеръ, Віолле Ледюкъ Баршу де-Петоёнъ, Жераръ де-Нерваль.

Гг. Веронъ, Гавень, Сент-Бёвъ, Мерріюо, Поленъ, Маллакъ, Леонсъ де-Лавернь, Буалё, Пальаръ де-Вильнёвъ, Ковень, Когень, Люби, Ташрд, Пельтанъ, Мальфиль, Пейра, Пти-Жанъ, де-Казена, Поль Фуше, Леонъ Бертранъ, Поммье, Бонифасъ, Мари Тіенгу, Поль де Сен-Викторъ, Рей, Кюшеваль-Клариньи, Жонсіеръ, Амеде Пишд, Дезоковпре, Амеде Гюлд, Амбруазъ-Фирмень Дидо, Казимиръ Жидъ, Тешнеръ, Перротень, Мишель Леви, Потье, Бозонне, Ніедре.

Г. Гизо прислалъ къ С. де-Саси письмо, въ которомъ извиняется, что по болѣзни не можетъ присутствовать на погребеніи Армана Бертена. «Нѣтъ такого доказательства дружбы и сожалѣнія, говоритъ онъ, котораго я съ грустнымъ удовольствіемъ не далъ бы нашему бѣдному Арману. Онъ, который всегда былъ такъ вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и привязанностямъ, своимъ правиламъ и друзьямъ своимъ, онъ, живой, или мертвый, безъ сомнѣнія имѣть полное право на всю нашу вѣрность. Изъ уваженія къ этой драгоценной памяти, я радуюсь всѣмъ словамъ задушевной справедливости, которыя со всѣхъ сторонъ объ немъ слышу; но они не возвратятъ намъ отбывшаго друга. Вамъ, любезный Саси, и тѣмъ изъ друзей нашихъ, которые вмѣстѣ съ вами, были его неразлучными товарищами, предлежитъ соблюсти для насъ то, что Богъ позволилъ

намъ сохранить отъ него. Я увѣренъ, что этой надежды нашей вы не обманете, и проч.

Послѣ похоронной церемоніи, неужгодно ли вамъ немножко разсвѣтаться.

Если вы хотите видѣть пріютъ нѣги и роскоши, храмъ искусствъ, картинную галерею, ботанической садъ, кабинетъ библіофила, музей различныхъ рѣдкостей, — словомъ, если хотите видѣть волшебное жилище, устроенное всѣмъ могуществомъ и всею прихотью какой-нибудь Морганы, загляните только въ будуаръ свѣтской парижанки.

Комната не велика, не болѣе девяти аршинъ длины и шести ширины; въ нее ведетъ дверь изъ розоваго дерева, съ бронзовыми украшеніями. Эта дверь отворяется тихо, безъ всякаго усилія, при одномъ легкомъ прикосновеніи руки къ изящной малахитовой скобкѣ. Стѣны обиты свѣтломалиновымъ, почти розовымъ узорчатымъ атласомъ, на полу разостланъ, во всю величину комнаты, мягкій коверъ, на которомъ по черному полю раскинуты цвѣты акантуса, дадуры, алоэ и сантіфольныхъ розъ, перемѣшанныхъ съ арабесками и яркою зеленью листьевъ. Драпри на окнахъ изъ темносиняго бархата; они придерживаются группами прекрасно отлитыхъ бронзовыхъ амуровъ. Разнообразная мягкая мебель, отдѣланная искусной рукой знаменитаго обойщика Тоано, обита тою же матеріею; у этихъ кушетокъ, козетокъ, креселъ, табуретокъ, ножки вырѣзаны изъ фіолетоваго дерева, и каждая ножка есть художнически сдѣланная кариатида; по спинкамъ и ручкамъ идутъ вѣтви цвѣтовъ—произведеніе искуснѣйшаго рѣзца. Надъ малахитовымъ каминомъ, съ бронзовою рѣшеткою, огромное зеркало. На каминномъ выпускѣ бронзовые часы съ группою, изображающей Вакха и двухъ вакханокъ; по бокамъ этихъ часовъ двѣ вазы изъ китайскаго фарфора. На стѣнахъ нѣсколько картинъ, современныхъ художниковъ, перемѣшанныхъ съ кронштейнами, вырѣзанъими изъ фіолетоваго дерева, на которыхъ разставлены мраморныя копіи съ античныхъ статуй, и статуй Кановы, старыя фигуры сервскаго и саксонскаго фарфора и новыя каррикатуры изъ итальянскаго алебастру и папье-маше. Потолокъ украшенъ лѣпною работою, мѣстами покрытой золотомъ. Золотая бахрама украшаетъ оконныя драпри и мебель. Въ одномъ углу стоитъ мраморная статуя Шванталлера, Гобса или кого-нибудь изъ современныхъ скульпторовъ; въ другомъ, на высокомъ пьедесталѣ, широкая ваза, покрытая стекляннимъ колпакомъ и установленная горшками съ мелкими экзотическими растеніями — это комнатная теплица (*);

(* Подобныя теплицы мы видѣли и здѣсь въ Москвѣ, въ магазинѣ известнаго садовника Фомина, на Петровкѣ.

въ третьемъ бронзовая статуя, въ египетскомъ вкусѣ, держащая въ одной рукѣ чашу, налитую благовонной жидкостью, въ другой факель, который можно подымать и опускать выше или ниже; въ этотъ факель вставляется свѣчка, и вся эта статуя есть ни что иное, какъ курильница. Въ четвертомъ углу, прогнуположномъ теплицъ, на такомъ же высокомъ пьедесталѣ, стоитъ вычурная клетка, саванная изъ серебряной проволоки, въ которой порхаютъ двѣ колибри, райская птичка и яркокрылый маленькій кардиналъ. На одномъ столѣ стоитъ лампа, украшенная колпакомъ розоваго цвѣта съ свѣтлыми просвѣтами. Ножкой этой лампы служить фигура императора Фридриха Барбарусы, отлитая изъ серебра съ золоченою бородою. На другомъ столикѣ лежатъ книги: новый романъ, изящное иллюстрированное изданіе, какое-нибудь путешествіе, новое историческое сочиненіе, даже книги, относящіяся къ археологій, астрономіи, агрономіи, пожалуй медицинѣ, но непременно вышедшія не далѣе, какъ въ прошломъ мѣсяцѣ, въ одинакихъ переплетахъ, съ гербомъ или вензелемъ владѣтельницы этого убѣжища, которая, по видимому, хочетъ быть отчасти вмѣстѣ и свѣтскою жешичиною и женщиною ученой.

Думать надобно, что желаніе казаться синимъ чулкомъ, побуждающее владѣтельницу роскошныхъ будуаровъ выписывать всѣ вновь выходящія книги, довольно начетисто, особенно если взять въ соображеніе огромный размѣръ книгопечатной производительности во Франціи. Изъ числа великолѣпныхъ изданій, составляющихъ въ настоящее время необходимую принадлежность каждаго роскошнаго будуара парижанки, первое мѣсто занимаетъ теперь книга нашего русскаго путешественника, г-на Демидова: «*Voyage dans la Russie meridionale et la Crimée, par la Hongrie, en la Valachie et la Moldavie d'Anatol Demidof*». (Путешествіе въ южную Россію и Крымъ, черезъ Венгрію, Валахію и Молдавію, Анатолиі Демидова). Кромѣ современнаго интереса, который имѣетъ эта книга при настоящихъ обстоятельствахъ, она украшена еще множествомъ превосходныхъ рисунковъ, изображающихъ лучшіе мѣстные виды, національные костюмы и всѣ достопримѣчательныя вещи тѣхъ странъ, которыя обозрѣваетъ г. Демидовъ, путешествующій со всеми удобствами и роскошью богатаго барина. До сихъ поръ вышелъ еще только первый выпускъ этого путешествія.

Другая, вновь вышедшая въ Парижѣ книга, тоже имѣетъ свой современный интересъ, только совсѣмъ въ другомъ родѣ, это: *Les Vêpres marocaines, ou les derniers prisonniers d'Abd-el-Kader, par Ernest Alby*. (Марокскія Вечерни, или послѣднія плѣнники Абдъ-

эль-Кадера). Въ ней описана страшная участь французскихъ пльвиниковъ, попавшихся въ руки изувѣрныхъ магометанъ, послѣ несчастнаго Сиди-Брегамскаго дѣла, въ 1845 году. Варвары изобрѣтали самыя утонченныя мученія для своихъ несчастныхъ жертвъ. Они дали пльвиникамъ нести мѣшки съ отрубленными головами ихъ товарищей, павшихъ въ битвѣ. Виродолженіе пути, морили ихъ голодомъ, и между тѣмъ понуждали идти скорве, подгоняя ихъ остриями своихъ сабель. На ночь запирали въ такомъ тѣсномъ помѣщеніи, что страдалцы задыхались отъ испорченнаго воздуха. На потѣху себѣ, вырѣзывали имъ внутренности, и наконецъ, поправъ всѣ права военныхъ законовъ и самыя права человечества, казнили разомъ тысячу двѣсти пльвинныхъ, положившихъ передъ ними оружіе. Эта книга можетъ служить самымъ лучшимъ укоромъ для Французовъ, такъ ревностно защищающихъ въ настоящее время хотя и другое племя магометанъ, но которое въ своемъ варварствѣ нисколько не отстало и до сихъ поръ отъ Бедуиновъ, если только еще не превосходитъ ихъ.

Наконецъ любопытна еще книга, изданная съ французскимъ и китайскимъ текстомъ, подъ заглавіемъ: *Li-Ki. Memorial des rites de l'Empire celeste.* (Ли-Ки. Книга церемоній Поднебесной Имперіи). Она учитъ велемудрыхъ Китайцевъ, какъ ходить, садиться, ѣсть, сморкать носъ, плевать, морщить лобъ, и проч. и проч.

Вообще Китай такъ мало извѣстенъ намъ, что бѣольшая часть Европейцевъ не только не имѣетъ понятія о всѣхъ его дикихъ и нелѣпыхъ церемоніяхъ, но даже обращаетъ слишкомъ мало вниманія и на важныя событія, совершающіяся въ немъ. Въ настоящее время, въ Серединной Имперіи кипитъ страшная революція, кровь льется рѣкой, а многіе, вѣроятно, не знаютъ настоящей причины этой кровавой драмы, разыгрывающейся за великой стѣной. Желая познакомить нашихъ читателей съ новѣйшими происшествіями въ землѣ чинпочтительныхъ Китайцевъ, мы считаемъ не лишнимъ изложить въ краткомъ очеркѣ исторію и ходъ послѣдней китайской революціи.

Нынѣ царствующая династія Богдыхановъ Манжурскаго происхожденія возведена на тронъ оружіемъ Монгольскаго народа, вмѣсто низверженной династіи Миновъ. Племя завоевателей, не смотря на то, что оно приняло вѣроисповѣданіе и обычаи покореннаго имъ племени, никогда не могло слиться съ послѣднимъ, и китайскіе императоры, манжурской династіи всегда надвѣялись болѣе на вонновъ, покорившихъ съ ними Китай, и на ихъ поколѣніе, чѣмъ собственно на Китайцевъ. Оттого въ имперіи мы видимъ странную

двойственность. Манжуры, завоевавши царство Минговъ, считаютъ себя гораздо выше Китайцевъ, презираемыхъ ими за трусость. Съ другой стороны, коренные жители Китая, гораздо болѣе образованные, чѣмъ ихъ завоеватели, принявшіе ихъ религію и ихъ обычаи, всегда смотрѣли на нихъ съ пренебреженіемъ, какъ на своихъ учениковъ—въ наукѣ жить, и почитали власть манжуровъ временною, которая рано или поздно должна была окончиться. Въ слѣдствіе этого вспыхивали частые мятежи, особенно въ провинціяхъ юго-западныхъ, гдѣ преданность къ сверженной династіи никогда вполне не умирала. Сначала завоеватели очень легко управлялись съ мятежниками, являвшимися изъ среды побѣжденнаго ими народа, но потомъ, когда сами эти манжуры, принявъ вѣроисповѣданіе и обычаи Китайцевъ, мало по малу утратили свою воинственную энергію, и изъ повелителей дѣйствительно стали плохими учениками Китайцевъ,—имъ становилось все труднѣе и труднѣе успокаивать смятенія и обуздывать ропотъ недовольныхъ, изъ которыхъ многіе возбуждали все коренное племя къ поголовному ополченію, для изгнанія нечуждыхъ пришельцевъ.

Еще въ началѣ царствованія Тао-Кванга, предшественника нынѣшняго Богдыхана, духъ мятежа такъ усилился, что Пекинскій дворъ находился въ страшномъ затрудненіи. Этотъ духъ болѣе всего поддерживали такъ называемые ученые и христіане; первые изъ видовъ тщеславія и корысти, ожидая подкупы и награды, другіе признавая потомковъ фамиліи Минъ своими истинными владыками и тщаясь исполнить обязанности подданныхъ, гнушаясь сребролюбіемъ и тщетою почестей, готовы были умереть за право законныхъ государей. Тао-Квангъ поступилъ такъ, какъ его предшественники: онъ купилъ покорность ученыхъ, а христіанъ, которые одни не могли ему сопротивляться, совершенно уничтожилъ, такъ что ученіе Спасителя должно было исповѣдываться втайнѣ. Но когда войска Богдыхана, брата луны и сына солнца, были разбиты горстью рыжихъ варваровъ Англичанъ, пришедшихъ водворить запрещенную торговлю опиумомъ, когда Китайцы уразумѣли всю слабость императорскаго управленія, тогда при наследникѣ Тао-Кванга, нынѣшнемъ государѣ, побѣжденная династія Минговъ снова возстала. Предводители этой партіи, желая еще болѣе усилиться, и зная, что христіанство, не глядя на гоненія, не совершенно еще угасло въ Китаѣ, зная, что грозные Европейцы вѣруютъ во Иисуса Христа, объявили себя защитниками христіанъ. Хотя ихъ понятія объ Исккупителѣ очень сбивчивы, такъ что они главнаго своего вождя осмѣливаются величать младшимъ братомъ Спасителя; но большинство туземцевъ, исповѣдующихъ истинную религію въ Китаѣ, присоединилось къ нимъ; тѣ же изъ тай-

ныхъ христіанъ, которые пожелали остаться мирными зрителями этой борьбы, яростно преслѣдуются противниками императорскаго правительства, какъ отступники отъ праваго дѣла. Разумвется, что Европейцы не увлеклись этимъ нелѣпымъ братствомъ бессмысленныхъ покровителей христіанъ, и остались нейтральными, подъ защитою своихъ консуловъ, поддерживаемыхъ военною силою, и Китайцы обонихъ партій страшаютъ другъ друга союзомъ съ тѣми варварами, которыхъ они столько же боятся на дѣлѣ, сколько презираютъ на словахъ. Кажется, дѣло манжурской династіи проигрывается окончательно. Инсургенты, увѣривъ въ нейтралитетъ Европейцевъ, болѣе и болѣе усиливаются, не глядя на хвостовство императорскихъ полководцевъ и лживыя бюлетени о победахъ манжуровъ. Теперь инсургенты владѣютъ уже Нанкиномъ, вторымъ городомъ имперіи, и захватили всѣ торговые приморскіе города.

Не въ одной Азіи, но и въ Европѣ есть государство, въ которомъ малочисленное и менѣе образованное племя, покоривъ другое, далеко превышавшее его и числительностью и своимъ гражданскимъ образованіемъ, не могло, въ продолженіе четырехъ столѣтій ни слиться съ нимъ, ни заставить покоренныхъ, самыми варварскими притѣсненіями, отступить отъ вѣры отцевъ своихъ. Коснія въ своемъ изуверномъ фанатизмѣ и невѣжествѣ,—это государство, въ семьѣ европейскихъ народовъ, разыгрываетъ такую же жалкую роль, какъ Китайцы въ мировомъ значеніи. Мы говоримъ, разумвется о Турціи. Коснувшись ея, расскажемъ быль, очень похожую на романъ, объ одной, почти современной намъ личности, знаменитой въ имперіи турецкаго падишаха.

Въ 1766 году, на островъ Мартиникъ, въ богатомъ семействѣ Креоловъ, Дюбюнъ де-Ревери, родилась дѣвочка, названная Эме. До десяти лѣтъ она прожила подъ родительскимъ кровомъ, но на одиннадцатомъ году отецъ ея, зажиточный плантаторъ, вопреки турецкому обыкновенію вырощать дочерей порядочныхъ семействъ, безъ всякаго образованія, рѣшился отправить свою дочь въ Парижъ, съ тѣмъ, чтобъ она въ столицѣ Франціи получила воспитаніе, приличное ея состоянію и положенію въ обществѣ. Тогда лучшія воспитательницы дѣвницъ были монахини, и Эме поступила своекоштною пансіонеркою въ Нантскій монастырь сестеръ милосердія. Быстро пронесли надъ ея головою семь лѣтъ полузатворнической жизни. Эме де-Ревери окончательно сформировалась въ физическомъ и нравственномъ отношеніи. Она была поразительно хороша; она была креолка изъ креолокъ, т.-е. красавицей изъ красавицъ, но съ родовою своею красотой она удержала и родовыя свои недостатки,

которые не могли изгладиться, не смотря на всѣ старанія досто-
 ченныхъ сестеръ-воспитательницъ. Эме была лънива, вѣтрена, меч-
 тательна и упряма; воображеніе ея, не всегда хорошо направленное,
 не знало границъ. Монастырь ей надобль ужаснымъ образомъ, и
 она съ нетерпѣніемъ ждала того времени, въ которое должна была
 оставить это тихое и спокойное убѣжище.

Но когда настала этотъ желанный день, и вѣтрена, беззаботная,
 своевольная Эме проронила двѣ-три слезинки. Она не грустила,
 разставаясь съ своими наставницами, не боялась тревоженій свѣта,
 не робѣла передъ своимъ будущимъ, — нѣтъ, она плакала только объ
 своей подружкѣ Алиціи де-Гранжъ. Наканунѣ онѣ всю ночь провели
 въ объятіяхъ другъ друга, всю ночь проболтали о томъ, что ихъ
 ожидаетъ въ родительскомъ домѣ, и прогоревали, что онѣ, можетъ
 быть, никогда не увидятся, потому что Эме должна была, по выхо-
 дѣ изъ монастыря, отправиться въ Мартинику, а де-Гранжъ ѣхать къ
 своимъ родителямъ въ Рошфоръ.

— Да, Эме, говорила Алиція, мы никогда съ тобою не уви-
 димся, и ты мало по малу забудешь меня на твоемъ счастливомъ
 островѣ, окруженная любовью родныхъ, богатствомъ и поклонниками.

— Нѣтъ, Алиція, нѣтъ, ты всегда будешь со мной; я буду
 каждый день мысленно цѣловать тебя, говорить съ тобою, и даю
 тебѣ честное слово, если возвращусь на родину, съ каждымъ отхо-
 дящимъ кораблемъ во Францію, писать къ тебѣ.

— Къ чему эта грустная мысль: если ты воротишься на ро-
 дину? Разумѣется, ты вернешься на нее; Богъ милостивъ, плаваніе
 твое будетъ благополучно.

— Ты думаешь, что я воображаю о кораблекрушеніи, моя ми-
 лая Алиція, — это не приходило мнѣ и въ голову, я не хочу этого.
 Но я очень бы желала попасть въ руки Алжирцамъ или какому-ни-
 будь морскому разбойнику.

— Ахъ какой ужасъ, и не говори мнѣ объ этомъ; Эме!

— Почему же не говорить? и гдѣ тутъ ужасъ?

— Боже тебя сохрани! Если ты попадешь въ руки морскихъ
 разбойниковъ, — они убьютъ тебѣ.

— Меня? такую хорошенькую? съ чего ты это взяла, глупень-
 кая? Меня непременно полюбитъ атаманъ разбойниковъ, я сдѣлаюсь
 его женою, у меня будетъ пропасть нарядовъ и красавецъ мужъ.

— Хорошъ красавецъ? убійца!

— Скажи лучше—герой.

— Какой-нибудь страшный, зверообразный душегубецъ.

— Тѣмъ лучше; ежели онъ будетъ страшнѣе, онъ будетъ страшнѣе для другихъ, а не для меня; какъ будетъ мнѣ весело укрощать этого звѣря улыбкой, удерживать порывы его бѣшенства, обвивши его шею своими руками, дѣлать его послушнымъ однимъ поцѣлуемъ! Какъ хочешь, а весело попасть въ руки къ разбойнику.

И она долго и много болтала въ этомъ же родѣ въ потѣху себѣ и на страхъ своей подругѣ.

Казалось, вздорной болтовнѣ пустой дѣвчонки суждено было сбыться самымъ блистательнымъ образомъ. Корабль, на которомъ она плыла на родину, былъ захваченъ варварскимъ пиратомъ. Эме была продава алжирскому дею, мечтанія ея сбывались; она была въ гаремъ властелина разбойниковъ, но судьба готовила ей болѣе блестящую участь. Дея послалъ ее въ подарокъ турецкому султану Абдуль-Меджиду. Эме сдѣлалась любимой женой Абдуль-Меджида и матерью султана Махмуда, отца настоящаго падишаха. Это султанша Валиде, которая умерла въ 1817 году.

Мы начали событіями относящимися къ восточному вопросу и опять близко подошли къ нему. Что дѣлать: это альфа и омега современности.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ

ИЗЪ ОДЕССЫ ОТЪ 25 ФЕВР. На прошлой недѣль пришло сюда Высочайшее повелѣніе о запрещеніи вывоза хлѣба за границу изъ Одессы и другихъ портовъ Чернаго и Азовскаго моря.

Между тѣмъ, на гавани до 300 судовъ, подъ иностранными флагами, ждутъ пропуска хлѣба. По неизрѣченной милости и по христіанскому великодушію Россійскаго Монарха, разрѣшено, однако, догрузить и выпустить хлѣбъ, уже грузящійся. Этого хлѣба, какъ слышно, оказалось 90,000 четвертей; но срокъ для отправки его назначенъ по 1-е марта. Множество судовъ зафрахтовано здѣшними купцами, и шкипера требуютъ если не пшеницы, то какого-либо другаго груза; а между тѣмъ, въ городъ кромѣ хлѣба мало другаго товара, т.-е. льну, сала, шерсти, кожъ и пр. Но на такія ли пожертвованія готова Россія, въ защиту чести и славы своего Ввнченосца? Вся указываютъ на Москву и провозносятъ это слово съ благоговѣніемъ. — Въ Одессѣ имѣетъ свое пребываніе г. корпусный командиръ 3-го пѣхотнаго корпуса и военный начальникъ всей западной, по рѣкѣ Бугъ, стороны Новороссійскаго края, баронъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ. Тутъ много войска и сооружаютъ береговыя баттарен, про всякій случай; хотъ и невыгодно нашимъ «благожелателямъ» пожаловать сюда, потому что, если въ Запад. Европѣ будетъ неурожай въ этомъ году, какъ былъ онъ и въ прошломъ 1853 г., то подвозъ хлѣба изъ Египта и Америки окажется слишкомъ недостаточнымъ. Во Франціи и Англійи явится тогда голодъ и страшно накажетъ за легкомысліе и отступничество отъ Христа.

ИЗЪ ОДЕССЫ, ОТЪ 1-ГО МАРТА. Бывшій Градоначальникъ, нашъ, *Т. С. Ал. Ив. Казначеевъ* въ скоромъ времени готовится оставить нашъ городъ. На прошлой недѣль городскіе чиновники давали въ честь его, какъ своего любимаго начальника, обѣдь. Другой обѣдь, въ честь его же данъ будетъ въ Англійскомъ клубъ на этой недѣль.

На дняхъ кордонная стража замѣтила возлѣ колоніи Лустдорфъ, въ 12 вестахъ отъ Одессы, большой окрашенный краснымъ цвѣтомъ, бакъ (родъ пловучаго маяка), который волны, при господствующиыхъ теперь вѣтрахъ, прибывали мало по малу къ берегу. Бакъ вытащили. Онъ оказался отличной прочности, на чудесной цѣпи и съ крѣпкимъ якоремъ. Кто его бросилъ, неизвѣстно; а между тѣмъ мы знаемъ, что англійскій пароходъ подходилъ къ нашей гавани съ депешами къ здѣшнему англійскому консулу.

Если это шутка парохода, то сама природа дала этой шуткѣ ея настоящій, т.-е. шуточный исходъ.

— Изъ Триеста пишутъ, что по случаю возстанія православнаго населенія въ Албаніи, Англичане высадили туда съ одного изъ Ионическихъ острововъ 1000 человекъ войска на 2-хъ пароходахъ. Албанцы дали этимъ краснымъ мундирамъ отойти отъ берега, потомъ ринулись на нихъ и перерубили всѣхъ до единого, а пароходы потопили. По двѣмъ ворумъ—ука! Общество здѣшнихъ греческихъ негоціантовъ пожертвовало, какъ говорятъ, по случаю теперешнихъ обстоятельствъ, до 60,000 р. с. Въ томъ числѣ одинъ г. Кумбари 10,000 р. с. Ремесленное же общество внесло 14,000 р. с. Между русскими купцами, кажется, идетъ еще подписка. — У насъ, какъ слышно, балетъ составленный изъ новыхъ московскихъ танцовщицъ, остается; но Г-жа Андреянова, кажется, оставляетъ Одессу. Дѣв. Чеброва, въ своихъ граціозныхъ танцахъ на сценѣ, восхищала у насъ всѣхъ и русскихъ и не русскихъ, во все продолженіе этой зимы. — Не смотря на то, что Одесса лежитъ на открытомъ морѣ, ни Англичанъ, ни Французовъ здѣсь никто не боится и никто не собирается къ выѣзду. Во-первыхъ, у этихъ господъ завязались новые хлопоты въ Эпиръ и Македоніи; во-вторыхъ, десантъ избѣженнымъ Европейцамъ съ варварской Турціи—дѣло не легкое: нужны продовольствіе, подмоги, сношенія, а за всѣмъ этимъ надо каждый разъ переплывать Средиземное море, нужны еще деньги, а ихъ не много; въ-третьихъ, высадившись на берегъ, Англичане и Французы захотятъ третиловать и Турокъ и женъ ихъ по-свойски; а это не будетъ понутру правовѣрнымъ чадамъ Ислама. Наши въ 1833 г. вели себя иначе въ лагерѣ подъ Унхіаръ Скалесси.

и кромѣ того даже простые матросы съ пароходовъ отличались и въ Первѣ и въ Стамбулѣ благочиніемъ. Въ-четвертыхъ, военные корабли англійскіе стары. Викторія, говорятъ, что-то давно уже построена; матросы въ мирное время распущены, а суда на рукахъ у надзирателей; матросы не знаютъ артиллерійскаго дѣла, а артиллеристы матросскаго. Въ-пятыхъ, а это особенно-важно,—что скажетъ Павелъ Степановичъ *Нахимовъ*? Всѣ здѣсь хлопочутъ удивительно достать его портретъ и душевно жалуютъ—что не могутъ нигдѣ получить его. Это родной братъ покойнаго инспектора студентовъ Московскаго Университета, Платона Степановича. Онъ худоцавъ, сутуловатъ нѣсколько, росту болѣе, нежели средняго, лице не какъ у брата, который имѣлъ рябины, чистое. Видъ его полонъ благородства и достоинства и отчасти строгъ. Онъ никогда женатъ не былъ. Говорятъ, что въ Синопской битвѣ онъ обнаружилъ неслыханное хладнокровіе, распорядительность и знаніе дѣла.

ИМЕНА ОДЕССКИХЪ КУПЦОВЪ, ТОРГУЮЩИХЪ

а) На сумму выше миллиона рублей серебромъ.

Родоканаки, Ираклиди, Папудовъ, Ралли, Хава, Джерболлини, Рокка, Горни, Зарифи, Масъ, Ралли, Константинъ Федорычъ, Рафаловичъ, Цицилія, Тработти, Порро, Кельнеръ, Ралли, Пандія, Масро, Вучетичъ.

б) На сумму отъ 300,000 до 1,000,000 рубл. серебромъ.

Росси, Севастопуло. Вучина, Сагранди, Ленглихъ, Согдури, Ефрусси, Кололли, Стифель, Гари, Кіарелло, Даллорсо, Давидовъ,

в) На сумму отъ 100,000 до 300,000 руб. сереб.

Шейнсъ, Лабарреръ, Буба, Цуккербежеръ, Деазартъ, Посоховъ Илья, Фендрихъ, Велара, Шестеръ, Кріона-Папа.

ИЗЪ ХАРЬКОВА. Съ первыхъ чиселъ января нынѣшняго года, въ Харьковѣ началась Крещенская ярмарка, которая, какъ извѣстно, послѣ Нижегородской, считается одною изъ первыхъ въ Россіи. Этотъ годъ, судя по отзывамъ торговцевъ, ярмарка была особенно хороша, но такъ какъ официальные свѣдѣнія о ней еще не опубликованы въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, то мы и отложимъ отчетъ о ней до слѣдующаго письма. Теперь обратимся къ увеселеніямъ г. Харькова. Новый годъ, по обыкновенію, начался маскарадомъ въ Дворянскомъ Собраніи. Эти маскарады, хотя и веселы, но уже не новы для насъ, потому мы и перейдемъ къ театру, гдѣ теперь такъ много новостей.

Въ послѣднее время въ Харьковѣ особенно развилась драматическая литература; на здѣшней сценѣ часто даютъ оригинальныя, харьковскія пьесы (наприм. Свадьба XIX столѣтія—г-на Урюкинна, его же—Граціалла, пьеса, въ которой онъ совершенно искажилъ пьесу Ламартина; Панасть Выкрутась—актера г-на Дмитренко и др.)

Здѣшняя труппа не велика, но есть нѣсколько актеровъ и актрисъ, заслуживающихъ вниманія. Первое мѣсто занимаетъ, по своему таланту, по добросовѣстному, отчетливому и вѣрному выполненію ролей, г-жа Кутузова. Она недавно дебютировала. Хотя она еще очень молода, но въ ея игрѣ столько хорошаго, что должно удивляться, какъ скоро постигла г-жа Кутузова то, что требуется отъ актрисы. Я пріѣзжалъ въ Харьковъ на ярмарку и видѣлъ игру г-жи Кутузовой только три раза; она выполняла роли въ Бѣдной Невѣстѣ, въ Материнскомъ Благословеніи и въ Дочери Второго Полка. Въ первый разъ я видѣлъ г-жу Кутузову въ Бѣдной Невѣстѣ (2-го января, 1854 г.); когда я пріѣхалъ въ театръ, то одинъ знакомый театраль объявилъ мнѣ, что прежде роль Марьи Андреевны на Харьковской сценѣ играла г-жа Микульская, и онъ удивляется, какъ г-жа Кутузова рѣшилась взять ее себя.

Я долженъ откровенно признаться, что ея игра была въ своемъ родѣ еще лучше. Я прежде читалъ Бѣдную Невѣсту, но сколько новыхъ ощущеній, сколько новыхъ мыслей, чувствъ породила во мнѣ игра г-жи Кутузовой! При этомъ не должно забывать, какъ трудно выполнить роль Марьи Андреевны, характеръ которой такъ неясно очерченъ г-мъ Островскимъ; какъ глубоко должна обдумать эту роль артистка, которая для того, чтобы ея игра была увлекательна, должна создать многое сама; выраженіемъ лица, жестами дополнить то, чего не досказалъ авторъ.

Второй разъ я видѣлъ г-жу Кутузову въ роли Маринъ въ Материнскомъ Благословеніи, и рѣшаюсь сказать, что въ Москвѣ врядъ ли лучше выполняется эта роль. Конечно, можно было бы требовать отъ г-жи Кутузовой болѣе отчужденности въ игрѣ, но нельзя требовать болѣе сочувствія, увлеченія своею ролью и болѣе забвенія самой себя. Публика три раза заставляла пропѣть: «въ хижину бѣдную» и все-таки не могла наслушаться.

Въ Дочери Второго Полка г-жа Кутузова была не такъ увлекательна; эта роль не по ней, потому что, хотя г-жа Кутузова и имѣетъ пріятный голосъ, но этотъ голосъ недостаточно обработанъ для такой трудной роли, какъ Дочь Второго Полка.

Воздавая заслуженныя хвалы г-жѣ Кутузовой, мы должны упомянуть и о ея недостаткѣ; этотъ недостатокъ состоитъ въ излишней робости, неуверенности въ самой себѣ (не забывайте, что г-жа Кутузова недавно на сценѣ), и особенно ощутителенъ при появленіи на сцену; потомъ г-жа Кутузова увлекается и играетъ превосходно.

Второе мѣсто, послѣ г-жи Кутузовой, принадлежитъ г-жѣ Ладиной. Она выполняетъ тѣ роли, въ которыхъ такъ восхищались покойной Гусевой. Г-жа Ладина актриса съ талантомъ, въ ней много благороднаго комизма, она всегда твердо знаетъ свою роль, всегда обдумываетъ ее.

Нельзя сказать того же про г-жу Микульскую; она съ успѣхомъ могла бы играть въ водевиляхъ, но слишкомъ высокаго мнѣнія о своихъ достоинствахъ; оттого всегда небрежна и очень часто беретъ роли совершенно не по своимъ силамъ.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о г-жѣ Пронской; ея игра безцвѣтна, безжизненна и всегда однообразна, не смотря на то, что она играетъ, по провинціальному обыкновению, и въ драмахъ, и въ трагедіяхъ, и въ комедіяхъ, и въ водевиляхъ.

Теперь переходимъ къ актерамъ. Лучшій изъ нихъ г. Алексѣевъ—комикъ; впрочемъ безъ негс не обходится ни одна пѣса (даже въ Бѣдной Невѣствѣ онъ игралъ Хорькова), по этому онъ хотя и имѣетъ талантъ, но рѣдко обдумываетъ роль, фарситъ, утрируетъ до крайности. Публика хлопаетъ, смѣется—чего же больше? Г. Алексѣевъ любимецъ Харьковской публики.

Г. Пронскій (*jeune premier*) безъ всякаго таланта; только роли фатовъ удаются ему, впрочемъ и ихъ онъ играетъ безсознательно.

Г. Михайловъ (резонёръ) хотя и часто появляется на сценѣ, но отличается только тѣмъ, что иногда, совершенно не кстати, говорить нараспѣвъ, дрожащимъ голосомъ.

Еще есть нѣсколько безмолвныхъ актеровъ и актрисъ, и вотъ вамъ Харьковская труппа въ ея полномъ составѣ!

1854.—3 февраля.

Въ среду 10 февраля всѣ одесскія бани открыты были для войскъ, здѣсь расположенныхъ. Наши солдаты, выпарившись при 50 градусахъ жара, выбѣгали одѣться на открытый воздухъ. Въ бакенбардахъ, усахъ вода замерзала и образовывались ледяныя сосульки. Тутъ, въ лучшей одесской банѣ, европейско-дворянской, случались

и иностранцы. Не могли они разбить эту железную крепость здоровья. Спрашивается, вынесут ли славныя французскія войска кочевый переходъ отъ $+50^{\circ}$ къ -17° ?

Сынъ подполковника Тимошенко воспитывался на его собственный счетъ въ пансіонѣ при Ришельевскомъ лицѣ. Подполковникъ Тимошенко былъ убитъ въ одномъ изъ сраженій противъ Турокъ въ настоящую кампанію. Въ февралѣ вдова его является въ Лицейское правленіе и вноситъ деньги на слѣдующую треть за воспитаніе сына; но ей объявляютъ, что сынъ ея съ своекоштныхъ воспитанниковъ переведенъ уже на казенный коштъ, безъ обязанности отслуживать за воспитаніе. Она не знала ничего; но поняла, что есть кто-то, кто печется о ея дѣтахъ.

С М Ъ С Ъ.

ПОДМОСКОВНАЯ ОХОТА.

О К А Е М О В О.

Кто изъ московскихъ охотниковъ не слыхалъ о необозримыхъ болотахъ, лежащихъ по берегамъ рѣки Дубны, кто изъ нихъ не мечталъ побывать въ этомъ охотничьемъ Эльдорадо? Но немногимъ удавалось осуществленіе мечты этой. Однимъ мѣшала служба или другія занятія, не позволявшія имъ отлучиться на продолжительное время, другимъ недостатокъ средствъ. Последнее препятствіе не маловажно, потому что, если не дешево обходятся охоты близъ Москвы, то не трудно вообразить, во что обойдется повздка за сто верстъ.

Уже давно слышалъ я баснословные рассказы о мѣстахъ Окаемовскихъ, и только прошлый годъ собрался туда повзхать. Мѣста эти называются Окаемовскими потому, что почти все московскіе охотники останавливаются въ Окаемовѣ; но собственно надо бы назвать ихъ мѣстами по Дубнѣ, подъ Окаемовымъ только небольшая часть этого громаднаго болота. Начинается оно у села Ченцовъ, и идетъ верстъ на сорокъ по обѣимъ сторонамъ Дубны до Сушева. Самая меньшая ширина его четыре версты, а въ некоторыхъ мѣстахъ она доходитъ до семи и восьми верстъ.

На протяженіи своемъ болото это носитъ различныя названія, заимствованныя болѣею частью отъ близъ лежащихъ деревень или селъ, а иногда отъ видимаго очертанія мѣстности, такъ напримѣръ Поймы: Нушпольская, Фроловская, Овсянниковская, а тамъ Мысль, Голова и проч.

Замѣчательно, что берега болота почти вездѣ представляютъ горы, такъ что невольно рождается мысль, что въ древности все это низменное пространство было залито водою какого-нибудь огромнаго озера, что поверхность этого озера мало по малу затягивалась водяными растеніями и превратилась наконецъ въ болото,

оставивъ незатянутымъ пространство, заключенное въ берегахъ Дубны, и окошки, встречаемыя въ изобиліи въ нѣкоторыхъ частяхъ болота.

Долго любовался я видомъ этихъ привольныхъ мѣстъ, стоя на высокомъ берегу въ селѣ Нушполѣ. Подъ ногами моими разстлалась до самаго конца горизонта зеленая равнина, испещренная небольшими стогами сѣна (*), на этой равнинѣ виднѣлась наравнѣ съ своими берегами рѣка, то блестящая серебряной струей, то исчезающая въ высокихъ камышахъ, и на этомъ огромномъ пространствѣ то тамъ, то сямъ появлялся дымокъ и до слуха моего долеталъ звукъ отдаленнаго выстрѣла. Это были охотники, которыхъ такъ много на Дубнѣ, что всѣхъ и не пересчитаешь.

Здѣсь главный пріютъ охотниковъ-промышленниковъ и отсюда идетъ почти вся дичь, продаваемая въ Москвѣ. Въ бытность мою въ Окаевоѣ везли въ Москву возъ дичи, въ которомъ уложено было шестьсотъ паръ однихъ утокъ. При этомъ надо замѣтить, что парю называется только пара утокъ кряковыхъ, а чирята идутъ по четыре штуки на пару, свідзь, шилохвость по три. Въ этомъ же возу было шестьдесятъ четыре пары турухтановъ, которые тоже считаются не по нашему.

Пріѣхавши поохотиться на Дубну, остановился я у одного добраго моего знакомаго и вмѣстѣ замѣчательнаго охотника въ селѣ Кучкахъ. Здѣсь надѣялся я получить настоящіе свѣдѣнія о мѣстахъ и имѣть жожака, который пріѣзжому охотнику на Дубнѣ необходимъ. Надежды мои не обманули меня. Въ Кучкахъ нашелъ я все, что только можно желать на охотѣ: пріѣтъ хозяина, покойную стоянку, вкусный столъ, полевою чарку и людей, знающихъ въ подробности все окрестное болото.

Пріѣхавъ я въ Кучки въ обѣденное время и, не желая потерять вечерняго поля, часа въ четыре отправился на охоту. Кучки отдѣляются отъ болота лѣсомъ, растущимъ по болотистой почвѣ, простирающимся версты на полторы. Переходъ этого пространства былъ бы очень затруднителенъ; но я уже сказалъ, что хозяинъ мой охотникъ, и по распоряженію его черезъ весь лѣсъ лежать лавы въ три дерева шириною. По лавамъ добрались мы съ жожаками до болота, которое въ этомъ мѣстѣ носитъ названіе Толстовскаго угла. Жожаки предложили мнѣ начинать охоту; но при

(*) Я былъ на Дубнѣ въ августѣ, когда болота почти всѣ были скошены. Посѣяныя, скосивши сѣно, оставляютъ его на мѣстѣ, ставши небольшіе стожки, которые вывозятся зимою, а лѣтомъ вывезти этого сѣна на берегъ, по тѣнкости мѣста, нѣтъ никакой возможности.

сходѣ съ лавъ было такъ топко, что я ежеминутно боялся провалиться, не смотря на увѣренія моихъ спутниковъ, говорившихъ, что топь эта нисколько не опасна и легко держитъ человѣка. Преодолювши наконецъ свои опасенія, сталъ я подвигаться впередъ и окинуть глазомъ поле, на которомъ должны были совершаться мои охотничьи подвиги. Верстъ на пять впередъ и направо тянулось чистое болото, на лѣво въ полуверствъ виднѣлись камыши, заслонявшіе собою Дубну, а за ними отлогой берегъ, на которомъ поселена деревня Шатѣво.—Спутники мои, смѣяе меня ступавшіе по знакомой имъ зыби, уже разбрелись въ стороны, Дружокъ (*), поднявши морду, пошелъ впередъ, но его уже предупредила собака моего хозяина: шагахъ въ пятидесяти отъ меня она стояла надъ бекасомъ, обратившимъ на себя вниманіе моего Дружка. Хозяинъ Трезора былъ далеко и движеніемъ руки передавалъ мнѣ право стрѣлять изъ-подъ его собаки. Не могу удержаться, чтобы не сказать два слова о Трезорѣ. Собака эта породы Пушкинской съ малой примѣсью крови французской, роста очень большаго и вида красиваго, ищетъ, не смотря на свою огромность и лѣта, быстро, ходить далеко; но стоитъ такъ крѣпко, что мнѣ въ первый разъ привелось видѣть такую длинную стойку. Приближеніе Дружка нисколько не взволновало Трезора, но еще доставило мнѣ возможность полюбоваться нѣсколько минутъ двумя собаками въ самомъ картинномъ положеніи. Дружокъ, постоявши не много, пулей бросился къ бекасу, но Трезоръ и тутъ остался покоенъ, только изъ-подлобья посмотрѣлъ на Дружка, какъ бы укоряя его въ излишней горячности. Не смотря на бышней взлетъ свой, бекасъ былъ убитъ, а Трезоръ отправился къ хозяину.

Еще до выхода въ поле, хозяинъ мой предупредилъ меня, что не надо рассчитывать на многихъ бекасовъ, что нѣсколько дней до моего пріѣзда они показались было въ большомъ количествѣ, но въ настоящее время опять слетѣли. Хотя это извѣстіе и огорчило меня, но я все-таки надѣялся, что на такомъ обширномъ болотѣ нельзя не найти дичи. Вѣроятность моихъ предположеній подкрѣплялась еще надеждою на быстрый искъ Дружка, который носится безъ усталости по болоту и гдѣ-нибудь да наткнется на дичь. — До захода солнечнаго обошли мы весь Толстовской уголь и часть Рублевиковъ (**), въ которыхъ сошлись съ однимъ охотникомъ, дѣлавшимъ безпрестанно двойные выстрѣлы. Хозяинъ мой узналъ въ немъ одного изъ окрестныхъ своихъ знакомыхъ, и мы продолжали охоту вмѣстѣ. У г. Дулина, — такъ звали нашего новаго товарища, — была

(*) Англійская собака изъ породы Пуэнтеровъ.

(**) Пространство болота, прилежащее къ самой рѣкѣ противъ Овсянниковъ.

прекрасная собака, английское ружье, циммермановской акташъ и всѣ охотничьи принадлежности, обличавшія въ немъ охотника со средствами. Въ Рублевикахъ подымались бекасы частенько, Дулинъ стрѣлялъ чаще всѣхъ, по каждому бекасу пускалъ два выстрѣла; но заграничная сѣтка его все оставалась пуста. Случилось такъ, что я подошелъ къ нему довольно близко и наши собаки оставились по одному бекасу. Бекасъ полетѣлъ въ сторону Дулина, онъ очень быстро два раза выстрѣлилъ; но не по полету бекаса, а въ то мѣсто, откуда онъ поднялся.

— Да вы вовсе не поцѣлились, замѣтилъ я ему.

— Я всегда такъ, отвѣчалъ онъ мнѣ серьезно.

— Напрасно, продолжалъ я улыбаясь, поцѣлиться бы лучше....

— Хуже, перебилъ меня Дулинъ; пробовалъ, батюшка, хуже.

Не успѣвъ и одного раза выстрѣлить, а тутъ по крайней мѣрѣ все пафъ! пафъ!

— За то вы такъ рискуете никогда не убить бекаса.

— Не говорите.... случается.... Особенно если вскочить не одинъ а штукъ пять разомъ.

Продолжать разговоръ было, кажется, бесполезно.

Солнце было близко къ горизонту, и надо было думать о ночлегахъ. Хозяинъ мой отправился въ Кучки, а я, припоминая топь передъ лавами, и желая ночевать поближе къ болоту, пошелъ въ Шатъево. Короткимъ полемъ своимъ я былъ доволенъ. Въ три ружья мы убили двадцать восемь бекасовъ, и собака моя работала отлично.

Чтобы попасть въ Шатъево, надо было перебраться черезъ Дубну. Не безъ опасенія ступалъ я по качавшимся узенькимъ лавамъ, не смотря на бывшія при нихъ перилы. Надо замѣтить, что перилы эти сдѣланы изъ тонкихъ длинныхъ елокъ и прикрѣплены лыками,—опора ненадежная.

Въ Шатъевѣ для ночлега избрали мнѣ лучшую крестьянскую избу, наносили въ нее свѣжаго сѣна, но уснуть мнѣ не удалось. Не смотря на увѣренія хозяина избы, что у него нѣтъ никакихъ насѣкомыхъ, и что онъ самъ до нихъ не охотникъ, эти быстроногіе враги дѣлали на меня самыя жестокия нападенія, и я принужденъ былъ подняться съ полуночи.

Чтобы какъ-нибудь убить время до разсвѣта, велѣлъ я поставить самоваръ и занялся чаепитіемъ. — Не мало былъ я удивленъ, когда часу въ первомъ принесли мнѣ изъ Кучекъ записку отъ моего добраго хозяина. Въ запискѣ этой была программа завтрашней охоты и назначеніе мѣста, гдѣ мы должны были сойтись. Я не могъ надвинуться, какъ посланный съумѣлъ пройти болото и перебраться

через лавы, не смотря на ночную темноту. Мужичекъ, однако, вовсе не раздвляя моего удивленія и объявилъ, что онъ совершилъ этотъ путь совершенно добровольно, потому что баринъ велѣлъ отнести записку на разсвѣтъ, но онъ боялся проспять и пустился по болоту ночью. Надо замѣтить, что между деревнями, лежащими по Дубнѣ, есть и сухой путь, но приходится объѣзжать болото и дѣлать вмѣсто пяти или шести верстъ двѣнадцать и болѣе.

Согласно наставленію моего хозяина, я долженъ былъ пробираться Шатвевскимъ лугомъ къ селу Нушполѣ и сойдтись съ нимъ на Нушпольской поймѣ.

Только что разсвѣло, но солнце еще не всходило, какъ я уже былъ на Шатвевскомъ лугу. Здѣсь попалъ я на грязь, на которой кормились бекасы. Изъ-подъ стойки и послѣ перваго выстрѣла стали они подыматься по два, по три вдругъ и большею частию не въ мѣру, потому что мѣсто было очень голо. Я началъ поле пуделемъ, собака разгорячилась, стояла коротко, и мнѣ удалось убить только двѣ пары, не смотря на то, что я разогналъ паръ десять. Отъ выстрѣловъ моихъ поднимались съ рѣки безпрестанно утки, но я не стрѣлялъ ихъ, не смотря на то, что онѣ летѣли въ мѣру. Убить въ этомъ мѣствѣ утку, значило бы только потерять зарядъ и лишитъ птицу жизни безъ пользы для себя. Берега рѣки обросли широко камышемъ, и собака, не видя за нимъ упавшей птицы, не отыскала бы ее.

До села Нушполы оставалось версты три, а такъ-какъ за Нушполою должно было начаться мое настоящее поле, то, чтобы не слишкомъ утомиться, иди болотомъ, я пошелъ сухимъ краемъ его. Выйти изъ болота мнѣ было тѣмъ легче, что бекасы вскакивали очень рѣдко.

Въ краю болота собака моя превосходно сработала по дупелю и остановилась на немъ окончательно на совершенно чистомъ и сухомъ мѣствѣ. Еще дупель не поднимался, а я уже считалъ его въ якташъ своею, но послѣдствія доказали, что не надо ни на что разсчитывать на вѣрное, и что выстрѣлъ охотника зависитъ иногда отъ такихъ обстоятельствъ, которыхъ онъ предвидѣть не можетъ. А казалось бы чего вѣрнѣе? Я стоялъ почти на хвостъ собаки, у ней подъ мордой дупель, у меня въ ружьѣ два заряда и кругомъ ни кусточка. Но вышло вотъ что. Дупель поднялся и въ ту же минуту хотѣлъ опять садиться, собака не выдержала и къ нему бросилась, а онъ понесся низомъ, увлекая за собою разгорячившуюся собаку и заслоняясь отъ меня ея головою. Я не стрѣлялъ его на первомъ взлетѣ, потому что онъ былъ отъ меня не болѣе пяти

шаговъ, и я разшибъ бы его въ дребезги, а потомъ не удалось и выстрѣлить. Пролетѣлъ онъ довольно далеко и опустился въ крѣпкіе мѣгъ было это не по дорогѣ, и я не пошелъ его отыскивать.

По цѣти убилъ я еще шесть бекасовъ. Подходя къ Нушполю, долженъ былъ я перейти мостъ, лежащій черезъ узенькую рѣчку Нушполку, впадающую въ Дубну и вытекающую изъ болота, извѣстнаго подъ названіемъ Нушпольской бляи: Болото это было у меня въ виду, вожаки говорили мнѣ, что оно очень обширно и на краяхъ попадаются дупеля; но я не зашелъ въ него, не желая заставить моего хозяина долго ожидать меня. Нѣсколько выстрѣловъ, долетѣвшихъ до меня изъ-за рѣчки, доказывали, что онъ уже близко къ сборному мѣсту.

Село Нушпола стоитъ на возвышенномъ берегу болота, и колокольня его церкви можетъ служить отчасти маякомъ для охотниковъ: она видна очень далеко. На этомъ-то высокомъ берегу постоялъ я нѣсколько времени и полюбовался широкимъ раздольемъ.

Хозяинъ мой добхалъ изъ Кучекъ до деревни Фролова, чтѣ составляетъ верстъ одиннадцать, обошелъ Фроловскую пойму и черезъ лавы вышелъ въ пойму Нушпольскую, но не начиналъ тутъ охоты, ожидая гостя.

Въ Нушполѣ сдѣлали мы привалъ и напились чаю. Вмѣстѣ съ мной хозяиномъ явился живущій въ окрестности мужикъ, охотникъ-промышленникъ, по имени Максимъ. Человѣкъ этотъ все лѣто живетъ въ болотѣ, проходитъ въ день невѣроятныя пространства; (по увѣренію очевидцевъ, онъ въ одинъ день обходитъ пятьдесятъ верстъ и въ это время еще охотился) и выстрѣливаетъ въ годъ дичи цѣлковыхъ на полтораста, отдавая ее скупщику въ Окаемовъ за уменьшенную цѣну. Охота ему далась не даромъ, она стоитъ ему правой руки. Отприваясь куда-то, попросилъ онъ мужичка подвезти себя и, добхавъ до мѣста, сталъ вылезать изъ тельги. Заряженное ружье его зацѣпилось какъ-то въ тельгѣ куркомъ, и когда онъ потянулъ его къ себѣ, выстрѣлило. Зарядъ раздробилъ ему кость въ самомъ локтѣ. Дѣло обошлось безъ операции, но рука утратила способность владѣнія. Принадлежа къ семьѣ охотниковъ-промышленниковъ, Максимъ отличается отъ нихъ тѣмъ, что не одинъ денежный расчетъ заставляетъ его таскаться по болоту, въ немъ есть и благородная страсть къ этому занятію. Замѣьте, что всѣ охотники-промышленники стрѣляютъ превосходно, но не думайте, чтобы они стрѣляли много лучше нашего брата. Нѣтъ, они стрѣляютъ только расчетливо. Вскочить у нихъ бекасъ или дупель близко, полетитъ прямо, они бьютъ его, а чуть онъ поднялся далеко или круто вернулъ въ

сторону, они опускают ружье и ждут выстрела более удачного. Вот отчего они мало и пуделяют. Максимъ же не может упустить птицу безъ выстрела, если есть какая-нибудь, хоть гадательная возможность убить ее. Онъ не жалуетъ зарядовъ, и это не есть следствие расточительности, а следствие того, что охотясь со страстію, онъ не можетъ удержаться отъ выстрела рискованнаго. Стреляетъ онъ съ лѣваго плеча, поддерживая стволы увѣчною рукою, и стреляетъ прекрасно. У него двухствольное ружье тульской работы, заплаченное имъ десять рублей серебромъ. Любопытно рассказываетъ онъ о своихъ соблазнахъ при этой покупкѣ.

— Сейчасъ изъ лавки, говоритъ онъ, отправился я къ мастеру и велѣлъ отвинтить камеры. Гляжу, братецъ ты мой, запасъ великъ, ладно. Пострелявъ недѣльки три, стало что-то разноситъ, пошелъ опять къ мастеру, велѣлъ ему въ камеру пошустать, и вотъ все лѣто бѣть лучше быть нельзя.

Въ самомъ дѣлѣ шустовка камеры усиливаетъ бой ружья, но это—временное и опасное лекарство. Стволы отъ сильнаго напора заряда разстрѣливаются, бой славетъ, надо опять шустовать и утончать стѣнки камеры. Вотъ почему у мужиковъ часто рветъ ружья, и преимущественно въ камерахъ.

Максимъ веселый малый. Покуда отдыхали мы, рассказывалъ онъ намъ разные случаи на охотѣ, и между прочимъ рассказалъ кое-что про г. Дулина, котораго мы встрѣтили на канувъ въ болотъ. Однимъ изъ этихъ рассказовъ я подѣлюсь съ читателемъ.

— У Ивана Пантелеича, говорилъ Максимъ, есть камерлингъ, тоже охотникъ, а бѣть также какъ и баринъ. Во все лѣто неубьютъ вдвоемъ пары. Подъ домомъ у нихъ, братецъ ты мой, есть болотцо, мѣсто дупелиное и никого туда стрѣлять не пускаютъ. Вотъ прошлымъ лѣтомъ нашли они тамъ пару дупелей, разъ по десяти по нимъ бцнули, дупеля слѣгли, а на утро опять тамъ. Иванъ Пантелеичъ съ Гришкой опять пошли, опять попугали, да никакъ недѣли двѣ за ними всякой день и ходили. Видно и у птицы-то разумъ есть. Думаетъ она: что мнѣ отсюда летѣть, здѣсь только попугиваютъ, а въ другомъ мѣстѣ убьютъ пожалуй. Вотъ, братецъ ты мой, они изъ болота и не летятъ.

— «Слушай, Гришка; говоритъ Иванъ Пантелеичъ; надо намъ съ тобой раздѣлиться. Ты бей одного дупеля, а я буду бить другаго. Какъ по своему-то каждый стрѣлять будетъ, можетъ и пощастливится. Да чуръ не мѣшаться. Мой дупель пусть будетъ Ванька, а твой Васька, мой побольше, твой поменьше».

— Вот и стали они бить, братец ты мой, каждый по своему; а птица все летитъ. Въ одно утро разъ по пяти они проштрапились, барина досада взяла; онъ вѣдь все баць-баць, а не по одному разу. Вотъ, братецъ ты мой, Гришка и выстрѣлялъ по дупелю, а баринъ на него:

— «Какъ ты смѣлъ по Ванькѣ стрѣлять?»

— «Я, сударь, по Васькѣ билъ, говорить Гришка.

— «Врешь, по Ванькѣ, я видѣлъ по хвосту.

— «Воля ваша....

— «Молчи!... Что ты надмалы!... Теперь не убить ни одного.

— Съ Гришкой-то мы вечеромъ въ кабакъ столкнулись, онъ мнѣ все это и поразсказалъ. Я всталъ, братецъ ты мой, ранешенько, да дупельковъ-то обонхъ и убилъ. Вотъ вамъ, дескать, Ванька и Васька; проспав своихъ крѣпостныхъ-то.

Отдохнувъ часа полтора, вышли мы въ болото.

За нѣсколько дней Максимъ проходить этимъ мѣстомъ и поднимал много бекасовъ, но дождикъ заставилъ его убраться съ поймы. Мѣстность Нушпольской поймы такая же, какъ и Толстовскаго угла,—чистое болото и по немъ неизбежныя стожки сѣна.

Пальба началась сейчасъ же. Мы разошлись не далеко другъ отъ друга, и въ этомъ полѣ было очень много жизни. Выстрѣлы, крики на собакъ, чирканье вскакивавшихъ бекасовъ, все это вмѣств сливалось въ оркестръ вполне гармоническій для уха охотника. Одушевленный этою жизнью, какъ-то пріятно забываешься; видишь, что впереди остановилась собака, сплывишь къ ней, подъ ногами твоими дышитъ поверхность болота; но ты объ этомъ не думаешь. Оборвалась одна нога, опираешься на другую, освобождаешь ее, и вотъ у цѣли, къ которой стремился. Подошелъ, и только взглянешь, въ которой сторонѣ товарищи, чтобы не угостить ихъ сгоряча зарядомъ. Дружокъ мой особенно утѣшалъ меня въ это поде. Надо впрочемъ замѣтить, что для англійскихъ собакъ необходимы эти открытыя и обширныя болота. Только тутъ можно видѣть всю прелесть ихъ быстрого иска, видѣть, какъ вихремъ несутся онъ по пустому мѣсту, какъ приостановятся, почуявъ птицу, какъ поведутъ къ ней, поднявши на втеръ морду, и какъ, наконецъ, замрутъ въ окончательной стойкѣ.

Обойдя обширную Нушпольскую пойму, и настроившись вдоволь, перешли мы Дубну по лавамъ и вышли на пойму Фроловскую. Кажалось, эта пойма отдѣляется отъ первой только рѣкою; но мы ходили по ней болѣе двухъ часовъ и не подняли ни одного

бекаса. Правда, здесь не много посуше, чѣмъ подѣ Нушполой, но далеко ли перелетѣтъ бекасу?

Бездичіе болѣе всего утомляетъ охотника. Два часа, потерянные нами на Фроловской поймѣ, утомили насъ гораздо болѣе, чѣмъ пять часовъ, въ продолженіе которыхъ мы охотились подѣ Нушполой.

Лошади моего хозяина стояли въ деревнѣ Фроловѣ, и мы стали къ нимъ пробираться. Дорога шла довольно большимъ лѣсомъ, растущимъ около болота. Вожакъ и Максимъ отъ насъ отстали, и мы продолжали путь вдвоемъ. Лѣсная дорожка, завертываясь межъ деревьями, раздвигалась въ серединѣ лѣса на два пути, и хозяинъ мой пошелъ такъ смѣло влѣво, что я никакъ не подозревалъ, что мы сблизимся съ пути настоящаго. А между тѣмъ на краю лѣса насъ ожидало это пріятное разочарованіе. Охотники, которымъ случалось уставать на охотѣ, поймутъ наше положеніе. Сейчас за лѣсомъ предполагали мы деревню, т.-е. мѣсто отдыха; лѣсъ начиналъ рѣдѣть, уже видѣнь былъ край его, и мы тратили послѣднія силы, чтобы достигнуть желаемой цѣли, какъ вдругъ оказывается, что мы вышли не туда, что до деревни надо еще пройти версты полторы. Двѣять однако было нечего, надо было идти краемъ лѣса.

Собаки наши, не менѣе насъ уставшія, бѣгали по живцу, и подняли выводокъ перепеловъ. Мы разрядили по нимъ ружья и убили двѣ пары. Эти выстрѣлы какъ будто обновили наши силы, и мы довольно бодро дошли до деревни. Но здѣсь предстояла еще минута испытанія, только она пала уже на мою долю. Когда мы вошли въ околицу, хозяинъ мой поглядѣлъ недовѣрчиво вокругъ и сказалъ мнѣ:

— Вообразите, вѣдь мы пришли опять не туда.

Вѣроятно, выраженіе лица моего сдѣлалось при этомъ черезъ чуръ грустно, потому что онъ поспѣшилъ сказать:

— Нѣтъ, я нарочно, это Фролово.

Было уже пять часовъ по-полудни, а я вышелъ въ поле въ четвертомъ утра и не спавши ночь. Хозяинъ мой, хотя началъ охоту поздне, но утомился не менѣе меня. До дому оставалось болѣе десяти верстъ, значить, по крайней мѣрѣ часть тѣды. Желаніе чѣмъ-нибудь подкрѣпить свои силы было такъ велико, что отсутствіе возможности удовлетворить ему приводило насъ просто въ уныніе. Хозяинъ мой вполне раздѣлялъ мои ощущенія, и по-счастію вспомнилъ, что невдалекѣ жила одна знакомая ему помѣщица. Сейчас же былъ посаженъ кучеръ на пристяжную и отправленъ съ поклонами, извиненіями и просьбами. Въ ожиданіи посланнаго, мы присѣли на завалинку, и въ ту же минуту задремали. Топотъ скачущей лошади разбудилъ насъ; мы открыли глаза и увидѣли, что нашъ посоль

везеть что-то бережно въ салфеткѣ. Благодарственная помѣщица прислала намъ рябиновки, икры, сливочнаго масла, огурцовъ и благо хлѣба. Надо быть охотникомъ, чтобы понять всю прелесть этого незатѣйливаго завтрака и повѣрить той благодарности, которую воздавали мы нашей благодѣтельницѣ. Ни одна самая причудливая закуска у Шевалье не была съѣдаема съ такимъ удовольствіемъ, съ какимъ былъ уничтоженъ нашъ завтракъ. Икра показалась намъ до того превосходной, что мы очень серьезно намѣрены были узнать, гдѣ она куплена, потому что никогда не ѣдали такой въ Москвѣ.

Между тѣмъ подошли наши охотники, и мы поѣхали домой. Здѣсь выложилъ каждый на столъ свою добычу, и можно было полюбоваться порядочной кучкой красивыхъ длинноносыхъ. Въ этой кучкѣ было восемьдесятъ шесть бекасовъ.

На третій день, и это былъ послѣдній день моей охоты на Дубнѣ, собрались мы поѣхать въ Окаемово, чтобы обойти Мысь и Голову. Окаемово отъ Кучекъ верстахъ въ шести, расположено оно на самомъ берегу болота. Деревушка не отличается ничѣмъ отъ деревень прочихъ, нѣтъ даже ни одного особенно красиваго строенія. Видно, на охотѣ удобство помѣщенія послѣднее дѣло, и наши охотники-аристократы, посѣщающіе эти болота, довольствуются также простой крестьянской избой.

Болото, лежащее подъ самымъ Окаемовымъ, называется Окае-мовскою поймой, оно довольно узко, потому что рѣка Дубна течетъ не далеко отъ деревни. Начало поля насъ не порадовало. Бекасы вскакивали рѣдко. Вероятно, причиною этому было отчасти близость селенія, гдѣ шумъ живущихъ, лай собакъ пугаютъ дичь и заставляютъ ее отлетать дальше. Убивши пары три, рѣшились мы перебраться черезъ лавы, чтобы походить сначала по прокосамъ между камышами, а потомъ около Мыса.

Лавы подъ Окаемовымъ довольно широки и крѣпки, но подходить къ нимъ довольно трудно. Шаговъ тридцать надо идти по колѣна въ водѣ. За рѣкой передъ лавами начинаются густые и высокіе камыши; камыши эти много выше роста человѣческаго. Въ камышахъ этихъ протоптана охотниками дорожка, вязкая, покрытая водою и довольно узкая. Идти по ней надо съ осторожностію, держась ближе къ камышевой стѣнѣ, чтобы имѣть возможность за что-нибудь схватиться и удержаться вслучаѣ, если оборвется нога въ скрытый бочажокъ, а это дѣло очень возможное, и къ-несчастью, самымъ мной испытанное.

Сдѣлавъ шаговъ триста по этой дорожкѣ, вышли мы въ прокосы. Это площадки между камышами, величина ихъ разная, отъ десяти до ста и болѣе квадратныхъ сажень.

Въ этихъ мѣстахъ для охотника, мало знакомаго съ мѣстностію, вожакъ необходимъ, потому что войти въ нихъ легко, дорожка въ камышахъ видна съ лавъ; но выйти назадъ очень трудно. Даже туземные охотники, нѣсколько разъ полевавшіе въ этихъ болотахъ, и между прочимъ мой добрый хозяинъ, признаются, что одни они не въ состояніи отыскать изъ болота дорогу. Начало камышевой дорожки въ болотъ надо знать на память: нѣтъ ни дерева, ни кустика, которые бы указали на него издали. Оно твердо извѣстно только тѣмъ, которые ежегодно косятъ это болото и уже приглядѣлись къ мѣстности. Вслѣдствіе всего этого обыкновенно всѣ охотятся съ жоками, но, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ охотникъ отправился туда одинъ, и былъ жертвою своей самонадеянности. Происшествіе это давно извѣстно между охотниками, но, можетъ быть, есть люди, его не знающіе, и для нихъ-то приведу я этотъ грустный разсказъ.

Случилось это съ дворовымъ человѣкомъ г. Е. Онъ уже не разъ охотился въ окрестностяхъ Окамова и, вообразивъ, что твердо знаетъ мѣстность, отправился одинъ. День онъ охотился, но, когда, къ вечеру, хотѣлъ выйти изъ болота, то никакъ не могъ найти камышевой дорожки. Кому не извѣстно, какъ смущаетъ человѣка сознаніе, что онъ сбился съ дороги? Прибавьте къ этому, что дѣло шло къ ночи, и заблудившійся долженъ былъ ночевать въ болотѣ. Частые стожки сѣна представляли, конечно, довольно покойное мѣсто для ночлега; но бѣдный охотникъ съ утра ничего не вѣлъ, прозябъ и былъ въ испугъ. Легко вообразить, какъ тревожно провелъ онъ эту ночь. На другой день съ слабымъ остаткомъ силъ принялся онъ снова отыскивать выходъ, но всѣ старанія его были тщетны. Онъ подходилъ или къ густому, высокому камышу, залитому водою, или къ рѣкѣ, гдѣ топкіе берега явно показывали ему невозможность и думать о переходѣ. Выбившись изъ силъ, онъ началъ стрѣлять, думая, что кто-нибудь догадается о постигшемъ его несчастіи и придетъ къ нему на помощь; но въ этихъ болотахъ стрѣляютъ такъ много и такъ часто, что выстрѣлы его не могли показаться призывами погибающаго. И какъ нарочно никто изъ охотниковъ не ходилъ въ этотъ день вблизи, никто не наткнулся на несчастнаго. Положеніе ужасное! Видѣть свѣтъ Божій, видѣть не вдалекѣ жилища людей, потому что многія деревни видны изъ болота, и не быть въ состояніи дать знать о своей гибели! А между тѣмъ въ Окамовѣ, откуда отправился несчастный, вообразили, что, увлеченный охотой, онъ остался ночевать въ болотѣ и придетъ на другой день къ вечеру. Но настала вечеръ, настала ночь, а охотникъ не возвращался.

Тутъ уже было ясно, что онъ заблудился, но идти искать его ночью было невозможно, надо было ждать утра. На утро вся деревня отправилась искать по болоту заблудившагося. Народъ обходилъ каждый стогъ сѣна, подавая безпрестанно голосъ. А между тѣмъ несчастный пробылъ слишкомъ двое сутокъ въ болотѣ, безъ пищи, въ постоянномъ страхѣ, въ безпрестанныхъ усиліяхъ къ спасенію, истощившихъ окончательно жизненныя силы его. Не скоро, но наконецъ одинъ изъ искавшихъ мужиковъ услышалъ слабый стонъ подъ однимъ изъ стоговъ, и увидалъ едва дышавшаго охотника. Съ большимъ трудомъ рассказалъ онъ своимъ спасителямъ, какъ заблудился, какъ стрѣлялъ, и тутъ же лишился чувствъ. Его сейчасъ отправили въ больницу въ городъ Дмитровъ, гдѣ, однакожъ, всѣ средства къ его спасенію оказались тщетными, и онъ умеръ.

Боюсь, чтобы это грустное происшествіе не слишкомъ опечалило любезнаго читателя, и чтобы отвлечь отъ него непріятное впечатлѣніе, тороплюсь вернуться къ своему разсказу.

Въ прокосяхъ началась у насъ опять пальба, напоминавшая вчерашнее поле. Собаки почти безпрестанно останавливались и поднимали бекасовъ. Бекасы въ то время были еще очень легки, къ тому же дулъ сильный вѣтеръ, и стрѣльба была трудная, другими словами: мы пуделяли на славу, и каждая птица стѣила намъ по крайней мѣрѣ двухъ выстрѣловъ. Маковымъ стрѣлялъ чаще всѣхъ, и я не могъ надивиться быстротѣ, съ которою онъ то являлся подлѣ меня, то исчезалъ совершенно изъ виду. Если же собака его останавливалась, то онъ никогда не подходилъ къ ней тихо, а всегда подбѣгала рывью.

Я удалился нѣсколько отъ товарищей, но вожакъ мой былъ со мною. Ему было приказано не терять меня ни минуты изъ вида, и онъ добросовѣстно исполнялъ это приказаніе. Изъ прокосей вышли мы къ Мысу, стрѣльба продолжалась, но уже бекасы вскакивали раже. Мнѣ хотѣлось перейти въ Голову, и я сообщилъ объ этомъ вожаку своему. Голова отдѣляется отъ Мыса рукавомъ рѣки Дубны, рукавъ этотъ также обросъ камышемъ, и черезъ него есть два перехода. Вожакъ мой отправился осмотрѣть, который переходъ удобнѣе, а я, въ ожиданіи его, присѣлъ отдохнуть. Вернувшись, объявилъ онъ мнѣ, что оба перехода очень плохи, но перейти можно. Мы отправились. Чтобы подойти къ рукаву, надо также пройти узкую водную дорожку между камышемъ. По дорожкѣ этой есть нѣрѣдка кочки, на которыхъ надо становиться, чтобы не погрузиться въ грязь. Иногда эти кочки довольно далеки одна отъ другой, и приходится на нихъ прыгать; прыжки не всегда бываютъ удачны, да и кочки

не тверды, а качаются, вследствие чего охотник уходит иногда так глубоко въ грязь, что съ трудомъ изъ нея выкарабкивается. Вожакъ мой шелъ впереди, я старался ступать по сѣдкамъ его, но не смотря на это, раза два погрузился очень ловко. Наконецъ прошли мы кочковатую дорожку и подошли къ рукаву рѣки. Здѣсь ожидало меня полное разочарованіе. Я воображалъ, что увижу лавы, а между тѣмъ глазамъ моимъ представилось одно довольно тонкое бревно, плававшее на водѣ и концами своими не достававшее береговъ по крайней мѣрѣ на пол-аршина.

— Да оно потонетъ, замѣтилъ я жожаку.

— Нѣтъ, берега-то положи, отвѣчалъ онъ мнѣ; какъ опустится, оно въ нихъ упрется.

Дѣлать было нечего, надо было переходить. Вожакъ цѣрешель впереди, опираясь въ дно рукава длиннымъ шестомъ, снятымъ имъ со стога сѣна; я послѣдовалъ за нимъ. Опустившееся бревно держалось въ самомъ дѣлѣ довольно твердо; отыскивать его подъ водою ногами было также не трудно, и переходъ мой окончился бы благополучно, но, когда я почти подошелъ къ берегу и вожакъ подаль мнѣ руку, я сдѣлалъ слишкомъ большой шагъ, бревно вывернулось изъ-подъ ноги моей, и погруженіе на этотъ разъ было полное. — Хорошо, что нашему брату охотнику подобныя вещи сходятъ съ рукъ; полчаса ходьбы при помощи вѣтра и солнца заставили меня забыть безъ нужды взятую ванну.

Болото, носящее названіе Головы, очень пространно, его не окинешь глазомъ, и я не могу даже приблизительно опредѣлить величины его. Отъ другихъ поймъ отличается оно тѣмъ, что много суше ихъ, но за то здѣсь чаще окошки. Съ досадой увидѣлъ я, что тутъ только что убрали сѣно, атавы еще вовсе не было, и бекасы танься негдѣ. Дружокъ приватилъ штукъ пять бекасовъ, но мѣсто было такъ голо, что они не дали ему по себѣ остановиться. Оказывалось, что всѣ труды, понесенные мною при переходѣ, перенесъ я напрасно. Я уже хотѣлъ вернуться, но товарищи мои тоже перешли рукавъ, и мы сдѣлали приваль. — Здѣсь ожидало насъ довольно забавное происшествіе.

Только что услыли мы, какъ услышали недалеко отъ насъ выстрѣлы, оглянулись и увидѣли шагахъ во ста человѣка, стоящаго на стогѣ сѣна и стрѣляющаго въ разныя стороны. Сначала подумали мы, что онъ разряжаетъ ружье, но потомъ ясно видѣли, какъ онъ снова заряжалъ оба ствола, зарядивши ихъ, выстрѣливалъ, и за каждымъ выстрѣломъ слѣдовало очень громкое гопанье.

— Надо узнать, что случилось съ нимъ, сказалъ мой хозяинъ, и, отложивъ наше отдохновеніе, мы отправились къ охотнику, такъ щедро тратившему свой порохъ.

Завидя насъ, онъ пересталъ стрѣлять, но сильно размахивалъ руками и звалъ насъ къ себѣ. Мы подошли.

Охотникъ оказался незнакомъ мнѣ, но лице его что-то напоминало мнѣ, какъ будто слышала я описаніе этой фizioноміи. Онъ былъ высокаго роста, плотный, уже зрѣлый мужчина, и одѣтъ чрезвычайно странно. Верхнее платье его представляло что-то трехэтажное, низъ бѣлый, середина зеленая, а верхъ желтый. Впослѣдствіи онъ самъ объяснилъ намъ эту странность. Это были три блузы, которыя онъ обыкновенно бралъ всегда съ собою. Подъ низъ надѣвалась самая новая, а сверху, по старшинству времени, старья. Любя особенно чистоту и опрятность и замѣтивъ, что полы блузы загрязнились или изорвались, онъ сейчасъ же обрѣзалъ ее кругомъ, и такимъ образомъ выходило, что чѣмъ старше блуза, тѣмъ она была короче.

— Я Триркинъ, кричалъ намъ охотникъ, когда мы ближе подошли къ нему; спасите меня.

Услыхавъ эту фамилію, я чрезвычайно обрадовался и вспомнилъ при этомъ рассказы моихъ знакомыхъ объ Иванѣ Ивановичѣ, который нѣсколько извѣстенъ и читателямъ статей моихъ.

— Что съ вами? стали мы его спрашивать, и не могли понять, отчего спастъ его.

— Спасите, повторялъ Триркинъ, и указывалъ рукою подъ стогъ сѣна.

Мы стали обходить стогъ, но не замѣчали ничего особеннаго.

— Осторожнѣе, кричалъ онъ намъ; здѣсь нѣтъ дна.

Мы начали принимать его за сумасшедшаго. Но какимъ образомъ попалъ сумасшедшій въ болото и съ ружьемъ? Долго оставались мы въ этомъ недоумѣніи; наконецъ Триркинъ объяснилъ намъ, что вожакъ его пошелъ на нѣсколько времени въ Окаево, а онъ, оставшись одинъ, вздумалъ испытать глубину болота и снялъ для этого шесть со стога.

— Я нарочно смѣрилъ шесть четвертями, говорилъ Триркинъ; въ немъ было четыре аршина, проткнулъ поверхность, сталъ опускаться, онъ пошелъ довольно свободно и вдругъ исчезъ совершенно. Каково же положеніе, стоять надъ такою бездною и одному!

Наше присутствіе и увѣренія въ отсутствіи всякой опасности успокоили нѣсколько Ивана Ивановича, и онъ рѣшился спуститься къ намъ со стога.

Мы расположились между прочимъ отдохнуть, усвѣясь, и веселая болтовня скоро заставила Триркина забыть о бывшей подъ ногами его пропасти. Онъ усталъ меньше нашего, и вмѣсто того, чтобы сидѣть съ нами, прохаживался подлѣ, безпрестанно прицѣливаясь въ влетавшихъ чаетъ.

— Да подарите намъ хоть одну чаечку, сказалъ кто-то изъ охотниковъ.

— А вотъ, дайте выбрать, отвѣчалъ Триркинъ, поднявшій голову.

Едва выговорилъ онъ слова эти, какъ вдругъ исчезъ, и только сѣрая шляпа его всплыла на поверхности окошка. Мы бросились къ бочагу, но Триркинъ уже вынырнулъ и схватился за берегъ.

— Нѣтъ, это не охота, говорилъ онъ, отплеываясь, нѣтъ, вду сейчасъ въ Москву.... Заглядѣлся одну минуту.... Нѣтъ, прощайте, господа, мнѣ не до бекасовъ.

По-счастью его, вожакъ его вернулся изъ деревни, и онъ съ нимъ отправился.

Поле этого дня было намъ тоже очень удачно, такъ что съ двумя предшествовавшими полями составило двѣсти пять бекасовъ на четыре ружья.

— Неправда ли, господа, на Дубну вздѣть стѣвтъ?

На другой день я отправился въ Москву, ознакомившись только съ частію мѣсть по Дубнѣ. На остальныхъ думаю побывать въ нынѣшнемъ году, и съ удовольствіемъ подѣлюсь моими впечатленіями съ читателемъ.

В. В.

РАЗГОВОРЪ МЕРТВЫХЪ.

(Изъ парижскаго журнала: *Мода. Февр. 1854*).

Бонапартъ, Бертранъ.

Бонапартъ, (наводя лорнетку на нѣкоторую точку нашего шара). Нѣтъ, я не ошибаюсь... Посмотри самъ, Бертранъ?...

Бертранъ, (взявъ лорнетку). Что такое, Государь?

Бонапартъ. *Parbleu!* а нашъ славный флагъ, который развѣвается, вонъ тамъ!...

Бертранъ. Гдѣ? въ которой сторонѣ?

Бонапартъ. Какъ! Неужели ты не видишь?... Вонъ, вонъ, тамъ, на Черномъ морѣ...

Бертранъ. Такъ точно, клянусь честію!... Но, позвольте, Государь; онъ не одинъ.

Бонапартъ, (вырывая у него лорнетку). Въ самомъ дѣлѣ... ты правъ!... вонъ показывается и англійскій флагъ!... Что бы это такое значило? Понимаешь ли ты что-нибудь, Бертранъ?

Бертранъ. Извините меня, Ваше Величество. Все это кажется мнѣ такъ необыкновеннымъ, что я едва вѣрю глазамъ своимъ.

Бонапартъ. Истинный феноменъ!... Какъ! французскій и англійскій флоты встрѣчаются въ Черномъ морѣ!... И какіе превосходные, какіе отличные флоты! клянусь честью!... Но какъ они зашли сюда? Съ какою цѣлю? Съ какими намереніями?

Бертранъ. Вотъ вопросы, которые и я задаю себѣ, Ваше Величество!

Бонапартъ. И не находишь отвѣта?

Бертранъ. Но, Государь, стало быть, задача довольно затруднительна, если уже Ваше Величество не можете рѣшить ее.

Бонапартъ. Боже мой! Меня совсѣмъ не то удивляетъ, что два подобные флота стоятъ одинъ противъ другаго... это уже не разъ случалось!... Но то, что они встрѣчаются въ предѣлахъ, гдѣ Французы и Англичане, мнѣ кажется, нисколько не привыкли плавать...

Бертранъ. Это самое и меня приводитъ въ недоумѣніе, Ваше Величество.

Бонапартъ. За недостаткомъ положительныхъ свѣдѣній, мы должны ограничиться догадками, болѣе или менѣе основательными. Во-первыхъ, мнѣ кажется несомнѣннымъ, что Французы все еще въ войнѣ съ своими вѣчными заклятыми врагами, и что, съ минуты на минуту, мы можемъ быть свидѣтелями жестокой битвы.

Бертранъ. Извините меня, Ваше Величество; но мнѣ кажется, что эти два флота нисколько не готовятся къ тому, что вы говорили?

Бонапартъ. Подожди же... Они пока еще наблюдаютъ другъ друга и выбираютъ мѣста для сраженія.

Бертранъ. Что же? Дѣло возможное; я не морякъ и не могу судить о цѣли всѣхъ этихъ эволюцій.

Бонапартъ. Ахъ! сердце мое бьется радостію и надеждою! Какое счастье, Бертранъ! Нашъ славный флагъ наконецъ отмститъ за пораженія при Абукирѣ и Трафальгарѣ!

Бертранъ. Ваше Величество изволите говорить о *Трафальгарѣ*? А, кстати, это самое имя я читаю на одномъ изъ главнѣйшихъ англійскихъ кораблей.

Бонапартъ. Ты видишь, храбрый товарищъ; вызовъ вѣсѣ дня.

Бертранъ. А вотъ, другой корабль называется *Беллерофономъ*.

Бонапартъ. Славно! *Беллерофонъ!* тотъ самый корабль, который, 15 июля 1815 г., предложилъ мнѣ гостепріимство Англіи, на которомъ, нѣсколько дней спустя, 4 августа, я вынужденъ былъ написать сильную протестацію, которую читала вся Европа! — «Я передаю мое дѣло на судъ исторіи, говорилъ я; она скажетъ, что непріятель, который, въ продолженіе 20 лѣтъ велъ войну съ Англіею, пришелъ, во дни несчастія, добровольно искать убъжнща подъ ея законами. Но какъ отвѣчала Англія на такое великодушіе? Она протянула этому непріятелю руку помощи, и, когда онъ отдался ей во всей искренности своего сердца, принесла его въ жертву своему мщению» (*). А! *Беллерофонъ!* Если есть правосудіе на землѣ, то онъ первый долженъ погибнуть!

Бертранъ. Дай-то Господи, Ваше Величество! Но я опять осмѣлюсь повторить, что не вижу никакого признака ожидаемой вами битвы.

Бонапартъ. Успокойся, Бертранъ. Сигналь не замедлитъ раздаться. Наши храбрые моряки, вѣрно, горятъ нетерпѣніемъ схватиться съ Англичанами, и, право, никогда случай не казался благопріятнѣе! Посмотри только на этотъ флотъ! Чтѣ за великолѣпные корабли! Ахъ! если бы у меня была такая морская сила, я, по крайней мѣрѣ, раздѣлилъ бы владычество морей съ Англичанами!

Бертранъ. Я увѣренъ въ этомъ, Ваше Величество, но побѣдитель всей Европы на твердой землѣ легко можетъ утѣшиться, что не одержалъ такихъ же побѣдъ и на морѣ. И такъ уже довольно было славы!

Бонапартъ. Конечно, Бертранъ; а между тѣмъ, я долженъ въ томъ сознаться,—самое пламенное мое желаніе было раздавить подъ моею пятою эту гордую Англію, однимъ разомъ воздать ей за все зло, которое она не переставала дѣлать Франціи во все времена, во всѣхъ мѣстахъ, на всѣхъ точкахъ земнаго шара; вырвать у ней, одна за одною, ея колоніи, какъ она вырвала у насъ наши колоніи, и наконецъ,—то-то было бы мастерское дѣло! похитить лучшій алмазъ изъ ея вѣнца, выгнать ее изъ Индіи!

Бертранъ. Государь, этого послѣдняго результата было бы очень трудно достигнуть.

Бонапартъ. Не такъ трудно, какъ ты думаешь. Если бы на мѣсто того, чтобы объявлять Россіи роковую войну, которая погубила меня, я предложилъ ей, какъ въ одно время намѣренъ былъ сдѣлать, раздѣлить со мною Турецкую имперію, а потомъ вмѣств про-

(*) Записки, веденныя на о. Св. Елены графомъ Ласъ-Казомъ.

браться въ Индію, то мы являемъ овладѣли бы всею Европою, и Англія навсегда была бы отгнана въ свой островъ. Очень возможно, что позже Александръ и я поссорились бы за то, кому остаться нераздельнымъ властелиномъ Европы.... но на ту минуту, не въ томъ было дѣло. Прежде всего должно было уничтожить Англію; это была моя неодолимая, неотступная мысль, и я объ одномъ только жалю,—какъ не понялъ я, что для выполненія замысла столь лестнаго для народной чести, не было другихъ средствъ, кромѣ союза съ Россіею! Вотъ въ чемъ состояла ошибка!

Бертранъ. Но, Государь, былъ ли возможенъ такой союзъ?

Бонапартъ. Да, любезный другъ; онъ былъ возможенъ. «Я могъ раздѣлить Турецкую имперію съ Россіею. Не разъ была у насъ рѣчь о томъ. Константинополь всегда спасалъ ее. Эта столица составляла важное затрудненіе, истинный камень преткновенія въ переговорахъ. Россія хотѣла взять ее себѣ; я не могъ на то согласиться. Это ключъ слишкомъ драгоценный; онъ одинъ стѣбитъ имперіи. Тотъ, кто будетъ имъ обладать, можетъ по произволу управлять свѣтомъ (*)». А между тѣмъ, Бертранъ, когда я хорошенько подумаю, мнѣ кажется, я лучше бы сдѣлалъ, если бы на время уступилъ Константинополь, и, въ ожиданіи лучшаго, удовольствовался Дарданеллами, въ которыхъ Россія не могла мнѣ отказать. Тогда я сдѣлался бы повелителемъ Чернаго моря, и дорога въ Индію была бы мнѣ открыта!.. Но, вотъ, наступило время, когда ошибка моя можетъ быть заглажена, и, если я не ошибаюсь, часть Англіи пробилъ.

Бертранъ. Ахъ, Государь! если бы пророчество ваше сбылось! Неужели Богъ услышалъ ваши послѣднія слова? Они навѣки вращались въ моей памяти. Вы лежали на смертной постели и, сдѣлавъ надъ собою послѣднее усиліе, сказали мнѣ: «Подойди, Бертранъ, и передай этому господину, (с. Гудс. Ло), что ты услышишь, но передай все, не опуская ни одного слова». И осыпавъ Англичанъ горькими упреками за нарушеніе слова и за жестокость, Ваше Величество прибавили: «Вы умертвили меня медленною, предвѣренною смертію. Безчестный Гудс. Ло былъ палачемъ вашихъ министровъ.... Ты погибнешь, Англія, какъ погибла Венеція надменная; а я, умирая на этомъ ужасномъ утѣсѣ, разлученный съ близкими, лишенный всего, я завѣщаваю позоръ и ужасъ моей смерти царствующему дому Англіи» (**).

Бонапартъ. Да, Бертранъ, но я также завѣщала Франціи отмстить за меня.... и кто знаетъ? смотря на этотъ прекрасный

(*) Записки на о. Св. Елены. (**) Тамъ же.

флотъ, который такъ близко тѣснить англійскіе корабли, я, кажется, не безъ основанія думаю, что мое завѣщаніе приводится въ исполненіе.... Смотри, мой вѣрный товарищъ, смотри, какое движеніе происходитъ съ обѣихъ сторонъ на адмиральскихъ корабляхъ.... Чу! сигналъ!

Бертранъ. Позвольте, Государь.... до сихъ поръ я вижу только то, что англійскій адмиралъ садится въ шлюбку съ главнѣйшими офицерами своего штаба.

Бонапартъ. Ты не ошибаешься... Но что же это такое? Что значить этотъ страшный маневръ...

Бертранъ. И вотъ, они двинулись на вѣсъ вѣслахъ къ нашему адмиральскому кораблю....

Бонапартъ. Чтобы взять его на abordажъ, можетъ статься! Клянусь! мысль нѣсколько смѣлая!

Бертранъ. И точно, онъ пристаесть.... Что я говорю? Онъ даже преспокойно выходитъ по лѣстницѣ....

Бонапартъ. Часъ отъ часу лучше! Любопытно видѣть, какъ его примутъ.... Безъ сомнѣнія, канонары всѣ при своихъ орудіяхъ!

Бертранъ. Право, не знаю, только вотъ является самъ французскій адмиралъ и дружески протягиваетъ руку врагу.

Бонапартъ. А вѣдь правда твоя. (Кладетъ лорнетку въ карманъ). Теперь, я ужъ рѣшительно ничего не понимаю... А ты, Бертранъ?

Бертранъ. Ваше Величество, я могу сказать то же самое.

Бонапартъ. Какъ! Франція и Англія протягиваютъ другъ другу руки—я еще подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ!... Ну! старый товарищъ, должно покориться неизбежному. Безъ сомнѣнія, все дѣлается къ лучшему, и если для насъ это не совсѣмъ понятно, то вѣрно потому, что мы съ тобою, мой бѣдный Бертранъ, (*щиплетъ его за ухо*) ничто иное, какъ выходцы съ того свѣта... (*des gens de l'autre monde*. Игра словъ).

Маркизь де ла Шаманьёръ.

ГРЕЧЕСКІЯ ПРЕДСКАЗАНІЯ (*),

(*передаваемая Нѣмцами въ Allgemeine Zeitung*).

Современныя политическія происшествія на Востоку привели на память много давно забытыхъ предсказаній и преданій. Рассказываютъ про какого-то монаха, предсказавшаго, во время завоеванія

(*) Въ русскихъ памятникахъ старины есть также множество предсказаній, кои мы сообщимъ впоследствии. *Ред.*

Константинополя, что Турки через 400 лѣтъ утратятъ свое владычество, *черезъ бѣлокрылыхъ сыновъ свѣра*. Почти то же самое рассказываютъ о тогдашнемъ патріархѣ константинопольскомъ: говорятъ, что Магоммедъ II поразилъ его ударомъ шашки у самаго олтара Софійской церкви, и что патріархъ, умирая, проклялъ своего убійцу и предсказалъ Константинопольской державѣ постыдный конецъ, не далше, какъ черезъ 400 лѣтъ. Эти предсказанія, отысканныя Русскими (?), были помѣщены во всѣхъ газетахъ. Тамъ не менѣе мы должны на нихъ смѣрять съ большою недовѣрчивостію.

Мы имѣемъ полное право сомнѣваться въ существованіи вышесказаннаго греческаго монаха, потому что никто изъ его современниковъ не упоминаетъ объ его предсказаніи. Точно также и рассказъ объ убійствѣ патріарха Магоммедомъ II-мъ похожъ на вымыселъ. Магоммедъ II былъ слишкомъ благоразуменъ, чтобы подобнымъ образомъ свирѣпствовать противъ христіанъ и христіанскихъ церквей. Напротивъ, онъ съ такимъ уваженіемъ смотрѣлъ на великолѣпный соборъ, впоследствии превратившійся въ мечеть и увѣковѣчившій его славу, что однажды собственноручно убилъ пламеннаго мусульманина, старавшагося, посредствомъ своей сабли, размывать мраморныя плиты Софійскаго храма. Когда, вскорѣ по завоеваніи Константинополя, былъ избранъ новый патріархъ, Магоммедъ II захотѣлъ въ точности исполнить всѣ торжественныя обряды, установленныя прежнимъ Византійскимъ Дворомъ; сидя на престолѣ, онъ вручалъ *Геннадію* епископскій посохъ, символъ его духовнаго сана, проводилъ его до дверей Серая, подарилъ ему богато-убранную лошадь и повелѣлъ своимъ визирямъ и пашамъ довести патріарха до назначеннаго ему дворца. Мы упоминаемъ обо всемъ этомъ только для того, чтобъ доказать, какъ вышеприведенное преданіе о насильственной смерти патріарха мало согласуется съ характеромъ и политикою Магоммеда. Почти съ достоверностію можно предположить, что оба эти предсказанія ни что иное, какъ пустыя выдумки позднѣйшихъ временъ.

Изъ этого, впрочемъ, не слѣдуетъ, что между Греками дѣйствительно не было предсказаній насчетъ паденія Турецкой имперіи; напротивъ, перелистывая Византійскія летописи, мы находимъ много такихъ предсказаній, но почти всѣ они принадлежатъ къ болѣе отдаленному періоду. Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ есть то, о которомъ упоминаютъ Никита Хоніатъ, и безыменный сочинитель «*De Antiquitat. Const.*», который жилъ около 1100 года, и о которомъ говоритъ Бандури (*Imper. Orient. tom. I p. 1918*). Они рассказываютъ, что на площади Тавра когда-то стояла мѣдная статуя всадника, привезенная изъ Антіохіи; не знали, изображала ли она

Беллерофона или Иисуса Навина. На этомъ памятникѣ, впоследствии уничтоженномъ Латинами, была надпись, заключающая въ себѣ предсказанія,—что Русскіе подъ конецъ овладѣютъ Константинополемъ.

Предсказаніе это, сдѣланное за 800 лѣтъ назадъ, въ то время, какъ Европа не знала даже имени Русскихъ, и приведенное двумя современными писателями, могло бы казаться сверхъестественнымъ, если не принять въ соображеніе, что оно совпадаетъ съ эпохою набѣговъ Варяжскихъ племенъ на Константинополь. Исторія упоминаетъ о четырехъ такихъ набѣгахъ. Первый былъ предпринятъ княземъ Кіевскимъ (865), второй Олегомъ (904), третій Игоремъ, сыномъ Рюрика (941), четвертый и послѣдній Ярославомъ, внукомъ Игоря, (1043). Правда, севернымъ жителямъ не удалось покорить византійскую столицу; но они порядкомъ напугали Грековъ, и страхъ, вселенный ими, вѣроятно, внушилъ и вышеупомянутое предсказаніе.

Всѣмъ извѣстно, что Греки были народъ легковѣрный, съ пылкимъ воображеніемъ и съ пристрастіемъ ко всему сверхъестественному. Они любили олицетворять свои надежды и свои опасенія и облекать ихъ въ какую-то таинственную, чудесную форму. Отъ этой склонности греческаго народа и происходятъ безчисленныя легенды, преданія и предсказанія, которыя въ Греціи появлялись съ каждымъ столѣтіемъ. Въ девятомъ, десятомъ и одиннадцатомъ столѣтіяхъ, Греки, уstraшенные частыми набѣгами Русскихъ, стали опасаться, чтобы имъ не удалось наконецъ покорить Константинополь; и, по свойственной имъ привычкѣ, они облекли это опасеніе въ форму предсказанія.

Впоследствии они перестали бояться Русскихъ; явились новые враги, и предсказанія приняли другое направленіе. Глазъ предсказателей измѣнялся, судя по тому, какія непріатели угрожали Константинополю. Чувствуя свою слабость и превосходство окружавшихъ ихъ враговъ, Греки стали приписывать гибель своей державы то одному, то другому народу. Довольно замѣчательно однакожь, что теперь, почти 1,000 лѣтъ спустя, Русскіе опять угрожаютъ Константинополю, разумется, уже не христіанскому Константинополю прежнихъ вѣковъ, а столицѣ мусульманской державы, разрушившей Греческую имперію.

Изъ многочисленныхъ предсказаній, которыя въ различныя времена были въ ходу въ Греціи, мы приведемъ только два, изъ которыхъ одно исполнилось, а другое не сбылось. Около половины XII столѣтія одна греческая матрона имѣла видѣніе. Она видѣла многочисленное войско, собранное на площади Тавра, и человека,

сидящаго на вершинѣ Θεодосійской колонны (величиною въ 147 фут.). Человѣкъ этотъ громко вскричалъ, всплеснувъ руками.

Видѣвше это, кажется, сильно всѣхъ поразило; поэтъ Цецесъ (Tzetzes) объ немъ упоминаетъ (Chilias. IX, 277). Пятьдесятъ лѣтъ спустя (1204), Латины вторично завоевали Константинополь, и Алексѣй Мурцуфъ (убійца Императоровъ Исаака Ангела и Алексѣя Ангела) былъ приговоренъ къ смерти и низвергнуть съ вершины Θεодосійской колонны. При этомъ присутствовало не только все войско побѣдителей, но и множество Грековъ, которые въ этомъ страшномъ зрѣлищѣ видѣли исполненіе древняго предсказанія. Всего вѣроятнѣе, впрочемъ, то, что латинскіе полководцы узнали объ этомъ старинномъ преданіи, и по этому выбрали такую ужасную казнь для несчастнаго своего плѣннаго.

Вотъ второй примѣръ: въ то время, какъ Турки угрожали Греческой имперіи, появилось предсказаніе, что имъ удастся ворваться въ Константинополь, но что они дойдутъ только до Софійской площади; тамъ, подъ Константиновой колонной, будетъ сидѣть нищій; къ нему подойдетъ ангелъ, и вручитъ ему мечъ, говоря: «Пойди и отомсти за народъ Господень!» При этихъ словахъ, Турки тотчасъ же обратятся въ бѣгство, и побѣдоносные Греки вытѣснятъ ихъ изъ всей Анатолиі до границъ Персіи. Когда Турки въ самомъ дѣлѣ ворвались въ Константинополь, на Софійской площади собралось множество суевѣрныхъ Грековъ, ожидавшихъ исполненія этого предсказанія. Къ-несчастью, оно вовсе не сбылось, а всѣ Греки были взяты въ плѣнъ своими кровожадными побѣдителями.

Наконецъ мы еще должны упомянуть объ одномъ предсказаніи, про которое рассказываетъ византійскій писатель Кедреніусъ (Cedrenius), (Кедринъ?). Онъ говоритъ, что между Турками идетъ предсказаніе, *будто турецкое племя будетъ уничтожено тою же силою, посредствомъ которой Александръ Македонскій покорилъ Персіанъ*. Нисколько не удивительно, что исторія Александра Великаго была известна Туркамъ; она передана имъ (разумеется, съ различными прикрасами) Аравитянами. Страны, надъ которыми господствовалъ Александръ Македонскій въ то время, какъ онъ предпринялъ походъ противъ Персіанъ (т.-е. Македонія, Фракія и Фессалия), до сихъ поръ находятся подъ владычествомъ Турокъ; но еслибъ они наконецъ попали въ другія руки, то держава, ими овладѣвшая, могла бы положить конецъ турецкому государству, и такимъ образомъ оправдать предсказаніе. Въ эту самую минуту мы получаемъ известіе о безпорядкахъ и возстаніяхъ въ Фессалии и Македоніи, возобновляющихъ недавно кончившуюся восьмилѣтнюю борьбу Греціи съ Портою.

ПАМЯТНЫЙ ЛИСТОКЪ ОШИБОКЪ ВЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ И ДРУГИХЪ НЕСООБРАЗНОСТЕЙ, ВСТРѢЧАЕМЫХЪ У МНОГИХЪ НЫНѢШНИХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ; СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ МНѢНІЙ, РАЗСУЖДЕНІЙ, ВЗГЛЯДОВЪ ПО ЧАСТИ ЯЗЫКОЗНАНІЯ ВООБЩЕ.

а). *Не-русскія, несообразныя выраженія и обороты рѣчи, слова несоотвѣтственныя, неупотребительныя, излишнія, не въ своемъ значеніи поставленныя, вопіющія ошибки въ правописаніи.*

— «Онъ такъ мало слушалъ, и разумется, такъ мало запомнилъ изъ того, чего не слышалъ». (Отеч. Записки 1853, ноябрь, Волянщики, стр. 5). Не мало, а ровно ничего; потому что какъ же запомнить то, объ чемъ и не слыхивалъ?

— «Изъ всѣхъ насъ, однакожь, думаю только, мнѣ и Жозефу Пико, позволено было *держатъ себя съ нею* (съ молодою дѣвушкой) *покороче*. (Тамъ же, стр. 15). *Держатъ себя съ нею покороче* выраженіе неправильное и не русское; и *держатъ себя*, вмѣсто *обходиться* — выраженіе не въ духъ нашего языка, и *держатъ себя покороче* — не имѣетъ смысла. *Обходиться повообиднѣ* — такъ. Притомъ, не *думю*, а *двоимю*.

— «Она (молодая крестьянка) не терпѣла, чтобъ къ нему (молодому крестьянину) *выражали презрѣніе* (,) или издѣвались надъ его печальнымъ видомъ, и на всѣ *критики* и упреки, которые дѣлали ему, отвѣчала, и проч.» (Тамъ же, стр. 16). Рѣчь о простомъ крестьянскомъ бытѣ; а тамъ не *выражаютъ* (да и надо было сказать: *чѣмъ?*), но *показываютъ*; не *дѣлаютъ критики* (выраженіе и вообще неправильное), но *оуждаютъ*.

— «Дѣло кончилось тѣмъ, что я снова сталъ *критиковать* ея любимца Жозе́.— «Хуже... отвѣчала Брюлета:— онъ *эгоистъ*. (Тамъ же, стр. 19). И *критиковать* и *эгоистъ* неумѣстны здѣсь по той же причинѣ, какъ выше *критики*. Вмѣсто: *Онъ эгоистъ*, почему не сказать бы: *онъ любитъ только себя?*

— «Какъ надувается и страдаетъ онъ *оттого*, чего другой бы и не замѣтилъ...» (Тамъ же). Вотъ чтò значить нынѣшнее правописание! Вмѣсто: *онъ того*, пишутъ: *оттого*; къ чему же прикажете отнести здѣсь: *чего*, которое, какъ мѣстоименіе, есть часть рѣчи, поставляемая вмѣсто имени предмета? Гдѣ въ нашей фразѣ этотъ предметъ?

— «Вы думаете, что міръ кончается за тѣми голубыми холмами, которые возвышаются у васъ на *небосклонѣ*». (Тамъ же, стр. 47). Деревенскій простолоудинъ, котораго заставляють говорить эти слова, и не слыживалъ о *небосклонѣ*; онъ скажетъ просто: *на небѣ*.

— «На Нижнемъ Рейнѣ стоитъ небольшая деревня, красивая и *чистоплотная*». (Пант., октябрь, Смѣсь, стр. 36). Самый составъ прилагательнаго: *чистоплотный*, изъ *чистый* и *плоть*, показываетъ, что оно должно служить эпитетомъ только тому, кто имѣетъ *тѣло*, а деревня можетъ быть *чистенькая*.

— «Вообще *Невскій Проспектъ* необыкновенное *явленіе изъ всѣхъ городовъ въ мірѣ*». (Свѣ. Пч., 1853, Пчелка, стр. 1003). Какой ни давай смыслъ этой фразѣ, а все приходишь къ чему-то *чудному*. По данному ей обороту выходить, или что Невскій Проспектъ, изъ *улицы*, сдѣлался *городомъ*, или обратился въ *явленіе*, показавшееся *изъ всѣхъ городовъ въ мірѣ*!

— «*Свѣтъ на изнанку*». (Свѣ. Пч. 1854, N 32, Пчелка, стр. 125). Такъ переводить г. Р. З. выраженіе: *le monde renversé*,— и переводъ этотъ, кажется, не совсѣмъ точенъ. *Le monde renversé* значить: *свѣтъ вверхъ дномъ*, свѣтъ, гдѣ все пошло наперекоръ естественному порядку; а *свѣтъ на изнанку* означаетъ *мрачную, печальную, порочную* сторону свѣта, и переводится по-французски: *le monde à l'envers, à revers*. Между тою и другою мыслями есть разница.

— «Владѣть карандашемъ съ необычайною бойкостію и даже *злостію*—*figofo*, какъ выражаются художники». (С.-Петербург. Вѣд. 1853. Фельет., стр. 656). Если художники и выражаются такимъ образомъ, то не хорошо, а лучше бы имъ говорить: съ *увлеченіемъ*. Слово *злость* всегда принимается въ *дурную* сторону.

— «Эта превосходная музыка *до сихъ поръ* не раскуплена *на-расхватъ*». (Свѣ. Пч. 1853, N 283, Пчелка, стр. 1131). *До сихъ поръ* означаетъ некоторую медленность, *продолжительность времени*, а *нарасхватъ*—*быстроту, мгновенность*, а потому два слова эти не могутъ идти вмѣстѣ.

— «Вѣдь Расинъ *для насъ* другъ нашей юности (*для насъ* лишнее), мы *его* (*объ немъ?*) не судимъ, а только любимъ. Наше *удивленіе* (*кому? чему?* въ подлинникѣ сказано ясно: *pour lui*—ему (Расину) есть только любовь, одно изъ тѣхъ мелочныхъ заблужденій, одинъ изъ тѣхъ *предразсудковъ породы*, которые мы всосали съ молокомъ». (Свѣ. Пч. 1854, N 1, Пчелка, стр. 2). *Préjugés de naissance* переведено: *предразсудки породы*—неправильно. Это не *предразсудки породы*,—потому что породъ человеческихъ

много, — а *предразсудки, свойственные всему человеческому роду, врожденные предразсудки, предразсудки, съ которыми мы родимся.*

— «А г-жа Рашель? Мы ее еще не видали, но *впередъ* къ ней благосклонны». (Тамъ же). *Впередъ* есть нарвчїе *мьста*, и означает *передвиженіе*, наприм., *идти впередъ*; а въ нашей фразѣ надо было употребить нарвчїе *времени*: *напередъ*, т.-е., *заранне*.

— «О дневныхъ происшествїяхъ, замѣчательныхъ по двойной добычѣ: *табичной, ромовой и человеческой*». (Пант. 1853, N 11, Смѣсь, стр. 6). Всѣ эти добычи украшены крайне уродливыми, въ настоящемъ случаѣ, эпитетами.

— «Онъ *сказалъ* слѣдующую *мысль*». (Пант. 1853, N 11, Петербургскій Вѣстн.), по-русски *высказать, выразить* мысль.

— «Прибѣгнуть къ волшебнымъ *напиткамъ, внушающимъ любовь*». (Тамъ же, стр. 21). *Напитки*, быть-можетъ, *возбуждаютъ* какую-нибудь *любовь*, но они не *внушаютъ* ее.

— «Въ число особенныхъ и, какъ кажется, *неизбѣжныхъ* неприятностей, которыя надо переносить на пароходахъ, слѣдуетъ помѣстить *слѣпаго скрипача*, безпрестанное *скрипнїе* котораго, присоединяясь къ *толчкамъ* и *качанью желудка*, производятъ неприятный *феноменъ*, столь *обыкновенный* на пароходахъ.» (Тамъ же, стр. 119. Разберите, какъ *излишно* и съ какимъ *умъньшемъ* написана вся эта фраза! Изъ ней выходитъ: 1) Что на *каждомъ* пароходѣ есть *непремьчно слѣпой скрипачъ*? 2) Что скрипятъ *самы скрипачъ*, а не инструментъ его. 3) Что на пароходахъ *пронсходятъ толчки* и *качаніе желудка*. 4) Что *феноменъ*, — явленіе *рѣдкое, необыкновенное*, — есть, въ то же время, явленіе *обыкновенное*. — Хорошъ и языкъ: *непрїятностей* — *непрїятный*; *скрипнїе* — *скрипача*. — Не дурно и соединеніе въ *музыкальномъ* отношеніи, скрипнїя скрипача съ толчками и качаньемъ желудка.

— «*Лица* ихъ, руки и *шеи* *подходили* подъ цвѣтъ *краснаго* дерева. (Тамъ же, Джекъ, стр. 117). А по-русски: ихъ *лице*, руки и *шея* *походили* цвѣтомъ на *красное* дерево.

— «*Тупая* его *понятливость*». (Пант. 1853. N 11, См., стр. 4). *Понятливость* есть способность понимать *ясно, быстро*; въ такомъ *смыслѣ* и говорится: *человѣкъ понятливый*; слѣдовательно, *понятливость* не можетъ быть *тупою*.

— «*Караулилъ* (Рембрандтъ) *каждый эффектъ свѣта*». (Тамъ же, стр. 5). Здѣсь, *караулилъ* — слово не довольно благородное, *подстерегалъ, высматривалъ, ловилъ* — было бы лучше.

— «*Неуклюжія* *загадки*». (Тамъ же, стр. 19). Что за *неуклюжія* *загадки*? *неуклюжий* *человѣкъ* — другое дѣло.

— «*Благодѣліе сдѣлалось главною цѣлью его жизни*». (Тамъ же; стр. 26). Не оказаніе *одного* какого-нибудь *благодѣлія*, а дѣланіе добра *при всякомъ* возможномъ случаѣ, т.-е., *благотворительность*.

— «*Безмятежное спокойствіе съдвинъ не оспынило меня пока-мвствъ своимъ чернымъ неподвижнымъ крыломъ*». (Тамъ же, Петерб. Вѣстн., стр. 44). Чтобы *оспынать*, надо *сдѣлать движеніе*; какъ же *неподвижное* крыло будетъ *оспынать*? Далѣе: не чудно ли, что *св-динны*, какъ извѣстно, *блѣлыя*, *освнняютъ чернымъ крыломъ*? Да и вся эта метафора изысканна, неестественна: что за мысль *привязывать съдинамъ крылья*.

— «*И источала* всѣ мелочныя *вниманія*». (Москвит., 1853, N 22, Берта, стр. 33). Не *источала*, а *расточала*; но можетъ-быть это опечатка; все-же *вниманіе* не употребляется во множественномъ числѣ; скажите: *знаки вниманія*.

— «*Въ нашихъ длинныхъ бесѣдахъ*». (Тамъ же, стр. 36). Не *длинныхъ*, а *долгихъ*, потому что рѣчь о *времени*.

— «*Жофруа! что съ вами сегодня? Вы вѣрно нездоровы?*»

.....

Ничего, отвѣчалъ онъ; рѣшительно ничего. Это одно *воображеніе* нашей милой Берты: ей вѣрно, приснилось, что я боленъ». (Тамъ же, стр. 38). Не *воображеніе*, а *мечта, греза*.

— «*Я ограничусь только однимъ случаемъ, который онъ пов-торялъ чаще прочихъ*». (Пант., 1853, N 11, Пльви у Великая, стр. 90). Человѣкъ этотъ поступилъ такимъ образомъ *одинъ только разъ*; онъ лишь *разсказывалъ* объ этомъ случаѣ чаще, чѣмъ о *прочихъ*, а вовсе не *повторялъ* его.

— «*Человѣкомъ съ зоркою дальновидностію*». (Тамъ же, Смѣсь, стр. 48). Это все равно, что сказать съ *дальною дальновидностію*; потому что *зоркость* и *дальновидность* одно и то же.

— «*Въ апохи бездѣйствія и устатка*». (Пант., 1853, N 11, Пуссень, стр. 3). Слѣва: *устатокъ* нѣтъ, а есть *усталость*.

— «*Нѣсколько эстамповъ съ Рафаэля и Джуліо Романи возбу-дили въ немъ инстинктъ прекраснаго*». (Тамъ же, стр. 7). *Инстинктъ* врожденъ, а потому его *возбудить* нельзя, а можно *пробудить*.

— «*Люди... могутъ сами служить предѣлами*». (Тамъ же, стр. 8). Люди могутъ *полагать* предѣлы, а не сами *быть предѣлами*.

— «*Вся прелесть вечероваго освѣщенія*. (Пант. 1853, N 1, Москов. Вѣстн., стр. 6). Не скажу, чтобы новопридуманное прилагательное имя *вечеровый* было дурно; оно еще и благозвучно; но въ немъ нѣтъ надобности, потому что слово *вечерній* нисколько не

хуже его; да и тогда, пожалуй, будутъ писать и *утровый*, а ужъ это прилагательное рѣшительно дурно.

б) *Г а л л и ц и з м ѣ.*

— «У насъ въ Москвѣ *вопросъ дня*, если можно такъ выразиться, — Рашель». (Пант., 1853, N 10, Москов. Лѣтоп., стр. 3). Нѣтъ, такъ выразиться *нельзя*: *вопросъ дня*—галлицизмъ; а можно сказать: *повсюдный, господствующій* вопросъ.

в) *Иероглифическая фраза.*

— «Когда онъ сидѣлъ, нѣсколько сгорбившись, сутуловатый. — «Какой приземистый толстячек!» сказали бы вы про себя. Но вотъ онъ встаетъ, выпрямляется и стройность, пропорціональность фигуры скрываетъ, *скрадываетъ* его ростъ, во всякомъ случаѣ не изъ высокихъ; *средняя полнота маскируетъ измѣреніе, а гибкость стана уничтожаетъ и эту полноту*». (Пант., 1853, N 11. Обществ. жизнь, стр. 49). *Скрадываетъ* ростъ употреблено здѣсь въ смыслѣ: *прибавляетъ* роста, а значить противное. Но это мимоходомъ; а главное, поймите слѣдующее: «*Средняя полнота маскируетъ измѣреніе, а гибкость стана уничтожаетъ и эту полноту*»??? Фраза *прехудожественная*.

ИВАНЪ ПОКРОВСКІЙ.

Царское село.

30-го «сврала 1854.

18 НОЯБРЯ. ПѢСНЬ БЫВШИХЪ СТУДЕНТОВЪ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ВЪ ЧЕСТЬ Г. АДМИРАЛА ПАВЛА СТЕПАНОВИЧА НАХИМОВА.

Въ ноябрѣ открывши святцы,
Вспомнимъ мы Синопскій бой:
Нашъ Платонъ Степанычъ, братцы,
Братъ Нахимова родной.

Здравствуй, адмиралъ Нахимовъ,
Богатырь и молодецъ!
Дядя! братъ твой незабвенный
Былъ студенческій отецъ!

Мы по немъ тебѣ родные,
Благодарны за него;
Ты напомнилъ всей Россіи
Имя доброе его.

Всякъ изъ насъ и днемъ и на ночь
Васъ въ молитвѣ помянетъ:
Нашъ въ тебѣ Платонъ Степанычъ
Новой славою живетъ.

МИХАИЛО СТАХОВИЧЪ.

Г. Пушкаревъ осмѣлился напечатать въ Сѣверной Пчелѣ, что до назначенія Вилье президентомъ Медико-хирургической академіи въ Россіи, «о преподаваніи медицины какъ науки не было и помину». Заслуженный петербургскій врачъ С. И. Гаевскій подалъ свой голосъ объ этой выходкѣ, и указалъ г. Пушкареву нѣсколько заведеній медицинскихъ, гдѣ медицина, задолго до г. Вилье, преподавалась какъ наука. Но онъ позабылъ о Московскомъ университетѣ, который можетъ выставить изъ прошедшаго столѣтія двадцать ученыхъ знаменитостей для обличенія опрометчивыхъ и легкомысленныхъ возгласовъ г. Пушкарева, оскорбившаго русскую науку.

Москвитянинъ выходитъ двумя книгами въ мѣсяцъ. Январскія и февральскія книги Редакція заблагоразсудила выдать вмѣстѣ, потому что оказалось неудобнымъ раздѣлять нѣкоторыя статьи, а именно: драмы «Макбетъ» и «Братъ и Сестра», изъ коихъ каждая занимала по восьми листовъ. Между тѣмъ Редакція увеличила обыкновенное число листовъ, и подписчики, вмѣсто 30 листовъ въ двухъ книгахъ, получили въ одной около 40. Дѣло очень ясно, но Петербургскія Ведомости не остановились ни мало упрекнуть Редакцію, что вмѣсто двухъ книгъ она выдала одну, и умолчать, что эта одна гораздо больше двухъ. Съ тою же, вѣроятно, цѣлю названы книги Москвитянина тоненькими, хотя ни въ одной не было менѣе 17 листовъ! Все это маневры Отечественныхъ Записокъ, имѣющихъ одну редакцію съ Петербургскими Ведомостями, для которыхъ Москвитянинъ.... Но, но.... замолчимъ пока и подадимъ только добрый совѣтъ петербургскимъ редакціямъ быть осторожнѣе и скромнѣе, чтобъ не случилось имъ прочесть у насъ чего-нибудь слишкомъ горькаго.

О П Е Ч А Т К И.

Въ заграничныхъ извѣстіяхъ, на 42 стр., въ концѣ второй строки пропущена подпись: *М. П.*

На 40 стр., въ 3-й строкъ предъ концемъ должно читать: Чезену, — вмѣсто Тезну.

Печатать позволяется. Москва. Марта 24 дня, 1854 г.

Цензоръ *Д. Ржевскій.*

Въ типографіи *Л. Степановой.*

